

Барбара ВУД

Девы Рая

Барбара
ВУД

Девы Рая

РОМАН

Роман знаменитой американской писательницы Барбары Вуд «Девы рая» — о женщинах. О женщинах Востока, у которых есть, казалось бы, все... Все, кроме свободы. Их никто не держит взаперти, но все поступки мусульманок диктуются исламской традицией, в соответствии с которой женщина лишь тень мужчины. Главные героини романа, сестры Ясмина и Камилла Рашид, осмеливаются самостоятельно выстраивать свою жизнь, прилагая все усилия к тому, чтобы мечты о свободе стали реальностью.

ISBN 5-486-00694-2

9 785486 006944

Барбара
ВУД

Девы Рая

Barbara
WOOD

Virgins of paradise

Барбара
ВУД

Девы Рая

Использование текста и иллюстраций,
в том числе фрагментов, без разрешения правообладателя
запрещается и преследуется по закону.

Вуд, Барбара

В 88 Девы рая/Пер. с англ. С.Д. Тузовой. — М.: ООО
«ТД «Издательство Мир книги», 2006. — 576 с.

Жизнь мусульманского Египта только издали кажется сказкой. Из-за властолюбивых устремлений мужчин женщины вынуждены довольствоваться второстепенными ролями, покорно терпеть все, что им преподносит судьба. Лишь немногие, такие как главные героини сестры Ясмينا и Камилла Рашид, осмеливаются самостоятельно выстраивать свою жизнь, прилагая все усилия к тому, чтобы мечты о свободе стали реальностью.

ББК 84(4 Англ.)

Barbara Wood
Virgins of paradise
© 1993 by Barbara Wood
© Тузова С.Д., перевод, 2006
© ООО «ТД «Издательство
Мир книги», издание на
русском языке, 2006

ISBN 5-486-00694-2

*Посвящается Ахмеду Аббасу Рагаху
с любовью и благодарностью*

Благодарности

Эта книга не появилась бы без помощи определенных людей из Каира — особенно семьи Рагахов: Ахмеда, Абделя Вахаба, Санаа и Фатимы. Благодарю доктора Кхандия Йюсефа за посвящение в проблемы арабского феминизма и прав египетских женщин. Спасибо Самире Азиз за помощь в детальном знакомстве с деревнями вдоль Нила. Благодарю Хомейру Акхавани за то, что она поделилась своим опытом мусульманки, пытающейся приспособиться к жизни в Америке. И особое спасибо «Сахре» — Карили Кент из Риверсайда в Калифорнии, непревзойденной танцовщице в отеле «Средиземноморский» в Каире за то, что она посвятила свое время рассказу о жизни танцовщиц в Египте, за предоставленное разрешение дать с ее слов описание зеффы — свадебной процессии. Я также благодарна Анне Драпер из Риверсайда и своим одноклассницам по восточным танцам за их участие и поддержку; Артемис из Пассифик Гров в Калифорнии и друзьям из Вествуда за их усилия в моих практически невыполнимых просьбах по поиску определенных материалов. И, наконец, эта книга никогда бы не увидела свет без поддержки моего мужа Джорджа.

*«Была там дверь, к которой нет ключа:
Чадра, из-за которой не увидишь;
Случайный разговор между двумя,
Но где же мы теперь — где Ты и Я».*

Омар Хайям, «Рубайат»

*«По справедливости у женщин есть также права,
Но у них есть и обязанности.
И все же статус мужчин доминирует над статусом женщин.
Аллах мудр и всемогущ».*

Коран. II:228

Пролог

Жасмин порывисто сказала таксисту:

— Не могли бы мы проехать сначала по улице Райских Дев?

— Да, госпожа, — сказал арабский таксист, поглядывая на свою клиентку в зеркало заднего вида. Его глаза на мгновение остановились на ее золотистых волосах.

Жасмин удивлялась сама себе. В то время, когда она ехала из Каирского международного аэропорта, и раньше, в течение длинного прямого перелета из Лос-Анджелеса, она обещала себе, что не появится в районе улицы Райских Дев. Она поедет прямо в отель «Нил Хилтон», чтобы выяснить, зачем ее вызвали обратно в Египет, позаботится обо всех делах — и первым же рейсом вернется в Калифорнию. Ужасаясь своей импульсивности, она хотела попросить водителя ехать прямо в отель, сказать, что передумала. Но не смогла. Она, должно быть, боялась ехать на улицу Райских Дев, но еще больше опасалась не попасть туда.

— Замечательная улица, мисс, очень красивая, — сказал он, сигналив в плотном потоке уличного движения в центре старого города.

Жасмин заметила любопытство на его лице: взгляд, который говорил, что туристы редко посещают эту улицу. Роясь в карманах своих голубых джинсов, она села в маленький ав-

томобиль, украшенный яркими восточными кисточками, бумажными цветами и священной книгой Коран, лежащей на бархатной подставке. Она предпочитала джинсы чему-либо еще, надевая их даже в педиатрической клинике и при посещении больных.

— Очень непрофессионально, доктор Ван Керк, — ехидно заметил однажды начальник хирургического отделения.

Пока такси ехало по площади Освобождения, Жасмин наблюдала за пешеходами, толпившимися на тротуарах. Она заметила несколько молодых людей в джинсах и зауженных нейлоновых рубашках и элегантных женщин с современными прическами, в модных юбках и блузках. В толпе мелькали и мужчины в национальных одеждах, и девушки в длинных платьях и паранджах — новой основной одежде мусульман, и простые крестьянки в узких черных малайях, подчеркивающих женское очарование, скрываемое под ними.

Жасмин пыталась разглядеть в толпе ребенка, похожего на девочку, которой она когда-то была: с бледной кожей и светлыми волосами, резвящуюся с друзьями, не знающую о скором будущем, которое стремительно приближалось к ней.

Жасмин прильнула к окну: могла ли такая девочка все еще быть здесь? Если бы она увидела ее, то остановила бы такси и сказала: «Пойдем со мной. Мы уедем далеко отсюда, далеко от опасности и предательства, которые ожидают тебя».

Машина затарахтела, пропуская пешеходов. И вдруг неожиданно Жасмин оказалась на знакомой до боли улице, так что на мгновение у нее перехватило дыхание.

Водитель замедлил ход, пока Жасмин пристально вглядывалась в знакомые деревья и садовые стены.

Казалось, она покинула Египет только вчера. И ее страх нарастал.

Конечно же, она могла выбросить письмо, которое пришло к ней в офис в Лос-Анджелесе несколько дней назад с сообщением: «Доктор Жасмин Ван Керк, не могли бы вы немедленно приехать в Каир? Это срочно. Некоторые вопросы касательно вашего наследства необходимо обсудить». Письмо было от адвоката из Каира. Она запомнила его из детства, когда еще росла на улице Райских Дев. Этот человек был семейным адвокатом; по-видимому, он все еще работал.

— Ты должна ехать, — сказала ее лучшая подруга Рахель, тоже доктор. — Ты не сможешь наладить свою жизнь до тех пор, пока не примиришься со своей семьей. Наверное, это хороший знак, шанс успокоиться.

Жасмин позвонила адвокату, чтобы уточнить детали.

— Прошу прощения, доктор Ван Керк, — сказал он, — но это очень сложно. Вы должны сами приехать.

— Остановитесь, пожалуйста, — сказала она водителю, и такси подъехало к остановке под кроной старых хлопковых деревьев, которые росли позади внушительных каменных стен. Огромный дом стоял, окруженный мирным садом, подобные которому так редко можно было встретить в этом перенаселенном городе. В то время как Жасмин рассматривала розовое трехэтажное строение с резными балконами и деревянными оконными рамами, ее осенило: «Это место, где я родилась. Здесь я сделала свой первый вдох, впервые заплакала, засмеялась. И здесь я была изгнана из семьи, проклята и обречена на смерть».

Она осмотрела дом — каменный памятник египетскому очаровательному вековому прошлому. Эти закрытые окна могут открыться, и появятся знакомые лица, которые она когда-то любила, восхищалась ими... или боялась и ненавидела их, — лица, принадлежащие поколению Рашидов, могущественной аристократической семье. Они были очень богатыми, приходились близкими друзьями королям и двору, были прекрасными и благословенными. Но под всем этим гламуром скрывалось тяжелое бремя безумия, взросления, убийств. Единственный вопрос, который тревожил ее, не давал ей покоя, — жила ли ее семья все еще здесь?

И она вспомнила пришедшие из далекого прошлого слова Амиры: «Женщина может иметь более, чем одного мужа, много братьев и сыновей, но лишь одного отца».

— Водитель, — сказала Жасмин внезапно, очнувшись от воспоминаний о своем отце и об их ужасном последнем дне, проведенном вместе, — отвезите меня в «Нил Хилтон», пожалуйста.

Когда такси свернуло на шоссе, она осознала, что плачет. В аэропорту, выйдя из самолета, Жасмин поняла, что шокирована возвращением обратно, но она так приготовилась и решительно себя настроила, что ни шок, ни какие-либо

другие эмоции и чувства внешне не проявились. Однако сейчас, проезжая по городу своего детства, увидев снова улицу Райских Дев, она почувствовала, что воспоминания начинают одолевать ее.

Каир — после всех этих лет! Несмотря на слезы, Жасмин видела большие изменения. Многие дома аристократов были арендованы бизнесменами. На элегантных фасадах красовались неоновые знаки. Этому городу были присущи стремительный рост, новые конструкции, постоянная суета и огромное количество водителей. Это выглядело так, будто война разрушила целые городские улицы, перестроив весь город. Даже если так, это все еще был ее любимый Каир.

Разграбленный, переживший не одну бомбежку, нищий и грязный, это был город, который выстоял десять веков вторжений, оккупаций, войн, плагиатов, эксцентричных правителей.

Таксист притормозил возле площади Тахрир и теперь, словно находясь в центре цирковой арены, пробивался к конструкции нового туннеля.

Жасмин видела, как жители Каира, привыкшие приспособиваться к новым дорогам, ехали как ни в чем не бывало по своим делам в паранджах или в строгих костюмах, как сидели во двориках кофейни. Когда в конце концов Жасмин увидела «Нил Хилтон», не казавшийся ей больше таким поразительно современным, каким он представлялся ей когда-то, она вспомнила свою собственную свадьбу здесь и захотела узнать, украшал ли все еще бюст Гамалия Насера вестибюль. Здесь же, рядом с офисом «Американ Экспресс», стоял продавец мороженого, к которому она, Камелия, Тахия и Захария ходили в юности. Это был крохотный магазин, где можно было выбрать любой понравившийся вкус, нежный, как ваниль. А еще там был продавец жасмина, нагруженный букетами так, что его не было видно из-за них, и женщину феллахи, расположившуюся на другой стороне и поджаривавшую зерна — ежегодный признак прихода лета.

Жасмин перестала смотреть в окно. Она давно клялась, что не вернется в Каир, но ее тело оказалось здесь для того, чтобы встретиться с адвокатом, господином Абделем Рахманом, чтобы побеспокоиться о своем наследстве, а сердце и душа оставались в Калифорнии.

Когда экипаж остановился перед отелем и швейцар кинулся открывать ей дверь, сказав: «Добро пожаловать в Каир», она заметила, как он смотрел на нее, удивляясь ее светлым волосам так же, как таксист, как люди на таможенном контроле и в багажном отделении в аэропорту. Она вспомнила, что ей надо купить платок, чтобы покрыть голову, и надеть жакет перед выходом из самолета, чтобы прикрыть свои оголенные руки в этой мусульманской стране.

Коридорный пришел за ее багажом, но у Жасмин был только маленький кейс, так как она не собиралась оставаться здесь надолго. Только сутки, если она выдержит их. И, конечно же, она обязательно вернется на улицу Райских Дев.

Войдя в вестибюль, она услышала громкую музыку и восторженные голоса людей. Появилась свадебная процессия, возглавляемая танцовщицами и музыкантами, с друзьями и родственниками, следовавшими за молодоженами и осыпавшими их монетами — на счастье.

Жасмин остановилась, чтобы посмотреть, как проходит мимо невеста в белоснежном свадебном наряде, и на двух маленьких девочек, несущих ее шлейф. И это вызвало сладкие воспоминания о той ночи, когда ее собственная свадебная процессия проходила через этот самый вестибюль, когда отель был совсем новый, а она была так счастлива! Она опустила руку в карман, достала несколько монет и бросила их молодым, шепча:

— Удачи, Мабрук.

У регистрационного стола ее встретили радушно:

— Добро пожаловать в Каир.

— Есть какие-нибудь сообщения для меня? — спросила она симпатичного молодого клерка, одарившего ее очаровательной улыбкой, визитной карточкой всех египтян.

Он проверил почту и сказал:

— Извините, доктор Ван Керк, для вас ничего нет.

Она назвала адвокату время своего приезда и сказала, что остановится в отеле «Нил Хилтон», поэтому предполагала, что он встретит ее в аэропорту.

Когда он там не появился, она была уверена, что найдет его в отеле. Швейцар проводил ее в комнату «с видом на Нил», как она заказывала, и когда она дала ему в качестве чаевых фунтовую банкноту, то поняла по его улыбке, что это очень много.

Жасмин устала и была голодна. Она не спала в самолете и мало ела. Но перед тем как пойти спать, она решила позвонить в Лос-Анджелес и сказать, что благополучно добралась. Как только она коснулась трубки телефона, то услышала стук в дверь.

Открыв дверь, она даже отпрянула от неожиданности.

Там стояла женщина. Ее длинное белое платье, белая паранджа, закрывавшая половину лица, свидетельствовали о том, что она недавно совершила паломничество в Мекку. Она держала кожаную сумку в одной руке и ходила, опираясь на трость. Когда Жасмин увидела темные глаза, наблюдающие за ней из-под паранджи, то почувствовала негодование и волнение. Амира!

Она вспомнила, когда видела эту женщину последний раз, и снова почувствовала гнев и печаль.

Амира сказала по-арабски:

— Мира тебе и милости Бога.

Жасмин вдруг почудились запахи сандала и сирени, мелодия старого фонтана в саду на улице Райских Дев, неземной вкус сахарных абрикосов в жаркие дни. Счастливые воспоминания, которые она подавила печальными.

— Вам того же, — сказала она так, будто обращалась к призраку. — Мира, милости Господа и Его благословения. Пожалуйста, входите.

Когда Амира вошла в комнату и сняла паранджу, Жасмин удивилась: как сильно ее изменили годы. Жасмин изумилась, как плавно и спокойно она ответила Амуре на арабском и как приятно осознавать, что она говорит на нем снова. Амира стояла, пока Жасмин не пригласила ее сесть, а затем заняла кресло, расположившись в нем с грацией женщины, привыкшей давать аудиенции, хотя Жасмин заметила, что ее движения были скованными. В конце концов, ей было восемьдесят лет.

Жасмин присела на край кровати.

— У меня все хорошо, слава богу, — сказала пожилая женщина, когда сняла платок, открыв белоснежно-белые волосы.

— Как ты узнала, что я здесь?

— Это я послала за тобой, Ясмина.

— Как ты нашла меня?

— Я написала Ицхаку Мисрахи в Калифорнии, и он ра-

сузнал твой адрес. Ты хорошо выглядишь, — похвалила Амира дрожащим голосом. — А ты доктор теперь? Это хорошо. Это большая ответственность. — Она протянула руки: — Ты не обнимешь меня?

Но Жасмин была напугана. Эта женщина первой взяла ее на руки при ее рождении. Эти руки, пахнувшие миндалем, были первыми человеческими руками, которые она узнала.

Жасмин посмотрела в ее темные глаза, в которых, казалось, вспыхивал тот же огонь, который однажды она уже видела в сердце черного опала. Но Жасмин не могла обнять ее. Эта женщина обладала ярко выраженными чертами кочевых бедуинов с волевым подбородком, так же, как и все женщины в роду Рашидов, включая саму Жасмин Ван Керк. Настоящее имя Жасмин было Ясмина, а эта женщина была ее бабушкой.

— Мы не должны быть врагами, Ясмина, — сказала Амира, — ты внучка моего сердца, и я люблю тебя.

— Забудь меня, бабушка, я помню нашу последнюю встречу.

— Да, это был печальный день для нас всех. Ясмина, мое дорогое дитя, кое-что случилось со мной, когда я была ребенком. Это заставило меня плакать и плакать, пока, как я думала, я не опустошила себя и почти не умерла. Я не умерла, но осталось воспоминание об этом глубоком страдании. И я поклялась, что не допущу, чтобы кто-то из моих детей познал такую боль. И, хотя Ибрагим был моим сыном и твоим отцом, я не могла вмешаться. По закону человек может делать все, что ему заблагорассудится со своими детьми, он хозяин своего семейства. Но я просила за тебя, Ясмина. И теперь ты вернулась.

— Пожалуйста, бабушка, скажи мне, зачем ты попросила господина Абделя Рахмана вернуть меня? Мой отец умер?

— Нет, Ясмина, твой отец все еще жив. Но ради него я хотела, чтобы ты вернулась домой. Он очень болен, Ясмина, он умирает. Ты нужна ему.

— Итак, он попросил тебя послать за мной?

Амира покачала головой:

— Твой отец не знает, что ты тут. Я боялась, что если скажу ему о том, что написала тебе, а ты не приедешь, то это убьет его.

Жасмин старалась не показывать своих слез:

— Почему он умирает? Чем он болен?

— Эта болезнь не физическая, Ясмина, а душевная. Его душа умирает. Он потерял желание жить.

— Чем я могу помочь ему?

— Твоя вина в том, что он умирает. В тот день, когда ты покинула Египет, твоего отца покинула вера. Он был убежден, что Господь оставил его, и сейчас, лежа на смертном одре, он все еще верит в это. Послушай меня, Ясмина. Ты не можешь допустить, чтобы твой отец умер без веры, иначе Господь на самом деле покинет его и мой сын не попадет в рай.

— Это его вина... — сказала Жасмин дрожащим голосом.

— О, Ясмина, ты думаешь, что знаешь все? Думаешь, ты знаешь, почему твой отец сделал то, что сделал? Знаешь ли ты всю историю своей семьи? Благодаря пророку, мир Ему, тебе не ведома тайна, которую хранит наша семья, тайна, которая является и твоей. Пришло время тебе узнать ее, — Амира подняла кожаную сумку, поставила ее на колени и достала самодельную деревянную шкатулку, украшенную слоновой костью. На ее крышке было написано: «Аллах Всемилоостивейший».

Жасмин молчала.

— Ты помнишь семью Мисрахи, которая жила по соседству с нами на улице Райских Дев? Эта семья уехала из Египта потому, что они евреи. Мариям Мисрахи была моей лучшей подругой. Мы хранили секреты друг друга. Я намерена рассказать тебе наши секреты сейчас — потому что ты мне дороже всех, потому что я хочу, чтобы между тобой и твоим отцом был мир. Я даже расскажу тебе самый большой секрет Мариям. Она уже умерла, поэтому ничего страшного не случится. Затем я поведаю тебе свою страшную тайну, которую не знает даже твой отец. Но сначала ты выслушаешь все, что должна узнать.

Жасмин пристально смотрела на шкатулку. Гардины, которыми она задвинула стеклянную балконную дверь, развевались на утреннем ветру, и вместе с этим ветром начала оживать улица Корниш.

Странная мысль пришла Жасмин в голову: она подумала, что было время, когда не существовало ни этой улицы, ни этого отеля. А стояли здесь тогда британские военные бара-

ки. И когда она наблюдала, как ее бабушка открывает шка-
тулку, выдавая тайны всех поколений гордого рода, Жасмин
вдруг осознала, что она и Амира пускаются в путешествие во
времени.

— Я открою тебе все тайны, Ясмина, — мягко
произнесла Амира. — А ты мне расскажешь свои. — Муд-
рые ясные глаза пристально смотрели на Жасмин. — У те-
бя ведь тоже есть секреты, — сказала Амира. — Да, есть, —
вздохнула она. — Мы обменяемся ими, и, когда Господь
услышит их, я помолюсь, чтобы Он направил тебя на путь
истинный. Первая тайна, Ясмина, появилась еще до твое-
го рождения, когда война в Европе только закончилась и
мир праздновал наступление покоя. Это случилось в теп-
лую ночь, полную надежды. Эта ночь ознаменовала крах
нашей семьи...

Часть I

1945

1

— Посмотрите, принцесса, туда, на небо! Вы видите Пегаса, скачущего в небесах?

Маленькая девочка внимательно вглядывалась в небо, но не могла ничего различить в целом море звезд. Она покачала головой, и ее дружески похлопали по спине. Она продолжала искать в небе Пегаса, когда послышалось что-то, похожее на раскаты отдаленного грома. Вдруг кто-то закричал, и женщина, стоявшая рядом с ней, заплакала:

— Помогите нам, Господь!

И в следующее мгновение свирепые черные силуэты стали спускаться из темноты: гигантские лошади с наездниками, облаченными в черные одежды. Думая, что они спустились с небес, девочка пыталась разглядеть их огромные крылья. А потом все побежали, и женщины, и дети, пытаясь укрыться в палатках, в то время как мечи сверкали, отражая отблески лагерного костра. Крики поднимались к холодному безликому небу.

Девочка прижалась к женщине, они укрылись за большим походным грузовиком.

— Тише, принцесса, — прошептала женщина. — Не издавайте ни звука.

Но тут ребенка грубо вырвали из защищающих его рук. Девочка завизжала.

Амира проснулась. В комнате было темно, весенняя луна разливала серебряный свет над ее постелью. Она села и зажгла ночник, комната озарилась успокаивающим светом. Положив руку на грудь, словно желая унять быстро колотящееся сердце, она подумала: «Опять эти сны». Из-за этого она снова проснулась неотдохнувшей. Ее сны были беспокойными, хотя она не была уверена, происходили ли эти события в реальной жизни. Но когда сновидения возвращались, они потом преследовали ее в течение всего дня, словно на нее накладывали заклятие жить прошлым в настоящем, если это действительно были воспоминания прошлого. Словно два времени шли в параллельном измерении: одно, принадлежащее напуганной девочке, другое — женщине, пытающейся привести в порядок свои мысли.

«Это из-за того, что скоро родится ребенок», — говорила себе Амира, сидя на кровати и пытаясь определить, сколько же она проспала. Стояла странная тишина. Каждый раз, когда рождался ребенок в большом доме на улице Райских Дев, Амиру начинали преследовать сновидения. Пытаясь успокоиться, она прошла в элегантную мраморную ванную комнату, которая когда-то была их общей с мужем Али Рашидом. Прошло уже пять лет, как его не стало. Не зажигая свет, она включила холодную воду и взглянула на себя в зеркало, изучая свое отражение в свете луны. Амира не считала себя красивой, но все вокруг постоянно твердили ей о ее красоте.

— Пообещай мне, что снова выйдешь замуж, — сказал Али на своем смертном ложе, как раз перед началом Второй мировой войны. — Ты еще молода и полна жизни. Выходи за Скураса, ты его любишь.

Амира плеснула себе в лицо пригоршню ледяной воды. Андреас Скурас! Откуда Али мог знать, что она его любит? Она думала, что так умело скрывала свои чувства, что даже лучшая подруга не догадалась бы, как замирает ее сердце каждый раз, когда привлекательный Скурас приходил в их дом. «Выходи за Скураса». Разве это так просто? Но какие чувства питал к ней королевский министр культуры?

Поправив волосы и одежду, Амира прошла через спальню к двери. В лунном свете лицо мужчины с ястребиным носом и усами, казалось, смотрело на нее с фотографии в серебря-

ной рамке на туалетном столике. Она взяла в руки фотографию Али. Она успокаивала женщину, как и всегда, когда что-то тревожило ее.

— Что же значат эти сны, муж сердца моего? — прошептала Амира. Огромный дом, обычно такой живой и шумный, повидавший не одно поколение, был погружен в тишину. Только тихие звуки доносились из спальни невестки, у которой уже начались родовые схватки. — Скажи мне, — вопрошала Амира у фотографии мужа, последнего представителя богатого и процветающего рода, — почему сны повторяются всякий раз, когда должен родиться малыш? Знамения ли эти сны, или они просто порождение моих страхов? О, муж сердца моего, что же случилось со мной в детстве, что заставляет меня вновь и вновь испытывать такой страх, когда в семье снова появляется маленькая жизнь?

Иногда Амуре снилась маленькая девочка, отчаянно и безнадежно плачущий ребенок.

— Это я? — спрашивала она фотографию. — Только ты знаешь тайну моего прошлого, муж сердца моего. Возможно, ты знаешь гораздо больше, только ты никогда ничего не говорил мне. Ты был уже взрослым мужчиной, когда меня привезли в этот дом еще ребенком. Какие же тайны похоронил ты, когда забрал меня из гарема на улице Жемчужного Дерева? И почему я ничего не помню о своей жизни до восьми лет?

Ответа не было. Только в саду шелестели ветви какого-то дерева от дыхания весеннего утра в еще спящем Каире. Она поставила фотографию на место. Даже если Али и знал ответы, он унес их с собой в могилу. Амира Рашид осталась с множеством вопросов о своем неизвестном происхождении. Она даже не знала своего имени, а на вопросы своих детей о ее родительской семье отвечала уклончиво:

— Моя жизнь началась в тот день, когда я вышла замуж за вашего отца, и его семья стала моей семьей.

У нее не было собственных детских воспоминаний, которыми она могла бы поделиться со своими детьми. Зато были сны...

— Госпожа? — голос слышался из-за двери. Амира обернулась к стоящей там служанке, очень пожилой женщине. Служанка работала в этом доме еще до рождения самой Амиры.

— Пора? — спросила Амира.

— Ребенок уже на подходе, госпожа.

Отбросив мысли о своих снах, об Андреасе Скурасе, Амира поспешила вниз, через пустынный холл. Ее тапочки неслышно скользили по мягким коврам, ее отражение мелькало во множестве зеркал в мерцании золотых канделябров, воздух наполнился ароматами воска и лимонного масла.

Ее невестка лежала в окружении многочисленных тетушек и кузин, живших в доме, все они что-то нашептывали, успокаивали роженицу и молились. Старуха Кветта, астролог, тоже сидела здесь, в темном углу комнаты, склонившись над своими картами и приборами. Она готовилась отметить точное время рождения ребенка.

Амира подошла к невестке взглянуть, сколько еще осталось, покачивая головой, словно стараясь забыть недавний сон. Казалось, это был не просто сон: будто лишь несколько минут назад она сидела в песчаной пустыне и смотрела на звезды, а потом ее грубо отняли у того, кто пытался защитить и спрятать ее. Кто была эта женщина в последнем сне? Были ли это любящие руки ее матери? Амира не помнила своей матери. Только воспоминания об этой темной звездной ночи терзали ее. Иногда ей казалось, что она родилась не от женщины, а сошла на землю прямо с этих далеких безликих звезд.

«Но если этот сон из моих воспоминаний, — думала Амира, накладывая холодную мокрую ткань на лоб невестки, — что же случилось потом, когда меня увезли? Убили ли ту женщину? Видела ли я ее смерть? Может, из-за этого прошлое является мне только в снах?»

— Как ты, дочь сердца моего? — обратилась Амира к невестке. У бедняжки начались схватки еще прошлым утром. Амира приготовила ей травяной чай по старинному рецепту, чтобы облегчить родовую боль. Пока невестка пила, Амира осторожно осмотрела женщину и внезапно встревожилась. Что-то было не так.

— Мама... — прошептала молодая женщина, отодвигая чай. Ее глаза блеснули в агонии, как черные жемчужины. — Где Ибрагим? Где мой муж?

— Ибрагим с королем. Он не может прийти. Выпей чаю, он придает сил.

Началась очередная схватка, и женщина закусила губу, чтобы не закричать от боли. Для женщины показать слабость во время родов было все равно, что навести позор на семью.

— Я хочу, чтобы Ибрагим пришел, — прошептала она.

Другие женщины в комнате были одеты в шелковые вуали и дорогие платья, от них пахло роскошными духами, потому что они жили в доме богатого мужчины. Двадцать три человека, женщины и дети, занимали женское крыло особняка Рашида. Им было от одного месяца до восьмидесяти шести лет. Они были все связаны кровными узами с Рашидом, приходясь сестрами, дочерьми или внучками первым женам Али Рашида, основателя клана. Были здесь и вдовы его сыновей, племянников и кузенов. Единственными мужчинами, по праву находящимися в этом крыле, были мальчики до десяти лет. По истечении положенного возраста, в соответствии с мусульманским обычаем, они переходили жить в мужское крыло в другой стороне дома. Амира была главой женского крыла, известного всем еще как гарем покойного Али Рашида. Огромный портрет, висевший над кроватью, изображал хозяина дома в окружении его многочисленных жен, наложниц и детей. Женщины, одетые в дорогие одежды, руки хозяина, отягощенные тяжелыми золотыми кольцами, — Али Рашид Паша, сидящий на стуле, как на троне. Тяжеловесный, могущественный мужчина в дорогой робе и тунике, словно из прошлого столетия; человек, имя которого имело вес даже спустя пять лет после его смерти. Амира была его последней женой. Когда ее выдали замуж, ей было тринадцать, а ему пятьдесят три.

Рот невестки Амиры открылся в беззвучном крике. Амира сменила намокшую от пота подушку на сухую и протерла лоб женщины.

— Да хранит нас Аллах! Именем Аллаха! — прошептала одна из молодых женщин, помогающих принимать роды. Лицо ее было белым, как цветы миндаля, развешанные по комнате. — Что там не так?

Амира снова заглянула под атласную простыню и с удивлением обнаружила, что ребенок был теперь не в нормальном положении, головкой вперед, а как-то исхитрился повернуться боком. Это напомнило Амире похожую ночь — почти тридцать лет назад, когда ее только-только привели в этот дом в качестве невесты. Тогда тоже рожала женщина, одна из старших жен ее нового мужа. Тогда ребенок тоже лежал боком.

И ребенок, и мать, как помнила Амира, умерли.

Чтобы скрыть свою тревогу, Амира прошептала успокаивающие слова невестке, а потом обратилась к другой жен-

щине, кухне, ответственной за отведение злых духов от матери и ребенка. Амира прошептала ей, что им придется попробовать развернуть ребенка в нормальное положение. Ребенок был уже на выходе, и если он застрянет в родовом канале, то они потеряют обоих — и мать, и дитя.

Как и многие другие женщины в доме, кузина была опытной в процессе родовспоможения, но в данном случае она пришла в замешательство и не могла определить, с какой стороны была головка, а с какой ноги.

Амира достала амулет, который раньше лежал среди инструментов для родовспоможения. Он обладал необычной силой, так как был заряжен энергией звезд. Незадолго до родов его выставляли на семь ночей на крышу, чтобы он напитался энергией звездного неба. Амира сжала его в руке, чтобы ощутить эту силу. Голос по радио, передающий ночное чтение Корана, гласил: «И ничто не случится с нами, кроме того, что предопределил нам Бог. Он — наш хранитель. В Аллаха единого да уверуем».

Несложной манипуляцией Амира вернула ребенка в правильное положение, но вскоре после того, как она убрала руку, малыш снова стал поворачиваться на бок в родовом канале.

— Помолитесь за нас! — прошептала одна из женщин.

Увидев выражение ужаса на лицах окружающих, Амира сказала спокойно:

— Господь — пастырь наш. Мы должны возвращать ребенка в нужное положение до самого конца родов.

— Но вдруг это не голова? Что, если мы разворачиваем ребенка ножками вперед?

Амира настойчиво пыталась удерживать ребенка в нужном положении, но он упорно разворачивался. Наконец она решила, что надо делать.

— Приготовьте гашиш, — сказала она.

Новые ароматы наполнили комнату, присоединяясь к запаху абрикосовых цветов и других благовоний. Амира читала абзац из Корана, одновременно осушая руки полотенцем. Она руководствовалась знаниями, полученными от своей свекрови. Мать Али Рашида была целительницей и передала свои знания младшей из жен. Но некоторые знания Амиры уходили корнями еще дальше, к гарему на улице Жемчужного Дерева.

Она наблюдала, как невестка докурила трубку с гашишем и ее взгляд затуманился. Осторожно направляя ребенка одной рукой снаружи, второй она попыталась нащупать младенца внутри.

— Дайте ей еще трубку, — сказала Амира тихо, стараясь определить положение ребенка. Молодая женщина пыталась забыться в дыму гашиша, но боль стала невыносимой. Она отвернулась и громко закричала. Наконец Амира повернулась к одной из женщин и сказала спокойно, но твердо:

— Звоните во дворец. Скажите, что Ибрагим должен приехать. Срочно.

* * *

— Bravo! — закричал король Фарук. Его свита, окружавшая его за столом для игры в рулетку, разразилась поздравлениями. Он выиграл лошадь, его выигрыш составил один к семнадцати.

Но один из свиты, аплодирующей королю, Ибрагим Рашид, сказавший ему: «Попробуйте, Ваше Величество! Удача сегодня на вашей стороне!», вовсе не жаждал развлечений. Когда король не глядел на него, он украдкой посматривал на часы. Было уже поздно, и ему очень хотелось позвонить домой и узнать, как себя чувствовала его беременная жена. Но Ибрагим был не хозяин себе. Он не мог вот так запросто уйти из-за стола, ведь он был личным доктором короля и как члену королевской свиты ему не разрешалось покидать Фарука.

Весь вечер Ибрагим пил шампанское, что вообще он делал редко. Но сегодня он рассчитывал, что спиртное его успокоит. Его жена была беременна первенцем, и он не мог вспомнить за все свои двадцать восемь лет момента, чтобы он нервничал сильнее. Однако, вместо того чтобы развеять его волнения, шампанское, казалось, возымело обратный эффект. С каждым тостом, с каждым поздравлением, выкрикиваемым кем-либо из-за игорного стола, он нервничал все больше. Он спрашивал себя, что он делает в развлекательном заведении, не находя тут ничего развлекательного. Он оглядел королевскую свиту и увидел ораву молодых людей, испытывавших такие же чувства, как и он сам. «Мы как одинаковые, очень похожие друг на друга рабочие пчелки», — подумал он, принимая очередной стакан из рук проходящего мимо официанта.

Все знали, что Фарук подбирал свою свиту из хорошо воспитанных молодых людей приятной внешности. Таковым и был Ибрагим Рашид — с лоснящейся оливковой кожей, карими глазами и темной шевелюрой, лет тридцати, богатый и не слишком утруждающий себя выпускник Лондонского университета, прекрасно владеющий английским, сын каирского аристократа. С нехарактерным для него цинизмом Ибрагим замечал теперь у людей из окружения короля наличие красной метки на лбу — ревностно соблюдаемого знака, подчеркивающего принадлежность к египетской элите. У некоторых метка была прорисована так сильно, что занимала весь лоб, доходя до бровей. «Арабы, которые пытаются не быть арабами, — с горечью подумал Ибрагим, — египтяне, настолько благоговеющие перед английскими джентльменами, что готовы забыть даже родной язык. Ведь арабский стал пригодным только для того, чтобы отдавать распоряжения собственным слугам». И хотя Ибрагим занимал хорошее положение в обществе, это порой его очень угнетало! То, что он был личным доктором короля, отнюдь не возводило этот факт в разряд собственных достижений и не могло являться предметом гордости. Это место было уготовано ему в обществе лишь положением его отца.

Напротив, положение личного врача Фарука имело ряд недостатков. И один из них — необходимость проводить вечера подобным образом, гробить свое время в свете ярких огней под музыку оркестра и приплясывание танцовщиц. В качестве королевского доктора он обязан был пребывать с Его Величеством практически все время, являться по первому зову; даже в его доме на улице Райских Дев телефон стоял у него в спальне, соединяя его напрямую с дворцом. Он работал на этом месте уже пять лет и изучил Фарука лучше, чем кто бы то ни было, лучше, чем даже сама королева Фарида. Помимо всех слухов, большинство из которых были ложными, за исключением лишь того, что у Фарука был маленький пенис и обширная коллекция порнографии, Ибрагим знал еще, что в свои двадцать пять лет Фарук остается, в сущности, малым ребенком. Король обожал мороженое, детские шуточки, комиксы про дядюшку Скруджа, которые регулярно выписывал из Америки. Еще его страстью были фильмы с Катрин Хэпберн и азартные игры. И девственницы лет семнадцати с молочно-белой кожей, подобные тем, которых король заказал на сегодняшнюю ночь.

Толпа вокруг игрального столика уплотнилась, все хотели попасть в поле зрения короля: египетские банкиры, турецкие бизнесмены, британские офицеры в мундирах с иголки и многочисленные представители европейской аристократии, уцелевшие после гитлеровского вторжения. После победного марша Роммеля в Каире город погрузился в атмосферу праздника. В этом ночном клубе не было места злым чувствам даже по отношению к англичанам, хотя все ждали, что они наконец выведут свои войска из Египта по окончании войны.

Когда король выкрикнул: «На соседние!» и разместил фишки на двадцать втором и двадцать шестом номерах, Ибрагим снова украдкой взглянул на часы. Его жена могла начать рожать в любую минуту, и ему так хотелось быть рядом, чтобы успокоить ее.

Но было и еще кое-что, в чем Ибрагим стеснялся признаться даже в своих мыслях: выполнил ли он обещание, данное отцу, — произвести на свет сына. «Это твоя обязанность по отношению ко мне и нашим предкам, — говорил ему Али Рашид на смертном одре. — Ты мой единственный сын. Ответственность полностью ложится на тебя». По словам отца, мужчина, не родивший сыновей, не вправе считать себя мужчиной. Дочери были не в счет, как гласило одно древнее изречение: «Что закрыто паранджой, приносит лишь печаль». Он вспоминал, в каком отчаянии был король Фарук, когда Фарида не смогла родить ему сына. Он даже просил Ибрагима добыть для нее тайные снадобья или афродизиаки. Весь Каир слушал, затаив дыхание, салют в честь рождения ребенка у Фарука. И какое разочарование у всех было, когда орудия дали всего сорок один залп вместо ста одного, положенного при рождении мальчика.

Но больше всего Ибрагим хотел быть сейчас со своей женой, юной девушкой, которую он называл своей «маленькой бабочкой». Король снова выиграл, слышались поздравления из толпы, а Ибрагим, глядя на бокал шампанского, вспомнил тот день, когда он впервые увидел ее. Это было на одном из королевских приемов. Она сопровождала королеву, была в свите с другими очаровательными девушками. Его поразили ее красота и хрупкость. Но он навсегда влюбился в нее, когда ей на нос вдруг села бабочка и девушка вскрикнула. Все столпились вокруг нее, а Ибрагим стал пробираться

через толпу девушек. Добравшись наконец до нее, он увидел, что девушка смеялась. Тогда-то он и решил: «В один прекрасный день эта юная бабочка будет моей!»

Ибрагим прикидывал, как бы незаметно исчезнуть из поля зрения Фарука, когда к нему подошел официант с запиской на золотом подносе:

— Простите, доктор Рашид. Это только что доставили для вас из дворца.

Ибрагим быстро пробежал глазами короткую записку, обменялся десятком слов с королем Фаруком и так быстро покинул клуб, что едва вспомнил о своем пиджаке, наспех наматывая шелковый шарф на шею. Оказавшись за рулем своего «мерседеса», он пожалел, что выпил столько шампанского.

* * *

Остановившись перед своим домом на улице Райских Дев, Ибрагим заглушил двигатель и окинул взглядом трехэтажный особняк девятнадцатого века. Он на мгновение прислушался и вдруг догадался, что означал странный звук, исходящий изнутри. Он пробежал через сад, мигом взлетел по лестнице, миновал огромный холл женской половины и увидел там женщин, рыдающих в голос так, что их было бы хорошо слышно на улице, если бы не обособленность дома.

Он замер, увидев пустой таз рядом с постелью роженицы и голубой рисунок на полу комнаты — чтобы отвести дурной глаз. Его сестра бросилась ему на шею, рыдая:

— Она ушла! Наша сестра покинула нас!

Осторожно отстранясь, Ибрагим подошел к постели, где сидела его мать с новорожденной малюткой на руках. Он увидел слезы в ее темных глазах.

— Что случилось? — спросил он. Ему хотелось, чтобы его голова была свободна сейчас от паров шампанского.

— Бог избавил твою жену от страданий, — сказала Амира, отодвигая одеяльце с личика малютки, — но Он подарил нам это прекрасное дитя. О, Ибрагим, сын сердца моего...

— Она начала рожать? — спросил он, желая, чтобы его рассудок наконец прояснился.

— Вскоре после того, как ты ушел во дворец этим утром.

— И умерла?

— Несколько минут назад. Я звонила во дворец, но было уже поздно.

Наконец он заставил себя взглянуть на кровать. Глаза его юной жены были прикрыты, лицо цвета слоновой кости выглядело умиротворенным, словно она просто спала. Атласное покрывало было натянуто до подбородка: прятало следы страшной борьбы между жизнью и смертью, в которой она потерпела поражение. Ибрагим опустил на колени, уткнувшись лицом в покрывало, и проговорил мягко:

— Именем Бога, Творца Всемилостного. Бог наш Аллах един, и Магомед — пророк Его.

Амира положила руку на голову сына:

— Такова воля Господа. Она теперь в раю.

Она говорила на арабском, языке дома Рашидов.

— Как же я переживу это, мама? — прошептал Ибрагим. — Она покинула меня, а я не знал даже, что она уходит. — Он поднял лицо, мокрое от слез. — Мне следовало быть здесь. Я мог бы ее спасти.

— Только Бог может спасти. Помни это, сын мой. Твоя жена была правоверной мусульманкой, а правоверным обещано предстать перед лицом Господа. Пойди, взгляни на свою дочурку. Она родилась под звездой Вега в восьмом лунном доме. Астролог уверяет, что это хороший знак.

— Дочь? — прошептал он. — Что же это, Бог дважды проклял меня?

— Бог не проклинал тебя, — сказала Амира, касаясь лица сына, вспоминая, как они росли вместе: она — тринадцатилетняя девочка, и он — малыш в ее утробе. — Разве не Бог, не Всевышний создал твою жену? Разве нет у Всевышнего права призвать ее к себе, когда Он того пожелает? Бог не делает ничего несправедливого, сын мой. Прочитай же молитву. Бог един.

Его голос звучал совсем слабо, когда он наклонил голову и сказал:

— Бог един. О, Аллах! С Тобою вера моя.

Он встал, оправляясь от смущения, и, бросив последний беглый взгляд на постель жены, поспешил покинуть комнату. Через минуту он был в машине, мчался на бешеной скорости по направлению к Нилу. Он переехал мост и уже пересекал поля, ехал по грязной кромке плантации сахарного тростника. Казалось, огромная весенняя луна смеется над ним, а ветер нарочно заносит песок в машину. Он ехал в неизвестном направлении, ослепленный горем и гневом.

Неожиданно Ибрагим потерял управление, и машина съехала в канаву, рассекая заросли тростника. Он вышел из автомобиля. Его голова была тяжелой от выпитого шампанского и от последствий пережитого шока. Пройдя немного, он разглядел окрестности: неподалеку виднелась деревня. Мгновение он постоял, глядя в ночное небо. А потом с горькими рыданиями поднял вверх кулак и проклинал Бога. И так он проклинал Его снова и снова.

2

Пришел рассвет, скупой и бледный. Ибрагим открыл глаза и увидел солнце, просвечивающее сквозь дымку. Он лежал тихо, силясь сосредоточиться и вспомнить, где находится. Все его тело болело, глаза резало, дико хотелось пить. Когда он попробовал пошевелиться, то обнаружил, что сидит в своей машине, на углу плантации зеленого сахарного тростника.

Что же произошло? Как он оказался здесь? И где именно он был?

И вдруг он все вспомнил: веселье в казино, поздняя дорога домой, мертвая жена на постели, отчаянная езда в ночи, вышедшая из-под контроля машина...

Ибрагим застонал.

«Аллах! — думал он. — Я проклинал Аллаха!»

Он толкнул дверцу машины и упал на сырую землю. Он не помнил, что произошло после его злого проклятия. Вероятно, он как-то забрался на переднее сиденье машины и уснул. А теперь его так тошнило и так хотелось пить, что казалось, он бы выпил целый Нил. После того как его вырвало, он обнаружил, что был все еще в смокинге и белом шарфе, словно только что вышел из казино подышать свежим воздухом. Он не помнил, чтобы когда-нибудь в жизни так напивался. Он опозорил свою покойную жену, свою мать, своего отца.

Утренняя дымка понемногу рассеивалась. Широкое голубое небо распростерлось над ним, и он словно почувствовал присутствие своего отца, Али Рашида, смотрящего на него с небес. Его густые брови были нахмурены, выражая неодобрение. Ибрагим знал, что его отец редко употреблял алкоголь, и уж тем более никогда он не доходил до состоя-

ния, когда его бы вырвало. Практически все двадцать восемь лет своей жизни Ибрагим прожил так, чтобы удовлетворять отца, соответствовать его высоким ожиданиям.

— Ты будешь учиться в Англии, — сказал Али своему сыну, и Ибрагим отправился учиться в Оксфорд.

— Ты станешь врачом, — распорядился отец, и сын снова послушался.

— Ты займешь пост личного доктора короля, — сообщил Али, который уже был к тому времени министром здравоохранения, и Ибрагим вошел в королевское приближение. И, наконец: — Ты продолжишь почетные традиции нашей семьи и произведешь на свет много внуков.

Но все его попытки заслужить расположение своего отца, казалось, рухнули в одно это постыдное мгновение.

Ибрагим опустил на колени на землю и стал просить Аллаха о прощении за свою слабость. За то, что накричал на свою мать Амиру, не помолился над телом усопшей жены, уехал в это неизвестное место и проклял Всевышнего. Но Ибрагим не находил мира в своей душе даже после молитвы. Когда он снова пытался молиться, в голове его вновь возникал образ отца, обвинявшего его. «Неужели все сыновья, — думал Ибрагим, — видят своего отца, когда пытаются представить себе Всевышнего?»

Когда Ибрагим вновь посмотрел по направлению Нила — его отчаянно мучила жажда, — он опять услышал голос своего отца, словно исходивший из гуши сахарного тростника:

— Дочь! Ты не смог справиться даже с тем, что может обычный крестьянин!

Ибрагиму хотелось закричать Господу: «Разве не старался я зачать сына? Разве не обрадовался до безумия, когда моя чудесная бабочка сказала мне, что беременна? И разве не было моей первой мыслью: вот то в жизни, что я получил не от отца, но сотворил сам!»

И его рвало снова и снова. Когда он выпрямился и глубоко вдохнул, в голове его немного прояснилось. И с неожиданной ясностью он осознал причину своего гнева, поразившую его до глубины души. «Ведь это не мысль о ее смерти сводит меня с ума. Это тот факт, что я не смог доказать отцу, что я чего-то стою!»

Ибрагиму хотелось заплакать, но, как молитва о прощении не шла из его души, так и слезы не появлялись.

Он облокотился о машину, удивляясь, как сильно увязла она в грязи. Как же он ее вытащит? Нет ли деревни тут поблизости? Вдруг он увидел фигуру, стоящую всего в нескольких метрах и внимательно всматривающуюся в него. Он был готов поклясться, что ее не было здесь еще мгновение назад. Она словно выросла из-под земли, темная, как и сама земля. Босоногая, в длинном грязном платье, с глиняным кувшином на голове.

Он уставился на нее, сообразив, что это феллаха, крестьянская девочка лет двенадцати-тринадцати, с огромными глазами, полными скорее невинного любопытства, чем страха и озабоченности. Его взгляд остановился на узкогорлом кувшине для воды.

— Мир тебе, и да благословит тебя Аллах, — проговорил он хриплым голосом, едва расслышав сам, что сказал. — Не дашь ли ты напиться заблудшему страннику?

К его удивлению, она подошла поближе, опустила кувшин с головы и наклонилась к нему. Когда он зачерпывал пригоршни прохладной речной воды, то вспомнил немногочисленные посещения хлопковых плантаций своего отца в дельте Нила. Какими робкими выглядели крестьяне, работавшие на него, как разбегались девочки, заведя приближение хозяина!

Боже, эта вода была словно прекрасным даром с небес! Он сложил ладони и плеснул несколько пригоршней на лицо и голову, а потом снова начал пить.

— Я словно попробовал самого дорогого вина в своей жизни, — сказал он, проводя рукой по мокрым волосам. — Спасибо, детка, ты спасла мне жизнь.

Когда он увидел, что девочка смутилась, то понял, что говорил на английском. Он почувствовал, что непроизвольно улыбается, словно уже смеется над своим горем.

— Друзья считают меня счастливым, — продолжал он все так же по-английски, омывая руки и снова плеская пригоршню воды в лицо. — Поскольку у меня нет братьев, я целиком унаследовал благосостояние отца, которое, поверь мне, отнюдь не маленькое. Ну, у меня, конечно, были до этого братья. У моего отца было еще несколько жен, прежде чем он женился на моей матери Амире. Эти жены подарили ему трех сыновей и четверых дочерей. Но двое сыновей и дочь умерли от эпидемии гриппа еще до войны. Мой младший брат погиб на войне, а одна из сестер умерла от рака. А две другие старшие

сестры живут со мною на улице Райских Дев, потому что так и не вышли замуж. Так что я теперь — единственный сын у отца, а это большая ответственность.

Ибрагим вновь посмотрел на небо, опасаясь снова увидеть лицо своего отца. Но небо сияло голубизной, и он с удовольствием вдыхал свежий утренний воздух, а его сердце сжималось в груди от боли и слез. Она умерла! Его маленькой бабочки больше нет. Он снова вытянул руки, и девочка плеснула ему пригоршню воды. Он протер глаза и опять провел по мокрым волосам.

С минуту он рассматривал девочку. Она была даже хорошенькой, но он знал, что тяжелая жизнь крестьян на Ниле к тридцати годам превратит ее в старуху.

— Итак, у меня родилась дочь, — продолжал он, пытаясь задавить новую волну подступающего отчаяния. — Отец бы назвал это провалом и неудачей. Он считает, что дочери рождаются, как оскорбление мужества. Когда мы росли, он на моих сестер и вовсе внимания не обращал. Одна из них живет сейчас в моем доме. Она молодая вдова с двумя маленькими детьми. Я думаю, отец даже не разу не обнял ее, пока она росла. Но я думаю, что дочери красивы. Маленькие девочки иногда очень похожи на своих матерей.

Его голос оборвался.

— Я и сам не знаю, что говорю, — сказал он мягко девочке. — Боюсь, даже если бы я говорил по-арабски, ты бы меня все равно не поняла. Твоя жизнь проста, ты уже хорошо представляешь ее себе. Ты выйдешь замуж за человека, которого выберут тебе родители, у тебя будут дети, потом ты состаришься и, возможно, проживешь довольно долго и станешь уважаемой в своей деревне.

Ибрагим закрыл лицо руками и горько заплакал. Девочка терпеливо ждала, стоя с пустым кувшином в руках. Наконец Ибрагим собрался с мыслями. Возможно, с помощью этой девчушки ему удастся вытащить машину из грязи. Он заговорил на арабском, объясняя ей, как надо толкать, когда он подаст сигнал.

Когда машина снова оказалась на твердой почве, а мотор работал мягко, словно приглашая его ехать домой, Ибрагим грустно улыбнулся девочке и сказал:

— Господь наградит тебя за твою доброту. А я тоже хочу тебе кое-что дать.

Но, когда он полез в карманы, денег там не оказалось. А потом он увидел, что девочка завороченно смотрит на его белый шелковый шарф, который все еще болтался у него на шее. Он снял шарф и протянул ей.

— Аллах даст тебе долгую жизнь, доброго мужа и много детей, — сказал он со слезами на глазах.

Когда его машина исчезла из виду, тринадцатилетняя Сахра сорвалась с места и побежала к деревне, забыв, что ее кувшин для воды пуст. Она думала только о полученном подарке — длинном куске белоснежного шелка, мягкого, как вода, скользящего в ее пальцах. Она не могла дождаться, когда разыщет Абду, чтобы рассказать о своей чудесной встрече с незнакомцем и показать ему шарф. Потом она расскажет своей матери, а потом и всей деревне. Но сперва Абду, потому что каким-то образом незнакомец очень сильно был похож на ее любимого.

Пробираясь по узким дорожкам своей деревни, где женщины уже встали и готовили завтрак, наполняя воздух аппетитными ароматами, Сахра размышляла о том, как ей повезло. Большинство молодых людей не знали, какой у них будет жених или невеста, — они видели их впервые в день свадьбы. Жизнь многих девушек была несчастной, они молча терпели побои и унижения, потому что жалобы жены наводили позор на семью. Но Сахра знала, что она никогда не будет несчастной, потому что выйдет замуж за Абду, который так хорошо и искренне смеялся, сочинял стихи. Рядом с ним у нее появлялось удивительное чувство, особенно когда она смотрела в его глаза, зеленые, как Нил. Они знали друг друга с детства, он был на четыре года старше. Но лишь во время прошлого урожая он увиделся Сахре в новом свете. И Абду теперь смотрел на нее совсем иначе. И все деревня решила, что Абду и Сахра обязательно пожениются. В конце концов они были двоюродными братом и сестрой.

Разыскивая Абду, Сахра вышла на маленькую деревенскую площадь, где крестьяне выставляли свой товар на продажу. Абду иногда помогал таскать зерно. Мимо прошла группа женщин, смеясь и обсуждая последние сплетни. Свободные черные кафтаны поверх их платьев показывали, что они замужем. Сахра с удивлением заметила свою сестру среди них. Пока Сахра наблюдала за сестрой, выбирающей лук, она осознала, что сестра каким-то странным образом пере-

менилась. Еще вчера она была девочкой, как и Сахра, но этим утром уже стала женщиной. Прошлым вечером ее выдали замуж, Сахра присутствовала при прохождении ею обряда лишения невинности.

— Самый важный момент в жизни девушки, — говорила мать Сахры. Настолько важный, что на празднество собралась вся деревня. «Но что же на самом деле означала эта потеря невинности?» — задавалась вопросом Сахра, глядя на свою сестру. Когда женщины склонились над постелью невесты, подняв ей платье и раздвинув ноги, Сахра вспомнила ночь, когда с ней проделали нечто подобное. Тогда ей было всего шесть лет. Она спала в своем уголке, когда две тети без предупреждения подняли ее галабею, а мать придержала ее сзади. Прежде, чем Сахра успела издать хоть звук, появилась местная повитуха с бритвой в руках. Одно легкое движение, и Сахра испытала жгучую боль, пронзившую все ее тело. Потом, лежа на кровати с подтянутыми к подбородку ногами, она боялась даже пошевелиться, не то что помочиться. Тогда ей объяснили, что только что она прошла обряд обрезания, через который проходили все девочки. Через него проходила ее мать, и мать ее матери, и все женщины со времен Евы. Мать деликатно объяснила Сахре, что «нечистая» часть ее плоти была отсечена, чтобы охладить ее сексуальное влечение и сделать верной мужу. Без такой операции девочке нельзя было и надеяться впоследствии выйти замуж.

Но прошлой ночью на обряде лишения невинности ее сестры не было повитухи с бритвой. Молодой муж ее сестры исполнил свой долг с помощью белого платка, обернутого вокруг пальца. При этом присутствовали все члены семей новобрачных и некоторые гости. Невеста вскрикнула, и молодой муж отскочил с окровавленным платком. Все принялись поздравлять семью невесты, женщины традиционно защелкали языками. Невеста оказалась девственницей, честь семьи была сохранена. А уже сегодня утром сестра Сахры каким-то загадочным образом превратилась в женщину.

Сахра подошла к кофейне, заглядывая туда в надежде найти Абду, который часто помогал шейху Хамиду накрывать на столы. Пожилые жители деревни уже сидели здесь, набивая себе трубки и разливая чай. Высматривая своего возлюбленного, она слышала скрипучий голос шейха Хамиды, рассуждающего о войне и о том, как богачи в Каире пра-

здновали ее окончание. Но большинству крестьян, по словам шейха, было нечего праздновать, для них ничего не изменилось. Он понизил голос, начав говорить на опасную тему: о Братстве мусульман — секретном обществе, в которое входили около миллиона мужчин, решивших низвергнуть правящий класс пашей, насчитывавший по меньшей мере пять сотен человек.

— Мы богатейшая страна на Ближнем Востоке, — разглагольствовал шейх Хамид, который умел читать и писать и являлся обладателем единственного радио в деревне. Все смотрели на него с большим уважением, словно на единственный источник новостей. — Но как же распределено богатство? Паши, составляющие менее полпроцента от всего населения страны, являются владельцами более трети земель!

Сахре не нравился шейх Хамид. Он был не только слишком старым, но и изрядным грязнулей. Несмотря на то что он был образованным и заслужил почетный титул шейха, его галабей была изношенной и грязной, его длинная белая борода — спутанной и перепачканной кофе и табаком, у него были отвратительные привычки. Он женился четыре раза и всякий раз оставался вдовцом, потому что, как поговаривали деревенские женщины, просто урабатывал своих жен до смерти. Сахре не нравилось, как он всякий раз начинал глазеть на ее грудь в последнее время, когда она заходила в магазин.

Вдруг вспомнив о шарфе, который подарил ей богатый человек, она спрятала его в складках платья. Этот незнакомец, конечно, был пашой, землевладельцем, против которых только что выступал шейх Хамид.

Наконец она увидела Абду и, разглядывая его широкие плечи под галабеей и вслушиваясь в его смех, представляла, какой будет их первая брачная ночь. «Причинит ли он мне боль?» — думала она, вспоминая, как вскрикнула ее сестра, когда проходила обряд лишения невинности. Сахра знала, что обряд надо пройти, чтобы доказать честь своей семьи, состоящей в целомудрии дочери. Она вспомнила о девушке из соседней деревни, которую недавно нашли мертвой посреди поля. Ее изнасиловал местный парень, и ее семья была обесчещена. Ее отец и дяди убили ее, и это считалось законным. Как говорилось в Писании: «Только кровь смывает бесчестье».

Сахра сделала знак Абду и заторопилась прочь, прежде чем другие мужчины заметили ее. Она зашла в стойло за ма-

леньким домом, где жила со своими родителями, и проскользнула в маленькое помещение, состоявшее из четырех стен под бамбуковой крышей, крепящейся на пальмовых бревнах с глиняными опорами. В очень жаркие дни здесь укрывалась и их корова, постоянно чавкающая своей жвачкой, и Сахра тогда сидела рядом с ней. Это было любимое место Сахры, и теперь она пришла сюда, чтобы успокоиться после встречи с незнакомцем и рассмотреть получше белый шарф, ощутить пальцами его мягкость.

Когда она уселась на солому, то заметила, что солнце стоит уже высоко, принеся новый день в деревню. Она знала, что ей надо пойти и вновь наполнить кувшин, но ей хотелось побыть одной хотя бы несколько минут вместе со своими чудесными воспоминаниями. Богатый человек сказал, что Аллах вознаградит ее! Она надеялась, что Абду заметил ее, когда она поманила его с улицы, — ей так не терпелось рассказать ему о своем маленьком приключении. С тех пор как он начал работать на полях со своим отцом, а Сахра была все больше привязана к домашнему хозяйству, ее детство, казалось, закончилось. Им уже не разрешалось играть вместе, каждый находился в своем маленьком обществе мужчин или женщин, и у них выдавалось мало моментов, которые они проводили вместе. Детьми они свободно бродили вместе по берегу реки; катаясь на ослике, Сахра своими маленькими ручонками обхватывала Абду. Но с юностью эта свобода закончилась. Приход менструации означал для Сахры длинные платья, чадру и скромное поведение. Нельзя было больше бегать свободно, чтобы на виду не оказались ее лодыжки. После стольких лет свободы такие резкие запреты казались ей просто невыносимыми, особенно когда их семьи собирались на семейные празднества и они с Абду вынуждены были держаться порознь.

«Почему же родители так боятся за свою дочь? — думала Сахра. — Почему мама теперь так внимательно разглядывает меня и все время спрашивает, где я была?» Почему ей теперь нельзя ходить одной за хлебом или за рыбой? Почему отец за обедом смотрел на нее с таким негодованием, когда они поглощали хлеб и бобы, а она даже не понимала, что может обозначать эта свирепость в его взгляде. Какой же вред был в разговорах с Абду и сидением с ним возле реки, как они делали в детстве?

«Что мне делать с теми странными чувствами, которые я испытала недавно?» Это было похоже на всеобъемлющий голод, который не давал ей покоя. Когда она стирала одежду на реке или отмывала кастрюли, раскладывала на крышу солому на просушку, она могла забыть о деле и начать мечтать об Абду. Обычно она получала резкий окрик от своей матери, но бывало, что мать и не злилась, а лишь вздыхала и качала головой.

Наконец Абду пришел в стойло, и Сахра подскочила, повинуясь первому желанию подбежать и броситься ему на шею, крепко обнять его. Но потом она робко отступила назад, так же, как и он. Мальчикам и девочкам запрещалось прикасаться друг к другу, им не разрешалось на самом деле даже разговаривать наедине, разве что на семейных собраниях. Скромность заменила их игры, послушание — свободу. Но вокруг ничего не изменилось, несмотря на то что предписывали правила. Сахра наблюдала, как солнечный свет проходил сквозь щели в стенах стойла, слышала жужжание насекомых, ощущала запах коровы. Она смотрела в зеленые глаза Абду и думала: «Почему еще вчера мы играли в салочки и дотрагивались друг до друга, а теперь стоим так вежливо, как незнакомцы?»

— Я сочинил новое стихотворение, — сказал Абду. — Ты хочешь его послушать?

Поскольку он был неграмотным, как и большинство людей в деревне, то не мог записать свое стихотворение. Каждое четверостишие, которое он сочинял, он хранил в памяти, и с годами он сочинил их десятки, к которым потом добавилось и его последнее:

Мои губы пить жаждут из чаши твоей,
А сердце вкушать твою прелесть.
Но погибнуть вдали от тебя суждено,
Как в пустыне потерянной газели.

Подумав, что стихотворение было посвящено ей, Сахра потеряла дар речи. Она даже не смогла сказать: «О, Абду, ты богаче и красивее любого паши на свете!» Когда они пошли за водой к Нилу, она рассказала ему о незнакомце возле канала и показала белоснежный шарф, который тот ей подарил.

Странно, но Абду особо не заинтересовала ее история. Вероятно, у него было много других мыслей, которыми он не хотел делиться с Сахрой, считая, что она все равно его не поймет. Он надеялся, что его стихотворение поможет ей понять,

что было у него на сердце, его глубокую любовь к Египту, но по ее восторженному взгляду он понял, что Сахра не уловила смысла. Абду испытывал странное чувство нехватки чего-то, после того как в их деревню приходил человек из Братства мусульман. Он со своими друзьями слушал страстные речи о необходимости вернуть в Египет веру, наставить людей на путь, указанный Аллахом, чтобы спасти души молодежи. После этого они с друзьями сидели допоздна, обсуждая, как они, подобно ослам, работают на земле богачей, так же, как до этого горбатились на британских лордов.

— Что же, мы не люди из-за того, что простые феллахи? Что же, у нас нет души? Мы не отмечены именем Господа?

И вдруг мир увиделся им значительно шире, чем их маленькая деревушка и часть реки, и Абду понял, что у него совсем иное истинное предназначение.

Но Абду держал свои мысли при себе, провожая Сахру до дома родителей. Перед домом они остановились, обмениваясь молча только влюбленными взглядами. Переполненный любовью к ней, он снова боролся с собой, не в силах принять решение: остаться с ней, мирно жить и растить детей — или поддаться зову души и пойти в Братство мусульман, чтобы служить Аллаху и Египту. Но Сахра была такой милой, особенно сейчас, в свете солнца. Ее круглое личико, очаровательный подбородок, ее так неожиданно быстро созревшее тело, широкие бедра... Абду боролся с желанием поцеловать ее.

— Да пребудет с тобой Господь, — прошептал он. И он оставил ее здесь, в лучах золотого солнца. Сахра заспешила внутрь, ей хотелось поскорее обо всем рассказать матери. Она уже решила, что шарф подарит матери, у которой в жизни не было ничего замечательного, хотя Сахра часто замечала, как ее мама замороженно разглядывает дорогие материалы на рынке. Она боялась, что ее начнут ругать за то, что она так долго ходила за водой к реке, так что заранее придумала, что разыскивала заблудившуюся козу. Но, к ее удивлению, мать встретила ее радостно.

— У меня чудная новость! — сказала она. — Благодаря Господу, меньше чем через месяц ты станешь женой! И твой жених намного лучше, чем у твоей сестры, про которого все говорили, что он лучший жених в деревне за последние годы.

Сахра замерла от радости: значит, ее мать говорила с родителями Абду! Наконец-то они договорились о дне свадьбы!

— Слава Аллаху, шейх Хамид просит твоей руки, — проговорила ее мать. — Ты счастливейшая девушка во всей деревне.

Красивый белый шарф выскользнул из пальцев Сахры.

3

— Что тревожит тебя, Амира? — спросила Мариям, наблюдая, как подруга укладывает в корзину листья розмарина. Амира выпрямилась и сбросила вуаль, подставив солнцу роскошные черные волосы. И хотя она собирала травы в своем саду, все же она была одета для приема посетителей. Дорогая шелковая блузка и черная юбка указывали на траур по ее уважаемому мужу Али и недавно покинувшей этот мир юной невестке. Но, как и обычно, все было пошито по последней моде в Париже или Лондоне. Амира также тратила немало времени на уход за своим лицом: брови аккуратно выщипаны, макияж наложен на египетский манер — глаза подведены угольно-черным карандашом, темно-красная помада на губах. Черный шарф был наброшен на плечи: если бы появился посетитель-мужчина, она бы прикрыла нижнюю часть лица и правую руку, прежде чем приветствовать его рукопожатием.

— Я беспокоюсь о сыне, — наконец произнесла она, добавляя бутоны в корзину. — Он странно ведет себя после похорон.

— Ибрагим скорбит о жене, — сказала Мариям. — Она была такой молодой, такой прекрасной. И он так сильно любил ее. Прошло всего две недели, ему нужно время, чтобы прийти в себя.

— Надеюсь, ты права.

Они находились в собственном саду Амиры. Много лет назад его посадила мать Али Рашида. Она устроили его так, как описан в Библии сад царя Соломона, наполнив его камфарой, валерианой и шафраном, аиром тростниковым, миррой и алоэ. Она добавила еще несколько чужеземных целебных растений: кассию, фенхель, окопник, ромашку. Из них она готовила свои медицинские отвары, сиропы, эликсиры, мази.

Было время сиесты, когда все магазины и конторы в Каире закрываются. Обычно это время, когда Амира принимает посетителей и когда Мариям Мисрахи, которая живет в

соседнем большом доме, навещает ее. Выше ростом, чем Амира, Мариям не прятала своих рыжих волос под шарфом, а ярко-желтый сарафан привлекал внимание щебечущих птичек.

— Ибрагим оправится, — сказала она и добавила: — милостью Господа.

Она произнесла это на иврите, потому что Мариям, чья фамилия на арабском означала «египтянка», была еврейкой.

— Но тебя беспокоит что-то еще. Я слишком давно знаю тебя, чтобы понять, что ты неспокойна.

Амира отогнала пчелу от лица.

— Мне бы не хотелось тебя этим нагружать.

— С каких это пор ты перестала делиться со мной своими горестями и радостями? Мы помогли друг другу произвести детей на свет, Амира, мы — сестры.

Амира подхватила корзину с душистыми травами и бутонами цветов и взглянула в сторону ворот в ограде: они, как всегда, были открыты для гостей. Нога Амиры не ступала за пределы дома с тех пор, как Али привел ее невестой, и всем, кто хотел ее повидать, надо было идти к ней, в дом на улице Райских Дев. И таких было немало. Много лет назад Мариям, жалея молодую женщину, которую старомодный муж держал взаперти, познакомила ее со своими друзьями. С годами знакомства расширились благодаря ее славе искусной целительницы, владеющей древними рецептами. Редкий полдень обходился без посетителей.

— От тебя у меня нет секретов, — произнесла Амира с улыбкой, пока они шли по дорожке. За улыбкой она пыталась скрыть неуверенность — Мариям знала все ее тайны, кроме одной: подруге не было известно о гареме на улице Жемчужного Дерева. — Я плохо сплю, сны не дают мне покоя.

— Сны о всадниках в пустынном лагере, о наездниках? Этот сон появляется каждый раз, как в этом доме рождается новый ребенок, Амира.

Но Амира отрицательно покачала головой.

— Нет, я говорю о другом, такого сна я еще не видела, — она остановилась и взглянула на подругу. — Мне снится Андреас Скурас, министр культуры.

Мариям одарила ее встревоженным взглядом, рассмеялась и взяла подругу под руку, когда они вошли в тень старых деревьев. Али Рашид Паша засадил свой сад лимонами, апельси-

нами, лаймом, мандаринами, казуариями и тенистыми платанами, фигами, оливами, гранатами. Струи фонтана дарили влагу цветникам с благоухающими лилиями, маками и папирусами; слова Омара Хайяма украшали деревянную стелу в ярко освещенном углу, лозы винограда обвивали стены.

— Господин Андреас Скурас! — восхитилась Мариям. — Если бы я не была замужем, я бы сама мечтала о нем. Почему тебя это беспокоит? Ты уже давно вдовствуешь. Ведь Али ясно выразил свое желание, чтобы ты еще раз вышла замуж. Ты молода, у тебя могут быть дети. Господин Скурас! Что за отличная перспектива!

Амира не могла точно сформулировать, почему думы о привлекательном министре могут ее расстраивать. Если бы ее спросили, она бы ответила, что вряд ли стоит ожидать, что мужчина женится на особе, которая не знала ни своей семьи, ни где она родилась, ни кто ее предки. Но, заглянув в глубину своего сердца, она могла бы найти и темную сторону своего беспокойства в новых мечтах о счастье — это было смутное чувство вины, которое тревожило ее, вины из-за того, что ее чувство к Андреасу возникло еще при жизни мужа.

— А как он к тебе относится?

— Да никак. Я просто вдова его друга. С тех пор как не стало Али, пусть земля будет ему пухом, я видела господина Скураса всего четыре раза. Последний раз — две недели назад, на похоронах жены моего сына, упокой Господь ее душу. Перед этим на свадьбе Ибрагима и перед этим — у Нефиссы. Ну, и на похоронах Али. Четыре раза за пять лет. Не так уж и много для мужчины, который мог бы питать ко мне какие-то чувства.

— А может быть, он просто с почтением относится к твоему вдовству. Я видела его пару недель назад и заметила, что он обращает на тебя особенное внимание, Амира.

— Я только что потеряла невестку.

— Упокой Аллах ее душу. Но Скурас не спускал с тебя глаз.

Амира почувствовала, как ее сердце заколотилось, и чувство вины с новой силой нахлынуло на нее. Как могла она думать о романе, когда ее невестка совсем недавно покинула этот мир, ее сын горюет дни и ночи, малышка осталась без матери? Она вспомнила день, когда впервые увидела Скураса, которого привел в дом ее муж. Она протянула ему руку, прикрытую по обычаю накидкой, но даже сквозь ткань Амира ощутила трепет, когда их руки соприкоснулись. И в самом деле его глаза

задержались на ее лице чуть дольше, или ей это только показалось? В то мгновение у нее было такое чувство, что она изменила мужу, пусть только в душе. А сейчас, идя по этому прекрасному саду со своей лучшей подругой, она почувствовала, что предает и своих детей. Она не должна думать о нем и обязана найти способ, как избавиться от своих грез.

Стайка голубей выпорхнула из-под крыши и хлопотливо стала устраиваться на ветвях тополей, выстроившихся вдоль улицы. Прикрывая глаза рукой от солнца, Амира взглянула наверх и заметила какой-то силуэт.

— Это Нефисса, — заметила Мариям, поднимая голову. — Что твоя дочь делает на крыше?

Уже не в первый раз Амира видела свою двадцатилетнюю дочь на этом месте, между виноградной лозой и белоснежной голубятней.

— А может быть, дочь терзают те же чувства, что и мать. Разве она ведет себя не так, как влюбленная девушка? Какие же романтические женщины в семье Рашидов, — добавила со смехом Мариям. — Ох, уже эта юная влюбчивость!

«Моя дочь могла влюбиться, — думала Амира, — но в кого? — С тех пор, как трагически погиб на гонках ее молодой муж, Нефисса вела полузатворнический образ жизни. — С кем же она могла познакомиться? — недоумевала Амира. — Да и была ли у нее такая возможность? Наверное, это друг принцессы, кто-нибудь, кого она видела при дворе», — решила Амира, успокаивая себя мыслью о благородном состоятельном мужчине из уважаемой семьи.

О таком, как Андреас Скурас...

— Знаешь, что тебе нужно, — заметила Мариям, когда они приблизились к беседке, где Амира принимала гостей, — тебе надо выбраться хоть на какое-то время из этого дома. Я помню, как впервые увидела тебя. Прошел всего месяц, как мы с Сулейманом поженились, и он привез меня сюда, на улицу Райских Дев. Твоему Ибрагиму было всего пять лет, мой Ицхак еще не родился. Ты пригласила нас попить чаю. Я была просто потрясена, когда узнала, что ты никогда не покидаешь пределы сада. Конечно, многие жены тогда вели такой образ жизни, но, Амира, сестра моя, прошло двадцать лет, времена меняются. Гарем — уже вчерашний день, женщины сами ходят по городу. Мы с Сулейманом едем в Александрию, поехали с нами. Морской воздух пойдет тебе на пользу.

Амира однажды уже была в Александрии. Как-то летом Али Рашид вывез всю семью на побережье Средиземного моря, на виллу. Покинуть зной Каира, очутиться на северном побережье, вдохнуть свежего воздуха было целым событием: долгий день сборов, затем все женщины, тщательно закутанные в платки, вышли из дома и сели прямо в машину, а когда приехали на место, то, не снимая платков, устремились в здание виллы. Александрия ей не понравилась. С балкона их летней резиденции она видела гавань, британские военные корабли, американские океанские лайнеры, которые, как ей казалось, несли с собой в Египет что-то недоброе.

— Дома все будет в порядке, — продолжала Мариям.

Амира улыбнулась и поблагодарила за приглашение. Это был старый спор. Каждый год у Мариям появлялись новые причины, почему Амира должна освободиться из-под власти старых обычаев, изобретала она новые искушения и предлоги, и каждый раз Амира говорила то же, что и сейчас:

— Есть только два случая в жизни женщины, когда ей надо выйти из дома: первый раз, когда она покидает дом отца, чтобы войти в дом мужа, и когда она покидает дом супруга в своем гробу.

— Ну что за разговоры! В гробу! — воскликнула Мариям. — Ты все еще молода, Амира, и за этими стенами чудесный мир. Твоего мужа-надсмотрщика уже нет в доме, ты свободна.

Но это не Али Рашид держал Амиру в заключении. Она помнила день, когда он сказал ей: «Амира, жена моя, мы живем во времена перемен, и я прогрессивный человек. По всему Египту женщины снимают паранджу и выходят за пределы своих домов. Я разрешаю тебе выходить в город, когда ты захочешь, и без паранджи, если с тобой будет кто-то из старших женщин».

Амира поблагодарила его, но отказалась. Али был сильно удивлен, не меньше, чем Мариям сейчас, недоумевая, почему такая женщина, как Амира Рашид, все еще молодая, полная жизненных сил, продолжает придерживаться строжайших обычаев, против которых долгие годы боролись либеральные силы Египта.

Амира знала, что корни ее нерешительности кроются в далеких годах детства, ее неотступно преследовали смутные страхи, которым она не могла подобрать названия. Где-то там, в ее детстве, еще до того, как ей исполнилось восемь

лет, крылась причина, почему ей хотелось оставаться затворницей. И до тех пор, пока она с этим не разберется, не преодолеет свой страх, она предпочтет оставаться за безопасными стенами дома на улице Райских Дев.

— К тебе кто-то пришел, — произнесла Мариям, увидев, что в ворота входит посетитель.

* * *

Со своего места на крыше, среди гудящих пчел и воркующих голубок, притаившихся под лозами винограда, Нефисса разглядывала золотые купола и минареты Каира, играющий на солнце Нил и думала: «На этот раз, когда он появится, я спущусь и заговорю с ним. Обязательно!»

С крыши дома Рашида можно было видеть весь город, от реки до крепости, а в лунную ночь даже силуэты пирамид, призрачные треугольники в далекой пустыне. Но этим жарким полднем, пока весь город погрузился в сиесту, Нефисса сосредоточила внимание на улице, которая бежала вдоль ее дома и сада. Каждый раз, когда раздавался шум проезжающей машины или цоканье лошадиных копыт по мостовой, она склонялась над парапетом в нетерпении — это он? Если на улицу Райских Дев сворачивал военный грузовик, ее сердце обрывалось. Она никогда не знала, когда он появится, пойдет ли он пешком или поедет на машине. Увидев Мариям и мать в саду, она быстро отступила назад, надеясь, что они ее не заметили. Они бы точно не одобрили ее поведения!

Нефисса овдовела несколько месяцев назад, прямо перед тем, как родился ее второй ребенок. По обычаю, ей полагалось вести очень уединенный образ жизни. Но как она могла — ведь ей всего двадцать лет! Она вышла замуж за человека, которого практически не знала. Плейбой и гуляка, он предпочитал ночные клубы, шумное общество, а погиб в автокатастрофе. Нефисса знала, что три года в браке прожила с незнакомцем, родила ему двух детей, а сейчас должна провести год в трауре.

Но она не могла. Именно сейчас ей хотелось любви, и она готова была влюбиться.

Впервые она увидела незнакомца чуть больше месяца назад. Она безучастно смотрела на улицу через маленькие отверстия решетчатой загородки, которая прикрывала окно, когда заметила английского офицера. Он шел по улице и остановился под фонарем прикурить сигарету. Так случилось, что он

взглянул наверх, и их взгляды встретились. Это могло быть совпадением, но, когда он поднял глаза во второй раз, Нефисса знала, что это не так. Она замерла, прикрыв лицо шарфом, так что были видны только ее глаза. Он простоял под фонарем дольше, чем было необходимо, и у него был очень заинтересованный взгляд.

С тех пор она стала наблюдать за ним. Он появлялся в разное время, стоял под фонарем, прикуривал и глядел на нее несколько запретных мгновений сквозь сигаретный дым. Прежде чем он ушел, она была вознаграждена — ей удалось разглядеть его красивое лицо: блондин, светлая кожа. Она никогда не видела такого красивого мужчину раньше.

Где он живет? Куда он направлялся, когда проходил мимо ее дома? Что он делал в армии? Как его зовут? О чем он думал, когда смотрел на ее окно, видя только глаза, обрамленные чадрой?

«Если он придет сегодня, он не увидит меня за окном, — пронеслось у нее в голове. — Сегодня его ждет сюрприз».

Пока она его поджидала, в голове созрел смелый план. Был ли он потрясен в такой же степени, как и она, тем фактом, что война в Европе окончилась? Думал ли он и его однопольчане, что война будет продолжаться еще лет двадцать, как все жители Каира? Нефиссе с трудом верилось, что больше не будет затемнений, налетов, не потребуется спешно срываться с постелей и бежать в бомбоубежище, которое выкопал Ибрагим во дворе, — для него было бы невысказано, чтобы его женщины появились в общественном месте. Прятался ли страх в этих глазах: война окончилась, антибританские настроения могут усилиться, египтяне потребуют, чтобы британские войска, так долго оккупирующие Египет, убрались восвояси.

Она не хотела думать о войне или политике, не хотелось ей думать и о том, что ее прекрасного офицера увезут из Египта. Ей хотелось познакомиться с ним, поговорить и даже... заняться любовью. Но ей надо быть осторожной. Если ее тайный флирт будет обнаружен, ее ждет жестокое наказание. Разве ее старшая сестра Фатима не была отлучена от семьи за свой невообразимый грех?

Но она не собирается беспокоиться о последствиях, она думает только о том, как воспользоваться случаем. Сегодня

она не будет сидеть у окна в парандже; сегодня она сделает решительный шаг.

Она обхватила себя за плечи, в радостном предвкушении глядя на улицу. Наконец-то она что-то узнала о своем офицере!

Накануне она ходила по магазинам со своей подругой, сестрой короля Фарука, и после посещения самых модных магазинов со всем обычным антуражем в виде телохранителей они отправились в заведение «Кроппи» выпить чаю. Весь магазин очистили от посетителей, чтобы королевские особы могли насладиться тишиной и спокойствием. Когда они сидели за столом, Нефисса случайно выглянула на улицу и заметила двух проходящих мимо британских офицеров. На них была такая же форма, как и на ее офицере. Ее вопрос к окружающим: «А что это за офицеры?» не вызвал удивления. У него было звание лейтенанта. Лейтенант такой-то и такой-то. При обращении к нему подчиненные должны говорить ему «сэр».

Она продолжала разглядывать улицу, устремив свой взгляд поверх верхушек деревьев в саду, молясь про себя, чтобы он появился. Такой прекрасный день, он наверняка должен отправиться на прогулку! Соседние дома, спрятавшиеся за высокими стенами, окруженные деревьями, купались в солнечном свете. Бриз с Нила доносил аромат цветущих апельсиновых деревьев. Только пение птиц и журчание фонтанных струй нарушало тишину. Нефисса подумала, что ее любовное томление не случайно — она живет на улице, которую сопровождает история о необыкновенной страсти.

По легенде, много веков назад община святых пришла из Арабии. Они путешествовали совершенно обнаженными. Где бы они ни появлялись, женщины устремлялись к ним, потому что было поверие, что достаточно прикоснуться к ним или вступить в интимную связь — и бесплодные женщины исцелятся, а девственницы обретут прекрасных мужей. Очевидцы утверждали, что темноглазые девы, которые, по Корану, были обещаны каждому правоверному в раю, спустились с небес и вознесли святого на небо. На этом месте, известном как место Райских Дев, выросла пальма. Четыреста лет спустя, когда Великобритания оккупировала Египет, особняки появились в новом районе Каира — Городском саду. Англичане сохранили эту частицу местной истории, назвав это место улицей Райских Дев. И именно здесь Али Рашид Паша построил свой ро-

зовый особняк, окружил его роскошным садом и высокими стенами, чтобы оградить своих женщин, закрыл окна решетками так, чтобы его жены и сестры могли разглядывать улицу, оставаясь невидимыми. Он наполнил дом изысканной мебелью и предметами роскоши, а над входной дверью повесил полированную доску с вырезанным изречением: «О, ты, переступивший порог, помолись за избранного Пророка». Когда Аль Рашид умер в канун Второй мировой войны, у него остались жены. Мать Нефиссы Амира была самой молодой из них. Остался сын Ибрагим, дочери от других жен и многочисленные женщины-родственницы со своими детьми. И Нефисса, его последний ребенок, который сейчас мечтал о любви.

Она заметила, что в сад вошел посетитель. К ним часто приходили во время сиесты, в том числе посторонние, незнакомые женщины, наслышанные о целительском мастерстве Амиры, в поисках амулета или снадобья. Их просьбы поражали Нефиссу: одни часто просили афродизиаки или приворотные зелья, другим нужны были противозачаточные средства, а третьим — лекарства от бесплодия для тех, кто не мог зачать сам, или для мужа-импотента.

Иногда Нефисса присоединялась к матери и другим женщинам семейства. Но сегодня ей этого не хотелось. Если придет ее лейтенант, она спустится в сад. И у нее есть отличный сюрприз для него.

Амира и Мариям сидели в беседке, увенчанной куполом, напоминающим силуэт мечети Мохаммеда Али. Тонкие переплетения металлической решетки, украшенные изысканной филигранью, кружево линий делали беседку необычайно изысканной, словно дорогую птичью клетку вынесли в сад. Каждый год купол красили белым, и он сверкал на солнце. Но у беседки был один недостаток — асимметричный вход. Недостаток был не исправлен умышленно: мусульманские мастера всегда допускали какой-нибудь промах — ведь только Господь мог сотворить нечто совершенное.

К беседке приблизился слуга и сообщил, что к хозяйке пришел посетитель.

Посетитель оказался элегантно одетой дамой: кожаные туфли и сумочка в тон, шляпка европейского фасона с вуалью — все говорило о ее высоком положении. Амира видела гостью в первый раз.

— Да будет твой день успешен, саида, — приветствовала она хозяйку дома, употребив почтительную форму обращения «госпожа». — Меня зовут Сафия Раджиб.

Обычно статус женщины определялся ее нарядом, изысканностью арабской речи, положением мужа, но в еще большей степени значение имело то, как к ней обращались. «Госпожа» было традиционным обращением к замужней женщине. Но Амира заметила, что ее гостья не представилась как «ум» — мать такого-то сына: мать Ибрагима звучало гораздо более значительно, чем мать Нефиссы.

— Да будет и твой день благословен, госпожа Сафия. Садись, пожалуйста, — пригласила Амира, наливая чай. Она отметила отличный урожай апельсинов, добавила что-то о погоде, предложила гостье сигарету. Соблюдая ритуал поведения, та приняла угощение — ведь сразу приступить к делу, без беседы на отвлеченные темы, было бы неприлично, а если бы хозяйка напрямую поинтересовалась, по какому вопросу к ней зашли, это прозвучало бы грубостью. Но от взгляда Амиры не укрылся амулет из голубого камня на золотой цепочке. Голубой был традиционным цветом, охраняющим от дьявольского ока. Амира подумала, что ее гостья явно чего-то боится.

— Извини меня, саида, — наконец произнесла Сафия, с трудом скрывая беспокойство, — я пришла в твой дом, потому что слышала, что ты шейха, у тебя много знаний и мудрости. Говорят, что ты можешь излечить от любого недуга.

— От любого, кроме того, от которого суждено умереть.

— Я слышала о твоих недавних горестях и утратах.

— У того, что предначертано свыше, свои законы. Чем я могу тебе помочь?

Сафия взглянула на Мариам, всем своим видом олицетворяя печаль и заботу так явно, что Амира поднялась и решительно произнесла:

— Мариам, извини нас. Госпожа Сафия, пройдем со мной.

Нефисса пробиралась вдоль стены сада, оглядываясь на беседку и явно беспокоясь, не видно ли ее оттуда. В стене было двое ворот: одни, со стороны тротуара, днем были открыты настежь, и другие, большие, двустворчатые, у дороги, ведущей к зданию, где находились экипажи. К ним-то и то-

ропилась Нефисса. Она затаила дыхание: «Что, если он не пришел?»

Но он был на месте!

Он пришел, и его глаза были устремлены на окна верхнего этажа. Нефисса почувствовала, как колотится сердце. У нее есть шанс, пока он не ушел. Но нужно удостовериться, что ее никто не заметил.

Вначале она собиралась бросить ему записку со своим именем и вопросами о нем. Но затем засомневалась: если он не заметит бумажку и она попадет в руки к соседям? Ей пришла в голову мысль о какой-нибудь вещице. Но опять же, если ему не удастся ее поднять, а предмет достанется постороннему, то не исключено, что станет известно, кому он принадлежит. Нефисса провела в мучительных сомнениях все утро, пока наконец не придумала выход из положения. И теперь...

Она замерла. Голос ее матери! Где-то неподалеку, и все заметнее приближается. Нефисса быстро спряталась за кустом. «Вдруг он ушел? Решил, что она потеряла к нему интерес? Ну, мамочка, что ты здесь делаешь? Проходи же быстрее! Быстрее! Уходи отсюда!»

Она едва дышала, пока Амира с незнакомой женщиной неторопливо шли по мощеной дорожке. Они говорили вполголоса, и, похоже, Амира не заметила притаившуюся в кустах дочь. Когда они наконец скрылись в мандариновых деревьях, Нефисса вернулась к щели в заборе и выглянула на улицу. Он все еще был на том же месте!

Сорвав алый цветок шиповника, она быстро перебросила его через стену.

Он ничего не заметил!

Проехал военный грузовик, едва не раздавив пыльными шинами цветок. Но затем Нефисса увидела, что молодой человек вышел на дорогу и подхватил шиповник. Его взгляд пробежался по ограде, пока не остановился на воротах, прямо там, где она стояла. Еще никогда она не видела его так близко: глаза цвета голубого опала, ямочка на левой щеке — он был прекрасен! А затем он сделал что-то невероятное: не спуская с нее восхищенного взгляда, он поднес цветок к губам и поцеловал его.

Нефиссе показалось, что земля уходит из-под ее ног.

Только бы ощутить прикосновение этих губ, этих рук! Ну ясно же, что они созданы для большего, чем просто сто-

ять и разглядывать друг друга через стену. Но как же им встретиться?

На нее накатил страх. Что он сделает, когда узнает, что она была замужем и у нее двое детей? Вдовы и разведенные в Египте не относились к тем невестам, о которых мечтают мужчины: женщины, уже имеющие опыт интимной жизни, не могли не сравнивать своих мужей. Интересно, англичане такие же? Нефисса знала очень мало об этих светлокожих существах, пришедших в Египет десятилетия назад как защитники, а на самом деле как империалисты-завоеватели. Они тоже придают такое большое значение девственности? Не потеряет ли она привлекательность в глазах своего лейтенанта, когда он узнает правду о ней?

«Нет, пожалуйста, Всемогуший, не допусти этого. У нас все будет прекрасно. Нам было суждено встретиться, мы были должны...»

— Нефисса? — раздался голос.

Она обернулась:

— Тетушка Мариям! Вы меня напугали!

— Не ты ли бросала здесь что-то через стену, как я заметила? — поинтересовалась Мариям. — И, скорее всего, можно предположить, с той стороны кто-то это поймал.

Лицо Нефиссы залилось краской, а Мариям обняла ее:

— Ах, уже эта молодость!

Нефисса почувствовала стеснение в груди. Ей хотелось побыть здесь, наглядеться на своего лейтенанта, быть может, услышать его голос. Но до нее донеслись звуки удаляющихся шагов по ту сторону ограды.

Каштановые волосы Мариям блестели на солнце, от нее исходил аромат имбиря. Когда-то она помогала появиться на свет этой девочке и всегда испытывала по отношению к ней материнские чувства.

— Кто он? — поинтересовалась она с улыбкой в голосе. — Я его знаю?

Молодая женщина не решалась ответить. Всем была известна нелюбовь Мариям к англичанам: они убили ее отца во время восстания в 1919 году. Он был среди схваченных интеллигентов и общественных деятелей, которых арестовали якобы за убийство британцев. Мариям было тогда шестнадцать лет.

Наконец Нефисса произнесла:

— Английский офицер.

Заметив, как мгновенно нахмурились брови Мариям, Нефисса быстро добавила:

— Но он такой красивый, воспитанный, благородный, тетушка! В нем, наверное, шесть футов роста, а волосы цвета пшеницы. Я знаю, ты не одобришь, но не все же они плохие, правда? Я должна познакомиться с ним. Однако все говорят, что англичане скоро уйдут из Египта. Я так не хочу этого. Это значит, что он тоже уедет!

Мариям улыбнулась ей снисходительно, вспоминая себя двадцать два года назад, в свои двадцать лет, и свою влюбленность:

— Из того, что я слышала, так просто и быстро этого не случится.

— Надеюсь, до кровопролития не дойдет, — удрученно произнесла Нефисса. — Я слышала разное, в том числе и то, что если англичане сами не уйдут, то будут столкновения и даже возможна революция.

Мариям не ответила, но до нее тоже доходили подобные слухи.

— Не беспокойся, с твоим офицером все будет в порядке, — сказала она, когда они направились к беседке.

Нефисса вспыхнула:

— Я знаю, мы обязательно встретимся! Это наша судьба, тетушка. У тебя было что-то подобное? Такое чувство, что ты для кого-то предназначена? Вот по отношению к дяде Сулейману, например?

— Да, — тихо произнесла Мариям. — Когда мы с ним встретились, то сразу поняли, что созданы друг для друга.

— Ты же не выдашь мой секрет? Ничего не скажешь маме?

— Ничего. Мы все хранители чужих тайн, — ответила тетушка, вспоминая о возлюбленном Сулеймане и о той тайне, которую она хранила от него все годы.

— У мамы нет никаких секретов, — заметила Нефисса. — Она слишком честная, чтобы что-то утаивать.

Мариям отвела взгляд: тайна Амиры была самая большая.

— Я должна найти способ с ним встретиться, — проговорила Нефисса, когда они подошли к беседке, где собирались все женщины семейства поболтать и попить чаю, пока дети играли. — Конечно, мама никогда не позволит, но я уже взрослая женщина. Мне следует самой решать, буду ли я носить паранджу или нет. Да в наши дни ее почти никто уже и не

надевает. Мама такая старомодная. Неужели она не видит, что времена меняются? Египет сейчас — современная страна.

— Твоя мать прекрасно все видит. И, быть может, именно поэтому придерживается старых порядков.

— А что это за женщина, с которой я ее только что видела? Было похоже, что им надо поговорить наедине.

— Да-да, — заметила Мариям с улыбкой. — Еще немного секретов...

— Об этом никто не знает, госпожа Амира, — проговорила Сафия Раджиб. — Эту ношу я несу одна.

Речь шла о причине ее визита: ее четырнадцатилетняя дочь была не замужем и уже ждала ребенка. Сафия слышала, что Амира знает средства, как помочь в такой ситуации.

Неожиданно Амира припомнила, как в ее детстве порой некоторым женщинам в гарем приносили лечебный чай, хотя они не жаловались на здоровье. А после этого чая их сваливало недомогание. Она слышала, как старшая наложница называла траву для этого зелья — мята болотная. С тех пор Амира знала, что так можно прервать беременность.

— Госпожа Сафия, — заговорила Амира, предлагая гостье присесть на мраморную скамью в тени оливы, — я знаю, за каким снадобьем вы ко мне пришли, и, хотя я сочувствую вашей беде, этой травы я вам дать не могу.

Посетительница заплакала.

Амира сделала знак слуге, ожидавшему на почтительном расстоянии, и спустя мгновение принесли специальный ромашковый чай, заваренный из растений, выращенных в собственном саду. Хозяйка настояла, чтобы Сафия выпила чай, прежде чем продолжать разговор, и успокоилась.

— А что же отец вашей дочери? Ему что-нибудь известно?

— Мы с мужем из одной деревни в верховьях Нила, поженились, когда мне было шестнадцать, а ему семнадцать. Наш первый ребенок, наша дочь, родилась через год. Мы так и жили бы в родных местах, если бы муж не узнал о военной академии для детей крестьян. Он занимался изо всех сил и поступил туда. Сейчас у него звание капитана. Он очень гордый, госпожа Амира, гордость для него важнее всего. Пока он ничего не знает о позоре дочери. Его перевели на службу в Судан три месяца назад. Спустя неделю дочь изнасиловал парень-сосед, когда она шла в школу.

«Вот уж опасные времена настали, — пронеслось в голове у Амиры, — девочки ходят в школу по городу без присмотра». Она слышала разговоры о новом законе, по которому девушки могли вступать в брак, только достигнув шестнадцати лет. Амира была против. У матери был лишь один способ оградить дочь, не допустить беспорядочной половой жизни — сделать так, чтобы созревшая девушка была под присмотром законного супруга, чья обязанность в том и состояла, чтобы обеспечить верность жены и законность рождения всех детей. Но в последнее время из-за тех, кто усердно копировал европейские обычаи, девушки оставались незамужними и до восемнадцати-девятнадцати лет, тем самым шесть-семь лет они были не защищены и подвергали, в свою очередь, честь семьи большому риску.

Но ее голос звучал мягко:

— Порой мнение общества может быть жестоким, но мать сумеет уравновесить ситуацию. — Она подумала о собственной дочери, Фатиме, отторгнутой семьей, когда Амире не удалось отстоять ее. — Когда ваш муж возвращается из Судана?

— У него командировка на год. Госпожа Амира, мы с мужем любим друг друга. С этим мне повезло. Он прислушивается к моему мнению, спрашивает совета. Но в этом случае он просто убьет дочь. Помогите мне хоть чем-то.

Амира задумалась:

— Сколько вам лет, госпожа Раджиб?

— Тридцать один.

— Когда у вас с мужем была последняя близость?

— В ночь перед его отъездом.

— Есть ли надежное место, куда вы могли бы отослать дочь? Родственник, которому вы можете доверять?

— У меня есть сестра в Ассиюте.

— Вот что вам нужно сделать. Отправьте дочь туда. Скажите соседям, что она поехала ухаживать за больным родственником. Носите под одеждой подушку, каждый месяц увеличивайте ее размер. Говорите всем, что вы ожидаете ребенка. Когда дочь родит, привезите ее и ребенка домой, избавьтесь от подушки и говорите всем, что у вас родился малыш.

Сафия не верила своим ушам:

— А это получится?

— С Божьей помощью.

После того как госпожа Раджиб поблагодарила ее и попрощалась, Амира направились обратно в беседку, но неожиданно остановилась — ее путь не был свободен.

Она разглядывала человека, стоявшего в потоке солнечного света. Андреас Скурас, мужчина, который приходил в ее сны. Она была настолько застигнута врасплох, что забыла набросить накидку и прикрыть руку шелком, прежде чем подать ее гостю в знак приветствия. Еще раз она ощутила словно удар током от его ладони. В прошлый раз между ними был тонкий шелк, но сейчас она почувствовала тепло его кожи. Кроме Али, Ибрагима и некоторых родственников, Амира никогда не прикасалась к постороннему мужчине, и, хотя они коснулись друг друга только ладонями, удивительное чувство близости возникло сразу же.

— Моя дорогая саида, — обратился он почтительно, — да ниспошлет Всемогущий благополучие на этот дом и не оставит его Своей милостью.

Почетный член кабинета короля Фарука, Андреас Скурас не обладал особо привлекательной внешностью, но Амиру восхищало его лицо, на котором играли солнечные тени, улыбка, седоватая шевелюра. Грек по происхождению, он был ненамного выше ее ростом, но от всей его фигуры исходило ощущение физической силы.

— Добро пожаловать в мой дом, — произнесла она, не до конца веря в то, что это реальность. Казалось, его глаза не только смотрят на нее, но и заглядывают в глубь ее души. Он словно заставлял ее тело петь.

— Саида, — начал он, — я глубоко чту память о дружбе с твоим мужем, упокой Аллах его душу. Я пришел сегодня, чтобы передать подарок, чтобы выразить свое почтение.

Амира открыла маленькую коробочку и слегка отпрянула, увидев на бархате старинное золотое кольцо. Перед ней лежал сердолик, а когда она увидела выгравированную скобку веточки шелковицы — символ любви и верности, у нее просто не нашлось слов от нахлынувших чувств.

— Саида, — произнес он и добавил тише: — Амира, я прошу вас выйти за меня замуж.

— Выйти замуж! О Аллах милосердный! Господин Скурас, вы меня удивили, застали врасплох!

— Простите меня, моя госпожа, я уже давно собирался это сказать и не мог придумать другого способа, кроме само-

го простого и прямолинейного. Будь я проклят, если чем-то оскорбил вас.

Амира пыталась собраться с мыслями:

— Для меня это большая честь, господин Скурас, это все, что я могу сказать, у меня просто нет слов.

— Да, я понимаю, это неожиданно для вас, и вы меня почти совсем не знаете...

«Я отдавалась ему во сне, — пронеслось в голове у Амиры, — хотя он об этом никогда не узнает».

— Я только прошу подумать о моем предложении. У меня большой дом, я живу там один с тех пор, как мои дочери вышли замуж. Моя жена покинула этот мир восемь лет назад, упокой Аллах ее тело и душу. Я полон сил, мои дела идут хорошо. Я позабочусь о том, чтобы у вас было все, о чем только можно желать.

— Но как я оставлю детей? Как я оставлю дом?

— Моя дорогая Амира, но не можете же вы всю жизнь провести в гареме. Настали другие времена.

Она застыла. Известно ли ему что-нибудь о гареме, где прошло ее детство? Рассказывал ли Али о ее прошлом? Она произнесла осторожно:

— Вы ничего обо мне не знаете, о моей жизни до того, как я встретила с Али.

— Это не имеет значения, моя дорогая.

«Имеет, — мысленно возразила она. — Я не помню о той своей жизни в гареме, откуда меня спас Али. Мои единственные детские воспоминания — о том ужасном месте». Ей хотелось расплакаться: ее мать могла быть одной из наложниц, женщиной без чести. Ей захотелось рассказать, что как-то раз она решила вернуться на улицу Жемчужного Дерева, попытаться найти ответы на мучающие ее вопросы о своем происхождении. Но ей сказали, что тот дом давно разрушен, а женщины из гарема разлетелись кто куда.

— Мой сын потерял жену, а дочь — мужа, — наконец выговорила Амира. — Моя обязанность — позаботиться о том, чтобы их жизнь устроилась.

— Ибрагим и Нефисса уже не дети.

— Они всегда будут моими детьми, — ответила она, и неожиданно ее повторяющийся кошмар встал перед глазами: пустынное поселение, всадники на лошадях, ребенка отрывают от матери. В голове пронеслось: «Может быть, поэтому

я боюсь оставить своих детей? Потому что меня отобрали у моей матери?»

Андреас шагнул к ней, и Амира почувствовала, что ей стало нечем дышать. Если бы он прикоснулся к ней в этом саду, наполненном ароматами цветов и плодов, она не устояла бы, она знала это наверняка. Она бы ответила: «Да, я согласна». Но Скурас только сказал:

— Вы прекрасная женщина, Амира. Да простит Аллах мои дерзкие речи, но меня влекло к вам с того момента, как только я вас увидел. Я знаю, что Али, который смотрит на нас из рая, простил бы мне эти слова. Мы были больше, чем друзья, мы были как братья.

Она почувствовала слезы на щеках, ей стало стыдно от этих слез печали и радости. Она вспомнила о том, что Али Рашид сделал для нее: привел ее в этот дом, женился, а сейчас она стоит в его саду, на ней дорогие украшения, нарядная одежда — он щедро дарил ей обновки. А ей страстно хочется обнимать и целовать его лучшего друга!

— Я должна моему супругу гораздо больше, чем могу рассказать вам. Он привел меня из мира горя в дом, полный счастья.

— Я чту его память, и я чту вас, Амира. Вы безупречная женщина.

Она отвела взгляд. Так значит, он знает о ней не все. Ему неизвестно, что Али Рашид не был первым мужчиной в ее жизни. И она должна признаться в этом до того, как выйдет замуж за Андреаса. Но это будет бесчестьем для Али. И она решилась:

— Мой главный долг — благополучие моих детей, господин Скурас. Но мне очень лестно, что вы сделали мне предложение.

— Амира, испытываете ли вы хоть какие-то чувства ко мне? Могу ли я продолжать надеяться?

Ей хотелось сказать, что это не просто чувство, это настоящая любовь, которая живет в ней с того дня, как она увидела Андреаса. Вместо этого она произнесла:

— Пожалуйста, дайте мне время все осмыслить. — И она вернула коробочку с кольцом, добавив: — Я возьму это, когда приму ваше предложение.

Она проводила его до ворот сада и не отводила взгляда, пока он садился в длинный черный лимузин, поджидавший на углу. К ней приблизился слуга.

— Госпожа, — обратился он к ней, — хозяин вернулся и спрашивает, где вы.

Амира проводила взглядом автомобиль, поблагодарила слугу и повернулась спиной к воротам.

Когда она входила в дом, то явно ощутила, как нарастают ее страхи. Как близка она была к тому, чтобы принять предложение Андреаса! Как легко она могла бы покинуть этот дом и соединить свою жизнь с незнакомцем только потому, что страстно желала его.

«Какие мы, женщины, слабые, как легко поддаемся своим страстям», — подумала она. Но Амира знала, что должна слушаться голоса разума, а не сердца. Если им суждено, они с Андреасом будут вместе, но сейчас она обязана думать о своих детях: Нефиссу снадают такие же опасные желания; в глазах Ибрагима — скорбь, но не только это, что-то еще, чего она не могла понять, и это тревожило ее. Она вспомнила и о средней дочери, Фатиме, которую Али отлучил от дома.

«Я сохраню единственную оставшуюся со мной дочь», — думала Амира, поднимаясь по массивным ступеням, отделяющим мужскую часть дома от женской. — Я найду способ оградить Нефиссу от тщетных страстей, от чувств, захвативших ее. Нас обеих пленили чувства...»

Когда она вошла в красивую затемненную комнату, которая при жизни принадлежала ее мужу, воспоминания нахлынули на нее. Она думала о тех днях, когда была молода: Али нередко вызывал ее. Она готовилась сама, омывала его, делала массаж, прислуживала ему, делила с ним ложе, а потом удалялась на женскую половину, пока он снова не призывал ее. Через несколько лет Омар, трехлетний сын Нефиссы, переедет из женской части дома в мужскую и займет отдельную комнату. Однажды он приведет сюда своих друзей, как сейчас делает Ибрагим, как делал Али. Начнется отдельная от женщин жизнь.

Когда Амира вошла в комнату сына, ей бросилось в глаза, как сильно он изменился за эти две недели, как похудел. Сын обратился к ней по-арабски:

— Я решил на некоторое время уехать, мама.

Она сжала его руки в своих:

— Неужели твой отъезд поможет? Отчаяние напоминает о радости, мой сын. Время разрушает горы, оно справится и с твоей печалью.

— Моя жена каждую ночь приходит ко мне, как живая.

— Послушай, сын моего сердца. Помни слова Абу Бакра, когда пророк Магомет, упокой Аллах его душу, умер и многие отчаялись. Абу Бакр сказал: «Для тех из вас, кто поклонялся Мохаммеду, он умер. Для тех, кто чтит Господа, — он жив и никогда не умрет». Храни свою веру в Господа нашего, сын мой. Он мудр и милосерден.

— Мне надо уехать, — повторил Ибрагим.

— Куда ты отправишься?

— Во Францию, на Ривьеру. Король решил там отдохнуть.

У Амиры было такое ощущение, что в нее вонзили кинжал. Ей хотелось дотянуться до него, своего первенца, сына ее сердца, забрать его боль, убедить его остаться там, где он родился. Но вместо этого она спросила:

— Как долго ты там пробудешь?

— Еще не знаю. Но в моей душе нет покоя. Мне нужно обрести его снова.

— Ну что ж, значит, на это есть воля Аллаха. Но если тело проходит дюйм, в сердце — целая миля. Да будет с тобой милость Аллаха.

Она поцеловала его в лоб, словно дала свое материнское благословение.

Когда Амира вернулась на свою часть дома, она чувствовала, что сердце ее переполнено несбывшимися надеждами. Сны... Ребенка вырывают из охраняющих материнских рук. Это были воспоминания или предчувствие будущего? Почему ее так мучил предстоящий отъезд Ибрагима? Почему ее наполнил необъяснимый страх того, что она потеряет своих детей? Нефисса, тоскующая о любви, уезжающий Ибрагим. Она должна защитить их, сохранить семью. Но как? Как?

Она не вернулась в сад. К четырем часам слуги закроют ворота. Амира обычно заканчивала принимать посетителей к этому времени, чтобы не пропустить время дневной молитвы. Войдя в свою комнату, она сразу направилась в ванну, чтобы совершить традиционное омовение, как того требовал обряд. Затем прошла в свою спальню через комнату, где при родах скончалась молодая жена Ибрагима, дав жизнь малышке Камелии. Она расстелила свой моельный коврик, сняла туфли, повернулась лицом в сторону Мекки. Как только раздались призывы муэдзинов с многочисленных минаретов, Амира отогнала от себя все мирские заботы

и сосредоточилась на мыслях о Боге. Положив ладони на лицо, она произнесла:

— Аллах велик! — и продолжила читать Фатиху, начало Корана: «Во имя Господа, Всемогущего и Всемиловитого...» И затем она продолжала на одном дыхании, кланяясь и выпрямляясь, становясь на колени, касаясь лбом пола, повторяя три раза: «Господь Всемогущий! Безгранично совершенство твое и милость твоя!» Наконец она встала и завершила молитву, как и в прошлые бесчисленные разы: «Нет Бога кроме Аллаха, и Магомед — пророк Его».

Молитва успокаивала ее, и всю семью она воспитала с верой в силу молитвы. Женщины в их доме должны были исполнять ритуал пять раз в день — когда слышался голос муэдзина: прямо перед рассветом, после полудня, днем, сразу после заката и в темноте ночи. Они никогда не молились точно на рассвете, в полдень или на закате, потому что это было время неверных.

После молитвы Амира всегда чувствовала прилив сил в душе, отступали все сомнения, рассеивались тревоги. Господь не оставит их, ободряла она себя. И как раз в тот момент, когда она собиралась спуститься на кухню, чтобы отдать распоряжения поварам, на нее словно озарение снизошло, и она сразу же поняла, что ей надо делать.

Надо найти новых супругов Ибрагиму и Нефиссе! А потом, если на тот будет воля Аллаха, она подумает над предложением Андреаса Скураса.

4

Тринадцатилетняя Сахра поила буйвола молоком, прислонясь к огромной теплой туше, уткнувшись лицом в шерсть, забывшись на мгновение: словно исчезли обида и боль от недавних побоев, которыми щедро наградил ее отец, отошли куда-то прочь горечь и страх перед неминуемо приближающимся насильственным замужеством, которому она противилась всей душой.

Завтра ее отдадут шейху Хамиду.

«Что же мне делать?» — Тяжкий вздох перехватил горло судорогой.

За последние две недели, прошедшие с того дня, когда она помогла незнакомцу вытянуть машину из канала, она

видела Абду всего лишь раз. Глубокий шок — так можно было бы описать реакцию юноши на ее новость о предстоящем замужестве. Шок сменился злостью:

— А как же мы? Мы же принадлежим к одному роду! Нам надо пожениться!

Ее мать не уставала повторять в радостном возбуждении:

— Ты же будешь работать в магазине Хамида, будешь разговаривать с покупателями, брать деньги, давать сдачу. Сахра, ты станешь такой важной.

Но дочь видела печаль в материнских глазах и понимала, что та пытается как-то приободрить ее, расписать ее будущее яркими красками. Держать магазин было очень престижным занятием. Но всем было известно, что у Хамида нет слуг. Не было секретом и то, что кроме работы от зари до зари в лавке Сахре придется делать и всю домашнюю работу: обстирывать мужа, готовить еду, наводить порядок, в то время как он будет проводить целые дни в заведении Хаджи Фарида, играя в нарды.

Она хорошо понимала, почему отец согласился на этот брак. После свадьбы сестры семья увязла в долгах, они числились среди самых бедных семей в селе. Она не сомневалась, что к весеннему празднику — дню рождению Пророка — ей не видать обновки.

Выйдя из сарайчика, Сахра взглянула на зеленые поля, окутанные утренним туманом. Деревня начинала просыпаться, появились дымки над крышами, со всех сторон доносился аромат свежесыпанных лепешек, с минаретов зазвучали голоса муэдзинов, созывающие на утреннюю молитву.

Сахра пыталась углядеть Абду. Она нигде не видела его уже две недели — ни в поле, ни в деревне. Куда он подевался? Неожиданно она заметила силуэт, движущийся вдоль канала: высокая, широкоплечая фигура; из-под ног выскакивали струйки пыли. Абду! Она бросилась к нему, но, увидев его, вспыхнула тревогой. На парне была его лучшая одежда, за спиной — котомка.

Он долго смотрел на нее зеленоватыми, цвета нильской воды, глазами, потом произнес:

— Я ухожу навсегда. Я решил присоединиться к Братству. Если я не могу обладать тобой, то другие женщины мне не нужны. Я отдам свою жизнь за дело Пророка, чтобы вернуть эту страну к истинному исламу. Выходи замуж за шейха Ха-

мида, Сахра. Он старый, он скоро умрет. И тебе достанутся в наследство и магазин, и радио, тогда вся деревня будет тебя уважать и называть госпожою.

Ее подбородок задрожал:

— Куда ты пойдешь?

— В Каир. Там есть один мужчина. Он обещал мне помочь. У меня совсем нет денег, придется идти пешком, но у меня есть с собой еда.

— Я отдам тебе шарф, — произнесла она сдавленным голосом. За тот белый шелковый шарф, что подарил ей незнакомец, можно было получить хорошую цену. Сахра носила его вокруг тела, под платьем, чтобы отец не заметил и не продал его. — Ты можешь выручить за него деньги.

Но Абду возразил:

— Оставь его себе, Сахра. Наденешь на свадьбу.

Она заплакала, и его руки сомкнулись на ее талии. Ощущение прикосновения молодой, горячей плоти потрясло обоих.

— Сахра, — выдохнул юноша.

— Не покидай меня, Абду. Я умру без тебя.

Он отстранил девушку на расстояние вытянутой руки, чувствуя, как она дрожит:

— Помни о нашей любви. Будь хорошей женой. Храни наше благородство.

С этими словами он отправился в путь. Он прошел немного, когда раздался ее крик:

— Моя душа уходит за тобой! Ты забрал ее, мое дыхание, мои слезы. Шейху Хамиду достанется пустая оболочка из плоти.

Абду повернулся и побежал к ней изо всех сил. Она упала в его объятия. Из кустов выпорхнула пара горлинок. У них обоих горло перехватило, когда волосы Сахры рассыпались у нее по плечам. Судорожно сжимая девушку в своих объятиях, Абду, ощущая непреодолимое желание, понял, что вся его жизнь была нужна для этого дня, его тело было создано для того, чтобы слиться с телом Сахры. Его пальцы ласкали ее волосы, губы жадно искали губы возлюбленной. Он приник к ее шее и вдохнул запах Египта — животворных вод Нила, горячего хлеба, мускуса скота и ни с чем несравнимый запах юной девственницы.

Они опустились на землю, утонули в мягкой постели из травы и цветов. Абду накрыл собой тело девушки, чувствуя как призывно раскрывается оно перед ним. Длинное платье

сбилось, и обнажились ее прекрасные, упругие бедра. С трудом он сдержал крик, рвущийся из его груди:

— Аллах, Сахра — жена моя, душа моя!

На закате Сахра с матерью отправились на берег Нила, где в это время собирались женщины деревни: стирали белье, омывали руки и ноги, предварительно убедившись, что поблизости не видно мужчин. Дети плескались и возились в реке, играя среди буйволов, пришедших на водопой.

Наполняя кувшины водой, соседки судачили о последних новостях. Одна из них обратилась к матери девушки:

— Завтра большой день, ум Хуссейн. Еще одна свадьба. Мы неделю ничего не едим, готовимся.

Ровесницы Сахры, так же, как и она, совсем недавно вступившие в волнующий мир взрослой женской жизни, хихикали и шутили, покрываясь жгучим румянцем, на тему, как хорошо подружка выпится на следующую ночь.

— Шейх ненасытен, — обронила одна из них, не совсем понимая, о чем говорит, лишь повторяя чью-то реплику. — Тебе не придется трудиться.

Женщины рассмеялись, опустили кувшины в грязную реку и, зачерпнув воды, водрузили их на головы. Раздались новые пожелания:

— Держи шейха на голодном пайке, и он будет приходить домой каждый вечер.

— Уж мне ли не знать, как заставить муженька приходить ко мне каждую ночь, — похвалилась ум Хаким. — Он было повадился гулять за полночь, и мне это надоело. Ну так, каждый раз, как он возвращался, я спрашивала: «Это ты, Ахмед?»

— И это помогло?

— Еще как! Моего-то зовут Гамал.

Всю дорогу домой женщины смеялись. Вокруг носились ребяташки, буйволов подгоняли пожилые сельчанки. Заходящее солнце окрасило воды Нила в оранжевый цвет. Мать и Сахра остались на берегу одни. Наконец Сахра услышала:

— Какая-то ты тихая сегодня, дочь души моей. Что-то не так?

— Я не хочу выходить за шейха.

— Что за глупости ты говоришь! Да никто не выбирает себе мужа. Впервые я увидела мужа — твоего отца, в день свадьбы. Я его даже боялась, но привыкла. Ты хоть знаешь шейха.

— Я не люблю его.

— «Люблю!» Да что за чепуха! Злой джинн вселил тебе в голову дурные мысли! Уважение и повиновение — вот чего надо ждать в замужестве.

— Почему Абду не может быть моим мужем?

— Потому что он такой же бедный, как и мы. А шейх Хамид — самый богатый человек в деревне. Да ты ведь будешь носить туфли! А еще у тебя, наверное, будет золотой браслет. Ты не забывай, он устраивает свадьбу. Он и про нас не забудет. Ты должна думать сначала о семье, а потом уже о себе.

Кувшин выпал из рук Сахры:

— Случилось ужасное!

Мать замерла, тронула дочь за плечо:

— О чем ты говоришь? Сахра, что ты наделала?

Но она уже все поняла. Случилось то, чего она боялась с того момента, когда у ее дочери начались месячные. От нее не укрылось, как смотрят друг на друга Абду и Сахра, эти два подростки тленка. По ночам она лежала без сна, опасаясь, что ей не удастся уберечь до брака в невинности самую младшую дочку. И ее худшие опасения сбылись.

— Это с Абду ты потеряла невинность? — тихо спросила она. Сахра промолчала.

— Господь всемогущий, на все воля Аллаха, — произнесла мать, прикрыв глаза и привлекая к себе девушку: — Аллах сотворил нас, мерил нас, вел за собой. Все, что должно случиться, уже записано в священной книге. На все его воля, — и добавила задрожавшим голосом: — Господь ведет за Собой души заблудших. — Ты не можешь здесь больше оставаться, дочь сердца моего. Тебе придется уйти. Отец и дядя убьют тебя, если узнают обо всем. На свадебных простынях шейх Хамид завтра не увидит подтверждения твоей девственности, и все узнают о позоре. Спасайся. Аллах милостив, он позаботится о тебе.

Девушка сдержала слезы и поблагодарила мать, которая заботилась о ней и любила, как могла.

— Жди меня здесь. Не ходи со мной домой, — предупредила мать. — Я скоро вернусь, как только отец поужинает. У меня есть браслет и кольцо, свадебные подарки твоего отца. И чадра тетушки Алии. Это все можно будет продать. Я принесу немного еды и свою шаль. Не показывайся никому на глаза. Никто не должен знать, куда ты направляешься, — ты не сможешь вернуться в деревню.

Сахра подумала о белом шарфе на своем теле под платьем. Это она тоже продаст. Она повернулась к реке: на расстоянии нескольких миль вниз по течению был мост, по которому можно добраться до города. Этой дорогой прошел Абду. Она пойдет за ним.

5

Нефисса вышла из автомобиля, поспешно прикрывая чадрой нижнюю часть лица, и присоединилась к потоку пешеходов, движущемуся через древние городские ворота Баб Зувейла. Благодаря мелайе — традиционному женскому платью из черного шелка, простого силуэта, закрывающему буквально все тело с головы до ног, — она была в полном смысле слова не отличима от других крестьянок, живущих в этой части Каира. Она на самом деле вступила в другое, более древнее время, пройдя в ворота, которые на протяжении веков были местом кровавых казней, минуя палатки ремесленников, уличные лавки. На этих узких улочках многие женщины ходили в мелайях, которые они надевали поверх модных европейских платьев. Изначально длинное одеяние предназначалось для того, чтобы скрывать очертания фигуры, но зачастую молодые особы использовали его весьма искусно для придания большей соблазнительности собственным формам. Мягко ниспадающие складки шелка, подхваченные поясом на уровне бедер, так, что свободный конец был переброшен через руку, не столько скрывали, сколько подчеркивали волнующие округлости женской фигуры. Обычно для такой одежды использовали легкую ткань, ее приходилось все время поправлять. У некоторых эта процедура стала настоящим искусством.

Нефисса не задерживалась ни у торговых палаток, где продавалось все — от фруктов до молитвенных ковриков, ни в древних лавках, где искусные ремесленники работали над своими изделиями. Она целенаправленно шла к неприметной двери в обычной каменной стене. Она постучала, дверь распахнулась, и она скользнула внутрь.

Служительница в длинном платье приняла фунтовую банкноту и повела ее за собой по сумрачному коридору, где на мраморных стенах оседали капли воды, а воздух был наполнен тяжелой смесью ароматов: духов, пота, хлорки. Сначала Нефиссу проводили в комнату, где она сняла всю одежду,

отдала ее другой служительнице и взамен получила толстое большое полотенце и пару резиновых сандалий. Затем она прошла в огромный зал с мраморными колоннами и светильниками, которые мягко освещали купальщиц и массажисток. Там и здесь виднелись прислужницы, разносившие кувшины с холодным мятным чаем и вазы с очищенными фруктами.

Почти все помещение занимал большой бассейн с фонтаном. Женщины, заполнившие его, плескались и плавали, смеялись и болтали, кто-то мыл голову, некоторые были целомудренно завернуты в полотенца, другие бесстыдно обнажились. Нефисса узнала постоянных посетительниц; несколько женщин совершали ритуальные омовения после менструации, но большинство наслаждались целебными травяными ингаляциями и притираниями. Здесь же располагалась группа родственниц, которые по традиции привели невесту для подготовки к торжеству: они натирали ее тело специальным воском, чтобы убрать лишние волосы.

Но Нефисса пришла сюда за другим — цель ее визита была запретная и преступная. У этой бани — одной из сотен подобных заведений в Каире — была долгая, богатая история. По одной из легенд, некий американский журналист, желавший разузнать, что же происходит в женской бане, переоделся в женское платье и проник в хамам. Когда обман раскрылся, разгневанные женщины кастрировали его. Ему удалось спастись и дожить до глубокой старости. Он написал мемуары, где был лишь короткий пассаж об инциденте в бане: «Все женщины были обнажены. Обнаружив, что я мужчина, они немедленно прикрыли лица, совершенно не беспокоясь о своих остальных прелестях».

Нефиссу привели в комнату, где массажистки работали не покладая рук, разминая кости и мускулы своих клиентов. Развернув полотенце и растянувшись на животе, Нефисса попыталась расслабиться и забыться под сильными пальцами массажистки. Но она пришла сюда не только за этим — массажем, парной, другими бесчисленными процедурами, которые предлагали в хамаме. Она пришла в надежде встретить английского лейтенанта. Закрыв глаза, она молилась, чтобы он наконец появился.

За те месяцы, которые прошли с того дня, когда она бросила ему цветок шиповника, она видела его всего лишь не-

сколько раз. Его график стал совершенно непредсказуемым: он не показывался две-три недели, а затем внезапно появлялся, прогуливаясь по улице Райских Дев. Однажды вечером, когда желтая осенняя луна осветила Каир, Нефисса случайно выглянула в окно и увидела своего лейтенанта под фонарем, уставившегося на ее окно. Она предполагала, что он пройдет дальше по улице, но он передал что-то нищенке, объясняя и указывая рукой на ворота в стене, тянущейся вдоль сада Рашида. Мелькнули монетки и что-то еще. Он снова взглянул на Нефиссу и постучал по циферблату часов, показывая, что ему пора идти. И перед тем, как уйти, молодой человек послал ей воздушный поцелуй.

Нефисса мгновенно спустилась и открыла садовую калитку. Перед ней стояла нищенка и держала в руке конверт. Нефисса замерла от удивления: местные попрошайки редко забредали на эту улицу, к тому же от ее взгляда не укрылась беременность посланницы, шаль не прикрывала большой живот. Нефисса взяла конверт и велела женщине ждать. Она поспешила в дом, спустилась в кухню, схватила хлеб, холодную баранину, яблоки, сыр, завернула все это в чистую ткань. На обратном пути она остановилась у большого комода и вытащила тяжелое шерстяное одеяло. Она вернулась в беседку, поблескивающую в лунном свете. В письме была всего одна строчка: «Когда мы увидимся?» И все. Простой клочок бумаги, без имен, ничего, что могло бы бросить тень на нее и доставить ей неприятности, если бы записка попала не в те руки.

Нефисса потеряла покой, пытаясь придумать, как им встретиться: она редко выходила из дома без сопровождения. Когда она отправлялась за покупками или в кино, мать всегда настаивала, чтобы с ней отправлялся кто-нибудь из ее многочисленных кузин или тетюшек. Наконец она придумала. Как-то она услышала, как одна из приближенных принцессы Фаизы рассказывала об удивительных исцеляющих средствах в одной из городских бань. Вот тогда-то и начались у Нефиссы головные боли. Материнские снадобья не помогли, и она как-то обмолвилась, не попробовать ли ей ванны. Первое посещение прошло вместе с двоюродной сестрой, но ходить с ней каждый день родственнице быстро наскучило, и с тех пор Нефиссе удавалось ходить туда одной.

Тогда-то она и написала записку: «Моя дорогая Фаиза, меня донимает головная боль, мне помогли ванны в заведе-

нии у ворот Баб Зувейла. Каждый день я хожу туда после дневной молитвы, провожу там час. Я надеюсь, ты воспользуешься этим полезным местом, рада буду, если ты присоединишься». Она надписала конверт: «Ее Королевскому Высочеству Фаизе» и потихоньку передала его нищенке, которая частенько появлялась у ворот. Записку надо было незаметно передать военному, когда он появится у фонаря в следующий раз. Нефисса не могла себе даже представить, что случится, если он прочитает записку и последует за ней. Очевидно, они не могли показаться вместе на улице; она понимала, что любой прохожий-египтянин, увидев британского вояку и мусульманку, вообразит, что он покушается на ее честь, и тогда ему не уйти живым. Любое свидание, как бы предусмотрительно оно ни было спланировано, будет опасным для обоих. Но опасности придавали их отношения особый драматизм. Нефисса была молода и отчаянно влюблена. Однако сейчас она начала беспокоиться. Она посещала баню почти каждый день, но он все не приходил. А вдруг его уже вообще нет в Египте? Может, его отправили назад в Англию?

Но затем у нее возникло более серьезное предположение. Что, если он узнал всю правду о ней? Не исключено, что, получив записку, он навел справки о ней и ему рассказали: зовут ее Нефисса, она подруга принцессы Фаизы. А еще ему сказали, что она вдова и у нее двое детей. Вот в чем дело! Теперь-то он не вернется никогда!

После массажа с розовым, миндальным и фиалковым маслами — как говорили, этим рецептом часто пользовалась Клеопатра, — Нефисса закончила процедуры специальным средством, которое помогало многим египтянкам сохранять привлекательность и красоту. Служительница достала красную пудру и нанесла ей на лоб, затем втерла в брови. Потом настал черед халавы — смеси лимонного сока, сваренного с сахаром до густой консистенции. Ее нанесли на тело, а потом смыли — это было хотя и болезненное, но надежное средство для эпиляции. Нефисса скользнула в душистую ванну, чтобы смыть остатки липкого снадобья и появиться из воды гладкой, как мрамор.

Она оделась и вышла на солнечную улицу, освеженная и благоухающая. Оглянувшись, Нефисса застыла: он стоял неподалеку, прислонившись к припаркованному в проеме ворот лендроверу.

Нефисса едва узнала его, потому что на нем не было привычной формы. С колотящимся сердцем она пошла вдоль улицы. На мгновение их глаза встретились, и она убыстрила шаги. Сев в машину, она попросила водителя купить ей жареных тыквенных семечек. Его такая просьба не удивила, а по ее расчетам, у нее теперь было минут десять. Как только водитель выскочил, около машины оказался ее лейтенант. Он вопросительно взглянул на нее через стекло, и Нефисса подвинулась на сиденье, освобождая для него место. Улица продолжала жить своей жизнью, раздавались крики, снова-таки машины, прохожие, но в пространстве вокруг них не осталось места ни для чего. Нефисса впитывала в себя каждую черточку его лица — лица ее призрачного возлюбленного из-под уличного фонаря, который приходил в ее постель каждую ночь в жарких мечтах. Они не отводили глаз друг от друга, их запахи смешались — его одеколон и ее благоуханные масла. В его голубых глазах она видела волнение. Тысячи вопросов застыли на ее губах.

Наконец он произнес по-английски голосом, в котором было больше страсти, чем она могла себе представить:

— Я не могу верить, что я здесь. И что ты со мной. Я уже решил, что выдумал тебя.

Ее сердце билось как сумасшедшее, когда он осторожно потянулся и отвел чадру с ее лица:

— Господи, как ты прекрасна!

Она застыла от его слов, словно он снял с нее одежду. Но не было ни стыда, ни неловкости, только страстное желание. Ей было нужно так много сказать ему, все, что было у нее на сердце. И с ужасом она услышала свой голос:

— Я была замужем. Я вдова. У меня двое детей.

«Лучше сказать сразу, пусть он оттолкнет меня сейчас, до того, как что-то случится», — мелькнула мысль.

Но он улыбнулся и произнес:

— Я знаю. Мне сказали, что они такие же красивые, как их мать.

Она была так возбуждена, что не могла говорить.

— Я живу неподалеку от тебя, на параллельной улице, но постоянно нахожусь в Цитадели. Нас последнее время постоянно перебрасывают с места на место. Я боялся, что ты забыла меня.

У Нефиссы кружилась голова, ей казалось, что она во сне.

— У меня было такое чувство, что ты уехал навсегда, — поспешно произнесла она, удивляясь, как легко ей говорить с ним. — Это все так ужасно, то, что произошло со студентами возле казарм. Столько убитых и раненых! Я так боялась за тебя, я молилась все время.

— Думаю, что ситуация будет только ухудшаться. Поэтому я не стал надевать сегодня форму. Мы можем где-то увидеться наедине? Просто поговорить, — поспешно добавил он, — попить чаю или кофе. Я не могу не думать о тебе. И сейчас ты здесь, рядом, всего несколько дюймов между нами...

— Мой шофер сейчас вернется.

— Ты можешь устроить еще одну встречу? Я не хочу навлечь на тебя неприятности, но я должен видеть тебя.

— Принцесса Фаиза — мой друг, она нам поможет.

— Можно ли мне сделать тебе подарок? Я в Каире уже довольно давно, но знаю немного о ваших традициях. Я не могу тебе сделать такого многозначительного подарка, как украшение или духи. Я не хочу тебя оскорбить. Надеюсь, что мой подарок понравится тебе. Это принадлежало моей матери...

Он протянул ей носовой платок из тонкого льна, украшенный кружевом и изысканной вышивкой — мелкими голубыми незабудками. Нефисса держала его в руке, чувствуя сохранившееся тепло его руки.

— Для меня это очень трудно, — тихо сказал он, — быть так близко от тебя, и все же... Я не знаю, что сказать, что мне позволено говорить. Окно за решетками, за которым ты иногда сидишь, чадра, скрывающая твое лицо... Я хочу дотронуться до тебя, поцеловать тебя.

— Да, — прошептала она. — Да, принцесса нам поможет. Или мне удастся придумать что-то еще, найти место, где мы сможем побыть наедине. Я пошлю тебе записку с этой девушкой, которая частенько бывает у наших ворот.

Они взглянули друг на друга, он дотронулся до ее щеки и произнес:

— До встречи, моя прекрасная Нефисса.

С этими словами он выскользнул из автомобиля и исчез в толпе, прежде чем она поняла, что так и не узнала его имени.

Мариям Мисхари рассказывала историю:

— Однажды Фарид взял своего сына на базар покупать овцу. Ну, все знают, что цена овцы зависит от того, как много

жира у нее под хвостом. Вот Фарид и прошупывал под хвостом у всех овец, взвешивал их, сжимал. Сын у него и спрашивает: «Отец, а зачем ты это делаешь?» Отец отвечает, чтобы определить, какую овцу купить. Через несколько дней Фарид приходит домой, сын бежит к нему и говорит: «Отец, сегодня шейх Гама приходил! Пөхоже, он хочет покупать маму».

Все гости рассмеялись, им вторили музыканты за ширмой — как полагалось, посторонние мужчины не должны были находиться в том же помещении, что и женщины. Затем они заиграли зажигательную мелодию.

Вечеринка проходила в большом салоне в доме Амиры. Пламя в бронзовых светильниках отбрасывало причудливые тени на нарядно одетых женщин. Они сидели на низких диванах, облокотившись на шелковые подушки, передавали друг другу угощения. Турецкие ковры на полу и богатые драпировки на стенах спасали от прохлады декабрьского вечера, комната была наполнена музыкой, смехом, теплом.

Слуги разносили подносы с ароматным мясом, яйцами, приготовленными в густом бараньем жиру прямо в скорлупе, огромные тарелки с фруктами, отдельно подавали варенье из лепестков роз, которым славилась Амира, и сладкий мятный чай, который так любят все египтяне.

Праздник устроили просто так, чтобы хорошо повеселиться. Все гости, а было их больше шестидесяти, нарядились в лучшие одежды и украшения. Запах зимних роз смешивался с экзотическими ароматами и дорогими духами. Египет переживал настоящий экономический бум после войны. На Дальнем Востоке разгорелся ажиотажный спрос на хлопок, а Европе с ее продуктами по карточкам были нужны пшеница и кукуруза — и гости Амиры, чьи супруги преуспевали в делах, демонстрировали свое благополучие привычным способом. Амира также надела бриллианты и золотые украшения, которые ей щедро дарил муж.

— Амира, где же твоя повариха покупает цыплят?

Прежде чем Амира ответила, Мариям «отстрелялась» за нее:

— Да уж не у стервятника Абу Ахмеда с улицы Каср-Эль-Айни! Всем известно, что он напихивает кукурузой своих куриц, прежде чем забить их на продажу, чтобы они весили побольше.

— Ум Ибрагим, послушай меня, — обратилась к хозяйке дома женщина средних лет с многочисленными золотыми

браслетами на обоих запястьях. У ее мужа были огромные земельные владения плодородной дельты, они были очень богатые. — Я знаю превосходного господина, он образован, из хорошей семьи, состоятельный вдовец, очень почтенный. Он явно дал понять, что хотел бы на тебе жениться.

Амира с трудом удержалась от смеха: ее подруги постоянно пытались кого-нибудь ей сосватать. Никому не было известно об Андреасе Скурасе. Его благородный облик не раз вспоминался ей с того дня, когда он сделал ей предложение. Он приходил к ней еще раза три, часто звонил, присылал букеты цветов, дарил дорогой шоколад. Он убеждал ее, что терпелив и готов ждать, сколько надо. Каждую ночь ее не отпускали мечты о его объятиях и поцелуях, ее сдержанность таяла с каждым днем.

— А что слышно о вашем сыне, почтенная Амира? — поинтересовалась другая гостья, супруга куратора Египетского музея.

Эти слова напомнили Амире о сне, который она видела буквально накануне: она шла по темным комнатам мужской половины дома, в руках несла светильник. Всюду темнота и запустение. Она приблизилась к комнате мужа, которая теперь принадлежала Ибрагиму, распахнула двери и замерла на пороге — вся комната была полна уродливыми джиннами, они судорожно дергались в темноте между заброшенной мебелью. Что означал этот сон? Было ли это предзнаменованием, картиной далекого будущего?

— Мой сын по-прежнему в Монако, — ответила она, — но недавно пришла весточка, что он готов вернуться домой, слава Аллаху.

Когда раздался телефонный звонок, она чуть не потеряла сознание от радости: за семь месяцев отсутствия Ибрагим редко давал о себе знать. Каждую ночь она молила Творца, чтобы Он облегчил страдания ее сына, чтобы вернул его в родной дом. Она подыскала для него прекрасную невесту: девушка восемнадцати лет, тихая и послушная, аккуратная и старательная. Опять же из родственников — внучка двоюродной сестры Али Рашида.

Вот с подходящим мужем для Нефиссы дела шли не очень хорошо. Нефисса уже знала мужчину: отдать ее замуж было не так-то просто. Но она хороша собой, к тому же из богатой семьи, что было немаловажно: жених мог бы и за-

крыть глаза на то, что она уже была замужем, раз уж она принесла бы с собой достаток в семью.

Амира взглянула на дочь, которая играла с трехлетним сыном, сидя на диване. У ее ног возились малыши: дочь Нефиссы и восьмимесячная дочка Ибрагима Камелия, дитя с оливковой кожей и медово-карими глазами. Несмотря на свое тяжелое появление на свет, она стала настоящей крепышкой. Амуре был хорошо понятен рассеянный взгляд Нефиссы, томная нега, которая словно растекалась от нее во все стороны, и еще раз мать поняла, как тоскует без любви ее младшая дочь.

Когда Амира думала об Андреасе Скурасе, она очень хорошо представляла себе чувства своей дочери. Какое это прекрасное состояние — любить, но ей не хотелось, чтобы Нефисса страдала. Разве не любовь к дурному человеку стала причиной несчастья Фатимы, другой ее дочери?

Музыканты заиграли популярную мелодию «Лунный луч, лунный луч», и одна из гостей вышла танцевать. Она сбросила туфли и встала в центр, прислушиваясь к пению женщин. Как в большинстве египетских песен, в ней пелось о сладостной неге, страстных поцелуях и запретных ласках. Еще в детстве, а потом в юности они выучивали их, напевали, раскачиваясь на качелях и гуляя в садах: «Поцелуй меня, поцелуй меня, возлюбленный мой. Приди на ложе мое. Согрей мою постель, зажги огонь в моей груди...» В те годы эти слова ничего для них не значили.

Танцовщица села на свое место, и сразу же ей на смену вышла другая. На ней был модный костюм от Диора и туфли на высоких каблуках. Она закрыла глаза, вытянула руки перед собой, прислушиваясь к словам песни. Когда она делала особенно грациозный поворот, со всех сторон раздавались возгласы одобрения. Вслед за ней в танец вступила третья гостья. Такие танцы были обязательной частью женских посиделок — позволяли выразить накопившиеся эмоции, запретные желания. Это не было ни состязанием, ни конкурсом — каждая танцовщица передавала глубоко личные переживания, и не было никаких суждений и сравнений: неважно, насколько искусным был танец, даже неловкая исполнительница слышала только возгласы одобрения и поддержку в виде аплодисментов от благодарных зрительниц.

Когда, поддавшись душевному порыву, в круг вышла Амира, раздался громкий возглас приветствия. Она также сбросила туфли, подняла руки. Облегающие тело блуза и юбка черного шелка подчеркивали грациозные колыхания бедер, которые все убыстрялись и убыстрялись в такт ритмичной музыке, покачивания не прерывались и в плавных движениях восьмерки, которые она продолжала выписывать своим телом. Она вызвала Мариям, та немедленно откликнулась, сбросила туфли и присоединилась к танцу Амиры. Подруги танцевали вдвоем еще в молодости, отлично дополняя друг друга. Вся комната звенела от музыки, оглушительных хлопков.

Амира чувствовала, как ее душа возносится. Биледи — или, как его называли туристы, белли дансинг — снимал душевное напряжение, от этого наступало состояние восторга, какой-то эйфории, как после курения гашиша. Такое же приподнятое настроение было у Мариям. Совсем недавно она отпраздновала свой день рождения — ей исполнилось сорок три года. А через неделю она праздновала день рождения старшего сына: и это было тайной от ее мужа Сулеймана.

У Мариям первый брак был очень коротким: ее муж и первенец умерли во время эпидемии гриппа, которая выкосила пол-Каира. Она осталась одна, сходила буквально с ума от горя и тоски, когда ей повстречался привлекательный Сулейман Мисрахи, богатый торговец. Он принадлежал к одной из самых состоятельных еврейских семей Египта. Они полюбили друг друга, и, когда Сулейман привел в дом на улице Райских Дев молодую невесту, он надеялся, что Творец наградит его многочисленным потомством.

Но прошел год, затем второй, третий, и Мариям сама стала беспокоиться. Она пошла к докторам, и те сказали, что нет никаких причин, по которым она не могла бы иметь детей. Стало понятно, что причина в Сулеймане, но для женщины было ясно, что такое известие убьет его. Она поделилась тревогой с подругой. У Амиры к тому времени уже родились двое детей — мальчик и девочка. «Аллах пошлет», — вот и все, что она сказала. Но ответ пришел Амире во сне, и это было единственно возможным решением.

Во сне ей привиделось лицо Муссы, брата Сулеймана. Ее просто поразило, как сильно они похожи, прямо близнецы. Амира рассказала подруге о своем видении, но понадобились недели, прежде чем Мариям набралась смелости и об-

ратилась к Муссе. Он выслушал ее рассказ с удивительным сочувствием. Он тоже понимал, что диагноз врачей будет настоящим ударом для Сулеймана. И у них родился план.

Мариям тайно приходила к Муссе, они вступали в связь, пока она не уверилась, что беременна. Когда ребенок родился, у Сулеймана не закралось сомнений. Два года спустя Мариям снова пришла к Муссе, и от этого союза родилась девочка, копия Сулеймана. Пять раз Аллах благословлял дом Сулеймана Мисрахи на улице Райских Дев, а когда Мусса уехал в Париж, Мариям сказала мужу, что доктора не советуют ей больше беременеть. До сего дня только Амира и Мусса в далеком Париже знали о ее тайне.

Когда Амира, совсем без сил от танца и смеха, вернулась на диван, слуга сообщил, что ее ждет посетитель — мужчина.

Амира вышла в холл. Она не удивилась, увидев Андреаса: она надеялась, что он зайдет к ней. Он не покидал ее мысли в последнее время, и ей стало казаться, что она в самом деле выйдет за него замуж.

— Добро пожаловать. Да благословит Аллах твои дни. Зайди в мой дом и раздели наш праздник.

— Я пришел попрощаться, саида.

— До свиданья.

— Наверное, вам известно, что Его Величество сменил кабинет министров в прошлом месяце. Я больше не министр культуры. Может показаться, что я стал жертвой интриг, но это скорее Провидение. Мне по наследству от дяди, которого я едва знал, достались несколько гостиниц в Европе. Сейчас происходит восстановление экономики во всех странах, похоже, тяжелые времена остаются позади. Будут приезжать туристы, им надо где-то останавливаться. Утром я уезжаю в Рим, оттуда поеду в Афины, родное гнездо моей семьи. Не думаю, что скоро вернусь в Каир.

Он взял ее руку, поднес к своим губам и нежно поцеловал.

— У меня нет слов, господин Скурас. Я опечалена этим известием, но при этом рада за вас, за новые обстоятельства и возможности, которые открываются перед вами. Но скажите, пожалуйста, ваше решение было бы таким же, если бы я приняла ваше предложение?

— Небеса рассудили иначе. Я все надеялся, но это бессмысленно — вы принадлежите этому дому, этой семье. Из эгоизма я хотел оторвать вас от всего этого, наконец до меня

дошло, что предложение выйти за меня замуж принесло вам не столько радость, сколько поставило перед мучительным выбором. Но я унесу в своем сердце ваш светлый образ, Амира. Я никогда не забуду вас.

— Проходите, — приглашала хозяйка дома, готовая расплакаться и с трудом сдерживая свои чувства, — почувствуйте наше гостеприимство.

Он еще раз взглянул на большие, украшенные искусной резьбой двери, настежь распахнутые. Через них лился яркий свет и громкая музыка.

— Боюсь, если я войду, то не смогу покинуть этот дом. Да благословит вас милостивый Аллах.

Он сомкнул в своих руках ее ладони и передал маленькую золотую шкатулку с кольцом:

— Носите это кольцо в знак дружбы, Амира, — тихо произнес гость. — Пусть это будет памятью обо мне.

Она смотрела на него глазами, полными слез. И только после того, как он вышел, открыла шкатулку, достала кольцо и стала надевать его на палец. И вдруг замерла: носить сейчас это кольцо будет несправедливо по отношению к Андреасу. Подарок предназначен для другого, она никогда не сможет думать о Скурасе только как о друге. Она сохранит кольцо и наденет его в тот день, когда он вернется к ней не другом, но возлюбленным.

Она уже собиралась вернуться в салон, когда раздался предупредительный возглас, оповещающий о том, что мужчина сейчас войдет на женскую половину дома. «Ибрагим?» — мелькнуло в голове у Амиры. Увидев в дверном проеме его силуэт, она вскрикнула и бросилась к нему. Сын крепко обнял ее, слезы заблестели на его щеках:

— Мама, как я же скучал по тебе! Как мне не хватало тебя!

Они вошли в салон вдвоем, и сразу же их окружили Нефисса, двоюродные сестры, тетки, дети, а остальные женщины наперебой восклицали:

— Доктор Рашид вернулся! Что за чудесный вечер! Аллах всемилостивый!

Когда Мариям Мисрахи приблизилась к нему, он также крепко обнял и ее, хотя по обычаю ему не следовало прикасаться к женщине, если та не была его родственницей. Но тетушка Мариям была для него второй матерью: она заботи-

лась о нем, когда родились его сестры Фатима и Нефисса, он рос с ее детьми, был на празднике Bar Mitzvahs у ее сыновей, приходил на Саббат к ним домой.

— Мама, — обратился он к Амуре с улыбкой, — я хочу тебя кое с кем познакомить. — Он отстранился, и все присутствующие замерли, когда увидели вошедшую молодую женщину — высокую, стройную, с приветливой улыбкой. Она была одета в элегантный дорожный костюм и шляпу с широкими полями, через плечо был переброшен ремешок кожаной сумочки. Но всеобщее удивление было связано не с ее костюмом: распущенные по плечам светлые волосы — вот что поразило собравшихся.

Ибрагим обратился к ней по-английски:

— Я представлю тебе мою семью, — и добавил по-арабски, обращаясь к Амуре: — Мама, это Алиса. Моя жена.

— Здравствуйте, госпожа Рашид. Мне так не терпелось познакомиться с вами, — произнесла гостя и протянула руку для приветствия.

Еще больше удивленных вздохов разнеслось по комнате вслед за коротким словом:

— Англичанка!

Амира пожала руку и обняла молодую женщину, отвечая ей по-английски:

— Добро пожаловать в наш дом, моя новая дочка. Всемиловитый Творец послал нам тебя как Свое благословение. — Выпустив Алису из своих объятий, Амира увидела то, что сразу заметили большинство женщин: молодая женщина была в положении.

— Алисе двадцать лет, она твоя ровесница, Нефисса, — Ибрагим повернулся к сестре. — Я знал, что вы подружитесь.

Молодые женщины обнялись, к ним присоединились и остальные гости в комнате. Послышались возгласы, охи, восклицания — как красива новая дочь Амиры.

— Что ж ты не предупредил нас, Ибрагим, — упрекнула брата Нефисса, беря родственницу под руку, — мы бы приготовились.

Амира еще раз крепко обнялась с сыном, они застыли в объятиях друг друга, и она спросила сына, глядя на него сквозь слезы:

— Ты счастлив, сын моего сердца?

И когда он ответил, что еще никогда не был так счастлив, Амира вытянула руки и произнесла:

— Добро пожаловать в наш дом, дочка. Да будет он и твоим домом.

«Благодарю Тебя, Всемогущий Творец, Ты вернул мне сына», — подумала Амира и поразилась милосердию Всевышнего, отдалившего от нее мужчину, за которого она могла выйти замуж, но приведшего сына в отчий дом.

6

Сахра вышла на свое обычное место у богатого отеля «Континенталь-Савой», где она просила подаяние, когда у нее начались схватки. Сначала она подумала, что ей надо как-то продержаться и выполнить норму, иначе мадам Наджиба будет сильно злиться: наверное, это была плохая фалафель, которую она купила у уличного торговца, — потратила деньги, хотя мадам Наджиба пересчитывала каждый пиастр, но она была страшно голодна. И вообще, съела-то она когда, а живот разболелся только сейчас. Когда приступ боли повторился, еще сильнее, чем первый, докатившись до самых пяток, она догадалась, что ее ребенок готовится выйти на свет. Но почему так рано?!

Когда Сахру приняли в шайку нищих, работающих на мадам Наджибу, та сразу спросила, когда Сахра забеременела. Ответить на этот вопрос было непросто: она просто потеряла счет времени, пытаясь найти Абду в Каире. Ей помнилось, что в день их любви хлопковые поля были покрыты желтыми цветами и только что закончился сев кукурузы. Наджиба стала считать, загибая грязные пальцы. По ее расчетам выходило, что ребенок должен появиться в конце февраля — начале марта, вместе с приходом ветра хамсина.

— Что ж, можешь остаться с нами. Но не надейся, что твой живот заработает тебе лишние монеты. Это старый трюк, все будут думать, что ты засунула арбуз под платье. Но девочка с младенцем на руках может приносить неплохой заработок, особенно такая костлявая, как ты.

Сахра и не думала возражать, когда Наджиба держала ее впроголодь, чтобы сохранился голодный блеск в глазах, — по крайней мере, у нее было место, куда она могла вернуться, подстилка для сна и компания себе подобных, кого она

могла назвать приятелями. Положение многих нищих было похуже, чем у нее. Взять тех же отчаявшихся, которые добровольно искалечили себя, чтобы зарабатывать побольше денег. И девушки, которые отдавали себя мужчинам за деньги. И хотя проституция была узаконена, все равно это было постыдным занятием. После первых недель в городе, когда Сахра казалось, что она просто умрет от голода, защита даже такого хладнокровного и бессердечного существа, как мадам Наджиба, была желанной.

Когда третья схватка словно разъяла ее тело на части, она вышла из толпы и посмотрела на солнце. В деревне было не трудно определить время суток, но за всеми этими высокими домами и минаретами ориентироваться по солнцу было непросто. Над крышей Торф-клуба небо имело красноватый оттенок. Приближались сумерки, ее малыш должен был появиться на свет холодным январским вечером.

Неожиданно ее охватило возбуждение — словно вся ее жизнь была подготовкой к этому дню, когда должен был появиться на свет ребенок Абду. Она нырнула в узкую улочку, чтобы не привлекать к себе внимание, и поспешила к Нилу. Улица, где обитала мадам Наджиба со своими попрошайками и мошенниками, находилась в другой части города, но Сахра туда не собиралась. Ей надо было сделать что-то иное, ради чего ей предстояло добраться до новейшего района города, где по улицам мчались блестящие автомобили, а девушки в коротких юбках и туфлях на высоких каблуках спешили на свидания. В район, где бедных крестьянок не особенно жаловали.

К тому времени, когда она почти достигла реки, солнце уже скрылось за горизонтом и короткие египетские сумерки окутали город. Сахра понимала, что ей надо торопиться. Перерывы между схватками сокращались; она должна исполнить свой долг и успеть вернуться в закуток к мадам Наджибе. Ей надо было быть осторожной. Она почти добралась до английских казарм, рядом с огромным зданием музея, который уже закрывался. Если бы она жила сейчас в деревне, то как раз в это время надо было загонять быков в стойло на ночь, а потом она поспешила бы в глинобитный домишко отца, согретый теплом печи.

Ей было интересно, что произошло после того, как она оставила родной кров. Сильно ли разозлился шейх Хамид, что невеста сбежала из-под его носа? Бросились ли отец с ее

дядьями в погоню, чтобы прикончить беглянку? Или стали избивать мать, чтобы узнать правду? А может, жизнь продолжалась как ни в чем не бывало, и исчезновение Сахры Бинт Тьюфик стало еще одной деревенской легендой?

Сахра не любила вспоминать те первые страшные дни в Каире, когда она металась по городу в полной уверенности, что сможет найти Абду. Она не ожидала, что город окажется таким огромным, полным незнакомцев, не обращающих на нее никакого внимания. Вокруг постоянно раздавались гудки машин, швейцары кричали на нее по утрам, прогоняя со ступеней, где она коротала ночи; уличные торговцы гонялись за ней, пытаясь отнять украденную лепешку; полицейский угрожал отправить ее в тюрьму, а сам продержал ее у себя дома три ночи, пока ей не удалось сбежать. А потом она добралась до этого странного моста, под которым собирались городские нищие и калеки, где Сахра пыталась выпросить пару монет у прохожих, пока женщина с характерным знаком бедуинки на подбородке не прогнала ее, потому что это был их мост: если она хочет работать на нем, то пусть сначала договорится с мадам Наджибой.

Так Сахра стала работать на Наджибу, чье имя означала «премудрая», отдавая ей каждый день половину того, что ей удавалось выпросить у прохожих. У нее не очень получалось зарабатывать на жизнь попрошайничеством, порой ей даже не хватало на луковицу для ужина. Одно время ее хотели прогнать из шайки, но однажды красивая женщина в большом розовом доме, которой она передала бумажку, вынесла ей шерстяное покрывало, немного еды и несколько монет, и Наджиба решила оставить девушку у себя — скоро должен был появиться младенец, и Сахра могла бы приносить больше денег.

В один из тех дней прошел незамеченным ее четырнадцатый день рождения. Ближе всего она подобралась к Абду, когда стояла у ворот розового дома, где жила щедрая женщина. Медленно подъехала машина, и из нее вышел тот самый незнакомец, которому она помогла выбраться из канала после свадьбы ее сестры. Тот самый господин, подаривший ей белый шарф, который она отдала мадам Наджибе. Ее опять поразило, как сильно похож он на Абду, снова и снова она возвращалась к дому, где могла взглянуть на богатого жителя Каира.

Следующая схватка была такой сильной, что колени Сахры подогнулись. Она прислонилась к двери, перед ее глазами мелькали машины и автобусы, разворачивающиеся на большом транспортном кольце напротив английских казарм. Ей надо было добраться до Нила.

Сумерки стусились, зажглись фонари. Огибая шоссе и держась в тени больших домов, Сахра наконец добралась до моста, где начиналась дорога к пирамидам. Эта же дорога вела в ее родную деревню, но туда она никогда не вернется. Она поспешила на речной берег, останавливаясь, когда боль становилась совсем нестерпимой. Когда ее босые ноги коснулись влажной земли, она заскользила вдоль склона, пока не остановилась внизу среди мусора, отбросов и остатков гниющей рыбы. Слева она разглядела крестьян и рыбаков, расположившихся вокруг костра. Справа виднелись яхты богатых горожан. Их палубы заливал свет фонарей, оттуда доносились музыка и смех. Вдалеке на воде виднелся большой остров, где загорались огоньки спортивных клубов, ресторанов и роскошных вилл.

Пробираясь вдоль берега, Сахра не испытывала страха. Аллах позаботится о ней, и скоро она будет держать в руках ребенка Абду, как обнимала когда-то его самого. А когда она окрепнет, то продолжит свои поиски, потому что надежда найти любимого ни на час не оставляла ее.

Так, упорно двигаясь к речному берегу, Сахра следовала древнему обычаю крестьянок. Они верили, что плодородный ил с берегов Нила поможет роженице, потому что в нем сила, оплодотворяющая землю, и она же оградит дитя от дьявольского сглаза. Но схватки стали такими мучительными, что Сахра почти теряла сознание и едва дышала. Слишком поздно она поняла, что надо было сразу отправляться к Наджибе. Младенец стал выбираться в этот мир.

Она легла на спину, смотрела на небо и ждала, когда наступит ночь. Так много звезд! Как-то раз Абду сказал ей, что это глаза Божьих ангелов. Она старалась сдерживать слезы, чтобы не позориться. Она подумала о Хагаре в темноте, пытаясь найти немного воды для новорожденного. «Если это будет мальчик, я назову его Исмаил».

Сахра пыталась сосредоточиться на золотистых мигающих огоньках на другом берегу реки. Она представляла себе

людей в белых одеждах, словно ангелов. Звезды спускались все ниже, боль охватила ее всю, она все смотрела в воду, и виделось ей, что это, наверное, рай.

Рай! Леди Алиса вышла на террасу клуба «Кейдж д'Ор». Каир, залитый светом, сверкающие звезды, отражающиеся в водах Нила, — просто рай! Она чувствовала себя такой счастливой, что готова была танцевать. Ее новая жизнь превзошла все ее ожидания и предположения. Она слышала, что Каир называли Парижем на Ниле, но и представить себе не могла, что у города такой французский облик! Ее новый дом был похож на маленький дворец среди таких же прекрасных вилл иностранных дипломатов и посольств на этой улице. Можно было легко вообразить, что улица Райских Дев расположилась в модном районе Ньюлли в Париже.

Она была очень довольна, что война закончилась. На самом деле, лихолетье не сильно затронуло ее — она жила в деревне, в фамильной усадьбе. Ее отец, граф Пембертон, предложил поселить у них детей, чьи дома были разбомблены, но до этого, к счастью, не дошло. Алиса представить себе не могла, что бы она с ними делала.

Девушка не любила думать о разных житейских невзгодах, о войне и сиротах. Она была против и всех этих пустых разговоров о том, что англичане покинут Египет. Это просто невозможно! И что же будет, если это случится? Разве не благодаря англичанам Египет стал таким прекрасным? Отсутствие какого-либо интереса к тягостным обстоятельствам этой жизни было той чертой, которая так понравилась ей в Ибрагиме, когда она познакомилась с ним в прошлом году в Монте-Карло: когда все вокруг погружались в жаркие политические и общественные споры, он оставался равнодушным и не принимал в них никакого участия. Но не только это привлекло ее: прежде всего его скромность, сдержанность, доброжелательная речь, доброта и щедрость. Ей казалось, что быть личным врачом короля — восхитительное занятие, но Ибрагим искренне сказал ей, что это совсем простая работа, его квалификация врача не очень-то и востребована. Он даже признался, что занял эту должность только потому, что его отец был придворным врачом. И хотя он получил блестящее медицинское образование, закончил медицинскую школу с хорошими результатами, он был рад, что ему не надо беспо-

коиться о том, где бы ему найти пациентов. Благодаря отцу его представили ко двору, он сразу же понравился королю Фаруку. И больше всего Ибрагима радовало то, что работа не докучала ему: два раза в день надо было измерять давление Его Королевскому Величеству и время от времени выписывать лекарства от несварения желудка.

Алисе весьма импонировало, что Ибрагим не стремится залезть в дебри, как он сам, смеясь, описывал себя. Он также добавлял, что он человек уравновешенный, без особых пристрастий, амбициозных намерений, и все, к чему он стремится, — это обеспечить комфортную жизнь себе и своей семье. Поэтому он очень нравился Алисе, разделяя ее любовь к удовольствиям и земным радостям. Он был к тому же прекрасным любовником, хотя она и не могла его сравнивать с другими мужчинами: когда они встретились, она была девственницей.

Как бы ей хотелось, чтобы мама была жива! Леди Фрэнсис наверняка бы одобрила ее экзотический выбор, она ведь и сама тянулась ко всему необычному, восточному. Она не уставала повторять, что посмотрела фильм «Шейх» шестнадцать раз! А «Сына шейха» — целых двадцать два раза! Но мать Алисы страдала от депрессии неизвестного происхождения. Меланхолия — такой диагноз написал врач в заключении о смерти: однажды зимним утром леди Фрэнсис засунула голову в газовую плиту, и с тех пор ни граф, ни его сын Эдвард, ни дочь Алиса не говорили об этом.

Из раскрытых дверей клуба донесся громкий смех. Алиса повернулась и взглянула сквозь стекло. Фарук сидел за своим игровым столом, приближенные громко выражали свое восхищение. «Наверное, он сейчас выиграл», — подумала Алиса. Ей нравился египетский король, он напоминал ей большого ребенка, с его бесконечными шутками и розыгрышами. Бедная королева Фарида никак не может родить ему наследника. Ходили слухи, что он может даже развестись с ней из-за этого. Для египетских мужчин это было очень просто. Достаточно было произнести три раза: «Я с тобой в разводе» — и все.

Алисе казалось весьма странным это национальное пристрастие к наследникам-мальчикам. Ну конечно, все мужчины хотели сыновей. Разве ее собственный папа не был разочарован, что его первенец оказался девочкой? Но у египтян это было просто навязчивой идеей. Алиса узнала, что в араб-

ском языке даже нет слова «дети». Если у мужчины спрашивали, сколько у него потомков, использовали слово «awlad», что означало «сыновья». Дочери не считались, а несчастного, у которого жена рожала только девочек, часто награждали обидным прозвищем «отец девчонок» — «abu banat».

Алисе припомнилось, как год тому назад в Монако интерес Ибрагима к ней заметно возрос, когда, рассказывая о своей семье, она упомянула, что у нее есть брат, кузены и дяди, добавив со смехом, что это, наверное, вестфальская особенность — производить на свет мужчин. Конечно, она понимала, что не только это привлекло к ней Ибрагима. Он бы не влюбился в нее, не женился бы и не привез домой только из-за ее способности рожать мальчиков. Бессчетное число раз Ибрагим говорил ей, как он обожает, боготворит ее, как прекрасна она, целуя ее пятки и пальчики на ступнях, благоговая дерево, из которого была сделана ее колыбель.

Если бы ее отец мог это понять! Если бы ей удалось доказать ему, что Ибрагим действительно любит ее и будет хорошим мужем. Она ненавидела слово «черномазый», ей очень хотелось, чтобы она никогда не слышала его из уст отца. Две недели их медового месяца, который они проводили в Англии, превратились в настоящий кошмар. Граф предупредил дочь, что лишит ее титула и наследства. Она носила титул леди Алисы Вестфальской, потому что ее отец был графом. Но она сказала, что ей все равно: выйдя замуж за пашу, она сохранила право называться леди. Но она знала, что граф переменит свое мнение, когда родится наследник. Ему же захочется увидеть своего первого внука!

Но Алиса скучала без отца. Были моменты, когда ее охватывала тоска по дому, особенно в первые дни в доме Рашида, когда она обнаружила, что переселилась совсем в другой мир. Первый после приезда завтрак в доме мужа поразил ее. Она привыкла к чинным, проходящим в молчании, трапезам с отцом и братьями. Тем больше удивил ее шумный, беспорядочный завтрак на улице Райских Дев. Вся семья уселась на полу, опираясь на разбросанные подушки и накладывая еду на подносы. Стоял невообразимый шум и гам — все ели так, словно это была последняя возможность в их жизни. Каждое блюдо громко обсуждалось, бесконечно упоминались приправы, специи, количество использованного масла и прочее, со всех сторон доносилось: «Попробуй то, попробуй это».

А еда! Жареные бобы, яйца, горячие лепешки. Когда она потянулась за чем-то, золовка прошептала ей на ухо:

— Мы едим правой рукой.

— Я левша, — возразила Алиса.

Нефисса сочувственно улыбнулась:

— Когда ты ешь левой рукой, ты оскорбляешь присутствующих, потому что мы пользуемся левой рукой... — она закончила предложение, низко склонившись к ее уху.

Ей предстояло еще многое узнать, освоить все правила непростого этикета, чтобы избежать неловких ситуаций. Женщины в семье Рашидов были очень доброжелательными и терпеливыми; им даже вроде бы нравилось учить ее, они много смеялись, как заметила Алиса, и шутили. Нефисса была ее любимицей. В тот же день, когда Алиса переступила порог дома мужа, золовка представила ее принцессе Фаизе и другим придворным дамам, все они были египтянки, но одетые в элегантные европейские платья. В тот день Алиса испытала первый шок: после того как Нефисса тщательно нарядилась перед выходом из дома, она надела на себя длинное черное одеяние, которое она назвала мелайя и которое закрыло фигуру с головы до ног так, что были видны только ее глаза. Со смехом Нефисса пояснила:

— Это требование Амиры. Моя мать считает, что на улицах Каира слишком много соблазнов и похотливых мужчин, покушающихся на женскую честь. Да не смотри ты так испуганно, Алиса. Тебя это не касается, ты же не мусульманка.

Было много еще чего, к чему следовало приспособляться. Ей не хватало по утрам жареного бекона, нечего было и думать о свиных отбивных и ветчине, нужно было позабыть и про вина за ужином, и традиционном бренди после него — в исламе алкоголь тоже запрещен. Родственницы Ибрагима говорили в основном по-арабски, порой вспоминая о том, что надо переводить сказанное для Алисы. Но сложнее всего ей было приспособиться к странному разделению дома на две половины — мужскую и женскую. Ибрагим мог входить в любую комнату, но женщины, даже его мать, должны были спрашивать разрешения прийти к нему.

И наконец, был еще один важный вопрос — религия. Амира очень доброжелательно рассказала невестке, что в Каире много христианских церквей и она может посещать любую, какая ей нравится. Алиса выросла в не очень религиозной ат-

мосфере, ходила в церковь только по особым случаям. Когда Амира поинтересовалась, почему так много разных христианских видов религий, Алиса объяснила тем, что существуют некоторые особенности, и в свою очередь спросила, разве нет разных сект в мусульманстве. Амира объяснила:

— Они существуют, но все идет в одну мечеть, неважно, какие особенные взгляды ты исповедуешь.

А на следующий вопрос, почему существуют разные Библии, когда Коран един, Алиса была вынуждена признать, что у нее нет ответа.

Но семья ее приняла, все звали ее сестрой или кузиной и обращались с ней так, словно всю жизнь она прожила в этом доме. А когда родится малыш, все будет идеально.

Ибрагим вышел на веранду со словами:

— Вот ты где.

— Мне захотелось побыть на воздухе, — ответила она, любуясь мужем в элегантном фраке. — Шампанское ударило в голову.

Он прикрыл ее плечи меховой накидкой:

— На улице свежо, мне теперь приходится заботиться о вас двоих.

Он принес шоколадный трюфель с карамельной начинкой, и положил ей в рот, и сразу же поцеловал жену в губы, разделяя сладость поцелуя и лакомства. Привлекая ее к себе, спросил:

— Ты счастлива, милая?

— Больше, чем когда-либо.

— По дому не скучаешь?

— Нет. Ну, совсем чуть-чуть. Скучаю по домашним.

— Мне так жаль, что вы с твоим отцом не ладите. Грустно, что он меня не принял.

— В этом нет твоей вины. И я не могу жить всю жизнь, угождая ему.

— Знаешь, Алиса, всю свою жизнь я пытался угодить отцу, и мне никогда это не удавалось. Я никому не говорил, но всегда чувствовал себя неудачником.

— Это не так, дорогой!

— Если бы ты знала моего отца, упокой Аллах его душу, ты бы поняла, о чем я говорю. Он был очень богатый, имел огромное влияние. Я вырос в его тени. Не помню, чтобы слышал от него доброе слово хоть когда-нибудь. Он был не-

плохой человек, но это был человек другой эпохи, когда считали, что проявление нежности может испортить характер мальчика. Порой мне казалось, что отцу хотелось бы, чтобы я стал взрослым со дня моего рождения: я не помню своего детства, кроме того времени, что проводил с матерью. И когда я вырос, что бы я ни делал, он всегда был мной недоволен. Вот почему, — добавил он с блеском в глазах, — я так хочу сына. Наследник — вот чем я могу гордиться, вот что принесет мне любовь отца.

Алиса нежно поцеловала его, они повернулись и покинули прохладную террасу, не обратив внимания на суматоху на противоположном берегу реки, где нильские рыбаки шумно обсуждали свою находку.

7

— Тебя любит фортуна, — сказала Амира невестке, разглядывая чаинки в чашке Алисы, когда они сидели на крыше под звездами. — Кветта сообщила мне, что сегодня очень благоприятный день для рождения ребенка.

Алиса взглянула на женщину-астролога: та сидела за столом, склонившись над картами и диаграммами, время от времени поглядывая на сверкающие в небе звезды. Алиса рассмеялась:

— Я постараюсь.

Она уже переходила одну неделю.

Нефисса, сидевшая рядом, обменялась с невесткой понимающей улыбкой. В доме Рашидов каждое рождение сопровождалось приглашением предсказателей, звездочетов, увеличивающих значение происходящего. Ей было заметно, что Алису это забавляло: в ее семье все было по-другому, все старались не привлекать внимание к этому событию.

Другие женщины тоже поднялись на крышу, чтобы наслаждаться весенним ветерком и присутствовать при многозначительных толкованиях Кветты: здесь были и тетки, и кузины. незамужние или овдовевшие, все они были под крылом Ибрагима. Они оживленно болтали, пока Амира и Кветта читали знамения.

Нефисса смотрела на двух малышей, играющих на покрывале: годовалая Камелия, чья мать умерла при родах, и ее собственная дочурка Тахия, которой исполнилось полтора

года. Ее четырехлетний сын Омар предпочел пойти вечером в кино с дядюшками. Но никто вокруг нее — ни невестка в ожидании родов, ни собственные дети — не трогали ее. Она старалась не думать о времени, чтобы не выдать волнения. Сегодня ей предстояло встретиться наедине с лейтенантом во дворце у принцессы.

Женщины, собравшиеся на крыше в ожидании долгожданного момента, проводили время за мятным чаем и разговорами, переходя с арабского на английский, помня о присутствии Алисы. Ей нравилась мелодия арабской речи, она даже начала учиться говорить на нем. Когда Кветта указала на звезду, поднявшуюся над куполом ближайшей мечети и сверкающую между двумя минаретами, она сообщила:

— Это Ригаль, очень сильный знак.

— *Al hamdu lillah*, — неуверенно произнесла Алиса и взглянула на Нефиссу, которая не удержалась и подмигнула ей.

И пока все женщины оживленно подбадривали Алису, уверяя, что она стала говорить по-арабски, как настоящая египтянка, Нефисса украдкой посмотрела на часы. Она была так возбуждена, что готова была кричать во весь голос. Но приходилось быть осторожной.

За последние четыре месяца, прошедшие со дня их встречи в автомобиле, они пытались устроить еще несколько свиданий с помощью принцессы, которой Нефисса во всем открылась. Но каждая попытка ни к чему не приводила — дважды офицер не приходил; однажды Нефиссе пришлось остаться дома, и один раз принцесса подвела их.

Удастся ли им встретиться сегодня? Отпустят ли его командиры? Сдержит ли слово принцесса? Нефиссе казалось, что, если она так и не встретится с лейтенантом, не ощутит его объятий, не поцелует его губы, она просто не сможет больше жить.

Наконец она встала и сказала:

— Мне пора идти.

— Куда ты собираешься? — удивилась Амира.

— Принцесса ждет меня.

— Но ведь Алисе скоро рожать.

— Ничего, ничего, — поспешила заметить Алиса, которая была посвящена в тайну этих свиданий.

Амира смотрела дочери вслед и удивлялась, откуда у ее дочери такая сила воли. Она учила детей быть послушными, но, похоже, они жили своим умом. И Фатима была такая же,

неожиданно вспомнила Амира, и внезапно ей захотелось точно знать, где ее старшая дочь, куда она ушла после того, как Али выгнал ее из дома. Как-то раз она даже предприняла попытку найти дочь, расспрашивая друзей и знакомых, но Али запретил. И хотя это причиняло ей страшную боль, она повиновалась.

— Ох! — воскликнула Алиса, и все к ней повернулись. А когда она положила руки на живот и произнесла, что, кажется, пришло время, все сорвались с места и поспешили к ней.

Амира пробормотала: «Слава Аллаху!» и последовала за другими женщинами в дом, а Кветта осталась на крыше — разглядывать звезды.

Нефиссу, как хорошо известную во дворце близкую подругу принцессы, провели в покои Ее Высочества. Ее сопровождала высокая нубийка в белой галабее, красной накидке и красном тюрбане, одна из многочисленной армии прислужниц, которые обитали в двухсоткомнатном дворце в сердце Каира и чьей главной работой было исполнять малейшие прихоти принцессы и ее нового мужа. Построенный в оттоманские времена дворец представлял собой смесь персидского и мавританского стилей — сплошное сплетение коридоров, переходов, комнат, садов. Когда Нефисса проходила под мраморными арками, до нее доносились звуки венского вальса в исполнении оркестра: принцесса с супругом развлекали гостей.

Наконец она очутилась в той части дворца, о которой узнала совсем недавно. Служанка приподняла бархатную портьеру, и Нефисса оказалась в огромной комнате с величественным фонтаном посередине. Она поняла, что находится в старом гареме, который сейчас не использовался. Мраморный пол своей отполированной голубизной напоминал глубокие воды реки. Нефиссе даже было жутко ступать по нему: казалось, если она посмотрит вниз, то увидит живых рыб под ногами. Вдоль стен стояли низкие диваны с многочисленными бархатными и шелковыми покрывалами; сотни светильников свисали с потолка на цепях, они отбрасывали причудливые тени на мраморные колонны, арки, высокий потолок, украшенный причудливой мозаикой. Высоко под потолком виднелся балкон, из-за деревянных ширм которого султан мог тайком наблюдать за наложницами.

На стенах Нефиссы разглядела необычные мозаики с обнаженными купальщицами, слившимися в сладострастных объятиях. Женщины всех возрастов, рас, казалось, были застигнуты томной меланхолией: пленницы своей красоты, птицы, удерживаемые в клетке для удовольствия хозяина. Интересно, это портреты реально существовавших людей? Нефисса не могла отвести взгляд от их выразительных глаз и прекрасных пышных тел. Смотрела ли она в лица тех женщин, кто некогда дышал и мечтал о свободе, о настоящей любви? Разглядывая мозаики, она обнаруживала на каждой из них фигуру мужчины в голубом одеянии, кожа которого была темнее, чем у изображенных женщин. Он казался каким-то задумчивым, отстраненным, словно все происходящее рядом не касалось его, в его взгляде не было ни возбуждения, ни осуждения чувственных купальщиц. Но кто он? Ясно, что не султан: его бы изобразили в богатых одеждах, окруженного нимфами. Что же имел в виду художник, когда изображал эту странную фигуру?

Нефисса отвернулась от необычных мозаик, сердце ее ушащено билось. Она ждала этой ночи целую вечность. Каким же окажется ее английский лейтенант? Мысли не оставляли ее, пока она в нетерпении меряла шагами мраморный холл, молясь про себя изо всех сил, чтобы он скорее появился. В ее мечтах он был нежным и пылким любовником. Правда, ей доводилось слышать от некоторых придворных дам, тех, что вели фривольный образ жизни и имели не одну интрижку с европейцами, что англичане не отличаются особой страстностью. Будет ли он в ее объятиях таким же отрешенным, как юноша на мозаиках? Или же он войдет, собьет ее с ног, удовлетворит свое желание и попрощается?

Когда до Нефиссы донеслось пение фазанов где-то в саду, ее волнение усилилось. Время шло. Оба предыдущих раза она напрасно прождала в этом странном гареме, проведя ночь с призраками печальных наложниц. Время истекало не только этой ночью — истекало время ее свободы. Нефисса старалась не думать о бесконечных попытках матери сосватать ей подходящего жениха — порядочного, состоятельного, привлекательного. Как долго будет удаваться ей находить благовидные предлоги и отклонять одного претендента за другим? Как долго будет еще продолжаться терпение Амиры? Когда-то же она скажет:

— Господин такой-то — отличная пара для тебя, Нефисса. Он уважаемый человек. Тебе надо выйти за него замуж, твоим детям нужен отец.

«Но я не хочу снова выходить замуж, — хотелось ей сказать, — не сейчас, потому что это будет конец моей свободы и у меня уже не будет возможности пережить вечер чудесной недозволенной любви!»

Ей послышалось, как где-то хлопнула дверь, раздались шаги. Бархатная портьера заколыхалась, словно от ветра, и неожиданно появился он, снимая фуражку, так что его светлые волосы заблестели в свете, отбрасываемом лампами.

Ей стало трудно дышать от звука его шагов, от быстрого взгляда, которым он охватил комнату:

— Что это за помещение?

— Это гарем. Его построили триста лет назад.

Он рассмеялся:

— Будто в сказке «Тысяча арабских ночей».

— Тысяча и одна ночь, — поправила его Нефисса, не веря тому, что он здесь, с ней, и они наконец очутились наедине друг с другом. — Четные числа приносят несчастье, и Шахерезада рассказала еще одну историю, — добавила она, удивляясь, откуда у нее берется храбрость так свободно говорить с ним.

Он взглянул на нее:

— Господи, как ты прекрасна!

— Я боялась, что ты не придешь.

Он приблизился, но не прикоснулся к ней, тихо произнес:

— Ничто не могло остановить меня.

Ее сердце рвалось к нему, он был так хорош — со всей его робостью, неловким переминанием с ноги на ногу, с фуражкой в руках.

— Я даже не надеялся, что могу так просто встретиться с тобой. Вокруг тебя всегда... ограждение. Ты как одна из них, — он показал рукой на мозаики, — всегда в чадре, узница за ширмами.

— Моя мать оберегает меня. Она считает, что лучше придерживаться старых обычаев.

— Что бы она сказала, если бы узнала про нас?

— Представить себе не могу. У меня была сестра. Я даже не знаю, что именно она совершила, мне было четырнадцать тогда, я толком ничего и не понимала, только слышала, как

отец кричал на нее, обзывал страшными словами. Он выгнал ее из дома в чем она была, не дав и куска хлеба на дорогу. Нам было запрещено вспоминать ее имя. И теперь никто не должен вспоминать Фатиму.

— Что с ней стало?

— Я не знаю.

— Ты боишься?

— Да.

— Не бойся, — он вытянул руку, она почувствовала, как его пальцы дотронулись до ее плеча. — Завтра мы покидаем Египет, нас возвращают в Англию.

Нефисса привыкла к темным, обжигающим взглядам арабских мужчин, которые, специально или нет, призывно сверкали. Взгляд голубых, как морская гладь, глаз, беззащитный и невинный, пробуждал в ней страсть гораздо сильнее.

— Это все, что нам досталось? Только этот час?

— У нас вся ночь. Меня не ждут раньше утра. Ты остаешься со мной?

Она подошла к окну, выглянула в темную, цвета индиго, ночь, где сладко пели соловьи и дышали ароматом белые розы.

— Ты знаешь легенду про соловья и розу? — спросила она, не в силах посмотреть ему в глаза.

Он стоял за ее спиной так близко, что она чувствовала на своей шее его дыхание.

— Расскажи мне.

— Много лет назад, — начала она, чувствуя, что, если он коснется ее, она превратится в пламя, — много лет назад все розы были белые, потому что они были девственницы. Но однажды ночью соловей влюбился в розу, и, когда он запел для нее, что-то шевельнулось в ее сердце. И тогда соловей приблизился к ней и прошептал, что любит ее. И цветок стал розовым. Соловей приблизился еще сильнее, роза раскрыла лепестки, и он забрал ее девственность. Она покраснела от стыда, ведь Творец установил, что розы должны оставаться непорочными. Вот откуда пошли розовые и красные розы, но до сего дня, когда поют соловьи, лепестки роз дрожат, но не раскрываются, потому что Всевышний не мыслит, что птица и цветок будут созданы друг для друга.

Взяв ее за плечи, он повернул ее к себе:

— А как же мужчина и женщина? Как Творец распорядился на их счет?

Он взял ее лицо в свои ладони, приблизил к своим губам. От него пахло табаком и виски, этими запретными запахами, она чувствовала их так отчетливо на своих губах, на языке.

Он отстранился, отстегивая португезу и кобуру, молча стоя перед ней. Трясущимися, непослушными пальцами Нефисса расстегивала пуговицы на его мундире. На нем не было рубашки, ей было странно ощущать его обнаженное бледное тело, упругую кожу, широкую грудь, плечи. С восторгом она проводила ладонями по плоскому животу, развитым мускулам. Она не могла не сравнивать этот сильный мужской корпус с телом ее бывшего мужа, вялым, хилым, почти женским.

Лейтенант расстегнул ее блузку, юбку, и она ощутила неожиданный прилив возбуждения — такой силы, о какой она и понятия не имела.

А он все повторял, не спуская с нее взгляда:

— Господи, как ты прекрасна!

И пропало время: им было некуда больше спешить.

— Почему Англия хочет забрать Палестину у арабов и отдать ее евреям? — спросил расслабленным голосом молодой человек, все еще оставаясь под сильным влиянием гашиша. — Арабам эта земля досталась от римлян, не от иудеев, четырнадцать веков назад. Ты мне скажи, ну какая европейская страна согласится отдать территории, которыми она владела четырнадцать столетий? Что, если индейцы потребуют вернуть Манхэттен обратно? Согласятся ли американцы?

На яхте Хасан аль-Сабира, плывущей по Нилу, несколько друзей расположились на подушках вокруг кальяна, угощаясь виноградом, сырами, оливками и свежими лепешками, разложенными на медном подносе. С ними был Ибрагим, которого не отпускали мысли о жене. Они были близкими друзьями с Хасаном: вместе учились в Оксфорде, где антивосточные настроения в их окружении послужили основой их глубокой привязанности, которая возникла между ними в юности и сохранилась, когда они вернулись в Египет. Ибрагиму, как и Хасану, исполнилось двадцать девять лет, оба были богаты и отличались привлекательной внешностью. Но в отличие от друга Хасан был юристом и весьма амбициозным человеком.

— Как я понимаю, все дело в том, кто первым был в Палестине, — скучающим тоном произнес Хасан. — Но к чему забивать голову проблемами, которые нас не касаются!

Молодой человек продолжал настаивать:

— Это не мы преследовали евреев во время войны. Мы считаем их своими братьями — мы все происходим от пророка Ибрагима. Веками мы мирно жили рядом друг с другом. Этот новый Израиль будет не прибежищем изгнанных, а еще одним предлогом для дальнейшего проникновения европейцев на Средний Восток.

Хасан вздохнул:

— Друг мой, ты становишься опасно политизированным. Это утомляет.

— Я знаю, что произойдет. Они придут сюда не как семиты к семитам, как братья, а как европейцы, снисходящие до этих жалких арабов. Разве такого уже не случилось? Нас не допускают ни в Торф-клуб, ни в Спорт-клуб, потому что местным туда нельзя. Мы должны очистить Египет для египтян, или здесь будет твориться то же самое, что и в Палестине.

Натянутый как струна молодой человек, на лице которого вырисовывались высокие скулы, произнес с горечью:

— Великобритания никогда сама не уйдет из Египта: по крайней мере, до тех пор, пока ей нужны наш хлопок и наш Суэцкий канал.

— Да зачем забивать себе голову этой скукотищей? — воскликнул Хасан со смехом, оглядываясь на Ибрагима, который явно оставался равнодушным к разговору.

— Потому что в Египте самый высокий уровень детской смертности в мире! Каждый второй ребенок умирает, не дожив до пяти лет. У нас больше слепых, чем в любой другой стране мира, и что же эти так называемые защитники сделали за все это время? За те восемьдесят лет, что Великобритания присутствует в Египте, они даже не попытались провести нормальную питьевую воду в наши деревни, не говоря уже о школах и медицинской помощи для беднейших слоев населения. Они, конечно, не делали ничего страшного с нашими людьми, но все эти годы оставались равнодушными к коренным жителям, что в не меньшей степени отвратительно!

Хасан встал с дивана и жестом пригласил Ибрагима выйти на палубу. Хотя у него была квартира в городе, где вместе с ним проживали жена, мать, дети и незамужняя сестра, большую часть времени молодой юрист проводил на яхте, развлекаясь в кругу друзей и приглашенных женщин. Сего-

дня вечером он сожалел, что вместо проституток пригласил молодых партнеров из своей фирмы.

— Прости, старина, — обратился он к Ибрагиму, закури-
вая «Данхилл». — Больше не буду их приглашать. Понятия
не имел, что они так интересуются всей этой трухой. Глядя
на тебя, можно сказать, что ты весьма доволен и счастлив.

Лицо Ибрагима было обращено к Городскому саду, в этот
момент он как раз думал о том, что время течет так же мед-
ленно, как и воды Нила:

— Я думал об Алисе и о том, какое счастье, что я встре-
тил ее.

Такая же мысль промелькнула у Хасана, когда он впервые
увидел светловолосую невесту друга: он тоже предпочитал
блондинок.

— Аллах воистину послал тебе Свое благословение, —
произнес он, любясь в стекле собственным отражением. —
Между прочим, тут ко мне обратился двоюродный брат му-
жа сестры, попросил узнать, нельзя ли получить должность
в министерстве здравоохранения. Ты не мог бы мне помочь,
используя свои связи?

— Я играю в субботу с министром в гольф. Скажи своей
невестке, пусть позвонит мне послезавтра. Я похлопочу.

Слуга Хасана, стройный албанец, появился на палубе:

— Господин Рашид, звонили из вашего дома. У вашей же-
ны начались роды.

— Слава Аллаху! — воскликнул Ибрагим. — Надеюсь, это
будет сын.

И он поспешил домой.

Ибрагим осторожно прикрыл за собой дверь в спальню,
где жена тихонько спала после родов. Он прошел в большой
салон и присоединился к матери. Вместе с астрологом Квет-
той они склонились над звездными картами, а в колыбельке
неподалеку от заботливых глаз Амиры сопела новорожден-
ная. Полный любви и нежности, Ибрагим склонился над
малышкой. «Она как ангелочек на европейских картинах, —
подумал он. Тонкие светлые прядки росли на ее макушке. —
Ясмина, я назову ее Ясмина».

Неожиданно его захлестнула волна сожаления: он не ис-
пытывал подобных чувств к своей первой дочери, Камелии.
Он был настолько удручен смертью своей молодой жены,

что едва взглянул на новорожденную тогда. И даже сейчас, спустя год, в нем не было такой любви к малышке, как той, которую он испытывал сейчас ко второй дочери. Его радость померкла, как только он вспомнил отца, словно его голос прозвучал над ухом:

— И снова ты меня подвел. Шесть лет я лежу в могиле, и до сих пор нет у меня наследника, мне не в ком продолжиться.

Ибрагим беззвучно умолял отца: «Дай мне любить мое дитя». Но он явно слышал, что говорил ему отец: «Да ты лишь отец дочерей!»

Амира положила руку на плечо сыну:

— Твоя дочь была рождена под звездой Мирач, прекрасная желтая звезда в созвездии Андромеды, в семнадцатом лунном доме. Кветта говорит, что это принесет ей красоту и благосостояние. — Она умолкла, чувствуя внутреннюю борьбу эмоций, захватившую сына. — Не отчаивайся, сын мой. В следующий раз родится мальчик, да будет на то воля Аллаха.

— А будет? — спросил он безжизненным голосом, словно склонившись под покровом невыполненных ожиданий, брошенным на него отцом.

— Никому не дано знать, Ибрагим. Одному Всевышнему ведомы дела Его сынов. Будущее предначертано в Его книгах. Обрети покой и положишься на Его милость и бесконечную мудрость.

Слова матери о Всевышнем встревожили его: в ночь, когда родилась Камелия, он посылал проклятия Творцу:

— Возможно, у меня никогда не будет сына, мама. Я, наверное, сам навлек на себя кару Аллаха.

— О чем ты говоришь?

Ибрагим почувствовал, что Кветта не отрывает свой темный, бесстрастный взгляд от его лица. И хотя старая женщина часто бывала у них в доме и даже присутствовала при рождении самого Ибрагима, в ее обществе он всегда ощущал беспокойство:

— В ту ночь, когда умирала мать Камелии, я был сам не свой, я посылал проклятия небесам, — он не мог взглянуть на мать. — Теперь я навлек на себя гнев Всевышнего? У меня никогда не будет сына?

— Ты проклинал Творца? — переспросила Амира. Неожиданно ей припомнился сон, который она видела накануне возвращения Ибрагима из Монако, — сон с пустыми

комнатами и клубящимися в бешеном танце джиннами. Было ли это предсказанием мрачного будущего? Того, где не будет продолжения рода Рашидов?

Можно было попытаться найти ответ одним проверенным способом.

Под наставления Кветты Амира сварила густой кофе с большим количеством сахара и велела сыну выпить сразу весь напиток. Затем Кветта опрокинула чашку на блюдце и стала ждать, пока густой остаток со дна медленно стекал по стенкам, образуя определенный узор. Вглядевшись в его очертания, предсказывающие судьбу Ибрагима, она прикрыла глаза.

Она видела только дочерей. Только девочки. Но в кофейной гуще она разглядела еще одно послание.

— Саид, — голосом, полным уважения, она обратилась к хозяину дома, и Ибрагим удивился, как молодо звучит ее голос, хотя гадалке было не меньше девяноста лет. — В своем горе ты проклял небеса, но Аллах милостив и не карает тех, кто ослеплен отчаянием. Однако над этим домом есть заклятие. Откуда оно взялось, я не могу сказать.

Ибрагим судорожно сглотнул:

— Отец, это он проклял меня!

— О чем ты говоришь? Что это значит?

— Линия Аль Рашида должна исчезнуть с лица земли.

— Это из-за меня? Это точно произойдет?

— Это лишь возможный ход событий, саид. Но Аллах милосерден, и Он показал нам путь, как вернуть Его милость к твоей семье. Ты иди в город и там сотвори акт милосердия, большого самопожертвования. Аллах любит щедрых и добрых людей. Сотвори доброе дело, и Он может простить тебя и снять проклятие, потому что Он милостив. Иди прямо сейчас.

Ибрагим взглянул на мать и поспешил покинуть дом, не в силах смягчить свое сердце: в нем klokотала горькая память о человеке, который называл своего сына не иначе как «пес», потому что думал, что это поможет закалить его характер. С глазами, полными слез, он сел за руль, не понимая, куда ему ехать и какое доброе дело он может совершить. Все, что он осознавал, — это то, что хочет, но не может любить этого ангелочка, спящего в колыбельке, потому что ему мешает страх перед глупыми предрассудками своего отца.

Так же, как не может любить Камелию и всех своих будущих малышей, пока не появится наследник, благодаря которому продолжится род Рашидов и семья его не исчезнет.

Он стал выводить машину на улицу, но неожиданно нажал на тормоза и упал головой на руль. Аллах милосердный, что же ему делать?

Когда он выпрямился, то заметил стоящую неподалеку молоденькую крестьянку. На руках она держала младенца. Она и раньше попадалась ему на глаза, и каждый раз так смотрела на него, словно хорошо знала его. Он никогда с ней не разговаривал, толком и не смотрел на нее, но сейчас ему вдруг вспомнилась такая же ночь год назад. Что-то было в ней знакомое. Неужели это была та самая девушка, которая принесла ему воды и облегчила жуткую тошноту и головную боль, когда он очнулся возле канала?

— Как тебя зовут? — обратился Ибрагим к девушке.

Она посмотрела на него огромными глазами и еле слышно ответила:

— Сахра, мой господин.

— Твой малыш плохо выглядит.

— Ему не хватает еды.

Ибрагим оглядел ее с головы до ног, задержался на обтянутом кожей хрупком лице младенца, и странное чувство охватило его: словно длань Творца простерлась над ним. Мысль, поразительная по своей простоте, снизошла на него. Осторожным голосом, чтобы не спугнуть ее, Ибрагим произнес:

— Если ты отдашь мне младенца, я спасу твоего сына. Я дам ему богатую и счастливую жизнь.

Сахра посмотрела на него с недоверием. Она подумала про Абду. Есть ли у нее право отдать его ребенка? Но этот мужчина так сильно напоминал Абду.. Что бы это значило? Она так давно не ела, что уже с трудом соображала. Она взглянула на богатый дом в окружении цветущих апельсиновых деревьев, свет лился из его многочисленных окон. Ей вспомнилось, как каждый день мадам Наджиба выгоняет ее с младенцем на улицу просить милостыню. Она еще раз посмотрела на господина, которого однажды встретила на берегу канала и который снова оказался рядом с ней, и при этом каким-то непостижимым образом он все-таки был связан с Абду.

— Да, господин, — осмелилась она и протянула ему младенца.

Ибрагим пригласил ее в машину, и они отправились в ночь.

Хасан уставился на него:

— Ты хочешь сделать что?

— Я хочу взять ее в жены, — повторил Ибрагим, держа Сахру за руку. — Ты юрист. Составляй контракт. Ты будешь представлять ее семью.

Хасан провел его в самую большую комнату на яхте, все еще полную гостей.

— Ты что, не в своем уме? Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что хочешь на ней жениться? У тебя же есть Алиса!

— Хасан, ты подумай! Я хочу не ее, а ее мальчика. У Алисы сегодня родилась девочка. Гадалка сказала, что Аллах велел совершить доброе дело. Я усыновлю мальчишку и воспитаю, как своего сына.

Хасан помолчал, внимательно разглядывая нищенку и соображая, о чем говорит его приятель:

— И ты думаешь, что этого достаточно, чтобы назвать ребенка своим? Ты в здравом уме? Ты был в Монте-Карло почти семь месяцев. Да никто не поверит, что он твой.

— Она сказала, что ребенку три месяца. Это значит, что он был зачат год назад. Я был в Каире тогда. Если я при свидетелях назову его своим сыном, по закону он им станет.

Хасан неохотно согласился: он вспомнил, что через час на яхту прибудет одна дама, и поспешил составить брачный контракт. Слуга подписал бумаги как свидетель, и друзья пожали друг другу руки. Контракт обрел юридическую силу. Для следующего действия были необходимы четыре свидетеля-мужчины, Хасан велел лакею позвать повара и еще одного слугу, и все они в молчании выслушали, как Ибрагим произнес:

— Я признаю этого младенца своим собственным, из плоти моей, да будет он носить имя мое. Я отец его, он сын мой.

Хасан поспешно заполнил свидетельство о рождении, и свидетели поставили свои подписи.

Наконец, Ибрагим повернулся к Сахре и, как того требовали обычай и закон, произнес:

— Я развожусь с тобой, я развожусь с тобой, я развожусь с тобой.

Он взял младенца из ее рук:

— Это теперь мой сын перед Богом и людьми. Ты должна хранить молчание и никогда в жизни не открывать, кем ты ему приходишься.

— Да, господин, — сказала Сахра и потеряла сознание.

Амира уставилась на младенца и перевела изумленный взгляд на Ибрагима:

— Этот ребенок твой?

— Он мой, и я назвал его Захария.

— Ох, мой сын, ты не можешь просто так объявить чужого ребенка собственным! В Коране записано, что Творец запрещает забирать сына другого мужчины!

— Он мой. Я взял в жены его мать и усыновил его. У меня есть юридические документы.

— Документы! Это же против закона Аллаха! Сын сердца моего, я умоляю тебя! Не делай этого! — Амира чувствовала, как ее ужас нарастает. Забрать ребенка у матери...

— Мама, со всем моим почтением и любовью к тебе, я все же скажу: ты слышала, что говорила гадалка — иди и сотвори доброе дело. Я так и сделал. Я спас этого малыша.

— Аллаха не проведешь, Ибрагим! Неужели ты не понимаешь, что это принесет несчастье нашему дому! Умоляю тебя, не делай этого. Верни младенца матери.

— Уже нет пути назад, — произнес он, и Амира увидела страх и растерянность в его глазах.

— Пусть так и будет. Inshallah. Да свершится воля Аллаха! Это останется нашей тайной. Никто не должен знать, откуда взялся этот малыш. Не говори никому из друзей, никому из семьи. Эта тайна должна остаться здесь. Ради сохранения чести нашей семьи. Ты объявишь его в мечети. И ему сделают обрезание.

Сын кивнул.

Амира пыталась взять себя в руки.

— А что с его матерью? Где она сейчас?

— Я позабочусь о ней.

Но Амиру охватили страхи из ее собственного прошлого.

— Нет, — возразила она, — мать должна быть рядом с мальчиком. Мы не можем их разлучить. Приведи ее. Посели ее вместе со слугами. Она сможет присматривать за малышом, и он не будет отлучен от матери.

Амира приняла на руки хрупкий сверточек:

— Я буду растить тебя, как своего внука. Если небеса сотворили тебя, то на земле найдется для тебя место.

Глядя в глазенки младенца, она снова вспомнила странные сны о пустынном поселении и ночных всадниках, которые даже Кветта не могла истолковать. Говорили ли они о сегодняшней ночи или предвещали будущие события? И потом она подумала о детях, которые появлялись на свет после того, как она видела эти сны, — о годовалой Камелии, о новорожденной Ясмине, об усыновленном Захарии. Она подумала о собственном ребенке — о дочери Нефиссе, которая ушла из дома с пылающими щеками и до сих пор не вернулась, несмотря на поздний час. Амире виделась всемогущая длань Творца, оставляющая записи в Книге предназначений.

— Послушай меня, сын мой, утром ты пойдешь в храм и раздашь щедрую милостыню. И ты будешь молиться и каяться в том, что совершил. И я тоже буду просить Творца о милосердии.

Амира говорила спокойным голосом, но ее охватил страх.

Часть II

1952

8

— Я еще раз спрашиваю, в чем дело? Сегодня что, праздник какой-то? Почему на улице ни души?

Таксист посмотрел в зеркало заднего вида на мужчину, которого он только что подобрал на главном железнодорожном вокзале; ему неудержимо хотелось сказать англичанину, что сегодня таким, как он, лучше не показываться в Каире. Он хотел спросить: «Неужели вы не слышали про бойню, которую ваши солдаты устроили вчера на Суэцком канале? Погибли пятьдесят египтян... Неужели вы не знаете, что по всему городу люди произносят клятвы, мечтая отомстить вам за это злодеяние? Вы не слыхали, что правительство попросило англичан не выходить сегодня на улицу, опасаясь за их безопасность?» Водитель хотел также добавить: «А знаете, почему вам так сложно было поймать такси? Только сумасшедший согласился бы сегодня везти англичанина! А я согласился довезти вас до улицы Райских Дев только потому, что вы предложили мне кучу денег, а дела мои идут неважно. Так что не надо думать, что я такой же сумасшедший, как и вы».

Но вместо этого водитель промолчал и просто пожал плечами, бросив на пассажира быстрый взгляд. Похоже,

тому не было дела до всего этого, не говоря уже об элементарной вежливости. Каждому известно, что для пассажира-мужчины оскорбительно ехать на заднем сиденье, а не впереди, рядом с водителем. Пассажир был не просто клиентом, он, пусть и ненадолго, становился гостем таксиста.

Но Эдвард Вестфол, двадцатилетний сын графа Пембертона, предпочитал не обременять свои мысли всякими пустяками. Что бы ни заставило улицы Каира опустеть в это ясное субботнее утро, какая бы муха ни укусила таксиста, лишив его столь присущей представителям этой профессии разговорчивости, Эдварду было все равно. Ничто не могло испортить его шикарного настроения, «мальчишеского восторга», как любил говорить отец.

— Я приехал повидать свою сестру, — сказал он, когда они проезжали по широкой улице богатого квартала Эзбекия.

Ни Эдварду, ни водителю не было известно, что в это самое время молодые люди, вооруженные топорами и дубинами, собирались вместе и готовились положить начало священной войне.

— Для нее это будет сюрприз, — продолжал Эдвард, подаваясь вперед, словно хотел заставить машину двигаться быстрее. — Она не знает, что я приеду. Ее муж — личный врач Фарука, так что, возможно, сегодня мы будем ужинать во дворце.

Водитель бросил на него еще один взгляд. Ему хотелось сказать: «Лучшешний раз об этом не распространяться, это еще один аргумент не в вашу пользу: англичанин, к тому же друг короля! Пока еще не поздно развернуться и поехать домой. Пока вы еще живы». Но вместо этого он только произнес:

— Да, господин, — и подумал о деньгах.

— Не могу дождаться того момента, когда увижу ее лицо, — продолжал Эдвард, рисуя в воображении их счастливую встречу.

Сколько же времени прошло со дня их расставания? Алиса покинула родовое гнездо вскоре после войны, в июне 1945-го, отправившись повидаться с друзьями на Французской Ривьере, и потом вернулась в Англию лишь ненадолго, уже с новым мужем, доктором Рашидом. А было это шесть с половиной лет тому назад.

— Я в Египте впервые, — говорил Эдвард, пытаясь понять, что за странные звуки доносились до него из глубины города. Взрывы? — Я собираюсь прокатиться с Алисой на корабле вверх по течению Нила в Нижний Египет; там мы сможем посмотреть на памятники архитектуры. Думаю, она еще не успела там побывать.

Наградив Эдварда очередным мимолетным взглядом, водитель подумал: «Ты все перепутал, дурак! Вверх по течению Нила, значит, на юг, в Верхний Египет. Нижний Египет — на севере, там, где Нил впадает в море». Но он опять промолчал, ведь взрывы были слышны и ему, причем прогреметь они могли довольно близко. Показалось, или в воздухе действительно запахло дымом? Но на улице было все так же тихо и спокойно.

— Простите, — переспросил Эдвард, заглядывая через его плечо. — Что происходит?

Причиной вопроса стала неожиданно появившаяся впереди разъяренная толпа людей, вооруженных палками и факелами.

— О, Аллах! — вскрикнул водитель, ударив по тормозам. Ему потребовалась всего минута, чтобы истолковать намерения людей по их сжатым кулакам и перекошенным от гнева лицам. Он быстро направил машину в одну из боковых улиц.

— Боже мой! — вскрикнул Эдвард, когда его вдавило в сиденье силой инерции.

Доехав до конца переулка, они увидели горящее здание, из окон которого вырывались языки пламени и потоки белого дыма. На тротуаре собралась толпа людей, причем среди них не было ни пожарных, ни полиции. Похоже, ни у кого из присутствующих не возникало ни малейшего желания бороться с огнем. Эдвард недовольно нахмурился при виде падающей вывески: «Смит и сын, английская галантерея, основана в 1917 году».

Заложив крутой вираж, шофер развернул машину и поехал обратно по узкой улочке. Вновь резко затормозив, он направился по аллее. Эдвард, которого бросало из стороны в сторону, закричал:

— Эй, в чем дело? Почему они не тушат пожар? О боже, смотрите, что там!

В конце аллеи занималось новое здание. Разъяренные молодые люди, облаченные в традиционные одежды, броса-

ли горящие тряпки в разбитые окна английского магазина одежды.

— Эй, — возмущался Эдвард, в то время как водитель пытался объехать толпу. — Мне все это не нравится!

* * *

Когда такси завернуло за угол, предводитель толпы поднял вверх кулак и прокричал: «Смерть неверным!» Тут же несколько сот его товарищей подхватили этот клич.

Один молодой человек с сияющими глазами, стоящий в первых рядах, почувствовал в своих жилах истинную силу Бога. К этому Абду стремился почти семь лет, с того момента как он покинул свою деревню: снова наставить Египет на путь истинной веры и очистить исламскую веру. Как бы ему хотелось, чтобы Сахра видела его сейчас, в момент триумфа! Забавная маленькая Сахра с круглым лицом, о которой он до сих пор думал и которую любил, несмотря на то что она вышла замуж за шейха Хамида. Сейчас, наверное, она была вдовой, если принять в расчет преклонный возраст шейха. Он представил ее в деревенском магазине шейха. Наверное, его клиенты обходятся с ней почтительно. Интересно, сколько у нее детей?

В тот день, когда они предались любви на берегу реки, в день, когда он покинул деревню, его преследовали чувства вины и сожаления. Он лишил ее невинности; на простыни свадебного ложа не упало ни капли крови.

Но, вспоминая, с какой жадностью старый шейх смотрел на нее, какой щедрый калым он предложил ее семье, Абду подумал, что шейх относился к тому типу мужчин, которые готовы были пойти на все, чтобы заполучить желанную женщину. Скорее всего, он прибегнул к уловке, старой, как Нил, — порезал палец и окропил простыни своей кровью. К тому времени, когда Абду прибыл в Каир и разыскал нужный ему адрес, город ошеломил его. Неслучайно его называли Матерью всех городов. Цели и помыслы Братства полностью захватили его, и он с таким рвением вступил в ряды своих единомышленников, что остальные чувства отошли на второй план. Сахра стала просто приятным воспоминанием.

Вся предыдущая жизнь казалась ему теперь давно забытым сном. Иногда он думал о том юнце, который работал в поле, играл в нарды в кафе Хадж Фарида, строил далеко идущие планы насчет Сахры и гадал, как могла сложиться его судьба.

Старый и дряхлый имам из его деревни, чьи еженедельные проповеди вызывали у собравшихся в мечети только сонливость, не мог сравниться с лидерами Братства, которые умели разжечь в сердцах слушателей настоящий пожар и побудить их к активным действиям. Старый имам, казалось бы, читал тот же Коран, святое писание, но Бретрен произносил молитвы так, что их пронизывающую силу можно было почувствовать, **выпитать в себя из воздуха**; они становились настоящей пищей для души и поддерживали тело, словно хлеб и мясо. Как же он раньше не замечал этот единственно верный путь, наделяющий смыслом всю его жизнь, — путь возвращения Египта к Аллаху, путь спасения, уводящий страну от края пропасти?

Повинуясь жесту предводителя, толпа остановила свое стихийное продвижение по городу. Он забрался на фонарный столб и с жаром начал говорить. Они покажут всему миру, что Египет может самостоятельно выйти из-под гнета империалистических захватчиков. Они выгонят всех англичан из страны, а самые упорные отправятся на родину в цинковых гробах.

Молодые люди восторженно улюлюкали, потрясая своим незамысловатым оружием. «*La illaha illa Allah!*», — кричали они, и Абду кричал, как ему казалось, громче всех. «Нет Бога, кроме Аллаха!» А потом предводитель выкрикнул: «На Торф-клуб!» Неудержимой лавиной толпа ринулась вперед, а впереди нее неся зеленоглазый парень с глазами, наполненными праведным гневом, и сердцем, рвущимся из груди, — Абду.

* * *

Главнокомандующий английской армии встал с места, поднял свой бокал и произнес: «Господа, давайте выпьем за наследника трона!»

Когда шесть сотен собравшихся в банкетном зале осушили свои бокалы в честь маленького принца, Хасан наклонился и еле слышно прошептал: «На самом деле мы пьем за молодецкую удачу Его Величества, не так ли?» Ибрагим улынулся в ответ на эту ремарку.

Такое знаменательное событие, как рождение сына короля Фарука, собрало в банкетном зале дворца Абдин разноматное общество: людей из высокопоставленных иностранцев, офицеров британской и египетской армий, а также пра-

вительственных чиновников. Они сидели в зале, освещенном несметным множеством свечей, и вкушали деликатесные угощения: аспарагус, холодный огуречный суп, утку с апельсинами, малиновый шербет, жареную дичь и фрукты. Все это подавалось на золотых тарелках и сопровождалось импортными винами и коньяками, а также неестественно сладким кофе по-турецки. Но, несмотря на веселый смех и радостные улыбки, Ибрагим просто кожей чувствовал, какая напряженная атмосфера скрывается за этим оживлением. Кто-то смеялся слишком наигранно, кто-то говорил чересчур громко. Арабы и британцы улыбались друг другу, но не было в этих улыбках искренности, скорее — дипломатическая необходимость. Все знали, что в виду напряженной обстановки, возникшей после бойни в Исмаилии, королю не раз намекали, что лучше бы перенести церемонию на более спокойное время. Но Его Величество и слышать ничего не хотел. Если кому и надо волноваться, уверял он, так это англичанам. Ему, королю, бояться нечего.

Король давно не выглядел таким счастливым. Королева Фарида не смогла родить ему сына, и он развелся с ней, трижды произнеся вслух слова: «Я развожусь с тобой». Затем он женился на шестнадцатилетней девственнице, к которой относился с истинным благоговением, вызвавшим в мировой прессе сильный ажиотаж. Каждый день их супружеской жизни и медового месяца Нариман получала подарок: сегодня рубиновое ожерелье, завтра швейцарский шоколад, послезавтра — любимую орхидею или котенка. В награду она подарила Фаруку первого сына. Никакие массовые беспорядки, расправы над демонстрантами и слухи о государственном перевороте не могли испортить ему настроение и заставить перенести празднование.

Ибрагим сидел почти во главе стола, всего в нескольких метрах от Фарука, чтобы, в случае чего, тут же прийти на помощь королевскому здоровью. Шестнадцать лет назад Его Величество был стройным и симпатичным молодым человеком; в этот январский день перед гостями восседал совершенно другой человек. Весил он двести пятьдесят фунтов, а пищу поглощал со скоростью, не перестающей удивлять его близких друзей. За время, пока обычный человек справлялся с одним блюдом, потомок королей древности успевал победить три, залив их при этом десятью бокалами шампанского.

Глядя на то как король подает сигнал к перемене блюд, Хасан наклонился к Ибрагиму и произнес:

— Вот мне интересно, как это у них с Нариман получается? В смысле, в постели. Его живот, должно быть, выдается вперед сильнее, чем его...»

— Что это было? — спросил Ибрагим, перебивая друга. — Ты сейчас ничего не слышал?

— Что?

— Не знаю. Похоже на взрывы.

Хасан обвел глазами огромный банкетный зал, где шестьсот мужчин вовсю развлекались, окруженные восточной роскошью, которая в последнее время подвергалась яростной критике. Высокие окна, обрамленные изысканными занавесями, пропускали мягкий зимний свет. Он озарял теплом мраморные колонны, бархатные драпировки на стенах, картины в золотых рамах. Заметив, что один из гостей расслышал что-то необычное, Хасан произнес:

— Наверное, это фейерверк в честь принца. — Он задумался и добавил: — Ты же не считаешь, что будут беспорядки из-за всей этой истории в Исмаилии?

Ему вспомнилась цепь тревожных событий, которые произошли в Египте за последние четыре года — с того момента, когда Египет потерпел позорное поражение в войне с Палестиной. Сначала нападение на главу полиции, затем на губернатора центральной провинции, потом покушение на премьер-министра, когда тот направлялся в министерство иностранных дел. Все чаще улицы заполняли толпы демонстрантов, все громче раздавались протесты против пребывания в Египте английских войск. Особенно яростно толпа бушевала в прошлом году во время демонстрации перед посольством Великобритании. А эта ужасная бойня в Исмаилии...

Но Ибрагим ободряюще улыбался:

— Египтяне порой бывают слишком азартны в проявлении чувств, могут вести себя весьма иррационально, но мы еще не совсем лишились разума, чтобы так просто пойти и напасть на англичан. Да и потом, все эти разговоры про революцию — элементарное пустословие. Коренные жители не правили Египтом больше двух тысяч лет. Неужели ты допускаешь, что сейчас может все вот так сразу измениться? Посмотри на короля. Его Величество полон уверенности, тем более сейчас, с появлением наследника. Вся эта смута

осядет, это просто еще одно поветрие. Завтра толпа будет носиться с другими лозунгами.

— Ты прав, — неожиданно повеселел Хасан. Он залпом осушил бокал шампанского, который тут же наполнил лакей. Рядом с каждым из шестисот гостей находился специально приставленный слуга — молчаливый, в белой галабее, красной феске и тюрбане, в белых перчатках, исполняющий малейшие пожелания.

— Интересно, какие там результаты, — Хасан переключился на другую тему, закусывая хрустящим французским батоном и теплым сыром бри. — Манчестер лидировал...

Но Ибрагим не слушал. Его не отпускали собственные мысли: он приготовил Алисе отличный сюрприз — путешествие в Англию.

Она сильно скучала по своей семье, особенно по брату — когда-то они были особенно близки с ним. После утраты их второго ребенка, умершего во время летней лихорадки, она была в такой глубокой депрессии, что Ибрагим не знал, что и придумать, чтобы каким-то образом вывести ее из этого состояния. Он даже брал ее с собой, когда в свите короля сопровождал Фарука во время его свадебного месяца. Говорили, что это был самый длинный и самый экстравагантный медовый месяц. Новобрачных сопровождала группа из шестидесяти человек, одетых в синие блейзеры, белые брюки и морские фуражки. Яхта причаливала в разных портах, на набережной их уже поджидала вереница «роллс-ройсов» и отвозила в роскошные отели. Фарук осыпал юную королеву бесценными украшениями, одаривал произведениями искусства, устраивал приемы в роскошных ресторанах, покупал одежду haute couture. Фарук развлекался в казино — однажды он проиграл в один присест 150 тысяч долларов Дарилу Зануку. Это было словно путешествие на ковре-самолете, весь мир не переставал обсуждать его подробности. Но вопреки надеждам личного доктора медовый месяц не закончился беременностью новобрачной.

Хасан наклонился и тихонько произнес:

— Смотри повеселее, старина, вот несут королевского отпрыска.

Няня внесла младенца, завернутого в одеяльце из шиншиллы. И когда шестьсот гостей — государственных чиновников и военных — поднялись, приветствуя наследника тро-

на, Ибрагим подумал о собственном сыне Захарии. Никого тогда не удивило неожиданное появление новорожденного; у мужчин часто бывали жены, о которых они никому не говорили. Даже Хасан не выдержал и женился на блондинке, которая не позволила бы ему иначе и дотронуться до нее. Сейчас она жила на яхте Хасана, а его египетская жена не имела об этом ни малейшего понятия. Ибрагим просто заявил, что развелся с матерью малыша, а потом Амира незаметно приняла Сахру служанкой. С тех пор прошло шесть лет, Захария рос прелестным, склонным к мечтам, хрупким ребенком. Что удивляло Ибрагима, так это некое смутное внешнее сходство мальчика с ним. Это наблюдение лишний раз убеждало его, что в ту ночь Аллах направлял его действия вопреки всем опасениям Амиры. Он предпочитал не обращать внимания на ее предостережения: над семьей Рашидов не было проклятия — во всяком случае, не при таких ценах на египетский хлопок: они-то били все рекорды. А на фермах собирали такие урожаи, что Ибрагим с трудом успевал вести учет всех поступлений на свой банковский счет. Поэтому все и называли хлопок белым золотом. Семья была довольна и купалась в достатке. Ибрагим наслаждался жизнью, даже превосходя достижения своего отца.

А скоро он и Алиса отправятся в Англию. Не исключено, что они возьмут с собой Ясмину. В конце концов у нее там дедушка, тетушки, кузены. «Точно», — обрадовался он неожиданной идее, воображая, сколько удовольствия принесет это путешествие им всем.

В праздничный зал вошел посыльный и стал что-то шепотом объяснять королю и главнокомандующему армией. Ибрагим встревожился: не случилось ли что-нибудь в городе, не начались ли беспорядки. Этого вполне можно было ожидать, принимая во внимание общее недовольство и антибританские настроения, охватившие Каир. Он подумал о жене, и тревожная мысль мелькнула у него в голове — не обратится ли месть против отдельных граждан?

Таксист свернул еще раз, и они увидели очередной разгорающийся пожар. Мужчины разбивали витрины магазинов, поджигали все больше и больше зданий. Водитель предпринял еще несколько попыток разными дорогами попасть к Городскому саду, но всякий раз обнаруживал, что проезд за-

блокирован. Наконец он повернул машину в узкую улицу и сказал:

— Я отвезу вас в безопасное место, господин, — и через минуту они подъехали к Торф-клубу. — Все англичане здесь, — он потянулся и открыл дверь. — Тут вы будете в безопасности.

— Но я просил отвезти меня на улицу Райских Дев. Да что за ерунда здесь происходит? Это что, восстание?

— Пожалуйста, идите внутрь здания! Каир — очень опасный город для вас! Заходите туда, там вы под защитой, да побудет с вами Всевышний!

Эдвард неохотно вышел из машины, его поразил густой дым и запах гари. Он замешкался у дверей клуба, но потом все-таки решил, что надо ехать к дому сестры, и повернулся к такси. Но машина уже поспешно отъезжала и заворачивала за угол. Со всем его багажом.

Неподалеку прогремел взрыв, и Эдвард помчался по ступенькам клуба. Внутри была полная неразбериха. Члены клуба — джентльмены в белых фланелевых костюмах и дамы в купальниках — и слуги из местных в национальной одежде стремились выбраться на улицу, сметая мебель и опрокидывая растения в кадках. Пока Эдвард продирался сквозь толпу, регулярно получая тычки локтями, он заметил, что к зданию подъехал джип. Из него выскочила группа мужчин с канистрами бензина и ломами. Эдвард с ужасом наблюдал, как мгновенно занялись портьеры и деревянная мебель. Пожар охватил все помещение, даже достал вентиляторы на потолке. В это время в здание ворвалась еще одна группа бунтовщиков. Они повсюду орудовали железными прутьями, осыпая ударами несчастных посетителей. Воздух наполнился криками, потекла кровь.

Эдвард пытался сориентироваться в дыму, уворачиваясь от летящих отовсюду осколков стекла — в баре разлетелись вдребезги бутылки. Ему удалось добраться до стойки в опустевшей приемной. Сквозь открытую дверь он увидел на улице пожарных с брандспойтами. Но, как только струи воды ударили по зданию, на шланги набросились повстанцы, вооруженные ножами: они вспарывали пожарные рукава, подача воды прекратилась.

Он отчаянно продирался сквозь толпу. Повсюду виднелись распростертые тела посетителей-англичан в модных

спортивных костюмах; выложенный плиткой пол был залит их кровью. С трудом преодолевая панику, Эдвард пробирался к выходу. Толпа перекрыла проход, портьеры охватил огонь. И вдруг его осенило — бассейн! Но на его пути к выходу на террасу неожиданно возникла высокая фигура в галабее. Эдвард осознал, что он, как зачарованный, смотрит в зеленые глаза парня — в них светилось какое-то особое пламя, не только отблески пожара. До него дошло, что он мог бы попытаться договориться с ним. Ведь он здесь не живет, он турист, только что приехал! Но пара смуглых рук уже схватила его за горло, и он уже боролся с незнакомцем, осознавая, как это все абсурдно.

Наконец его противник схватил вазу и со всей силы опустил ее на голову Эдварда. И, пока он оседал на пол, странная мысль посетила его: «Похоже, что Алиса будет огорчена».

* * *

Кухня представляла собой большую солнечную комнату с мраморными стенами и полом, достаточно теплую даже в январские дни. Главная кухарка, высокая ливанка с красными щеками и выбившимися из прически прядями волос, приглядывала за работой четырех помощниц, которые хлопотали у двух печей и трех плит. Количество обитателей дома на улице Райских Дев менялось год от года: девушки выходили замуж и уезжали, умирали пожилые женщины, в дом приходили молодые жены, рождались дети. В эту прозрачную январскую субботу здесь проживали двадцать девять человек, а еще были двенадцать слуг, размещенных на крыше; работа на кухне не прекращалась целыми днями. Женщины болтали, по радио звучала популярная музыкальная передача, отчетливо слышался голос Фарида Латраха, исполнявшего песню о любви. Во всей этой сутолоке Амира готовила лимонад: она хотела взять его с собой в сад, где часть детей и женщин наслаждались погожим январским днем.

Когда Амира добавляла в напиток засахаренные абрикосовые шарики, она заметила Сахру, которая не отрывала взгляд от окна, непрерывно мешая тесто для лепешек. Амира знала, куда смотрит молодая женщина. За все шесть лет с того дня, как Ибрагим принес в дом Захарию, Сахра глаз не

спускала с мальчика. И хотя крестьянка обещала никому не говорить, что она настоящая мать мальчика и что Ибрагим ему не родной отец, все равно опасность оставалась. Вот Амира и присматривала за ней.

Она понесла поднос в сад, поглядывая на небо. Где-то вдалеке раздался гром, или ей послышалось? Но небо было чистое. Алиса в саду читала детям. Камелия, ей уже исполнилось шесть с половиной лет, танцевала с прикрытыми глазами под музыку, слышную только ей. Однажды она сказала бабушке: «Как это прекрасно, что Творец дал нам танец!» Амира частенько думала о том, что в этой темнокожей девочке с янтарными глазами живет неукротимый дух. Камелия могла танцевать, как порхающая птичка, как распускающийся бутон розы на ветерке. Амира уже решила, что когда внучка подрастет, то они будут для нее брать уроки танцев.

На траве растянулась с книжкой белокожая Ясмينا. В свои пять с половиной лет она явно тянулась к знаниям. Для нее книжки были полны чудес. Как она однажды сказала: «Каждый раз, переворачивая страницу, узнаешь что-то новое, неизвестное».

Тахия, ровесница Камелии, играла на лужайке с куклами. Она уже заявила, что, когда вырастет, у нее будет много детей. «Совсем не похожа на мать», — подумала Амира, которой никак не удавалось уговорить дочь выйти замуж во второй раз.

С ними был и Захария, красивый ребенок, задумчиво разглядывающий бабочку. Амира не уставала удивляться, до какой степени, по неведомому промыслу Аллаха, приемный сын лицом напоминал Ибрагима. Но это касалось только физического сходства: ему была чужда любовь к комфорту и простые радости отца. Мальчика интересовала жизнь ангелов, Творец и то, как выглядит жизнь в раю. Необычный, благословенный ребенок! Ему было всего шесть, и он уже знал наизусть двадцать сур из Корана. Достаточно было попросить его прочесть четвертую суру, строку тридцать четыре, и он немедленно откликнулся: «Мужчина главенствует над женщиной, потому что Творец установил, что один повелевает, а другая подчиняется».

В сад спустился Омар, первенец Нефиссы, десятилетний проказник с видом опытного охотника за лакомствами. Амира старалась быть терпеливой с ослушником: это была

не его вина, что мать не держала его в строгости. Амира вздохнула. Еще одна причина, почему Нефиссе следовало вступить в новый брак.

— Мама Амира, — спросила Алиса, надкусывая абрикос. — Вы не чувствуете запах дыма?

— Наверное, крестьяне жгут стерню на полях за Нилом.

Неожиданно Омар оттолкнул Захарию, который загораживал ему дорогу. Мальчик упал на гравийную дорожку, и Камелия с Ясминой немедленно бросились его поднимать. «Как было бы хорошо, если бы в доме было больше детей! — подумала Амира. — В таком большом доме должно звенеть больше детских голосов». Амуре очень хотелось еще внуков, но Нефисса не собиралась больше замуж, несмотря на то, что Амира находила для дочери много достойных претендентов. А у Алисы с Ибрагимом только один ребенок остался в живых — Ясмина.

— Посмотрите на меня, — воскликнула Камелия, приставивая за спиной листья сухого папируса: — Я — павлин!

Амира замерла. Неожиданно она увидела павлина — не того, которого изображала внучка, но настоящую птицу — темно-синюю, переливающуюся и живую, словно и впрямь выступающую перед ней.

«Это воспоминание», — поняла она. Она вспомнила павлина из прошлых времен. Она никогда не могла знать заранее, в какой момент такие мысли застигнут ее, во сне или наяву, как сейчас, когда прошлое, словно океанская волна, накатила на нее, подобно приливу, который она однажды видела в Александрии. Каждый раз все повторялось: неожиданное воспоминание захватывало ее целиком, представляя давнее прошлое в таких мельчайших подробностях, что становилось неотличимым от реальности. Затем все исчезало, оставляя ее обессиленной.

Каждый раз, когда это происходило, Амуре казалось, что на дне ее сознания, как в глубоком колодце, оживает родник. Ни с того ни с сего родник вдруг просыпался и пузырьками поднимал образы со дна. Иногда это были знакомые воспоминания, как в тот день, когда она познакомилась с Али Рашидом в гареме на улице Жемчужного Дерева, но часто то были забытые фрагменты из ее прошлого — лицо, голос, неожиданное ощущение ужаса или восторга. Или этот павлин. Проходили годы, фрагменты памяти возвращались,

образуя причудливую мозаику ранних лет ее жизни, но оставалось еще много пустот: то, что было до нападения на пустынное поселение. Сейчас она отчетливо понимала, что ребенок из ее снов — это она сама. Что стало с ее матерью, куда ее увезли? А что это за площадь из ее снов?

Ей было странно, что она забыла такие важные события своей жизни. «Смогу ли я когда-нибудь все вспомнить?» — размышляла Амира. Видение павлина тускло и удалялось. И что такое могло произойти, что заблокировало ее детские воспоминания?

— Дети, — позвала она, — идите выпейте лимонада.

Глазки Ясины стали в два раза больше, когда она увидела абрикосовое лакомство: недаром ее прозвали в семье Мишмиш — «абрикос» по-арабски. Но прежде чем она дотянулась до угощения, Омар оттолкнул ее и первым схватил пригоршню. Ну ничего, Амира взяла достаточно, чтобы хватило всем. Солнце пригревало ее плечи, из сада доносились ароматы цветущих деревьев, и это наполнило ее неожиданной радостью. Она представила будущее: через десять-пятнадцать лет у этих ребятишек будут свои дети, свои семьи. «Я стану прабабушкой, а мне еще шестидесяти не исполнится! Да прославится Аллах, Всемиловитый и Всемогуший. Да пребудет во веки веков...»

Неожиданно она замерла. Запах дыма становился сильнее. Что бы это могло быть? Она взглянула на часы. Мариям и Сулейман должны вскоре вернуться из синагоги, и она узнает у них, что там творится в городе.

Поняв, что у дыма какой-то странный запах, она позвала детей в дом:

— Пойдемте, ребята. Пора заниматься.

— Но, умма, — запротестовали дети, — ну еще чуть-чуть!

— Вам надо учиться читать, — продолжала Амира, осматривая покаябанную коленку Захари. — Тогда вы сможете прочитать Коран. В словах Господа — сила. Когда вы изучите Коран, тогда будете вооружены перед всем, что вам встретится в жизни. Никто не сможет вам навредить, когда вы узнаете Закон.

— Они же еще малыши, — рассмеялась Алиса.

Амира улыбнулась, чтобы скрыть нарастающую тревогу — дым становился все сильнее. С улицы все громче раздавались крики.

— Давайте-ка побыстрее, ребятки. Сегодня сделаете уроки, завтра отправитесь на пикник на могилу дедушки.

Они явно обрадовались, побежали к дому, смеясь, потому что всегда с нетерпением ждали такого похода. Раз в год Ибрагим брал детвору в Город Мертвых, они приносили цветы на могилы деда Али, матери Камелии, малыша Алисы. Потом они устраивали пир на воздухе. Когда они возвращались домой, Амира рассказывала, как душа отправляется в рай, когда тело остается в земле. Захарии особенно нравилось слушать ее рассказы о том, как выглядит рай, ему не терпелось там оказаться. Но девочки иногда терялись в догадках. Если Коран обещал столько хорошего мужчинам после смерти — сады, девственницы, то что же ожидает девочек? Амира смеялась и обнимала их:

— Награда женщины — вечно служить своему мужу.

С громким криком появился слуга:

— Госпожа! Весь город в огне!

Они поднялись на крышу, где собралось уже много людей. Оттуда было видно пламя, огонь расходился волнами по всему городу.

— Да это конец света! — закричала повариха.

Амира не верила своим глазам: город в огне, в водах Нила отражалось пламя, и казалось, что река тоже горит. Взрывы следовали один за другим, затем раздалась автоматная очередь, как на войне.

— Воздайте славу Аллаху! — закричала повариха.

— Хвала Господу!

Опираясь на палку, появилась тетя Зу Зу. Ее старые глаза расширились, и она закричала:

— О Аллах, спаси нас! Не оставь нас без милости Твоей, Аллах Всемогуший! Каир горит!

Слуги завопили в отчаянии, стали молиться:

— На страну напали? Все горит!

Алиса стала белой, как ее кардиган:

— Почему бездействует правительство? Где полиция, армия?

Амира всматривалась в черный дым, который виднелся на расстоянии полутора миль, и пыталась понять, что горит. Однажды муж показал ей с крыши разные приметные купола зданий, чтобы у нее было хоть какое-то представление о городе, в котором она жила, но сам город она никогда не ви-

дела. Дым шел с той стороны, где, по словам Али, англичане понастроили свои изысканные отели и кинотеатры. Она с тревогой вглядывалась в том направлении, где находился Абдин-палас — Ибрагим отправился туда, на банкет, — и пыталась понять, не горит ли он.

Уже был поздний час, пламя по-прежнему лизало ночное небо, вся семья с тревогой ждала известий от Ибрагима. Недавно появились Мариям и Сулейман Мисрах. Они успели осмотреть склад своей фирмы, опасаясь, что его тоже подожгли. На первый взгляд огонь обошел здание стороной, но они не верили своим глазам: сотни зданий были охвачены пламенем, многие из них принадлежали англичанам. В большом салоне собралась вся семья Амиры; в дрожащем свете керосиновых ламп не спускали глаз со стрелок часов, приближающихся к полуночи. Диктор по радио торжественным голосом читал список разрушенных знаний: «Банк «Барклай», «Шепхерд-отель», кинотеатр «Синема», ресторан «Гроппи»...»

Как только часы пробили полночь, в проеме двери появилась тень. Кузина Дорея первая увидела его:

— Аллах милосердный! Ибрагим, — и она рванулась к нему. За ней устремились и остальные.

Они обнимали, целовали его, тащили на середину комнаты. Ибрагим все уверял их, что он цел и невредим, что на него никто не напал. Он повернулся к Сулейману:

— Можешь мне помочь?

Они вышли из комнаты и вернулись, поддерживая с двух сторон молодого человека с забинтованной головой. Увидев его, Алиса вскрикнула:

— Эдди! Господи! — Она судорожно обняла парня. — Что ты здесь делаешь? Откуда ты взялся? С тобой все в порядке? Ты ранен! Да что случилось?

Он неуверенно улыбнулся:

— Я хотел тебя удивить. Похоже, мне это удалось.

Она не переставала всхлипывать, а Ибрагим объяснял, что случилось в Торф-клубе:

— Его отвезли в больницу Каср-Эль-Айни. Оттуда мне позвонили во дворец, как только молодой человек убедил их, что он действительно мой родственник. Послушайте, — он обратился ко всем, — это Эдвард, брат Алисы.

Амира расцеловала его в обе щеки, не сводя глаз с бинтов:

— Как жаль, что вы прибыли в такой ужасный день! Проходите, дайте-ка я вас осмотрю. Я не верю этим врачам.

Слуга принес миску с водой, мыло, полотенце. Амира осмотрела рану, подтвердила, что она неглубокая, и хорошенько промыла ее, нанесла мазь с камфорой и завязала чистой повязкой. Потом приказала принести из кухни лечебный чай с ромашкой и одуванчиком, чтобы рана поскорее затянулась и успокоились нервы.

Сулейман спросил у Ибрагима:

— Что там сейчас происходит? Огонь прекратился?

— Город полыхает, — тихо ответил сосед. — Толпа подошла на тысячу ярдов ко дворцу.

— Но кто за это ответит? — вымолвила Амира.

Когда Ибрагим упомянул Братство мусульман, все вспомнили тот страшный день, пять лет тому назад, когда люди Братства взорвали кинотеатр, где, по их словам, крутили американские жидовские фильмы. Это был их протест против англичан, которые забрали у арабов палестинские земли.

— А как же правительство? Это переворот?

Ибрагим со странным выражением лица покачал головой. Нет, ничего такого не было, никаких лозунгов против короля Фарука. Но было ясно, что беспорядки были предварительно спланированы. Возникали вопросы: кто стоял за всем этим? С какой целью все это было устроено?

И что же король собирается теперь делать?

Ибрагим ничего не отвечал. Он знал, что Фарук не станет ничего предпринимать. В конце концов, по словам монарха, протесты были направлены не против него лично, а против англичан. Фарук знал, что его ненавидят меньше, чем подданных Ее Величества в Египте. Так что он вполне рассчитывал выйти из сложного положения героем.

Из радиоприемника доносились строки Корана: по обычаю, Книгу читали по случаю смерти высокого сановника. Они слушали в молчании, каждый погруженный в свои думы и тревоги.

Эдвард решил, что он должен увезти сестру в Англию.

Ибрагим вспоминал о билетах на пароход в Европу, которыми он хотел порадовать Алису. Но ему было ясно, что Фарук не отпустит его до конца беспорядков — должно же когда-то это произойти.

Сулейман взял жену за руку, тревожась о своих владениях: во время беспорядков еврейская собственность обычно страдала.

Амира беспокоилась о сыне и своей семье, об их будущем, если беспорядки коснутся и королевских особ.

9

Знойный июльский вечер был наполнен ароматами многочисленных садов Каира, благодатным запахом вод неторопливого Нила. После окончания киносеансов жители выплеснулись на улицы, последние посетители покидали рестораны. Одна семья особенно весело смеялась — они отлично провели время: и фильм, и мороженое доставили им массу удовольствия. Но когда они вернулись к себе в квартиру, мужа ждало сообщение. Он быстро прочитал и сразу же уничтожил его. Затем, надев мундир, поцеловал жену и детей на прощание и попросил молиться за него, потому что не был уверен, увидит ли их еще. Он скрылся в ночи, отправился выполнять свое задание, обговоренное уже довольно давно. Его звали Анвар Садат. Это было начало революции.

Нефисса пыталась найти спасение от жары, погрузившись в мраморную ванну в своей ванной комнате, окружив себя роскошным облаком ароматов розы и миндаля. Впервые в жизни ей было так тяжело летними жаркими ночами в Каире. С тех самых беспокойных дней в январе, с той Черной субботы, как ее окрестили люди, все чаще вспыхивали стычки на улицах, в городе росло напряжение. Ибрагим решил, что в это время небезопасно отправляться в дорогу. Поэтому они все остались дома, а он находился вместе с королем Фаруком в его летней резиденции в Александрии. Но Нефисса решила уехать в Александрию независимо от того, понравится это Ибрагиму или нет. И поедет она не одна.

Она откинула голову, прикрыла глаза, вдохнула поднимающиеся над ванной ароматы и подумала об Эдварде Вестфоле — именно в его компании она собиралась добраться на автомобиле до Александрии.

Ей представились его волнистые светлые волосы, глаза цвета голубого опала, четкий подбородок. Она подтянула колени повыше, ощущая, как мягчайшая вода окатила все ее

тело, затем налила из хрустального флакона немного миндального масла в ладонь и стала осторожно наносить его на бедра. Иногда в ванне ей удавалось довести себя до состояния острого предвкушения чего-то, что должно было бы принести невероятное наслаждение и чувство освобождения. Но ей никогда не приходилось полностью ощутить это. У нее сохранились смутные воспоминания из далекого детства: маленькая девочка исследует собственное тело, ощущая огромное наслаждение. Ей помнилось, что она награждала себя этим волшебным состоянием каждый раз, как только ей этого хотелось. Но потом наступила ночь обрезания. Мать объяснила, что из нее иссекли нечистоту, и теперь она стала «хорошей» девочкой. И с тех пор Нефиссе никогда больше не удавалось еще раз пережить это восхитительное ощущение, даже когда она вышла замуж.

То, что она испытывала сейчас, было слабым отражением однажды прочувствованного. Нефисса вспомнила своего лейтенанта и их единственную ночь. Она потянулась за губкой, намылила себя нежным миндальным мылом.

«И зачем только женщины калечат друг друга?» — пронеслось у нее в голове. Когда это обрезание началось? Амира говорила, что все идет от праматери Евы. Но если так, то кто же делал операцию — ведь Ева была первой женщиной на земле? Или это мог быть Адам? Почему обрезание мальчиков происходит днем, при этом устраивают большой праздник, а у девочек все происходит по-другому — под покровом ночи, и потом ни слова об этом?

Нефисса безутешно вздохнула. Она не только не была влюблена в Эдварда, но он ей даже толком и не нравился. Но он так сильно напоминал ей молодого лейтенанта, что, когда бы он ни заговорил с ней или когда она просто смотрела на него, она чувствовала странное возбуждение внутри своего тела.

Сколько наслаждения было в самих воспоминаниях об их свидании в старом гареме во дворце принцессы, где всю ночь они предавались любви! Казалось, это было только вчера. Нефисса помнила мельчайшие подробности той ночи: маленький шрам на его правом бедре, солоноватый привкус его кожи, его пылкие объятия. Она вся была охвачена страстью, она плыла по вершинам блаженства под печальными взглядами наложниц на фресках, под пение соловья в ночном саду роз. Она испытала то, о чем многие женщины только мечтают.

И, когда, прощаясь, он поцеловал ее на рассвете в последний раз, обещая писать, обещая вернуться, Нефисса внезапно, в долю секунду поняла — они никогда больше не увидят друг друга.

Ни разу среди ласк, поцелуев и признаний он не назвал ей своего имени; они пережили фантастическую ночь, как будто перенеслись в другой мир — мир султанских невольниц и сами стали такими же вымышленными существами. И за все прошедшее с того дня время она ни разу не получила весточки от него. Все, что у нее осталось, — носовой платок его матери из тонкого льна с вышитыми незабудками, его подарок.

Нефисса медленно поднялась из ванны, вытерлась пушистым полотенцем из тончайшего хлопка, выращенного на полях ее брата. Втирая увлажняющий крем на травах с ланолином, созданный ее матерью, с пчелиным воском и душистыми эссенциями, она продолжала думать о своем лейтенанте. Находится ли он сейчас в Англии, женился ли? Вспоминал ли он когда-нибудь ее?

Нефисса чувствовала, что ее молодость проходит. Ей было двадцать семь лет, время настигало ее, набрасывало на нее свое покрывало. И хотя Амира не могла успокоиться и все ждала, когда дочь вторично выйдет замуж, родит еще детей, хотя был выбор среди многочисленных состоятельных женихов, желающих предложить ей руку и сердце, она оставалась равнодушной. Ей хотелось воспроизвести то, что однажды удалось испытать. Поэтому она стала обращать внимание на Эдварда. Если постараться, она сможет представить его в военной форме, как он стоит под фонарем, поглядывая на часы. Она не любила его. Она никогда больше не будет никого любить так, как своего лейтенанта. Но за неимением лучшего придется соглашаться на то, что есть.

Набрасывая на тело прохладную простыню, благоухающую лавандой, Нефисса говорила себе, что ей не терпится поскорее отправиться с Эдвардом в Александрию на следующий день. Возможно, она и не пылает страстью к нему, но он англичанин, в конце концов. У него светлые волосы и белая кожа, и не исключено, что в темноте спальни ей удастся поверить, что она снова отдается своему лейтенанту..

Под покровом жаркой июльской ночи молчаливые призрачные фигуры передвигались по безлюдным улицам спящего Каира: вооруженные колонны выступили из казарм Аббас-

сейя, не спеша «разматывая» по дорогам лавины машин, танков, джипов. Они заблокировали мосты через Нил, все дороги из города, захватили Генеральный штаб, прервав небольшое совещание, на котором генералы только что проголосовали за арест революционных главарей, которые называли себя Свободными офицерами. Была захвачен узел связи, и немедленно ко всем кадровым офицерам и командирам ушло сообщение, чтобы они докладывали о ситуации. Вооруженное соединение дислоцировалось вдоль дороги на Суэц на случай, если английские войска выступят со стороны канала. Практически нигде революционные солдаты не встречали сопротивления.

К двум часам Каир был под контролем Свободных офицеров. Все, что им оставалось сделать, — немедленно выступить на Александрию и захватить короля.

Эдвард Вестфол рассматривал пистолет в своей руке. Он и раньше использовал его, еще во время войны, и не боялся прибегнуть к нему снова.

Занимался рассвет. Теплый утренний ветерок проникал в спальню, с балконов многочисленных минаретов доносились призывы муэдзинов к молитве. Эдвард взвесил на руке «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра и мысленно проговорил свою обычную молитву: «Помоги мне, Господи. Пожалуйста, не оставь меня с моей слабостью еще раз наедине. Меня искушают, и я не могу устоять. Молю тебя, спаси меня от этого порока, который разрушает меня и с которым я не могу бороться».

Эдвард всем говорил, включая себя самого, что его пребывание в Египте на протяжении шести месяцев продиктовано заботой о сестре. То же самое он написал в январе отцу, когда просил переслать ему кое-какие вещи, потому что его багаж уехал в такси в первый же день беспорядков. «Я не могу вывезти Алису из Египта, потому что есть какой-то дремучий закон, в котором говорится, что жена может выехать за пределы страны только с разрешения мужа, — писал он отцу, — а Ибрагим не видит опасности». Еще он попросил отца вложить в посылку его револьвер, оставшийся после войны, один из тех, что поставлялись в войска Ее Величества.

Эдвард действительно собирался вывезти Алису и Ясмину из этого опасного места. Но это соответствовало действительности несколько месяцев назад, сейчас же дело было не в этом. Настоящая причина была его тайной, в которую он

не стал бы посвящать даже сестру, да и наедине с самим собой он не мог быть до конца откровенным.

Воспоминания о беспокойных снах не отпускали его. Там мелькали большие темные глаза, полные чувственные губы и длинные тонкие пальцы, ласкавшие его в самых интимных местах... Нечистые, запретные мысли, которые он прогонял от себя днем, но по ночам его предательский мозг воспроизводил их снова и снова.

Что же ему делать? Как людям в этой стране удастся сохранить чистоту помыслов, если сама их культура наполнена противоречиями — и одержимостью, и отвращением? На улицах Каира на каждом шагу можно увидеть объявления о фильмах о любви, в кафе повсюду раздавались песни о страстных ласках, везде можно было услышать обрывки разговоров о плодовитости и половой зрелости. Добропорядочному Эдварду казалось, что секс, любовь, страсть вплавлены в повседневность Каира так же, как и пыль, кофе, горячее солнце. И при этом всякое вожделение, самый невинный флирт или нежное прикосновение рук были запрещены до свадьбы вообще, а потом допускались только в сумраке спален. По его мнению, это было хуже откровенного пуританства его викторианского воспитания. Естественно, нормы морали и интимных отношений не сильно различались в Англии и Египте: добродетель и целомудрие почитались, измены и блуд порицались. Но, по крайней мере, в британском обществе не выставляли напоказ то, что не было дозволено, чем нельзя было обладать. В Англии не было женщин, которые прикрывали чадрой лица и глазами искусительниц раздевали тебя донага. Это не в Англии изобрели соблазнительный белли, или биледи, или как там его называют, — этот танец. И уж точно в английских семьях после первой брачной ночи не выставляли напоказ окровавленные простыни! Даже духи здесь были другие. «Ярдли» с запахом английской лаванды были ароматом сдержанных леди. Женщины Востока источали будоражающие инстинкты запахи мускуса и сандалового дерева. И еда тоже более острая, и музыка играла быстрее, и смех был громче. Господи, что же тогда говорить о сексе — наверное, он исполнен животных сил, страстей? И как было мужчине сохранить равновесие и держать себя под контролем?

Эдвард спал совсем недолго. Его голову кружили насыщенные ароматы жимолости и жасмина. Ночная жара заставляла его сбросить простыни, и он лежал обнаженным, ласкаемый порывами душистого ветерка. И сейчас, с наступле-

нием рассвета, несущего за собой очередной жаркий день, полный чувственных соблазнов, Эдвард уже явственно ощущал насыщенные запахи приближающегося завтрака — горячего сыра, жареных бобов, яиц, сладкого кофе.

Он зарядил револьвер и рассеянно позвонил слуге. Он согласился поехать сегодня в Александрию с Нефиссой. И с трепетом ждал этого.

Сердце его гулко застучало, он вспотел. Ну что на него такое нашло, почему он согласился на подобное безрассудство? Не для того он приехал в Египет, чтобы снова пасть жертвой собственной распущенности! На самом деле желание повидаться с сестрой и лицезреть памятники древности не были настоящей причиной его поездки в Египет. Скорее это была насущная необходимость избавиться от той пагубной связи, прежде чем о ней узнал бы отец. Достаточно было одного намека на скандал, и граф лишил бы его наследства, не оставив ему ни пенни. И вот снова, сломя голову, он несется в очередную плотскую пропасть.

Из холла доносились голоса прислуги, в любой момент в комнату мог зайти лакей с горячей водой для бритья и подносом с чаем и бренди, так что Эдвард накинул длинную шелковую рубашку и зашел в ванную комнату. Он рассматривал в зеркале свое лицо. Рана, которую он получил в Торф-клубе, затянулась, не оставив шрама. Он выглядел на самом деле абсолютно здоровым человеком благодаря целительным тоникам, энергичным упражнениям, неустанной заботе Амиры. Эдвард был искренне рад тому, что зимние беспорядки не распространились дальше острова Гезира, на котором находился элитарный британский спортивный клуб, где англичане продолжали предаваться своим привилегированным занятиям, хотя уже и не с таким размахом. Эдвард стал членом клуба, посещал его каждый день: он играл в теннис, плавал, делал все, чтобы поддерживать себя в хорошей спортивной форме. Он знал, что у него привлекательная внешность. И, глядя на него, женщины видели не только тонкие, правильные черты лица, увенчанные светлой шевелюрой: за безупречной внешностью они ясно различали здоровую натуру добропорядочного английского джентльмена.

Темные, выразительные глаза снова мелькнули в его воображении, и опять его одолело желание узнать, что они видели, когда смотрели на него.

Он застонал. Ну как он мог согласиться отвезти Нефиссу в Александрию! Там соблазн и победит его, и он снова скатится в пучину страсти. Ему все-таки надо было оставаться дома, на улице Райских Дев. В этом доме, в атмосфере строгих моральных запретов и ограничений, он был в безопасности.

Когда вошел слуга, Эдвард быстрым жестом опустил револьвер в чемодан. Он мог пригодиться в дороге для защиты. Пока лакей готовил мыльную пену, Эдвард выпил бренди, отказался от чая и заказал еще спиртного. Бокал сильно дрожал в его руке.

Амира только что завершила утреннюю молитву, на которую собирались вместе дети, женщины, слуги. По обычаю в самом конце они произнесли, обернувшись поочередно через правое и левое плечо: «Оставайся с миром и пребудет с тобой милость Творца». Затем все отправились по своим делам: слуги — по хозяйству, женщины вернулись к завтраку, Захария и Омар умчались за ними. Амира осталась в спальне с Ясминой, Камелией и Тахией. Девочкам было шесть и семь лет, и они уже учились заправлять постель. Это было частью их подготовки к замужеству. Сначала они заправляли только собственные кровати, потом и постели братьев; они собирали разбросанную одежду и игрушки Захарии и Омара, приводили в порядок их комнаты. Девочки работали быстро, потому что были голодны: по всему дому гуляли восхитительные ароматы, но позавтракать они смогут только после того, как выполнят свои задания.

— Но ведь у нас есть слуги, — заметила семилетняя Тахия, самая старшая из девочек. — Они могут это сделать.

— А что если у тебя не будет слуг, когда ты выйдешь замуж? — поинтересовалась Амира, поправляя покрывало на постели Омара. — Ну и как же ты будешь заботиться о своем муже?

— А дядя Эдвард и тетя Алиса плохие, потому что с нами не молятся? — спросила Камелия

— Нет, просто они молятся отдельно, — возразила Амира.

Она заметила, что по лестнице к Эдварду поднимался слуга с обычным утренним подносом чая и бренди. Впервые с того дня, как был построен этот дом, в нем разрешили держать алкоголь. Амира была против, точно так же, как в свое время была против того, чтобы Алиса вообще позволяла держать его в доме. Тогда она победила.

Но на этот раз речь шла о желании сводного брата ее сына, так что ей не оставалось ничего другого, кроме как согласиться.

Престарелая тетушка Зу Зу неторопливо вошла в комнату, опираясь на свою трость. Под глазами у нее залегли темные тени.

— Плохо спала, — объяснила она, ее сон пестрел смутными пророчествами и тайными знаками, не предвещающими ничего хорошего.

— Мне грезилась кроваво-красная луна. В наш сад слетелись джинны, а все цветы в нем погибли.

Амира выпроводила из комнаты детей, опасаясь, что старая женщина напугает их своими рассказами, и проговорила:

— В Писании сказано, что все, что приходит к нам, послано Творцом по Его высшему разумению. Он защищает и испытывает нас. Не волнуйтесь, тетушка, Ибрагим и король в руках Божьих.

Но Зу Зу, молодость которой прошла во времена былого величия Египта, ответила:

— Также написано, что Бог не изменяет людей до тех пор, пока они сами не изменяют себя. Грядут лихие времена, почтенная Амира, и то, что вашего сына сейчас нет с нами, вряд ли можно назвать правильным. В чем заключается предназначение мужчины, если не в защите собственной семьи?

Когда Зу Зу умоляла Ибрагима не ехать в Александрию вместе с королем, он лишь отмахнулся от нее, оптимистично заверив старуху, что все будет в порядке. Как он мог быть таким слепцом? В течение шести месяцев после Черного четверга король Фарук трижды распускал правительство, а в последнее время ходили слухи, что он собирается назначить своего сводного брата премьер-министром, и это при том, что вся армия его презирает. Тучи снова сгущались над Каиром.

— Меня переполняет страх, Амира, — сказала она. — Я боюсь за безопасность твоего сына и всей нашей семьи. Кто защитит нас, пока он в Александрии?

Она развернулась и вслед за детьми направилась к завтраку.

В столовой на первом этаже царило оживление. Все семейство с шумом поглощало разложенные по тарелкам яйца и бобы. Только Нефисса отрешенно стояла у окна, внимательно высматривая машину Эдварда. На ней был легкий хлопковый

дорожный костюм, в руках — сумочка из заменителя крокодиловой кожи. Алиса приблизилась к ней и сказала:

— Я приготовила тебе кое-что.

С этими словами она вручила Нефиссе великолепный пояс, сплетенный из багряного клевера, растущего в саду. Цветки гармонировали с багровыми губами девушки, выгодно оттеняя искорки ее темных глаз.

Нефисса бросила быстрый взгляд на Амиру, кормящую двоих младших детей, и торопливо прошептала Алисе:

— Если бы она только знала! Мама бы заперла меня в комнате и выбросила ключ в Нил.

Нефисса собиралась совершить немыслимый шаг: отпустить шофера и самостоятельно доехать до Александрии на машине. Месяцы тайного обучения вождению наконец-то надели ее свободой и властью, которая ей раньше и не снилась.

— Она и так не в восторге от того, что я перестала ходить в парандже и носить черное, — продолжала она, прилаживая пояс к своему костюму. — Но если матушке станет известно, что я вожу машину!.. А Эдвард знает, что я буду сидеть за рулем?

— Мой бедный брат даже не подозревает об этом! Он думает, что тебя доставит водитель. А ты собираешься останавливаться по дороге?

Алиса очень хотелось оказаться сейчас на месте Нефиссы, так сильно завидовала она предстоящему ей приключению. Она готова была на все, лишь бы уговорить Эдварда остаться в Египте.

Неожиданно раздался звук колокольчика, который сигнализировал о пришедшем госте, а мгновением позже в комнате появилась Мариям Мисрахи, сопровождаемая слугой.

— Амира, у вас работает радио? Скорее включайте! Слушалась революция! Ночью, пока мы спали!

— Что? Как?

— Не знаю. Улицы в центре заполнены солдатами и танками!

Они настроились на «Радио Каира» и услышали незнакомый голос, принадлежащий никому неизвестному Анвару Садату. Мужчина говорил о том, что наконец-то египтяне будут сами править своей страной. Постепенно комната наполнилась людьми, женщины и слуги собрались вокруг приемника.

— Он ничего не говорит про короля, — заметил один из кузенов, вслушиваясь в речь Садата. — Не говорит, что они с ним сделали.

— Короля убьют, — воскликнул другой. — И Ибрагима тоже!

В то время как все остальные поддались панике, обнимая друг друга, причитая и плача, маленькая Тахия заплакала навзрыд, Амира не выказала своей тревоги и спокойно проговорила:

— Мы не должны поддаваться страху. Помните, что понимание исходит от Аллаха и что на все воля Его. — Затем она обратилась к слуге: — Позвоните всем и скажите, чтобы приходили сюда. Мы будем вместе следить за новостями и молиться. Соберите детей. Займите их играми и успокойте.

Затем она велела повару вскипятить воду для чая и приготовить побольше еды, ведь вскоре в ожидании новостей от Ибрагима соберутся родственники. И, наконец, она сообщила Нефиссе:

— На сегодня поездка в Александрию отменяется.

* * *

— Это просто немыслимо, — сказал король Фарук, неуверенным жестом отмахиваясь от Садата. — Как вы можете говорить о революции, если прозвучало всего несколько выстрелов и было пролито лишь несколько капель крови?

Но революция, пусть и «бархатная», действительно «имела место быть». Свободные офицеры захватили Каир со скоростью, которая поразила весь мир. Они взяли под контроль все коммуникации, правительственные учреждения, транспортные развязки, буквально заставив весь Египет замереть в оцепенении. Фарук был полностью блокирован, британцы не могли послать ему помощь, потому что революционные войска занимали все вокзалы, аэродромы, гавани и основные автодорожные магистрали. Хоть американское представительство и передало требование Вашингтона объяснить, что происходит, никаких конкретных шагов по оказанию поддержки англичанам и королю предпринято не было. Фарук лишился всех рычагов влияния. Да, со стороны его личной гвардии прозвучало несколько выстрелов в сторону бунтовщиков, окружающих дворец, но Фарук вскоре отозвал верных ему людей и приказал запереть ворота, отгородив-

шись от всего мира. В результате один из Свободных офицеров, Анвар Садат, лично предъявил королю ультиматум: покинуть страну к шести часам того же вечера или испытать на собственной шкуре последствия отказа.

В ответ на все протесты Садат спокойно напомнил про массовые беспорядки в Черный четверг, во время которых каждый кинотеатр, ночной клуб, игорный дом, ресторан и универмаг, расположенный в европейской части Каира, сгорел дотла. Всего около четырехсот зданий. Он также сказал, что стоило Фаруку начать действовать за какие-то два часа до начала погромов, хоть на день отвлечься от бесконечных удовольствий, которым он посвящал себя в последнее время, и всего этого можно было избежать.

— Но сейчас, — ровным голосом продолжал Садат, — король стал крайне непопулярной персоной.

Также Фаруку был известен еще один неприятный факт: большинство Свободных офицеров настаивало на его казни, но один человек сумел остановить это стремление к мести. И это был генерал Абдель Насер, протестующий против кровопролития. «Его накажет история», — вот что сказал генерал. Фарук здраво рассудил, что чем дольше он будет оставаться в Египте, тем короче будет его жизнь.

Поэтому он долго не раздумывал и сразу же согласился на требования Садата.

Ибрагим подумал тогда, что, возможно, это его последний визит во дворец, последняя встреча с Фаруком. Эта мысль показалась ему дикой после стольких лет существования в королевской тени. Неужели больше в его доме не раздастся ни одного ночного звонка, вызывающего доктора во дворец к главному пациенту страны? Фарук никогда не читал книг, не слушал музыку, не написал ни одного письма, а фильмы рассматривал исключительно как развлечение, такое же, как бесконечная ночная болтовня по телефону. Как личный врач Фарука, Ибрагим был одним из немногих, кто знал, что до пятнадцати лет король рос в гареме, а его матушка, женщина с железной волей, воспитывала сына в такой строгости, что из него в результате вырос человек инфантильный, предпочитающий политике игрушки и совершенно не приспособленный к взрослой жизни. Когда много дней назад его предупреждали о Свободных офицерах, он называл их клоунами, а в день первых выступлений, когда королю сообщили о необычной

активности и передвижениях войск, он назвал эту информацию недостоверной. Ибрагим понимал, что такая великая страна, как Египет, заслуживала более достойного правителя. Свободные офицеры были правы: появилась историческая необходимость в смене власти.

Но сейчас Ибрагима волновали куда более странные и мрачные мысли. Неужели это действительно конец королевской власти? Кто же займет его место? И какая судьба ожидает королевского терапевта в этом новом мире? Ибрагим поймал себя на том, что пристально смотрит на черную шелковую занавеску, прикрывающую арочный дверной проем, и вдруг подумал: «Вот так и выглядит мое будущее».

Наконец был готов текст отречения, и, стоя в просторном, залитом солнечным светом зале, который своими высокими сводами и стенами, испещренными фресками, напоминал римский храм, Фарук твердо зачитал документ. В нем содержалось всего два предложения на арабском языке: «Мы, Фарук первый, заботясь о благе египетского народа...» Чуть не плача, король взял свою золотую ручку, и Ибрагим заметил, как сильно трясется его рука, делая подпись практически неразличимой. А когда король подписывался во второй раз, по-арабски, то пропустил букву в своем имени — ведь он никогда не учился писать на языке страны, которой правил.

В последний раз Ибрагим помог Фаруку принять ванну и одеться в парадную белую форму адмирала флота, в которой королю предстояло появиться на публике — тоже в последний раз. Потом король в последний раз сел на инкрустированный драгоценными камнями трон во дворце Рас-Эль-Тин и попрощался с близкими друзьями и советниками. С Ибрагимом он общался по-французски:

— Я буду скучать по вам, дорогой друг. Если вы или ваша семья пострадает из-за меня, я буду молить Бога о прощении. Вы отлично служили мне, мой друг.

Ибрагим проводил его вниз по огромной лестнице в дворцовый зал суда, где музыканты играли гимн страны. Государственный флаг — восходящая луна на зеленом, цвета нильской воды, фоне — спустили, свернули и вручили королю в качестве прощального подарка.

Но Ибрагим продолжал стоять и смотреть, как Фарук восходит на палубу «Махруссы». Впервые за многие годы он не был в непосредственной близости от короля, и это вызвало у

него неожиданное чувство, словно его выставили на площади без одежды или отняли ему руку. Фарук нашел в себе силы попрощаться с народом со спокойствием и достоинством. Рядом с ним стояли три принцессы, его сестры, его семнадцатилетняя невеста и полугодовалый сын. Вынесенный разливом ил был расчищен, и стоящий в гавани морской фрегат проводил уплывающую яхту залпом из всех орудий.

Вид уходящего судна вызывал у Ибрагима только теплые воспоминания. То, как он привел Камелию, Ясмину, Тахию и Захарию во дворец, чтобы познакомить их с королем, как Фарук дарил им конфеты и пел свою любимую песню: «Техас смотрит на тебя своими глазами». Он вспомнил день свадьбы Фарука, когда Каир наводнили миллионы крестьян, и все были так рады за короля, что даже городские карманники дали в газеты объявления о том, что в честь короля на день сворачивают свою деятельность. Более позднее воспоминание — 1936 год, когда семья Рашидов отдыхала в Александрии: Ибрагим видел, как новый монарх приехал и предъявил свои права на трон. Стройный молодой человек, приплывший на яхте во главе флотилии из тысяч судов, озаренных торжественным мерцанием свечей. В тот день по всему Египту только и говорили о Фаруке, чье имя в переводе с арабского означало «тот, кто отличает правду от лжи».

И наконец, когда «Махрусса» вышла из гавани, Ибрагим припомнил тот день, когда отец представил его юному королю, и как тот, тут же проникшись к нему симпатией, назначил его на пост своего придворного лекаря. Сейчас Ибрагима переполняла печаль. Мысль о том, что «Махрусса» увозит от него не просто низвергнутого монарха, а нечто большее — его воспоминания, смысл его жизни, — была столь пронзительной, что слезы навернулись ему на глаза. И видение черной шелковой занавески снова появилось перед мысленным взором.

10

Алиса не могла поверить своим глазам.

Она только что вошла в сад, в руках — корзина и инструменты, на голове — соломенная шляпка с широкими полями, спасающая ее кожу от палящего египетского солнца, и тут же ее внимание привлекло обновление, произошедшее

возле восточной стены. Она восторженно вскрикнула и упала на колени, наклонившись вперед, чтобы убедиться, не обманулась ли она.

Но нет. На темно-зеленых побегах начинали раскрываться бутоны; а три из них уже превратились в большие багряные цветы. Наконец-то! После четырех лет прополки, поливки и использования удобрений, сооружения теплиц, томительного ожидания, выкапывания погибших растений и посева новых, после стольких усилий и крушения надежд на то, что английские растения приживутся в этом жарком средиземноморском климате, Алисе наконец-то удалось заставить цвести столь любимый ею багряный цикламен.

Она не могла дождаться момента, когда покажет его Эдварду. Цветки были так похожи на те, что росли у них дома! Но уже по дороге к дому Алиса вспомнила, что сегодня утром ее брат отправился на футбольный матч вместе с Ибрагимом и Хасаном, и вряд ли они вернутся раньше полудня. Алису они не пригласили, потому что женщины не посещали подобные мероприятия. Она убедила себя, что ее это не задевает. За время, которое она прожила на улице Райских Дев, она научилась мириться со многими проявлениями восточной культуры. Хотя ей порой казалось, что высокие стены вокруг особняка были возведены, чтобы удерживать обитателей дома внутри, а не для того, чтобы защититься от непрошенных гостей. Временами она была вне себя от того, что ей приходится оставаться в одной комнате с женщинами, в то время как Ибрагим и Эдди находились в соседней, с другими мужчинами. Алиса решила для себя, что к нравам египетского общества приспособиться вопреки ее ожиданиям довольно просто. «Мне так повезло, — писала она своей подруге в Англии. — Я замужем за прекрасным человеком, живу в большом красивом доме, в котором слуг, наверное, даже больше, чем было у нас дома».

Перестав витать в облаках и вернувшись в залитый солнечным светом сад, Алиса услышала, как поет маленькая девочка, и остановилась, чтобы послушать, узнавая голос Камелии. «Ребенок родился с музыкой в душе», — подумала она и постаралась разобрать текст арабской песенки. Алиса гордилась своими успехами в изучении арабского языка, и, хоть ей и были непонятны отдельные слова и строчки, общую канву различить удалось. Как и в большинстве египетских песнях,

речь шла о любви: «Положи голову мне на грудь, согрей мою грудь, пронзи меня стрелой своей любви...»

Алиса ничуть не удивилась, когда услышала голос Ясины, подхватившей мотив. Хоть девочек и разделяла годовая разница в возрасте, сводные сестры вели себя как двойняшки, никогда надолго не расставались, и иногда Алиса даже видела, что они спят в одной постели, когда заходила в комнату девочек, чтобы навестить свою дочь.

К своему удивлению, она поймала себя на мысли, что голос дочери вызвал у нее тоску по Англии. Ей все сильнее и сильнее хотелось увидеть родовое имение Вестфолов, выстроенное в стиле Тюдоров, и зеленые луга, колыбели тумана, которые его окружали. Ей не хватало прогулок верхом в окружении своих подруг и походов за покупками в «Харродс». Желание отведать бекон и эль, запеканку с мясом и жареные сосиски стало просто навязчивой идеей, не говоря уже о непрекращающихся неделями дождях и поездках на двухъярусных красных лондонских автобусах. Так же она скучала по своим друзьям, которые поначалу обещали, что приедут к ней в гости, в Египет, но вскоре перестали писать о возможных визитах даже в письмах. Только одна из ее подруг написала открытым текстом: «Сейчас в Египте очень опасно. Особенно для англичан».

«Но я здесь счастлива, — напомнила себе Алиса. — У меня есть Ибрагим и красавица-дочь».

Однако беспокойная мысль, зародившаяся при звуке голоса Ясины, заставила эту уверенность пошатнуться. Алиса бродила по саду, словно стараясь найти контраргументы, глядя на цветы и аккуратные зеленые кустики. Посмотрев на свою жизнь со стороны, она все же решила, что ее не беспокоит тот факт, что они с Ибрагимом спят на разных половинах дома; ее родители спали в отдельных спальнях почти всю совместную жизнь. Также ее не беспокоило, что Ибрагим часто выходит в свет, оставляя ее дома, как сегодня. Но этим теплым августовским утром она поняла, что ей чего-то не хватает. Но вот чего именно?

Оставив садовые инструменты, Алиса увидела играющих на поляне девочек сквозь заросли гортензии. Улыбка плавно сползла с ее лица, когда она поняла, чем они занимаются.

Они обе были облачены в длинные одеяния из черного шелка и пытались правильно нахлобучить на себя мелайи, закрывающие их тела, головы и нижнюю часть лица, стара-

тельно имитируя поведение женщин, которых они видели на улицах Каира. К огромному удивлению Алисы, у маленьких девочек это получалось просто великолепно. Если бы не малый рост, их с легкостью можно было бы принять за жительниц современного Каира, с их характерной походкой, поджатыми губками и регулярным оправлением собственного защитного наряда.

— Привет, дети, — сказала она, выходя из своего укрытия на свет.

— Привет, тетя Алиса! — сказала Камелия, томно повернувшись к ней и путаясь в своей хламиде. — Правда, здорово? Это нам тетя Нефисса дала.

«Отвергнутые покровы Нефиссы», — подумала Алиса, припоминая перемены, произошедшие в поведении золовки в последние годы. Нефисса по этому поводу высказалась так: «Я больше не хочу жить так, как моя мать. Я хочу быть свободной женщиной». А когда Нефисса заявила Амире, что больше не собирается ходить по улице в парандже, та, к удивлению Алисы, не сказала дочери и слова поперек.

Сейчас девчонки играли в «переодевание», наряжаясь в мелайи, точно так же, как Алиса в детстве наряжалась в старую одежду своей матери. Но между этими играми была разница: старомодные вечерние платья леди Френсис никогда не символизировали ущемление прав личности и рабство.

Внезапно Алиса почувствовала на горле хватку страха, с которым ей еще не доводилось сталкиваться.

С того самого момента, как Фарука отлучили от власти и было сформировано революционное правительство, начали циркулировать слухи о том, что англичан заставят покинуть Египет и страна вернется к своим традиционным устоям. Как же она раньше не додумалась? Вернется к традиционным устоям... Ей вдруг представились анфилады комнат в особняке Рашидов, бесчисленные картины, на которых изображались сильные и властные мужчины в тюрбанах и фесках, а рядом с ними — совершенно безличные, лишенные индивидуальности женщины, скрытые паранджами от посторонних глаз. Понять, кто это такие, можно было, только зная, что за мужчина изображен на картине.

«Женщины, — с грустью подумала она, — которые сидели и ждали, когда их мужа пресытятся другими своими женами, и только тогда обратятся к ним».

Как же тяжело далась ей новость, которой Ибрагим ого-рошил ее на следующее утро после рождения Ясмины. Ока-зывается, у Ибрагима была другая жена! Та, о которой она не знала. А известие о том, что его сын от этого брака будет рас-ти в том же доме, что и ее дочь! Когда Ибрагим объяснил ей, что другая женщина ему безразлична, что они развелись по обоюдному согласию, что он любил только Алису и никого больше, Алиса постаралась убедить себя, что он здесь не ви-новат, что таковы сложившиеся годами законы этого тради-ционного общества. Но все же она сказала ему: «Больше ни-каких жен. Я буду единственной!» И он согласился.

Тем не менее, временами, когда она смотрела на малень-кого Захарию или слышала его смех, старая душевная рана начинала пульсировать болью с новой силой: у Ибрагима уже была жена, когда она вышла за него замуж!

Другие картины заняли мысли Алисы: английские чаепи-тия, которые она посещала вместе с другими женами-англи-чанками, балы, на которых они бывали вместе с Ибрагимом и где мужчины и женщины непринужденно беседовали друг с другом, забавные представления в кукольных театрах, на которые они водили Ясмину, детские площадки, где няни следили за детьми, так похожими на ее собственную дочь. И тут она подумала: что будет, если англичане покинут Еги-пет? Неужели английский дух тоже уйдет вместе с ними?

Страшное будущее представилось ей, как наяву. Женщи-ны спрятаны под темными одеждами и сидят взаперти вме-сте с другими женами своего любимого. Алиса научилась мириться с ограниченной свободой: невозможностью пойти куда-либо без сопровождения, невозможностью покидать страну без разрешения мужа, необходимостью сидеть дома с другими женщинами в то время, как Ибрагим ходит в гос-ти к своим египетским друзьям. Со временем она также свыклась с мыслью, что во время их свадьбы в Монте-Карло Ибрагима ждала дома другая. Но возвращение к старым устоям казалось невыносимым.

И вот сейчас, видя свою дочь, скрывающую свое лицо, тело и индивидуальность за бесформенными черными одеж-дами, она действительно испугалась. Что ожидает эту девоч-ку в будущем, как к ней станут относиться, каким образом сможет она реализовать себя в стране, где слово «хаос» так-же означает «красивая женщина»?

Девочки заговорили с ней по-арабски, и она отвечала им так же, но затем, усевшись на каменную скамейку и притянув Ясмину поближе к себе, она заговорила на родном языке.

— Я сейчас работала в саду и вспомнила забавную историю из своего детства. Хотите послушать?

— Конечно, — с готовностью откликнулись они и уселись на траву.

«Я расскажу Ясмине про Англию, — думала Алиса, пытаюсь отыскать в памяти подходящий рассказ. — Я передам ей свои воспоминания на случай, если это ужасное будущее все же наступит, чтобы она встретила его вооруженной».

— Когда я была маленькой девочкой, — начала Алиса, — мы жили в большом доме в Англии. Это был красивый дом, который много веков назад пожаловал нашей семье король Джеймс. И из-за того, что дом был такой старый, в нем жило множество мышей. Так вот, однажды, когда твоя бабушка ночью заметила на кухне мышью...

— Ты говоришь про умму? — перебила ее Ясмينا. Дети называли Амиру «умма».

— Нет, милая, про другую бабушку, мою маму, бабушку Вестфол.

— А где она?

— Она умерла, милая. Она отправилась на небеса, к Иисусу. Так вот, бабушка Вестфол очень боялась мышей, и поэтому дедушка и дядя Эдди перевернули весь дом в поисках той мышки. Но куда же она запропастилась? И вот они искали и искали, но так и не нашли маленькую мышку. А потом как-то утром бабушка пила чай и заметила, что из чехла для чайника торчит розовый хвост. Тогда она закричала и упала в обморок.

Ясмينا и Камелия радостно закричали и захлопали в ладоши.

— Мышка жила в чехле для чайника!

— И в течение нескольких недель бабушка пользовалась этим чехлом, даже не зная о том, что там прячется мышья!

Девочки начали смеяться, а Камелия стала изображать из себя мышку, и вдруг послышался оклик:

— Эй, привет! Доброго утра! — Рыжие волосы не позволили ошибиться, узнать Мариям Мисрахи можно было еще до того, как она предстала перед ними.

— Тетя Мариям! — отозвались малышки, а Камелия резво вскочила и стала торопливо поправлять на себе мелайю.

— Вечно ты любишь порисоваться, — со смехом сказала Мариям и потрепала по щеке сначала Камелию, а потом и Ясмину. Повернувшись к Алисе, она сказала: — Как дела, милая? Отлично выглядишь.

Поприветствовав Мариям, Алиса вдруг подумала, как сильно эта женщина отличается от Амиры. Алиса знала, что они дружат вот уже много лет, видятся чуть ли не каждый день, но до сегодняшнего визита она как-то не замечала, что слегка взбалмошная и энергичная Мариям в отличие от тихой и консервативной Амиры, казалось, выросла в другой стране. К тому же Мариям принимала активное участие в общественной жизни, идущей за стенами ее дома, а Амира словно с суеверным страхом относилась к каждому выходу за порог.

Алиса решительно не могла понять, как ее свекровь могла быть счастлива в своем затворничестве. Последняя призналась ей как-то, что сидит взаперти по собственной воле и не ощущает в связи с этим никакого дискомфорта. Признание это произошло в тот день, когда Амира получила письмо из Греции, от своего старого друга Андреаса Скураса. Он сообщал ей, что женится на гречанке. В тот день Амира была на удивление разговорчивой и призналась к тому же, что жалеет о том, что в свое время не вышла за него. Алиса, услышав историю о господине Скурасе, бывшем министре культуры, поняла вдруг, что в Амире до сих пор живет молодая девушка, не раскрывшая весь свой потенциал. Это делало ее добровольное заключение еще более загадочным и противоречивым.

Когда Камелия и Ясмину убежали играть, Мариям сказала:

— Я сегодня получила весточку от своего сына Ицхака.

— Это от того, который живет в Калифорнии?

— Он прислал мне несколько фотографий. Вот здесь изображена его дочь, Рэйчел. Правда, она милашка?

Алиса посмотрела на снимок, где группа людей, судя по лицам, довольных жизнью, стояла на пляже, на фоне зеленющих пальм.

— Она на год младше твоей Ясмины. Ох, — Мариям вздохнула, — как же времечко-то летит! Знаешь, я ведь ее ни разу не видела. Нам с Сулейманом надо будет обязательно съездить и навестить их... А вот еще один снимок, на который, я думаю, тебе будет интересно взглянуть. Я попросила Ицхака переслать мне его, потому что он существует в един-

ственном экземпляре. Ему уже очень много лет, а сделан он был в баре Ицхака, «Мицвахе». Что, никого не узнаешь?

Еще одно групповое фото. На этот раз люди стояли под старым оливковым деревом. Алиса узнала Мариям и Сулеймана Мисрахи, выглядящих много моложе; их сына Ицхака; Али Рашида, мужа Амиры, чьими портретами были увешаны стены во всем доме. Широкоплечий мужчина, казалось, занимал все пространство на фотографии, вытесняя всех остальных. И, наконец, она увидела Ибрагима, молодого человека лет восемнадцати.

Алиса поразило то, как сильно Ясмина была похожа на отца, а также то, что в кадре ее муж смотрел не в камеру, а на своего отца Али.

— А кто эта девушка? — спросила Алиса.

— Это Фатима, сестра Ибрагима.

— Фатима! Никогда не видела ее фотографий. Ты не знаешь, что с ней, а то Ибрагим всегда уходит от этого разговора?

— Может быть, когда-нибудь он сам тебе расскажет, — сказала Мариям. — Я собираюсь попробовать сделать копии этой фотографии. Ицхак хочет, чтобы она хранилась у него, и я тоже. К тому же, я думаю, и Амира была бы рада поместить ее в свои альбомы. — Мариям рассмеялась. — Эти ее альбомы! Хотелось бы мне иметь столько же терпения. Я до сих пор храню фотокарточки в коробках.

— Мариям, — обратилась к женщине Алиса, и они начали медленно продвигаться к тому месту, где расцвел цикламен. — У Амиры в альбомах нет ни одной фотографии ее родной семьи, ее родителей, братьев и сестер. Почему?

— Спроси у нее сама.

— Я уже спрашивала, и каждый раз она отвечает, что после того, как она вышла за Али, его семья стала для нее родной. Но все равно ведь должны были сохраниться какие-то фотографии ее семьи, ведь так? Она, кстати, никогда не упоминает в разговоре своих родителей.

— Ну, знаешь, между родителями и детьми всякое случается. Не всегда все идет гладко.

Подумав о своем отце, графе Пембертоне, который до сих пор отказывался разговаривать с дочерью, Алиса понимающе кивнула и сказала:

— Да, ты права.

Она надеялась, что с рождением Ясмینی все уладится, но, за исключением рождественского подарка девочке — щедрого вливания в доверительный фонд, — граф никак не признавал тот факт, что у него есть и другие дети кроме Эдварда.

Алиса вдруг подумала, что нечто подобное могло происходить и между Амирой и ее родителями.

И тут она набралась смелости задать Мариям, человеку, которому она доверяла куда больше, чем всем членам семьи ее мужа, еще один вопрос.

— Также там нет фотографий матери Захарии. Ты была с ней знакома?

— Нет, не была. Никто из нас не был. Но такой подход довольно часто практикуется у мусульманских мужчин.

— Ты не знаешь, как ее зовут и где она сейчас?

Мариям покачала головой.

— Мариям, — тихо проговорила Алиса, почувствовав, что нельзя упускать момент, когда она оказалась наедине с близким к семье человеком, в котором была уверена. — Как ты думаешь, я хорошо вписываюсь в ваши порядки?

— Что это ты имеешь в виду, дорогая? Неужели ты не счастлива?

— Да нет же, я счастлива. Я не к тому. Просто... сейчас попробую объяснить. Порой мне кажется, что я словно часы, которые спешат на несколько минут, или немного расстроенное пианино, будто я не попадаю в ногу со всеми остальными. Иногда во время обеда я оглядываюсь и вижу семью моего мужа, и их очертания словно размыты, будто кто-то пролил воду на картину, написанную акварелью. Дело не в них, конечно. Они-то как раз находятся на своем месте. Дело во мне. Я словно квадратная пробка, которую хотят приладить к бутылке вина с круглым горлышком. Я счастлива, Мариям, и хочу быть счастлива, но временами...

Мариям улыбнулась и сказала:

— Чего же ты хочешь, Алиса? Ты говоришь, что счастлива, более того, по тебе это видно, но, может быть, тебе хотелось бы чего-то большего? Я понимаю, здесь не Англия, и тебе пришлось долго привыкать к нашим порядкам. Но, похоже, тебя что-то тревожит, и ты сама не понимаешь, в чем причина этого беспокойства.

Алиса посмотрела в сторону дома, сияющего розовым светом все сильнее и сильнее по мере того, как восходило

солнце, и ей показалось, что она может видеть бесчисленные комнаты сквозь толстые каменные стены.

— Сейчас, — тихо, будто разговаривая сама с собой, произнесла Алиса, — Амира ходит по дому и проводит инвентаризацию. Всего, начиная от простыней и заканчивая фарфоровыми чашками.

Мариям рассмеялась:

— Амира — самая дотошная хозяйка, каких я только знаю. Она в курсе всего и знает, где искать, казалось бы, самые неожиданные вещи. Я как-то пригласила ее к себе, чтобы она пересчитала мои простыни. Я, например, даже не знаю, что лежит в некоторых моих шкафах.

— Да, Мариям, но это то, что хочу делать я, — сказала Алиса, представляя, как ее свекровь переходит из комнаты в комнату в сопровождении слуги с блокнотом и пересчитывает белье, откладывая в сторону наволочки, которые нужно будет заштопать, и складывая в стопки накрахмаленные простыни. — Я ей завидую, — добавила Алиса и вдруг осознала, чего же ей так сильно не хватает. Ей хотелось иметь собственный дом! Неожиданно для себя она поняла еще одну вещь, еще одну причину своих страхов, связанных с Ибрагимом и Ясминой. На случай, если Египет все же избавится от английского присутствия, ей будет проще жить в собственном доме. Так будет легче бороться со старыми устоями и уберечь себя и дочь от грозящего им рабства. Они с Мариям шли к дому, и Алиса с оживлением представляла, как выскажет сегодня эту мысль Ибрагиму. «У нас должен быть собственный дом!»

* * *

Весь Каир обсуждал последние новости, связанные с низвержением короля, и семья Ибрагима, собравшаяся в гостиную после ужина, не была исключением.

— Кто бы мог подумать, что Его Величество вел такой экстравагантный образ жизни? — задала тему для беседы одна из незамужних кузин, не отрываясь от рукоделия.

Королевская семья покидала страну поспешно, взяв с собой только то, что они могли унести на себе из александрийской резиденции, и потому имущество, состоящее из пяти-соткомнатного дворца Абдин и четырехсоткомнатного дворца Каабах, позволило составить полную картину о быте и

нравах его величества. Малахитовые ванны, огромные шкафы с тысячами сшитых на заказ костюмов, коллекции драгоценных камней и монет, хранилища с пленками американских фильмов, комиксами и литературой эротического профиля. Также была обнаружена «коллекция» ключей от пятидесяти домов Каира, причем к каждому из них был прикреплен ярлычок с женским именем и краткой информацией о постельных «талантах» хозяйки.

Многие из вещей королевы также пришлось оставить: свадебное платье Нариман, украшенное двадцатью тысячами бриллиантов, сотня кружевных ночных рубашек ручной работы, пять меховых шубок, туфли на высоких сделанных из чистого золота каблуках.

Для оценки всех богатств Революционным советом были приглашены специальные эксперты из Лондона. После этого планировалось провести аукцион и направить вырученные средства нуждающимся. По предварительным подсчетам, общая стоимость имущества превышала семьдесят миллионов египетских фунтов.

— Не нравятся мне все эти разговоры, — прошептала Нефисса сидящему рядом с ней на диване Ибрагиму, в то время как они всей семьей пили кофе в гостиной. — Принцесса была моей подругой.

Занятый своими мыслями, Ибрагим ничего ей не ответил.

— Подумать только, — негромко продолжала Нефисса, машинально пробегая пальцами по волосам своего сына. Омару уже исполнилось одиннадцать. — Выгнать людей из дому, а потом выставлять на всеобщее обозрение их личные вещи. Интересно, Фаиза все еще в Египте? Мне так и не удалось этого узнать.

Мысли о принцессе вызвали прилив воспоминаний о «ночи соловья и розы», как стала называть ее Нефисса. Ее мысль двинулась дальше и вскоре устремилась к Эдварду, брату Алисы, чьи светлые волосы и голубые глаза были почти такими же, как у ее лейтенанта.

Интересно, сожалел ли он о том, что им не удалось отправиться в Александрию две недели тому назад, как сожалела об этом она? Хотелось ли ему предпринять еще одну попытку? Нефиссу не так просто было заставить отступить от задуманного. Если уж у них не получилось отправить-

ся на север, всегда можно было поехать на юг. Она знала, что Эдвард интересовался памятниками архитектуры и ему еще не довелось посмотреть на пирамиды, расположенные в пустыне, в девятнадцати милях от Каира. Если возникнет такая возможность, она собиралась предложить ему отправиться на пикник. Только вдвоем — она и он.

Ибрагим никак не реагировал на попытки сестры заговорить с ним; ему тоже были не по душе все эти пересуды вокруг персоны короля. В конце концов, кто мог знать Фарука лучше него? Но и как могли люди не обсуждать совершенно неожиданную «бархатную» революцию, произошедшую, пока весь Египет крепко спал, и этих неизвестных до сих пор людей, которые возглавляли сейчас новый орган власти — Революционный совет? Что изумляло Ибрагима наряду со всеми остальными, так это почему Фарука не казнили, а, повинувшись воле Гамалия Абдель Насера, позволили ему добровольно покинуть страну? Но сейчас шли повсеместные аресты: каждый, кого подозревали хоть в малейшей связи с бывшим монархом, подвергался допросам. Ходили зловещие слухи о пытках, тайных казнях и пожизненных приговорах. «И что же в таком случае ждет королевского врача? — спрашивал себя Ибрагим — Кто мог быть связан с ним сильнее, чем личный доктор? Неужели я и моя семья в опасности только из-за той должности, которую я занимал во дворце, должности, которой я не искал, должности, на которую определил меня отец?»

Неожиданно из коридора раздался мужской голос:

— Во имя Аллаха, есть кто дома?

Ибрагим с радостью смотрел, как в гостиную входит его друг, Хасан аль-Сабир, одетый в смокинг и сдвинутую набок феску.

Дети тут же бросились к нему с радостными криками:

— Дядя Хасан!

Он рассмеялся и поднял Ясмину в воздух, назвав ее при этом «своей маленькой абрикоской».

Затем он поприветствовал женщин, начав с Амиры:

— А что это за женщина, затмевающая своей красотой луну? — спросил он, переходя на арабский, зная, что именно этот язык предпочитает слышать в своем доме хозяйка.

— Добро пожаловать в наш дом, — сказала она вежливо. — Благослови тебя Создатель.

Глядя на то, как Хасан проходит по гостиной, становясь, как это у него всегда получалось, центром всеобщего внимания, Ибрагим различил быстрый взгляд Амиры, который она бросила вслед прибывшему гостю. Ибрагим всегда чувствовал, что мать не любит Хасана аль-Сабира. Чем всеобщий любимчик не угодил Амире, он не знал.

Несмотря на работающие вентиляторы и открытые окна, комната была наполнена августовской жарой. Ибрагим попросил слугу подать ему сигареты и кофе и проводил Хасана на балкон, перепоручая его объятиям свежего нильского ветерка.

— Какие новости? — тихо осведомился Ибрагим, когда слуга поднес к его сигарете огонек и неслышно ушел прочь. — Я слышал, что новое правительство собирается секвестрировать землю. Мои друзья с хлопковой биржи говорят, что всем крупным землевладельцам придется расстаться со своей собственностью и что крупные фермы будут поделены на более мелкие и розданы крестьянам. Думаешь, это правда?

Хасан, получивший свое состояние по наследству, неопределенно пожал плечами:

— Слухи, наверное.

— Может быть. К тому же, все эти разговоры про аресты... Я слышал, что парикмахера Фарука приговорили к пятнадцати годам каторги.

— Этот парикмахер был мерзавцем. К тому же он замешан в скандале с дачей взятки судье. Ты был просто врачом. Вряд ли тебя можно назвать государственным преступником. Послушай, — сказал Хасан, стряхивая пепел за перила балкона, — эти так называемые Свободные офицеры ничуть меня не пугают. Я таких знаю. Каждый второй из них крестьянин. Их лидер — Насер, его отец был почтальоном. А его правая рука — Садат, феллах, крестьянин, рожденный в такой затрапезной деревеньке, что ее облетали даже мухи. К тому же он чернее ночи, — добавил Хасан с неприязнью. — Им не по силам довершить начатое. Король вернется, вот увидишь.

— Надеюсь, ты окажешься прав, — сказал Ибрагим. Беспокойство не оставляло его с того самого момента, как король отчалил на своей яхте.

Хасан снова пожал плечами. Куда бы ни дул ветер, он старался следовать за ним. К тому же, как адвокат, он только выиграл от революции. У него еще никогда не было столько дел, причем никто и слова не говорил по поводу его завыв-

шенных гонимых. Сколько бы ни продлилась эта революция и куда бы она ни привела египетский народ, Хасан аль-Сабир собирался извлечь из нее максимальную выгоду.

— Вот что я тебе скажу, друг мой. Тебе нужно развеяться. Что ты скажешь, если я предложу тебе отправиться на улицу Магомета Али? — спросил Хасан, имея в виду район старого Каира, знаменитый своими танцовщицами, музыкантами и проститутками. — Я знаю одну молодую особу, которая творит в постели чудеса. Сегодня она может стать твоей, если хочешь.

Ибрагим покачал головой:

— Мне и здесь неплохо, — сказал он, глядя через окно в ярко освещенную гостиную и видя, как лучи света рисуют своеобразный нимб вокруг волос Алисы. Ему не нужно было идти на улицу Магомета Али; сегодня ночью он хотел пригласить Алису на свою половину.

— А что, тебе хватает одной Алисы? Мы — мужчины с аппетитом. Почему бы тебе не завести вторую жену, как сделал я? Даже Пророк, упокой Аллах его душу, понимал потребности мужчины.

Не успел Хасан умолкнуть, чтобы выпустить в августовскую ночь струю дыма, как спокойствие прервал тонкий детский голосок:

— Папа!

Ибрагим подхватил дочку на руки, покружил ее в воздухе и поставил на перила балкона:

— Тетя Нефисса рассказала нам загадку. Попробуй отгадать!

Хасан смотрел на друга, замечая, как он мгновенно переключил внимание на ребенка, улыбаясь, как мальчишка. Ему вспомнилось, как часто Ибрагим рассказывает о дочке: что и как она говорит, хвастается ею так, как большинство мужчин хвастают своими сыновьями. Он неожиданно поймал себя на мысли, что завидует другу. Он не мог похвалиться, что у него с дочерьми сложились близкие, доверительные отношения. Сейчас они учились в европейских пансионах, и все их общение сводилось к письмам и открыткам. Хасан мог с уверенностью сказать, что с годами белокурая Ясмينا станет настоящей красавицей. Он представил себе ее мать: в шестнадцать лет та наверняка была потрясающе хороша, а с годами, набирая взрослой прелести, просто расцвела зрелой красотой.

В салон вошел брат Алисы Эдвард и задержался в дверях, не спуская глаз с Нефиссы. При этом у него был такой от-

кровенно голодный взгляд, что Хасан с трудом сдержал смех. Бедняга Эдвард, совсем Египет закружил ему голову! Когда в дверь позвонили, Хасан искренне удивился — кто мог бы нанести визит в дом Рашидов? Потом он заметил очень расстроенного слугу, который что-то быстро шепотом рассказывал Амире. Она побледнела, кивнула головой, и спустя мгновение слуга вернулся с четырьмя солдатами, вооруженными винтовками. Они заявили, что пришли арестовать Ибрагима Рашида за преступления против Египта.

— Аллах милосердный! — вырвалось у Хасана, который прошел вслед за другом в комнату.

— Да здесь наверняка какая-то ошибка, — обратился Ибрагим к офицеру. — Вы что, не знаете, кто я такой? Кто мой отец?

Они принесли извинения, но настаивали, чтобы он прошел с ними.

— Вы только посмотрите... — начал было Хасан, но друг его перебил:

— Наверняка произошла ошибка, и я так понимаю, есть только один способ это проверить.

Хасан нахмурился.

Ибрагим поцеловал мать:

— Не о чем беспокоиться, мама. — Затем повернулся к жене и, целуя ее, произнес: — Со мной все будет в порядке.

— Я буду тебя ждать, — ответила Алиса с белым от страха лицом, не спуская глаз с мужа, пока его уводили солдаты. Ей вспомнилась сцена в саду, которая так напугала ее сегодня утром: Ясмина и Камелия, с головы до ног укутанные в черные мелаи, играют в саду...

11

Сон Ибрагима был странным: кухарка Сахра зашла на мужскую половину дома. За руку она вела Захарию. Она была босиком, в простом деревенском платье. Впервые он заметил, что она очень красивая, уже не юная девушка, а молодая женщина.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Ибрагим. Она начала говорить, но вместо нее Ибрагим услышал голос Творца:

— Ты хотел обмануть меня, Ибрагим Рашид. Ты посылал мне проклятия. Этот ребенок не твой, это отпрыск другого

мужчины. У тебя не было права забирать мальчика. Ты нарушил мой священный закон.

Ибрагим заплакал:

— Я не понимаю.

Он проснулся от собственного плача, и первое, что он почувствовал, придя в сознание, была острая боль в затылке. И еще вонь. Когда он попытался сесть, на него накатил приступ тошноты. С кружащейся головой он пытался сообразить, что за фигуры расположились вокруг него в полумраке, но все плыло перед глазами. Он застонал. Через какое-то время он понял, что сидит на голом каменном полу, в жуткой духоте. В ушах стоял какой-то странный звон. Он глубоко вдохнул и поперхнулся: вонь стояла просто удушающая — воздух состоял из запахов человеческого пота, мочи, испражнений.

Но куда он попал? И тут он начал медленно вспоминать: солдаты, арест, дорога в Генштаб — в центр города, его безуспешные попытки объяснить, что он ни в чем не виновен, пока какой-то солдат не ударил его прикладом. Он думал, что его повезут в тюрьму для офицеров, но вместо этого его затолкали в мрачную камеру, где ужасный, весь потный сержант без конца задавал ему два вопроса: какие антизаконные дела творились во дворце и кто принимал в них участие? Ибрагим вспомнил, как пытался объяснить ему, что это какое-то недоразумение, пока наконец не потерял терпение и не потребовал позвать командира. А затем был неожиданный удар в голову и... пустота.

Пока он ощупывал рану на голове, его зрение стало проясняться. Он находился в большой камере с высокими каменными стенами и грязным каменным полом. Он был не один. В помещение собрали гораздо большее количество людей, чем то, на какое оно изначально было рассчитано. Большинство из них были одеты в потрепанные галабеи; кто-то неустанно ходил от стены к стене, что-то бормоча, другие неподвижно сидели у стен. Здесь не было ни лавок, ни стульев, никаких подстилок, только солома на полу, а для естественных отправлений были поставлены несколько ведер, уже изрядно наполненных.

Он все еще спит? Если так, то это был самый реальный кошмар, который он только видел. Он оглядел себя: на нем по-прежнему был смокинг, но туфли из крокодиловой кожи

исчезли, так же как и золотые часы, два бриллиантовых кольца, жемчужные запонки и бумажник. Ему не оставили даже носового платка!

Заприметив на противоположной стене окно, он с трудом выпрямился и неуклюже побрел к нему. Но оно было слишком высоко, и, хотя августовское солнце просачивалось сквозь него, не было никакой возможности понять, где он находится. Привезли ли его в Цитадель на окраине Каира? Или он уже где-то в пустыне, за много миль от улицы Райских Дев?

Когда в голове его еще немного прояснилось и он стал увереннее стоять на ногах, Ибрагим пересек камеру, стараясь не касаться других узников, которые не проявляли к нему никакого интереса. Добравшись до решетки, сквозь которую был виден полутемный каменный коридор, он крикнул по-английски:

— Эй? Есть кто-нибудь?

Послышалось звяканье ключей, и появился молодой охранник в грязной форме, с пистолетом за поясом. Он тупо посмотрел на Ибрагима.

— Послушай, — начал тот, — это ошибка.

Охранник продолжал разглядывать его.

— Ты не слышишь, что тебе говорят? Ты что, глухой?

Кто-то тронул его за плечо, Ибрагим обернулся. Грузный бородатый мужчина в грязной синей галабее усмехнулся и сказал по-арабски:

— Они здесь не говорят по-английски. Даже если знают язык, то не станут. После революции английского больше нет. Это твой первый урок, выучи его.

Ибрагим перешел на арабский:

— Я вам говорю, это ошибка! Я доктор Ибрагим Рашид, и я требую позвать офицера.

Охранник смотрел на него так же равнодушно.

— Послушай, — Ибрагим старался не потерять терпение, — ты должен сказать начальнику, что я хочу с ним поговорить.

Охранник ушел.

Оглядевшись, Ибрагим с неловкостью почувствовал, что ему надо помочиться. Он заметил, что бородач по-прежнему стоит рядом с ним:

— Да будет с тобой, мир, мой друг, — сказал он и добавил: — Меня зовут Махзуз.

Ибрагим с недоверием всмотрелся в лицо со шрамом, в беззубый рот, убогую галабею. Махзуз по-арабски означало «везучий».

Мужчина улыбнулся:

— Это имя мне дали в лучшие времена.

— Почему ты здесь очутился?

— Я невиновен так же, как и ты.

Ибрагим отряхнул смокинг, заметив, что его галстук-бабочка тоже исчез.

— Ты не знаешь, как можно наладить связь с внешним миром?

— Творец выберет момент твоего освобождения, мой друг. Судьбы наши в руках Аллаха.

В голове перестало звенеть, немного прояснились мысли, и Ибрагим наконец смог более отчетливо оценить ситуацию. Он сообразил, что ему лучше сидеть у двери, на тот случай, если охранник вернется с офицером. К сожалению, это место облюбовали многие, и там не было ни дюйма свободного места. Он побрел обратно к стене, когда в коридоре послышались шаги и раздалось звяканье ключей. К его ужасу, еще до того как он успел сделать шаг, все узники бросились к решетке. Самые старых и слабых просто отшвыривали в сторону. Раздался вопль несчастного, которого вжали в прутья решетки. Ибрагим оставался неподвижным, наблюдая, как мужчины кидались на буханки хлеба, брошенные на пол, и на горшок с бобами.

Суматоха длилась несколько секунд: охранники покинули камеру, а ее обитатели набросились на еду, сражаясь за каждый кусок на полу. Ибрагим наблюдал, как Махзуз медленно идет по камере, доедая свою пайку хлеба с бобами, с деланным безразличием. Когда он приблизился, Ибрагим заметил жирных червяков на хлебе.

— Ты знаешь, мой друг, — сказал Махзуз с полным ртом, — надо было бы тебе тоже поесть. Следующую кормежку принесут нескоро. И позволь дать тебе совет, — добавил он, не спуская глаз с его смокинга. — Ты за своей одеждой присматривай. Ты одет получше коменданта тюрьмы. И вряд ли ему это понравится.

Ибрагим отвернулся. Боль в мочевом пузыре вернула его к действительности. Преодолевая смущение, содрогаясь от стыда и позора, он направился в самый дальний угол, затаил дыхание, чтобы не чувствовать вонь, и облегчился. Затем он

уселся на каменном полу, опершись спиной о стену, рассеянно отметив, что кто-то выцарапал имя Аллаха на стене. Не спуская глаз с решетчатой двери и прислушиваясь, не возвращаются ли охранники, Ибрагим подбадривал себя мыслью, что до конца дня его освободят.

Ибрагима разбудил толчок в плечо. Он посмотрел на окно и отметил, что солнечный свет приобрел янтарный оттенок. Его потрясло, что он задремал в таких условиях, и только потом он заметил Махзуза, который присел рядом с ним на корточки и проговорил:

— Ты выглядишь весьма спокойным, мой друг.

Ибрагим пошевелил плечами, чтобы размять скованные мышцы:

— Это вопрос времени — моя семья примет меры, чтобы меня выпустили.

— Вполне вероятно, если об этом записано в книге Аллаха, — заметил Махзуз, и Ибрагиму показалось, что товарищ по несчастью смеется над ним.

Он продолжал неподвижно сидеть у стены, не сводя глаза с решетки. Неожиданно до него дошло, что он не слышал призыва к молитве. Так, значит, тюрьма была далеко от города. Что же, тюремное начальство думало, что узники забудут о своей обязанности молиться? Как правоверный мог пропустить час молитвы? Ибрагим мысленно отрешился от окружающего его кошмара, убеждая себя, что его не касаются ни эта грязь, ни крысы в соломе, ни грязный сосед, сосредоточенно вытаскивающий вшей из одежды.

Еще раз принесли хлеб и бобы; Ибрагим оставался неподвижным. Он обнаружил, что с заходом солнца жара в камере не уменьшилась. Он явственно ощущал запах собственного тела. Обычно летом он принимал ванну два-три раза в день, он измучился без зубной щетки, ему была нужна бритва, горячая вода, мыло. На исходе дня Ибрагим мысленно совершил Четвертую молитву, прося прощения у Аллаха за то, что у него не было возможности исполнить ритуальное омовение перед этим.

Наконец воцарилась тьма, и узники в камере стали укладываться на ночлег. С трудом устранившись на каменном полу, Ибрагим подбадривал себя мыслью, что с рассветом

придет освобождение. Он снял смокинг и соорудил из него подушку. Когда он проснулся утром, то обнаружил пропажу смокинга, а два сокамерника подозрительно радостно наслаждались кофе и сигаретами. Ибрагим почувствовал сильный голод и вспомнил, что в последний раз ел двадцать четыре часа тому назад, дома, и пожалел, что не положил себе тогда побольше риса и баранины и не притронулся к свежей пахлаве.

Он снова пробрался к двери, прижался лицом к решетке, пытаясь разглядеть коридор.

— Эй, вы, — прокричал он по-арабски, — я знаю, что вы меня слышите! У меня есть сообщение для вашего начальника. Скажите ему, что он сильно пожалеет, что удерживает меня здесь.

Откуда-то появился ухмыляющийся охранник.

— Слушай-ка сюда, — окликнул его Ибрагим, даже не пытаясь скрыть раздражение. — Да вы понятия не имеете, кто я такой, — он оглянулся на сокамерников. — Скажите вашему начальнику, чтобы он связался с Хасаном аль-Сабиром. Это мой адвокат, он разъяснит ему, что это ошибка!

Но охранник проворчал что-то неразборчивое и удалился.

— Да вы не представляете, с кем имеете дело! — Он чуть было не добавил: «Когда королю станет известно...» Но короля больше не было.

Он прислонился к решетке в полной растерянности и попытался представить своего друга Хасана в таком положении. У того была врожденная властность, которая вызывала почтение. Он бы добился внимания к своей персоне мгновенно. Но Ибрагиму это было незнакомо. Ему никогда не приходилось проявлять свое влияние. Люди вокруг естественным образом были рады ему услужить.

Что ж, пройдет еще несколько часов, и он выйдет отсюда. Ясное дело, его семье понадобилось время, чтобы найти нужных людей, установить, в какой темнице он оказался, разобраться с бюрократическими препонами. Он брел к своему месту у стены и пытался представить, что в этот момент делает Алиса. Она, должно быть, страшно беспокоится. А что же с малышкой Ясминой? Спрашивает ли она о папе? Сильно ли ее напугал вид солдат, уводящих отца?

Охранники снова принесли еду, если эту гадость можно было так называть. К его неудовольствию, голодный желу-

док побуждал разделить всеобщую трапезу, но Ибрагим отказывался есть гнилые бобы с хлебом, на которые все остальные немедленно накинулись. Насколько он знал свою мать, сейчас она всю готовится встретить сына праздничным угощением, и сегодня вечером он отобедает своими любимыми тефтелями, фаршированными яйцами. Он, может быть, позволит себе немного бренди, оставшегося после Эдварда, чтобы восстановить силы.

Пока узники оживленно завтракали, Ибрагим ходил вдоль решетки, пытаясь перехватить кого-нибудь из охранников. Но они не обращали на него никакого внимания и исчезли в глубине коридора почти сразу после того, как раздали пищу.

— Угнетает, правда?

Ибрагим обернулся на звук знакомого голоса — Махзуз тщательно собирал последние крошки в ладонь. Он произнес с улыбкой:

— Не имеет значения, что ты им говоришь, им нет до тебя дела. Эти собаки понимают только одно, — он потер пальцы.

— Что ты имеешь в виду?

— Бакшиш, взятка.

— Но у меня нет денег, они же все забрали.

— У тебя прекрасная рубашка, мой друг. Потоньше, я побьюсь об заклад, чем у нового вождя Насера. Сколько ты за нее заплатил?

Ибрагим не имел ни малейшего понятия. Счетами от портного занимался его бухгалтер. Не говоря ни слова, он отошел от Махзуза и направился к своему месту у стены, чувствуя, как нарастает раздражение. Когда через несколько минут в коридоре раздались шаги и послышалось звяканье ключей, предвещая незапланированный визит тюремщиков, он рванулся к двери с толпой таких же обезумевших от неизвестности узников, стараясь прорваться сквозь них:

— Я здесь, — кричал он охранникам, — Ибрагим Рашид, это я! Я здесь, позади!

Но они пришли не за ним. Они втолкнули в камеру еще одного мужчину — судя по выражению его лица, можно было понять, что он рад то ли этому относительному освобождению, то ли новому окружению. Как объяснил Махзуз, та-

кие вещи случались: семье удавалось передать взятку тюремным начальникам, и заключенного переводили в лучшую камеру.

Ибрагим был озадачен: если все так и происходит, что же делает его семья? И затем его поразила другая мысль: а что если они арестовали всех членов его семьи?! Но это было невозможно! Было слишком много Рашидов, и только некоторые как-то были причастны к семье короля.

Кроме того, они ведь женщины, его мать уж точно не арестуют. Она наверняка сделает все, чтобы его освободить.

Хотя Ибрагим пытался не падать духом, уверяя себя, что до заката он выйдет из заключения, его уверенность уже не была такой прочной.

Когда наступил его третий рассвет в заключении, он решил, что с него достаточно. Не обращая внимания на безучастную публику — многие из этих людей так долго находились в тюрьме, что их разум отупел, — Ибрагим подошел к решетке и стал кричать, чтобы привлечь внимание охранников. Он чувствовал слабость: он так ничего и не съел за это время, неопорожненный кишечник содрогался от спазмов. Ибрагиму пришлось мочиться в углу, ему не оставалось выбора, но испражняться, растопырившись над ведрами, как животное, он не собирался.

— Выпустите меня, — кричал он в пустоту. — Всемогуший Аллах! Я друг премьер-министра. Поговорите с министром здравоохранения!

Его охватила паника. Где вся его семья, его друзья? Куда подевались англичане? Как они могли позволить этому революционному фарсу затянуться?

— У вас будут серьезные неприятности, если вы не сделаете, как я вам говорю! Вас всех выгонят! Вас отправят на медные рудники! Да вы слышите меня?

Он обернулся и увидел стоящего рядом с ним Махзуза. Его заинтересованный и полный сочувствия взгляд словно был эхом его же слов:

— Это не поможет, мой друг. Им наплевать на твоих влиятельных друзей. Помнишь, что я тебе говорил? — он снова потер пальцы друг о друга. — Бакшиш. И тебе все-таки надо что-то поесть. Все поначалу голодают. Но мертвый ты никому не поможешь.

Когда охранники принесли еду в следующий раз, Ибрагим продержался до последнего, но затем все-таки схватил буханку хлеба. Было видно, что пекли его из муки с соломой.

— Вы что, думаете, я стану это есть? — он громко возмутился.

— Да хоть засунь его себе в задницу, — равнодушно ответил тюремщик и вышел. Ибрагим отшвырнул хлеб, и его немедленно схватили. Он шел к стене, неуверенно ступая и повторяя:

— Я должен продержаться. Все будет нормально. Это не может продолжаться долго ...

Его мучили кошмары во сне, но, когда он просыпался, реальность не очень сильно отличалась от сновидений. Отдыха не было нигде. Когда снова принесли еду, он схватил кусок хлеба и жадно обмакнул его в горшок с бобами, а когда приперла большая нужда, уселся над парашей.

На седьмой день тюремщики пришли за одним из узников, но он совсем не улыбался. И когда его принесли назад, он был без сознания. Они втащили его в камеру и бросили на пол. Махзуз подошел к Ибрагиму и сказал:

— Ты говорил, что ты врач. Можешь ему помочь?

Ибрагим взгляделся в скорчившееся тело.

— Ну, так что, поможешь?

— Я... я... не знаю, — Ибрагим никогда прежде не видел таких ран. И вообще он уже не помнил, когда в последний раз обрабатывал раны или серьезно кого-то лечил.

Махзуз презрительно посмотрел на него и пробурчал:

— Ха! Ну ты и доктор!

В ту ночь, когда тюремщики пришли за телом, Ибрагим подбежал к ним и сказал:

— Вы должны выслушать меня. — На его голос один из солдат повернулся, бросил взгляд на его фрачную рубашку, сейчас всю засаленную и испачканную. Ибрагим немедленно стащил ее и сунул ему в руки:

— Вот, возьми. Она стоит твоего месячного жалованья, — пробормотал он скороговоркой, не имея понятия о размере тюремного жалованья. — Дай знать Хасану аль-Сабиру. Он юрист. У него контора в Эзбекии. Скажи ему, где я. Пусть он вытащит меня отсюда!

Охранник без единого слова забрал рубашку. Прошло несколько дней, Хасан так и не появился, и Ибрагим понял, что его взятка не сработала.

Он стал молиться, из глубины своего сердца просил Аллаха простить его богохульства в ту ночь, когда родилась Камелия. Он каялся, что усыновил чужого мальчика, нарушив предписание, запрещающее это. Он раскаялся, он просил простить его: «Только заberi меня отсюда!»

Его мольбы к Аллаху перекинулись на охранников. Он говорил им, что очень богат, что он щедро расплатится с ними, если его выпустят. Но их интересовало только то, что Ибрагим мог дать им прямо сейчас. А все, что у него оставалось, — это белье, брюки и пояс.

Ему снилось, что он обнимает Алису, а дети играют у его ног. Странно, они представлялись ему в виде разных вкусов: Алиса была ванильным мороженым, Ясмина пахла абрикосом, Камелия — темным медом, а Захария был как черный шоколад. Когда он проснулся, то в отчаянии понял, что потерял счет восходам. Наступил уже тринадцатый или тринадцатый был вчера? Наверное, уже пришел сентябрь, а может, и октябрь. По крайней мере удушающая августовская жара прекратилась.

Ибрагим почесал бороду, попытался поймать вошку. И неожиданно заметил отсутствие Махзуза. Его забрали этой ночью? Или его выпустили, пока Ибрагим дремал? Или его замучили, и он умер? Людей из камеры часто уводили на допрос. Чего Ибрагим не мог понять — почему ни разу не приходили за ним? У него была бы возможность объяснить кому-нибудь чином повыше, что все это недоразумение. Он заметил, что не было никакого порядка в том, как узников забирали на допросы, потому что некоторые из них были новички. По каким-то дням не допрашивали никого, в другие вытаскивали трех-четыре человек. Когда их приволакивали назад, он пытался как-то помочь им, но чаще всего оказывался абсолютно бесполезен. Даже если бы у него были медикаменты, вряд ли бы он вспомнил то, чему его учили в медицинской школе.

Интересно, вернулся ли Фарук в страну? Продолжается ли еще революция? Как там его семья: возможно, они решили, что он мертв, и Алиса носит черное? Может, она уехала к брату в Англию?

Ибрагим расплакался. Никто не обратил на это внимания. Каждый из них раньше или позже ломался. Ну, кто бы мог представить, что он будет оплакивать грязного Махзуза?

А потом он увидел еще один страшный сон: его отец, Али Рашид, склонился над ним и с упреком качал головой, словно напоминая, что он опять разочаровал родителя.

Один из новых узников рассказал, что несколько дней назад отпраздновали День рождения Пророка. А это значило, что Ибрагим провел в тюрьме больше четырех месяцев. За все это время никто не пришел навестить его, ему не приносили передач — ни еды, ни сигарет, он ни разу не покинул камеру, даже на допрос его не вызывали.

Он отупел. Его жизнь сократилась до размера участка тюремной стены, где на камне было вырезано слово «Аллах». Ему принадлежал этот прямоугольник и соломенная подстилка на полу, которая служила ему матрацем. Это был его мир; мир забытого всеми узника. Его уже не отталкивал вид заскорузлой кожи, отросшей до груди бороды. Его сны, такие же безумные, как и окружающая действительность, не волновали его больше. Он перестал скучать по своему шелковому халату и кальяну, перестал вспоминать о том, что хорошо бы оказаться на яхте Хасана, развлекаясь игрой в карты в доброй компании. Он забыл про кофе и сигареты. Он хотел увидеть небо, ощутить под ногами свежую траву на берегу Нила, почувствовать объятия Алисы, отвести в парк Ясмину. Его жизненный цикл сжался до самых простых фрагментов. Он просыпался по утрам с затаенной надеждой на освобождение; день проходил в суете вокруг борьбы за хлеб и бобы, отправления естественных надобностей, тоскливого прислушивания к звяканью ключей на поясах охранников и к ожиданию, бесконечному ожиданию, пока не наступала ночь и не набрасывала на него забытие. Он давно перестал совершать пять молитв в день.

В тот день, когда в камере появился новый обитатель, Ибрагиму весь день не давала покоя какая-то неясная мысль: он проснулся с ощущением, что ему предстояло узнать что-то невероятно важное. Весь день Ибрагим сопротивлялся этому ощущению, понимая, что мышление его затуманено: сказывалось физическое истощение. Оно не давало ему осмыслить то значительное, что бередило его созна-

ние. И когда в камеру внесли тело нового узника с многочисленными следами пыток, Ибрагим еще не понимал, как он близок к прозрению.

Молодого мужчину швырнули на пол, и никто не обратил на это особого внимания. Ибрагим приблизился к нему не столько из сочувствия, а скорее следуя собственному желанию услышать какие-нибудь новости с воли.

Они немного поговорили, парень так и продолжал лежать на полу — он слишком ослабел и не мог даже сидеть. Оказалось, что в тюрьме он уже больше года — его схватили во время беспорядков Черной субботы.

— С тех пор, — говорил он тихим невыразительным голосом, — меня переводят из камеры в камеру, подвергая постоянным пыткам.

Он был членом Братства мусульман. Он понимал, что скоро умрет, но относился к этому весьма спокойно:

— Не переживай обо мне, мой друг. Я уйду к Аллаху.

Для Ибрагима это было непонятное ощущение — смерть за то, во что веришь.

Взгляд зеленых глаз нового знакомого не отпускал Ибрагима:

— У тебя есть сын?

— Да, — прошептал он, вспоминая малыша Захарию, — чудесный мальчишка.

Молодой человек прикрыл глаза:

— Это хорошо. Хорошо иметь сына. Единственно, о чем я жалею, да простит меня Аллах, что, оставляя этот мир, я не оставил наследника, который продолжил бы мое дело.

И когда последнее дыхание покидало его тело, ему вспомнилась родная деревня, девушка по имени Сахра, отдавшая ему свою невинность, которая, возможно, когда-нибудь встретится ему в раю.

Ибрагим положил руку на плечо молодого мужчины и произнес:

— И сказал я: нет Бога кроме Аллаха, и Магомед — пророк его.

И ему вспомнился сон про Сахру и Захарию, который он увидел много недель назад, когда впервые очнулся в камере. И внезапно мысль, целый день смутно бродившая в его голове, предстала в удивительной ясности. Теперь он все понял. Это было наказание Аллаха за то, что он назвал Захарию сво-

им сыном! Его пребывание здесь было закономерно, он заслужил это. И вместе с примирением пришло смирение, странное ощущение принятия всего того, что с ним произошло.

И когда это случилось, за ним пришли.

12

Раздались призывы муэдзинов к молитвам, первый прозвучал с минарета мечети Аль Азхара. Они следовали друг за другом, перелетая с купола на купол, словно набирали своим зовом жемчужное ожерелье из легких облаков в зимнем утреннем небе.

Те, кто собрался в доме Рашидов, не удивлялись, что к молитве их призвала женщина. Это была не простая женщина, это была Амира — вдова Али, которая стала главой клана после того, как четыре месяца назад по непонятным причинам был арестован ее сын. Это она собрала их вместе в доме на улице Райских Дев, она объединила их в дни семейного кризиса. Большой салон превратился в командный пункт, где всем членам семьи нашлась работа. Одни отвечали на звонки, другие печатали петиции, звонили нужным людям, третьи готовили статьи в газеты или писали тем, кто хоть как-то мог помочь в деле Ибрагима. В центре всего была Амира: она организовывала работу, отдавала распоряжения:

— Только что узнала, что отец редактора газеты «Аль Ахрам» был близким другом дедушки Али. Халил, отправляйся в газету, расскажи о нашем несчастье. Если его отец еще жив, может быть, он поможет.

Все мужчины выполняли ее поручения, женщины готовили и подавали еду для обитателей дома, число которых значительно увеличилось. Все спальни были заняты: собрались все родственники, они приехали даже из Луксора и Асвана, чтобы участвовать в вызволении Ибрагима из тюрьмы.

Еще только первые лучи солнца осветили восточные склоны, а работа уже кипела: раздавались телефонные звонки, стук печатных машинок. Вошел внук Зу Зу, красивый молодой человек, который работал на товарной бирже. Он взял чашку чая и присел рядом с Амирой. Усталым голосом он произнес:

— Времена изменились. Ум Ибрагим. Имя человека ничего не значит, ни его честь, ни честь его отца. Власть имущих интересуется только одно — бакшиш! Чинуши, которые

не могли раньше сидеть с нами за одним столом, сейчас надели мундиры и расхаживают, как петухи, требуют огромные деньги за свое содействие.

Амира терпеливо слушала его. В его глазах она видела то же самое, что и в глазах других родственников: растерянность, отчаяние, смуту. Вся иерархия общества рухнула. Мужчины из аристократических семей, подобно их собственной, больше не надевали фески — некогда почетный символ их статуса и знак благородного происхождения. Все перепуталось, никто не употреблял слова «паша», обращаясь к аристократу. Торговцы газетами и таксисты откровенно хамили господам, которым они раньше кланялись до земли. Огромные земельные угодья, принадлежавшие поколениям потомственных землевладельцев, кроились на лоскуты и передавались крестьянам. Огромные организации, даже банки, национализировались. Страной правили военные, и никто, в том числе англичане, не могли их остановить. Им самим было ясно, что их дни в Египте тоже сочтены. В каждой кофейне Каира можно было услышать разговоры про социализм, волна эгалитаризма захлестнула Египет.

Амира не понимала, что происходит, и не пыталась сделать вид, что ей все ясно. Раз на то была воля Творца, пусть все так и происходит. Но где Ибрагим? Почему он стал жертвой в этом водовороте? Почему она не может его найти? Бессонница и заботы начали сказываться. Амира похудела, ее лоб прорезали новые морщинки. Ей пришлось продать некоторые украшения и использовать сбережения — деньги пошли на взятки многочисленным клеркам. Она молилась больше обычного. К тому же она неустанно повторяла ритуал, которому ее научила мать Аль Рашида в свое время: он должен был отвести беду от дома Рашидов в годину общего бедствия.

Амира позвала гадалку Кветту, чтобы хоть что-то узнать о том, что ждет ее сына, но старая женщина лишь покачала головой:

— Он родился под звездой Альдебаран, саида, звездой мужества и чести. Но я не могу тебе сказать, будет ли твой сын жить в чести или погибнет с мужеством.

Стали возвращаться родственники с новостями, слухами. В комнату буквально ворвался племянник старшего брата Али:

— Ибрагим жив! Он в Цитадели!

— Слава Аллаху! — воскликнула Амира.

Все мгновенно собрались вокруг Мохсина Рашида, студента. Он перестал ходить в университет, чтобы помогать искать родственника. Все заговорили одновременно, но Амира сразу стала его главной слушательницей:

— Но почему он там? За что его арестовали?

— Говорят, что есть доказательства его причастности к государственной измене, тетя.

— Измена! — Она закрыла глаза: за это полагалась смертная казнь.

— Говорят, что у них есть свидетели, которые дали показания под присягой о его причастности.

— Лжецы! Лжецы, которых подкупили! — закричали все.

Но Амира подняла руку и спокойно произнесла:

— Возблагодарим Всемогущего Аллаха: он помог нам найти Ибрагима. Мохсин, отправляйся в Цитадель и узнай все, что можешь. Салах, иди с ним. Тьюик, немедленно отправляйся в офис Хасана аль-Сабира. Ему понадобится эта информация.

Нефисса как раз стала говорить о ком-то: человек этот знает кое-кого, кто за вознаграждение может передать точку Ибрагиму, и в этот момент в комнату вошел Сулейман Мисрахи. Он выглядел старше своих лет, его волосы поредели, глаза запали. Хотя его прибыльный бизнес по импорту товаров пока не интересовал революционные власти, его беспокоила проходящая национализация крупных предприятий и хлопковых владений. Он слышал многочисленные разговоры о том, что новое правительство планирует строить новые заводы в Египте, чтобы производить сельскохозяйственные машины, автомобили, сейчас их закупали в других странах. Сулейман в основном занимался шоколадом и элитными напитками для добавления в кофе, но вопрос все же оставался: что, все это тоже национализуют?

Амира проводила его в небольшой альков, специально предназначенный для уединенных бесед, поблагодарила за то, что он нашел время для нее. Она относилась с большой теплотой к этому доброму, мягкому, хорошему человеку. Она неожиданно представила себе, что пережила Мариям, когда много лет назад узнала, что причина отсутствия детей в семье — в ее муже. Для Мариям сложилась невыносимая ситуация — сказать об этом Сулейману было просто невозможно. Амира часто задумывалась, а в самом ли деле он бы разгневался, узнав, что отец детей — его родной брат.

— Ситуация печальная, Амира, — сказал он. — Я присутствовал на нескольких судебных заседаниях. Суды! Это бродячий цирк! Все друг друга обвиняют. Если ты назовешь кого-нибудь, чье преступление посерьезнее твоего, то тебя отпускают. Революция превратилась в фарс, мне сейчас стыдно говорить, что я египтянин.

Он в отчаянии покачал головой. Дурные времена наступили. Американский фильм «Qua vadis», запрещенный в свое время к показу из-за того, что Фарук утлядел в одном из персонажей немало сходства с императором Нероном, сейчас шел во всех кинотеатрах Каира. Толпы ломились на сеансы, и каждый раз, когда актер Питер Устинов, играющий императора, появлялся на экране, зал начинал скандировать: «На Капри! На Капри!» — именно там нашел себе прибежище изгнанный король.

Сулейман достал из внутреннего кармана листок бумаги:

— Понадобилось время и изрядный бакшиш, но наконец мне удалось получить то, о чем ты просила, Амира. Вот адрес одного из членов Революционного комитета.

Тогда, в августе, они предприняли множество попыток узнать хоть что-то по официальным каналам, но все их усилия были бесплодны. Потом Амира попросила найти выходы на кого-нибудь из Революционного комитета, его члены входили в общество «Свободные офицеры». Она знала, что они все довольно молоды, им не больше сорока, и, когда Сулейман прочитал ей список фамилий, она попросила узнать адрес одного из них.

— Узнать адрес оказалось совсем непросто, — сказал Сулейман, протягивая ей листок. — Офицеры понимают, что они — мишень для контрреволюции. В конце концов я обратился к другу, которому как-то помог, и он считает, что он у меня в долгу. Он брат одного из этих. А что ты хочешь сделать, Амира? Что это за человек?

— Возможно, посланный свыше знак надежды.

— Амира, ты обязана взять меня с собой, — настаивала Мариям. — Ты не выходила из дома тридцать шесть лет. Ты потеряешься.

— Я найду дорогу, — тихо ответила подруга, поправляя мелайю на голове. — Аллах укажет мне верный путь.

— Но почему бы тебе не взять шофера и не поехать на машине?

— Потому что это только мое дело. Я не могу рисковать безопасностью другого человека.

— Да куда ты идешь, ты можешь хоть мне сказать? Это тот адрес, что тебе Сулейман принес?

Амира продолжала поправлять мелайю так, чтобы видны были только глаза:

— Тебе лучше этого не знать.

— Ты хоть представляешь, как добраться туда, куда ты собираешься идти?

— Сулейман мне рассказал.

— Мне страшно, — мягко продолжила подруга. — Эти времена пугают меня. Друзья спрашивают, когда мы с Сулейманом уедем в Израиль. А нам в голову такая мысль и не приходила даже!

Она печально покачала головой. Три года назад стало известно, что 45 тысяч евреев переселились из Йемена в Израиль, и этот процесс исхода получил название «операция Волшебный ковер». Приятели Мариям стали интересоваться, почему они не переезжают. А почему они должны куда-то переселяться? Египет был их домом. Даже имя ее означает «египтянка». Но другие евреи уезжали из Каира, в синагоге теперь бывало намного меньше народа.

— Мариям, не беспокойся, — сказала Амира. — Всевышний дает мне силы, со мной ничего не случится.

Прежде чем выйти, она задержалась у портрета Али на столике у кровати, словно обращаясь к нему: «Я пойду в город. Если есть шанс спасти нашего сына, то это он. Аллах просветил меня. Он поведет меня. Но я боюсь. Этот дом был моим раем. Я была здесь в безопасности».

Наконец она подошла к садовым воротам, зимнее солнце согревало ее плечи. Много лет назад ее провели через них, много воды утекло с тех пор. Она взглянула на апельсиновые деревья и заметила Алису в ее цветнике: невестка пыталась вырастить английские гвоздики на египетской почве. Рядом с ней играли погрустневшие дети. Из-за сложившейся ситуации последний праздник — день рождения пророка Магомеда — прошел очень сдержанно, и похоже было, что празднование рождества пророка Иисуса, которого очень почитала Алиса, тоже пройдет весьма скромно. «Мы стали домом траура», — подумала Амира.

Убедившись, что мелайя тщательно укрыла ее так, что не видно ни рук, ни щиколоток, она глубоко вздохнула и переступила через порог.

«Господь Всемогуший, — молилась Алиса, продолжая копать твердую землю, — верни мне Ибрагима, я буду ему хорошей женой. Я буду любить его, ублажать, рожу ему много детей. Я забуду, как он обманул меня с матерью Закки. Просто верни его домой!»

В эти дни никто не мог утешить ее, даже брат. Чем дольше Эдвард оставался в Египте, тем более замкнутым и утрюмым он становился. Он был словно подавлен чем-то, постоянно погружен в свои мысли. Какое-то время ей казалось, что причина в том, что он влюблен, страсть к Нефиссе поглотила его, но сейчас она не знала, что и думать. Ей было известно, что брат постоянно носит с собой пистолет, объясняя это тем, что он средство самозащиты в опасные времена, когда радикалы постоянно угрожают англичанам. Но какова была настоящая причина?

Она распрямилась и заметила стоящую рядом Ясмину, ее глаза цвета небесной лазури были обращены к матери:

— Мама, а когда папа вернется домой? Я соскучилась.

— Я тоже, солнышко мое, — она обняла девочку и, взглянув на притихших Камелию и Захарию — они остались без матери, а теперь и без отца, — раскрыла им свои объятия, и дети прильнули к ней.

Только она успела предложить им отправиться на кухню и посмотреть, не осталось ли там вчерашнего мороженого из манго, как заметила Хасана аль-Сабира, входящего в сад. Из всех друзей Ибрагима Хасан, казалось, один не слишком сильно изменился за последнее время. Алиса вскочила:

— У тебя есть известия от Ибрагима?

Его темные глаза вспыхнули — за последние четыре месяца она встречала его этой неизменной фразой.

— Я заметил, Дракон покинул прибежище. Куда она отправилась?

Алиса стянула свои садовые перчатки:

— Дракон?

Хасану казалось, что Алиса недолюбливает его, хотя он не представлял, почему.

— Я имею в виду мать Ибрагима. Я не знал, что она выходит за пределы дома.

— О боже, она и не выходит. А куда она могла направиться? Дети, идите-ка в дом, нам надо поговорить с дядей Хасаном наедине.

Он поинтересовался:

— А где Нефисса и Эдвард?

— Нефисса пытается узнать, осталась ли принцесса Фаи-за в Египте или уехала вместе со всей королевской семьей. Если она здесь, то, возможно, помогла бы нам найти Ибрагима. А Эдвард, — она вздохнула, — наверное, он в комнате.

Она боялась, что брат стал слишком много пить, ее донимали мысли, что он может вернуться в Англию, а ей было бы невыносимо трудно остаться сейчас одной — без брата, без мужа.

— Ты что-нибудь узнал?

К ее удивлению, Хасан наклонился и погладил опустившуюся на лицо прядь ее светлых волос:

— По правде говоря, моя дорогая, тебе лучше не строить иллюзий и быть готовой к худшему. Не думаю, что Ибрагим когда-нибудь вернется. Сейчас очень непредсказуемые времена. Люди, вчера бывшие твоими друзьями, становятся твоими врагами. Ты же знаешь, сколько я приложил усилий, чтобы узнать, где он, когда будет суд, хоть как-то помочь его найти. И даже я оказался беспомощным, а у меня, одного из немногих в этом городе, остались связи. Похоже на то, что всем, кто был близок к королю, не стоит ждать снисхождения.

Ее глаза наполнились слезами, и он обнял ее:

— Пока я рядом, тебе нечего бояться.

— Я так хочу, чтобы Ибрагим вернулся домой!

— Мы все этого хотим, но наши возможности не беспредельны, на все воля Аллаха, — он приподнял пальцем ее подбородок. — Тебе, наверное, очень одиноко, Алиса?

И затем попытался поцеловать ее.

— Хасан! — Она в ужасе отшатнулась.

— Прекрасная Алиса, ты же знаешь, что я желал тебя с того дня, когда увидел в Монте-Карло. Мы были предназначены друг для друга. Но ты вышла замуж за Ибрагима.

— Хасан, прекрати сейчас же, — отклонила Алиса, — я люблю мужа!

Он взял ее за руку:

— Ибрагима больше нет, моя дорогая Алиса. Время посмотреть правде в лицо. Ты фактически вдова, молодая и красивая вдова. Тебе нужен мужчина.

— Прекрати, не надо, — она оттолкнула его, попятилась и уткнулась в ствол гранатового дерева. Он прижал ее к гранату и снова попытался поцеловать, несмотря на ее крики и сопротивление.

— Ты хочешь меня так же, как и я тебя, — настаивал он, пытаясь запустить руку под ее блузку.

— Да не хочу я! — рыдала она. — Прекрати!

Он рассмеялся:

— Я ждал этого случая восемь лет!

Алиса вырвалась, бросилась к корзине с садовыми инструментами и, когда Хасан потянулся за ней, резко повернулась, наставив ему в лицо ручные грабли:

— Я не остановлюсь тоже! Клянусь, не остановлюсь. Оставь меня!

Он взглянул на острые зубцы всего в нескольких сантиметрах от своей щеки, и его улыбка растаяла:

— Ты что, серьезно?

— Абсолютно серьезно. Ты просто отвратителен! Чудовище! Если ты до меня дотронешься, я уж позабочусь, чтобы ты выглядел как чудовище до конца своих дней!

Он переводил взгляд с Алисы на грабли и обратно, затем неожиданно улыбнулся и отступил, поднимая руки:

— Ты слишком высокого мнения о себе, моя дорогая. Слишком высокого! Уродство не стоит такого риска. Жаль, ты даже не представляешь, от чего отказываешься. Я бы показал тебе такую любовь, что тебе не захотелось бы возвращаться к мужу после этого, даже если бы он объявился снова. После часа в постели со мной ты не захочешь больше никакого другого мужчину.

Алиса содрогнулась от отвращения.

Он рассмеялся, и смех этот не был приятным.

— Бедная Алиса, ты даже не представляешь себе, что однажды ты придешь ко мне, умоляя на коленях, но второго шанса у тебя не будет. Ты запомнишь этот полдень. И еще пожалеешь!

Амира сбилась с дороги. Ей надо было прийти по адресу, указанному в записке, на улицу Шари Эль Ажар. Сулейман рассказал ей, на что надо ориентироваться, чтобы туда добраться:

— Идешь на север по Каср Эль Аини, пока не дойдешь до кольца перед английскими казармами. Раньше это была площадь Измаила, теперь ее называли площадь Освобожде-

ния. Увидишь два магазина, один с выпечкой, другой с кож-
галантереей. Они стоят в самом начале улице, которая при-
ведет тебя к Главпочтамту. Оттуда пойдешь на восток, пока
не дойдешь до другого транспортного кольца, где стоит поч-
та. Улица Шари Эль Ажар отходит от него на восток — дви-
гайся по ней до Великой Мечети. Тебе нужен дом, который
находится в маленькой улочке напротив нее. Синяя дверь,
на крыльце — красная герань в горшке.

Опасаясь, что записку кто-нибудь обнаружит, она выгчи-
ла описание дороги наизусть и уничтожила ее.

Но она не учла двух моментов: что в пасмурный день не-
возможно ориентироваться по солнцу и что она может оши-
биться и пойти обратно. Спустя два часа, входя в ворота соб-
ственного сада, Амира поняла, что свернула не там, и что
она не состоянии отличить восток от запада. Она старалась
не обращать внимания на низкое свинцовое небо над голо-
вой. Амира провела немало вечерних и полуденных часов на
их просторной крыше, ухаживая за виноградными лозами и
подкармливая голубей. Небо над их домом на улице Райских
Дев было другим: там она чувствовала себя под защитой. На
улицах Каира это ощущение исчезло.

Амира остановилась на углу оживленной улицы и огляде-
ла возвышающиеся над ней здания. Она изучила город с их
крыши и запомнила каждый купол, каждый минарет, крыши
домов. Но сейчас она стояла на улице, и все пространство
казалось ей чужим. Куда повернуть? Где же эта улица Шари
Эль Ажар? Где улица Райских Дев?

И в городе было так много людей! На улицах повсюду вид-
нелись танки, вокруг было полно солдат. Убыстряя шаги, она
плотнее запахла мелайю, уверенная, что все пялятся на
нее, думая про себя: «А вот идет Амира Рашид. Ее муж Али
вряд ли сейчас радуется на небесах, пока она тут разгулива-
ет». Несколько раз ее охватывала паника на перекрестках, где
мигали красные и зеленые огни светофоров, а полицейские
жезлами направляли хаотичное движение транспорта. Она
вышла из-за поворота, и ее чуть не сбила машина. Уличные
торговцы всякой снедью трясли перед ней своими изделия-
ми. Она проходила мимо спорящих мужчин, одни торгова-
лись с продавцами, другие смеялись. Она видела женщин,
идущих под руку и разглядывающих витрины. Совершенно
ошеломленная, Амира шла как во сне.

Ее сын был где-то в заключении, она должна помочь ему, она должна найти его!

Стоя на углу улицы, она чувствовала себя словно выставленной напоказ, но, набравшись решимости, зашагала дальше и вдруг заметила, что оказалась на месте, где она уже была какое-то время тому назад. Ее сердце тревожно заколотилось. Она ходит кругами по одним и тем же улицам! И вдруг вдалеке что-то блеснуло между двумя зданиями — неясный, с металлическим отливом проблеск реки вернул ей надежду.

Продолжая идти по тротуару, так, чтобы ей не пришлось еще раз оказаться перед необходимостью пересекать перекресток, Амира обнаружила, что подходит к мосту. Здесь она снова оказалась в толпе. Улица была заполнена прохожими: крестьяне в галабях толкали тележки, груженные овощами, женщины в длинных черных платьях несли на голове тюки с поклажей, мелькали студенты в современной одежде с учебниками в руках. Но Амира видела только реку. Она не могла отвести от нее глаз.

Амира видела Нил только с крыши — шелковую ленту меняющихся цветов. Издалека она казалась ненастоящей. Но сейчас, смотря на воду с высоты моста, она видела реку совсем другой. Это было потрясающе! Вдруг она поймала себя на мысли, что видела реку совсем давно. Но где? Когда?

Река словно загипнотизировала ее. Ее плодородный запах напоминал о рождении самой жизни. На поверхности ее течение выглядело неторопливым, неопасным, но Амуре казалось, что в глубине проходит более стремительный, опасный поток. Вдруг в ее памяти всплыло еще одно постоянно повторяющееся видение: ей четырнадцать, в ее животе растет первенец, которого она назовет Ибрагимом. Ее мудрый муж Али уверенно говорит ей:

— Нил — непревзойденная, единственная в своем роде река.

Амира удивилась:

— Нил — это женщина?

— Она — Мать Египта, Мать рек. Без нее здесь бы не было жизни.

— Но жизнь дает Создатель.

— Он дал нам реку Нил, и она кормит нас.

Амира не сводила глаз с могучей реки, отражающей свинцовое небо, от белых треугольников парусов на фелю-

гах, скользивших по ее глади. Она словно еще раз услышала слова мужа:

— Она течет с севера на юг.

Амира долго смотрела на воду, пытаясь определить, в какую сторону она движется, провожала ее взглядом до изгиба. Затем она сообразила, что ее правая рука будет показывать на восток, а левая — на запад. И тут у нее появилось четкое ощущение, что этот знак был послан Аллахом.

Она почувствовала теперь себя уверенно, повернула назад, затем на первом повороте свернула налево на широкую улицу и пошла по ней, постоянно ориентируясь на реку. Когда она оказалась на кольце перед английскими казармами, она уже представляла, где находится. Двигаясь в восточном направлении, мысленно удерживая в голове образ реки, она решительно шла по оживленной улице, пока не добралась до следующего кольца дорог, откуда ей открылся вид на знакомый минарет мечети Аль-Ажар, которую много лет назад показал ей с крыши Али.

Наконец она нашла синюю дверь, и на ступенях, ведущих к ней, действительно стояли горшки с геранями.

Она позвонила, вышел слуга. Амира назвала себя и объяснила, что ей нужна жена капитана Раджиба. Слуга проводил ее в небольшой холл. В ожидании она не переставала молиться — чтобы она не ошиблась, чтобы все совпало и она увидела бы человека, который был ей так нужен сейчас.

Слуга вернулся и проводил ее наверх, в элегантный салон, поменьше, чем ее, но совсем другой. Ее приветствовала женщина, и, как только Амира увидела ее, она мысленно вознесла благодарность Аллаху. Она опустила чадру и, произнеся традиционное приветствие, спросила:

— Госпожа Сафия, вы помните меня?

— Конечно, саида. Садитесь, пожалуйста.

Принесли чай, пирожные. Хозяйка предложила госте сигарету, и она с благодарностью приняла ее.

— Я очень рада видеть вас, саида.

— Я тоже. Как ваша семья поживает?

Сафия указала рукой на фотографии молодых девушек на стене и с гордостью произнесла:

— У меня две дочери. Старшей двадцать один, и она замужем. Моей младшей скоро будет семь, — она прямо взглянула в лицо госте. — Я назвала ее Амира. Она родилась,

когда мой муж-военный был в Судане в командировке. Но вы знаете об этом.

Амира вспомнила украшение с бирюзой, которое было на шее у Сафии, когда они встречались в прошлый раз в доме на улице Райских Дев, — голубой камень должен был оградить ее от злых сил, и по нему Амира тогда поняла, что госпожа Раджиб страшно чего-то опасалась. Сейчас она не носила этого талисмана.

— Скажите, пожалуйста, вы помните наш разговор в моем саду семь лет назад?

— Я никогда его не забуду. Я сказала себе тогда, что я навеки ваша должница. Если вы пришли ко мне с просьбой, госпожа Амира, мой дом и все, что мне принадлежит, к вашим услугам.

— Госпожа Сафия, ваш муж — капитан Раджиб из Революционного комитета?

— Да.

— Однажды вы сказали, что муж любит вас, прислушивается к вашим советам. Так и осталось по-прежнему?

— Более, чем раньше.

— Тогда у меня действительно есть к вам просьба.

13

Алиса какое-то время тихо лежала в своей постели, пытаясь понять, что же ее разбудило. В последнее время она спала чутко; тревога за Ибрагима ни на минуту не оставляла ее. Если верить часам, стоящим возле кровати, было уже изрядно за полночь. Она прислушалась и с удивлением различила тихие шаги возле своей двери. Когда через какое-то время мимо двери прошел кто-то еще, она поняла, что нарушило ее сон: люди быстро шли по коридору. Но никаких разговоров или сигналов тревоги слышно не было. Выбравшись из-под одеяла и приоткрыв дверь, она увидела, как за поворотом исчезают спины Нефиссы и одной из ее кузин. Они направлялись в детскую.

Накинув ночной халат, Алиса последовала за ними.

* * *

Камелия не любила, когда ее будили до рассвета; она любила спать, любила свои сны и теплый уют постели. Когда она почувствовала на себе чью-то руку, у нее возникла мысль, что

это ее сестра, Мишмиш. Иногда та будила ее среди ночи, потому что ей приснился плохой сон или потому что она боялась, что папа никогда не вернется. Но когда девочка открыла глаза, она с удивлением обнаружила, что к ней склонилась умма.

— Вставай, Лили, — мягко сказала Амира. — Пойдем со мной.

Камелия протерла глаза и сонно последовала за бабушкой в ванную. Бросив взгляд на Ясмину, беззаботно спавшую в своей кроватке, она вошла внутрь, и умма закрыла за ней дверь.

Яркий свет, зажженный в ванной комнате, неприятно резанул ей по глазам. Внутри ее ждали тетя Нефисса, кузина Дорея и Райа и даже престарелая тетушка Зу Зу.

— Я поддержу ее, — сказала Нефисса, протягивая к Камелии руки и улыбаясь ей. — Сегодня я буду ее мамой.

Спросонья Камелия не задавалась вопросом, почему все эти женщины собрались здесь. Она села на пол, на предусмотрительно подстеленное Нефиссой полотенце, и откинулась назад, в объятия своей тети. Но когда Дорея и Райа стали раздвигать ей ноги, она начала сопротивляться.

— Что ты делаешь, умма?

Амира действовала быстро.

* * *

Ясмина спала в своей темной комнате. Свернувшись клубочком, обхватив руками плюшевого мишку, которого прислал ей из Англии дядя Эдвард, она наслаждалась приятным сном, в котором папа приехал погостить на праздники, вновь наполнив дом радостью. У них была вечеринка, и на маме было белое вечернее платье и бриллиантовые серьги, а бабушка приносила из кухни все новые и новые порции мороженого, блюда с абрикосами и сахарную вату.

А потом она увидела Камелию. Та кружилась в танце, смеялась и звала ее: «Мишмиш! Мишмиш!»

Ясмина открыла глаза. Призрачные лучи лунного света проникали в темную комнату через щели ставен. Она прислушалась. Ей приснилось, что сестра зовет ее... или это было на самом деле?

Раздался громкий крик.

Ясмина спрыгнула на пол и подбежала к кровати сестры, но там ее ждали только спутанные простыни и откинутае одеяло.

— Лили? — позвала она. — Где ты?

И тогда она заметила полоску света под дверью в ванную комнату.

Она устремилась туда и уже хотела войти, когда дверь открылась и на пороге появилась умма. На руках она держала плачущую Камелию.

— Что случилось? — спросила Ясмина.

— Все в порядке, — сказала Амира, уложив девочку в кровать и утерев ей слезы. — С Камелией все будет хорошо.

— Но что?..

— Пойдем, Ясмина, — мягко сказала Нефисса. — Я уложу тебя спать.

Неожиданно дверь в комнату распахнулась. Там стояла встревоженная Алиса. На ней была белая ночная рубашка, светлые волосы спутаны, глаза прищурены.

— Что случилось? Я слышала крик. Похоже, кричала Камелия.

— С ней все в порядке, — сказала Амира, потрепав Камелию по волосам.

— Но что случилось? — Алиса заметила, что другие женщины, несмотря на поздний час, были полностью одеты.

— Все нормально. Камелия выздоровеет через несколько дней.

Алиса оглядела улыбающихся и пытающихся уверить ее в том, что все будет хорошо, женщин.

— Выздоровеет? Но от чего?

— Сегодня мы сделали ей обрезание, — сказала Нефисса. — Через пару дней она обо всем забудет. Пойдем, выпьем с нами чаю.

— Что вы сделали? — спросила Алиса и услышала, как одна женщина приглушенно пробормотала другой:

— У них в Англии так не принято.

Амира взяла Алису за руку и сказала:

— Пойдем, дорогая, я тебе объясню. Нефисса, побудь, пожалуйста, с Камелией.

Когда женщины вышли, а Нефисса удалилась в ванную, Ясмина выбралась из кровати и подошла к сестре, беззвучно плачущей в подушку.

— Что случилось, Лили? Ты больна?

Камелия утерла слезы тыльной стороной ладони:

— Мне больно, Мишмиш.

Откинув одеяло, Ясмина забралась к ней и заключила в объятия.

— Не плачь. Ты же слышала, умма сказала, что с тобой все будет хорошо.

— Пожалуйста, не уходи, — сказала Камелия, и Ясмина накрыла одеялом себя и сестру.

* * *

На столе в комнате Амиры стоял серебряный чайный сервиз, и, разливая кипяток по двум чашкам, она сказала:

— Это правда, что в Англии не делают обрезания?

Алиса наградила ее ошарашенным взглядом:

— Ну, мальчикам иногда делают. Но, Амира, как можно делать обрезание девочке? Каким образом?! — Амира объяснила, и это вызвало у Алисы еще большее потрясение. — А это не больно?

— Вовсе нет. Когда Камелия вырастет, у нее останется только небольшой шрамик. Я убрала только малую часть. В ней ничего существенно не изменилось.

— Но зачем вы это делаете?

— Это делается, чтобы сохранить честь девушки, когда она вырастет. Мы убрали ее несовершенство, и теперь она будет хорошей и послушной женой.

Алиса нахмурилась:

— Разве это не значит, что она не будет получать удовольствие от секса?

— Конечно же, будет, — ответила Амира с улыбкой. — Какому мужчине нужна неудовлетворенная женщина в постели?

Алиса посмотрела на часы, стоящие на ночном столике Амиры. Они показывали почти два часа ночи. Дом, сад и вся улица Райских Дев были окутаны ночной тишиной.

— Но почему вы делаете обрезание в такое время и в такой тайне? — поинтересовалась она. — Когда обрезание делали Захарии, устроили целый праздник.

— Обрезание у мальчиков значит совершенно иное, нежели у девочек. Для мальчика это символ того, что его приняли в исламскую семью. У девочки же это связано с ее позором, и поэтому происходит тайно. — Видя изумленную реакцию Алисы, она добавила: — Через этот ритуал проходит любая мусульманская девочка. После сегодняшнего дня Камелия

точно найдет хорошего мужа, потому что он будет знать, что ей не просто вскружить голову, и будет в ней уверен. Порядочный мужчина никогда не женится на необрезанной девушке.

Но Алиса, казалось, была в еще большем затруднении:

— Но ваш сын ведь женился на мне, так?

Амира села и коснулась руки Алисы.

— Да, это так. И, выйдя замуж за моего сына, ты стала и моей дочерью тоже. Мне очень жаль, что ты так расстроена. Мне следовало подготовить тебя, все объяснить, чтобы ты тоже поучаствовала. Так что на следующий год, когда настанет черед Ясмины...

— Ясмина! Вы ведь не собираетесь подвергнуть мою дочь этому?!

— Посмотрим, что скажет Ибрагим.

Алиса взглянула на свою чашку и вдруг поняла, что она не в состоянии пить. Порывисто поднявшись с места, она сказала:

— Пойду посмотрю, как там девочки.

* * *

Нефисса сидела возле кровати и дремала.

— Они обе заснули, — сказала она Алисе с улыбкой, указывая на двух свернувшихся под одним одеялом малышей, когда та вошла в комнату и потревожила ее.

Алиса сначала посмотрела на Камелию — ее темные волосы растрепались по подушке, а потом на свою дочь, чьи светлые кудри перепутались с прядями сестры. Положив руку Ясмине на лоб, она припомнила, как девочки наряжались в малайи, и вновь представила себе пугающее будущее, то, в котором жизнь в Египте вернется к старым обычаям, паранджам и девичьим обрезаниям.

«Я не допущу, чтобы это с тобой случилось, милая, — молча поклялась она дочери. — Обещаю, ты всегда будешь предоставлена своей воле!»

Вдруг ей захотелось поговорить с братом. Поцеловав девочек на прощание и пожелав золовке спокойной ночи, она вышла из комнаты и, минуя главную гостиную и поднимаясь по массивной лестнице, проследовала на мужскую половину. «Эдди меня поймет, — убеждала себя Алиса. Он поможет мне найти квартиру. Мы возьмем Ясмину и втроем проживем там, пока не вернется Ибрагим».

Она начала стучать в комнату брата, но потом, вспомнив, как он крепко спит, открыла дверь и вошла. Гостиная была залита ярким светом, и Алиса увидела двоих мужчин. Ей потребовалось всего мгновение, чтобы осознать, чем они занимались: Эдвард наклонился, а Хасан аль-Сабир стоял за ним; их штаны были приспущены до щиколоток.

Они с изумлением смотрели на нее. И тогда Алиса закричала и побежала прочь.

Она сбежала вниз по лестнице и, поскользнувшись, упала на гладко отполированный пол прихожей. Захлебываясь слезами, она попыталась найти, обо что опереться, но когда уже почти поднялась на ноги, почувствовала, что кто-то схватил ее за руку. Это был Хасан. Она попыталась вырваться, но он развернул ее к себе, так что они оказались в лучах лунного света, проникающего внутрь через окна.

— Так ты не знала, — сказал он, улыбаясь. — Судя по твоей реакции, ты даже и не подозревала.

— Ты чудовище! — выдохнула она.

— Я? Нет, дорогая, это твой брат чудовище. Он выполнял роль женщины, ему следует стыдиться.

— Ты совратил его!

— Это еще кто кого совратил, — рассмеялся Хасан. — Моя дорогая Алиса, чья, по-твоему, это была идея? Эдвард возжелал меня сразу же, как только приехал сюда. А ты-то думала, что он грезит по Нефиссе, да?

Она снова попробовала вырваться, но он только крепче притянул ее к себе и с жестокой улыбкой сказал:

— Да ты, похоже, ревнуешь, Алиса? Только вот интересно — кого?

— Ты мне противен!

— Да-да, ты это уже говорила. Так что я подумал, если уж не удалось заполучить сестру, братик тоже сгодится. Мне кажется, что с этого ракурса вы особо не отличаетесь.

Она высвободилась и бросилась бежать.

14

Ибрагим возвращался домой! В этот радостный день в январе 1953 года на кухне царил такое оживление, что повариха и ее помощники то и дело на бегу сталкивались друг с другом. Гости и члены семьи собрались в доме, чтобы по-

приветствовать Ибрагима. Газовые плиты работали весь день, на них подогревали бесчисленные кастрюли, жарили мясо, пекли хлеб и пироги.

Сахре поручили приготовление фарша для котлет, предоставив возможность продемонстрировать свое мастерство в этом деле, мастерство, которое она приобрела еще в деревне, когда проходили ежегодные фестивали. Ее хозяин возвращался домой! Человек, который избавил ее и ее ребенка от необходимости попрошайничать, дабы не умереть с голоду, и назвал Захарию своим сыном, и воспитывал его, словно маленького принца, возвращался. Сахра даже была его женой, хоть и всего одну минуту. Эта минута спасла ее от пожизненного приговора стать женой лавочника на всю жизнь. Ей позволили кормить сына грудью до трех лет, укачивать его, несмотря на то что назвать его своим она уже не смогла бы никогда. И вот сейчас они праздновали свой очередной день рождения под крышей дома доктора: Сахре исполнился двадцать один год, а Закки — семь лет.

Она знала, что такая судьба с самого начала была предначертана ей Создателем — зачать ребенка от Абду на берегу реки, покинуть деревню и в результате оказаться в этом прекрасном доме, похожем на дворец. Ведь мама говорила ей в тот день, когда Сахре пришлось спастись от гнева отца и дядей, что теперь она в руках Создателя.

Абду, где бы он сейчас ни был, порадовался бы за нее. И вот господин возвращается, и жизнь в доме снова вернется в свое мирное и спокойное русло.

Все гости собрались в огромной приемной — здесь были и члены семьи, и соседи по улице Райских Дев, и друзья Ибрагима из казино и ночных клубов. Одетые как на парад, они с нетерпением ожидали воссоединения с чуть было не унесенным ветрами перемен человеком. Этого момента они прождали полгода. Когда раздался громкий треск мотора, дети подбежали к окнам и, увидев автомобиль Мохсина, подъезжающий к дому, радостно заголосили, подпрыгивая на месте:

— Папа! Папа вернулся!

Ажиотаж в комнате нарастал — собравшиеся слышали, как двое мужчин поднимаются вверх по лестнице. Никто не видел Ибрагима с августа, к нему не пускали посетителей даже после того, как пришло письмо, уведомляющее о его ско-

ром освобождении. Поэтому истощавший мужчина, похожий скорее на призрака, нежели на живого человека, которого ввел в комнату Мохсин, поначалу показался всем незнакомцем — так сильно он отличался от привычного образа Ибрагима, засевшего у них в памяти. Присутствующие ошарашенно замерли, уставившись на седовласого пришельца. Ибрагим Рашид походил на ходячий скелет, под его глазами залегли глубокие тени, а костюм болтался, как на вешалке.

Амира вышла вперед и заключила его в объятия, стараясь улыбнуться.

— Да славится имя Создателя за то, что Он вернул домой моего сына!

Тут же подошли остальные; со слезами на глазах они хотели дотронуться до него, ободрить и утешить. Нефисса не стеснялась своих слез, а Алиса медленно пошла в его сторону. Ее лицо было такого же цвета, как и ее белое шелковое платье. Когда она обняла его, Ибрагим не смог больше сдерживать себя и расплакался.

Дети нерешительно подошли, пытаясь узнать в прибывшем человеке своего отца. Тогда он протянул вперед руки и позвал их, называя используемыми только в семейном кругу прозвищами — Мишмиш, Лили, Закки, — и они распознали его голос. Он обнял двух своих дочерей, Камелию и Ямину, рыдая и вдыхая аромат их волос, но, когда настала очередь Захарии, он отстранился и взял Амиру за руку.

— Не понимаю, почему я оказался дома, мама, — проговорил он срывающимся голосом. — Вчера мне казалось, что я проведу в тюрьме всю жизнь. А сегодня утром я проснулся, и мне сказали, что я еду домой. Не знаю, почему я попал туда и почему меня освободили — тоже не представляю.

— Ты свободен по воле Создателя, — ответила она, сдерживая слезы. Даже Ибрагим не узнает об ее тайном договоре с женой Свободного офицера. — Ты дома, и это единственное, что имеет значение.

— Мама, король никогда не вернется, — сказал он тихо. — Египет теперь — совершенно другая страна.

— Значит, такова была воля Создателя. Твоя судьба уже написана заранее. Иди сядь и поешь.

Амира подвела его к дивану, застеленному красным с золотым покрывалом, и постаралась отогнать от себя страх,

который поселился в ее душе, когда она коснулась его почти бесплотной руки и разглядела в его глазах какое-то затравленное выражение. В числе того немного, что удалось выяснить у Сафии Раджиб, было то, что ее сына пытали. Но Амира не собиралась спрашивать сына об этом, и знала, что сам он тоже никогда об этом не заговорит. Теперь на ее плечи ложилась обязанность снова вернуть его к жизни, восстановить пошатнувшееся душевное и физическое здоровье. А также помочь найти для себя место в новом египетском государстве.

Оглядевшись, Алиса спросила:

— А где Эдди?

Дети тут же с готовностью вскочили и сказали:

— Мы ходим за этим соней! — Они шумной гурьбой выбежали из комнаты.

Вскоре они вернулись, и Захария сказал:

— Мы не можем разбудить дядю Эдди. Мы тормошили его, как могли, но он не просыпается.

— Он поранил себе лоб, — вставила слово Ясмينا. — Вот здесь. — Она ткнула себя пальцем между глаз.

Амира, а за нею и Алиса с Нефиссой быстро вышли из комнаты.

Эдвард сидел в кресле, одетый в нарядный свитер и белые штаны, гладко выбритый и уложивший свои волосы воском. Когда они увидели аккуратное пулевое отверстие у него на лбу и зажатый в руке револьвер, им стало ясно, что неожиданный грохот, который они приняли за звук мотора, на самом деле был вызван выстрелом. В тот день, когда одна жизнь вернулась на улицу Райских Дев, другая покинула ее навсегда.

Алиса первой заметила записку. Она читала слова, которые навсегда останутся в ее душе незаживающими шрамами:

«Хасан не виноват. Я любил его и думал, что он любит меня. Сейчас я понимаю, что я был просто орудием мести, направленным против тебя, любезная сестра. Чтобы навредить тебе, он погубил меня. Но не проливай по мне слез. Я был обречен с первого дня своего пребывания здесь. Я покинул Англию из-за своего порока, потому что понимал: если отец о нем узнает, это разрушит всю нашу семью. Больше я так жить не могу». Несколько слов он адресовал Нефиссе: «Прости, если я ввел тебя в заблуждение».

Алиса поняла, что читала вслух, только когда в комнате неожиданно повисла полная тишина. Амира взяла записку и, воспользовавшись зажигалкой Эдварда, подожгла лист бумаги. Когда от него осталась лишь горстка золы на дне пепельницы, она велела Нефиссе найти коробку с патронами и рассыпать их по столу, а также разложить вокруг все принадлежности для чистки оружия, какие она только сможет найти.

Затем она повернулась к Алисе и сказала:

— Никто не должен знать о том, что случилось, ты поняла? Не говори никому, ни Ибрагиму, ни Хасану. Алиса? Нефисса, тебя это тоже касается.

Алиса посмотрела на своего брата:

— Но как же...

— Мы инсценируем несчастный случай, — сказала Амира, в то время как Нефисса раскладывала на столе замшу, масло и пули. — Эдвард чистил свой пистолет, и тот неожиданно выстрелил. Вот что мы будем всем говорить. Вы обе пообещаете мне, что так и сделаете.

Нефисса с сомнением кивнула, а Алиса сказала:

— Да, Амира.

— А сейчас мы вызовем полицию. — Но перед тем как выйти из комнаты, Амира задержалась, положила руку на аккуратно приглаженные волосы Эдварда и, закрыв глаза, тихо проговорила:

— Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его.

Часть III

1962

15

В голове у Омара Рашида, когда он смотрел на обольстительную танцовщицу на экране, была одна-единственная мысль: уложить в постель свою двоюродную сестру. Танцовщицу звали Дахиба, и то, как она передвигалась на экране на высоких шпильках в вечернем платье под Риту Хейворт, ее губы и грудь, ее длинные ноги превращали его кровь в поток огненной лавы, так что двадцатилетнему Омару казалось, что он сейчас взорвется. Но вовсе не Дахиба была предметом его вожделения. Он был влюблен в семнадцатилетнюю Камелию, которая приводила его в неистовство, сидя возле него в темноте кинотеатра. Ее плечо слегка касалось его плеча, острый резкий запах ее духов кружил ему голову. Омар мечтал о своей кухне с того вечера, когда их семья побывала на концерте в балетной академии, где Камелия танцевала в трико, короткой пышной юбочке и белых колготках. Ей тогда было пятнадцать, и именно в тот день Омар впервые заметил, что она перестала быть маленькой девочкой.

— Дахиба прекрасна, не правда ли? — спросила Камелия, устремив взгляд на экран.

Омар не смог ответить. У него не было ни малейшего представления о том, что значит заниматься любовью с женщиной,

поскольку секс вне брака в исламе запрещен. Молодому человеку приходится ждать до тех пор, пока у него не появится жена, чтобы насладиться интимными отношениями. Обычно, так же, как и в случае с Омаром, это великое событие происходит не ранее того момента, когда он окончит институт и получит работу. Только тогда его считают достаточно зрелым и способным прокормить свою семью. Так же, как и большинству его друзей, Омару не приходилось надеяться на то, что его свадьба состоится раньше, чем ему исполнится двадцать пять лет. А так как в обществе молодым неженатым людям запрещалось даже держаться за руки, то Омару время от времени приходилось давать выход своим чувствам с такими же сексуально озабоченными молодыми людьми, которых он встречал в общественных банях; но это было всего лишь временное удовлетворение. Все, чего он хотел, была женщина.

— Боже мой! Дахиба просто богиня, — со вздохом произнесла Камелия. Кино было типично египетским продуктом: музыкальная комедия, в которой происходит путаница, где все влюбляются друг в друга, а деревенская девчонка в конце концов выходит замуж за миллионера. Кинотеатр был забит до отказа, в нем было шумно, публика охотно подпевала актерам, выстукивала ритм танца Дахибы, а между рядами сновали торговцы сэндвичами, жареными мясными шариками и газировкой с сиропом. Когда на экране появлялся злодей с узенькой ниточкой усов и в феске, что делало его узнаваемым «плохим парнем», публика в зале разражалась ругательствами. А когда Дахиба в роли невинной Фатимы с презрением отвергала его домогательства, зрители в зале так восторженно выражали свое одобрение, что казалось, крыша каирского кинотеатра «Рокси» вот-вот рухнет.

Это был четверг, вечер для выхода в свет, потому что на следующий день никто не работал и школы были закрыты. Египет был в то время вторым крупнейшим производителем фильмов в мире, а это позволяло ходить на разные картины каждый день в течение года и при этом не попадать дважды на один и тот же фильм, поэтому практически все по четвергам вечером отправлялись в кино. Особенно это любили делать двоюродные братья и сестры из семьи Рашидов: Омар, его сестра Тахия, Камелия и ее брат Захария. Сегодня с ними не было Ясины. Они надевали свои лучшие наряды, Омар и Захария были в рубашках, сшитых на заказ, и в нарядных брюках, от них пахло оде-

колоном, Тахия и Камелия тоже были надушены, на них были блузки с длинными рукавами и юбки, закрывающие колени. Хотя в Европе юбки становились все короче, девушки из семьи Рашидов были одеты очень консервативно.

Фильм закончился, и две тысячи человек поднялись со своих мест и столпились в проходах под звуки национального гимна, в то время как лицо президента Насера улыбалось им с экрана. Когда вся четверка молодых людей вышла наружу, прямо в насыщенную ароматами весеннюю ночь, они принялись шумно обсуждать фильм, обмениваться шутками, смеяться, но каждый из них думал о своем. Шестнадцатилетний Захария пытался вспомнить прекрасные стихи из песен, которые он только что слышал; Тахия, которой было семнадцать, думала о том, что любовь — это самое прекрасное из всего, что есть в мире; Камелия решила, что когда-нибудь и она станет такой же знаменитой танцовщицей, как Дахиба; а Омар размышлял о том, где бы ему отыскать девушку, которая позволит ему заняться с ней сексом.

Когда он поймал свое отражение в витрине магазина, то почувствовал, как его уверенность в себе стремительно возросла. Омар знал, что он очень хорош собой. Детская припухлость щек уже сошла, и теперь черты его лица стали более выразительными; у него были темные глаза, пронзительный взгляд, красивые изогнутые брови, которые срастались над переносицей. В данный момент он был студентом Каирского университета, изучающим инженерное дело, но когда он получит свой диплом и работу в правительстве, да еще и наследство, оставленное ему покойным отцом, то тогда вряд ли во всем Египте найдется женщина, которая сможет отказать ему.

Но все это будет потом, в будущем; а в настоящем он был всего лишь студентом, он все еще жил со своей матерью на улице Райских Дев, он все еще зависел от дяди Ибрагима, который выдавал ему деньги на расходы. Какая женщина взглянет на него? С другой стороны, здесь была его кузина Камелия, теплая, полная жизни, идущая рядом с ним, обдающая его ароматом своих духов, отбрасывающая назад прядь своих черных волос, бросающая на него быстрые взгляды своими медово-карими глазами. В отличие от любой другой женщины в Египте Камелия, возможно, была не столь недоступна для него.

— Я умираю от голода! — сказала она, когда они добрались до перекрестка. — Давайте что-нибудь съедим перед тем, как пойти домой.

Все четверо пошли под руку, юноши по сторонам, девушки в середине; они, смеясь, перебежали на ту сторону улицы, где торговцы в галабях живо предлагали кебаб, мороженое и фрукты проголодавшимся зрителям. Омар с сестрой и Камелия купили себе шаурму — кусочки обжаренного на огне мяса барашка с нарезанными помидорами, завернутыми в питу, а Захария купил горячий сладкий картофель и стакан сока тамаринда. Он не ел мяса с тех пор, как на его глазах произошел ужасный случай, ему тогда было семь лет. Во время праздника Айд-эль-Адха, который устраивается в память о том, как пророк Ибрагим был готов пожертвовать собственным сыном Измаилом, Захария видел, как мясник свежует барашка к празднику. После того, как горло барашка было перерезано и из него вытекла вся кровь, мясник, постоянно приговаривая: «Во имя Аллаха!» — накачал воздух внутрь туши, чтобы отделить шкуру от мяса. Захария в ужасе смотрел на то, как туша становилась все больше и больше, а мясник запихивал свой инструмент все глубже и глубже, чтобы воздух равномерно распределялся под шкурой. Семилетний мальчик завопил от ужаса. И с тех пор он не ел мяса.

Пока они ели, стараясь держаться в стороне от толпы, которая тоже набросилась на закуски, Захария мучительно размышлял над одним из аспектов фильма, который они только что посмотрели. «Дурная женщина» в нем была разведенной распущенной дамой — обычный для египетского кино стереотип. Но это заставило его задуматься о своей матери, о которой ему ничего не было известно, потому что отец отказывался говорить о ней. Захария не верил, что его мать могла быть похожа на эту женщину из фильма. В конце концов тетя Зу Зу, которая умерла год назад, тоже была в разводе, но она была уважаемой и благочестивой женщиной всю свою жизнь.

Захария знал, какой должна была быть его мать, хотя в семейных альбомах не было ни одной ее фотографии. Она была прекрасна, решил он, благочестива и чиста, она должна быть похожа на святую Зейнаб, мечеть которой семья посещала один раз в год во время ее праздника. Захарии нравилось мечтать о том, как он отправится на поиски своей мате-

ри, о том, как при встрече они будут плакать от счастья. Омар однажды сказал:

— Если твоя мать такая прекрасная женщина, почему же она ни разу не пришла навестить тебя?

Единственный ответ, который мог придумать Захария, — что, возможно, она умерла. Теперь он считал ее мученицей, да еще и святой.

Когда они сходили с тротуара, Захария придержал Тахию за локоть. Ему, как двоюродному брату, была позволена такая вольность, но удар, который он испытал, почувствовав теплую кожу под тканью рукава, пронзил его насквозь, и его чувства были очень далеки от родственных. В отличие от Омара, который обратил внимание на Камелию всего лишь два года назад, Захария был влюблен в Тахию всегда, сколько он помнил себя, даже тогда, когда они в детстве играли в саду. Тахия напоминала ему о его придуманной матери; она была образцом мусульманских добродетелей и чистоты. То обстоятельство, что она была на целый год старше, нисколько его не смущало. Она была хрупкой и деликатной, и, несмотря на восемь лет, проведенных в частной школе для девочек, все еще невинной и ничего не знающей о внешнем мире. К тому же в отличие от Омара, чьи стремления не шли дальше быстрого страстного первого опыта, мысли Захарии были сосредоточены на браке и на благородном, духовном аспекте любви. Они с Тахией были двоюродными, самой судьбой предназначены друг другу, они должны были пожениться. Пока они торопливо шли по дороге, радуясь тому, что они молоды и счастливы, Захария мысленно слагал стихи:

«Тахия, о, если бы ты была моей! Я заставил бы реки счастья течь у твоих ног! Я приказал бы Луне сделать браслеты из серебра для твоих рук! Я велел бы Солнцу сбросить с неба ожерелья из золота! Зеленую траву у тебя под ногами я бы превратил в изумруды; капли дождя, коснувшись твоего тела, становились бы жемчужинами. Я творил бы для тебя чудеса, моя обожаемая. Чудеса и многое другое!»

Тахия не слышала этих стихов, конечно, да к тому же она смеялась над тем, что только что сказал Омар об утруемых русских на улицах — знакомом и привычном зрелище с тех пор, как люди из Страны Советов приехали, чтобы помочь построить Большую плотину в Асуане. Каирские магазины начали торговать русскими товарами, украсились табличками на рус-

ском языке, но египтяне не могли тепло принять людей, которых они между собой называли «людьми с ленивой кровью».

Захария начал напевать песенку о любви: «Ты — мои глаза», и все подхватили ее. У них кружилась голова от переполнявших их чувств, от молодости, и они весело и торопливо шли домой, уворачиваясь от столкновения с другими прохожими. Улицы были ярко освещены, музыка неслась из открытых дверей и заполняла все вокруг. Жены феллахов сидели вдоль тротуаров в своих черных платьях-мелаях, очищая початки кукурузы от листьев и обжаривая их на открытом огне, — а это означало, что лето вот-вот наступит. Теплый воздух был насыщен ароматами мяса и рыбы, жарившихся на гриле, и цветущих деревьев. Это было прекрасное время, было здорово чувствовать себя молодым и полным жизни, было здорово жить в Каире!

Когда четверка достигла площади Освобождения, на другой стороне которой, в том месте, где когда-то стояли британские казармы, а теперь возвышался новый отель «Нил Хилтон», Камелия не обратила внимания на то, что рука Омара сжала ее локоть так, как будто она уже принадлежала ему. Она думала о великой Дахибе в фильме, который они только что посмотрели. Все египтяне обожали Дахибу; как прекрасно быть такой талантливой и известной! Камелия верила, что она рождена для танца. Она помнила, что это казалось ей совершенно естественным, еще когда она была совсем маленькой и старательно копировала женщин, исполняющих танец живота на вечерах у уммы. Когда умма согласилась с Ибрагимом, что у его дочери есть талант, Камелия была отдана в балетную школу. Ей было восемь лет; теперь, десять лет спустя, Камелия Рашид была признанной звездой и лучшей ученицей Академии танца, и велись разговоры о том, чтобы она подписала контракт с Национальным балетом. Но Камелия вовсе не собиралась становиться классической балериной. У нее были другие, прекрасные и тайные замыслы. Она решила, что поделится ими со своей сестрой Ясминой, когда та придет домой.

Омар заметил, какие взгляды украдкой бросали молодые люди на Камелию, а затем быстро отводили глаза в сторону, когда замечали, что она идет в сопровождении родственников-мужчин. Стоило лишь слегка задержаться взглядом на девушке или обратиться к ней с коротким приветствием, и

тут же Омар и Захария были обязаны наброситься на того, кто позволил себе подобное оскорбление, с бранью и кулаками. Всего лишь месяц назад, когда пятерка подростков из семьи Рашидов отправилась в город за покупками, Ясмينا оторвалась от них, чтобы побродить в одиночестве, и молодой человек прижался к ней, и его рука ошупала ее грудь. Она резко одернула его, но именно Омар и Захария вытолкали его на улицу, накинулись на него с бранью, с оскорблениями и продолжали осыпать его упреками до тех пор, пока остальные люди на улице не присоединились к ним, а пристыженный парень не исчез вдали. Но в глубине души Омар не осуждал его. Толпа людей, такая как на рынке или в автобусе, была единственной возможностью для молодого человека коснуться девушки. Да и сам Омар частенько становился виновником таких «случайных» прикосновений. В действительности он сам часто преследовал какую-нибудь девушку, надеясь, что получит шанс дотронуться до нее. Пока что ему везло, и он выходил сухим из воды. Пока никакие родные или двоюродные братья этих девушек не набрасывались на него за то, что он посмел нанести оскорбление чести их семьи. И теперь ему пришлось в голову, пока они пробирались через площадь Освобождения, протискиваясь между такси и автобусами, что Камелия — идеальная мишень. В конце концов именно он — ее родственник по мужской линии. Кому она пожалуется на него?

Очевидно, не своему отцу, потому что Омар знал тайну дяди Ибрагима. И он рассмеялся, представив себе все это.

* * *

— Отчего у тебя эти шрамы?

Ибрагим откатился от женщины и протянул руку за сигаретой, которая лежала возле постели. Они всегда спрашивают его об этих шрамах после того, как позанимаются с ним любовью и более внимательно разглядят его тело. Поначалу его это раздражало, но теперь он отвечал почти автоматически.

— Во время революции, — сказал он таким тоном, от которого они обычно прекращали расспросы.

Но эта продолжала:

— Я не спрашивала, когда, я спросила — отчего.

— От ножа.

— Да, но...

Он сел в постели и прикрыл простыней свои бедра, чтобы скрыть свидетельства пыток, которым он подвергся в тюрьме. Его мучители находили смешным то, что они наносят ему удары ножом именно в это место. Они делали вид, что хотят его кастрировать, и останавливались всего лишь в нескольких сантиметрах от паха, когда он кричал и умолял их прекратить. Никто — ни его мать, ни Алиса — не знали об этих особых допросах с пристрастием, которые устраивали Ибрагиму в тюрьме.

Женщина провела рукой по его груди и поцеловала его в плечо. Но он встал, обернул вокруг себя простыню наподобие тоги и подошел к окну. Яркие огни Каира и свет фар автомобилей ослепили его. Окно было закрыто, но ему был хорошо слышен шум улицы тремя этажами ниже, какофония из сигналов автомобилей, звуков радио из кафе, музыки уличных исполнителей, перебранки и возгласов.

Ибрагима изумляло то, как изменился Египет за десять лет, прошедших после революции. Он вспоминал, как после первой арабо-израильской войны, которую Египет выиграл у Израиля, поддержанного Британией и Францией, внезапно взвыли патриотические чувства египтян. Лозунг «Египет для египтян» облетел всю страну — от Судана до дельты Нила, как внезапный небывалый разлив великой реки, и воплотился в массовом исходе иностранцев из Египта. Лицо Каира изменилось. Все рестораны и магазины, все рабочие места были захвачены египтянами; клерки, официанты, работники офисов теперь были египтянами. Были и другие, менее очевидные признаки перемен, означавшие, что власть перешла в другие руки: тротуары перестали убираться, теперь они выглядели запущенными, покрытие на них раскрошилось, краска сошла с фасадов, магазины утратили свой европейский лоск и вид. Но египтянам это было безразлично. Они любили свое новое единение и свободу; они были пьяны от чувства национальной гордости. Героем этой странной революции во всех областях был Гамаль Абдель Насер, и египтяне любили своего героя. Портреты Насера были выставлены в витринах магазинов, в газетных киосках, пестрели на щитах на улицах, даже на шатре кинотеатра «Рокси», прямо напротив офиса Ибрагима. На одной стороне рекламного плаката фильма было помещено улыбающееся лицо Насера; на другой стороне — лицо другого героя, американского президента Джона Кеннеди, которого жите-

ли ближневосточных стран любили за то, что он привлек внимание мировой общественности к пыткам и к заключениям в тюрьмы арабов французскими властями.

Пока Ибрагим наблюдал за пешеходами на улице, заполняющими тротуары, и за непрерывным потоком машин, он безошибочно узнавал в толпе представителей «новой» аристократии: военных и их жен. Паши в фесках исчезли с улиц, новыми лордами Египта стали люди, носящие военную форму и сопровождаемые женщинами, которые пытались одеваться, как звезды американского кино. Этот был новый класс, заносчивый и чванливый, уничижительно отзывающийся о старинной, ушедшей в прошлое аристократии во время своих сборищ на публичных аукционах, где распродавались с молотка владения аристократов, покинувших страну. Жены новоявленных преуспевающих офицеров буквально поглощали дорогой фарфор и хрусталь, мебель и наряды, когда-то принадлежавшие первым семьям государства. Чем более прославленным и «старинным» был род, тем более привлекательными становились их вещи. Ибрагим иногда размышлял о том, что могло бы случиться с имуществом семьи Рашидов, если бы он остался в тюрьме, или был бы казнен, или если бы они покинули Египет, как советовали ему друзья. Стали бы фамильные украшения его матери, которые передавались в семье от женщины к женщине более двухсот лет, украшать одну из этих... женщин в туфлях на шпильке? Стали бы меховые манто Нефиссы окутывать плечи «дамы», отец которой был сыроделом?

К счастью для его матери и сестер, Ибрагим мог благодарить Бога за то, что они остались, потому что, как только прошли годы неуверенности и опасений после революции, у семьи Рашидов появились новые перспективы. Несмотря на то что правительство национализировало крупные владения, ограничив каждую семью примерно двумя сотнями акров земли, Ибрагим и другие представители его класса нашли лазейку, с помощью которой сумели обойти закон: две сотни акров были для членов семьи. А так как клан Рашидов был многочисленным, громадных хлопковых полей Ибрагима национализация практически не затронула. И, таким образом, и у Амиры, и у других женщин в его доме до сих пор были их собственные слуги, драгоценности и автомобили. И уже за это — хотя бы — Ибрагим был благодарен Аллаху.

— Доктор Рашид?

Он взглянул на отражение женщины в стекле. Она все еще лежала в постели и призывно улыбалась. Но он уже закончил с ней. Он заплатит ей — и больше никогда с ней не встретится. На следующей неделе здесь будет другая проститутка.

— Тебе пора уходить, — сказал он. — Ко мне должен прийти пациент.

Он видел в окне, как она оделась, упрятав свое соблазнительное тело в узкую обтягивающую юбку и свитер, поправив свою высоко взбитую прическу, подведя и без того густо накрашенные глаза перед зеркалом, стоявшим на платяном шкафу. Он не соврал. К нему действительно должен был прийти пациент. Он назначил прием именно на это время, специально, чтобы избавиться от женщины, не прибегая к обману. К тому же не было ничего необычного в том, что пациент собирался прийти к нему в столь поздний вечерний час; у доктора Рашида была такая обширная практика, что он назначал прием пациентов на любое время.

В течение двух лет после своего освобождения из тюрьмы Ибрагим жил спокойно, почти как затворник. Он не выходил из дома, не поддерживал отношений со старыми друзьями, он окружил себя медицинскими книгами и полностью погрузился в них, пока не понял, что восстановил свою прежнюю медицинскую квалификацию, которая практически была утрачена им за годы, которые он провел, обслуживая короля Фарука. Когда он почувствовал себя вновь в форме, он снял этот небольшой кабинет, состоящий из маленькой прихожей с холлом для ожидания, приемной и его офиса, соединенного с его собственной квартирой, где он мог отдохнуть в перерыве между приходом пациентов. Со временем он начал получать удовольствие от этой обыкновенной и неприметной работы. Но затем вдруг жизнь сыграла с ним неожиданную шутку: по иронии судьбы он стал вдруг очень модным врачом.

Он засмотрелся на сверкающий огнями купол кинотеатра «Рокси» через дорогу и увидел женщину, отразившуюся в стекле. Она прошла по комнате у него за спиной, взяла деньги, которые он оставил на туалетном столике, пересчитала их, засунула купюры под свитер. Бросив последний взгляд на Ибрагима, она ушла, оставив его в одиночестве.

Когда Ибрагим вышел на свет и тихо открыл свою медицинскую практику неподалеку от площади Освобождения, он старался хранить свое прошлое в секрете; никто не должен знать о его прошлых связях с королевским домом. Но каким-то образом информация об этом просочилась, и вскоре весь Каир знал, что личный врач короля Фарука теперь ведет частную практику. И вместо того, чтобы нанести урон его репутации, как он предполагал, этот факт, напротив, сделал его знаменитым. Те же самые офицерские жены, которые скупали земли аристократии, избравшей изгнание, толпами начали осаждать бывшего личного врача короля, жалуясь на различные недомогания. Доктор Ибрагим Рашид стал необычайно популярным.

Нельзя сказать, что он был очень опытным практиком или что он был предан медицине. Ибрагим был так же равнодушен к своей профессии, как и в самом начале своего пути в медицинском институте, когда он просто продолжил семейную традицию, поскольку его отец был врачом. Он вернулся к медицине, потому что она придавала какой-то смысл его существованию.

Неожиданно из кинотеатра выплеснулась толпа зрителей, и, когда Ибрагим увидел четверых молодых Рашидов, он вдруг вспомнил, что сегодня четверг. Он наблюдал за ними, за тем, как они пробираются в толпе, смеются, болтают. Ибрагим вспомнил, как и он сам был молодым много лет назад, задолго до тюрьмы и короля Фарука. Он был молодым, счастливым и с оптимизмом смотрел на жизнь. Вот так это и было: прекрасные дети Нефиссы, самоуверенный Омар и нежная Тахия, его собственная чудесная дочь, Камелия. Даже сама ее походка была более плавной и изящной, чем у кого бы то ни было еще. Он поискал в толпе Ясмину, а затем вспомнил, что по четвергам она работает в качестве добровольца в Красном Кресте.

Ибрагим заметил Захарию, но его взгляд не задержался на мальчике, который теперь вызывал у него такую боль. Захария был сыном, взятым у феллахи, сыном, которого Ибрагим из-за своего высокомерия не хотел признать своим. Права ли была Амира, не нарушил ли он законы Аллаха? Не проходило ни дня, чтобы Ибрагим не желал повернуть время вспять и вновь пережить эту ночь, но по-другому.

Он отошел от окна и загасил сигарету. Было самое время подготовиться к визиту миссис Сайед и ее камням в желчном пузыре.

* * *

Ясмина, запыхавшись, вошла в большой салон, где собралась вся семья для того, чтобы прослушать ежемесячный концерт Умы Калсум по радио.

— Извините, что опоздала! — сказала она, снимая с головы шарф и встряхивая своими светлыми волосами. Она поцеловала сначала Амиру, а затем свою мать, которая спросила:

— Ты не голодна, дорогая? Ты опоздала на ужин.

— Мы съели по кебабу, — ответила Ясмина, усаживаясь на диван между Камелией и Тахией.

Вечер четверга был единственной возможностью за неделю, когда и мужчины, и женщины могли собраться вместе: мужчины и юноши располагались по одну сторону салона, а женщины и девушки — по другую. Девятнадцать членов клана Рашидов устраивались вокруг радио с легкими закусками и чашками чая. В ожидании начала концерта Амира приводила в порядок семейные альбомы: в них теперь не было пустых страниц, на которых некогда были фотографии опозорившей себя дочери Фатимы. Амира постепенно заполняла эти пробелы фотографиями других членов семьи, и, когда она поместила последнюю фотографию на то место, которое прежде занимала ее дочь, Амира подумала, что теперь Фатиме уже тридцать восемь лет.

— Мишмиш, — обратился Захария с другого конца комнаты, — мы смотрели новый фильм с Дахибой сегодня!

Омар бросил на Ясмину дерзкий взгляд:

— Где ты была?

— В Красном Кресте. Ты же знаешь.

— А кто провожал тебя до дома?

Ясмина не обращала внимания на то, что Омар допрашивает ее; это было его право родственника-мужчины, и она была обязана отвечать.

— Мона и Азиза. Они проводили меня до ворот.

Омар мог не беспокоиться; Ясмина никогда бы не подумала о том, чтобы идти по улице в одиночку, потому что мальчишки чувствовали себя в таком случае совершенно свободно и могли выкрикивать оскорбления или даже за-

бросать камнями девушек, которые ходили по улице одни. Ей стало интересно, правду ли говорила умма о том, что такого рода происшествия никогда не случались в то время, когда все носили чадру.

— О, Мишмиш! — сказала Камелия. — Жаль, что ты не видела, как танцует Дахиба!

Она поднялась с места, заложила руки за голову и сделала несколько вращений бедрами. Глаза Омара буквально выкатились из орбит.

— Почему ты опоздала, дорогая? — спросила Алиса.

— Мы ходили в госпиталь! — с восторгом произнесла Ясмина.

Она окончила школу в июне, а затем в сентябре собиралась поступить в университет — но не в Каирский, куда ходил Омар и куда вскоре должен был поступить Захария. Ясмина собиралась поступить туда же, куда уже была записана Камелия — в престижный американский университет, который, хотя и был со смешанным обучением юношей и девушек, все же оставался небольшим, частным и мог лучше обеспечить безопасность девушки. И она совершенно точно знала, что собирается изучать — науку.

Когда Ибрагим вошел в салон, вся семья с почтением поприветствовала его. Он сначала поцеловал свою мать, затем Алису. Камелия была очень разочарована тем, что Хасан аль-Сабир не пришел с ним. Ибрагим время от времени приглашал своего друга послушать ежемесячный концерт Умы Калсум в доме Рашидов. Но, поскольку умма всегда испытывала неловкость в присутствии Хасана, его визиты были не слишком частыми. И все же Камелия надеялась. Детское чувство обожания, которое она испытывала к другу своего отца, переросло в первую любовь.

— Сегодня мы ходили в госпиталь, — сказала Ясмина своему отцу, подходя к нему ближе.

— Неужели? — спросил он, улыбнувшись ей.

— Мы были в детском отделении, а когда они спросили, кто хочет быть добровольцем для демонстрации, я подняла руку!

— Умница моя. Все, как я тебя учил. Не нужно стесняться, если хочешь получить образование. Может быть, когда-нибудь ты станешь работать в моем кабинете. Тебе бы хотелось этого?

— Больше всего на свете! Когда я могу начать?

Он засмеялся.

— Когда закончишь учебу! Я научу тебя всему, что должна уметь образцовая медсестра. О, концерт начинается!

Ума Калсум была настолько популярной певицей, что весь арабский мир замирал каждый четвертый четверг месяца. Радио и телевидение были настроены на единую волну для передачи ее концертов от Марокко до Ирана, и феноменальный президент Насер использовал эту возможность, чтобы выступить с небольшой речью в те несколько минут, которые оставались до начала. Когда раздался его голос, Амира отложила фотоальбом в сторону. Она любила харизматичного президента Египта. Она голосовала за него шесть лет назад — не только потому, что ничего не знала о нем, а потому, что в Египте женщинам впервые было позволено голосовать, и Амира отправилась в избирательный пункт с чувством гордости. Она любила его не столько за его политику, которая мало ее интересовала, а скорее за то, что он был египтянином и скромным человеком. Сын служащего почты Гамаль Насер ел бобы на завтрак, как и все, он молился каждую пятницу в мечети.

Сегодня, однако, президент изумил мир тем, что позднее назовут исторической речью: Насер заговорил о планировании семьи.

Благодаря тому, что правительство социалистов улучшило систему здравоохранения, объяснял он в речи, смертность в младенческом возрасте заметно снизилась, число людей, умерших от холеры и оспы, сократилось, смертность также уменьшилась в целом. Однако результатом всех этих мер стало непомерное увеличение рождаемости. Население страны возросло, как продолжал излагать Насер, с двадцати одного миллиона в 1956 году до двадцати шести миллионов в 1962 году. Если процесс будет развиваться и дальше теми же темпами, то Египет будет раздавлен своим собственным населением. Пришло время для введения системы контроля над рождаемостью, мера, как он убеждал аудиторию, которая заметно улучшит условия существования семьи как самого главного института на Ближнем Востоке.

Амира окинула взглядом весь свой клан, свою гордость. Она мысленно поблагодарила Аллаха за свою счастливую судьбу; Амуре было пятьдесят восемь лет, у нее было прекрасное здоровье, и вскоре она собиралась стать прабабушкой.

Пока Ибрагим слушал речь президента, мысли его вновь обратились к его «сыну», и ему стало стыдно. Захария был хорошим мальчиком, очень дружелюбным, но Ибрагим ничего не мог с собой поделать и испытывал в его присутствии неловкость. Чем больше Насер говорил о контрацепции, тем больше Ибрагим чувствовал, как растет его недовольство. Все эти разговоры о том, чтобы не дать детям родиться! А Насер продолжил свои объяснения: нужно дать матерям отдых, даже если речь идет о волнениях по поводу очередной беременности. Он говорил и о том, что ислам допускает контроль рождаемости, и даже процитировал Коран: «Сказано, Аллах желает вам радости. Аллах не желает вам трудностей в жизни, и не налагает на вас тяжкого бремени в религии». Ибрагим подумал: «А как насчет прав мужчины, у которого нет сына?»

Он взглянул на Алису. Он разглядывал ее тонкие белые руки и удивлялся тому, какими нежными, мягкими и безупречными они казались, хотя он не мог вспомнить ни одного дня за прошедшие девять с половиной лет, когда бы она не работала в своем саду. Когда он увидел, как грациозно она переворачивает страницы каталога семян, он представил себе, как ее руки ласкают его, и был изумлен, почувствовав острую вспышку желания. Он был не способен спать со своей женой с тех пор, как вышел из тюрьмы.

Но теперь его озарило: ему уже сорок пять лет, он находится в самом расцвете сил, а Алисе всего тридцать семь; вскоре они могли бы зачать еще одного ребенка. Он удивился, как это раньше не пришло ему в голову: он все еще может иметь сына! Чем больше он раздумывал об этом, тем больше улучшалось его настроение, и он чуть было не рассмеялся над иронией судьбы: в то время, как Насер уговаривает сократить прирост населения, ему Ибрагиму является мысль о новом ребенке!

Тахия слушала речь президента и думала о том, что у Гамаля Насера внешность романтического героя; ей очень нравилось то, что его жену тоже звали Тахия. Ясмина размышляла о том, что контроль над рождаемостью будет доступен всем женщинам. Но не все они слушали президента. Захария сочинял новые стихи для Тахии, а Камелия собиралась найти какой-то способ встретиться с великой Дахибой. Неудовлетворенность Омара выросла до небес. Так много младенцев рождается каж-

дый день, и никто не может обвинить Омара Рашида в том, что он виноват в этом! Он бросил голодный взгляд на Камелию, которая скинула свои туфли, сквозь чулки просвечивали ее накрашенные ногти. Теперь у него не было никаких сомнений. Так или иначе, но он собирался получить ее.

16

Нефисса предположила, что симпатичному молодому официанту должно быть около двадцати лет, столько же, сколько и ее сыну. Стало быть, он не может флиртовать с ней, определенно у нее разыгралось воображение. И все же, когда он принес чай, то подал его с несколько более подчеркнутой услужливостью, чем это требовалось. Она заметила, как вспыхнули его темные глаза, как это бывало и прежде, и на сей раз она не могла ошибиться.

Нефисса посмотрела ему вслед, безучастно размешивая ложечкой сахар в чае. Был прекрасный июньский день, не столь жаркий для лета, а как будто бы окутывающий тело легким бархатным дыханием ветерка и тепла, день, в который хотелось сидеть на террасе клуба «Кейдж д'Ор» и следить за тем, как плавно, подобно реке, течет время.

Она весь день занималась покупками в нескольких стильных салонах одежды, все еще остававшихся в Каире. Новый патриотический призыв покупать все египетское, отечественное на деле означал, что доступными были лишь немногие вещи высокого качества, а их поиски занимали теперь многие часы. И что еще хуже, ей пришлось брать такси, потому что Рашиды вынуждены были уволить своих водителей, поскольку подобная открытая демонстрация своего богатства осуждалась теперешним новым социалистическим обществом.

Даже то место, где она сейчас пила чай, изменилось. «Кейдж д'Ор» в прошлом был клубом для избранных, предназначенным только для аристократии и, конечно, для членов королевской семьи. Пока Нефисса наблюдала за тем, как жены рыбаков на другом берегу жгут костры из древесного угля и разделывают рыбу, она вспоминала о тех днях, когда бывала здесь в свите принцессы Фаизы. Ее муж тогда еще был жив, Омар был младенцем. Молодые, богатые и красивые, они ночи напролет проводили за игорными столами и рулеткой здесь, в этом клубе. Теперь клуб превратился в чайный са-

лон днем и местом для танцев по вечерам, он был открыт для любого, кто мог позволить себе это. Преимущественно это были, судя по тому, что видела Нефисса, военные и их жены. Никто из ее класса больше не посещал это место.

Она отхлебнула глоток чая и вздохнула. Эти прекрасные старые времена с привилегиями для их класса безвозвратно ушли в прошлое. Насер открыл для широкой публики все: королевские сады превратились в общественные парки, дворцы Фарука — в музеи. Простые люди теперь могли заглянуть в личные покои, где когда-то Нефисса составляла компанию принцессе Фаизе. Сама принцесса уехала, так же, как и многие из тех, кто прежде толпился во дворцах, — они отбыли в Европу и Америку в надежде на лучшую жизнь. Обширный круг друзей Нефиссы сократился; теперь у нее нет даже Алисы. Отношения, которые связывали ее в прошлом с невесткой, оборвались в ту ночь, когда Эдвард совершил самоубийство.

— Мадам желает еще чего-нибудь?

Официант вперил в нее взгляд. Она не заметила, как он подошел. Нефисса покосилась на него; солнце освещало его фигуру сзади, создавая вокруг головы светящийся нимб. Казалось, что он стоит слишком близко к столу, и улыбка у него была слишком фамильярная. Она следила за тем, как он обслуживает заказчиков за другими столиками: с ними он был подчеркнуто вежлив и деловит. Почему он проявляет такой интерес по отношению к ней?

— Нет, спасибо, — сказала она, осознав, что колебалась несколько дольше, чем следовало. Она протянула руку за своей сумочкой и вытащила из нее золотой портсигар с выгравированными в углу инициалами, небольшие бриллианты украшали ножку буквы Р. Прежде, чем она нашла свою зажигалку, официант вновь очутился возле столика, держа в руках зажженную спичку. Она прикурила и с удивлением поймала себя на мысли о том, что неплохо было бы заняться сексом с таким прекрасным молодым человеком.

И снова она вспомнила о своем одиночестве.

Теперь, когда и Омар, и Тахия стали совсем взрослыми, они редко нуждались в ней — слишком заняты собственными друзьями, интересами, погоней за будущим. Нефисса заполняла свои дни походами по магазинам, посещениями парикмахерских, сплетнями по телефону. Она проводила бесконечные часы за своим туалетным столиком, пробуя новую

косметику, занимаясь маникюром и ухаживая за своим лицом, наводя красоту так, как будто бы это было неким священнодействием. Она говорила себе, что все это — тщательно нанесенная косметика, соблюдение диет, усилия по поддержанию веса, тщательно продуманный гардероб — поддержание чувства собственного достоинства. Но она знала, что именно является подлинным двигателем. Ей хотелось снова любить.

Она отказалась от множества брачных предложений, которые ее мать устроила для нее, хотя некоторые из претендентов были богаты и довольно привлекательны. Она отказывала им, потому что хотела чего-то такого, что однажды испытала со своим английским лейтенантом — подлинного романа. Но романы так и не случались, годы убегали прочь, а она не замечала этого до тех пор, пока однажды, проснувшись утром, не осознала, что ей уже тридцать семь и что она мать двух подростков. Какой мужчина захочет ее?

— Дахиба собирается танцевать здесь, — сказал молодой официант с понимающей улыбкой. — Она начнет сегодня вечером.

Нефиссе хотелось, чтобы он ушел. Само его присутствие, его улыбка, полная какого-то предвкушения, казались ей насмешкой над ней.

— Кто такая Дахиба?

Он вытарашил глаза:

— Боже мой! Наша обожаемая танцовщица. Должно быть, вы редко бываете в городе по вечерам, мадам. Я поражен, — сказал он и тихо добавил: — такая богатая женщина, как вы...

Стало быть, вот в чем дело, он интересовался не ею самой, а ее деньгами! Она испытала чувство отвращения к нему — и, к своему стыду, втайне почувствовала к нему симпатию. Ее возмутили собственные мысли о том, находит ли он ее привлекательной и красивой, и она надеялась, что это именно так и есть.

— Я работаю и по вечерам, — продолжал он, — и сегодня, кстати, тоже. Я работаю до трех часов утра, а затем иду домой в свою квартиру, которая находится неподалеку отсюда.

Нефисса уставилась на него, гадая, почему она продолжает терпеливо выслушивать его оскорбительные речи. То, что он так откровенно предлагал ей себя за ее деньги, было

просто омерзительно! Когда их взгляды встретились и задержались на три удара сердца, Нефисса резко отвернулась и взяла свою сумочку. Она не должна забывать, кто она, что когда-то она была близким другом королевской семьи; женщины из клана Рашидов не платят за любовь!

* * *

Омар решил выждать время с тех пор, как четыре недели тому назад услышал речь президента Насера, когда он для себя решил, что добьется Камелии тем или иным путем. Это было непросто; либо она была не одна, либо он; да и вообще в доме проживали столько людей, что было почти невозможно подстроить случайную встречу наедине. Омару нужно было немного времени, он знал, что сумеет все сделать быстро, — если бы он только мог хотя бы схватить ее на ступеньках или среди кустов в саду.. И еще его беспокоило то, что она могла оказать ему сопротивление. Хотя десять лет занятий балетом и сделали ее сильной физически, у нее оформилась гибкая фигура с тщательно проработанными мышцами, как это характерно для балерин, Омар знал, что он сильнее. И к тому же, как только он начнет, она должна будет сдаться и подчиниться.

Когда он заметил, что бабушка Амира набрасывает на себя черную мелайю и устремляется вниз по улице Райских Дев, он сразу понял, что это его шанс, который он не должен упустить. Хотя умма выходила из дома в эти дни, но с тех пор, как дядя Ибрагим попал в тюрьму, ее выходы перестали быть частыми. Она никогда не ходила по магазинам, ресторанам или в кино, как это делали его тети и двоюродные сестры. Она посещала мечети святого Хусейна и святой Зейнаб в дни их праздников и один раз в год отправлялась на кладбище, чтобы помолиться на могиле дедушки Али. Сегодня был день ее ежегодного визита на мост, который соединял остров Гезира с городом; никто не знал, почему умма совершает это скромное паломничество в полном одиночестве, собираясь бросить цветок в реку. Но Омар мог рассчитывать, по крайней мере, на полчаса свободы от ее всевидящего ока. Ему хватит и пятнадцати минут!

Теперь ему оставалось только молиться, чтобы Камелия пришла из своей балетной школы в обычное для нее время и не задержалась где-нибудь с друзьями.

Да вот и она, как раз входит через ворота в сад!

У Омара все было заранее спланировано: он затащит ее за газибо, сплетенную из прутьев опору в виде купола, припрет к стене и зажмет ей рукой рот. Если позднее она станет обвинять его, он будет все отрицать. Все поверят скорее ему, чем ей, потому что свидетельство женщины стоит ровно половину свидетельства мужчины, как записано в Коране.

— Эй! Камелия! — окликнул он, когда она начала спускаться по дорожке. — Пойди сюда! Я хочу тебе что-то показать!

— И что это?

— Подойди сюда и увидишь.

Она бросила на него взгляд, выражавший сомнение. А потом из любопытства положила свои книги на землю и последовала за ним в обход к задней части газибо, где рос большой куст цветущего гибискуса.

— Так что это? — вновь спросила она.

Он резко схватил ее и швырнул на землю, бросившись на нее сверху.

— О, Аллах! — вскрикнула она. — Ну-ка слезь с меня, ты, урод!

Он попытался зажать ей рот, но она укусила его за руку. А когда он опустил руку вниз, чтобы расстегнуть брюки, она так отпихнула его, что он растянулся на земле.

Пока она пыталась подняться на ноги, хмуро поглядывая на пятна от травы на своей блузке, Омар вновь набросился на нее, пытаясь задрать ей юбку. Она ударила его в грудь, и он охнул от боли, упав на зад. Камелия хмуро уставилась на него.

— Ты что, с ума сошел, Омар Рашид? Демоны отняли у тебя разум?!

— Во имя Аллаха, что здесь происходит?

Они обернулись и увидели Амиру, которая приближалась к ним с разгневанным видом, обходя газибо, черная мелаяя складками лежала на ее плечах.

— Омар! Что ты делаешь!

Он отполз назад, чтобы уйти с ее дороги.

— Умма! Я... ох...

— Ну, вставай, мерзавец, — сказала Камелия, отряхивая свою блузку. Потом она наклонилась и внезапно ударила его по голове. — Махалабейя, — сказала она. — Гнусная тварь!

Она собрала с земли свои книги.

— Мы с тобой больше не помолвлены, и никогда не будем! Так что не пытайся это повторить! — И она зашагала прочь.

Омар поднялся на ноги и застыл, как смиренная овечка, перед своей бабушкой.

— Со всем моим почтением к тебе, умма, я думал, что ты ушла к реке, — сказал он.

— Да, так и было, но, дойдя до конца улицы, я заметила, что забыла взять с собой цветы.

Больше она не произнесла ни слова, а Омар продолжал стоять, уставившись в землю. Он чувствовал, как она смотрит на него, чувствовал тяжесть ее осуждения.

Он больше не мог переносить затянувшегося молчания и поднял голову. Но, когда увидел ее темные, умные глаза, в памяти у него неожиданно всплыл один эпизод. Ему было восемь лет, и умма застала его в саду, когда он отрывал бабочке крылья. Он не слышал, как она подошла. Она с такой силой треснула его по голове, что он растянулся во весь рост. За всю свою жизнь это был единственный случай, когда кто-то поднял на него руку.

Она продолжала молча смотреть на него, июньский ветерок теребил пряди ее черных волос, которые выбились из пучка и свободно спадали ей сзади на шею. Она была его бабушкой, но в то же время Омар мог видеть ее глазами других людей: красавицей, сильная воля которой была видна в ее выступающих скулах и пронзительном взгляде.

Он сглотнул слюну и с пересохшим ртом сказал:

— Прости меня, умма.

— Прощение — дело Аллаха, — сказала она. — Омар, то, что ты сделал, неправильно.

— Но я горю, умма, — мягко сказал он.

— Все мужчины пылают, Омар. Ты должен научиться обуздывать это. Впредь ты не смеешь касаться Камелии.

— Я хочу жениться на ней!

— Нет.

— Почему нет? Мы же двоюродные. За кого же еще ей идти замуж?

— Есть кое-что, чего ты не знаешь. Когда умерла первая жена твоего дяди, твоя мать кормила Камелию. Но вас она тоже продолжала кормить в это время своей грудью. В Коране записано, что союз между двумя людьми, которые питались молоком одной матери, недопустим. Это называется инцест, Омар.

Он с испугом уставился на нее.

— Я этого не знал! Значит, Камелия — моя сестра?!

— И ты не можешь жениться на ней.

Его глаза наполнились слезами.

— Боже мой! Что же мне делать?

Она опустила руку на его плечо и сказала с мягкой улыбкой:

— Это не твое дело — решать, Омар. Твоя судьба уже записана в книге Аллаха. Помолись Великому. Положись на Его волю.

Омар произнес молитву, но, как только Амира покинула сад, он с остервенением набросился на клумбу с лилиями и так долго пинал их ногами, пока совсем не уничтожил. Потом он поспешно вошел в дом, напрямик в комнату своей матери, и ворвался туда без стука.

— Я хочу жениться, — сказал он, — немедленно!

Нефисса взглянула на него от своего туалетного столика и замерла.

— И кто эта девушка, дорогой?

— Нет никакой девушки. Любая девушка! Найди мне жену!

— А как же твоя учеба? Как насчет университета?

— Я хочу жениться. Я не говорил ничего о том, чтобы бросить учебу. Я могу быть студентом и мужем одновременно!

— А нельзя ли подождать с этим до получения диплома?

— У меня впереди еще три года, мама! Я просто не доживу до этого!

Она вздохнула. Нетерпеливые двадцатилетние. Была ли она сама такой когда-то?

— Хорошо, дорогой, — сказала она, подходя к нему и проводя рукой по его густым черным волосам. Образ официанта в «Кейдж д'Ор» пронесся у нее в мозгу. И неожиданно она испугалась, что ее собственный обожаемый драгоценный сын может от отчаяния связаться с немолодой богатой женщиной.

— Я пойду, поговорю с Ибрагимом.

* * *

Хасан вслед за слугой поднимался вверх по лестнице в мужскую половину дома и насвистывал, потому что у него было прекрасное настроение. Визит, который он наносил сегодня Ибрагиму, был тщательно спланирован задолго до этого дня: были моменты, когда он думал, что больше не

сможет ждать, и ему приходилось напоминать самому себе, что действовать надо осторожно. Ибрагим теперь не был старым другом, каким он был когда-то. Шесть месяцев, проведенных в тюрьме, сильно изменили его. Хасан больше не мог предугадывать, какой будет реакция Ибрагима на что бы то ни было. В старые добрые времена Ибрагим был так прост, что его мысли можно было читать, как детскую книжку с картинками, но сейчас, с его приступами депрессии или меланхолии, когда он не хотел видеть никого, с его новым удивительно спокойным темпераментом приходилось считаться и обращаться с ним крайне деликатно. А то, из-за чего, собственно, и пришел Хасан сегодня, требовало исключительно тонкого подхода.

«Что же, черт возьми, случилось с моим другом в тюрьме?» — думал Хасан, поднимаясь по ступенькам длинной лестницы. Ибрагим отказывался говорить об этом; спустя девять с половиной лет после его освобождения он так и не сказал об этом ни слова. Хасан часто задумывался о том, каким образом Ибрагиму удалось выбраться из тюрьмы, когда все усилия семьи Рашидов и его собственные закончились полным крахом. Все подходы были заблокированы, и потом вдруг Ибрагим был освобожден, причем сам Ибрагим уверяет, что не знает, почему.

Слуга постучал в дверь и затем открыл ее, Хасан был провожден в знакомый уютный кабинет Ибрагима. Они тепло поприветствовали друг друга, Хасан охотно принял предложение хозяина выпить по чашечке кофе. Он бы предпочел виски, но, когда Эдвард умер, виски в доме пропал тоже.

«Бедный старина Эдди, — подумал Хасан, удобно устроиваясь на диване. — Да и правда ли, что его смерть была просто случайностью? Как мог мужчина попасть себе точно между глаз во время чистки оружия?» Но в полицейских документах этот случай был описан как неосторожность, и Амира, которая нашла Эдварда первой, настаивала на том, что так оно и было. И все же Хасан не доверял ей. Он подозревал, что эта женщина готова скрыть что угодно, чтобы защитить честь семьи.

— Я рад видеть тебя, — сказал Ибрагим таким приветливым тоном, что Хасан решил, что сегодня удача сама идет ему в руки. Определенно, Ибрагим согласится с его предложением.

Они зажгли сигареты английского производства, что Хасан не преминул мысленно с удовольствием отметить.

— Я тоже рад видеть тебя, брат мой. Да продлит Господь твои дни и даст тебе здоровье!

Тот Хасан, который считал себя английским джентльменом, остался в прошлом: никаких словечек, вроде «старина» и «я сказал», которыми раньше он пересыпал свою речь. Теперь он говорил только по-арабски и использовал только традиционные обороты речи. Они поболтали несколько минут о ценах на хлопок, о строительстве Асуанской плотины, а затем Хасан сказал:

— Могу я просить разрешения изложить свое дело, дорогой друг? Я пришел сегодня специально по очень важному поводу. Для нас, Ибрагим, это знаменательный день. Я пришел, чтобы просить у тебя руки твоей дочери.

Ибрагим удивленно взглянул на него, а затем сказал:

— Ты застал меня врасплох. Я и не подозревал, что у тебя в мыслях.

— Я развелся уже почти три года назад. Мужчине нужна жена, как ты сам часто говаривал мне. И поскольку мое высокое положение в правительстве требует от меня участия во многих официальных мероприятиях и приемах, вплоть до выполнения роли принимающей стороны, а для этого нужна жена... Я, разумеется, ждал дня ее рождения, которое было несколько недель назад. С другой стороны, она еще слишком молода.

Ибрагим взглянул вверх:

— Хм? О да, слишком молода. Не знаю. Тебе-то сорок пять, Хасан.

— Я так же молод, как и ты, друг мой! — но это было правдой лишь в хронологическом смысле. Хотя Хасан и сохранял юношеский задор и выглядел намного моложе своих лет, Ибрагим постарел. Его волосы в тюрьме поседели, и его когда-то прекрасно сложенное тело больше так и не вернуло себе прежнюю мощь и здоровье.

— Я полагаю, что мы могли бы, по крайней мере, обсудить саму идею, — сказал Ибрагим.

— Мы говорили о том, что Камелия подпишет контракт с балетной труппой, но я никогда...

— Камелия? Я говорю о Ясмине!

Ибрагим изумленно посмотрел на него:

— Ясмину? Но ей всего лишь шестнадцать!

— Конечно, мы подождем со свадьбой, пока ей не исполнится восемнадцать, но я не вижу причин, почему бы нам не договориться о помолвке уже сейчас?

Ибрагим замер.

— Ясмина? Нет. Я не могу на это согласиться.

Хасан постарался сдержать себя. Он не мог позволить, чтобы его разочарование уничтожило само начинание. Он должен получить ее! Ясмина — прекрасная, как лунный свет.

— Она собирается учиться в университете, — сказал Ибрагим.

— Все девушки теперь так поступают. Эти новые времена заставляют их забыть, для чего они были созданы. Но, как только они забеременеют, они сразу же отбрасывают мысль о всяком образовании.

— Но почему именно Ясмина?

Хасан сделал паузу. Он не мог бы назвать точную причину: «Я всегда хотел Алису, но вместо нее я готов взять ее дочь».

Поэтому он пожал плечами и сказал:

— А почему бы и не Ясмина? Она молода и прекрасна. Она уравновешенна, грациозна, у нее прекрасные манеры. Она послушна, в ней есть все добродетели, которые мужчина желал бы видеть в своей жене.

А он про себя добавил: «К тому же, я женюсь не для того, чтобы обзавестись сыном, у меня их уже четверо. На этот раз я собираюсь жениться для того, чтобы получать удовольствия в постели. А сексуальное просвещение прелестной молоденькой Ясины может быть просто восхитительным!»

Когда Ибрагим задумался обо всем этом, он постепенно осознал, что неожиданное предложение Хасана может быть для него очень многообещающим. Ясмине все равно надо будет выходить замуж, а Ибрагим знал, что не так уж много молодых людей может получить от него одобрение. Да и какой мужчина окажется более предпочтительной партией для его любимой дочери, чем Хасан, с которым он дружил со времен колледжа?

— С моей стороны это не поспешное решение, — осторожно заметил Хасан. — Я очень высокого мнения о ней, и уже давно, ты же знаешь. А мы с тобой все равно что братья, друг мой. Сколько лет мы провели вместе? Я всегда чувствовал себя членом вашей семьи. Помнишь, когда мы с тобой и с Нефиссой стадили фелюгу на реке и перевернулись?

Ибрагим рассмеялся, теперь это было редкостью.

Хасан продолжал нажимать.

— Почему бы не сделать мое присутствие в вашем доме и семье официальным? Тебе будет спокойнее знать, что она выйдет замуж не за кого-то постороннего, ведь мы знаем друг друга очень хорошо, так я полагаю. И я уверен, что и она ко мне равнодушна. И ты знаешь, что она будет продолжать вести тот стиль жизни, который вела всю свою жизнь. В конце концов, я богатый человек.

Ибрагим молчал.

— К тому же, человек, занимающий мое положение, должен быть осторожен в выборе жены. Она обязана быть представительной и знать, как подать себя в тех случаях, когда речь идет о высших эшелонах власти в стране. Ей необходимо быть — я позволю себе употребить запрещенное слово — аристократкой. А в таком случае выбор у меня весьма ограничен, ты же знаешь.

— Да, — задумчиво произнес Ибрагим. — С этим я согласен. Давай-ка набросаем документ...

— Я как раз случайно захватил его с собой, — и пока он наблюдал за тем, как Ибрагим берет в руки ручку с чернилами, Хасан добавил: — Я стану твоим зятем, по-английски «сыном в законе», разве это не забавно?

* * *

Нефисса совсем было собралась постучать в дверь своего брата, когда услышала упомянутое в разговоре ее собственное имя. Она узнала голос Хасана; он говорил о случае, когда они втроем стащили фелюгу. Нефисса в то время была всего лишь год замужем, она и не думала, что Хасан помнит об этом происшествии. А теперь, после того как она дослушала их разговор до конца, она почувствовала, как бешено заколотилось ее сердце, она не могла поверить в это. Хасан просил у ее брата разрешения жениться на ней!

Она слышала разные фразы: «мы хорошо знаем друг друга», «она тоже равнодушна ко мне», «ей необходимо быть аристократкой», «она знает, как подать себя в тех случаях, когда речь идет о высших эшелонах власти в стране».

«Значит, старые добрые времена для моего класса и наши привилегии не ушли в прошлое безвозвратно», — с внезапным ощущением счастья поняла Нефисса. Привилегирован-

ные классы все еще есть, только титулы теперь изменились. Любой человек знал, что Хасан идет вверх по служебной лестнице в правительстве; о его деятельности в Верховном Суде ходили слухи. Он нуждается в жене, которая будет соответствовать столь высокому статусу — аристократке, женщине, которая когда-то была близким другом королевской семьи!

Она почувствовала себя молоденькой девушкой, торопливо побежала в свою комнату и быстро причесала волосы, провела по губам помадой и брызнула на себя духами с запахом жасмина. Она поспешила вниз в сад и, как только увидела, что Хасан появился, преградила ему дорогу.

— Я случайно подслушала, — сказала она. — Я надеюсь, что ты не сердишься за то, что я подслушивала под дверью?

Он бросил на нее непонимающий взгляд.

— Брачное предложение! — сказала она, смеясь. — Тебе не было нужды обращаться к Ибрагиму. Теперь я сама принимаю решения! — Она обвила его шею руками. — О, Хасан, я мечтала о тебе так давно! Я буду тебе хорошей женой, обещаю!

— Ты? — спросил он, а затем рассмеялся. — Но мы говорили вовсе не о тебе! Мы говорили о Ясмине! — Он убрал ее руки со своих плеч. — Было время, когда я подумывал и о тебе, Нефисса, но ты тогда была молода и привлекательна. Однако почему я должен желать поизносившуюся женщину, когда я могу получить самую желанную молоденькую девственницу во всем Каире?

Она с ужасом посмотрела на него.

— Хасан, что ты хочешь этим сказать?!

Глядя ему вслед, Нефисса вспоминала об одной прекрасной ночи в своей жизни, когда ее любили по-настоящему. Ее красивый лейтенант, который исчез, а она так хотела, чтобы он вернулся! Кто-нибудь должен любить ее так, как когда-то ее любили!

17

Ей снова начали сниться сны, теперь они были более детальными и более пугающими, чем когда-либо, наводняющими подсознание Амиры знакомыми образами: лагерь в пустыне, странная квадратная вышка. Но сейчас к ним добавился еще один загадочный персонаж: высокий человек с кожей цвета слоновой кости, в ярко-алом тюрбане. Кто это был

и почему только теперь он появился в ее снах? Может быть, он из того дома на улице Жемчужного Дерева, или он был членом семьи, о которой она ничего не могла вспомнить, и где она росла до того, как была похищена из каравана?

Но больше всего Амиру ставило в тупик то, что когда она обдумывала содержание своих снов, то никак не могла понять, почему они стали являться ей снова. Сейчас ничто не предвещало появление нового ребенка в семье. Что же эти сны пытаются сказать ей?

— Что такое импотенция, умма? — спросила Ясмина.

Они были на кухне и составляли чашки и блюда в раковину. Амира только что завершила свой еженедельный вечерний чай, который устраивала по пятницам в то время, когда мужчины уходили в мечеть. После того как она вместе с женской половиной семьи посещала проповедь в полдень, она открывала ворота в сад, и к ним приходили друзья и посетители, как обычно. Она вместе со своими внучками убирала со стола, хотя это могли сделать и слуги, но Амира считала это полезным занятием для того, чтобы приучить внушек к ведению домашнего хозяйства.

Амира не услышала вопроса Ясины. Пока она мыла и полировала серебряную чашку, ее мысли были далеко, она пыталась найти решение злободневной проблемы: этим утром, перед тем как отправиться в мечеть, Ибрагим сообщил ей о соглашении, которое он подписал с Хасаном накануне вечером. Хасан аль-Сабир теперь был помолвлен с Ясминой. Амира ничего не сказала своему сыну, но почувствовала жуткий холод, который пронзил все ее существо.

— Умма? — повторила девушка. — Ты меня слышишь?

Амира взглянула на свою внучку, такую миленькую и светловолосую — ее золотые кудри были стянуты в две косы, — и подумала: «Если это единственное, что я могу сделать перед смертью, я должна спасти этого ребенка от рук Хасана аль-Сабира!»

— Что ты сказала, Мишмиш?

— Я слышала, как ум Хусейн просил тебя о лечении импотенции. А что такое импотенция?

— Это такое состояние, которое делает мужчину неспособным выполнять свои обязанности мужа.

Ясмина застыла, так и не поняв, что включают в себя эти обязанности. Она вместе со своими подругами по женской

школе часто шепталась о мальчиках и о супружестве, но, поскольку большая часть их сведений об этом являлась лишь предположениями и догадками, то у Ясины было очень приблизительное представление о том, что включают в себя супружеские обязанности.

— А как это лечится? — спросила она.

До того как Амира успела ответить, Бадавия, старая повариха из Ливана, сказала со своего места у плиты:

— Молодой женой!

И все остальные женщины, бывшие на кухне, засмеялись.

Амира обняла Ясмину за плечи и сказала:

— Если Аллах пожелает, Мишмиш, то это будет тем, о чем тебе никогда не придется беспокоиться.

— Отлично, но я не собираюсь замуж еще долгие годы! — сказала шестнадцатилетняя девушка. — Я собираюсь поступить в университет, чтобы заниматься наукой. Я точно знаю, чего хочу в будущем, кем хочу стать.

Амира взглянула на Мариам Мисрахи, которая помогала им разносить угощения и сладости. Мариам в ответ посмотрела на нее, и ее взгляд выражал скрытое осуждение: «Ох, уж эти современные молодые девушки!» Амира усмехнулась над этим невысказанным замечанием. Она не сказала Мариам о пугающей ее помолвке, на которую согласился Ибрагим.

Камелия, стоявшая в дверях кухни и с нетерпением ожидавшая прихода Захари, раздраженно сказала:

— Хотела бы я знать, что ждет меня в будущем!

Мариам подошла и встала рядом с ней, любуясь пестрым садом.

— Ты знаешь, как мы гадали о будущем, когда я была девочкой? — спросила она. — Берешь яйцо, греешь его в своих руках семь минут. Потом разбиваешь его в стакан с водой. Если яйцо всплывает, то это значит, что будущий муж будет богатым. Если оно тонет, то он будет бедным. А если желток растекается, то он будет...

— Я говорю не о мужьях, тетушка Мариам! Я хочу знать, буду ли я...

Она остановила себя. Умма не должна узнать, что она собирается сделать. Камелия вновь принялась нетерпеливо высматривать Захарию, который сказал, что у него есть нечто важное, что он хотел бы ей сообщить.

— Умма, — произнесла Ясмина, снимая с противня, который Бадавия только что вынула из печи, пирожное с малиной. Она откусила кусочек, который был восхитительно сладким и теплым. — Почему женщины приходят к тебе, когда заболеют, а не к настоящему доктору, как папа?

Амира тщательно вытирала чашки и расставляла их в буфете.

— Они приходят ко мне из скромности.

— Но у папы есть и пациентки тоже.

— Я не знаю этих женщин, Мишмиш. Но те, кто приходит ко мне, не хотят показывать себя постороннему мужчине.

— Почему же тогда у нас так мало женщин-врачей? Не должно ли быть столько же женщин среди врачей, сколько и мужчин? Разве это не так?

— Как много вопросов! — сказала Амира, взглянув на Мариам.

Мариам завидовала Амуре: та была окружена множеством молодых людей, и вскоре в этом доме могли бы появиться еще малыши. Собственные дети Мариам уехали из дома много лет назад и теперь жили в разных частях света, даже в самой Калифорнии. Мариам видела своих внуков лично только один раз, а теперь должен был родиться ее правнук или правнучка. Может быть, настало время взять длительный отпуск и навестить своих детей? В конце концов, им с Сулейманом шел шестой десяток. Сколько еще они будут откладывать эту поездку только из-за того, что «Мисрахи Импорт» теряет прибыль и Сулейман вынужден работать и день и ночь напролет? Разве семья не важнее бизнеса? «Надо бы поговорить с ним сегодня вечером, — решила она, — когда он придет домой отдохнуть».

Сахра тоже была на кухне, она прислушивалась ко всем разговорам, пока вынимала лист с булочками, посыпанными сезамом, из духовки. Ей уже было тридцать лет, она постепенно полнела. И больше она не была девочкой при кухне. Бадавия, которая жила в этой семье еще до рождения Ибрагима, старела и уже не могла делать многие вещи, Сахра постепенно брала эти заботы на себя, и было понятно, что в один из дней, когда Бадавия уйдет на пенсию, именно Сахра станет главным поваром в семье Рашидов.

Она улыбнулась, когда услышала, как вздохнула Камелия:

— Ох, ну где же он?

Сахра была предана детям своего хозяина, так же как она была предана и самому хозяину, и за годы, проведенные здесь, она сумела соединить разрозненные эпизоды в связную историю. Так как ежегодный визит семьи на кладбище происходил через четырнадцать дней после ее собственного дня рождения, Сахра сумела вычислить, что мать, за которую молится Камелия, умерла в ту ночь, когда Сахра видела, как хозяин плачет возле канала. Стало быть, это была та самая ночь, когда родилась Камелия. Сердце Сахры было открыто для бедной девочки, лишившейся матери, да и для ее сестры Ясины тоже, потому что с ней было связано большое разочарование, которое вынудило хозяина усыновить сына Сахры, Захарию. Сахра чувствовала себя некоторым образом родной матерью всех троих детей.

— Тетушка Мариям, — сказала Камелия, глядя в окно и бессознательно потирая болевшее плечо со следами от грубой выходки Омара, — ты видела фильм, где играет Дахиба?

— Твой дядя Сулейман слишком занят, чтобы ходить в кино.

— Ой. Но ты-то можешь сходить! Ты бы видела, как танцует Дахиба! Может, вы с бабушкой ходите вместе?

Но Амира, которая все слышала, засмеялась и произнесла:

— Да откуда мне взять время, чтобы ходить в кино? — А потом сказала Ясине: — Миссис Абдель Рахман звонила утром, чтобы попросить меня принести мой специальный чай с иссопом ее сестре на улицу Фахми Паши. Дети подхватили летнюю простуду. Пойдешь со мной, Мишмиш?

— С удовольствием, умма. Я вызову для нас такси.

И вот наконец на кухню пришел Захария. Когда он целовал свою бабушку, она спросила:

— Твой отец уже вернулся домой из мечети?

— Его машина въезжает в ворота, — сказал он, схватив с подноса что-то и с хрустом разгрызая это зубами.

Одна из кухонных девушек готовила блюдо из мелкой птицы, которое называлось ассафир. Она ошипывала птицу, отрезала крылышки и ножки, затем запихивала головки внутрь тушек. Пока она обваливала подготовленных птичек в специях и нанизывала на шампуры, Захария отвернулся с выражением отвращения на лице. Сахра подумала: как он похож на своего отца Абду, он унаследовал и его безграничное сострадание ко всем живым существам.

Он был таким же, как Абду, и во многом другом, решила Сахра, он тоже любил слагать стихи, любил Аллаха и Коран, да и внешне был на него очень похож. У Захарии были такие же широкие плечи, зеленые глаза, такая же мягкая улыбка, и ей иногда казалось, что она снова рядом со своим обожаемым Абду. Ей было интересно, помнит ли он что-нибудь о первых трех годах своей жизни, когда она кормила его грудью?

Когда Амира наконец вышла из кухни, Камелия поспешила к брату.

— Ты достал это для меня, Закки? Ты достал это?

Через день после того, как они ходили в кино, месяц назад, Камелия пришла к нему и сказала:

— О, Закки, я просто должна узнать, где живет Дахиба! Я должна с ней встретиться. Я должна учиться у нее. Посмотри, я запомнила весь ее танец, тот, который она танцевала в фильме. Я просто знаю, что, когда она увидит, как я это танцую, она сделает из меня свою протезе. Но мне надо узнать, где она живет! Пожалуйста, узнай это для меня.

Теперь он ухмыльнулся и передал ей кусочек бумаги.

— Это обошлось мне в пятьдесят пиастров, — сказал он. — Мне пришлось подкупить кое-кого в «Кейдж д'Ор», где она танцует.

— Это ее адрес! — вскрикнула Камелия.

— Я ходил в это место, Лили, — с волнением произнес он. — Она живет в пентхаусе. И у нее есть телохранители и «шевроле»! Я видел, как она выходила из этого здания. Слава Аллаху, в Египте все еще есть королева!

— Я с ума сойду! — вскрикнула Камелия. Затем поцеловала его и добавила: — Я буду обожать тебя до конца своей жизни, Закки! Спасибо тебе, спасибо!

— А что ты собираешься делать? — спросил он ей вслед, но она уже ушла.

* * *

— Где это мы, бабушка? — поинтересовалась Ясмина, с любопытством выглядывая из окна такси. Они были в той части Каира, где она еще ни разу не была, — на улице Жемчужного Дерева.

Амира ответила не сразу. Они с Ясминой навестили сестру миссис Абдель Рахман и ее больных детей, но, когда они вышли, вместо того чтобы велеть водителю отвезти их об-

ратно на улицу Райских Дев, Амира попросила его доставить их сюда. И теперь они оказались перед тем самым дворцом, где Амира впервые встретила с Али Рашидом сорок шесть лет тому назад.

Амира была уверена, что дворец давно снесли, но это было правдой лишь отчасти. Главное здание все еще стояло — огромный каменный особняк, похожий на ее собственный дом на улице Райских Дев, но сады и прилегающий к нему участок были отделены друг от друга. Магазины и квартиры теперь граничили прямо с дворцом девятнадцатого века. Девочки в форме спешили по ступенькам вверх, с сумками для книг и с коробочками с завтраком. Здание теперь превратилось в школу.

Этот дом, которым восхищалась Амира, когда изучала орнамент на фасаде, как будто вызвал к жизни яркие воспоминания. «Это был дом, в котором я когда-то жила в неволе в гареме, а теперь это место, где девочки могут стать образованными и свободными». Она закрыла глаза и попыталась мысленно вернуться в те годы, стараясь нацелить свои мысли на далекое прошлое; она прошла по мраморным коридорам, чтобы понять, сможет ли увидеть себя здесь, помнит ли что-нибудь, кроме испуганной семилетней девочки в кругу незнакомых ей людей? Сможет ли она увидеть среди них здесь свою мать? Или где? В пустыне?

«Почему я совершенно не помню, как меня доставили сюда? Почему я помню только день, когда вышла из этого места?»

Амира очень старалась, но никак не могла вернуть свои воспоминания. И хотя прошлое ускользало от нее, все же одна мысль пришла ей в голову — неожиданное озарение. «Я была доставлена сюда, но не вместе с моей матерью; это было после того, как меня отняли у нее; было что-то еще... Она пыталась защитить меня, но меня схватил и оттащил в сторону высокий черноволосый мужчина в ярко-алом тюрбане, а потом он стерег меня».

Взглянув на Ясмину, Амира подумала: «Вот что мне предвещали эти сны, вот почему я приехала сюда сегодня! Но почему именно теперь? Меня хотят предостеречь от чего-то? Если Ясмину отнимут у меня, чтобы она ушла жить с мужчиной не из нашей семьи?»

— Что такое, бабушка? — спросила Ясмина. — Зачем мы здесь?

Амира хотела сказать: «Не беспокойся, внучка моего сердца, я не позволю, чтобы зло коснулось тебя, я не потеряю тебя». Но вместо этого она произнесла, пытаясь приободрить ее:

— Когда-нибудь, когда я сама все пойму, я расскажу тебе. А теперь поехали домой. Мне надо поговорить с твоим отцом.

* * *

Ибрагим стоял у окна в своей собственной диванной комнате, наблюдая за тем, как Алиса работает в саду. Он видел, с какой любовью ее тонкие руки отделяют луковицы от корней, разбрасывают семена, присыпают их влажной землей, он почувствовал острое желание, которое было похоже на физическую боль. Сад превратился в центр ее жизни, она начала десять лет назад с маленького клочка земли; теперь он занимал почти всю восточную сторону дома: волна яркосиних ипомей, розовато-пурпурных фуксий, пламенно-алых роз, цветов, которые не могут нормально расти в Египте с его жестокой и тяжелой жарой. Но постоянная трогательная любовная забота Алисы о саде сотворила чудо.

Сколько он молился о том, чтобы она проявляла по отношению к нему столько же любви и заботы!

Что же случилось с их браком? Они теперь даже не разговаривали уже довольно продолжительное время, если не считать ежедневных мелочей и обычных повседневных забот. Как он сможет вернуть все назад, как ему вернуться к тому, какими они были до революции, до того, как его жизнь стала распадаться на части?

Долгое время после освобождения из тюрьмы Ибрагим не проявлял интереса к сексу ни с Алисой, ни с кем-либо еще. Но по прошествии многих месяцев, когда его физические раны затянулись, Ибрагим надеялся, что Алиса вернется и будет ему любящей женой. Но она так и не пришла к нему в постель; если он настаивал, то это было не взаимное удовольствие, а всего лишь пантомима отчаявшегося мужчины, пытающегося найти обратную дорогу к нормальной жизни в объятиях совершенно безразличной женщины. Именно тогда он стал прибегать к услугам проституток. Их искусственная любовь давала ему на время чувство покоя и умиротворения. Но это было всего лишь эпизодом; он хотел свою жену. И он хотел сына.

Он услышал деликатный стук в дверь и удивился, увидев свою мать; она редко бывала в этой части дома.

— Могу я поговорить с моим сыном? Возникли семейные проблемы, заслуживающие твоего внимания. Омар становится проблемой. Он не может контролировать свои сексуальные порывы. Я поймала его вчера, когда он пытался изнасиловать Камелию.

— Изнасиловать Камелию?!

— Ничего не случилось, но ему нельзя доверять. Ему необходимо жениться, и у меня есть идея.

Она села на роскошный диван, нарочно устроившись прямо под портретом отца Ибрагима Али.

— Давай обручим Омара с Ясминой. И пускай свадьба состоится как можно быстрее, сразу после того, как она закончит школу.

— Но я же говорил тебе утром, мама. Ясмина обручена с Хасаном.

— Девочка слишком молода для Хасана. Разрешит ли он ей продолжить образование? К тому же, у Омара впереди еще три года учебы. Они с Ясминой могут быть студентами вместе. Это гораздо лучше для Ясмины, чем выйти замуж за человека, который старше ее на тридцать лет.

— При всем уважении к тебе, мама, ты и сама вышла замуж за человека, который был на сорок лет старше тебя.

— Ибрагим, эта свадьба между Хасаном и Ясминой не должна состояться.

— Мы с Хасаном только что подписали соглашение. Я дал свое слово.

— Тебе сначала надо было посоветоваться со мной. А как насчет Алисы? Что, матери нечего сказать о выборе мужа для ее дочери? Это наше дело — найти мужчину для Ясмины, а ты должен только подписать брачный договор.

— Но что ты имеешь против Хасана? Я никогда не понимал, почему ты так не любишь его.

— Эта свадьба просто не должна состояться.

— Я не стану нарушать обязательств, данных моему другу.

Он отвернулся к окну, чтобы взглянуть на Алису. Амира подошла и встала рядом с ним. Спустя минуту она сказала:

— Между тобой и твоей женой возникли проблемы.

— Это не имеет ничего общего с тем, что сын должен обсуждать со своей матерью.

— Но, возможно, я могла бы помочь.

Он взглянул на мать затравленным взглядом, и она вспомнила, что ей говорил Захария:

— Отец просыпается по ночам с криком. Я слышу, как он спускается в холл.

Ибрагим с минуту помодчал, а потом посмотрел на свои руки.

— Я не знаю, в чем дело между мной и Алисой, мама. Но что-то не так, а я хочу сына.

— Тогда послушай меня. Я могу дать тебе зелье, которое надо добавить в питье для Алисы.

Он с сомнением взглянул на нее.

— Зелье?

«Я видела, как оно действует, много лет тому назад, в гареме на улице Жемчужного Дерева», — подумала она и сказала:

— Поверь мне, это зелье действует. Алиса смирится и, если Всевышний пожелает этого, она понесет сына.

Он отвернулся от окна.

— Никаких зелий, мама. Это не то решение, которого я ищу. А сейчас я устал и хочу немного отдохнуть.

— Мы должны решить вопрос об обручении Ясмینی.

— Во имя пророка, да продлит Аллах его милость над ним, это уже решено!

Но она спокойно сказала:

— Нет. То, что я собираюсь сказать тебе, сын моего сердца, причиняет мне боль. Я хранила это в секрете все эти годы, чтобы уберечь тебя от еще больших страданий, но Аллах сейчас распоряжается моей совестью. — Она глубоко вздохнула. — Сын моего сердца, которого я люблю больше своей жизни, я расскажу тебе, что ты не связан обязательствами с Хасаном аль-Сабиром. Он тебе не друг и не брат.

— Что ты такое говоришь?!

Ее сердце забилося чаще. Но, раз уж слова прозвучали, поздно забирать их назад.

— Это Хасан виноват в том, что тебя арестовали и бросили в тюрьму.

Он изумленно уставился на мать.

— Я тебе не верю!

— Да будет с нами милость Аллаха. Это правда.

— Это не может быть правдой!

— Я клянусь тебе Аллахом единым, Ибрагим.

— Откуда ты знаешь? Кто-то солгал тебе!

Она вспомнила о своем обещании Сафии Раджиб держать в секрете ее заступничество за Ибрагима.

— Я знаю это, вот и все. Это часть твоего официального дела: Хасан аль-Сабир назвал тебя заговорщиком, который действует вопреки интересам народа Египта. Ты можешь сам увидеть это, если захочешь.

— Я поступлю лучше. Я спрошу самого Хасана!

* * *

Ясмина и Тахия старались сдерживать себя, чтобы не захихикать, прячась за пустыми коробками с этикетками «Чивас Регал» и «Джонни Уокер». Они прятались за служебным входом в клуб «Кейдж д'Ор», ожидая, когда Захария подаст им сигнал. Он вошел внутрь, чтобы все устроить, и сейчас Камелия, вся дрожа под одеждой, несмотря на теплый июньский вечер, думала, что он слишком долго задерживается. Наверно, что-то пошло не так.

Она пыталась встретиться с великой Дахибой у нее на квартире, но ей это не удалось. Когда привратник не позволил ей войти внутрь дома, Камелии пришлось подкупить его. Потом она заплатила мальчику в лифте, чтобы он поднял ее наверх в пентхаус, еще больший бакшиш. Два телохранителя играли в карты у дверей в квартиру Дахибы и тоже потребовали с нее плату, так что к тому моменту, когда Камелия постучала в дверь и была встречена дворецким, у нее уже не оставалось денег. Но это бы все равно не помогло; дворецкий позвал секретаря Дахибы, который вышел и сообщил Камелии, что мадам не принимает посетителей, не выслушивает поклонников, не интересуется любителями и, разумеется, не берет учеников. Тогда Захария придумал план. Он сказал Амуре, что собирается сводить девочек на представление в варьете, а когда умма и остальные были в салоне и слушали программу по радио, подростки вышли из дома и отправились в ночной клуб, где танцевала Дахиба.

— Бедный Закки, — сказала Тахия, следя за открытой дверью, которая вела на кухню клуба. — Он ненавидит обманывать умму.

— Он и не соврал, — напомнила ей Ясмина, — Закки всего лишь сказал, что отвезет нас на шоу, и он сделал это, разве не так? Ну, вот он идет!

Захария обошел коробки и прошептал:

— Все устроено, Лили! Там за дверью женщина, она смотрительница женской уборной. Она проведет тебя через кухню в то место за сценой, откуда тебя не будет видно. Во имя Аллаха, разве я мало заплатил ей!

Они поцеловали ее и пожелали ей удачи, Камелия поспешила внутрь, стараясь, чтобы ее костюм не был виден из-под плаща.

Когда женщина устроила Камелию за занавесом, предупредив ее, чтобы она не двигалась, потому что Захария сказал ей, что его сестра просто хочет посмотреть, Камелия оглядела зал и почувствовала, как быстро заколотилось ее сердце. Ночной клуб был забит до отказа женщинами в дорогих платьях и мужчинами в форме, увешанной медалями. Она замерла, когда заметила маленького круглолицего мужчину за одним из ближних столиков. Это был Хаким Рауф, известный продюсер кино и муж Дахибы.

Оркестр начал настраивать инструменты, затем огни погасли во всем клубе, а софиты, наоборот, загорелись еще ярче и осветили пустую сцену. Оркестр поиграл несколько минут, настраивая аудиторию на определенный лад, а затем, под восторженные бурные приветствия и аплодисменты, вышла Дахиба. Камелия замерла и затаила дыхание. Она была еще более зажигательной на сцене, чем в кино. Она начала свой номер, как актриса, завернувшись в огромное покрывало из синего шифона, сверкающее фальшивыми бриллиантами. Она сделала несколько энергичных движений по сцене, которые представляли собой комбинацию балета и современного танца. Через несколько минут она сбросила свое покрывало, чтобы обнажить блестящий костюм из атласа цвета морской волны и серебряного ламе, с широким поясом на бедрах, с которого свисали длинные серебряные цепочки. Она остановилась, подняла руку вверх и начала медленно волнообразно поводить бедрами. Зал снова разразился криками восторга — это было традиционное начало танца Дахибы.

Глядя на живую легенду со столь близкого расстояния, Камелия заметила, что Дахиба вовсе не красавица; ее даже нельзя было назвать очень хорошенькой или симпатичной. Но у нее была замечательная осанка, и, пока Камелия наблюдала, как ее танец покорял аудиторию, как она управляла залом, как заставляла их хлопать, или смеяться, или мрач-

нет, она постепенно осознала, что Дахиба не только развлекает зал, но и заставляет чувствовать людей.

Камелия сдерживала дыхание и прикидывала, когда бы она могла воспользоваться своим шансом. Наконец Дахиба приблизилась к краю сцены, как делала всегда, чтобы пообщаться с публикой в перерыве. Когда ритм ударных достиг наивысшей точки и сравнялся с ритмом, в котором Дахиба танцевала танец живота, Камелия сбросила с себя плащ, быстро оправила на себе костюм, красный с золотом, и вышла на сцену. Сначала зал был изумлен, а затем, когда Камелия начала танцевать, они начали хлопать. Дахиба обернулась и увидела танцующую девушку, а когда поймала вопросительные взгляды своих музыкантов, сделала им знак, чтобы они продолжали играть.

Хотя сцена и была велика, Камелия ограничилась небольшим пространством и так построила свой танец, что в нем были не только дерзкие, рассчитанные на внешний эффект жесты, но и интригующие движения телом, талией и бедрами, ее руки грациозно двигались в стороны. Она не смотрела на Дахибу, а постоянно улыбалась и следила глазами за залом, который хлопал все громче. И все громче выкрикивал: «Йалла!»

Дахиба дала музыкантам знак: скорость ударов по барабану уменьшилась, и они постепенно перестали играть, теперь продолжала звучать только флейта, наполняя прокуренный воздух звуками, похожими на музыку заклинателя змей. И все же Камелия продолжала танцевать, нисколько не сбиваясь с ритма. Она замедлила движения в соответствии с музыкой, сделала паузу, а затем начала волнообразные движения от бедер, извиваясь всем телом, прогоняя по себе волну сначала вверх, а потом вниз.

Зал буквально сошел с ума. А когда они поняли, что это не было запланировано, что эта девушка с глазами цвета меда впервые предстала на такой сцене, правильно выбрав момент, мужчины начали вскакивать со своих мест и кричать:

— О, сладкий ангел самого Всевышнего!

Они свистели и приветствовали ее, посылали воздушные поцелуи этой нахальной девушке. Со своего места у края сцены Дахиба изучала беснующуюся аудиторию. Ее муж Хаким, казалось, тоже был доволен.

Когда музыка прекратилась, Камелия послала воздушный поцелуй всему залу, а потом убежала за занавес, где менеджер клуба немедленно схватил ее за руки и стал угрожать,

что вызовет полицию. Когда он начал выталкивать ее наружу, неожиданно из ниоткуда материализовалась Дахиба.

— Что это вы здесь делаете? — спросила она.

Камелия едва могла говорить. Очень близко она увидела густо загримированное лицо Дахибы, тонкие стрелки туши на подведенных глазах, тщательно прорисованную линию губ и, что было совсем удивительным, жесткость, которая совершенно не была заметна ни в одном из ее движений.

— О, мадам, я всего лишь хотела, чтобы вы выслушали меня! Я пыталась встретиться с вами, но...

Тут появился Хаким Рауф, смеясь и хлопая себя по покрасневшим щекам.

— Клянусь головой Саида Хусейна, да продлит Аллах его дни и благословит его. Ну, это был номер! Пойдем, пойдем, девочка. Выпьем чаю!

Он схватил ее за руку, приведя менеджера в полное замешательство.

Они направились в кабинет Дахибы и ее уборную, оба зажгли сигареты. Дахиба спросила:

— Как тебя зовут?

— Камелия Рашид, мадам.

Глаза Дахибы вспыхнули:

— Ты имеешь отношение к доктору Ибрагиму Рашиду?

— Это мой отец.

— Сколько тебе лет?

— Почти восемнадцать.

— У тебя была какая-то танцевальная подготовка?

— Балет.

— И ты хочешь учиться у меня?

— О да. Больше всего на свете!

Она посмотрела на Камелию долгим задумчивым взглядом.

— Я не позволяю никому выходить на сцену вместе со мной. Ни один танцор этого не делает. Ты должна бы это знать, и тебя могут арестовать за твое безрассудство. И все же публике ты понравилась.

— Это хороший трюк, — сказал Хаким, расстегивая пуговицу воротника на своей плотной шее. — Возможно, мы сможем ввести ее, моя тыквочка.

Дахиба игриво шлепнула его по руке:

— А может, нам еще выпустить и танцующего бабуина? Ты не хочешь поучаствовать?

А Камелии она сказала:

— Ты слишком мускулистая. У тебя плечи, как у мужчины, и узкие бедра, тебе придется набрать вес. Тощие танцовщицы не очень приятны для глаза, к тому же они недостаточно чувственны. Хотя твой стиль старомодный и любительский. Мы уже давно не танцуем просто танец живота. Восточные танцы включают в себя понемногу от разных дисциплин. Но ты подаешь надежды. Если тебя правильно тренировать, ты сможешь стать великой танцовщицей. — Она улыбнулась. — Возможно, даже более великой, чем я.

— О, спасибо...

Дахиба подняла вверх руку:

— Но до того, как я соглашусь взять тебя, я должна предупредить тебя о том, что твоя семья не одобрит этого. На танцовщиц, исполняющих ориентальные танцы, принято смотреть как на женщин без морали. Нас презирают, потому что мы привлекаем внимание мужчин к женской сексуальности. Мы отвлекаем их от мыслей об Аллахе и от благочестия, которого требует ислам. Мужчины мечтают о нас, и они же нас презирают за то, что желают нас. Ты понимаешь, о чем я говорю? Многие мужчины будут хотеть тебя, Камелия, но мало кто из них станет тебя уважать. Еще меньше тех, кто захочет жениться на тебе. Ты сможешь жить, зная все это?

Камелия кивнула на покрасневшее лицо Хакима Рауфа и сказала:

— Но вы-то не так плохо устроились, мадам.

Хаким схватил ее руку и поцеловал, а затем объявил:

— Благословенно будет дерево, из которого была сделана твоя колыбель! Во имя Аллаха, я просто влюбился в эту девушку!

И пока Дахиба смеялась, Камелия добавила:

— Я хочу танцевать, это все, что я знаю!

— Тогда я расскажу тебе, почему я возьму тебя в ученицы, Камелия Рашид. Ты будешь моей первой ученицей. Представление не стоит ничего, если оно основано только на навыках. Во имя Аллаха мы, египтяне, обожаем драмы и любовные переживания, которые хороший танцор может передать, только пропустив их через себя. У тебя есть эта харизма, Камелия. Твой танец был очень точным и соответствующим моменту, но публика была покорена твоей дерзостью и наглостью. У тебя есть дар управлять людьми, а это уже половина успеха. Твоя семья знает, что ты здесь?

Камелия заколебалась, а затем сказала:

— Нет. Они бы не одобрили. Но мне все равно! Я не стану говорить им, что беру у вас уроки!

— Но тебе придется приходить ко мне на квартиру, по крайней мере, три раза в неделю. Как ты объяснишь, куда уходишь?

— Я скажу умме, что у меня дополнительные уроки танцев. Она подумает, что это связано с балетом. Я не хочу ее обманывать, правда.

— А если она узнает?

Камелия не была готова думать об этом прямо сейчас. Все, о чем она могла думать, это о том, что Дахиба собирается стать ее учительницей и что однажды, как и Дахиба, она прославится.

* * *

Ибрагим постучал в дверь баржи, на которой жил Хасан, и, когда слуга открыл, оттолкнул его в сторону и прошел прямо к Хасану, который, растянувшись на диване, покуривал гашиш.

— Друг мой! Как прекрасно, что ты пришел ко мне. Садись и...

— Правда ли то, что я слышал, Хасан? — спросил Ибрагим, продолжая стоять. — Ты выдал меня Революционному совету? Ты назвал им мое имя? Ты устроил так, чтобы меня бросили в тюрьму?

Хасан продолжал улыбаться.

— Во славу Аллаха, откуда у тебя взялась такая нелепая идея? Конечно нет!

— Моя мать сказала мне.

Улыбка сползла с лица Хасана. Опять этот Дракон!

— Значит, она соврала. Твоя мать никогда не любила меня, ты же знаешь.

— Моя мать не лжет.

— Значит, кто-то дал ей неверную информацию.

— Она говорит, что об этом есть запись в моем деле. Я смогу найти ее.

Хасан сел, отложив в сторону чубук, провел руками по волосам и сказал:

— Ну, хорошо, я скажу тебе. Это были очень страшные времена, друг мой. Со дня на день никто из нас не знал, кто

останется в живых, чтобы увидеть рассвет завтрашнего дня. Я был арестован. Чтобы спасти себя, я дал им имена. Возможно, твое имя тоже было среди них, я не помню. Ты бы сделал то же самое, Ибрагим, клянусь Богом, ты бы поступил так же.

— Они велели мне назвать имена, Хасан, но я не сделал этого. Я пережил муки ада и прошел через пытки, но не выдал брата. Ты даже не представляешь себе, через что я прошел по твоей милости, Хасан аль-Сабир, — спокойно сказал Ибрагим, но в глазах его стояли слезы. — Эти шесть месяцев в тюрьме разрушили мою жизнь. Ты и я больше не братья. И ты не женишься на моей дочери.

Хасан спрыгнул с дивана и схватил его за руку:

— Ты не можешь разорвать наш договор, во имя Аллаха!

— Господь свидетель, я могу и сделаю это!

— Если ты сделаешь это, Ибрагим... Обещаю, что ты потом всю жизнь будешь жалеть об этом!

* * *

Ибрагим нашел Амиру в салоне, она слушала вечернее чтение Корана по радио.

— Ты была права, мама, — сказал он, — Хасан аль-Сабир мне больше не брат. Устрой помолвку Ясмینی с Омаром. Свадьба состоится сразу же после того, как она закончит школу.

Затем он сказал:

— И дай мне зелье для Алисы. Я должен иметь сына!

18

— Почему принято удалять все волосы, мама Амира? — спросила Алиса, наблюдая за тем, как родственницы накладывают пасту из сахара и лимона на кожу Ясмینی.

— Эта традиция восходит к тому времени, когда королева Шеба приехала навестить короля Сулеймана. Перед ее приездом Сулейман узнал, что у королевы, несмотря на всю ее красоту, волосатые ноги. Для того, чтобы узнать, правда ли это, он приказал построить перед своим дворцом дорожку из стекла, под которой протекала вода. Говорят, что когда королева появилась, она подумала, что ей придется переходить вброд бассейн с водой, поэтому она приподняла подол юбки. Рассказы о ее ногах были правдой, и Сулейман изоб-

рел средство для удаления волос, для того чтобы он смог жениться на ней. Это была та же самая паста из сахара и лимона, которую мы используем и теперь, и по традиции каждая новобрачная должна воспользоваться ей накануне своей свадьбы для того, чтобы угодить своему мужу.

— Но зачем же еще и брови? — спросила Алиса, удивляясь тому искусству, с которым кузина Ханея наложила пасту на брови Ясины, а затем сняла ее так, что остались только тонкие дуги в виде полумесяцев.

— Она потом подкрасит их, как делаем мы все. Женщины намного красивее с такими бровями.

Ритуал удаления волос сопровождался приемом для всех родственниц по женской линии из семьи Рашидов. Они прибыли в дом на улице Райских Дев, разодетые в свои лучшие наряды, чтобы осыпать невесту благословениями, подарками, советами по поводу ее замужества, посплетничать и потанцевать. Здесь была и астролог Кветта, женщина без возраста, которая присутствовала еще при рождении Ясины. Теперь она была намного старше, она бросала косые взгляды на свои карты и расчеты, создавая новые предсказания и гороскоп для Омара и Ясины — сочетание звезды Хамаль в созвездии Овена, жестокой и суровой звезды, и мягкой желтой Мирах в Андромеде.

Ясмина была в нетерпении. Завтра она собирается стать женой, да еще и в собственном доме! Вопреки традиции, согласно которой сын приводит свою жену в дом своей матери, Омар купил дом у реки. Теперь, когда он должен был получить очень большое наследство, оставленное ему отцом, он объявил, что может позволить себе завести собственный дом и получить независимость.

Когда вся паста из сахара была удалена, Ясмина выкупалась, ее двоюродные сестры сделали ей массаж, втирая миндальное и розовое масла в ее кожу, которую пощипывало от депиляции. Затем ей помогли надеть новую одежду, а потом сопроводили в салон, где она приняла участие в подготовке к свадьбе.

Алиса обняла свою дочь:

— Я так счастлива за тебя, дорогая.

А затем она добавила удивительные слова:

— Я хочу сообщить тебе кое-что, о чем ты должна знать теперь, когда ты выходишь замуж. У тебя будут твои собст-

венные доходы, моя дорогая. Ты должна получить наследство от своего английского дедушки — лорда Пембертона.

— Но ты говорила мне, что он никогда не одобрял твой брак с папой!

— Мой отец — человек с большими предрассудками, но у него сильно развито чувство долга. Когда он умер два года тому назад, он оставил часть своего имения тебе. Есть и какие-то деньги на твоё имя, которые ты сможешь получить, как только выйдешь замуж, и один из домов нашей семьи.

Самой Алисе граф не оставил ничего.

Наступил последний момент для Амиры объяснить Ясмине, чего она должна ожидать в свою первую брачную ночь, когда останется наедине с Омаром. Они прошли в спальню и закрыли за собой дверь, чтобы им не мешала музыка и смех, а когда Амира объяснила своей внучке, что собирается делать Омар, Ясмине сказала:

— А твоя мама рассказывала тебе обо всем этом, когда ты выходила замуж за дедушку Али?

— Одна из твоих обязанностей в роли жены, — продолжала Амира, пропуская мимо ушей вопрос Ясмине, потому что её семья не знала ни о похищении, ни о том, что Амира не знала своей настоящей семьи, — когда вы отправляетесь ночью в постель, ты всякий раз должна приятно пахнуть. Перед тем как уснуть, ты должна трижды спросить своего мужа: «Не желаете ли чего-нибудь?» И если он больше ничего не хочет, то тогда ты можешь заснуть. Но запомни, ты никогда не должна говорить о том, чего ты хочешь от него. Женщина, которая сама призывает к действию, — это подозрительная женщина.

Пока Амира рассказывала о таинствах совместной жизни мужчины и женщины, Ясмине вспомнила примерно такой же разговор, который произошёл у них, когда ей было двенадцать лет и она обнаружила кровь на своей ночной рубашке.

— У каждой женщины внутри живет Луна, — объясняла ей тогда Амира. — Она проходит тот же самый цикл, как и Луна на небе, она разгорается все ярче, а потом постепенно убывает, точно так же. Это все для того, чтобы напоминать нам, что мы — часть творения Господа и часть его звезд.

Но теперь Амира давала ей инструкции:

— Будет мудро сначала оказать ему сопротивление. Это покажет твоему молодому супругу, что ты не стораешься от

страсти, что он должен уважать тебя. Никогда не действуй так, чтобы он понял, что ты получаешь удовольствие, потому что потом он станет обвинять тебя в распущенности. Но некоторое сопротивление очень разумно. — Затем Амира добавила: — Отказ запрещается. А когда он войдет в тебя, призови имя Аллаха, иначе джинны могут одолеть тебя первыми.

Но Ясмина не очень беспокоилась по поводу супружеских обязанностей; она собиралась быть с двоюродным братом Омаром, поэтому была уверена, что ей нечего опасаться.

* * *

Карета, запряженная четверкой белых лошадей, украшенная цветами, подъехала к отелю «Нил Хилтон», и жених с невестой сошли по ступенькам. Множество гостей уже поджидали их здесь, они были готовы присоединиться к зеффе — процессии, которая прошествует в бальный зал, где и будет проходить свадебное торжество. Они прошли, сопровождаемые приветственными криками, аплодисментами, Омар в смокинге, а Ясмина в белом подвенечном платье с длинным шлейфом, за ними следовали музыканты с волынками, в галабях, исполнительницы танца живота в расшитых блестками костюмах, музыканты, играющие на флейтах, лютнях и барабанах. На счастье друзья и родственники осыпали монетами молодоженов. И шумная процессия медленно входила в отель, а затем и в бальный зал. Омара и Ясмину усадили на два высоких, украшенных цветами трона, и здесь они должны были оставаться до конца вечера, в то время как их гости угощались за ломившимися от кушаний столами и развлекались, слушая музыку, наблюдая за трюками комедиантов и за танцовщицами, которые проходили перед их глазами непрерывной чередой.

Когда Алиса заняла место на женской половине бального зала, она подумала: как странно, что у них не будет церемонии в церкви или хотя бы в мечети. У них совсем не было ничего, похожего на церемонию; в действительности, религия, казалось, практически не вмешивалась в эту свадьбу. Согласно египетским законам достаточно того, чтобы два родственника мужского пола представляли жениха и невесту, в данном случае это были Ибрагим и сам Омар, поскольку отец Омара умер. Они подписали брачный договор и пожали друг другу руки. Невесте, которая находилась в другой

комнате, было затем сообщено, что теперь она замужем. Никаких клятв, никакого поцелуя перед алтарем.

Пока люди поздравляли мать с замужеством ее прелестной дочери, Алисе пришлось пожать руки такому числу людей, что она подумала, что это просто невозможно — иметь столько родственников. В то же время она погрузилась в размышления о странностях в предпочтениях египтян — иметь в качестве супругов собственных двоюродных сестер и братьев. И она обнаружила, что для этого существует и совершенно точное определение: первым выбором для девушки должен был быть сын брата ее отца, но если, конечно, тако-го нет, тогда следующим на очереди должен был стать сын сестры отца. И молодые люди не имели права выбирать себе будущих партнеров или принимать решение. Мать девушки, вступившей в возраст, подходящий для замужества, находила подходящего молодого человека и обращалась к его матери. В ходе нескольких взаимных визитов они обсуждали будущее молодого человека в качестве кормильца, здоровье девушки, способность к зачатию с обеих сторон, статус каждой семьи и, прежде всего, фамильную честь. Наконец, оговаривалась цена, которую должна заплатить семья жениха за невесту, подарки, которые они преподнесут молодой семье, а затем встречались опекуны-мужчины с обеих сторон и подписывали брачный договор. Только после этого пару информировали о предстоящей свадьбе.

Алисе все это представлялось чистым холодным расчетом, предшествующим вступлению в брак, но, возможно, это было лучше, чем метод выбора партнера по любви, потому что в браке нужно гораздо больше, чем просто любовь. И к тому же, в конечном счете, сколько продлится любовь? Она посмотрела на Ибрагима, который сидел в мужской части зала. У них был брак по любви, и взгляните, чем он закончился — полным крахом.

Но почему же любовь ушла из их брака? Алиса не была уверена, что знает это, она даже не могла назвать момент, в который счастье покинуло их с Ибрагимом. Может быть, это было в ту ночь, когда Камелии делали обрезание, или, может быть, раньше, когда Алиса застала двух девочек, играющих с паранджами, и испугалась за их будущее, за то, что Британия когда-нибудь покинет Египет. И вслед за этим любовь действительно ушла, зато вернулись некоторые старые предрас-

судки, как и было предсказано. Но крах их брака был связан и с самим Ибрагимом, с его холодностью после освобождения из тюрьмы. Алиса ждала и надеялась, что бывшая страсть возвратится, но любовь уже была под угрозой, и она поняла, что больше это чувство не выживет при таком скудном ручейке надежды. Особенно быстро эти надежды таяли, когда проходили дни за днями в ожидании, что Ибрагим пошлет за ней, чтобы она пришла в его постель, и когда она все чаще задумывалась над тем, что у него уже была жена, когда он женился на ней в Монте-Карло. Это было фактом, который она никак не могла ему простить, а теперь, как она уверила себя, это доказывало, что корни их любви не были посажены достаточно глубоко в землю.

Ибрагим взглянул в ее сторону, и их глаза на мгновение встретились. Он думал о зелье, которое Амира дала ему. Он был готов подсыпать его в бокал Алисе этим вечером, после свадьбы.

Затем он взглянул на Ясмину, на своего прелестного золотистого ангела, дитя, которое заполонило его сердце с самого первого часа своей жизни. Он молился о том, чтобы она была счастлива с Омаром, чтобы ее жизнь всегда была насыщенной и прекрасной. Он был рад, что она вышла замуж за сына его сестры, а не за чужака. И особенно он радовался тому, что она не вышла замуж за Хасана. Хасан — брат, который предал его и которого он никогда не простит.

Амира сидела на почетном месте рядом с молодой парой, в первый раз в своей жизни появившись перед людьми без покрывала, которое защищало ее от чужих взглядов. Она была среди тех, кто был одет наиболее модно и дорого, на ней было черное, расшитое бисером платье с длинными рукавами и подолом, который подметал пол. По предложению Алисы она заменила свой старомодный пучок на современную пышную прическу, которая была заколота чуть ниже ее ушей. Но при этом вокруг шеи и на плечах лежал черный шарф из шифона, который она натягивала на голову и которым прикрывала свое лицо, когда покидала отель после свадьбы.

Амира испытывала такой восторг, глядя на Ясмину и Омара, сидящих на своих тронах, что потихоньку читала свою любимую суру из Корана: «Аллах да вознаградит их пребыванием в садах Рая, садах, где текут ручьи воды, и где они будут навеки». Затем ее мысли обратились к матримониальным

планам насчет остальных детей. Ей предстояла тяжелая работа, как она знала, и эта работа требовала особой аккуратности и осторожности. Преуспевающих родителей обычно бывает уговорить гораздо труднее, чем любых других, потому что их перспективы значительно уже. Любой может жениться и сделать шаг вверх, но никто не хочет делать шаг вниз.

Поэтому Амира была довольна, когда заметила, как Джамаль Рашид не сводит с Камелии глаз весь вечер. Он недавно овдовел, ему было сорок лет и у него было шестеро детей, он был прекрасно устроен, являясь владельцем нескольких многоквартирных домов в Каире. К тому же он был из клана Рашидов, внуком брата отца Али Рашида. Амира решила, что пошлет ему записку в ближайшие дни, предупредив его о своем визите и о причинах, по которым она его наносит. Камелия никогда не высказывала пожеланий поступить в университет, как это делала Ясмина; Амира была уверена, что ей будет приятно, что бабушка устроила ей такую хорошую партию.

Дальше шла стеснительная Тахия, которой тоже было семнадцать и которая только что получила аттестат о среднем образовании. Она тоже не высказывала стремления продолжать образование, и Амуре казалось, что она терпеливо и покорно ждет, когда ее мать вместе с бабушкой устроят ее брак.

Был еще и Захария, совсем не ее крови, но она чувствовала себя обязанной устроить его будущее наравне с другими. Амира любила его и гордилась им, она вспоминала, как семья отмечала день, когда он выучил все сто четырнадцать глав Корана, а ведь ему было всего одиннадцать лет! Амира не была уверена, каким образом сможет устроить брак для Захарии; он не был похож на других, духовная часть жизни, казалось, для него была важнее всех остальных. Может быть, ему стоит продолжить обучение, чтобы стать имамом и читать проповеди в мечети по пятницам.

Когда Ясмина поймала на себе взгляд Амиры, она улыбнулась и выпрямилась, сидя в своем кресле. Она начала уставать от столь долгого пребывания на одном месте, ей хотелось поехать в свой новый дом и начать там новую жизнь. Теперь она — жена. И в следующем месяце она начинает учиться в университете! Они с Омаром будут ездить в университет вместе на трамвае, а потом вместе приезжать домой, а по вечерам заниматься за одним столом. Когда-ни-

будь он получит работу в правительстве, президент Насер обещал, что все выпускники университета с гражданской специальностью получают работу после окончания учебы, и у нее будут малыши. Они с Омаром будут очень красивой парой: образованные, современные родители, которые поровну поделят ответственность, отступят от всех устаревших условностей старшего поколения. Жизнь так прекрасна, что, когда она видит своих сестер за накрытым столом, она не может не помахать им рукой, думая о том, что сейчас растает от счастья.

Камелия в это время заполнила тарелку огромной порцией кебаба с рисом в надежде набрать вес, как велела Дахиба, и помахала сестре в ответ. Но ее мысли витали совсем в другом месте, и больше всего она была разочарована тем, что дядя Хасан не пришел на свадьбу. Она надеялась, что он будет здесь и они смогут поговорить, а может быть, он заметит, что она уже больше не ребенок. Она часто думала о том, не подумывает ли он жениться снова. Она думала и о том, почему он не пришел на свадьбу.

Исполнительницы танца живота вышли на сцену, они были опытными, но не блестящими, и мысли Камелии перескочили на последние восемь изматывающих, но блаженных недель, которые она провела, тайком обучаясь у Дахибы, оказавшейся требовательной и придирчивой учительницей. Дахиба говорила: «Дай мне этот ритм» или: «Покажи мне этот ритм», и Камелия должна была демонстрировать его без музыки. Дахиба также обучала ее тому, как надо одеваться для выступления, как накладывать косметику, как заигрывать с публикой. Занятия с Дахибой были настолько высокого уровня, что Камелия уже подумывала о том, чтобы ходить в балетную школу пореже. Но она не могла прекратить занятия балетом, потому что в таком случае у нее бы не было причины для того, чтобы три раза в неделю ходить на уроки. Но она быстро все схватывала, как говорила Дахиба. Возможно, что через год, когда ей исполнится восемнадцать, Камелия сможет сделать один небольшой номер в шоу.

Когда Захария проходил мимо с двумя тарелками, она подмигнула ему. Благодаря ему и помощи Тахии и Ясины Камелия начала видеть, что ее мечты сбываются. Когда он не подмигнул ей в ответ и даже не улыбнулся, она вспомнила о печальной новости, которую он получил сегодня. Одно-

классник Захарии, которого он очень любил, совершил этим утром самоубийство.

— Он был незаконнорожденным, Лили, — сказал тогда Захария, и по его щекам потекли слезы. — Его мать никогда не была замужем, он никогда не знал своего отца. Мальчишки в школе жестоко насмехались над ним, но он терпеливо сносил это. А потом он влюбился в девушку, живущую по соседству, и надеялся жениться на ней, но когда его мать нанесла визит ее матери, мать девушки сказала, что, если у них нет семьи, даже с самым низким положением, она не позволит дочери выйти замуж за такого. Какая приличная женщина захочет выйти замуж за мужчину, который не знает, кто был его отцом? Он не сможет вести жизнь, как уважаемый человек, поэтому он выбрал благородную смерть.

Захария вернулся за свой стол, где передал тарелку пожилому дяде Кариму, который мог ходить, только опираясь на палку. Наблюдая за акробатами на сцене, он посмотрел на Тахию, сидевшую вместе с уммой, тетей Алисой и тетей Нэфиссой. Захария беспокоился, что умма попытается найти кого-нибудь в мужья для Тахии. Ему было только шестнадцать лет, как он может просить, чтобы его обручили с ней? Он собирался набраться храбрости и поговорить с бабушкой. Когда на сцену вышел известный комик, публика начала смеяться еще до того, как он произнес хотя бы слово, но Захария заметил, что дядя Сулейман, который сидел рядом с ним, не смеялся, и ему стало интересно, почему.

Сулейман Мисрахы беспокоился за свое дело. Каждый день правительство вводило все более строгие ограничения на импорт, стремясь увеличить потребление товаров египетского производства. Прибыли так стремительно падали, что Сулейману пришлось уволить множество преданных старых сотрудников. И дело выглядело так, что, может быть, ему придется продать большой дом на улице Райских Дев и переехать в квартиру. Ему было неловко говорить Мариям, что они не смогут поехать навестить детей. Ему было еще горше, что на этой свадьбе не подавали вина, а то бы он сейчас мог напиться.

Появилась последняя, самая главная танцовщица. Она танцевала, но не для публики, а для новобрачных, танец символизировал превращение невинной девушки в страстную женщину. Ее яркий, открытый костюм, обольстительные телодвижения создавали впечатление о независимости,

сексуальности и раскрепощенной женской мощи, все это было направлено в сторону неестественно серьезной невесты, которая сидела, выпрямившись и поджав губы, в своем белоснежном платье, и всем своим серьезным видом давала понять, что танец нисколько не подействовал на нее.

Когда танец закончился, прием подошел к концу, гости начали расходиться, и только ближайшие родственники забрались в такси, чтобы сопровождать молодоженов в их новый дом.

Мужчины остались в гостиной, а женщины проводили Ясмину в спальню, где помогли ей снять подвенечное платье и переодеться в ночную сорочку. Они уложили ее в постель и подняли вверх подол ее рубашки, затем Амира обхватила девушку сзади руками, а Омар занял свое место в постели. Когда он обернул носовой платок вокруг пальца, женщины повернулись спиной, а Амира стала смотреть в сторону. Ясмина вскрикнула, появилась кровь.

* * *

Когда Ибрагим и Алиса вошли в дом, он развязал галстук и сказал:

— Хорошая была свадьба, не так ли, моя дорогая?

— Я не люблю варварский ритуал лишения девственности.

Он взял ее за руку:

— Не могла бы ты зайти в мою комнату на несколько минут?

— Я устала, Ибрагим, — она всегда так отвечала.

— Давай выпьем по бокалу за счастье нашей дочери. У меня есть немного бренди.

Она взглянула на него. Свадьба дочери сделала ее сентиментальной; она вспомнила свою собственную свадьбу... Это было так давно, с красавцем-мужиной, которому она поклялась у алтаря в любви и верности до самой смерти. Она пошла с ним. Ибрагим осторожно наблюдал за ней, когда она потягивала бренди, и с облегчением заметил, что она не почувствовала привкуса от зелья Амиры. Вскоре она захмелела.

— Я не умею пить! — сказала она, смеясь.

Но вместо того, чтобы настроить ее на романтический лад, как ожидал Ибрагим, питье только сделало ее пьяной. Он поцеловал ее, но она не ответила. Но и не оттолкнула его, поэтому он спустил с ее плеч лямки вечернего платья. Она

не сопротивлялась, и он продолжал раздевать ее, а она раскачивалась, как тряпичная кукла, в его руках, с мечтательным отстраненным взглядом. Казалось, она не понимает, что он делает, она только хихикала.

Это было совсем не то, чего он хотел, подумал Ибрагим, когда нес Алису в спальню и укладывал ее в постель. Он хотел, чтобы она была ему партнером, чтобы она была теплой и отзывалась на его ласки. Но он хотел и сына тоже. Когда он скользнул под простыню и обнял ее, то почувствовал такой стыд, какого никогда не испытывал ни с одной из проституток.

* * *

Захария не мог спать. Он продолжал думать о своем друге, который утопился в Ниле. Приняли его небеса или нет? Захария раздумывал об этом, спускаясь в сад, чтобы найти хоть какую-то свежесть и прохладу в жаркой августовской ночи. Предстал ли сегодня Латиф перед лицом Всемогущего?

Он пригляделся и заметил Тахию, сидящую здесь, озаренную лунным светом. Скорбь по Латифу мгновенно улетучилась, и он подумал: «Она — мираж, дрожащий в пустыне страстного ожидания!»

— Могу я сесть рядом с тобой? — спросил он.

Она улыбнулась в ответ и указала на место рядом с собой на мраморной скамье.

Он начал тихо напевать известную песенку о любви: «Яа-нуури, ты — мой свет».

Когда она расплакалась, он испугался:

— Что такое? Что случилось?

— Я буду скучать по Мишмиш! О, Закки! Мы ведь росли вместе! Мы все разойдемся и никогда больше не увидимся! Наше счастье покинет нас! Мы никогда больше не будем вместе играть в нашем саду!

Он неловко потянулся к ней и был удивлен, когда она обняла его и зарылась лицом у него на груди, поливая ее своими слезами. Он прижал ее к себе и стал говорить ей что-то утешительное, называя ее Катр аль-Нана, прекрасная розинка, трогая ее волосы, изумляясь их мягкости. Тахия была такой теплой и такой податливой в его объятиях, что чувства полностью заполонили его.

— Я люблю тебя, — выдавил он. — Ангелы должны были возрадоваться, когда ты родилась.

Потом его губы нашли ее губы, и он почувствовал, какие они мягкие и зовущие. Он хотел большего, но остановился на одном поцелуе. Когда он и Тахия будут заниматься любовью, то это будет так, как велел Аллах, ведь записано в Коране, когда они станут супругами.

— Я поговорю с уммой, — сказал он, держа ее лицо в своих ладонях и думая о том, как лунный свет превращает ее слезы в бриллианты, — мы будем так же счастливы, как Омар и Ясмина.

* * *

Ясмина рассматривала спящего Омара и думала о том, как странно быть в постели со своим двоюродным братом, мальчиком, который рос вместе с ними. Занятия любовью были очень приятными, они смеялись, это было очень забавно, но ей было любопытно, когда же придет подлинная страсть, о которой так много говорилось в песнях и фильмах.

Тихо встав с постели, она подошла к окну и выглянула на улицу. Она никогда еще не была так счастлива. Свадьба была прекрасна, а теперь она была в своем собственном доме! Но все ее мысли в этот душный летний вечер были заняты одним: словами, которые ее отец произнес несколько недель назад, когда она вернулась домой из Красного Креста.

— Возможно, однажды ты будешь работать со мной в моем кабинете, — сказал тогда Ибрагим. — Я сделаю из тебя хорошую медсестру.

Но, обняв себя за плечи, все еще согретые любовью Омара, Ясмина подумала:

«Нет, не медсестрой — я стану врачом».

19

Первой мыслью Камелии, когда она увидела этого человека, было, что он очень красив. Второй — любопытство: женат ли он?

Он был правительственным цензором, работавшим в студиях «Саба» и следившим за тем, чтобы в новом фильме Хакима Рауфа не было сцен, показывающих нищету, недовольство политическим курсом страны, или, как в данном случае, чтобы в кадре не был виден пупок Дахибы. Камелия старалась не слишком откровенно разглядывать его, стоя в стороне от

камер и съемочной группы, в то время как Хаким давал указания своим актерам. Это был четвертый раз, когда Дахиба пригласила ее на съемки, и всякий раз семнадцатилетняя девушка думала, что она просто упадет в обморок от блеска зрелища. Но в этот бурный день декабря Камелия была возбуждена еще сильнее, чем всегда, потому что шла неделя Мулид аль-Наби, девятидневного праздника в честь дня рождения Пророка, время, когда люди покупают новую одежду, обмениваются подарками, запускают фейерверки и поедают горы сладостей. В качестве особого угощения муж Дахибы приказал устроить стол со сладкими десертами прямо в студии. Стол был уставлен пирожками, пирожными, фруктами и «сладким мясом», любимым кушаньем, которое называлось еще «дворцовый хлеб» и которое делали из высушенных ломтиков хлеба, обжаренных в масле, а затем пропитанных медом и покрытых сверху слоем сливок.

Камелия видела, как привлекательный правительственный цензор положил себе в тарелку горку фиников, начиненных засахаренными корочками апельсинов, а затем положил несколько ложечек сахара в свой кофе. Ей было интересно, заметил ли он ее.

Конечно, она не могла даже мечтать о том, чтобы подойти к нему и заговорить, да и сама она была бы шокирована и даже оскорблена, если бы он просто приблизился к ней. Но ей очень хотелось поймать на себе его взгляд. Если бы только ей разрешали одеваться немного более привлекательно! Но умма всегда следила за тем, чтобы ее девочки выходили из дома скромно одетыми, а это означало, что рукава блузок должны были быть длинными, юбки доходить до самых щиколоток, блузки застегнуты на все пуговицы, до самой шеи. Амира всегда дополнительно проверяла, чтобы она надела шарф, который скрывал от взглядов ее длинные черные волосы, так как они могли, как она заявляла, стать искушением для мужчин. Но Камелия всегда сбрасывала его, как только выходила из поля зрения бабушки и удалялась с улицы Райских Дев. Она считала, что это нечестно, что ее брат и двоюродные братья могут носить все, что захотят, как будто бы только женщины могли вызвать искушение. И, кроме того, Камелия недоумевала: неужели мужчины настолько слабы, что теряют всякий контроль над собой при виде локона волос? Девочки в школе шутили над этим, они говорили, что

мужчины — очень глупые существа, если приходят в возбуждение при виде женских ног. Но, в конце концов, Амира позволила ей пользоваться косметикой, поскольку она сама каждое утро проводила у своего туалетного столика перед тем, как присоединиться к семье за завтраком. Тогда Камелия начала аккуратно подводить свои янтарные глаза краской, подкрашивать свои красиво изогнутые черные брови и наносить дымчато-красную помаду, которая очень хорошо сочеталась с ее оливковой кожей. Интересно, заметил ли правительственный цензор, как она хороша?

Хаким Рауф воскликнул:

— Мотор!

И Дахиба начала танцевать, а цензор — внимательно следить за ней. Сцена происходила в ночном клубе, Дахиба выступала в роли танцовщицы, которая изображала, что не замечает своего флиртующего мужа, сидящего среди публики с недовольным выражением лица. Еще одна комедия. Рауф как-то раз жаловался Камелии, что человек, столь блестящий, как Насер — «мужчина с головой Саида Хусейна, который отгрузил пятьдесят тысяч транзисторных радиоприемников, настроенных на радио Каира, в горнодобывающие районы Ближнего Востока!» — вводит контроль над фильмами, который практически гарантирует провал. Муж Дахибы часто ворчал о том, что он соберет вещички и переедет в Ливан, где у них будет больше свободы и возможностей раскрыть свой творческий потенциал.

Он крикнул:

— Снято!

А затем позвал кого-то из костюмеров, чтобы они проверили, все ли в порядке с костюмом Дахибы. Потом он подошел к своей жене, которая была выше его, а сейчас это было особенно заметно, потому что она была на высоких каблуках, и что-то пробормотал ей на ухо. Она улыбнулась.

Камелии очень нравилось смотреть на Дахибу с ее мужем. Они были очень необычной парой: она, такая высокая, грациозная и элегантная, и он, маленький, толстенький, неаккуратный. Но они были буквально созданы друг для друга. Родители Дахибы погибли во время кораблекрушения, когда ей было семнадцать лет, оставив ее без семьи, поэтому она была свободна в выборе своего мужа. Она выбрала Хакима Рауфа, и они были вместе последние двадцать лет.

«Это именно то, чего я хочу, — решила Камелия, снова бросив взгляд на цензора. — Я собираюсь сама выбрать себе мужа, и мы будем счастливыми и немного сумасшедшими друг от друга. Будут и дети», — пообещала себе Камелия, потому что Дахиба заверила ее, что можно заводить детей и продолжать карьеру.

Пока она рассматривала красивого цензора, он вдруг взглянул в ее сторону и задержал свой взгляд на ее глазах немного дольше, чем это было уместно, а затем отвел глаза в сторону. Камелия почувствовала, что ее сердце вот-вот вырвется из груди.

Наконец эпизод был снят, съемка на сегодня завершилась. Пока Камелия надевала свое пальто и брала в руки сумочку и книги из библиотеки, она заметила, что Дахиба вовлекла цензора в разговор. Он спросил ее о чем-то, и она улыбнулась, покачивая головой. Потом он взглянул на свои часы и кивнул.

— Ну, что ты думаешь об этой сцене? — спросила Дахиба, когда подошла к Камелии и положила ей руку на плечо.

— Вы были прекрасны! Он не мог оторвать от вас взгляда, — сказала Камелия, кивнув в сторону цензора.

— Конечно, не мог, моя дорогая. Это его работа! Он должен убедиться, что я не танцую слишком провокационно. И, кроме того, я пригласила его к нам на чай сегодня.

— Неужели? И он согласился?

— Он спросил меня, не моя ли ты дочь. И я сказала ему, что ты моя ученица.

— Но он придет на чай?

— Он спрашивал, будешь ли ты там. Когда я сказала, что да, он согласился.

— Я просто сойду с ума от радости!

— В четыре часа, моя дорогая. Не опаздывай.

Камелия чуть не бежала всю дорогу домой, мысленно она перебирала свой гардероб, чтобы решить, что надеть. Она знала, каким будет это чаепитие: он изобразит удивление, увидев ее, а затем, как это принято, позаботится о том, чтобы всю оставшуюся часть визита не проявлять к ней интереса. Если он примет приглашение на чай во второй раз, то это будет означать, что она ему понравилась, и им будет позволено обмениваться несколькими словами под бдительным взором Дахибы. Может быть, он примет приглашение и в тре-

тий раз, и тогда это будет обед, и Камелии позволят сесть рядом с ним, и они смогут немного поговорить. А может быть, они смогут поехать на пикник или на концерт с Дахибой и Рауфом в качестве сопровождающих. Мысли Камелии перескакивали с одной возможности на другую.

Когда она добралась до дома, пошел мелкий дождик, и она застала большинство женщин на большой кухне — они болтали, смеялись и готовили еду.

Она заметила, что Амира готовит сахарных кукол, традиционное угощение для детей на день рождения Пророка. Тетушка Алиса тоже была здесь, ее щеки пылали румянцем, светлые волосы были заколоты назад гребешками, и она готовила английский пудинг для Рождества. Поскольку день рождения Пророка Магомета в этом году совпадал с Рождеством Христовым, что бывает всего лишь один раз в тридцать три года, в эти дни в доме отмечались двойные торжества, было вдвое больше суеты и радостного предвкушения. Тетушка Алиса развесит рождественские украшения, установит маленькое деревце, которое она станет наряжать мишурой и под которым расположит фигурки, символизирующие Рождество Иисуса. Потом она расскажет детям историю рождения Иисуса. Они все хорошо знали эту историю, так как о рождении Девы Марии говорилось и в Коране; в Каире также находилось древнее дерево, под которым Иосиф и Мария отдыхали во время своего бегства в Египет. Когда Камелия заметила Мариям Мисрахи на кухне, она вспомнила, что еще и третий праздник приходится на эти дни — Ханука. Тетушка Мариям принесла с собой особый хароссет — десерт из фиников и изюма, который она всегда готовила на еврейский праздник Огней. Он праздновался в память о возвращении Храма в Иерусалиме, того самого места, из которого Магомет направился на небеса, чтобы получить пять столпов ислама из рук самого Аллаха. Вид всей этой суеты и бурной деятельности на кухне заставил Камелию задуматься о том, что совпадение трех священных праздников могло означать, что это самая священная неделя в году.

Она сняла шарф, который повязала на голову перед тем, как войти на улицу Райских Дев, быстро поприветствовала всех и ухватила с тарелки пирожное с абрикосом.

— Вот и ты, Лили, — сказала Амира, — ты взяла книги, которые тебе были нужны?

Камелия сказала своей матери, что собирается в библиотеку, чтобы отыскать некоторые книги для уроков арабской литературы. Она не упомянула, что потом зайдет на студию «Саба».

— Благодарение Аллаху. Я нашла две из них. У меня сегодня большое домашнее задание!

— Ты взяла такси, как я просила?

Камелия вздохнула. Умма совсем недавно стала разрешать девочкам ходить одним без сопровождения мужчин, допущение, которое она сделала не без колебаний и очень неохотно. Но, поскольку Тахия и Камелия ходили в школу вместе с двумя дочерьми Ханиды, девочкой Райи, а двойняшки Зубайды работали машинистками в газете «Аль Ахрам», нужда заставила Амиру предоставить им большую независимость.

— На улице так холодно, умма, и это так бодрит, — сказала Камелия, — что я решила пройтись. Но ничего не случилось, — быстро добавила она, когда заметила вопросительный взгляд бабушки. Для уммы с ее устаревшими взглядами улицы Каира представляли собой скопище грехов и соблазнов, которые угрожают чести молодой девушки. Но пока Камелия шла от студии, случилась только одна неприятность: деревенские парни в галабях забросали ее камешками и по-всякому обзывали ее. Камелия полностью игнорировала их, как она всегда делала. Но, за исключением этого эпизода, дорога домой была не богата событиями. Да и, в конечном счете, что, собственно, может случиться с ней на запруженных толпой улицах средь бела дня?

— У меня для тебя прекрасная новость! — сказала Амира, вытирая руки о фартук, который защищал ее шелковую блузку. — Я хочу позвонить твоей преподавательнице из балетной школы и отменить твой сегодняшний урок во второй половине дня. Мы удостоились чести принимать важного гостя.

Камелия устала на нее. Амира не знала о ее тайных уроках танцев с Дахибой, а уроки балета были удобной отговоркой. В этот день урок балета должен был послужить отговоркой для того, чтобы прийти на чай к Дахибе, где будет правительственный цензор!

— Но мадам это не понравится, — быстро сказала она, ссылаясь на директора Академии балета. — Мадам очень сердится, когда...

— Глупости, — сказала Амира. — Ты не пропустила ни одного занятия за год. Один раз ничего не изменит. Мне самой позвонить ей?

— А кто этот гость, умма?

Амира с гордостью усмехнулась:

— Это наш дальний родственник, Джамаль Рашид. И он придет, чтобы поговорить с тобой, внучка моего сердца.

Мариям подняла свой стакан с чаем и сказала:

— Твое здоровье, моя дорогая!

Камелия смотрела на свою бабушку и тетю Мариям с недоверием. Потом она припомнила, что Джамаль Рашид заходил к ним несколько раз, чтобы навестить Амиру, как думала Камелия. Но теперь она с ужасом поняла, что его целью было присмотреться к ней.

— Смотрите, как она удивлена, — сказала, смеясь, Мариям. — Тебе, Лили, девочка моя, повезло. Джамаль Рашид — богатый человек. Он известен своей набожностью и своей добротой.

— Но, тетушка, — вскричала Камелия, — я не хочу выходить замуж!

Амира улыбнулась:

— Да что ты такое говоришь? Джамаль Рашид — хороший человек, и он прекрасно обеспечен. У него даже есть няня для его детей, так что никто не ждет, чтобы ты о них заботилась.

— Дело не в Джамале Рашиде, умма! Мне не нужен никакой мужчина! Я просто не собираюсь замуж прямо сейчас!

— Во имя Аллаха, почему же нет?

— Я не могу, вот и все! — сказала Камелия. — И не сейчас!

— Да что это с тобой? Конечно, ты выйдешь замуж за мистера Рашида. Твой отец и он только что подписали брачный контракт.

— О, умма! Как ты могла?!

И, к удивлению всех присутствующих, Камелия выбежала из кухни через входную дверь и громко захлопнула ее.

Она пробежала всю дорогу до дома Дахибы под дождем, ворвалась в двери подъезда и пролетела мимо удивленного привратника. Когда она помчалась по ступенькам наверх, он сказал:

— Подождите, — но было уже слишком поздно. Камелия не заметила женщину, которая мыла мраморные ступеньки, и они все еще были влажными. Камелия почувствовала, что

падает, и, когда она упала, ее лодыжка застряла между стальными прутьями, так что одна ее нога оказалась вверх, а другая вниз.

Все подбежали, чтобы помочь ей, и кто-то позвонил в пентхаус Дахибе. Несколько минут спустя оглушенная Камелия, хромая, добралась до квартиры своей учительницы, стараясь сдержать слезы.

— Бедное дитя, — сказала Дахиба, помогая ей добраться до софы. — Что случилось? Позвать врача?

— Нет, со мной все в порядке.

— Но что случилось? Привратник сказал, что ты вбежала в холл, как будто бы тебя преследовали джинны.

— Я была так расстроена! Умма сказала мне, что меня обручили со стариком, у которого шестеро детей! Она говорит, что я должна выйти за него замуж! Но я хочу стать танцовщицей!

Дахиба обняла ее за плечи и сказала:

— Пойдем, выпьем чаю и обсудим все это.

Но, когда девушка поднялась и Дахиба заметила пятно крови на диване, она спросила:

— У тебя сейчас не месячные?

Камелия замерла:

— Нет.

— Иди-ка в ванную и проверь.

Камелия вернулась через минуту и сказала:

— Да нет ничего, просто пятнышко.

— Расскажи мне еще раз, как ты упала.

Когда Камелия сделала жест руками, как будто режет что-то ножницами, Дахиба сказала:

— Послушай меня, девочка. Ты немедленно должна вернуться домой и рассказать об этом своей бабушке. Расскажи ей, что случилось. Расскажи ей, как ты упала.

— Я не могу сказать ей, что была здесь!

— Тогда скажи ей, что ты упала на улице. Но ты должна сказать об этом как можно быстрее. Иди быстро. Поторопись.

— Но почему? Я же сказала вам, что со мной все в порядке. У меня ничего нигде не болит. И человек из правительства вот-вот придет сюда на чай!

— Не думай о нем. Делай то, что я тебе велю. Твоя бабушка должна знать.

Камелия пришла домой, испуганная и смущенная, и когда нашла Амиру в саду, сердито глядящую на нее из-под зонтика, сказала:

— Прости меня, умма. Мне не надо было убегать от тебя таким образом. Пожалуйста, прости меня.

— Бог простит. Входи, твоя одежда промокла. Где ты научилась такому неуважению?

— Прости меня, умма. Я не могу выйти замуж за Джамаля Рашида.

Амира вздохнула.

— Мы еще поговорим об этом, — сказала она и, повернувшись спиной, направилась к дому.

— Умма, — выпалила Камелия. — Со мной произошел несчастный случай.

— Несчастный случай? Какой несчастный случай?

Она описала улицу, забитый людьми скользкий тротуар.

— Мои ноги сделали такое движение, — и Камелия показала на пальцах. — А затем появилось пятно крови.

Амира задала ей те же самые вопросы, что и Дахиба — нет ли у нее месячных, а когда Камелия сказала, что они были две недели тому назад, взгляд Амиры стал очень серьезным.

— Что такое, умма? — с тревогой спросила Камелия. — Что случилось со мной?

— Доверься Аллаху, детка. Только он может позаботиться о тебе. Но мы обязаны сказать твоему отцу.

Ибрагим пребывал в столь глубокой депрессии после разрыва помолвки с Хасаном, что Амира не хотела, чтобы он порвал еще один договор.

Она знала, что делать. В Каире были хирурги, которые специализировались на таких случаях. Это были мужчины, готовые сохранить все в секрете за очень большие деньги.

* * *

Приемная хирурга была на улице 26 июля. Амире сказали по телефону, чтобы она приехала после вечерней молитвы и привезла с собой деньги, и теперь они с Камелией взбирались по ступенькам вверх в квартиру на четвертом этаже. Амира держала Камелию за руку, когда стучала в дверь, затем женщина средних лет в чистом фартуке, как у мясника, открыла им, и Амира тихо сказала:

— Скажите доктору аль-Малакиму, что мы здесь.

К большому удивлению Амиры, женщина сказала, что она и есть доктор аль-Малаким, и открыла дверь, чтобы они вошли.

Их провели через гостиную, в которой горела только одна лампа; Амира заметила скромную обстановку, обои в цветочек, семейные фотографии, расставленные на телевизоре. Сильно пахло луком и жареным барашком, и все это смешивалось с запахом дезинфекции. Женщина провела их за занавеску в спальню; чистая белая простыня была тщательно натянута на кровати и Амира заметила под ней резиновую клеенку.

— Ложись сюда, саида, — сказала доктор аль-Малаким, направляясь к маленькому столику, на котором были разложены тампоны, шприцы, металлические коробочки с хирургическим инструментом в зеленоватом растворе.

Камелия вздрогнула.

— Ей надо только снять трусики и больше ничего.

— А это не больно? — спросила Амира. — Вы говорили по телефону, что ей не будет больно.

Женщина посмотрела на Амиру, с улыбкой успокаивая ее:

— Пожалуйста, поверьте, саида. Бог наградил меня этим умением. Я сделаю ей анестезию. Может быть, вы хотите подождать снаружи?

Но Амира устроилась на краешке постели и взяла Камелию за руки.

— Все будет хорошо, — сказала она испуганной девушке. — Мы поедем домой уже через несколько минут.

Доктор придвинула табурет к концу постели, направила лампу и сказала мягким голосом:

— Расскажи мне, что произошло.

Когда Амира повторила то, что рассказала ей Камелия, женщина потянулась за шприцем и сказала:

— А теперь, детка, я сделаю тебе укол. Начните читать Фатиху, очень медленно.

* * *

— Что она сделала со мной, умма? — спросила Камелия, когда они вышли из такси. Ее немного качало от анестезии, и она чувствовала, как ей мешает большой тампон между ног. Амира помогла ей войти в дом и подняться в спальню, к счастью, они никого не встретили по дороге.

— Когда ты упала. — сказала она, помогая Камелии надеть ночную рубашку, — твоя девственная плева разорва-

лась. Иногда такое случается. У некоторых девушек эта мембрана очень хрупкая. Но есть врачи, которые знают, как восстановить ее, так, чтобы в твою первую брачную ночь ты все еще была нетронутой и таким образом честь семьи была бы сохранена, детка. Именно это сделала доктор аль-Малаким.

Камелии стало стыдно, непонятно, почему.

— Но я не сделала ничего дурного, умма. Со мной случилось несчастье, и это все! Я все еще девственница.

— Но в такой ситуации этому нет доказательств. В ночь твоей свадьбы, если не будет крови, Джамаль Рашид откажется от тебя и наша семья будет обесчещена. Но теперь все восстановлено, и никто не должен знать о нашем визите к доктору аль-Малаким. Теперь спи, моя дорогая, и думай о Боге и о покое в Его мире. Завтра ты забудешь обо всем этом.

Но Камелия не сомкнула глаз еще очень долго, ожидая, что боль утихнет. Когда ей становилось хуже, она ничего не говорила, боясь выдать секрет. И когда она проснулась с температурой на следующее утро, она так и продолжала хранить свой секрет. Но, когда она упала в обморок на кухне в тот же вечер и Амира почувствовала, как пылает ее голова, женщины позвали Ибрагима.

Тогда Амире пришлось рассказать ему обо всем, что они сделали.

— Ей внесли инфекцию, которая теперь распространилась на живот, — озабоченно произнес Ибрагим. — Я должен отправить ее в больницу.

* * *

Камелия провела почти две недели в больнице Каср Эль Аини, и, когда ее состояние стало менее угрожающим, к ней пришли посетители. В семье не знали о ее падении и о незаконной операции по восстановлению ее девственной плевы; им сказали, что у нее была обычная лихорадка. Тети и дяди из клана Рашидов, двоюродные братья и сестры приходили с цветами и гостинцами и проводили целые дни, расположившись лагерем в палате Камелии, бродили по коридору. Дахиба посылала ей цветы и открытки, говорила с ней по телефону.

— Я не смогу прийти, потому что твоя семья будет поставлена в неловкое положение, когда они встретят у тебя танцовщицу. Поправляйся быстрее, моя дорогая. Хаким пе-

реживает за твое здоровье. И мистер Сайед, правительственный цензор, тоже спрашивал о тебе.

В то утро, когда Камелию выписали из больницы, Ибрагим сказал Амуре:

— Поскольку из-за инфекции появились рубцы, она никогда не сможет родить ребенка.

Он не мог заставить себя смотреть на Камелию. Теперь он думал: «Неужели я лишусь и внуков тоже?»

Когда ее привезли домой из больницы, семья выражала ей соболезнования, как будто бы кто-то умер. Они окружили ее заботами и высказывали ей свое сочувствие и сострадание, потому что Джамаль Рашид разорвал их помолвку, а это было знаком того, что ни один мужчина больше никогда не пожелает взять ее в жены. Тети и двоюродные сестры плакали по своей бедной сестре, для которой теперь в обществе не было места, потому что она не могла стать ни женой, ни матерью и теперь была обречена вести жизнь старой девы.

Когда Амира осталась с ней наедине, она сказала:

— Не пугайся. Я позабочусь о тебе, внучка моего сердца. Пока ты жива, у тебя будет родной очаг в этом доме.

Камелия подумала о женщинах, которые жили здесь, когда она росла, нежеланных, никчемных, вычеркнутых из жизни, о тех, которые стали бесполезными, и о тех, которые были запятнаны. Все они собирались под кров Амиры, как испуганные птицы.

— Почему так случилось, умма? Я не сделала ничего плохого.

— Такова воля Аллаха, внучка моего сердца. Мы не должны задавать вопросы. Каждый наш шаг, каждый вздох предначертан нам Создателем. Постарайся смириться с мыслью, что твоя судьба в руках милостивого владыки.

Умма всегда была права: Камелия должна положиться на милость Аллаха. И она представила себе красивого правительственного цензора, которого она так никогда и не узнает.

20

Это была мистическая ночь Лайлат аль-Мирай, праздника в честь часа, когда пророк Магомет прилетел по небу на белом коне с крыльями из Аравии в Иерусалим: здесь он должен был вознестись на небо, чтобы получить пять ежедневных молитв

из уст самого Аллаха. Ветер хамсин со стоном продувал темные улицы Каира, закрывая уличные лампы и огни чадрой из песка, старые деревянные жалюзи машрабийи дома Рашидов стучали и скрипели, а старинные медные масляные лампы, недавно переделанные под электрические, раскачивались на своих элегантных цепях. Двадцать шесть членов семьи, включая слуг, которые постоянно жили в доме, собрались в салоне, где Ибрагим руководил их молитвами.

Амира сидела с накинута на лицо черной чадрой, вслушиваясь в ритмичное чтение Корана, но ей было трудно сосредоточиться на молитве. «Где же, — думала она, — Омар и Ясмينا в эту особенную ночь, когда вся семья собирается вместе для духовного общения?»

* * *

За стенами дома, на улицах, где хлопали двери и стучали жалюзи от свирепого ветра, пришедшего из пустыни и проносящегося по пустым улицам и извилистым переулкам, Ясмينا пробиралась вперед, придерживаясь рукой за стены домов. Транспорт не ходил, на улицах было совсем мало прохожих; она чувствовала себя совсем одинокой и брошенной в целом мире хаоса. Но она продолжала с упорством продвигаться вперед, ее пальто было плотно запахнуто вокруг раздувшегося тела, покрывало заслоняло лицо, чтобы летящий песок не забивался в глаза и ноздри. Она шла с трудом, ей было очень больно.

Омар избил ее так сильно, что она боялась, что он собирается навредить и ей, и еще неродившемуся ребенку, поэтому она сбежала. Пока она, спотыкаясь, брела сквозь ветреную ночь, когда каждый шаг казался ей целой милей, а каждый вздох приносил все большую боль, она молилась о том, чтобы суметь добраться до улицы Райских Дев, где, как она знала, она найдет сияющие огнями окна, приют, ласку и безопасность.

* * *

Внутри дома в теплом салоне Ибрагим продолжал руководить молитвой, и пока Камелия вместе с остальными повторяла стихи, ее мысли все время возвращались к тому, что скоро ей будет восемнадцать лет, всего лишь через месяц. Но будущее не сулило ей радостей. Все четыре месяца после несчастья она не танцевала с Дахибой. Она перестала ходить в школу и в балет-

ную Академию и не виделась ни с одной из своих подруг. Она решила, что превратится в одну из засидевшихся в старых девах тетушек, в женщину, которая могла существовать только на периферии жизни других людей. Но, по крайней мере, у Зу Зу, например, были воспоминания, которые поддерживали ее, воспоминания о ее любовнике-цыгане и о приключениях, которые она пережила, сумев обмануть торговцев рабами и сбежать от них. А какие воспоминания есть у Камелии, кроме фантазий о чаепитии с красивым правительственным цензором?

Даже Ибрагим, зачитывающий главы Корана, не вслушивался в священные слова, которые сам произносил. Он читал механически, а мысли его были заняты отпрысками и наследниками. Его надежды на то, что Алиса забеременеет, пока не оправдались. Но теперь у него появилась новая надежда — ребенок Ясины должен был появиться на свет в этом месяце. Будет ли Ибрагим награжден свыше внуком?

Молитвы закончились, и пришло время рассказать историю о том, как Магомет был вознесен на небо на своем крылатом белом коне, и Аллах велел, чтобы верующие молились пятьдесят раз в день, но пророк Мусса вмешался и уговорил Магомета попросить Аллаха сократить это число до пяти. Пока Ибрагим рассказывал предание, он смотрел на Алису, которая сидела, держа в руках Библию. Воспоминания о том, как редко они проводили время вместе в последние месяцы, когда он давал ей коньяк с подмешанным в него зельем, наполняли его таким чувством вины и стыда, что он поклялся себе: больше никаких уловок, чтобы заставить ее забеременеть. Он доверит дело о сыне промыслу Аллаха.

Неожиданно раздался слабый стук в дверь внизу, и спустя мгновение слуга помог Ясине войти в салон. Она упала на диван, и вся семья столпилась вокруг нее.

Алиса протиснулась вперед и обняла свою дочь:

— Детка моя, детка! — сказала она. — Что случилось?

Ясина произнесла:

— Омар, — и вскрикнула от боли.

Амира обернулась к Ибрагиму и велела:

— Пошли за Омаром!

Но Ясина вскрикнула:

— Нет! Не зовите Омара! Пожалуйста...

Ибрагим сел рядом с ней:

— Скажи мне, что случилось. Он побил тебя?

Когда Ясмина увидела гнев в глазах отца, она вдруг испугалась за Омара и, несмотря на свою боль, смутилась:

— Нет... это ничего. Это я виновата.

Но теперь, когда она была здесь в безопасности, Ясмина решила, что это действительно была ее вина. Она отвечала Омару, когда этого не стоило делать. Она заявила о своем намерении продолжить обучение: он не дал ей разрешения из-за ребенка. И Ясмина заявила, что она не подчинится. Тогда он избил ее.

— Все хорошо, папа, — сказала она. — Только позволь мне остаться здесь на некоторое время.

Потом появилась полиция с заявлением, что они явились для того, чтобы арестовать Ясмину Рашид за бегство от мужа.

Семья взорвалась криками возражений и протеста, половина из них выкрикивала оскорбления полицейским за то, что они делают подобные вещи в священную ночь праздника, а другие набросились на Ясмину — за то, что она сбежала от мужа, несмотря на то, насколько плохо Омар обращался с ней. Но у нее все равно не было никакого выбора, ей надо было возвращаться домой. Согласно Бейт эль-Таа — Уложению закона об обязанностях — у Омара было право отдать свою жену под арест за бегство, и, если это будет необходимым, закон позволял полицейским буквально притащить силой провинившуюся женщину к ее мужу.

Когда Ясмина отказалась добровольно последовать за офицерами, все ее тетки и двоюродные сестры взялись за руки и запричитали. Если соседи узнают об этом, то они станут обзывать Ясмину — нашиз, «уродкой», ярлыком, который навешивался на женщину, которая не подчинилась своему мужу.

— Тогда у нас нет выбора, — с извинениями произнес полицейский. И один из них протянул руку к Ясмине.

Она вскрикнула и упала на колени.

Ханейя сказала:

— Молитесь за нас! Девушка вот-вот родит!

— Самое подходящее время, Господь услышал нас, — спокойно сказала Амира, помогая Ясмине встать на ноги, — вот только немного рановато. Пойдем со мной, мы должны поторопиться. Пошлите за Кветтой.

Роды Ясмины были скорыми, ребенок появился на свет под пологом огромной постели Амиры, где рождались все поколения Рашидов. Это был мальчик, родившийся под Ан-

таресом, как объявила Кветта, двойной звездой в созвездии Скорпиона, на шестнадцатый лунный день. Домашние отпраздновали это, и Ибрагим улыбнулся в первый раз за много недель. Ясмина смотрела на своего малыша с огромной любовью, забыв о побоях, которые получила совсем недавно. Она произнесла:

— Я надеялась, что он подождет и родится в мой день рождения.

Ей должно было исполниться семнадцать лет.

Алиса и Ибрагим стояли возле ее постели, они смеялись со слезами на глазах.

— Я не могу поверить, что теперь я стала бабушкой, — смеясь, сказала Алиса. — Мне всего лишь тридцать восемь лет, а я — уже бабушка! Я должна поделиться с тобой секретом, дорогая, рассказать вам обоим.

Она взглянула на своего мужа и сказала:

— Я тоже собираюсь стать матерью. Я беременна.

— О, любовь моя! — воскликнул Ибрагим, заключая ее в свои объятия. — Не родился еще мужчина более счастливый, чем я!

Потом он присел на краешек кровати, взял руку дочери в свою и сказал:

— Действительно Аллах улыбнулся мне в ту ночь, когда ты родилась. А теперь ты подарила мне внука. И, Господь Всемогуший, у меня еще может быть сын, — добавил он, протягивая руку к Алисе. — Вы обе сделали меня совершенно счастливым!

* * *

Ясмина сидела у открытого окна своей квартиры, наблюдая за тем, как вспениваются воды Нила от силы хамсина, она качала на руках ребенка и чувствовала его тепло сквозь одеяло. Маленькие ручки, ножки, головка, мягкое тельце заставляли ее забыть о своих горестях. Хотя Омар и позволил ей остаться на улице Райских Дев после родов, в тот день, когда она вернулась домой с малышом на руках, он наказал ее. Но это было две недели тому назад, и с тех пор он не поднимал на нее руку. Ясмина молилась за то, что он не делает этого из-за ребенка; может быть, рождение малыша напомнило Омару о том, что у него теперь есть обязанности, может быть, он стал немного уважительнее относиться к Ясмине за то, что она родила ему сына.

Она прикинула, что по времени Омар еще несколько часов не появится дома, и ей пришла в голову идея. Она закутает ребенка, возьмет такси и съездит на улицу Райских Дев. Это будет ее первый официальный визит домой в роли матери. Она быстро собралась, смеясь от возбуждения, представив себе, какой теплый прием будет ей оказан, как ее будут обнимать и радоваться. Теперь она больше не одна из маленьких девочек в доме! Она уважаемая жена и мать.

Когда она подошла к двери, то обнаружила, что дверь не поддается, и это ее удивило, потому что это был совершенно новый дом и двери пока не должны были деформироваться. Она посильнее надавила и заметила, что дело вовсе не в том, что дверь плохо открывается: она просто заперта на замок. Омар, видимо, случайно захлопнул ее за собой, когда уходил в институт утром.

Сначала она порылась у себя в сумочке в поисках ключей, потом обыскала все другие места, куда могла их сунуть, но ключей нигде не было. Она досадовала на саму себя за то, что засунула ключ неизвестно куда. Тогда она решила позвонить по телефону домовладельцу, у которого был запасной ключ, но, когда подняла трубку, обнаружила, что телефон не работает. Она уставилась на бесполезную трубку у себя в руках, и ей внезапно стало холодно. Неужели Омар специально запер ее и отключил телефон? Нет, это было невозможно! Несмотря на всю его жестокость, которая проявлялась время от времени, Омар не мог бы зайти так далеко. Он просто запер дверь, не подумав, а телефоны в Каире по большей части были ненадежным видом связи. Ясмина опустила Мохаммеда обратно в его колыбельку и отправилась на кухню, чтобы приготовить ужин. Она все время старалась убедить себя в том, что, когда Омар вернется домой, он извинится и они вместе посмеются над всем этим недопониманием. Она решила приготовить его любимое блюдо: фаршированную баранью грудинку.

Но, как ни удивительно это было, Омар не пришел домой на ужин. Она просидела всю ночь, поджидая его, а когда он не пришел домой и на следующий день, тревога Ясины превратилась в страх. Он действительно запер ее и ушел! Она попыталась вскрыть замок, но была так напугана, что только оторвала ручку, которая развалилась на две части: одна оказалась внутри квартиры, другая снаружи.

В ярости она схватила молоток и отвертку и начала работать ими, пытаясь снять дверь с петель, но винты были замazаны многочисленными слоями краски. Она колотила в дверь и кричала, звала на помощь без всякой надежды; они с Омаром жили на последнем этаже, а соседи из двух квартир снизу были большую часть дня вне дома. И даже, если бы они и слышали ее, то не смогли бы ей помочь. Никто не вмешивается, когда муж воспитывает свою жену.

Когда Омар наконец вернулся домой к концу третьего дня, Ясмина уже почти обезумела от страха и беспокойства. Он хлопнул дверью, широко распахнув ее, и швырнул в нее ручку от двери.

— Что ты сделала с дверью?

— Тебя не было, я боялась...

— Тебе следовало преподать урок, Ясмина. Сначала ты бросаешь мне вызов, заявляя, что пойдешь в университет, когда я запретил тебе это. Потом ты оскорбляешь меня своим бегством. Все наши соседи знают об этом. Они смеются надо мной за моей спиной. Я собираюсь сделать из тебя послушную жену.

Когда он прошел по всей квартире, выкручивая лампочки и разбивая их, она следовала за ним по пятам, молясь о том, чтобы ребенок не проснулся.

— Что ты делаешь, Омар?

— Преподаю тебе урок, которого ты не забудешь.

Он оттолкнул ее, вырвал шнур от телевизора из розетки и оборвал его. То же самое он сделал и с радио, перебил все остальные лампочки в доме, так, что квартира погрузилась во мрак, затем подошел к двери и соединил снова половинки ручки.

— Подожди, — сказала Ясмина, когда он собрался уходить. — Не уходи. Пожалуйста, не бросай меня. У нас очень мало еды. Ребенку нужно...

Но дверь за ним захлопнулась, и она слышала, как поворачивается ключ в замке.

* * *

Когда она проснулась у двери квартиры — на полу, то сначала не могла понять, где она. Было темно; она была голодна, у нее болела голова. Потом Ясмина поняла, что каким-то образом заснула на полу гостиной. Наконец, она все вспомнила: Омар запер ее... сколько дней тому назад?

Почему он так поступает с ней? Почему много дней он был мил и приветлив с ней, а потом вдруг резко изменился? Чем она заслужила такое обращение?

Она пробиралась в темноте в ванную, а когда подняла Мохаммеда с кровати, его ротик немедленно принялся сосать ее грудь. Она задумалась, насколько еще ей хватит молока, чтобы прокормить его; она не ела с позавчерашнего дня. Потом она услышала стук и снова пробралась к входной двери.

— Заперто, — сказала она. — Кто там?

— Отойди назад, — услышала она голос Захарии, и в следующую минуту он выбил ногой дверь.

Камелия и Тахия бросились к ней.

— Бисмилля! — вскрикнули обе, когда увидели Ясмину. — Что здесь происходит?

— Он запер меня! — сказала Ясмина, а Тахия обняла ее за плечи.

— Мы пытались дозвониться тебе, — сказала Камелия, оглядывая темную квартиру. — Омар приходил домой, а когда мы его спрашивали о тебе, он говорил, что ты слишком занята с ребенком, чтобы прийти к нам. Я знала, что здесь что-то нечисто.

— Ты пойдешь с нами, — сказал Захария. — Собери ребенка.

Они действовали быстро, схватили одеяло и пальто Ясины, но, когда они собрались уходить, Омар стоял в дверях с грозным выражением лица:

— Что вы себе позволяете?

— Мы забираем свою сестру домой, — сказала Камелия. — Посмей только нас остановить!

— Убирайтесь из моего дома, вы все. Моя жена останется здесь!

Когда он схватил Ясмину за руку, Камелия сняла туфлю и стала колотить его по голове. Омар завыл и попытался защититься, а другие выбежали, забрав с собой Ясмину и ребенка.

Их приход вызвал большой переполох в семье на улице Райских Дев. Вся семья была шокирована видом Ясины, они пришли в ярость, когда услышали, что сделал Омар. Женщины отвели Ясмину с малышом в салон, все говорили одновременно, кричали, что Омара надо выпороть, требовали немедленно позвать его мать Нефиссу, которая была неизвестно где.

— Все адские костры на голову этого парня! — вопила Ханида.

— Где дядя Ибрагим? — кричал темпераментный племянник. — Он обязан разобраться во всем этом!

— У него нет власти, чтобы вершить суд, как у Аллаха, — мудро заметила тетя Фатима.

Амире понадобилось несколько минут, чтобы призвать всех к порядку, и, когда все успокоились, она сказала:

— Вершить суд — дело Аллаха. Теперь всем надо успокоиться. Райа, отправь всех отсюда прочь. Проследите, чтобы детей уложили спать. Вы, мальчики, тоже отправитесь в кровати. Тьюфик, проверь, чтобы палка дяди Карима стояла возле его постели. Теперь вы все разойдетесь по своим комнатам, и пусть покой снизойдет на этот дом.

Когда все ушли и в доме стало тихо, Амира мягко сказала:

— Ты должна вернуться в свой дом и исправить отношения со своим мужем, Ясмينا. Ты теперь жена, у тебя есть обязанности по отношению к мужу.

— Он делает со мной ужасные вещи, умма! За что? Как он может так поступать?

Амира погладила Ясмину по голове, отбросила волосы с лица и сказала:

— Омар всегда был испорченным мальчишкой. Он такой же, как его отец, который умер до того, как вы родились. Может быть, это у него в крови, я не знаю. Но всегда помни, что хорошая жена служит чадрой для всех семейных тайн.

* * *

Омар явился и потребовал встречи с Ясминой. Ибрагим провел его в маленькую приемную, закрыл дверь, взглянул ему прямо в лицо и спокойно приказал ему больше не запираť свою жену.

Он засмеялся:

— Это мое право, дядя. По закону муж может запираť свою жену, если захочет, чтобы не дать ей сбежать. И ты не можешь вмешиваться!

Но Ибрагим произнес с угрозой в голосе:

— Закон не может защитить Ясмину, но я смогу. Если ты снова станешь обижать ее, если ты запрешь ее, или станешь ей угрожать, или делать ее несчастной, я прокляну тебя, Омар. Я вычеркну тебя из семьи, и ты больше не будешь мо-

им племянником, ты больше не будешь принадлежать к семье Рашидов!

Омар похолодел. Он знал, что у Ибрагима хватит власти, чтобы сделать это, чтобы сделать его невидимкой, так, как дедушка Али сделал с тетей Фатимой, чье имя было под запретом и чьи фотографии были уничтожены. По одному слову Али она просто перестала существовать. И то же самое произойдет и с ним.

Омар содрогнулся от ярости и страха, но постарался собраться и сдавленным голосом ответил:

— Да, дядя.

— А поскольку я не доверяю тебе, я стану звонить Ясмине каждый день. Я буду навещать ее раз в неделю, и она будет вольна приходить сюда с малышом, когда захочет. Ты не станешь останавливать ее, ты не будешь мешать ей. Это понятно?

Он кивнул головой:

— Да, дядя.

* * *

Камелия смотрела им вслед, когда они уходили, ее сердце стремилось вслед за Ясминой, потому что теперь на ней было клеймо даже по букве закона: она была нашиз — уродкой. Камелия вдруг поняла, что их положение было очень схожим. «Меня тоже теперь считают уродкой, — подумала она, — из-за несчастного случая; я тоже обречена на тюремное затворничество из-за людского невежества и предрассудков».

Камелия ощутила, как в ней растет волна странного, доселе неиспытанного чувства. Это было похоже на пробуждение ото сна, как будто бы она проспала все эти четыре месяца, а теперь только у нее раскрылись глаза. Она хотела побежать вслед за сестрой и вернуть ее, но закон был на стороне Омара. Камелию охватило чувство полной беспомощности, и оно вынудило ее пойти к бабушке, которую она застала за туалетным столиком. Бабушка готовилась ко сну.

— Я прошу разрешения поговорить с тобой, умма, — уважительно обратилась она к бабушке. — Я расстроена из-за Ясмینی и Омара.

Амира вздохнула. Бремя семьи!

— Они постараются приспособиться друг к другу, если на то будет воля Аллаха!

— Но закон несправедлив к женщинам, умма, — сказала Камелия, садясь на кровать. — Это нечестно — заставлять женщину оставаться в несчастливом браке.

— Законы придуманы для того, чтобы защитить женщину.

— Защита! При всем уважении к тебе, умма, заметь, что каждый день в газетах полно сообщений о грубом обращении с женщинами. Только сегодня я читала о молодой женщине из Каира, муж которой взял себе вторую жену. Он уехал из страны вместе с ней, бросив первую жену в одиночестве с маленьким ребенком на руках. Ее муж не выражает намерений вернуться в Египет, но он отказывается дать ей развод. Она даже посылала прошение о разводе в суд, чтобы потом ей можно было снова выйти замуж, но они ничего не сделали, потому что муж не согласился. Она написала мужу множество писем, а он так и не ответил. И теперь эта молодая женщина обречена жить в одиночестве всю жизнь только из-за эгоизма этого человека!

— Это единичный случай, — сказала Амира, расчесывая волосы.

— Да нет же, умма. Посмотри газеты сама. Ты слушаешь только радио, но в газетах полно подобных историй. Вот еще одна, о мужчине, который недавно умер. Во время его похорон выяснилось, что у него были еще три жены помимо первой, каждая в другом квартале города, и ни одна из них не знала о других. Каждая вдова считала, что получит все его наследство, а вместо этого все они должны разделить то немногое, что осталось после него.

— Он был нехорошим человеком.

— И я так думаю, умма. Он не был хорошим человеком, но у него было законное право иметь несколько жен и не проинформировать ни одну из них о том, что она не единственная! Закон несправедлив к женщинам. Он несправедлив к Ясмине. А что происходит со всеми этими бедными женщинами, у которых нет такой семьи, как у нас, которая может проследить за тем, чтобы их интересы соблюдались и чтобы помешать мужу-садисту избивать их?

— Во имя Аллаха, — сказала Амира, откладывая в сторону расческу и глядя прямо в лицо Камелии. — Я никогда не слышала, чтобы ты говорила подобным образом. Кто внушил тебе эти идеи?

Камелия удивилась, когда поняла, что повторяет слова Дахибы. В течение тех месяцев, когда она по секрету брала у нее уроки танцев, Камелия усвоила и ее взгляды на политику, и на жизнь, и на философию тоже.

Амира сказала:

— Ты не понимаешь, Лили. Ты слишком молода. Наши законы основаны на законах Господа, и мы руководствуемся заветами Аллаха, а Он может делать только хорошее, да будет Он благословен, Царь всех существ!

— Покажи мне, где написано, что мы должны переносить истязания.

Амира заговорила строже:

— Я не позволю тебе сомневаться в проявлениях слова Господа.

— Но свод законов о доме и обязанностях основывается вовсе не на слове Аллаха, умма! Пророк говорил нам, что никакую женщину нельзя заставлять вступать в брак вопреки ее воле.

— Зато написано, что жена должна быть послушна своему мужу.

— Это закон для женщин. Есть законы и для мужчин тоже, умма. Но эти законы мужчины, которые правят везде, игнорируют.

— Что ты такое говоришь?

Камелия начала подыскивать пример:

— Хорошо, ты заставляла нас одеваться скромно, потому что так предписывает Коран. И все же, когда мы подросли, ты позволила Омару и Закки одеваться и вести себя так, как им хочется.

— Это их право, они мужчины.

— Неужели? — Камелия направилась за Кораном, который стоял под портретом Али Рашида, подняла тяжелую книгу с ее деревянной подставки и начала листать страницы. — Вот, смотри, умма, прочти здесь. Глава двадцать четыре, тридцатый стих.

Амира взглянула вниз на страницу.

— Ты видишь, что я имею в виду?

Амира спокойно сказала:

— Я не пойму.

— Но это же совершенно ясно. — Камелия прочла пассаж: — «Скажите верующему мужчине, чтобы он опускал гла-

за и был скромнен. Это сохранит его в чистоте, Аллах видит то, что он делает». Видишь? Это то же самое правило, как и для женщин, но оно действует только в отношении женщин.

Камелия, к своему удивлению, заметила, что она опять цитирует Дахибу:

— Законы Аллаха справедливы, умма, но законы мужчин, которые они извлекли из Корана, несправедливы. Взгляни, я покажу тебе еще один пример.

Но, пока Камелия листала книгу в поисках еще одного примера, Амира снова повторила:

— Я не пойму.

— Принести тебе очки?

— Я имею в виду, Камелия, что я не умею читать. Я никогда не училась читать.

Камелия быстро села с изумленным выражением лица.

— Это всегда было моим позором, — добавила Амира, поднимаясь из-за стола. — Это было моей... уловкой. Но твой дедушка пересказывал мне слово Аллаха, и хотя я не умею читать, я хорошо знаю законы Господни.

— Ничего постыдного в том, что ты не умеешь читать, нет, — сказала наконец Камелия. — Даже сам пророк, Аллах да благословит его имя, не умел ни читать, ни писать. Но при всем уважении к тебе, умма, возможно, дедушка Али обучил тебя не всем законам.

— Быстро прочитай молитву, детка. Ты неуважительно отозвалась о своем дедушке, который был хорошим человеком.

Когда Камелия заметила выражение лица бабушки, гордость, от которой светилось ее лицо, ее живые глаза, она немедленно раскаялась. Но, как часто говаривала умма, слово не воробей, обратно не поймашь. Камелия сказала уже более спокойным тоном:

— Я уважаю твое достоинство и законы Аллаха, но законы человеческие несправедливы. Мне всего лишь восемнадцать лет, а я уже приговорена к жизни, которая больше похожа на смерть, потому что у меня не может быть детей. Я была наказана за что-то, чего я не понимаю. За что-то, что не имеет никакого отношения к чести, а всего лишь является физическим недостатком. Ты всегда учила нас, что Аллах единый справедлив и милосерден. Он говорил: «Я желаю вам радости». Умма, Ясмине должно быть разрешено развестись с Омаром.

— Когда женщина разводится со своим мужем, это становится позором для всей семьи.

— Но тетушка Зу Зу была разведена, а еще и тетушка Дорея, и тетушка Айша.

— Они всего лишь родственницы дедушки Али, у них нет прямых отпрысков. Внуки и внучки Али Рашида должны блюсти честь семьи.

Камелия взяла бабушку за руку и с жаром сказала:

— Поэтому во имя Аллаха мы должны страдать? Ясмина должна оставаться в ужасном браке из-за чести семьи? А из-за того, что та женщина с улицы 26 июля внесла мне инфекцию, я должна вести бесполезную жизнь ради чести семьи?

— Честь превыше всего, — мягко сказала Амира, и голова ее затряслась, — без чести мы ничто.

— Умма, — сказала Камелия, — ты была мне матерью, которая вырастила меня, рассказывала мне о Боге, учила меня отличать добро от зла. Я никогда не сомневалась в тебе и никогда не возражала тебе. Но должно быть, в жизни есть еще что-то помимо чести.

— Я не могу поверить, что внучка Али Рашида произносит эти слова! Или что она обращается с ними к своей бабушке. Я боюсь этих новых времен, когда девушка спорит со старшими, извращает слова Аллаха для того, чтобы подтвердить свою правоту.

Камелия стукнула себя по губам. А потом добавила:

— Я прошу у тебя прощения и твоего благословения, умма. Я должна найти свой путь, я должна прожить свою собственную жизнь. Сегодня я ухожу из дома, я должна найти себе место в жизни. Помолись за меня.

Долго еще после того, как Камелия вышла из ее комнаты, Амира стояла, скрывшись за жалюзи машрабийи, и видела, как ее внучка уходит вниз по улице с чемоданом. Она вспомнила о маленьком существе, которое она извлекла на свет в такую же ветреную ночь, как сегодня, восемнадцать лет назад.

В ту ночь Ибрагим проклял Создателя.

21

Захария видел ангелов.

Или так ему думалось, но грациозные создания, которые, казалось, прохали над ним в мягком золотистом свете, были

всего лишь Амирой и Сахрой — женщиной с кухни. Шла последняя неделя рамадана, месяца поста, и последнее, что помнил Захария, была невыносимая жара на кухне.

Он чувствовал, что его голову поддерживает чья-то рука, и что-то теплое и приятно пахнущее касается его губ.

— Выпей это, — услышал он.

После нескольких глотков в голове Захарии прояснилось. А когда он смог сфокусировать взгляд и заметил озабоченный вид бабушки, он спросил:

— Что случилось?

— Ты потерял сознание, Закки.

Когда он заметил чашку в руках Амиры и понял, что только что пил чай, он предпринял усилие, чтобы сесть.

— Который теперь час?

— Все в порядке, — мягко произнесла она. — Чай пить можно, солнце уже село. Вся семья в салоне, ужинает. Пойдем, ты сможешь присоединиться к ним.

Он сел и понял, что находится в своей собственной спальне. Затем он увидел Сахру, его старую заплаканную няньку, прячущуюся за спиной Амиры.

— Вы упали в обморок на кухне, молодой хозяин, — сказала она. — Мы принесли вас сюда.

Амира дала ему подзатыльник и спросила:

— Ты опять постился слишком усердно, Закки?

Он откинулся назад на свои подушки и подумал, что постится недостаточно. Теперь он хотел отказаться даже от чая. Вне зависимости от того, наступил уже закат или нет. Поняв, что месяц рамадан вскоре закончится и его пост и искупление грехов тоже подойдут к концу, Закки впал в панику. Так мало времени у него осталось, чтобы спасти себя!

Каждый день во время поста от восхода до заката семнадцатилетний юноша старался тщательно выполнять все заветы Пророка, отказываясь от пищи, воды, табака и даже одеколона, чтобы обуздать свои страсти, которые являются оружием в руках Сатаны. Все знают, что еда и питье умножают арсенал демонов, а воздержание удерживает врагов Аллаха в узде. Но во время рамадана важно не только стараться ограничивать себя в еде и питье, нужно соблюдать и духовный пост, который Захария старался исполнять как можно правильнее. Мысли мирские — это тоже часть воздержания. Всем своим существом надо проникнуться любовью к Аллаху, а каждый раз, ког-

да проглатываешь кусок хлеба, тем самым ты уничтожаешь все достижения физического поста, так же как нечистые мысли способны полностью отвлечь от духовного поста.

Каждый день этого священного для всех мусульман месяца Захария уничтожал свой духовный пост ненужными мыслями.

Амира сказала:

— Ты слишком усерден в посте, дитя. Запрещается поститься непрерывно, и все же я уверена, что именно это ты и делаешь. Аллах требует, чтобы мы держали себя в чистоте только от восхода до заката, а после заката мы можем есть согласно выбору своего сердца. Вспомни, что Аллах милосерден и милостив, что он наш кормилец.

Захария отвернулся. Умма даже не понимает. Он хотел быть благочестивым, он хотел, чтобы Аллах излил на него свою благодать, но он недостоин этого, потому что даже не смог изгнать из головы своих похотливых мыслей о Тахии. Легко воздерживаться от еды и питья; но его мысли предают его всякий раз, когда он смотрит на нее и вспоминает об их единственном поцелуе в ночь свадьбы Ясины.

— Что такое, мой дорогой? — спросила Амира. — Я чувствую, что что-то тебя тревожит. Это какая-то проблема в школе?

Он поднял свои зеленые глаза на Амиру и сказал:

— Я хочу жениться.

Амира удивленно посмотрела на него:

— Но тебе нет еще восемнадцати, Закки. У тебя нет профессии, у тебя не будет возможности содержать жену и семью.

— Ты позволила Омару жениться, а он все еще учится.

— У Омара есть наследство его отца. И ему остался только один год до окончания и получения работы в качестве инженера на государственной службе. Твое положение — совершенно иное.

— Тогда мы с Тахией сможем жить здесь, с вами, пока я не окончу институт.

Она села обратно:

— Тахия? Это она — та единственная, на которой ты хочешь жениться?

— О, умма, — с чувством произнес он. — Я сгораю от любви к ней!

.. Амира вздохнула, эти мальчишки — всегда-то они сгорают:
— Ты слишком молод, — повторила она. А потом неожиданно вспомнила, что Захарию нельзя считать в полном смысле слова Рашидом. Возможно ли, чтобы ему позволили жениться на Тахии?

* * *

Покинув Захарию, Амира поднялась на крышу и стала смотреть на мерцающие звезды. «Где-то там, — думала она, — была звезда, под которой родился Захария, но никто не знает, что это была за звезда. Так же, как и я не знаю звезду, под которой родилась».

Небо сияло.

«Как мы можем прокладывать свой путь, — задумалась она, когда звуки праздника со всех концов города достигли ее слуха. — Как мы узнаем, что нам сулит будущее, если мы не знаем своих звезд?»

Она подумала о снах, которые по-прежнему мучили ее, о том, как часто они появляются, насколько точны все детали этих снов: лагерь в пустыне, мать, теряющая своего ребенка, высокий нубиец в алом тюрбане. И снова задумалась о том, что же эти сны пытаются сказать ей. Это очень горькое чувство — одиночество, не знать ничего о своих родителях.

Захария хотел жениться на Тахии, но разумно ли будет допустить такой союз? Можно ли избежать бедствия, если выдать Тахию замуж за парня, происхождение которого никому не известно, чье будущее нельзя прочесть по звездам? Амира жалела юношу и хотела сделать его счастливым, но она понимала, что прежде всего ее долг велит ей устроить судьбу дочери своей дочери. Тахии нужна безопасность, ей нужен мужчина, на которого можно положиться, который уже заработал себе репутацию, честь которого ничем не запятнана.

И Амира точно знала, кто станет этим мужчиной; она уже изучила гороскоп Джамала Рашида, когда выбрала его для Камелии.

* * *

Звуки пушечных залпов и барабанов раздавались по всему городу, а когда официальный залп, означающий окончание праздника Рамадан, передали по каирскому радио, толпы лю-

дей в новых нарядах выплеснулись на улицы, чтобы сходить в гости к родственникам и передать подарки детям. Радостные трехдневные праздники Айд-ал-Фитр начались.

Захария и Тахия сидели в саду на той же самой мраморной скамье, где они обменялись своим первым поцелуем почти год назад. Они не разделяли радости праздника — Тахия была обручена с Джамалем Рашидом и должна была до конца месяца выйти за него замуж, переехать в его дом в Замалек. Она не испытывала воодушевления от всех этих перспектив. Но в отличие от Ясины и Камелии ей даже не приходило в голову, что она может послушаться умму и отказаться выходить замуж за господина Рашида.

Они сидели в молчании под горящими звездами и тонким серпом молодого месяца, держась за руки, вдыхая аромат жасмина и жимолости. Наконец Захария произнес:

— Я всегда буду любить тебя, Тахия. Я никогда не смогу полюбить другую женщину. Я никогда не женюсь, а вместо этого посвящу свою жизнь Аллаху.

Он сказал это, не зная, что повторил слова своего собственного отца, обращенные к Сахре на берегу Нила почти восемнадцать лет назад.

* * *

Ибрагим взглянул на женщину, лежащую в его постели, и решил, что она будет последней проституткой, с которой он встретился. После того как ему предсказали будущее три разных астролога и все сошлись на том, что ребенок Алисы будет мальчиком, Ибрагим решил, что он заплатил свой долг пребыванием в тюрьме, Аллах простил его за прошлое и теперь дарует ему новое начало жизни.

* * *

Первое, что заметила Нефисса в этом человеке, — его волосы. Они были немного поредевшие, но, без сомнения, светлые. И всякий раз, когда их взгляды встречались, Нефисса пыталась определить цвет его глаз — серые или голубые? Гости пришли на прием в честь известного журналиста, и Нефисса, которая была близкой подругой хозяйки — светской дамы, с которой познакомилась еще во времена короля Фарука, тоже была приглашена. Ей хотелось познакомиться с интересным мужчиной, но она все еще не могла оправить-

ся от оскорбительного отказа Хасана, хотя с того момента прошел уже год. Пока она раздумывала, что ей делать, хозяйка, острый глаз которой заметил обмен взглядами с обеих сторон и их молчаливую игру, подошла к Нефиссе и сказала тихим, заговорщическим тоном:

— Он профессор, преподает в американском университете. Он довольно симпатичный, на мой взгляд, но, что делает его еще более привлекательным, он холостяк. Могу я представить тебя ему, дорогая?

* * *

В клубе «Кейдж д'Ор» Камелия стояла позади сцены, в последний раз проверяя белую атласную галабею, которую она собиралась надеть для своего дебюта в качестве танцовщицы. В голове у нее пронеслась мысль о том, что ей бы хотелось, чтобы ее семья была здесь и посмотрела ее первое выступление перед публикой. Но в ночь, когда она покинула дом на улице Райских Дев, она была принята в семью Дахибы и Хакима, и теперь они стали ее семьей. И когда она наконец вышла на сцену, присоединяясь к Дахибе для их нового общего танца, Камелия почувствовала, что ее душа взмывает в небеса к ярко зажженным огням. Публика аплодировала и выкрикивала:

— Ялла!

Она улыбнулась и начала танцевать.

* * *

Ясмина прижала ребенка к груди и раскрыла книгу по биологии, которую Закки подарил ей на день рождения. Она едва взглянула на Омара, который вышел из спальни, сопровождаемый шлейфом запаха своего одеколона. Когда он сообщил, что снова уходит, она кивнула и перевернула страницу. Больше она его не боялась. Что бы там ни сказал ее отец Омару с глазу на глаз, это привело мужа в чувство. Он и теперь проводил свои ночи вне дома, с друзьями, но ей это было безразлично. У нее был Мохаммед — центр ее вселенной, и у нее были книги. Когда-нибудь, как она про себя решила, она снова станет ходить в университет. Она собирается обрести независимость. И это было одной из причин того, почему, в те редкие дни, когда Омар возвращался домой пьяным и звал ее в постель, Ясмина втайне спасала себя от возмож-

ной беременности. Она применяла контрацептивы, которые получила в одной из клиник президента Насера по контролю за рождаемостью.

* * *

Алиса расставляла цветы в вазы в салоне, пионы и розы, собранные в ее собственном саду. Она внимательно рассматривала сочетание розового и желтого цветов и раздумывала о новой жизни, которая росла внутри нее. Она надеялась, что это будет маленький Эдди. У него окажутся светлые волосы и голубые глаза, как у брата его матери, и она отвезет его в Англию и станет рассказывать ему об их английском наследстве.

* * *

Амира задумчиво взглянула на большую машину для перевозки, когда последние предметы мебелировки из дома Мариям были загружены в нее. Сулейман продал большой дом на улице Райских Дев, и теперь семейство Мисрахы переезжало в небольшую квартиру около площади Талаат Харб.

Амира смотрела на Мариям, которая была ее лучшей подругой и соседкой в течение многих лет, с тех пор как они были молодыми женщинами. Они вместе растили малышей, делились секретами, утешали друг друга, танцевали вместе танец живота. Как быстро пролетели все эти годы!

— Ты будешь часто навещать нас? — спросила Мариям, когда двери грузовой машины были плотно закрыты. — Ты ведь не позволишь расстоянию разделить нас?

— Было время, — ответила Амира, — когда я колебалась перед тем, как выйти из своего дома. На самом деле мне было страшно выходить. Но эти времена давно в прошлом. Конечно, я приду навестить тебя, ты моя сестра.

Амира взяла Мариям за руки, вспоминая давно прошедшие дни, когда ей было страшно выйти на улицу во внешний мир, когда она никак не могла расстаться с паранджой, хотя Али дал свое разрешение на то, чтобы она не носила ее. Она также подумала, как жестоко было отрывать ее от матери, что все это сделало ее беззащитной. При этом Амира с удивлением осознала, что она с большим удовольствием думает о том, как станет навещать Мариям в ее новом доме на площади Талаат Харб.

Часть IV

1966—1967

22

— Теперь мы должны действовать очень осторожно, Ясмина. Такая глубокая рана, как эта, может оказаться очень коварной. — Ибрагим говорил все это по-английски, чтобы мать мальчика, феллаха, которая недавно переехала в город, не поняла их и не стала волноваться.

— Что случилось? — спросила Ясмина. Она только что пришла в кабинет отца, чтобы подменить его медсестру, у которой был свободный вечер.

— Лестничный марш оторвался — здесь и здесь, — сказал Ибрагим, переходя на арабский. — Будь храбрым, мальчик. Всего еще одна минутка, и все закончится.

Пока ее отец осторожно промывал рану, Ясмина смотрела на мальчика, стараясь поддержать его. Он был такой же, как и другие дети, играющие по соседству с домом. Крестьяне покидали свои дома и наводняли города в поисках лучшей жизни, они заполняли квартиры в десятки большим числом людей, чем то, на которое эти дома были изначально рассчитаны. Они занимали чердаки, на узких улицах появлялись временные навесы и хибары, которые лепились к заборам вокруг садов, повсюду разгуливали куры и козы. Они устраивались на ночлег на лестницах внут-

ри домов и в сломанных лифтах. Из-за всего этого часто происходили несчастные случаи: старые деревянные балки балконов не выдерживали и срывались вниз, внезапно обрушивались целые обветшавшие здания. Или, как это было в случае с маленьким пациентом доктора Рашида, откалывались куски проржавевших лестниц. Мальчику гвоздь угодил в икру ноги.

— А теперь, Ясмина, — сказал он, снова переходя на английский, — нам надо тщательно промыть рану, удалить всю грязь, продезинфицировать марганцовкой. Что нам делать дальше?

Ясмина надела белый халат поверх своего платья и повязала голову белым шарфом, так же, как всегда делала папина медсестра. Она передала отцу кювету с пурпурной жидкостью, которую только что развела.

— Насыщенный раствор цвета горечавки, — сказала она, — если нет указаний на применение мази с антибиотиком.

— Молодец, девочка! — сказал Ибрагим, осторожно нанося раствор на кожу мальчика, в то время как его мать, женщина неопределенного возраста, завернутая в черную мелайю, молча следила за ним.

— Как тебе известно, глубокие раны, такие как эта, редко сопровождаются обильным кровотечением, — сказал он, — и они могут быть сильно инфицированными. Мальчику повезло, его мать знает достаточно, чтобы привести его сюда. Очень часто, когда они не видят кровотечения, они решают, что не случилось ничего страшного и не обращают внимания на это. Начинается столбняк или заражение крови, и человек погибает. Вот поэтому, — добавил он, отставляя в сторону кювету и снимая перчатки, — мы никогда не накладываем швы на подобные раны. Теперь ты перевяжешь ногу и сделаешь присыпку из пенициллина.

Пока Ясмина бинтовала ножку, она задумалась о том, что этому мальчику примерно столько же, сколько и ее сыну, и все же сын этой феллахи-крестьянки был меньше, чем трехлетний Мохаммед. Ясмине стало интересно, действительно ли эта семья повысила уровень своей жизни, перебравшись в город, или все же им было бы гораздо лучше оставаться в своей деревне возле Нила.

Когда они закончили заниматься раной, страх, который заставлял ребенка сидеть тихо до самого этого момента, про-

шел, мальчик расплакался, а Ибрагим обратился по-арабски к его матери:

— Приведи своего сына ко мне через три дня. Все это время проверяй его лоб. Если у него начнется жар, приводи его немедленно. Если его ножка станет болеть или плохо сгибаться, или тебе покажется, что он слишком сильно крутит головой, приведи его. Ты поняла?

Она кивнула, ее глаза всматривались во все окружающее, блестя из-под складок черной хлопковой мелайи, которой было замотано все ее лицо в течение визита к доктору. Когда она сунула руку куда-то в складки своей одежды и вытащила монету в полпиастра, Ибрагим отказался от денег и сказал:

— Твои молитвы дороже денег, умма. Помолись за меня в следующий святой праздник.

После того как женщина с ребенком ушли, Ибрагим подошел к раковине и вымыл руки.

— Возможно, мы больше никогда не увидим их, Ясмина. Если рана окажется инфицированной и у мальчика начнутся боли, его мать, скорее всего, поведет его к колдуну, чтобы он изгнал из него демонов.

Он взглянул на свою дочь, которая мыла инструмент и стерилизовала его, и почувствовал, как его сердце наполняется гордостью. Это была его собственная идея — предоставлять бесплатное медицинское обслуживание местным крестьянам. Ибрагим был уверен, что такая работа принесет ему чувство глубокого удовлетворения в конце каждого дня. Но он не рассчитывал на подобную услугу со стороны Ясины, которая, конечно, чувствовала бы себя гораздо свободнее с его богатыми пациентами. И все же она была здесь, помогала ему во время часа бесплатного приема, когда приходили феллахи.

— Ты уверена в том, что именно этим готова заниматься всю свою жизнь, Мишмиш? — спросил он. — Быть матерью и женой — это очень почетные занятия. Почему ты хочешь стать доктором? Как ты сама можешь видеть, это может быть занятием, способным сильно разочаровать и расстроить.

Она улыбнулась ему дразнящей улыбкой:

— А почему же ты, отец, стал врачом?

— У меня не было выбора. Твой дед, пусть Аллах хранит его покой, отдавал мне распоряжения о том, как должна проходить моя жизнь.

— А что бы ты сам предпочел делать?

— Если бы я смог начать заново, — сказал Ибрагим, вытирая руки, — я бы отправился жить в одно из наших поместий, где мы выращиваем хлопок в дельте Нила. Какое-то время я подумывал стать писателем. Конечно, я тогда был молод. Разве не все в молодости мечтают стать писателями?

Ясмина наблюдала за ним, когда он тщательно причесывался, отбрасывая широкие пряди волос от висков назад, где, как она заметила, уже проступала седина. Ясмина думала, что ее отец, чей возраст приближался к пятидесяти годам, все еще очень привлекателен, и хотя его талия несколько располнела, она решила, что это придает его фигуре большую весомость. Она могла понять, почему ее мать влюбилась в него.

Она продолжала заниматься инструментами, откладывая в сторону неиспользованные. Аккуратно расправляла перчатки и бинты, как Ибрагим учил ее, а сама краем глаза наблюдала за отцом, как он заполняет карточки. И его ручка с золотым пером отбрасывает блики. Она поняла, что ее отец вступает в возраст, который Ясмина считала наиболее подходящим для мужчин-арабов, средний возраст, когда они сбрасывают с себя юношеские замашки и сомнение и приобретают зрелость и достоинство. Она замечала те же самые черты в своих университетских профессорах, в пожилых мужчинах, которые сидели в кофейнях, и даже в старых нищих на улицах. Она не раз задумывалась о том, что, возможно, это расовые черты или национальные особенности, а может быть, это естественное возмужание, которое приходит к большинству арабских мужчин. Даже у ее мужа, Омара, хотя ему было всего двадцать четыре года, уже начали проявляться некоторые признаки этого, правда, Ясмина подозревала, что они были вызваны скорее частым общением с правящими кругами и известными бизнесменами.

Она мечтала о том дне, когда Ибрагим будет позировать для семейного портрета, как это делал когда-то дедушка Али, как будет сидеть на стуле, словно на троне, окруженный преданными ему членами семьи. Ясмина видела и себя в группе по правую руку от него.

— У нас больше нет поместий в дельте Нила, папа, — сказала она, поддразнивая его. — Так что ты у нас никогда не обрешь свой писательский рай. И что же тогда ты будешь делать?

Ибрагим подошел к окну и взглянул на огни, которые только начинали зажигаться в городе с наступлением вечера. Теперь, когда время послеобеденного отдыха закончилось,

люди высыпали на улицы, чтобы предаться вечерним развлечениями и занятиям. Каир! Ибрагим думал о чем-то неопределенном, глядя на то, как выстраивается очередь у входа в кинотеатр «Рокси». Город беспокойных душ.

— Возможно, я бы стал продавать на улице картошку, — сказал он, наблюдая за тем, как пожилой торговец жареной картошкой объезжает со своей тележкой посетителей кинотеатра.

Он обернулся и взглянул на Ясмину, которая раскладывала медикаменты по белым металлическим ящичкам. Она сняла свой шарф, и ее светлые волосы закрывали спину и раскачивались в такт ее движениям. «В таком ракурсе она очень похожа на Алису, — подумал он, — она унаследовала ее природную грацию, у нее те же осторожные движения». Но амбиции Ясмину не могли быть унаследованы от матери. «Возможно, — подумал он, — она получила их в наследство от меня самого. Но целеустремленность — откуда она в ней, если даже я сам не обладаю ничем похожим?»

Когда у Ибрагима выдалось свободное время, он попробовал представить себе наглядно перспективу того, что Ясмина станет врачом, он воображал, как превратит комнату, которая была соединена с его приемной, куда он раньше приводил проституток, во второй кабинет. И, внимательно осмотрев комнату, понял, что эта мысль очень привлекает его. Если она станет врачом, то он сможет передать ей часть своей практики; она станет лечить женщин и детей, а он — мужчин. Они будут работать, как команда, будут обмениваться мыслями, советовать друг с другом — два доктора по фамилии Рашид. И дочь будет здесь каждый день, она внесет свой особенный свет, присущий только ей, в его кабинет.

— Но у тебя есть сын, Ясмину, — сказал он. — Неужели ты не хочешь посвятить ему все свое время?

— Я так и делаю в основном. Тетушка Нефисса очень любит бывать с ним тоже. Прямо сейчас они на кукольном представлении.

— Ну, хорошо, до тех пор, пока Тахия не родит ребенка, Мохаммед остается единственным внуком Нефиссы.

Ясмина обернулась и посмотрела ему прямо в лицо:

— Папа, мне удалось получить кредит на обучение в университете на два года. В следующие два года Мохаммед начнет ходить в школу. Затем я хочу поступить в медицинский институт.

— Не слишком ли ты молода для врача?

— Когда я закончу все свое обучение, мне уже будет двадцать шесть лет!

— Старушка, — сказал он. — Я не знаю, Мишмиш. Медицинский институт — не место для молодой леди твоего класса и воспитания. Мне это не кажется подходящим местом. Я думаю, что я бы предпочел видеть тебя матерью нескольких детей. В конце концов Мохаммеду почти четыре года. Ему нужны братишки и сестренки.

Она засмеялась:

— У моего сына больше двоюродных братьев и сестер, чем он может вынести. Брат или сестра только смутят его своим появлением!

Ясмина знала, что вся семья ожидает момента, когда на свет появится ее следующий ребенок. Они не знают о том, что она принимает противозачаточные средства и что она решила добиться развода с Омаром еще три года тому назад. Но, когда она более внимательно изучила сам процесс, то оказалось, что для мужчины, который хочет избавиться от жены, достаточно произнести три раза: «Я развожусь с такой-то». А женщина может получить развод только в нескольких особенных случаях: если ее муж посажен в тюрьму на большой срок; если он неизлечимо болен; если есть подтверждение его психического расстройства; если он избивает ее настолько жестоко, что она постоянно изранена.

Пожилая женщина, с которой она вместе занималась добровольной работой в Красном Кресте, дала ей несколько советов.

— Юристы! Суд! Прощения! — кричала Зубайда. — Любая женщина, у которой между ушами есть мозги в голове, знает самый быстрый и легкий способ, как заставить мужчину развестись с ней. Разве это не помогло мне два раза? Оба мужа — эгоистичные ослы, с моей стороны было большой ошибкой выходить за них замуж! Но есть старинное средство, которое моя мать называла «приправа блюда ядом». Ингредиенты очень простые: устраивать беспорядок в доме, поднимать шум, когда муж развлекает своих друзей, готовить несъедобную еду для уважаемых гостей, разрешать детям проявлять неуважение к отцу в присутствии посторонних — все эти маленькие стрелы ранят его мужское самолюбие и честь. Если все это не помогает, то хорошо подвергать насмешкам в постели его попытки заняться сексом.

Но Ясмина была не в столь отчаянном положении, и, кроме того, с тех пор как Омар окончил университет и полу-

чил хорошую работу в правительстве, он часто уезжал за границу по делам, порой на несколько месяцев. Его отсутствие плюс то, что она тайком пользовалась контрацепцией, да еще и ее учеба в университете делали жизнь с Омаром терпимой. Казалось даже, что она начинает подумывать о том, как укрепить их взаимоотношения; Омар в последнее время стал относиться к ней с большим уважением, а когда он вернулся из последней командировки из-за границы, то даже привез ей подарок. Предполагая, что таким образом укрепляются супружеские отношения и что, возможно, даже любовь может прийти в их жизнь, Ясмينا начала видеть более полную и насыщенную картину своего будущего.

— Но я хочу большего, папа, — сказала она. — Да, это прекрасно — быть матерью. Но я чувствую себя в этой роли как заключенная. Когда я хожу на лекции в университет или прихожу сюда, чтобы помочь тебе, я чувствую себя совершенно другим человеком, как будто бы я проснулась или стала наконец самой собой. Как я завидую Камелии, что она может делать карьеру танцовщицы!

— Твой дед не одобрил бы женщину, которая стала врачом.

— Но я же прошу помощи у тебя, а ты не дедушка Али.

— Нет, — сказал он медленно, удивленный ее словами. — Я не такой, как мой отец, да охранит Аллах его покой. Очень хорошо, Мишмиш. Когда мы с твоей мамой вернемся из Англии, мы поговорим об этом.

Она бросилась ему на шею, Ибрагим обнял ее и почувствовал: он рад, что Ясмينا такая честолобивая. И что она отважилась прямо поговорить с ним. Если бы у него самого было столько смелости....

Вдруг раздался стук в наружную дверь, и, когда Ибрагим пошел открыть, он был удивлен, увидев там мужа своей племянницы, Джамали Рашида.

— Извини меня за вторжение, Ибрагим, — сказал он, — но необходимость заставила меня действовать. Могу я войти?

Встревоженная резкостью Джамали, который не произнес даже обязательных приветственных слов и не обменялся с ними вопросами, предписанными этикетом, Ясмينا предложила ему стул и спросила:

— Что-то с Тахией? С ней все в порядке?

Хотя ее двоюродная сестра покинула дом на улице Райских Дев, когда вышла замуж за Джамали Рашида, Ясмينا

продолжала часто видаться с ней. Она знала, что Тахия старается забеременеть, но пока ей это не удалось.

— С моей женой все в порядке, благодарение Аллаху. Ибрагим, военная полиция крутится поблизости, они задают людям вопросы.

— Какого рода вопросы?

— О тебе. О твоих политических симпатиях, о твоём банковском счете и капиталовложениях.

— Что?! Но почему?

— Я не знаю. Но я только что узнал от друга, имя которого не могу тебе назвать, что фамилия Рашид фигурирует в определенном списке.

— Каком списке?

— Тот, по которому приходят Визитеры рассвета.

Ибрагим подошел к внешней двери, осмотрел пустой коридор, запер ее, вошел внутрь и запер еще и внутреннюю дверь, а затем спросил:

— Как мы могли попасть в этот список? У моей семьи нет претензий к правительству Насера. Мы мирные люди, Джамаль.

— Я клянусь непорочностью саиды Зейнаб, что это правда! Ты должен быть осторожен, брат мой. Тайная полиция сильна и могущественна; министр Амер очень обеспокоен. Теперь, когда армия вмешивается во все дела, даже человек, который критикует плохую телефонную связь в Каире, попадает под арест, а его имущество конфискуется ради интересов страны.

Джамаль оглянулся по сторонам, как будто бы один из назойливых шпионов Насера мог укрыться где-нибудь в приемной Ибрагима.

— Послушай меня, Ибрагим. Твоя семья в опасности. Никто не может избежать этих сумасшедших. Они приходят ночью, врываются в дом, арестовывают всех лиц мужского пола в семье. Многие потом бесследно исчезают. Теперь все не так, как раньше, во времена Революции, когда тебя арестовали. Все это намного, намного хуже, потому что теперь они могут отнять у тебя дом, твой счет в банке, все, чем ты владеешь!

Неожиданно с улицы раздались звуки автомобильных гудков и голоса, выкрикивающие приветствия. Ясмينا встала и закрыла окно, а Джамаль продолжил, понизив голос:

— Ибрагим, ты знаешь мою сестру, Муниру, которая вышла замуж за богатого хозяина ткацкой фабрики? Они при-

ходили в ее дом прошлой ночью. Ее вместе с детьми выгнали на улицу, солдаты перевернули в доме все. Они сняли все кольца с ее рук и ожерелья с шей ее дочерей. Потом они увели ее мужа и старшего сына. Ты не слышишь обо всех этих вещах, потому что газеты боятся публиковать это. Но именно богатые люди становятся мишенью для этих негодяев.

— Во имя Аллаха, разве нет никакого способа защитить себя?

— Я расскажу тебе, что сделал я сам. Я перевел все свои доходы и бумаги на многоквартирные дома на имя Тахии и моих двоюродных сестер. Затем я закрыл свой счет в банке и спрятал деньги. Если Визитеры рассвета придут в дом Джамали Рашида, они найдут немного! Поверь мне, Ибрагим, обратиться некуда, никому нельзя верить. Даже те, в руках которых раньше была власть, теперь ее лишились.

— Но почему вообще мое имя должно быть в этом списке? Во имя Аллаха, я вел тихую мирную жизнь с того дня, как Фарук уплыл из Александрии. Моя семья и я сам безупречны! Что у министра Амера есть против меня?

— Ибрагим, — сказал Джамаль, — вовсе не министр Амер гонится за тобой. Это его заместитель, человек, о котором люди мало знают, но в руках которого сосредоточена огромная власть. И если однажды он внес твоё имя в этот черный список, то из него уже никого не вычеркнут.

— А кто этот человек?

— Тот, кто когда-то был твоим другом. Хасан аль-Сабир.

* * *

— Бедный Ибрагим, — произнесла Алиса, взяв чашку кофе из рук Мариям Мисрахи. — Я боюсь, что все, что он помнит об Англии, это то, как мой отец избегал нас, когда мы приехали туда, чтобы провести медовый месяц. Эдди, конечно, прекрасно относился к Ибрагиму. Эдвард был похож на мою мать, они оба обожали Восток. Но мой отец был уверен, что я вступила в неравный брак, выйдя замуж за человека ниже меня по положению.

Она сделала паузу и услышала слабые звуки музыки, которые доносились из соседней квартиры — арабской музыки, к которой она так и не привыкла.

— Я очень рада, что мы отправляемся в это путешествие, — сказала она. — Я чувствую себя так, как будто Англия получает второй шанс на жизнь!

— Семья — вот что важно, — сказал Сулейман, который в свои семьдесят лет выглядел, как мужчина, который удобно устроился, выйдя на пенсию. — Мы с Мариям хотим тоже попутешествовать, мечтаем повидаться со всеми своими детьми, но они разбросаны по всему миру, и я боюсь, что мы больше не в состоянии будем предпринять такую одиссею.

Он посмотрел на Амиру, которая тоже пришла к ним в гости, и сказал:

— Твой сын — хороший человек, он нашел время, чтобы приостановить свою медицинскую деятельность и свозить жену на ее родину. Это то, что я бы хотел сделать, когда был моложе. Попутешествовать по миру и навестить своих детей.

— Я благодарна Аллаху за Ибрагима, — сказала Амира, подсыпая сахар в свою чашечку кофе, стараясь скрыть свое беспокойство обычными действиями — помешиванием сахара в кофе. Она ругала себя за беспочвенные страхи — что она может больше никогда не увидеть своего сына, как только он уедет, и она старалась скрыть эти мысли от своих друзей.

— Пусть Аллах дарует вам безопасное путешествие, — мягко произнесла она, обращаясь к Алисе, — и скорейшее возвращение.

Скромный маленький балкончик, прилепленный снаружи к квартире Мисрахи, был недостаточно велик для того, чтобы на нем можно было принимать гостей, но там хватало места для горшков с геранью и бархатцами, которые выращивала Мариям. Главным украшением балкона была большая раздвижная стеклянная дверь, которую можно было открыть, чтобы впустить в дом жаркий сентябрьский воздух вместе с ароматами готовящейся еды и шумом оживленной улицы. Прозрачные занавески раздувались от вечернего летнего ветерка. Алиса взяла свой кофе и подошла ближе, чтобы полюбоваться маленьким балконом, с которого также открывался вид на Нил.

— Я где-то слышала, — сказала она, — что лотосы называют невестами Нила. Но почему?

Амира подошла к ней и к открытой балконной двери, оглядела мощный поток воды, который протекал под мостом. Она почувствовала силу реки, вдохнула запах, исходящий от нее. «Есть ли в мире более прекрасная река, чем мать всех рек? — подумала она. — Есть ли более прекрасная и

благословенная страна на свете, чем Египет, мать и колыбель всего человечества?»

— Али рассказывал мне много лет назад, — принялась объяснять Амира, — что во времена фараонов каждый год девушку приносили в жертву реке, незадолго до ежегодного разлива. Ее бросали в воды Нила, и если она тонула, то становилась невестой реки, даруя людям разлив воды, который приносил много плодородного ила и обещал богатый урожай и обильную жатву. Но теперь только хрупкие цветы лотоса становятся невестами Нила.

Алиса приложила к губам надушенный носовой платок. За двадцать один год, проведенный здесь, она так и не привыкла к египетской жаре.

— Вы и сами, мама, приходите к реке каждый год в один и тот же день и бросаете цветок в воду. Это тоже часть какого-то ритуала, связанного с лотосом?

Задумавшись о том дне, когда она ходила проводить Сафию Раджиб, первом дне, когда она вышла из дома, Амира сказала:

— Нет, причина не в этом. Однажды я заблудилась в городе, и Али обратился ко мне из прошлого — на этом мосту, голос шел откуда-то снизу. Он указал мне правильную дорогу, а потом провел меня прямо к дому. В тот момент я узнала о могуществе и тайнах Нила. — Она посмотрела на Алису. — Знаешь ли ты, что в реке живут души тех, кто в ней утонул, и они появляются в виде привидений? Не только невесты, но и рыбаки, пловцы, люди, которые покончили жизнь самоубийством. Нил дарует жизнь и берет ее.

— Так вот почему он дает нам такую ужасно вкусную рыбу, — сказал Сулейман, вступая в беседу и протянув руку за своей чашкой кофе.

Мариям рассмеялась:

— С тех пор, как он ушел на пенсию, еда стала просто страстью моего мужа!

Сулейман замахал рукой на комментарий своей жены и обратился к Алисе:

— Очень скоро, моя дорогая, вы будете наслаждаться чудесными английскими деликатесами: ячменными лепешками, клубничным джемом и сливками, изумительным девонширским чаем! Однажды я пил его, когда был там, в 1936 году. Кажется, я до сих пор ощущаю вкус этого джема.

Мариям улыбнулась и поспешила обратно на кухню. Алиса обернулась к своей свекрови:

— Мама Амира, почему вы не хотите поехать в Англию с нами? Вы никогда не выезжали из Египта.

Но Амира улыбнулась в ответ и сказала:

— Это путешествие для тебя и Ибрагима. Сделайте из него второй медовый месяц. — А про себя добавила: «Воспользуйся этой возможностью, чтобы залечить свои раны».

Ибрагим предложил отправиться в путешествие вскоре после того, как у Алисы случился выкидыш. Когда она потеряла ребенка, который, как она надеялась, будет мальчиком, она погрузилась в глубокую депрессию. Перспектива поездки домой на родину стала для нее чудодейственным лекарством, и она немного взбодрилась. Нет, Амира не собиралась ехать с ними. Кроме того, у нее были свои собственные планы. Она решила устроить путешествие для себя самой в священный город Мекку в Аравии.

— У меня больше нет никаких близких родственников в Англии, — сказала Алиса. — Только старенькая тетя. Но у меня там есть друзья.

Она замолчала и посмотрела на ярко освещенный, шумный город, который она всегда считала диким смешением Востока и Запада, который раз и навсегда в какой-то момент показался ей совершенно чуждым. Она ходила по магазинам, где бывала много раз за последние двадцать лет, торгуясь на арабском о цене ткани или пары обуви. И вдруг все эти дела утратили для нее свое значение, как будто бы в фотоаппарате не навели резкость. Все стало расплывчатым, звуки, которые она произносила, стали казаться ей искаженными и бессмысленными, запахи в магазинах и на улицах внезапно ошеломили ее. Она некоторое время не могла понять, где находится и что здесь делает. Впоследствии, когда ее внутренние часы синхронизировались с каирским временем, она стала представлять себе, как жара и песок проникают сквозь ее кожу и что только туман и сырость Альбиона смогут очистить ее.

Но были и более безотлагательные, тайные причины ее желания съездить в Англию. После выкидыша она заметила, что быстро погружается в сильнейшую депрессию, которая таилась в глубине ее души, как холодное подземное течение, которое никогда не появляется на поверхности. Она начала часто задумываться о своей матери и размышлять о том,

ощущала ли та похожий холод внутри себя. Что заставило леди Фрэнсис совершить самоубийство? Меланхолия, как было написано в ее свидетельстве о смерти.

Алиса решила поехать в Англию, чтобы найти ответы на свои вопросы. Старенькая тетя Пенелопа была лучшей подругой ее матери. Может быть, тетя Пенни знает, почему леди Фрэнсис лишила себя жизни. Алисе необходимо было знать это, уточнить, было ли это следствием какого-то случая, или же это передавалось по наследству, как генетическая предрасположенность, которой нельзя избежать. Алисе нужно было знать это точно, потому что в следующем году ей исполнялось сорок два года, столько же, сколько было ее матери, когда та умерла.

— Друзья — это хорошо, — сказал Сулейман, с трудом поднимаясь со стула. Как и у Мариям, его волосы стали совершенно седыми, и он начал одеваться, как человек, который считает себя вправе носить только удобные вещи.

— Так много наших друзей покинули Египет. Потом они преуспели в своих делах, кто в Европе, кто в Америке. И все же я уверен, что у президента Насера хорошие намерения относительно Египта. Расскажи мне о месте, где ты родилась, Алиса, может быть, я проезжал мимо в 1936 году.

Амира направилась на кухню, где Мариям вынимала из духовки свежеспеченную пахлаву.

— Теперь все больше и больше, — сказала Мариям, поливая холодным сиропом горячее печенье, — Сулейман погружается в прошлое. Это происходит со всеми стариками, Амира? Когда будущее становится меньше прошлого, неужели все они начинают оглядываться назад?

— Может быть, это все происходит по замыслу Аллаха, который пытается подготовить нас к уходу в вечность. Дайка я помогу тебе. Я и сама все чаще ловлю себя на мыслях о прошлом в последнее время. Так странно, Мариям, но чем старше я становлюсь, тем больше вспоминаю о давно прошедших днях, как будто бы оказываюсь к ним все ближе, а не отдаляюсь все дальше.

— Может быть, однажды, если на то будет воля Аллаха, ты вспомнишь все и тебе будут дарованы воспоминания детства, которые есть у всех нас.

«Вернуть себе воспоминания о прошлом! — подумала Амира. — Но для того, чтобы найти свое прошлое, надо прой-

ти обратный путь, чтобы узнать, откуда я пришла и кто же я на самом деле. Была ли моя мать убита в тот день и брошена в пустыне? — размышляла Амира. — Или ее, как и меня, похитили и поместили в другой гарем? Может быть, она все еще жива? Мне сейчас шестьдесят два года, а ей должно быть около восьмидесяти или даже меньше. Если она родила меня, когда ей было четырнадцать лет, как было мне, когда я родила Ибрагима, то она все еще может быть жива и здорова где-нибудь в этом мире. И, возможно, в такие жаркие, пахнувшие мускусом вечера, она смотрит на звезды, как я, и думает о маленькой девочке, которую вырвали из ее рук».

Амира вспоминала квадратный минарет, который очень часто появлялся в ее снах, чаще, чем все другие воспоминания. Где, в какой точке мира он находится? Несколько квадратных минаретов, которые находились в Каире, были тщательно спланированными и искусно украшенными строениями, но тот минарет из ее снов был простым и без всяких украшений. Всякий раз, когда она представляла его себе, чувствовала, что он буквально пытается что-то сказать ей, как будто бы шепчет:

— Найди меня, и ты найдешь все ответы: узнаешь имя твоей матери, день, когда ты родилась, какая звезда была на небе в час твоего рождения.

«Я совершу паломничество в Мекку, и, если Аллах пожелает, я найду след, который привел меня в Египет, и прослежу его до самого начала. Может быть, он даже приведет меня к моей матери!»

Когда они вернулись в гостиную, Сулейман отрезал кончик своей сигары, некоторое время внимательно рассматривал ее, а затем сказал:

— Итак, Ясмина собирается стать врачом, не так ли? А почему бы и нет? У моего Ицхака в Калифорнии есть дочь Рахель, которая тоже собирается пойти в медицинский институт. Это хорошая профессия для девушки. Женщины хорошо понимают, что такое боль и страдания. А мужчины нет. Да и где бы мы могли пережить их? Мариям, давай поедem в Калифорнию навестить Ицхака. Амира, ты помнишь моего Ицхака? Конечно, помнишь, ты же помогала ему явиться в этот мир. Он пишет мне по-английски. Он писал, что не учит детей арабскому языку, потому что они теперь американцы. Но я говорю, что они египтяне, во имя Аллаха, и если я соберусь поехать туда, то...

Они услышали громкий настойчивый стук в дверь.

— Кто бы это мог быть? — спросила Мариям, вытирая руки о фартук. Но не успела она пойти и посмотреть, как раздался громкий треск, и неожиданно люди в военной форме ворвались в их квартиру.

Сулеман поднялся на ноги:

— Кто вы такие? И что вам нужно?

— Сулейман Мисрахи? — спросил старший офицер.

— Да, это я.

— Вы обвиняетесь в том, что вели провокационные речи против правительства.

Амира прижала руки к груди. Кошмар ареста Ибрагима и его заключения в тюрьму вернулся снова. Все слышали об этих ночных рейдах тайной полиции Насера, слухи о ссылке в лагеря без суда и следствия витали в воздухе. Но те, кто подвергался арестам, были членами подрывной организации Братство мусульман или других подпольных объединений. Что они хотят от семьи двух старых евреев?

— Это какая-то ошибка, — начала Мариям, но ее отпихнули в сторону. Она ударилась о китайский шкафчик и почувствовала внезапную резкую боль в боку.

Алиса подбежала к ней, а Амира преградила путь старшему офицеру:

— Вам никто не давал права, — сказала она. — Это мирный дом.

Но на нее не обратили внимания, и она вместе с остальными в ужасе следила за тем, как солдаты переворачивают все в квартире. Выбрасывают одежду из шкафов, вытряхивают ящики, запихивают украшения и деньги в свои карманы. Один из мужчин столкнул взмахом руки с буфета все, что там находилось. Серебряная менора упала на пол вместе с фотографиями детей и внуков Мисрахи, которые стояли в рамках. И семисвечник, и фотографии с рамками, и старинное столовое серебро были брошены в мешок из грубой ткани и вытащены в коридор.

— Алиса, — тихо сказала Амира, так, чтобы солдаты не услышали. — Быстро позвони Ибрагиму.

В самом конце обыска мужчины схватили Сулеймана.

— Нет! — вскрикнула Мариям.

— Вы арестованы! — рявкнул офицер. — За действия против правительства и народа Египта.

Сулейман бросил на жену растерянный взгляд.

— Пожалуйста, — стала умолять она, — это какая-то ошибка. Мы не делали ничего...

Но солдат грубо вытолкнул Сулеймана за дверь в холл. Старик вдруг опустил голову, вскрикнул и повалился на пол.

Мариям бросилась к нему.

— Сулейман? Сулейман!

23

Сначала Ибрагим остановился, чтобы предупредить Амиру и Алису. Они остались с Мариям, чтобы провести Шивах по Сулейману, друзья приходили, чтобы выразить свои соболезнования и пропеть каддиш, еврейскую молитву по усопшему. Так как квартира Мариям была конфискована и она буквально была выброшена на улицу в том, что было на ней надето в тот момент, семь дней обряда поминовения устроили в доме раввина из ее синагоги. После этого она должна была найти себе крышу над головой, где могла бы жить. Амира умоляла Мариям переехать в дом Рашидов, но та отказалась. После того как Сулейман ушел из жизни, она больше не могла вынести боли возвращения на улицу Райских Дев, где они с мужем счастливо прожили так много лет.

Никто не знал, почему Мисрахи были выбраны мишенью Визитеров рассвета. Солдаты врываются в дома и проводили аресты по всему городу, и их жертвами в первую очередь становились богатые люди. Больше никто из евреев не был арестован, и определенно не пострадал никто из немногочисленных знакомых этой семьи. Сулейман продал свой бизнес. Они с Мариям жили на очень скромную пенсию. Амира пыталась разузнать через друзей семьи, почему солдаты пришли арестовать Сулеймана и куда были отправлены их вещи. Пока ей не удалось узнать ничего.

Вошел слуга и сообщил Амуре, что ее сын просит ее выйти.

— У тебя есть новости? — спросила она, встречая Ибрагима у дверей.

— Я переговорил со всеми, кого знаю, мама, со всеми правительственными чиновниками, которые обязаны мне, но они ничего не могут сделать, они все боятся за свои места. Я сомневаюсь, что мы когда-нибудь узнаем, что стало с имуществом Мисрахи. Нам больше не к кому обратиться.

Амира подумала о Сафии Раджиб, благодаря вмешательству которой Ибрагим был освобожден из тюрьмы почти двадцать пять лет назад. В надежде, что миссис Раджиб сможет помочь Мариям, Амира съездила к ней, но узнала только, что капитан Раджиб, один из первых Свободных офицеров, больше не был в фаворе у правительства. Он был тихо отправлен в отставку, и дни, когда миссис Раджиб могла повлиять на что-то и помочь, миновали.

— Но я пришел по совсем другой причине, — сказал Ибрагим. — Наша семья в опасности, мама. Мы находимся под прицелом тайной полиции. Я хочу, чтобы вы с Алисой вернулись домой как можно быстрее, спрятали все ценное, предупредили женщин, что, если солдаты придут в дом, они должны сохранять спокойствие. — Он обернулся к Алисе и сказал: — Прости меня, дорогая, но нам придется отложить нашу поездку в Англию на некоторое время. Не хочешь поехать без меня?

Алиса ответила:

— Нет, я останусь. Мы поедем, когда это станет безопасно.

Мариям подошла к двери.

— В чем дело, Амира? Ибрагим, что случилось?

— Аллах милостив, тетя Мариям, — произнес он. — Простите меня за вторжение, но моей матери надо срочно вернуться домой.

— Да, конечно, — сказала Мариям. — В эти беспокойные времена вы должны быть со своей семьей.

Амира пообещала:

— Я вернусь сразу же, как только смогу.

Мариям положила руку ей на плечо и сказала:

— Я знаю, ты пыталась выяснить, куда отправили наше имущество, моя дорогая сестра. Больше не беспокойся по этому поводу. То, что произошло, — это промысел Божий. Я приняла решение: мой сын хочет, чтобы я вернулась вместе с ним в Калифорнию и жила там с ним и его детьми. Мы уедем сразу же, как только, — ее голос сорвался, — закончим прощание с Сулейманом.

Ибрагим сказал:

— Мама, вы с Алисой поедете на моей машине, я возьму такси. Мы должны торопиться.

— Неужели опасность так близка?

— Я молю Аллаха, чтобы это было не так.

— Но куда ты направляешься?

— В Каире есть только один человек, и лишь он может спасти нас. Мама, помолись за то, чтобы он хотя бы выслушал меня!

* * *

Дом на шоссе Пирамид скрывался среди полей сахарного тростника и зарослей пальм, его было едва видно с дороги, блестящие белоснежные стены проглядывали сквозь стволы древних финиковых пальм, оливковых деревьев, смоковниц и цветущих кустов. Мощные платаны окружали изумрудную лужайку и дорожки из желтого известняка, а высокий деревянный забор скрывал сад от солнца и непрошенных взглядов. Когда Ибрагим вышел из такси, он всмотрелся в зелень, закрывавшую дом, и подумал, что здесь живет очень богатый человек.

Он постучал в дверь, которая была искусно инкрустирована: у него создалось впечатление, что он находится в мечети. Ему открыл слуга в безукоризненно белоснежной галабее и пригласил его в элегантную гостиную. Ковры и шкуры животных устилали отполированный пол, а прикрепленные к потолку вентиляторы рассеивали жаркий воздух.

Слуга исчез, и спустя минуту появился Хасан. Ибрагим подумал, что его бывший друг мало изменился за прошедшие четыре года с тех пор, когда они говорили в последний раз. Но теперь, вероятно, Хасан выглядел более самоуверенным, менее изголодавшимся по женщине, чем в тот вечер, когда Ибрагим разорвал его помолвку и брачный договор со своей дочерью. Теперь он нарочито демонстрировал свое богатство, выйдя к гостю в длинном, богато расшитом кафтани, с золотыми часами и тяжелыми золотыми кольцами на пальцах.

— Приветствую тебя в моем скромном жилище, — произнес Хасан. — Я ждал тебя.

Ибрагим осмотрелся по сторонам и сухо заметил:

— Скромном? Это вряд ли можно назвать аскетизмом, которого я вправе был ожидать от одного из близких людей и правой руки Насера.

— Военные трофеи, друг мой. Можно сказать, моя награда за службу делу социализма. Мой слуга принесет кофе, если, конечно, ты не предпочитаешь чай или виски.

Хасан подошел к барному столику из красного дерева, на котором стояли хрустальные бокалы и рюмки, и налил себе выпивку.

Ибрагим решил сразу же заговорить о своем деле.

— Меня предупредили о Визитерах рассвета. Это предупреждение правомочно?

— Приветствовать старого друга таким образом! Где же твои манеры?

— Почему моя семья внесена в этот список?

— Потому что я вас туда вписал.

— Почему?

Хасан посмотрел на свою выпивку, сделал глоток, а потом сказал:

— Ты слишком прямолинеен, слишком прост. Это так не похоже на тебя. Да, я внес твою семью в этот список, и на это у меня была только одна причина. Я хотел, чтобы ты пришел ко мне и предложил мне выкуп за то, чтобы я изъясл ваше имя оттуда.

Ибрагим обвел жестом великолепно обставленную комнату и произнес:

— Едва ли я могу соперничать богатством с тобой.

— А мне нужны вовсе не деньги.

— Что же тогда?

— Угадай. Не догадываешься?

Ибрагим мысленно оценил сокровища, окружавшие его: массивные бивни слона над камином, коробку для сигарет в виде ноги антилопы, шкуру зебры, лежащую на отполированном полу. Древние египетские статуи, которые, в чем у Ибрагима не было никаких сомнений, являлись подлинными, добытыми незаконным путем, стояли на пьедестале возле красивой волынки, которая висела на стене в раме, обтянутой шотландкой. Награбленное Хасаном добро, среди которого, возможно, скрывается и бесценная серебряная менора Мариям и Сулеймана, как часть его коллекции.

— Я заслужил еще один трофей, — произнес Хасан, когда Ибрагим не ответил ему и когда заметил, как бывший друг осматривает сокровища вокруг.

— Что ты имеешь в виду?

— В общем-то, я хочу получить то, что мое по праву, то, что ты отнял у меня, когда разорвал наше соглашение. Дай это мне, и твоя семья будет спасена.

Ибрагим взглянул на него так, как будто собирался убить взглядом.

— И что же это?

— Ясмина, конечно.

* * *

— Ну вот, мы и добрались, дорогой, — сказала Ясмина Мохаммеду, когда они вышли из такси, которое доставило их прямо к дверям дома Рашидов.

Она обняла его и широко улыбнулась, пытаясь скрыть свою тревогу. Омар вчера уехал из страны по делам, связанным с его инженерной специальностью, в Кувейт. И, поскольку по всему городу прокатилась волна арестов, которые происходили неожиданно и непредсказуемо, он настоял на том, чтобы она с ребенком переехала в дом на улице Райских Дев.

«Мы будем здесь в безопасности, малыш», — думала она, пока слуги помогали ей внести в дом багаж, глядя на прочно стоящий на своем месте розовый особняк, влекущий ее, как тихая спокойная гавань.

Когда она вышла из такси, неся на руках своего увесистого сынишку, потому что не хотела ставить его на ноги до тех пор, пока они не окажутся за высокими стенами, она думала о своей школьной подруге Лейле Азми, которая вышла замуж за богача. Военная полиция ворвалась в их дом, составила опись всего, что было в доме Лейлы, вплоть до последнего подсвечника. Ей были даны три дня на сборы и приказано — ничего не брать с собой. Затем они удалились, уводя с собой ее мужа, и с тех пор она ничего о нем не слышала.

Нефисса торопливо спустилась по лестнице и взяла на руки малыша у Ясины, говоря при этом:

— Хвала Аллаху, теперь вся семья в сборе. Как себя чувствует внук моего сердца сегодня?

Слуги подняли весь багаж Ясины и внесли его в дом с необычной поспешностью. «Страх, — подумала она, — отравил даже мирную атмосферу дома на улице Райских Дев».

Когда они вошли с улицы, где стояла сентябрьская жара, в прохладу стен дома, Нефисса сказала:

— Ибрагим велел нам все спрятать. Если ты захватила с собой ювелирные украшения, Ясмина, то нам следует спрятать их куда-нибудь на случай... — она помедлила перед тем, как продолжить, — если придет военная полиция.

Ей не хотелось пугать маленького Мохаммеда.

Ясмина заметила, что дом похож на пчелиный улей, в котором развернута бурная деятельность: все картины сняты со стен, китайский фарфор и хрусталь убраны с полок буфетов и витрин, а Амира в центре всего этого руководит работами. В салоне Ясмина с радостью обнаружила Джамалю Рашида и Тахию. Они тепло обнялись, но Ясмина заметила страх в глазах своей двоюродной сестры.

Когда спустя мгновение в салон вошел Захария, снимая свои очки в золотой оправе, чтобы протереть стекла, Ясмина обняла и его тоже и пробормотала:

— Хвала Аллаху, мы все вместе!

Он повернулся к Амуре и сказал:

— Мне не повезло, умма. Я потерял еще одно утро в приемной министра обороны, пытаясь выяснить что-нибудь о Мисраху. На этот раз мне сказали, что министр уехал из города! Его невозможно увидеть. В его приемной толпятся сотни людей, и столько же в коридорах, все с прошениями, похожими на наше!

Захария бросил взгляд на Тахию, но не мог смотреть на Джамалю. Со дня свадьбы Тахии Захария запретил себе всякую мысль о физической стороне ее взаимоотношений с немолодым мужчиной. Но в это утро Джамаль с гордостью сообщил, что Тахия ожидает рождения их первенца, и Захария не смог удержаться от мыслей о том, доказательством чему служит ее беременность.

— Закки, — спокойно произнесла Амира, чтобы не тревожить остальных, — не надо больше беспокоиться о деле Мисраху. Мариям сказала мне сегодня, что она собирается уехать в Калифорнию со своим сыном. У нас есть другие, более неотложные дела, о которых следует позаботиться.

Он осмотрелся по сторонам, впервые заметив, что все занято уборкой в доме. Задача собрать все драгоценности была поручена Алисе, которая переходила из одной спальни в другую, проверяя, чтобы из всех выдвижных ящиков, шкапулов и сумочек было изъято все ценное. Басима следила за тем, чтобы все платья и костюмы от знаменитых дизайнеров, шелковое и атласное нижнее белье, туфли из крокодиловой кожи, меховые накидки и пальто были перенесены в салон и уложены в пустые мешки из-под картошки. Затем мальчики выносили их на кухню, где Сахра находила для

них место в разных углах большой кладовки и оставляла их на виду — так, чтобы солдаты, увидев их, не заподозрили, что в них находится что-то другое. Райа помогала Дорее снимать картины со стен, заворачивать их, а Ханя с Алисой рыли ямки в саду, куда закапывали горшки с драгоценностями. Все работали быстро и молча, не было слышно шуток, не было и веселья, которое обычно сопровождало общую работу по дому. Приближался вечер, а это означало, что солдаты могут появиться в любую минуту и что женщинам не остается ничего другого, как только обойти дом и спрятать все ценное в надежных местах или замаскировать.

— А это поможет, умма? — спросил Захария. — Ведь все знают, что мы богатые.

— Они подумают, что мы переживаем тяжелые времена, — ответила Амира. — Наши хлопковые поля и владения потеряны, твой отец занимается лечением пациентов среднего класса, который постепенно вытесняется крестьянами из всех домов по соседству. Когда солдаты придут, они увидят, что некогда богатая семья стоит на пороге нищеты, живет на скромный доход и из гордости старается это не показывать.

Амира также аннулировала свой собственный счет в банке и спрятала наличные в клетке с голубями.

Она обернулась, чтобы дать указания о том, как снять покрывала с диванов. Великолепные драпировки из бархата и атласа свернули и отнесли на крышу, где спрятали в ящиках для фруктов. Взамен расстелили простые шерстяные пледы. Ясмина подошла к Захарии и спросила:

— Где отец?

Но он пожал плечами:

— Он ушел из дома утром сразу после завтрака. Умма и тятя Алиса были у тетушки Мариям, он велел им вернуться домой и все поспрятать. Я сегодня не ходил на лекции. Миш-миш, скажи мне, что происходит? Почему мы в опасности?

Вспомнив о том, как Джамаль Рашид накануне вечером пришел в приемную отца, она уже была готова рассказать брату все, что знала, — о том, что за этим стоит Хасан, но Захария выглядел таким обескураженным и потерянным. И хотя он родился на пять месяцев раньше, чем Ясмина, она почувствовала себя старшей сестрой. Поэтому она только улыбнулась и сказала:

— Не беспокойся. Это скоро кончится, и снова все будет хорошо.

Затем она взяла сына у Нефиссы и поспешила наверх.

В спальне, которую она раньше делила с Камелией, когда они были маленькими, Ясмина нашла свои чемоданы, один из которых лежал на кровати, подготовленный для того, чтобы из него вытащили вещи.

Она поставила сына на ноги, и он сказал:

— Я хочу пить, мама.

Она отвела его в ванную, налила стакан воды из-под крана. А затем присела на краешек ванны и стала наблюдать, как он пьет, поражаясь, как всегда, тому, что этот маленький мальчик — ее собственный сын. Она смеялась над тем, как сосредоточенно он пил: все десять маленьких пальчиков обхватывали стакан, глаза были скошены вниз, а брови подняты вверх, как будто он удивляется. Ясмина заметила, что и многие другие дела он делает с той же сосредоточенностью, даже когда просто складывает кубики. Ей было интересно, сохранятся ли эти качества, когда он станет взрослым. И она пыталась представить его себе большим. Он будет очень красивым, это она могла сказать точно, как большинство мужчин из семьи Рашидов, и, возможно, немного тщеславным, но он уже научился смеяться над собой так, как это умели все египтяне. Даже сейчас, когда он закончил пить, взглянул вниз и заметил, что пролил большую часть воды себе на рубашку. Он взвизгнул, засмеялся и обозвал себя неисправимым ослом, а потом изумил Ясмину зрелым суждением, которое подхватил у одного из своих дядюшек:

— Аллах, должно быть, любит неловких людей, он так много их наделал!

Она рассмеялась и притянула его к себе, он захихикал и сказал:

— Давай сыграем в Счастливые семьи, мама!

Внезапно ее радость испарилась, когда она вспомнила опасность, которая угрожала ее семье, и дело, которое она немедленно должна была совершить.

— Вот что я скажу тебе, — ответила она, причесывая его волосы, которые всегда были в беспорядке, — мы немного поиграем. Мне надо уйти, но, когда я вернусь, мы сыграем в любую игру, которую захочешь.

Потом она опять обняла его и подумала: «Я никогда не допущу, чтобы тебя коснулось что-то плохое!»

Они вернулись в спальню, и в этот момент вошла Нефисса со словами:

— Какой переполох! Кузен Ахмед, его жена и дети приезжают из Ассиута. Сегодня вечером в доме будет полно народа!

— Тетушка, мне нужно на некоторое время выйти. Вы присмотрите за Мохаммедом? Все так заняты, что, я боюсь, на него никто не обратит внимания.

Нефисса присела на кровать и обняла мальчика.

— Ничто не может доставить мне большую радость, — сказала она, вытаскивая из кармана конфету и передавая ему.

Когда Ясмина нечаянно уронила свою сумочку и стала тревожно дрожащими руками собирать рассыпавшиеся вещи, Нефисса заметила то, на что не обратила внимания при приходе племянницы: молодая женщина сильно нервничала.

— Если Визитеры рассвета так пугают тебя, — сказала она, — не лучше ли остаться здесь?

— Это встреча, которую нельзя отложить, тетя.

Это замечание возбудило любопытство Нефиссы.

— Что... — начала она, но Ясмина уже выскочила за дверь.

Когда Мохаммед высвободился из ее объятий, Нефисса спустила его на пол и решила разобрать багаж племянницы. Она начала с чемодана, который лежал на кровати, вынула аккуратно сложенные ночные рубашки и белье. Но, когда она вынула пластиковую косметичку Ясины, та открылась, и ее содержимое рассыпалось по полу. Пока она складывала все на место, она наткнулась на что-то, что поначалу сбilo ее с толку. Когда она поняла, что это противозачаточный колпачок, то замерла на месте.

Контроль рождаемости? Не удивительно, что после Мохаммеда не появился ни один ребенок! Но наверняка Омар не знает об этом.

Закончив собирать все обратно в сумку, она увидела, что губная помада упала на пол, и когда Нефисса подняла ее, то нашла кусок бумаги, который, видимо, выпал из сумочки Ясины. На нем был адрес, написанный рукой Ясины.

* * *

— Что ты сказал? — переспросил Ибрагим, подходя ближе к Хасану.

— Я сказал, что хочу Ясмину. Если ты отдашь ее мне, я вычеркну вашу фамилию из этого списка.

— Как ты смеешь!

— Она моя! Ты обещал ее мне, а затем нарушил свое обещание, и доказал тем самым, что у тебя нет чести. В тот день мы с тобой перестали быть братьями. Но нам нет нужды становиться врагами. Скажи Ясмине, чтобы она нанесла мне визит, и мы сможем ...

— Иди к дьяволу!

— Я не думал, что ты будешь так упорствовать. В конечном счете, благополучие всей твоей семьи поставлено на карту и находится под угрозой.

Руки Ибрагима непроизвольно сжались в кулаки.

— И мы будем бороться с тобой, как единая семья. Ты обвиняешь меня в том, что у меня нет чести? Тогда ты просто не знаешь меня. Я предпочту увидеть свою семью выброшенной на улицу, чем потерявшей честь!

— Запомни, друг мой, у тебя уже есть судимость за преступления против народа Египта.

— Если ты посмеешь притронуться к моей дочери...

Хасан рассмеялся:

— Я помню, когда мы были молоды, Ибрагим, и ты постоянно говорил мне о том, как ты хочешь сделать то и это, как ты собираешься воспротивиться воле своего отца. А потом я видел тебя, почти взрослого человека, который стоял перед отцом с опущенной головой и говорил: «Да, господин», как провинившийся школьник. Не делай из себя дурака, друг мой. Ты сильно пожалеешь об этом.

— Да, я делал в своей жизни вещи, о которых теперь сожалею, — произнес Ибрагим, удивляясь самому себе за такие откровения и еще больше удивляясь, когда понял, что именно это и собирался сделать. — Это были дела слабого мужчины, — сказал он. — Я не могу ими гордиться. Ты упомянул о моем отце. Он был сильным человеком, и рядом с ним я чувствовал себя слабым. Но мой отец теперь на небе, и я остался сам по себе. Если мне придется сражаться с тобой, то я сделаю это.

Он подошел к Хасану еще ближе, теперь их лица были так близко, что он мог ощутить знакомый запах одеколона своего друга.

— Держись подальше от моей семьи, — предупредил Ибрагим. — Держись подальше от Ясмины, или ты об этом пожалеешь!

Хасан улыбнулся:

— Ты мне угрожаешь, Ибрагим? У меня здесь есть власть, а не у тебя. Запомни, я уже однажды отправил тебя в тюрьму.

— Я знаю, — спокойно сказал Ибрагим.

— Согласно материалам твоего дела, они... допрашивали тебя. Не так ли?

Скулы Ибрагима свело судорогой.

— Ты не спровоцируешь меня на нападение, я не наброшусь на тебя. Не здесь, не сейчас.

— Я не хочу драться с тобой. Я хочу Ясмину.

— Ты никогда не получишь ее!

Хасан пожал плечами:

— Так или иначе, она будет моей. И однажды ты узнаешь раз и навсегда, что я не тот человек, которого можно не принимать в расчет — человек, с которым ты заключил контракт, а затем расторг его. Ты оскорбил меня, Ибрагим, а теперь я намерен сделать то же самое по отношению к тебе.

* * *

Такси Ясмины подъехало к дому и остановилось довольно далеко на шоссе Пирамид, поэтому она не заметила другое такси, которое только что отъехало, и не заметила пассажира, сидевшего внутри. Ее мысли были сосредоточены на том, что она собиралась сказать Хасану. Когда она шла по дорожке между деревьями и кустами, она чувствовала себя смущенной. Почему дядя Хасан делает это? Когда Джамаль произнес его имя в кабинете отца накануне вечером, она подумала, что это ошибка. Но, заметив выражение лица своего отца, она решила, что, возможно, в этом есть какая-то доля истины.

У входной двери она почувствовала, что ее решимость пропала. Это не может быть правдой. Нет, дядя Хасан не мог! И все же...

Он не появлялся в их доме около четырех лет. Он не был у них на свадьбе, не был на дне рождения Камелии, на вечере по случаю окончания института Захарии. Для близкого друга отца, которого его дети привыкли считать дядей, Хасан аль-Сабир неожиданным и загадочным образом исчез из их жизни на несколько лет. Она сделала глубокий вдох и постучала. Спустя минуту слуга провел ее в гостиную, которая

выглядела как музей. Хасан был там, и, когда он поднялся со своего дивана, Ясмину поняла, что впервые в жизни оказалась наедине с ним.

— Ясмину! Моя дорогая, — воскликнул он. — Хорошо, хорошо, вот это сюрприз! А ты выросла. Ты теперь стала женщиной! — Он схватил ее за руки и засмеялся. — Добро пожаловать, мир тебе!

— Мир тебе и благословение Аллаха, дядя Хасан.

Его улыбка стала еще шире:

— Значит, для тебя я все еще твой дядя, не так ли? Пожалуйста, садись.

Ясмину заметила кожаную софу, покрытую шкурой леопарда; ее глаза расширились от удивления, когда она обвела взглядом все вокруг.

— Как ты можешь видеть, моя дорогая, — сказал он, — я очень преуспел в эти дни.

Ее взгляд привлекла фотография в рамке, которая стояла на полке камина, фотография двух молодых людей в белых рубашках-поло, стоящих рядом друг с другом в обнимку и чему-то смеющихся.

— Это мы с твоим отцом в Оксфорде, много лет назад, — сообщил Хасан, подходя к ней. — В тот день наша команда выиграла. Это был один из лучших дней в моей жизни.

— Дядя Хасан, я пришла, чтобы поговорить с тобой о моем отце.

Хасан продолжал смотреть на фотографию.

— Моя жизнь в университете была бы очень одинокой, если бы не твой отец, — тихо сказал он. — Я был один-одинешенек в целом мире, мой отец только что умер, моя мать умерла за много лет до этого, у меня не было ни братьев, ни сестер. Если бы Ибрагим Рашид не поддержал меня, я бы впал в отчаяние, — он взглянул на Ямину. — Я очень любил твоего отца, больше, чем он считал, я думаю.

Ей показалось, что взгляд Хасана смягчился, и он сразу показался ей моложе.

— Дядя Хасан, ты знаешь, почему я пришла, чтобы встретиться с тобой?

— Во-первых, чтобы сообщить мне новости о своей семье, — произнес он, усаживаясь на софу и приглашая ее присоединиться. — Как все поживают? Расскажи мне, — по-

просил он и придвинулся к ней ближе, — как там твоя бабушка восприняла несчастье с Мисрахи?

— Мисрахи? Умма очень расстроена, конечно. Мы все расстроены. Но почему?..

— Я слышал, что она носилась вокруг них, как курица, которой отрубили голову, пытаясь разобраться во всем и исправить ошибку.

Ясмина похолодела:

— Я не ослышалась?

— Ты знаешь, что я всегда для себя называл твою бабушку Драконом? Она никогда не любила меня. С самого первого дня, когда Ибрагим привел меня в ваш дом, вернувшись из Оксфорда. Это было задолго до того, как ты родилась, моя красавица Ясмина. — Он принялся наматывать прядь ее светлых волос на палец, гладить кончики ее волос пальцами. — Я видел это по ее глазам, когда он представлял меня ей. Она улыбалась, а затем внезапно от нее повеяло холодом. Без всяких на то причин, Мишмиш. А знаешь ли ты, что я хотел жениться на тебе? Твой отец даже подписал со мной брачный договор. Но Дракон заставила его разорвать помолвку. Она сказала, что я недостаточно хорош для тебя.

Она быстро поднялась на ноги, чуть не споткнувшись о шкуру зебры, лежащую на полу.

— Дядя Хасан, я кое-что слышала прошлым вечером и просто считала невозможным поверить в это. Это насчет Визитеров рассвета и определенного списка фамилий.

— Да, есть такой. И что с ним?

— Мне сообщили, что моя семья внесена в этот список.

— И что, если это так и есть?

— Дядя Хасан, неужели ты ничего не можешь сделать с Визитерами рассвета?

— Ну, разумеется, сладкая Мишмиш. Зувар аль-Фагр находится в непосредственном подчинении у министра обороны Хакима Амера. А я его правая рука. Так что все, что они делают, они делают по моему приказу. Да, кстати, именно я приказал обыскать и конфисковать имущество семьи Мисрахи в первую очередь. Я послал туда солдат.

— Ты?! Но почему? Что они сделали?

— Ничего, они были совершенно невиновны. Я использовал их в качестве наживки, если уж говорить прямо.

— Что ты имеешь в виду, говоря о наживке?

— Я хочу кое-что, и это мой способ получить это. Я был тем, кто внес фамилию Рашидов в этот список. По моему приказу солдаты придут в ваш дом на улице Райских Дев, и я уверяю тебя, они будут очень тщательно обыскивать вас. Они оставят дом совершенно пустым. А затем конфискуют и сам дом. Твоя бабушка и остальные будут выброшены на улицу. Если, конечно, я не получу того, что хочу.

Ясмина задрожала:

— Что же это?

— Ты, конечно!

У Ясины перехватило дыхание.

Он поднялся с дивана и направился к ней:

— Я могу изъять фамилию Рашидов из этого списка. Я могу защитить ваш дом от прихода Визитеров рассвета. Но для этого потребуется определенная, назовем это так, плата с твоей стороны. Здесь и сейчас.

Она смотрела на него, шокированная его словами.

« — Обвиняй своего отца, Ясмина, именно он нанес мне оскорбление, он осквернил нашу дружбу, выдав тебя замуж за Омара вместо меня. Я ждал все это время, чтобы отомстить ему! И теперь я сделаю это через тебя! На этот раз твой отец не может остановить меня, и я в конце концов получу тебя.

Она, дрожа, обхватила себя руками:

— А если я откажусь участвовать в этом?

— Тогда я пошлю солдат на улицу Райских Дев. И, уверяю тебя, они не пожалеют никого.

— Я не хочу дать тебе того, что ты желаешь.

— Нет, ты захочешь.

Он протянул руку и прижал ее к себе. Когда она попыталась оттолкнуть его, он зажал оба ее запястья одной рукой, а другой разорвал блузку у нее на груди.

— Теперь ты не сможешь рассказать никому об этом, — пробормотал он, просовывая руку под ее лифчик и обхватывая ладонью ее твердую грудь.

Она вырвалась и побежала из комнаты, опрокидывая за собой столики, сбросив на пол вазу, которая разбилась на полу. Он нагнал ее, развернул к себе лицом и прижал к стене.

— В конце концов, — сказал он, — в таких делах рушится репутация и честь женщины, а не мужчины. Помни, что ты пришла сюда одна и по собственной свободной воле. Ты бу-

дешь делать все, что я скажу, и я буду получать удовольствие от этого. И кто знает? Может быть, ты и сама получишь удовольствие!

* * *

На улице на шоссе Нефисса остановила свою машину там, где видела, как Ясмина вышла из такси. Ее внук был с ней рядом. Она везла Мохаммеда за мороженым, но потом любопытство победило и привело ее прямо по адресу, записка с которым выпал из сумочки Ясины. Она некоторое время с интересом разглядывала уединенную виллу, стоящую среди деревьев, а затем, заметив женщину, направлявшуюся в сторону дорожки, ведущей к дому, опустила боковое стекло и окликнула ее:

— Аллах храни вас, матушка. Не могли бы вы сказать мне, кто живет в этом доме?

— Храни вас Аллах, саида, это Хасан аль-Сабир, — ответила женщина как можно тише, — очень могущественный человек.

— Хасан аль-Сабир!

«Но какие дела, во имя Аллаха, могут быть у Ясины с Хасаном?..»

24

Публика в набитом до отказа клубе «Кейдж д'Ор» вскакивала на ноги и выкрикивала:

— Ялла! Камелия! Дахиба!

Это был момент, когда Дахиба и Камелия танцевали под соло ударных — кульминация их шоу, поэтому Камелия посылала в публику воздушные поцелуи, уходя со сцены. Хотя уже наступила осень, вечер был жарким; она мечтала сбросить с себя свой костюм, который представлял собой простую белую галабею с шарфом вокруг бедер. И из-за того, что при Насере в новом Египте воцарилась атмосфера строгости и аскетизма, Камелия и Дахиба, как и все прочие артисты в Каире, были вынуждены отказаться от своих ярких костюмов, убрать все особенно блестящие моменты из своих выступлений и изменить хореографию танцев так, что теперь они в большей степени были танцами живота, народными, и в гораздо меньшей степени ориентальными и вызы-

вающими. Но, даже несмотря на все эти ограничения, их публика по-прежнему оставалась восторженной, а залы — набитыми до отказа.

За сценой Камелия неожиданно увидела Ясмину, которая поджидала ее. Сестры редко виделись за последние несколько месяцев, и Камелия была поражена, увидев темные круги под голубыми глазами Ясины. Камелия еще больше встревожилась, когда заметила, что с Ясиной нет ее сына; Мохаммед всегда сопровождал свою маму. Несмотря на то что она выглядела ужасно, Ясмина улыбнулась, обняла свою сестру и заявила, что та танцует лучше и лучше с каждым днем.

— А это ты видела, Лили? Прочти!

Камелия зачитала вслух статью в газете, которую Ясмина обвела карандашом:

«Прелестная Камелия, новичок на клубной сцене Каира — непревзойденная, блестящая танцовщица, которая обладает гибкостью змеи, грацией газели и прелестью бабочки. Обозреватель может предсказать, что настанет день, когда Камелия превзойдет своим искусством даже самую великую Дахибу — свою учительницу».

Статья была написана Якобом Мансуром, обозрения которого прежде Камелия никогда не видела.

Ясмина улыбнулась:

— Он просто влюблен в тебя, Лили! У тебя появился тайный обожатель!

У Камелии уже было несколько поклонников, мужчин, которые выпрашивали Хакима Рауфа о протекже его жены и которые иногда посылали цветы и записки в ее гримерную. Но Камелия, хотя ей уже исполнился двадцать один год, не могла позволить себе влюбиться. Она собиралась посвятить себя тому, чтобы стать величайшей танцовщицей Египта, которая когда-либо рождалась на этой земле, а муж или любовник не фигурировали в ее планах.

Когда Камелия обратила внимание на тень, которая скрывалась за улыбкой сестры, и на то, как дрожат руки Ясины, она отвела ее в свою уборную, сняла трубку телефона и попросила, чтобы принесли чай. Затем она обернулась к Ясмине и сказала:

— Что случилось, Мишмиш? Ты выглядишь такой усталой.

— Да, ничего. Я просто думаю... об одном деле.

— Ты слишком много работаешь, — сказала Камелия, закалывая свои длинные черные волосы и начиная снимать грим. — Ты воспитываешь Мохаммеда, заботишься о своем сыне, ходишь на лекции в университет, работаешь медсестрой в кабинете отца.

Но, когда она заметила в зеркале, что у ее сестры взгляд как у побитой собаки, она прервала свое занятие и обернулась:

— Мишмиш, я знаю, что что-то не так. Пожалуйста, расскажи мне!

— Я не знаю, как сказать об этом, Лили, — спокойно начала Ясмина, — случилось нечто ужасное.

— О чем ты?

— Я сделала кое-что, нет, я имею в виду, со мной случилась беда на следующий день после того, как умер Сулейман Мисрахи. Я никому не рассказывала об этом, даже маме. У меня нет никого, кому я могла бы доверять, Лили, кроме тебя. И я даже не знаю, как рассказать тебе об этом.

— Просто расскажи, как мы всегда это делали, когда вместе росли. У нас не было секретов друг от друга, правда?

— Камелия, я беременна.

Камелия почувствовала укол ревности и зависть, которые всегда испытывала, когда подруги или родственницы объявляли о своей беременности. Такая радостная новость никогда не будет исходить из ее уст. Но затем она сразу же начала раскаиваться в своих мыслях:

— Но ведь это прекрасно!

— Нет, Лили, это не прекрасно! Ты знаешь, что я применяла противозачаточные средства. Омар не знает об этом, никто не знает. Только ты.

— Ну, хорошо, ведь нет абсолютно надежных средств контрацепции, Ясмина. Бывают и сбои. Я знаю, что ты хочешь пойти в медицинский институт, но ты просто отложишь это на чуть более позднее время.

— Ты не понимаешь, Лили. Это ребенок не Омара.

Громкий звук аплодисментов проник сквозь тонкую перегородку, звук тяжелых шагов прозвучал в коридоре и удалился. Камелия поднялась. Повернула в замке ключ, затем села обратно:

— Если это ребенок не от Омара, тогда от кого?

Ясмина рассказала Камелии о неожиданном приходе Джамали Рашида в кабинет отца, о его предостережении об

опасности, нависшей над их домом, и, наконец, о том, что она узнала имя человека, который внес их семью в черный список Визитеров рассвета.

— Я пришла к нему в дом. Я все время думала о том, что это не может быть дядя Хасан! Но он подтвердил мне все и сказал, что все это было потому, что он хотел меня, что мы были обручены, но затем отец разорвал соглашение.

— Во имя всех святых! — пробормотала Камелия. — Но ведь это невозможно, Ясмина! И что же произошло потом?

— Когда я поняла, какую глупость сделала, придя туда, я попыталась уйти. Он схватил меня, я пыталась бороться с ним. Но он был слишком силен.

Камелия прикрыла глаза и пробормотала:

— Чтоб ему гореть в адском пламени! О, Ясмина! И ты никому не рассказывала об этом?

Ясмина замотала головой.

— Дядя Хасан... — с недоверием произнесла Камелия. — И если вспомнить, как я обожала его, когда была маленькой! Я даже мечтала о том, чтобы выйти за него замуж! А теперь узнать, что он сын дьявола!

— И я беременна от него, это его ребенок.

— Ясмина, послушай меня. Ты не должна никому рассказывать об этом. Они жестоко покарают тебя. Вспомни тетюшку Фатиму, чье имя нам было запрещено даже произносить. Мы даже не знаем, что именно она сделала, но дедушка Али никогда так и не простил ее. Он вышвырнул ее из дома, и даже ее собственные брат и сестра не станут говорить о ней.

— Они сделают то же самое со мной.

— Аллах с тобой, Ясмина! О чем ты думаешь? Ты пришла в дом мужчины — одна, без сопровождения, а это худшее из того, что может сделать женщина! Хасан не затаскивал тебя к себе в дом насильно.

— Я пришла просто поговорить с ним, Лили. И он овладел мной.

— Ты жертва, Ясмина, но тебя все равно накажут. Просто так устроена жизнь. А теперь послушай: Омар поверит, что ребенок — его. Он так самонадеян, что его тщеславие слепит его, и он не допустит ни малейших сомнений, даже если ребенок будет совершенно не похож на него. Да и какие у всех будут причины думать иначе? Мы никогда и никому не расскажем правды, Мишмиш. Иначе ты будешь уничтожена, и се-

мья будет разрушена. Во имя спасения всех, а в первую очередь — тебя самой, мы с тобой будем хранить это в секрете.

Ясмина вздохнула.

— Ты начинаешь говорить, как умма.

— Может быть, она сказала бы тебе то же самое, если бы ты пошла к ней. Ну а теперь я иду на ужин с друзьями после представления. Я хочу, чтобы ты пошла с нами. Не качай головой. Ты очень мало выходишь, а это очень приятные, уважаемые люди. У тебя родится прелестный ребенок, а я прослежу за тем, чтобы ты поскорее забыла о Хасане аль-Сабире.

Позже, тем же вечером, когда Камелия уже лежала в своей кровати, а лунный свет оставлял полосы на ее атласном покрывале, она вновь вспомнила слова Ясины: «Ты начинаешь говорить, как умма» и с удивлением поняла, что во многих отношениях умма была совершенно права. Иногда просто необходимо хранить секреты для того, чтобы защитить честь семьи.

* * *

«Калифорния — это такое странное место, — писала Мариям. — Сомневаюсь, что когда-нибудь сумею привыкнуть к нему. Но как это странно и чудесно — приходить в синагогу, в которой полно людей! Сулейман был бы счастлив видеть это. Мое сердце осталось в Египте вместе с тобой, сестра моя, и с Сулейманом».

Амира взяла письмо у Зубайды, которая только что прочла ей его, и стала разглядывать почерк. Хотя она и не умела читать, она чувствовала дух Мариям в этом листе бумаги, и испытывала утешение в эти нелегкие времена.

Визитеры рассвета все еще не вломились в дом Рашидов, но семья была уже готова к этому: все из салона было вынесено, женщины больше не пользовались декоративной косметикой и не носили украшений. Они больше не надевали дорогую одежду, и даже еда, которую готовили на кухне, теперь в основном состояла из простеньких скромных деревенских рецептов Сахры. Но все в доме очень чутко спали по ночам, и всякий раз, когда кто-то стучал в дверь, все начинали нервничать.

Амира осторожно сложила письмо Мариям и положила его в карман, затем посмотрела наверх и поразилась, увидев стоящую в салоне Камелию.

— Умма? — позвала девушка.

— Внучка моего сердца! Слава Аллаху!

— О, умма! Я боялась, что ты не захочешь видеть меня! Я прошу прощения за то, что наговорила тебе!

Амира улынулась сквозь слезы:

— Тебе было восемнадцать лет, и ты «знала все», как это бывает со всеми восемнадцатилетними! Ты выросла, повзрослела и немного располнела.

— Я теперь танцовщица, умма.

— Да, — сказала Амира. — Ясмина говорила мне.

— Это очень уважаемая профессия, умма! Я ношу чудесную галабею. У нее длинные рукава, и она закрывает мои шиколотки. А когда я танцую танец живота, ох, умма, тебе стоит увидеть, какими счастливыми становятся люди!

— Тогда я рада, что Аллах нашел место для тебя. Может быть, в своей бесконечной милости, когда Он одной рукой забрал нечто у тебя, Он же и наделил тебя другой рукой. Делать людей счастливыми, заставлять их сердца петь — это бесценный дар Аллаха тебе!

— Я хочу, чтобы ты познакомилась с Дахибой, моей учительницей.

— Женщиной, у которой ты живешь?

— Дахиба очень уважаемая женщина, умма. Ты видела фильмы с ней?

— Когда я была молодой, ваш дедушка брал меня в кинотеатр. В те дни там была специальная ложа, закрытые приспущенными жалюзи балконы, где женщины могли сидеть так, чтобы их не было видно. Али сидел вместе с остальной публикой в зале, среди мужчин, а я сидела на балконе с его матерью и первой женой, которая все время была больна, и двумя его сестрами. Фильм был о супружеской измене, насколько я помню, и я была шокирована. Это был первый фильм, который я когда-либо видела, и последний. Нет, я не видела Дахибу в фильмах.

— Я хочу, чтобы ты встретилась с ней, умма. Пойдем со мной, позволь мне показать тебе, где я живу. Ты полюбишь ее, я знаю, что так и будет!

* * *

Как и все остальные богатые люди Каира, Дахиба и ее муж Хаким Рауф были вынуждены постепенно сократить свои расходы, прекратили демонстрировать свое богатство и

реже стали бывать в свете. Хотя у Рауфа было множество друзей в правительственных кругах, а Дахиба была признанной фавориткой в среде членов кабинета президента, они не чувствовали себя в безопасности — и никто не чувствовал. Итак, наряду со своими экстравагантными костюмами Дахиба отложила в сторону меха и драгоценности, а Рауф уволил их шофера. Он вел «шевроле» сам, и Дахиба появлялась в клубе «Кейдж д'Ор», как самая обычная горожанка.

Они сидели в гостиной, пили кофе и ели апельсины, пролистывая газеты, когда в дом ворвалась Камелия:

— Я привела кое-кого, кто хочет познакомиться с вами!

— Аль хамду лилах! — вскрикнул Рауф. — Уж не сам ли президент Насер пожаловал?

Она засмеялась:

— Нет, это моя бабушка. Она ждет в фойе.

Улыбка сбежала с лица Рауфа, и он обменялся взглядом со своей женой.

— Моя дорогая, — сказала Дахиба, поднимаясь с софы, — не думаю, что это хорошая мысль. Твоя бабушка не одобрит меня, ты и сама так говорила.

— Да, но у нас с ней был долгий разговор, и она сказала, что хочет познакомиться с тобой! Ты знаешь, как сильно я хотела снова помириться с бабушкой и дружить с ней. Это все благодаря Ясмине, которая сказала мне нечто такое вчера вечером в клубе, что заставило меня решиться и попросить прощения у умы. И она приняла меня с большой радостью! Может быть, в глубине души она и не одобряет танцовщиц, но, пожалуйста, дай ей шанс. Это так много значит для меня!

Дахиба переглянулась со своим мужем, который быстро поднялся и сказал:

— Мне нужно срочно ехать на студию. Я пройду через кухню.

— Я должна предупредить тебя, — возбужденно продолжала Камелия, — моя бабушка очень старомодна. Она не ходит в кино и не посещает ночные клубы, поэтому она никогда о тебе не слышала. Я надеюсь, что тебя это не обижает.

Она вышла в фойе и вернулась обратно, придерживая дверь, чтобы впустить Амиру.

— Дахиба, — сказала она, — я имею честь представить вас моей бабушке. Умма, это Дахиба, моя учительница.

В воздухе повисло молчание, которое нарушалось только шумом транспорта, доносившимся с улицы Каира снизу. Затем с грустной улыбкой Дахиба спокойно произнесла:

— Добро пожаловать в мой дом. Мир тебе и благословение Аллаха над твоей головой.

Амира не ответила и продолжала стоять, как статуя.

Дахиба вздохнула:

— Неужели ты даже не здороваешься со мной, мама?

Амира развернулась, взглянула на Камелию и. не произнеся ни слова, вышла.

— Постой! — вскрикнула Камелия, побежав ей вслед, — Умма, не уходи!

— Дай ей уйти, дитя, — сказала Дахиба. — Пусть уходит.

— Я не понимаю. Почему она ушла? Что произошло?

— Подойди сюда и сядь.

— Почему ты назвала ее мамой?

— Потому что Амира — моя мама. Мое настоящее имя — Фатима. Я Фатима Рашид, и я твоя тетя.

* * *

Неяркий свет ноября пробивался сквозь газовые занавески и освещал гостиную, а дымок, поднимающийся от чашек, наполнял воздух запахом мяты. Дахиба сначала налила чашку Камелии, затем себе и удобно устроилась на диване, чтобы продолжить разговор.

— Ты сердисься на меня? — спросила Дахиба. — За то, что я не сказала тебе.

— Не знаю. Я просто сбита с толку! Ты говорила мне, что твои родители погибли при кораблекрушении.

— Я придумала это. Я никогда никому, кроме Хакима, не говорила, кто в действительности мои родители. И я никогда не рассказывала тебе об этом, Камелия, потому что не могла представить себе, что может тебе сказать моя мама о своей отверженной дочери. Я боялась, что ты не захочешь танцевать со мной, если узнаешь, кто я на самом деле.

— Но как так получилось, что никто из нашей семьи никогда не искал тебя? Наверняка кто-то мог видеть тебя в клубе или в одном из твоих фильмов!

— Когда мой отец выгнал меня из дома, я была молодой. К тому времени, когда я стала знаменитой, а еще больше, когда стала сниматься, я внешне сильно изменилась. Я стала более

зрелой физически, а косметика сделала мое лицо еще менее узнаваемым. Кроме того, никто не искал меня на сцене или в кино. Однажды я действительно столкнулась с Мариям Мисрах. В тот момент я выходила из бального зала отеля «Хилтон». А она была в цветочном магазине в холле первого этажа. Я не поняла, узнала она меня или нет, потому что на всех плакатах около отеля была моя фотография. Я думала, что она подойдет ко мне и скажет несколько слов, но она не сделала этого.

— Что произошло? — спросила Камелия, поставив чашку на стол и наклоняясь вперед. — Умма никогда не рассказывала нам ничего о том, почему ты ушла из семьи.

Дахиба подошла к окну и посмотрела, как постепенно сгущаются тени на улице внизу. Мужчина в грязной галабее толкал перед собой повозку, набитую доверху пластиковыми шлепанцами.

— Мне тогда было всего семнадцать лет, — тихо произнесла она, — столько же, сколько и тебе, когда ты пробралась на сцену и стала танцевать для меня в тот вечер.

Она зажгла сигарету и выдохнула струю дыма прямо в полосу пыльного солнечного света.

— Я была любимой дочерью у своей матери, и она приложила огромные усилия для того, чтобы устроить мне самую лучшую партию — богатого пашу, нашего дальнего родственника. Это было в 1939 году. Мне было пятнадцать. В нашу первую брачную ночь крови на простыне не оказалось. Мама спросила меня, не была ли я с каким-нибудь мальчиком, но когда я рассказала ей о том, что упала, и о том, что на моей юбке были пятна, она поняла, что произошло. Я по-прежнему была девственницей, но так же, как и ты, я больше никогда не могла выйти замуж.

Камелия задохнулась от внезапного прозрения:

— Так вот почему ты заставила меня побежать домой и рассказать умме о моем падении с лестницы!

— Я знала, что она сразу подумает об операции, чтобы восстановить твою девственность. Они делали это даже в те давние дни, и она хотела, чтобы мне сделали что-то такое. Но отец — твой дедушка Али — сказал, что это будет обман, а стало быть, позорный поступок. Он не пропускал ни единого дня, ни единой возможности выразить мне свое разочарование во мне. Само мое присутствие в доме бросало тень на весь род. Но, даже несмотря на это, мама была добра ко мне и старалась

меня понять, но во мне все больше пробуждался бунтарский дух. «Это несправедливо, — решила я, — что общество делает жертвами совершенно невинных людей». Я начала выходить на улицу без чадры. Я подружилась с танцовщицами, которые брали меня с собой в опасные и будоражащие воображение места — в кофейни на улице Мохаммеда Али. Именно там, — Дахиба вздохнула, — среди танцовщиц и музыкантов, я встретила Хосни. Он был дьявол в обличье мужчины, красивого, вежливого и без гроша в кармане. Хосни был барабанщиком, который, как и все остальные музыканты на улице Мохаммеда Али, крутился около кофейен в ожидании работы. Когда в один из вечеров он увидел, как я танцую, он подумал, что мы могли бы выступать вместе. Он женился на мне, говорил, что любит меня. И тогда мы сняли скромную квартиру и проводили дни и ночи в кофейнях с другими музыкантами и танцовщицами, ожидая кого-нибудь, кто наймет нас на свадьбу или на вечер. Папа был, конечно, в ярости. Он приравнивал танцовщиц к проституткам, поэтому и отрекся от меня. Мне было все равно. Мы с Хосни находились в самом низу социальной лестницы, и люди смотрели на нас сверху вниз, но мы были невыразимо счастливы...

А потом... Мы уже были женаты почти год, когда я наткнулась на знакомую танцовщицу на рынке Хан-Халиль, где мне шили костюм. Она спросила меня, как я себя чувствую, принялась жалеть меня и так далее. Когда я спросила, почему я должна чувствовать себя несчастной, она сказала, что решила, что я буду в отчаянии после того, как Хосни развелся со мной. Я была потрясена. Я не знала об этом, но он произнес формулу развода трижды перед лицом свидетелей. Он официально развелся со мной, бросив меня одну, без денег, и даже не послал мне хотя бы записки о том, что мы больше не женаты! Больше я никогда его не видела.

— Но почему он развелся с тобой, если вы были так счастливы вместе?

— Камелия, дорогая моя, мужчина интересуется женщиной, только если не может получить ее. Как только он добивается ее, сразу же утрачивает к ней интерес, и женщине остается только один способ привязать к себе своего мужа — завести ребенка. Всем известно, что мужчине вовсе не обязательно любить свою жену, но он будет всегда любить своих детей. Хосни развелся со мной, потому что я не заберемене-

ла. Я заставила его усомниться в его мужских достоинствах, а это было оскорблением.

— Что же ты стала делать потом?

— Я не могла вернуться на улицу Райских Дев, поэтому я старалась заработать себе на жизнь танцами. Какое-то время моя жизнь была очень тяжела, Камелия. Мне приходилось делать такие вещи, за которые мне стыдно до сих пор. А потом Хаким Рауф увидел меня в процессии на свадьбе. Он сказал, что хотел бы снять меня в кино. Через некоторое время он влюбился в меня и, несмотря на то что я рассказала ему о том, что у меня, скорее всего, не будет детей, женился на мне.

— Дядя Хаким — чудесный человек!

— Более прекрасный, чем ты думаешь.

Дахиба подошла к шкафчику, в котором держала скатерти и серебро, отперла специальный ящик и вытащила из него потертую тетрадь.

— Помимо танцев, — сказала она, передавая тетрадку Камелии, — я еще пишу стихи. Большинство мужчин пришли бы в негодование, если бы обнаружили, что их жены пишут такие слова, но Хаким поощряет меня. Он даже надеется, что когда-нибудь я их опубликую.

Камелия открыла тетрадку и начала переворачивать пожелтевшие страницы. Она нашла стихотворение, озаглавленное «Приговор Женщине», и прочла:

В день, когда я родилась

Я была приговорена.

Я не знала, в чем меня обвиняют.

Я не видела судей.

Вердикт был произнесен в тот же миг,

Когда я сделала свой первый вздох.

Женщина.

Камелия продолжала читать стихи, полные горечи и разочарования — о подавляющем превосходстве мужчин, о несправедливых законах божеских, о слепом невежестве общества:

Аллах обещает даровать райских дев всем верующим.

Но они не ждут меня после смерти.

Они ждут моего отца.

Моих братьев.

Моих дядей.

Моих племянников.

Моих сыновей.

Ни одна дева не ждет меня в раю.

Дахиба сказала:

— Когда ты вышла на сцену в тот первый вечер, твое лицо показалось мне знакомым. А потом, когда ты назвала свое имя и фамилию, ох! Какое странное чувство охватило меня! Ты была здесь, дочь моего брата, и ты была похожа на Амиру: ее глаза, губы. Мне было очень трудно прийти в себя в ту ночь и успокоиться. Я хотела обнять тебя, расцеловать, ты была моей единственной семьей. Но я боялась, что ты сбежишь от меня из-за всех этих ужасных историй, которые, как я была уверена, вам обо мне рассказывали.

Камелия удивленно качала головой:

— Они даже не произносили твоего имени, и все твои фотографии были изъяты из альбомов.

Дахиба кивнула:

— Вот почему никто из молодежи не смог узнать меня. Даже у Ибрагима и Нефиссы должны были остаться лишь смутные воспоминания о том, как я выгляжу.

— Должно быть, это ужасно для тебя!

— До того как я познакомилась с моим дорогим Хакимом, это так и было. Быть выброшенной из своей семьи, особенно из большой семьи, такой, как у Рашидов, и когда к тебе относятся так, как будто бы ты умерла... это ужасно, Камелия! Много раз в те дни, когда я еще не встретила с Хакимом, я хотела умереть по-настоящему.

Дахиба вернулась на софу и затушила сигарету:

— Итак, теперь умма ведет дом. Я никогда не думала, что это случится.

— Я думаю, что в первый раз она взялась за это, когда папа был в тюрьме. Никто не знал, куда она уходит ...

— Ибрагим был в тюрьме? Как много я пропустила! Расскажи мне, ты родилась на большой постели бабушки? И я тоже, мы все там появились на свет, все за последние сто лет. Бисмилля, сколько же историй хранят стены этого дома! Историй, которые я могла бы тебе порассказать!

Она внезапно рассмеялась.

— Я живо представляю себе турецкий фонтан, куда дядя Салах забрался как-то ночью. Он накурился гашиша, сбросил с себя всю одежду и кричал, что он рыбка! А на большой лестнице все еще есть широкие перила? Твой отец, Нефисса

и я частенько съезжали по ним по утрам, а умма очень сердилась! А этот чулан внизу, в котором однажды все рассыпалось без всяких на то причин. Мы, дети, считали, что в нем водятся привидения.

— Мы тоже так говорили — мой брат Закки, Ясмина и я.

— Я помню сад, папирус, растущий в нем, пыльные оливковые деревья. Он все такой же?

— Тетя Алиса переделала его. Теперь он выглядит как настоящий английский сад с гвоздиками и бегониями. Но он очень красивый.

— А на кухне есть пятно на стене возле окна на юг, желтое пятно в виде трубы? Оно появилось там много лет назад, Камелия, даже до моего рождения, а мне уже сорок два. С этим большим домом связано так много историй...

— А ты знала мою маму? Она умерла, когда родила меня.

— Нет, прости. Я не знала ее.

— Тетя, — сказала Камелия, чтобы закрепить их новые отношения. — Почему ты не сходишь с извинениями к умме? Почему ты не пойдешь к ней и не объяснишь ей все?

— Моя дорогая девочка, нет ничего, чего я желала бы больше всего на свете, чем воссоединиться со своей семьей. Но, когда я вышла замуж за Хосни, мой отец говорил мне ужасные вещи, а мама не сказала ни слова в мою защиту. Я была всего лишь девочкой, а она была зрелой женщиной. Это она должна сделать первый шаг. Ох, Камелия, я так много хочу рассказать тебе о семье и расспросить тебя о стольких событиях! Но, — она нахмурилась, — ты покинешь меня сейчас и вернешься к своей бабушке? Я сомневаюсь, что она примет тебя обратно, если ты полностью не порвешь со мной. А если ты останешься со мной, то, возможно, больше никогда не увидишь ее.

— Если это угодно Аллаху, пусть так и будет, — сказала Камелия. — Я остаюсь. Ты моя тетя, ты моя семья. И я не перестану танцевать никогда!

25

Движение возле аэропорта было сумбурным. Пока Нефисса маневрировала на своем «фиате», пытаясь прорваться сквозь скопление машин, она думала о том, что случилось и что послужило причиной такой неразберихи. Уже многие

недели шли разговоры о войне. С самого первого нападения Израиля на Сирию в апреле Египет был приведен в боевую готовность. Так же, как и во времена Революции, Каир снова был в напряжении, люди собирались вокруг радиоприемников в кафе, расхватывали газеты, в которых активно велась пропаганда войны. Неужели Израиль в конце концов объявил войну Египту? Так думала Нефисса. Она протянула руку к приемнику, чтобы послушать новости, но потом передумала. Она не хотела размышлять о войне прямо сейчас, ее сын сегодня возвращался домой, и ее переполняло желание сообщить ему прекрасные новости.

Когда наконец она добралась до терминала и вошла в зал, то обнаружила, что многие рейсы отменены и пассажиры вынуждены теперь слоняться по залу, а встречающие, такие, как она, кипят от бессильной ярости. Прорываясь сквозь толпу, она молилась, чтобы рейс Омара из Кувейта в числе немногих других не был отменен, хотя множество коммерческих рейсов также задерживались. Пытаясь уловить из рассерженных криков и громких разговоров вокруг, что происходит, Нефисса безошибочно определила: президент Насер только что объявил чрезвычайное положение в стране; египетские войска приведены в полную боевую готовность. Страна готовилась к войне.

Стойки, где занимались билетами, осаждали толпы рассерженных людей, но, когда Нефисса попыталась привлечь к себе внимание служащего аэропорта, ее оттолкнули в сторону и ее голос потонул в шуме. Тут она заметила только что прилетевших пассажиров, выходящих из таможенного отделения. Она локтями проложила себе путь в толпе, чтобы выяснить, какой рейс прибыл и не из Кувейта ли он — тот, которым должен был прилететь ее сын Омар, которого срочно вызвали на родину в качестве резервиста на случай военных действий. Пока она высматривала его, она наткнулась на высокого красивого мужчину, который держал в руках дипломатический паспорт и английский плащ. Их глаза на мгновение встретились, оба пробормотали извинения и продолжили пробираться в противоположных направлениях.

Нефисса вдруг остановилась и оглянулась, чтобы заметить, как он исчезает в толпе. В какой-то момент ей показалось, что он очень похож на...

Она тряхнула головой и пошла дальше.

Мужчина с плащом в руках еще не успел дойти до выхода из аэропорта, остановился и тоже обернулся назад. Эта женщина... ее глаза... Они напомнили ему глаза, в которые он когда-то был влюблен: двадцать два года назад, когда он был молодым лейтенантом, на военной базе в Каире во время войны. Глаза под чадрой, выглядывающие из-под прорези головного покрывала. Они провели фантастическую ночь любви в старинном гареме...

Но его машина и водитель уже ждали его, и он поспешил выйти.

Нефисса снова остановилась и оглянулась. Неужели это возможно? Неужели это был он?! Эти голубые глаза, этот прямой нос — она никогда не сможет забыть!

Она стала протискиваться сквозь толпу в обратном направлении, чтобы догнать его, и тут услышала голос в громкоговорителе, который объявлял о прибытии рейса из Кувейта. Какое-то мгновение Нефисса продолжала смотреть в ту сторону, куда ушел незнакомец, а затем, тряхнув головой, развернулась и поспешила к выходу из таможенного отделения.

Когда Нефисса увидела Омара, выходявшего из прохода, она помахала ему рукой и окликнула его. Она с трудом могла скрывать свое возбуждение.

Ей хотелось скорее выпалить ему новости, сразу же, как только они обнимутся, но эта неразбериха в аэропорту была не самым подходящим местом. Она подождет, пока они не усядутся в машину и не выберутся на шоссе, пока не останутся вдвоем. Она послушает, как Омар сообщит ей о своем новом назначении на нефтяных разработках Кувейта, а потом скажет все так, как уже мысленно много раз прорепетировала:

— Я решила переехать жить к вам с Ясминой. Мать принадлежит своему сыну и внукам, и это неправильно, что я все еще живу на улице Райских Дев в доме моей матери. Я заслуживаю того, чтобы у меня был мой собственный дом.

Омар согласится, конечно. Ведь именно он порвал с традициями, когда снял квартиру для себя и своей невесты. И где же осталась его мать? Это ее право — вести хозяйство в доме собственного сына, и это может подтвердить любая мать в Каире.

Так мечтала Нефисса, ей давно хотелось заботиться об Омаре и Мохаммеде. После короткого романа с профессором американского университета и легкого флирта, не приведшего ни к чему, с английским бизнесменом ей пришлось смириться с

мыслью, что она больше никогда не переживет такого романа, который был у нее однажды в прекрасную ночь, когда ей было двадцать лет. «Все тщетно, — говорила она себе, — попытаться увидеть своего английского лейтенанта в другом мужчине, мне просто показалось, что я видела его в аэропорту!»

Итак, она распрощалась со своими мечтами и заменила их другими.

— Я так рада видеть тебя дома, сынок, — сказала она, усаживаясь в свою машину на пассажирское кресло и уступив место за рулем Омару. — У тебя важная работа, но из-за нее мы так долго не видим тебя.

— Как дела дома, мама? Ясмина, как она? Скоро должен родиться ребенок, слава Аллаху!

Они выехали с парковки перед аэропортом и быстро мчались по пустынному шоссе мимо катящихся танков, которые направлялись на восток в сторону Синайского полуострова. Нефисса не сказала ни слова о Ясмине. Ее племянница была одним из препятствий на пути к осуществлению ее прекрасных планов на будущее.

Нефисса решила для себя, что теперь она слишком стара в свои сорок два года для того, чтобы продолжать жить в доме своей матери и занимать второе место в семье после Амиры. Она считала, что заслужила право иметь собственный дом, в котором ее невестка должна была бы во всем ей помогать, поэтому она начала осуществлять свой план. После того как она найдет в Каире достаточно большую квартиру, она выберет другие вещи из фарфора и серебра и избавится от той посуды, которой Ясмина и Омар пользовались каждый день. Потом она купит новую мебель, занавески и ковры, картины на стены. И хотя все это были лишь прожекты, заставляющие разыгрываться ее воображение и сулящие многочисленные удовольствия, проблема с существованием Ясмины была как неприятная тень, вносящая разлад.

У Нефиссы не было доказательств, но она подозревала, что ребенок Ясмины, которого она носит, не имеет отношения к ее сыну и что это дитя Хасана аль-Сабира. В конце-то концов она ведь нашла контрацептивы, которые были спрятаны среди туалетных принадлежностей Ясмины! Если бы Омар знал о том, что она использует средства для контроля рождаемости, то он бы очень удивился тому, что Ясмина забеременела, а он ничего для этого не сделал. И потом был

еще этот загадочный визит Ясины в дом Хасана. Она вернулась в дом на улице Райских Дев лишь спустя два часа в совершенно новой блузке, не в той, в которой уходила.

Нефисса хранила все свои подозрения в секрете. Если бы она заговорила о них, то, скорее всего, как она думала, ее планы перебраться в дом Омара могли рухнуть. Если ему придется развестись с Ясиной, то он вернется в дом на улице Райских Дев, куда он всегда приезжал в перерывах между своими длительными командировками. И Нефисса так и будет продолжать жить в тени Амиры.

Она же хотела иметь свое собственное хозяйство и семью, которыми могла бы распоряжаться и руководить. Что это может означать для ребенка, если правда останется в секрете? «Это может дать мне определенные преимущества, — решила Нефисса, — я могу дать понять Ясине, что знаю правду о ребенке и пообещаю ей хранить молчание, если Ясмина признает меня главой своей семьи!»

Когда на горизонте появились первые, выкрашенные невзрачной серой краской дома, стоящие вдоль шоссе, пыльные новые многоквартирные дома, которые поджидали малоимущих нанимателей, Нефисса решила рассказать Омару о своих планах. Но он заговорил первым:

— И знаешь что, мама? Я скучаю по Ясине. Я многое узнал, пока работал за границей, и одна из этих вещей — понимание, что такое хорошая жена. Ясмина меня раздражала, как только мы поженились. Она не понимала, чего я хочу, не понимала, что мне нужно, и мне пришлось учить ее. Но теперь, — он потянулся и улыбнулся, — я вижу, что наша жизнь налаживается и мы можем хорошо жить вместе.

Нефисса заставила себя улыбнуться. Ее сын говорил так, как будто он уже не был просто мальчишкой, хотя ему исполнилось всего лишь двадцать пять лет!

— А теперь еще Ясмина беременна, — сказал он. — И я начинаю подозревать, что здесь что-то не так. Мама, у меня есть прекрасная новость. Нефтяная компания, к которой я был приписан для работы на время, предложила мне постоянную работу в качестве одного из ведущих инженеров!

— Это чудесно, Омар! — сказала она, заметив, как он расправил грудь от гордости за себя, пока говорил. Он также начал отпускать усы, как она заметила, и носить дорогие, сшитые на заказ рубашки. В своем сердце и мыслях она продолжала счи-

тать его маленьким мальчиком, но теперь впервые ей пришла в голову и неприятно поразила мысль, что ее сын стал мужчиной.

— А как насчет войны с Израилем? — спросила она.

— И сколько она будет продолжаться? Даже если эта война разразится, в чем я сомневаюсь, в любом случае компания обещала сохранить это место за мной, пока я не вернусь. И я уже подыскал квартиру в Кувейте и внес денежный залог на случай, если в мое отсутствие кто-нибудь захочет там поселиться. Квартира маленькая, но ее вполне хватит для меня, Ясины и детей. Компания обещала мне повышение, так что со временем мы сможем позволить себе дом, а затем ты сможешь приехать и оставаться у нас, сколько пожелаешь, мама. Как тебе все это нравится?

Когда она не ответила, он взглянул на нее:

— Мама? Ты хорошо себя чувствуешь?

— Вы собираетесь остаться в Кувейте? Ты бросаешь свою работу в правительстве?

— В частных компаниях гораздо больше платят, мама. И я хочу иметь нормальную семейную жизнь со своей женой и детьми.

— Но... как же насчет меня?

Он засмеялся:

— Ты приедешь нас навестить! И каждый раз, когда ты будешь приезжать, дети станут забираться к тебе на ручки, и ты станешь так уставать от них, что будешь торопиться вернуться в Каир!

Ее глаза расширились от ужаса. Он собирается уехать навсегда?! Она так и останется где-то в прошлом на улице Райских Дев, чтобы стать еще одной стареющей приживалкой и вдовой, которую содержит Ибрагим? Вторая половина дня, который начинался так ярко и был полон таких ожиданий, вдруг стала мрачной и холодной. Нефисса с ужасом наблюдала, как все ее планы рушатся, как все нарисованные воображением картины распадаются на части. Перед ней простиралась череда одиноких лет, ей не суждено пережить новый роман, и рядом не будет сына, который позаботится о ней. Она знала, что не может допустить, чтобы это произошло.

* * *

Ясмина помогала своей матери расставлять цветы в вазы для вечера по случаю приезда Омара, когда почувствовала, как ребенок завозился у нее внутри. Вскоре она должна была

родить, и ей хотелось, чтобы Камелия была здесь. Но она была в Порт-Саиде с Дахибой и Рауфом, они снимали фильм. Ясмина несколько раз за последние месяцы была близка к тому, чтобы признаться в том, что произошло между ней и Хасаном, и рассказать о ребенке своему отцу. Но Камелия помогала ей, не позволяя проговориться, и теперь она была рада, что у нее хватило сил сохранить все в тайне. Когда она работала с отцом в его приемной и замечала гордость в его глазах, когда он говорил о своих планах помочь ей поступить в медицинский институт, Ясмина просто не могла позволить себе разрушить все это. Молчание о том дне, когда она отправилась на встречу с Хасаном, о котором она с тех пор ничего не слышала, было небольшим бременем, которое Ясмина несла, чтобы сделать своего отца счастливым.

Сахра вошла в салон, неся поднос с тушеными виноградными листьями, фаршированными рисом с бараниной; следом за ней двое слуг внесли миски с салатом из капусты и яичницу, посыпанную базиликом и луком. Все женщины семьи собрались по этому случаю, они смеялись, шушукались, сплетничали, делали комплименты нарядам друг друга и ювелирным украшениям. Здесь была и Тахия со своим малышом, Асмаханом, которому было уже два месяца. Все они были заняты тем, чтобы устроить достойный прием в большом салоне. Даже несмотря на то что угроза внезапного вторжения Визитеров рассвета миновала, поскольку внимание министра обороны Амера теперь переключилось с ликвидации феодализма на угрозу агрессии со стороны Израиля, дом Рашидов так и остался полупустым, без вещей, подчеркивающих их богатство. Поэтому семья создавала атмосферу праздника с помощью шуток, угощений, напитков и цветов.

Амира стояла у окна с маленьким Мохаммедом, который поджидал машину, которая привезет его папу домой из Кувейта. Она указывала ему на звезды, они уже начали появляться на чистом майском небе.

— Видишь, вон там Альдебаран, преследователь, потому что он гонится за Плеядами. — Она указала на Ригель, по-арабски «нога»: — Ты видишь Ригель в левой ноге Ориона? У всех звезд есть арабские имена, внук моего сердца, потому что именно твои предки открыли их. Ты ведь гордишься этим?

— А под какой звездой ты родилась, умма?

— Под самой счастливой! — сказала она, обнимая его.

Ибрагим вошел в салон:

— Мама, скорее включай телевизор. Насер выступает.

Все они собрались возле телевизора и слушали, как президент Насер призывает народ Египта сплотиться перед нападением Израиля.

— Я не хочу войны, — говорил он. — Но я буду сражаться за честь всех арабов. Европа и Америка говорят о правах Израиля, но где же права арабов? Никто из них не говорит о правах народа Палестины на их собственную землю. Мы одни должны встать на защиту своих братьев.

— Призовем Аллаха всемогущего! — вскрикнула Дорея.

— Молитесь о ниспослании его милости!

Все заговорили одновременно, на экране появилось лицо Умы Калсум, она начала петь национальный гимн Египта:

— Моя страна, моя страна, моя любовь и сердце с тобой. Египет — мать всех стран, к тебе обращаюсь, о тебе мечтаю.

Несколько женщин в салоне Рашида заплакали. Племянник Амиры Тьюфик подпрыгнул и закричал:

— Мы должны напасть первыми, раньше, чем израильские агрессоры нападут на нас!

Дядя Карим, который сидел ближе всех к телевизору — это делалось из уважения к его преклонным годам, — стукнул своей палкой об пол и сказал:

— Война — это не решение, ты, молодой шенок! Война влечет за собой другие войны! Путь Аллаха — это путь мира.

— Но, дядя, при всем уважении к вам, разве не Израиль напал на Сирию в прошлом месяце? И разве наша задача не состоит в том, чтобы подготовиться и защитить честь всех арабов? Весь мир против нас, дядя. Войска ООН стоят на египетской стороне границы уже одиннадцать лет, а когда Насер предложил переместить их на израильскую сторону на некоторое время, Израиль отказался принять их. Разве это честно? На чьей стороне весь мир, дядя? Мы должны сбросить Израиль в море!

— Глупый мальчишка! — резко одернула его Дорея. — Как мы можем утопить Израиль в море? Американцы, которые стоят у них за спиной, делают это страну более могущественной, чем мы! Они делают из нас дураков. Разве Голда Меир не называла арабских женщин распушенными и пустыми, разве не она говорила, что мы тратим больше денег на косметику и одежду, чем на предметы первой необходимости?

— Тише, тише, — сказала Амира. — Давайте не будем за-
тевать войну в нашем собственном доме!

— При всем уважении к вам, тетя, — произнес Тьюфик, —
Израиль — это наш враг.

— Египет, Израиль! Все мы дети пророка Ибрагима. По-
чему мы должны сражаться между собой?

— Государство Израиль не имеет права на существование.

— Попроси прощения у Аллаха, ты, неразумное дитя! Все
люди имеют право на существование.

— При всем уважении к вам, дорогая тетушка Амира, я
сомневаюсь, что вы понимаете, о чем идет речь.

— Чему быть, того не миновать, — сказала Амира. — На
все воля Аллаха, а не наша!

Когда маленький Мохаммед залился слезами, Амира вы-
ключила телевизор.

— Мы пугаем детей.

А затем подумала: «Если войны не избежать, мы должны
быть готовы к ней». Завтра она отведет всех женщин и дево-
чек в Красный Крест, чтобы они сдали кровь, после этого они
порвут старые простыни на ленты и сделают из них бинты.

Она неожиданно вспомнила о Камелии, которая была в
это время в Порт-Саиде и снималась в кино. Она подумала:
«В такие времена, как это, вся семья должна быть вместе».

Амира велела Дорее и другим женщинам развлечь детей и
позаниматься с ними, а сама направилась в свою спальню и
закрыла за собой дверь. Она встала на колени на пол, откры-
ла нижний ящик своего платяного шкафа и вытащила из не-
го белые одежды пилигримов, аккуратно сложенные до того
дня, когда она совершит свое паломничество в священный
город Мекку. Мечта, которую ей теперь пришлось отложить
до лучших времен, пока не миновала угроза вторжения Ви-
зитеров рассвета. В складках одежды лежала деревянная
шкатулка, отделанная слоновой костью, крышка которой
была украшена словами: «Аллах Всемилоостивейший». И хо-
тя большая часть содержимого, зарытого в саду, уже была
выкопана за последние месяцы и передана в качестве по-
жертвования в Красный Крест и другие организации, соби-
рающие деньги на случай войны, Амира сохранила свои са-
мые ценные, о многом напоминающие ей вещи в этой ин-
крустированной старинной коробочке, заполненной воспо-
минаниями. Сверху лежали три ювелирных украшения, с

которыми она никогда не расстанется. Первое — жемчужное ожерелье, которое подарил ей Али по случаю рождения Ибрагима. Вторым был древний египетский браслет из ляпис-лазури и золота, который, по преданию, принадлежал еще Рамзесу Второму, фараону из книги Исхода. Он был вручен в качестве подарка Фаруку одним из коллекционеров, а король, в свою очередь, даровал бесценный предмет Амире после того, как она дала ему чудодейственное средство, изготовленное из цветов ее сада, средство, которое, как уверял Фарук, позволило ему заиметь единственного сына. Третьим было кольцо, которое подарил ей Андреас Скурас, перед тем как покинул Египет, сердолик в золотой оправе с гравировкой, изображавшей лист шелковицы как символ того, что Андреас связывает свою жизнь с Амирой, как шелкопряд плетет нить из листа. Она хранила его как напоминание о мужчине, которого когда-то любила и за которого почти вышла замуж. На дне шкатулки лежал конверт. Она открыла его и вынула из него фотографии, которые были изъяты из семейного альбома много лет назад.

Когда Али изгнал их дочь из дома, Амира вынула ее фотографии из альбома, но они отправились не очень далеко. Она осторожно выложила их на одежду пилигримов. Взгляд на молодую Фатиму, на ее улыбающееся лицо вернул ей ощущение удара, который она испытала, встретившись с ней шесть месяцев назад, когда Камелия взяла ее с собой в гости к своей подруге Дахибе. Память стремительно вернула ее в недавнее прошлое, когда она стояла, потеряв дар речи, посреди гостинной Фатимы. А потом — гнев на то, что Фатима подружилась с Камелией и не рассказала девушке, кто она на самом деле! На нее нахлынула волна любви и прощения, и она стала мечтать о том, чтобы вернуть Фатиму в семью. Камелия умоляла Амиру простить Фатиму, но Амира сказала: «Это Фатима должна вернуться и попросить прощения». Но Дахиба, которая была так же упряма, как и ее мать, не пришла, и теперь Амира горько сожалела о своей собственной неуступчивости.

Раздался тихий стук в дверь, она сказала:

— Войдите, — и, когда Захария вошел, Амира испытала потрясение. На нем была военная форма. — Но как?.. — спросила она. — Они ведь отказали тебе в прошлый раз!

— Я попробовал еще раз, — просто сказал он, — и теперь они взяли меня.

Он не стал рассказывать ей правду, что ему пришла в голову хорошая мысль: если чиновников можно подкупить, чтобы они не брали кого-то в армию, то он точно так же может дать взятку, чтобы его, наоборот, взяли.

— Я сделал это ради отца, — сказал он. — Чтобы он мог гордиться мной. Если бы ты видела выражение его лица, когда я сказал, что меня отказывают брать в армию, как физически непригодного для службы! Почему я всегда разочаровываю его, бабушка? Я помню, что, когда я был еще совсем маленьким, отец держал меня на коленях и рассказывал мне истории — так же, как он теперь делает это для Мохаммеда. Но он однажды перестал это делать.

— Тюрьма меняет людей, Закки.

— Неужели это заставило его разлюбить своего сына?

— Во многом он ведет себя с тобой так, как его отец поступал с ним. Али был уверен, что с детьми надо быть строгим и холодным. Я знаю, что в свое время это все очень больно ранило Ибрагима. Я была его матерью, но я не могла вмешиваться. Но теперь, да простит меня Аллах, я оглядываюсь назад и думаю, что мой муж был неправ. И теперь я иногда замечаю черты Али в моем собственном сыне, особенно когда слышу, как холодно он говорит с тобой. Прости его, Закки. Он просто не умеет по-другому.

— Омар приехал! — услышали они, как Зубайда кричит в салоне. — Аль хамду лилах! Благодарим Аллаха за то, что Он вернул Омара домой к нам!

— Твой отец будет гордиться тобой, Закки, — тихо произнесла она, когда они вместе вышли из спальни. — Даже если он не покажет этого, помни, что он все равно гордится тобой.

Семья набросилась на Омара с объятиями и поцелуями, а когда они увидели Захарию, входящего в салон в военной форме, все зашумели и стали благодарить Аллаха за столь радостный день, когда он избрал сразу двоих сыновей рода Рашидов для того, чтобы они стали героями Египта.

Пока все суетились вокруг двух кузенов, Нефисса отвела своего брата в сторону и сказала:

— Ибрагим, нам надо поговорить. Немедленно. Это очень важно.

Когда Ясмина обнимала Омара, она увидела, как ее отец и тетя выходят из комнаты. А заметив мельком выражение

лица Нефиссы, она забеспокоилась. Но сама себя утешила тем, что это ей просто показалось. В последнее время она стала очень нервной, ей казалось, что любой может узнать ее секрет. Но это было всего лишь ее разыгравшееся воображение. Разумеется, у ее отца и Нефиссы есть множество важных вещей, о которых они хотели бы поговорить наедине. Как они могли бы узнать о Хасане и ребенке? Но, когда ее отец вернулся минуту спустя, он остановился в дверях салона со странным выражением на лице, и ее пульс участился. Он рукой поманил ее, а затем позвал Амиру и Омара.

Когда все они собрались в небольшой приемной над лестницей, в комнате, которая специально была спланирована для того, чтобы встречаться с посетителями тайно, Ибрагим бесшумно закрыл дверь, обернулся к Ясмине и сказал:

— Не хочешь ли ты сообщить мне о чем-то?

Несмотря на тесноту в комнате, отец отодвинулся от нее в сторону, и Ясмина заметила в его глазах нечто такое, что очень напугало ее.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Во имя Аллаха, Ясмина, — мягко произнес он. — Расскажи мне правду.

Амира сказала:

— Ибрагим, в чем дело? Зачем ты позвал нас всех сюда?

Но он продолжал неотрывно смотреть на Ясмину, и она заметила, что он борется с собой, чтобы не взорваться.

— Расскажи мне о ребенке, — велел он.

Она посмотрела на Нефиссу и прошептала:

— Откуда вы узнали?

Ибрагим закрыл глаза:

— Аллах, избавь меня от этой минуты в моей жизни!

Теперь вступил Омар:

— Что происходит? Мама? Дядя?

Ясмина протянула к отцу руки:

— Я все могу объяснить, пожалуйста...

Он отступил назад:

— Как ты могла! — вскричал отец, заставив всех содрогнуться. — Аллах, Бог мой, дочь, ты хоть понимаешь, что ты наделала?

— Я поехала к Хасану, — сказала она, — в надежде, что смогу убедить его вычеркнуть нашу фамилию из черного списка...

— Ты ходила к нему?! — закричал Ибрагим. — Одна?! Аллах, спаси и помилуй, девочка, почему ты не позволила мне позаботиться обо всем? И потом — разрешить ему...

Она с мольбой протянула руки:

— Нет! Он заставил меня! Я пыталась бороться с ним, я пыталась убежать!

— Это уже неважно, Ясмина! Ты пошла туда. Никто не заставлял тебя идти в дом Хасана.

— Ибрагим! — одернула его Амира. — Что здесь происходит?

— Спаси, Аллах, — произнес Омар, неожиданно догадавшись обо всем.

— О, дитя, — сказал Ибрагим со слезами на глазах. — Что ты сделала со мной? Лучше бы ты воткнула мне нож в сердце. Он победил, разве ты не понимаешь? Ты отдала победу в руки Хасана аль-Сабира! Ты заставила меня потерять лицо!

— Я пыталась спасти семью, — всхлипнула Ясмина. Она обернулась к Омару. — Я не хотела обманывать тебя.

— Ребенок не мой? — спросил он.

— Мне так жаль, Омар, — сказала Ясмина дрожа. Она обернулась к Нефиссе: — Как вы узнали? — прошептала она, а потом подумала, что об этом знала только Камелия, которая клялась, что никому не расскажет.

Слезы полились из глаз Омара, когда он произнес:

— И ради этого я приехал домой! О Аллах, Ясмина. — Он прижал носовой платок к глазам и навзрыд произнес: — Я развожусь с тобой...

Нефисса принялась рыдать.

Ибрагим повернулся спиной к ним и совершенно чужим голосом произнес:

— Хасан говорит, что собирается унижить меня, и это ему удалось. Я потерял всякую честь. Имя нашей семьи было вываляно в грязи!

— Но, отец, — вскрикнула Ясмина, — как такое может быть? Хасан не говорил тебе о моем приходе. Он не стал похвастаться перед тобой и не будет делать этого ни перед кем другим!

— А ему и нет необходимости! Аллах мой, девочка, в этом-то и есть его сила, разве ты не понимаешь? Храня молчание, он доказывает, как он силен. Хасан знает, что мое унижение будет еще большим, если я узнаю об этом от кого-

то другого, а не от него. Все это время он тихонько сидел и поджидал минуты окончательной победы!

Ясмину протянула руку и дотронулась до плеча Ибрагима:

— Не нужно, чтобы об этом узнали другие, отец. Это может остаться в этих стенах.

Но он вновь отодвинулся от нее:

— Я знаю об этом, дочь. Я знаю! И этого достаточно. — Ибрагим посмотрел вверх, на потолок, его лицо побледнело и исказилось: — Что теперь ты думаешь обо мне, отец? — пробормотал он. Потом перевел взгляд на Ясмину и сказал: — Проклятие пало на этот дом в ночь, когда ты родилась! Проклятие, посланное Аллахом, предназначалось мне одному. Я сожалею о том часе, когда ты родилась!

— Нет, отец!

— Больше ты мне не дочь!

Амира смотрела на него расширившимися глазами и теперь видела в нем не своего сына, а своего мужа Али. Потом на нее обрушился ее ночной кошмар со всей своей силой и ужасом: ребенок, которого отнимают у матери. Как будто бы сегодня мрачное предсказание исполнилось...

— Сын мой, — сказала она, беря Ибрагима за руку, — прошу тебя, не делай этого!

Но Ибрагим сказал Ясмине:

— С этой минуты ты — харам, изгнана. Ты больше не принадлежишь к нашей семье, твое имя никогда не будет произноситься в этом доме. Считай, что ты умерла для нас.

26

Ясмину и Алиса пробирались сквозь толпу в аэропорту, где люди пытались в последнюю минуту уехать за границу последними объявленными рейсами из Египта. В воздухе витал страх; шум стоял просто оглушающий, иностранцы спешно хватали свой багаж, размахивали билетами и паспортами в безумном стремлении скорее выбраться из толпы провожающих и оказаться в накопителе. Ясмину с матерью торопливо шли в сторону самолета, последнего рейса британских авиалиний в Лондон.

Никто из всей семьи не пришел проводить ее, у Ясмینی не было возможности связаться с кем-либо из них за последние три недели, прошедшие с того вечера, когда отец объ-

явил ее умершей. Сразу же у нее начались родовые схватки, и Алиса вместе с Захарией поспешили отвезти ее в больницу, где, восемь часов спустя, она пришла в себя после анестезии и увидела свою маму рядом с кроватью. Мать сообщила ей, что ребенок родился мертвым. И это было благословением со стороны Аллаха, как уверяла ее заплаканная Алиса, что так случилось.

Последовавшие за этим дни оставили очень смутный след в памяти Ясмینی. Поскольку полк Омара был уже призван, вся квартира безраздельно принадлежала ей. Ее тело постепенно выздоравливало, а душа пребывала в оцепенении. Но теперь, когда она приближалась к выходу на посадку, когда ее толкали локтями и отпихивали люди, в панике бегущие от приближающейся войны, Ясмينا почувствовала, что оцепенение, которое защищало ее, спадает, и ее боль вернулась к ней. Мохаммед должен был остаться со своим отцом на улице Райских Дев, так что оба малыша — ее маленький мальчик и новорожденный — были навсегда потеряны для нее. Она думала, что умрет от горя.

Паспортом и билетами занималась Алиса.

— Война приближается, моя дорогая, — сказала она. — И ты можешь оказаться здесь в западне. Тебя вычеркнули из семьи, ты теперь мертва для всех. У тебя больше нет имени, нет лица, тебе некуда идти. Ты должна уехать, Ясмينا. Начни другую жизнь и спаси себя сама. В Англии у тебя есть дом и счет в банке, оставленный тебе моим отцом. Там живет теть Пенелопа, она поможет тебе.

— Как же я брошу своего сына? — спросила Ясмينا, уже наперед зная ответ. Омар никогда не позволит ей увидеться с мальчиком.

По мере того как они приближались к контролеру билетов, который ругался с каким-то пассажиром по поводу его неправильно оформленных бумаг, Ясмينا обернулась к матери и сказала:

— Это хорошо, что ты не можешь поехать со мной. Если бы мы обе уехали, то Мохаммед был бы потерян для меня навсегда. А теперь из-за того, что ты должна остаться, ты сможешь рассказывать ему обо мне, показывать мою фотографию каждый день и никогда не позволишь ему забыть меня.

«Да, — подумала Алиса, — Мохаммед — мой внук. И еще внучка, о которой Ясмينا ничего не знает, которая только

что родилась, а вовсе не умерла, и теперь спокойно спит в колыбельке на улице Райских Дев».

— Мама, — сказала Ясмина, — я не знаю, какая боль хуже: боль от того, что я потеряла ребенка, или боль от того, что отец вычеркнул меня из семьи, или боль от сознания, что Камелия предала меня. Но хотя бы ты здесь, и боль от утраты моего сына становится немного меньше, мне легче от того, что ты здесь, чтобы сохранить меня в его сердце.

— Я бы хотела поехать с тобой, — сказала Алиса. — Но твой отец не даст мне разрешения. Он гордый человек, Ясмина, и если потеряет свою жену, то это будет для него еще одним унижением. Я хотела увезти тебя отсюда, когда у меня были первые опасения, когда ты еще была маленькой девочкой и когда Египет пугал меня. Я так никогда и не привыкла к нему, я не могу здесь жить, и ты тоже. Я хочу, чтобы ты спасла себя, Ясмина!

Алиса неожиданно обняла дочь, крепко прижав к себе, стараясь выразить бурю своих эмоций и остроту своей боли. «Для тебя будет лучше, моя дорогая, — думала она, — что я солгала тебе насчет ребенка. Я поступила так, чтобы ты могла сбежать из этой страны, чего я никогда не могла сделать. Если бы ты знала о ней, если бы ты хотя бы один раз подержала ее на руках, то ты бы осталась и была бы обречена. Да простит меня Господь!»

Она почувствовала, что Ясмина дрожит в ее объятиях, и вновь ее сердце преисполнилось холодной ненависти к Хасану аль-Сабиру — чудовищу, которое развратило и испортило сначала ее брата Эдварда, а затем ее дочь.

— Я буду писать тебе и рассказывать о Мохаммеде, — сказала она, отодвигаясь от Ясины. — И я стану рассказывать ему о тебе каждый день. Я не позволю им полностью стереть воспоминания о тебе из его памяти!

Ясмина смотрела на свою мать сквозь слезы, люди толкали их.

— Мама, я не знаю, увидимся ли мы когда-нибудь снова. Я никогда не вернусь в Египет! Меня здесь объявили умершей, я стала призраком. Поэтому я должна создать новую жизнь для себя где-нибудь еще. Но я обещаю тебе, мама, что я больше никогда не стану жертвой. Я должна стать сильной, я должна быть человеком, имеющим власть. И если мы когда-нибудь снова будем вместе, ты сможешь гордиться мной. Я люблю тебя!

Ясмина наконец взошла на борт самолета и без сил опустилась в кресло. Ее грудь была влажной от молока — для ребенка, который никогда не будет пить его; ее руки дрожали от желания прижать к себе несчастное маленькое существо, которое, как она считала, не смогло пережить травму во время родов. Думая, что проспит целую вечность, Ясмина откинула голову назад и закрыла глаза.

Поэтому она не заметила газет, торчащих из кармана пассажира, который устраивался на месте через проход от нее. Ясмина не видела заголовков на первой странице: «Объединенная Арабская Республика призвала 100 000 резервистов в действующую армию». Не видела она и сообщения, набранного более мелким шрифтом под портретом красивого улыбающегося мужчины: «Хасан аль-Сабир, заместитель министра обороны, найден мертвым».

Часть V

1973

27

Дом Кветты, предсказательницы, притаился за храмом благословенной Святой Саиды Зейнаб, в бедной узкой улочке под названием Розовый Фонтан. Но никакого фонтана там не было, а преобладающий цвет был не розовым, а серовато-коричневым, как песчаные кирпичи, из которых несколько столетий назад был построен Старый Город. Когда-то здесь были тротуары и мощенные булыжником мостовые, но постепенно на тротуарах накопилось столько грязи, что уровень улицы поднялся на несколько метров, оставив лишь узкую колею, ведущую в сторону центра. Жители носили выцветшую и пыльную одежду, их дети играли в грязи, а женщины сплетничали, свешиваясь с расшатанных балконов, которые так далеко выступали вперед над улицей, что почти полностью заслоняли собой дневной свет.

Именно в этом древнем переулке у Амиры было неотложное дело, и, когда она торопливо прошла под каменной аркой, которая служила одним из входов в Старый Город, никто не обратил на нее никакого внимания. В этой части города, которая процветала во времена, предшествующие Крестовым походам, она была просто существом женского пола, одетым с головы до ног в одежду черного цвета, так что видны были только ее гла-

за и руки. Когда она приблизилась к храму Саиды Зейнаб, она помолилась о том, чтобы Кветта смогла помочь ей.

Прошлые Амиры опять говорили с нею в новом странном сне. И она молилась о том, чтобы это оказалось добрым предзнаменованием в теперешние беспокойные времена. В Каире и его окрестностях постоянно происходили сверхъестественные явления — призрачные видения и необъяснимые феномены: падающие звезды проносились по небу почти каждую ночь, на границе с Суданом прошел дождь, а там никогда прежде дождей не бывало. А в течение нескольких недель образ Девы Марии витал над самой старой и наиболее почитаемой коптской церковью в Каире. Тысячи людей стекались к этому месту, чтобы увидеть Ее, и патриархи церкви объявили, что Богоматерь говорила своим последователям, что с тех пор, как израильтяне захватили Иерусалим и коптские христиане не могли больше прийти туда, чтобы увидеть Ее, Она сама явилась в Каир, чтобы увидеть их. Это все были дурные знамения и признаки тихой истерии, которая поразила Египет в результате позорного поражения в Шестидневной войне, в которой погибли пятнадцать тысяч египетских солдат и тысячи были смертельно ранены. Последовавшие за этим событием шесть лет оказались нелегким временем в положении необъявленной войны и необъявленного мира, с перестрелками, продолжающими вспыхивать в зоне Суэцкого канала. Даже теперь израильтяне бомбили цели в верхней части Египта. Далеко на юге, в районе Асуана, угрожали Высокой дамбе, и в случае поражения двенадцатифутовая волна промчится по долине Нила, ровняя с землей все деревни на своем пути и затопляя сам Каир. Люди боялись, они потеряли свое достоинство и свою гордость, мораль превратилась в ничто. Говорили, это знак того, что Бог отвернулся от Египта. Когда Амира примкнула к толпе людей у храма Саиды Зейнаб, она думала о своем собственном пророческом знаке — новом сне, который ей снился на протяжении нескольких недель: в нем она видела красивого мальчика в возрасте примерно четырнадцати лет, манившего ее рукой. Этот сон всегда наполнял ее радостью и умиротворением; она никогда не испытывала в нем страха. Конечно, она молилась, чтобы это оказалось добрым знаком.

Люди вокруг мечети так плотно сгрудились, что сквозь толпу не могли пробраться ослиные упряжки. Несмотря на то что святыня в течение столетий была местом сбора нищих,

слепых, сирот и вдов, надеющихся на милость святой, число людей у древнего строения увеличилось после Шестидневной войны; фактически, посещаемость мечетей по всему Египту выросла на шестьсот процентов. Хуже даже, чем поражение Египта, был тот факт, что израильтяне теперь заняли одно из наиболее священных мест для ислама, Купол Скалы, откуда пророк Магомед поднимался на небеса. Чтобы смыть этот позор, имамы со своих кафедр призывали людей повернуться к Богу. Они указывали на американские телевизоры и японские радиоприемники, выставленные в витринах магазинов современного и прогрессивного Каира, в очаге свободных нравов, где женщины теперь делали карьеру и сами выбирали себе мужей или, что еще хуже, жили без мужа. Это были признаки безбожия, заявляли имамы. Они говорили, что израильтяне выиграли войну, потому что они набожные люди. А что тогда сказать о египтянах?

Амира, укрывшись под своей черной паранджой, двигалась сквозь толпу, как одна из них, и выглядела просто как бинт аль-балад, «дочь своей страны», так называли себя женщины низшего класса. Проходя между молодой женщиной в парандже из черного хлопка, сидящей за горой лука, и продавцом жасминовых гирлянд, сидящим на корточках и ковыряющим в зубах, Амира подумала о том, что мир перевернулся вверх тормашками. В дни ее юности чадра была символом богатства, она указывала на то, что муж той, кто ее носит, богат, его жена находится под защитой, окружена прислугой и свободна даже от самой незначительной работы, тогда как женщины бедного сословия не носили чадру, поскольку это мешало их ежедневному труду. Но теперь богатые женщины ходили непокрытыми, это был символ их современного статуса, в то время как представительницы более низкого класса стали носить паранджу, имитируя своих богатых предшественниц.

Прикрывая рот краем черного шелка, она искоса взглянула на бездонное синее небо над Каиром, и, когда горячий песчаный ветер кольнул ее щеки, она вспомнила, что завтра первый день весны и должен начаться хамсин. Ароматы заполнили ее грудь — огонь для приготовления пищи, пот, экскременты животных и жасмин, — и она почувствовала невидимое присутствие Бога, парящего над городом, наблюдающего и ожидающего.

Она наконец прошла через толпу и, минуя маленькие темные магазинчики, похожие на пещеры разбойников, нашла переулочек и дверной проем, расположенный в нише под рушащейся аркой. Она постучала, и в ответ на ее стук появилось знакомое лицо пожилой Кветты. Это была не та Кветта, которая почти тридцать лет назад присутствовала при рождении Камелии, а дочь прежней предсказательницы, сама уже довольно пожилая, которая унаследовала дело своей матери, когда та умерла. Их тайное искусство, как однажды объяснила Амире старшая Кветта, передавалось из поколения в поколение, начиная с давних времен, еще до прихода ислама. Каждая из предсказательниц, в свою очередь, получала имя Кветта, и, когда у нее рождалась девочка, женщину обучали тайнам звезд, готовя ко дню, когда она займет место своей матери. Со времен фараонов их всех звали Кветта.

Когда Амира скользнула в тусклое помещение, она проворчала:

— Мир и благословение Бога этому дому.

На что предсказательница ответила:

— И вам Его благословение и милость. Вы почтили мое жилище, саида. Чувствуйте здесь себя как дома, и да найдете вы утешение в этих стенах.

Амира никогда прежде не посещала предсказательницу, но квартира пожилой гадалки была именно такой, как она себе представляла: загроможденная картами звездного неба, астрологическими инструментами, ручками, чернилами и древними амулетами. Но Амира ожидала увидеть еще и котиков, поскольку «Кветта» означает «кошка» в арабском языке. Астролог даже утверждала, что ее род происходит от кошки, чему Амира охотно верила. И все же не было никаких признаков того, что здесь жили какие-либо животные.

Пока в покрытом пятнами чайнике заваривался чай, они сели за стол, и Кветта взяла руки Амиры в свои. Предсказательница осмотрела гладкие ладони и спросила:

— Под какой звездой вы родились, госпожа?

Амира заколебалась. Единственной из живых людей, кто знал эту тайну, была Мариям Мисрахи, живущая в далекой Калифорнии.

— Я не знаю, почтенная, — ответила она.

Пронзительные глаза изучали ее.

— В каком из лунных домов?

Амира покачала головой.

— Под какой звездой родилась ваша мать?

— Я не знаю, — тихо добавила она. — Я не знаю, кто была моя мать.

Кветта откинулась на спинку стула, и ее кости скрипнули вместе с ним.

— Прискорбно, госпожа. Не зная прошлого, мы никогда не сможем узнать будущее. Все в руках Господа. Ваша судьба написана в Его великой книге. Но я не могу прочитать ее вместо вас.

— Я пришла не для того, чтобы узнать будущее, почтенная. Я пришла для того, чтобы вы объяснили мой сон и, возможно, нашли ответы на вопросы касательно моего прошлого.

— Расскажите мне этот сон.

Когда Кветта закрыла глаза и приготовилась слушать, Амира сказала:

— Я вижу симпатичного юношу, он еще не совсем мужчина, высокий и стройный, с большими красивыми глазами и полными губами, на которых играет улыбка. Он элегантно одет, и, когда он протягивает ко мне руку, жест его грациозен. Во сне он ничего не говорит, но я ощущаю какое-то сообщение, идущее от него, — я чувствую, как будто он пытается коснуться меня, сообщить мне что-то. Сон длится всего несколько секунд, а затем мальчик исчезает.

— Вы знаете, кто он?

— Нет.

— Вы видели этот сон больше одного раза?

— Несколько раз.

— Этот мальчик пугает вас?

— Это-то и удивительно, уважаемая. Я чувствую любовь к нему. Кто он? Это кто-то, кто запутался в силках моей утраченной памяти? Он обращается ко мне, как будто говорит мне, чтобы я искала его, чтобы я его нашла.

Кветта пристально посмотрела на Амиру.

— И вы думаете, что он связан с вашим прошлым?

— Я ощущаю это очень явственно. Но я не нахожу его в своих воспоминаниях. Может, это кто-то, кто жил в доме на улице Жемчужного Древа, где я обитала, будучи девочкой? А может, это дух сына, которого у меня никогда не было? Или это мой брат, принадлежащий к той наиболее отдаленной части моей памяти, которая утрачена для меня?

— Возможно, это вообще ни один из них, саида. Возможно, он символизирует что-то в вашей жизни. Мы посмотрим.

Чай был готов, Кветта налила его в маленькую чашку с отбитым краем и предложила Амире выпить. Когда осталась только чайная ложка чая, Кветта взяла чашку в левую руку, очертила ею три большие окружности, перевернула ее вверх дном на блюдце и подняла, чтобы прочитать, что скажут листья.

Тишина вползала в комнату, нарушаемая только случайными порывами ветра. Амира чувствовала, как трепетали края ее паранджи у лодыжек; она не отрываясь смотрела на невероятно морщинистое лицо Кветты и думала о каждой глубокой морщине, как о главе в жизни пожилой женщины. Но расшифровать выражение лица Кветты было невозможно.

— Я припоминаю квадратный минарет.

— А может, это мечеть Мохаммеда Аль-Насира на улице Аль Муиз?

— Нет, это не он. Минарет, который мне снился, находится не в Каире, а, боюсь, очень далеко.

Кветта опять посмотрела на чайные листья, а затем кивнула, как будто в подтверждение того, что прочитала.

— Вы говорите, что вы вдова, саида?

— Вот уже много лет. Кто этот мальчик? Он мой брат?

— Саида, — произнесла Кветта с удивлением в голосе, — он не ваш брат, он ваш суженый!

Амира нахмурилась.

— Я не понимаю. Я ни с кем не обручена.

— Много лет назад вы должны были выйти замуж за этого мальчика. Вы были помолвлены с ним.

— Но... как это вообще возможно? Я об этом совершенно ничего не помню!

Отодвинув в сторону чашку и блюдце, Кветта достала маленькую медную склянку, которую дала поддержать Амире между ладонями, велел сосчитать до семи. Затем вылила содержимое на поверхность воды, находящейся в чаше, и аромат роз внезапно наполнил воздух вместе с другими оттеняющими его ароматами, которые Амира не могла определить, но которые напомнили ей восход солнца.

Кветта сконцентрировала взгляд на описывающем круги масле и через минуту сказала:

— Вам предстоит путешествие, саида.

— Куда?

— На Восток. О, ваш суженый снова здесь!

Амира вперила взгляд в чашу, но увидела только перламутровые разводы масла на воде.

— Саида, — сказала наконец Кветта, кладя руки на стол, — по всем признакам ваша жизнь каким-то образом отклонилась от истинной судьбы. Вы пошли туда, куда не должны были идти; вы не пошли туда, куда должны были пойти.

— Получается, что мои сны о нападении на караван — не просто сны, а воспоминания о реальных событиях? Я думала, что это так, но никогда не была уверена в этом. Возможно, моя мать и я были на пути к этому мальчику, когда налетчики напали на нас и похитили меня.

— Этого не должно было случиться, саида. Для вас была предназначена другая жизнь.

— Во имя всего святого, — воскликнула Амира, — что мне делать?

— Молодой человек зовет вас. Идите к нему. Отправляйтесь на Восток.

— Но куда на Востоке я должна идти?

— Простите меня, этого я не знаю. Совершите паломничество в Мекку, саида. Иногда, — сказала Кветта с улыбкой, которая разделила ее лицо на тысячи складок, — Бог дает нам просветление через молитву.

Амира покинула Старый Город в сильном волнении и шла извивающимися переулками, пока улицы не стали расширяться и она опять не оказалась на широком бульваре, где вырисовывались высокие современные здания и проносились автомобили. Здесь она увидела знаки продолжающейся войны и поражения — мешки с песком, сложенные напротив дверных проемов, и окна, закрытые темно-синей бумагой. «Город, — подумала она, — охвачен Армагеддоном!»

Она также видела признаки изменяющегося времени. Скромные паранджи и чадры, столь распространенные в бедной части города, почти отсутствовали в этом современном Каире, молодые люди прошли мимо в синих джинсах и куртках, а девушки демонстрировали свои ноги из-под коротких юбок. На рекламном щите над площадью Освобождения была изображена белокурая женщина в белом купальном костюме, которая пила из бутылки кока-колы. Рядом с ним другой щит рекламировал фильм, демонстрируя сцену,

в которой мужчина в смокинге держал оружие, в то время как соблазнительная тень женщины парила позади него. Когда сигнал светофора изменился, Амира плотнее завернулась в паранджу и поспешила через улицу; она не умела читать и поэтому не знала, что на рекламном щите изображена сцена из фильма Хакима Рауфа, а всеми почитаемые актрисы — Дахиба и Камелия Рашид.

Прежде чем выйти к просторным, усаженным деревьями авеню Города Сада, Амира пересекла площадь Освобождения и присоединилась к оживленному потоку пешеходов и транспортных средств, который перемещался между массивными каменными львами, охраняющими мост Эль-Тахир. Она поймала себя на том, что рассматривает лица мужчин, которые попадались ей навстречу, надеясь хоть в ком-нибудь из них узнать красивого юношу из ее сна. «Может, он здесь, — задавалась она вопросом, — всего лишь в одном шаге от меня? Может, наши пути пересекались уже сотню раз, а мы не знаем об этом? Может, я приснилась ему в образе девочки, и теперь он задается вопросом — кто я и почему ему снится этот сон?»

Она остановилась, чтобы посмотреть на Нил. Завтра должен быть фестиваль Шамм эль-Нессин — «Дыхание бриза», единственный праздник, который отмечали мусульмане, коптские христиане и даже атеисты в честь первого дня весны. Семьи соберутся на берегах реки на пикник... Устроят охоту за крутыми яйцами... Будет, как минимум, один утопленник...

Амира пристально смотрела в воду и испытывала смешанное с волнением чувство надвигающейся беды. Все говорили, что президент Садат вел Египет к очередному конфликту с Израилем. Если это правда, сколько людей погибнет на сей раз? Кто из молодых людей из семьи Рашидов удобрит своей кровью пустыню?

А затем она подумала о мальчике из своего сна. Она была уверена, что в нем заключена разгадка ее прошлого и ее происхождения. Но где в этом огромном мире она найдет его?

* * *

— Сахра, позволь мне помочь тебе с этим, — сказал Захария, поднимая тяжелый чайник, полный варенных вкрутую яиц с печки и опуская его в раковину.

Втайне довольная его вниманием, Сахра сказала:

— Да благословит вас Господь за вашу помощь, молодой господин. На меня сегодня утром немного погода подействовала, но завтра, Бог даст, я буду в порядке.

В кухне полно людей и очень шумно, так как дети расписывали за большим столом яйца и привязывали ленточки на шоколадных кроликов. Тахия, одна из взрослых, кто присматривал за детьми, бросила на Сахру любопытный взгляд и вспомнила, что тетя Дорея жаловалась за завтраком на недомогание. Тахия надеялась, что ничего вроде запоздалого зимнего гриппа не начнется, это могло бы омрачить детям удовольствие завтра на весеннем фестивале.

Когда шестилетняя Асмахан внезапно вскрикнула, два других малыша разрыдались, а самые маленькие, восьмимесячные близнецы Омара, заревели.

— Дети, дети, — сказала Тахия, пытаясь восстановить порядок. — Мохаммед, ты не должен был этого делать. Такой большой мальчик, а дразнишь свою кузину!

Она положила руку на поясницу и выпрямилась. Она была уже на восьмом месяце беременности.

Нефисса, тоже сидящая за столом с детьми, сказала своей дочери:

— Не ругай мальчика, Тахия. Это вина Асмахан, — она погладила волосы десятилетнего Мохаммеда и дала ему кусочек шоколада. Нефисса подумала, что он очень похож на своего отца, каким Омар был в этом возрасте, и еще раз обняла нахмурившегося внука.

Тахия обменялась взглядом с Захарией, который считал, что Мохаммеду нужно более строгое воспитание. Это была не вина мальчика; его отец почти все время отсутствовал — выезжал по делам правительства, и хотя его мачеха Нала, вторая жена Омара, была хорошим воспитателем для других четырех детей, именно Нефисса имела влияние на Мохаммеда, и она портила его так же, как когда-то испортила Омара.

— Когда я была девочкой, — сказала Сахра, принеся следующую партию яиц к столу, — богатейший человек в деревне, шейх Хамид, раздавал детям маленьких утят и цыплят, сделанных из сахара и миндаля. Наиболее везучие из нас получали новую одежду, и никто не работал в поле, мы шли на пикник и смотрели на шутках, которые мальчики взрывали по обе стороны канала. В нашей деревне было несколько

христианских семей, и я помню, что это был единственный праздник, который наши семьи отмечали вместе.

Когда она пошла обратно к раковине, она положила руку себе на живот и вздрогнула.

Захария завернул яйцо в салфетку и показывал маленькому Абдулу Вахабу, как рисовать на нем с помощью воскового карандаша.

— Ты когда-нибудь ездила в свою деревню, Сахра, чтобы повидаться с семьей? — спросил он, наблюдая краешком глаза за Тахией. Ее пышное беременное тело наполняло его желанием. Когда-то он думал, что соблазнительной является чистота, но теперь он обнаружил, что плодородие еще более соблазнительно.

— Нет, молодой господин, — ответила Сахра, залпом выпив большой стакан воды. Она даже не могла вспомнить, чтобы ее когда-либо раньше так мучила жажда. — Я не была там с тех пор, как уехала, когда я была девочкой.

— Но разве ты не скучаешь по своей семье?

Она подумала о своем возлюбленном Абду, от которого она родила Захарию и кого теперь так сильно напоминал Закки.

— Моя семья здесь, — сообщила она, про себя благословляя память Абду.

— Мама! — закричал один из малышей. — Я хочу на горшок!

— Опять?

— Я возьму его, — сказала Басима; она взяла ребенка на руки и поспешно вышла.

Дочь Ханейи, Фадилла, нахмурилась, когда увидела, что ее тетя оставила кухню. В свои двадцать лет Фадилла все еще была не замужем, что всех очень удивляло, потому что она считалась очень похожа на свою прапрабабушку, Зу-Зу, которая считалась красавицей.

— Я сама всю ночь не спала из-за этого, — сказала она. — Интересно, может, семейство подцепило что-нибудь?

— Это уже шестой случай диареи в доме, — заметила Тахия. — По-моему, у уммы есть какое-то лекарство против этого.

Когда она открывала буфет и осматривала опрятные ряды фляг, бутылок и склянок, все скрупулезно помеченные секретными символами Амиры, Захария наблюдал за ней. В день, когда Тахию выдали замуж за пожилого Джамала Ра-

шида, Захария поклялся ей, что не прикоснется к другой женщине. И он хранил свою клятву. Но, кроме этого, он также хранил другую, секретную клятву: он будет ждать, когда она снова станет свободной. Потому что теперь он точно знал, что они были предназначены судьбой друг для друга.

Он узнал это из видения, в тот день, когда умирал в Синайской пустыне.

Чувствуя на себе его пристальный взгляд, Тахия посмотрела на Захарию и улыбнулась.

«Бедный Закки, — подумала она. — Шестидневная война сделала с ним что-то ужасное!» Волосы его выпадали, плечи сутулились, и он носил очки с толстыми линзами. Захария выглядел как мужчина средних лет в свои двадцать восемь; один из ее детей однажды по ошибке обратился к нему: «Дедушка Закки». Если бы он только смог сохранить свою работу! Ежедневные встречи с молодежью в классе могли бы помочь ему оставаться молодым, но у Захарии случился один из его «приступов» перед учениками, что очень напугало их, и директор школы уволил его. Теперь о Закки заботилось все семейство, особенно женщины, которые души в нем не чаяли и отслеживали приступы. Они случались у него не часто; последний был более года назад. Но когда они происходили, он становился беспомощным, как новорожденный ребенок.

Тахия не знала точно, что он увидел, когда с ним случилось несчастье; только однажды через несколько месяцев после того, как он вернулся из Синая, он попробовал описать «картину своего безумия», как он назвал это — ужасающий образ бесплодной пустыни, сожженных танков, обугленных тел, реактивные самолеты, падающие с неба и обстреливающие песок так, что он взмывал вверх, подобно струям гейзера. Врачи сказали, что Захария фактически умер на поле боя, его сердце перестало биться, он не дышал, и они объявили его мертвым. Но затем, минутой спустя, его глаза чудесным образом открылись, и он снова был жив. Где он побывал в промежуток между ударами сердца, никто не знал.

Но Захария знал. Он был в раю.

И поэтому он вернулся с войны человеком, наполненным таким чувством блаженного мира и покоя, что в его присутствии другие тоже становились спокойными и безмятежными. Все в нем, как казалось Тахии, было сверхъестественно нежным — его глаза, его голос, его руки, как будто человеческая

душа покинула его тело, а душа ангела заняла ее место. Иногда он пугал ее, он казался таким загадочным, но в то же время ее сердце таяло от любви к нему. Война изменила его, как она изменила весь Египет и изменила саму Тахию; в двадцать семь лет она уже скрывала свою первую тайну — несмотря на то, что Джамаль Рашид был ее мужем, она любила Захарию.

Затем в кухню вошла Амира со словами:

— Саба эль-хеир. Благословенное утро!

Дети отложили в сторону свои дела, встали в знак уважения и ответили:

— Саба эль-нур, умма. Светлое утро!

После этого они возобновили свою шумную деятельность.

Поскольку она прошла прямо в свои комнаты, вернувшись после тайного посещения Кветты, где она сбросила свою пыльную мелайю и освежилась, прежде чем присоединиться к семейству, Амира не выглядела так, будто только что вернулась из густо населенного квартала Зейнаб. Ее одежда, элегантная черная шерстяная юбка и черная шелковая блуза, чулки и лакированные туфли на высоких каблуках, золотые браслеты, бриллиантовые и старинные изумрудные кольца и простое жемчужное ожерелье превратили ее из бинт аль-балад в бинт аль-зават, «дочь аристократии».

Она всегда учила своих дочерей, что красота женщины является ее вторым, наиболее ценным качеством после добродетели. Амира тщательно следила за своим макияжем, брови ее были тонко очерчены, губы искусно подведены и оттенены с намеком на юношескую полноту, румяна нанесены на хорошо сохранившуюся кожу лица, которая знала лишь самые превосходные кремы и масла. Ее волосы, когда-то черные, были теперь густого темно-рыжего цвета, благодаря еженедельному ополаскиванию хной, они были уложены на французский манер и скреплены бриллиантовыми зажимами. Амира ходила с изяществом, степенно, и хотя ее фигура была по-модному округлой, что является отличительной чертой женщины, которая родила детей и живет в достатке, она не выглядела на свои приближающиеся семьдесят лет.

Она остановилась, чтобы улыбнуться детям, которые болтали, подобно обезьянам, когда занимались раскраской яиц, а также и самих себя. Она думала о них, как о драгоценных веточках, произрастающих от различных ветвей генеа-

логического древа Рашидов; девять из них, ее собственные правнуки, унаследовали ее глаза, имеющие отличительную листообразную форму, что не является чертой семейства Рашидов. «Какой предок с глазами, похожими на листья, подарил его или ее внешность этим младенцам? — задавалась она вопросом. — Чью кровь я передала по наследству? Возможно, я выясню это, когда узнаю, кем является мальчик в моих снах, зовущий меня. — Взрывы хохота вернули ее опять на кухню. — Если бы только так проходил каждый день!» — подумала она, чувствуя, что ее хорошее настроение восстанавливается. Дом, полный счастливого гомона детей! Но молодые пары, создающие свои дома сегодня, и не состоящие в браке женщины, предпочитающие жить отдельно, привели к уменьшению числа жильцов в доме на улице Райских Дев. Пять детей Омара — Мохаммед, сын Ясины, которому уже почти десять лет, и четверо младших сыновей от его второй жены, и дети Тахии — шестилетняя Асмахан и три ее младших брата и сестры — не живут здесь. Как не живут здесь и молодые женщины, которые помогают детям красить яйца: Сальма, жена одного из сыновей Эйши, который был убит в Шестидневной войне; Насра, жена племянника Амиры, Тьюфика; и Сакинна, кузина со стороны Джамала Рашида. «Милые девушки, — размышляла Амира — но с современными взглядами». Только Нарджис, названная так по имени цветка нарцисса, семнадцатилетняя дочь племянницы Амиры — Зубайды, ценила традиционную скромность. Кузены Нарджис посмеивались над девочкой за то, что она сделала шаг назад, приняв новое «исламское платье», которое начали носить некоторые женщины в университетах. Будущее всех этих детей и молодых женщин, не важно, жили они в этом доме или где-либо еще, было на совести Амиры. Она уже нанесла визит госпоже Абдель Рахман, живущей ниже по улице, чтобы обсудить брак Сакинны с сыном Абделя Рахмана, который заканчивал в этом году университет. А для Сальмы, которая уже слишком долго была вдовой, Амира имела виды на господина Валида, который занимал хорошо оплачиваемую должность в министерстве просвещения. А буйная шестнадцатилетняя дочь Райи, которая укладывает яйца в корзины, будет готова к помолвке уже через год или два. Для нее Амира подыщет человека, который был бы тверд и держал ее в руках. Но что делать с Фадиллой, двадца-

тилетней красавицей, которая объявила о своем намерении самой выбрать себе мужа?

— Сегодня вечером к ужину будут еще пять человек, Сахра, — сказала Амира и пошла в чулан, чтобы проверить подготовленных для жарения девять пухлых цыплят. — Звонил кузен Ахмед, он с Хоснеей и детьми придет к нам на праздники. — Это приблизит количество людей в доме к пятидесяти, цифра, которая давала Амуре некоторое утешение. В беспокойные времена лучше, когда семья вместе.

Она выглянула из окна кухни и увидела, что неожиданно зацвело дерево мишмиш, обещая богатый урожай абрикосов. Это заставило ее удивиться памяти о другой Мишмиш, ее изгнанной внучке. Подобно Али до него, который с гордостью отказался произносить имя Фатимы, Ибрагим ни разу не сказал о Ясмине, с тех пор как она уехала.

«Мой сын сказал, что мы не будем носить траур по тебе, внучка моего сердца. Но я ношу траур по тебе, и я делаю это каждый день с той ужасной ночи».

Когда Амира услышала, как Захария говорил Сахре: «Ну, присядь. Ты неважно выглядишь», она поразились тому, как их тайна пережила все эти годы.

Когда Ибрагим привел в дом эту нищую девочку двадцать восемь лет тому назад, Амира боялась, что она расскажет правду о ребенке. Но Сахра ни разу не предала ее доверия; сейчас она была кухаркой семейства, а Захария — наследником семьи Рашидов.

Дверь в сад распахнулась, и Алиса вошла на кухню, одетая на выход. Пройдя мимо Амиры, она поцеловала своего внука, Мохаммеда.

— Посмотри, что у меня для тебя есть, дорогой, — сказала она, вручая ему конверт. — Оно только что прибыло. Это пасхальная открытка от твоей мамы!

Когда другие дети попытались посмотреть на симпатичную открытку из Америки, Алиса сказала Мохаммеду:

— Ты знаешь, когда я была маленькой девочкой и жила в Англии, мы поднимались очень рано в Пасхальное воскресенье и шли на улицу, чтобы заглянуть в пруд и понаблюдать, как танцует солнце.

Он смотрел на нее широко открытыми глазами.

— Как солнце может танцевать, бабушка?

— Оно танцует от радости по поводу Воскресения Иисуса.

Когда она попробовала вытереть шоколад с его щеки, Нефисса взяла открытку из рук мальчика и сказала:

— Иди сюда, малыш. У бабушки есть для тебя угощение.

Алиса посмотрела на сестру Ибрагима, чье лицо было жестким под слоем косметики, и подумала: «Когда-то давно мы были друзьями; теперь мы — соперничающие бабушки».

— Я сегодня выйду в город, матушка Амира, — сообщила Алиса. — Мы прогуляемся по магазинам с Камелией.

— Алиса, моя дорогая, ты выглядишь бледной. Ты хорошо себя чувствуешь?

— У меня легкий приступ диареи, — ответила Алиса, натягивая перчатки.

— Вся семья, кажется, сражена этим недугом. Я приготовлю тебе чай из листьев чабра. Алиса, можно тебя на несколько слов?

Они отошли, чтобы другие их не слышали, и Амира сказала:

— Я решила совершить паломничество в Мекку, и я бы хотела, чтобы ты отправилась в путь со мной.

— Я? Вы хотите, чтобы я пошла с вами в Саудовскую Аравию?!

— Я хочу отправиться в это путешествие уже очень давно, но у меня все не было подходящей возможности. Сегодня утром я консультировалась с Кветтой, и поняла, что для меня наступило время сделать это. Ты хотела бы сопровождать меня?

Алиса задумалась на мгновение, а потом спросила:

— Это долгое путешествие?

— Оно может быть долгим или коротким, все зависит от нашего желания. — Амира изучающе посмотрела на Алису. — Я пойду туда, чтобы помолиться в Каабе. Аравия — очень духовное место, хорошее место, чтобы поразмышлять о своей жизни. Но в любом случае, — сказала Амира, — подумай об этом: А теперь мне нужно пойти повидаться с Ибрагимом. Я хочу уехать как можно скорее.

* * *

Зал заседаний Каирского Женского Союза был переполнен; более тысячи женщин пришли, чтобы послушать, что скажет Муаммар Аль-Каддафи, президент Ливии, о будущем арабских женщин. Когда Камелия вошла в зал, она на-

столько отличалась от толпы, что другие обратили на нее внимание. Из-за своего тонкого тела танцовщицы и больших каблуков она казалась очень высокой. Плотный слой теней для век подчеркивал ее янтарные глаза, а густые черные волосы были небрежно перехвачены единственным зажимом, создавая целое облако вокруг ее головы.

Женщины обычно смотрели на нее с завистью, мужчины — с вожделением. Но в те годы, когда она была на виду у публики, имя Камелии Рашид не было связано ни с одним скандалом или намеком на любовную связь, несмотря на ее поразительную красоту. И поэтому ее репутация увеличивала и зависть, и вожделение.

Она заняла место в одном из первых рядов, между главой Красного Полумесяца и женой министра здравоохранения. Теперь, когда президентом был Садат, Египет снова стал культурным центром арабского мира, а Камелия стала всем известной знаменитостью. Женщины подходили, чтобы поздравить ее с последним фильмом, говоря:

— Ваша семья, должно быть, так гордится вами.

Но, насколько Камелия знала, ни один из членов ее семьи никогда не ходил в кино на ее фильмы или на шоу с ее участием в ночных клубах. Даже при том, что ее принимали в доме на улице Райских Дев, ее отношения с Амирой были все еще натянутыми.

— Ты — Рашид, — повторяла ей бабушка. — А женщины в семье Рашидов не танцуют перед чужими мужчинами!

Примирение, на которое так надеялась Камелия, между умой и Дахибой, так и не наступило, потому что каждая упрямо настаивала на том, что другая должна сделать первый шаг.

Ей было жаль, что Дахибы не было с ней рядом в этот день. Но, не сумев издать свои стихотворения в Египте, Дахиба была вынуждена уехать за границу и полетела в Ливан, чтобы встретиться там с издателем, который согласился опубликовать ее произведения. Другие не были настолько удачливы. Только в прошлом году доктор Наваль Аль-Саадави, самая выдающаяся из феминистских авторов Египта, была занесена правительством в черный список, а ее книги и бумаги были конфискованы. Камелия знала, что некоторые из присутствующих здесь сегодня женщин были феминистками, некоторые не были, а многие находились в нерешительности, не зная, как применить недавний приток за-

падного феминизма в обществе, чьи ценности и традиции так сильно отличались от западных. Но Камелия определилась со своей позицией: по ее мнению, для женщин Египта пришло время вступить в двадцатое столетие и потребовать для себя тех же человеческих прав, какими обладают мужчины. Начав с этого, она сидела теперь, размышляя о своей подруге Шемессе, которая недавно совершила безнравственный незаконный аборт. Камелия считала, что женщина имеет право контроля над собственным телом.

Наконец программа заседания началась. Аудитория успокоилась. Президент Садат представил приглашенного оратора, и когда Каддафи вышел на сцену, то вместо того, чтобы начать свою речь, он удивил всех тем, что повернулся спиной к аудитории и начал что-то писать на классной доске, висевшей в глубине подиума. Сначала в зале стояла тишина, потом слышался шепот, переходящий в громкую дискуссию. Камелия в шоке смотрела на то, что написал ливийский президент: «Девственность. Менструация. Роды».

Повернувшись к ошеломленной публике, Каддафи продолжил объяснение того, что равенство женщин с мужчинами невозможно из-за их анатомии и физиологии; он заявил, что, подобно коровам, женщины появились на земле, чтобы вынашивать детей и кормить грудью своих младенцев, а не чтобы работать рядом с мужчинами.

Аудитория взорвалась.

Женщины были ранены до глубины души, разъярены и оскорблены. А когда он защищал свою позицию, говоря, что у женщин менее совершенное строение и нельзя ожидать, что они перенесут тяготы, которые под силу мужчинам — высокую температуру на фабриках, тяжелые грузы, которые таскают рабочие-строители, — поднялась знаменитая журналистка и заговорила таким командным голосом, что все присутствующие стихли.

— Господин президент, — сказала она. — У вас когда-нибудь выходил почечный камень? Мужчины уверяли меня, что это очень болезненно, иногда просто невыносимо. Так вот, господин президент, представьте, что у вас выходит камень, в сто раз превышающий размеры обычного, скажем, например, размером с арбуз. Вы смогли бы вынести это?

Женщины заплотдировали и начали подбадривать журналистку громкими возгласами еще до того, как Камелия

подумала о том, что крыша может упасть от этого шума. Она посмотрела на часы. Встреча началась с опозданием, и она задалась вопросом, не ждет ли уже Алиса снаружи.

* * *

Когда такси Алисы остановилось перед зданием Каирского Женского Союза, она подумала: «Саудовская Аравия!» И удивилась, когда обнаружила, что перспектива отправиться туда с Амирой показалась ей захватывающей. И, возможно, как сказала Амира, для нее это будет шансом задуматься и о своей собственной жизни.

Депрессия Алисы усилилась с тех пор, как Ясмина уехала из Египта. То, что ей когда-то представлялось холодным подземельем, потоком, разрывающим скалу и камень ее души, теперь казалось скорее бушующей рекой, кипящей только под поверхностью ее кожи. Иногда она даже слышала звон в ушах, подобный двум огромным водопадам. «Высокое кровяное давление», — сказал доктор Санки, английский врач с улицы Эзбекия, и дал ей какие-то таблетки, которые она никогда не принимала. Алиса знала, что это не кровяное давление — это была меланхолия, старомодное слово, которое было написано в свидетельстве о смерти ее матери в графе «причина смерти».

И теперь, когда она решила предпринять путешествие в Мекку вместе с Амирой, она думала о том, что видела из окна автомобиля несколько минут назад. Такси остановилось на перекрестке, Алиса выглянула и увидела постер, рекламирующий прохладительный напиток, приклеенный к рушащейся стене рядом с древней мечетью. И ее осенило: в Каире ведется невидимая война, тихая, незаметная, смертельная война — между прошлым и будущим, между Востоком и Западом. Американские напитки пользовались спросом, в то время как религиозные лидеры призывали возвращаться к старому образу жизни. Когда машина тронулась, образ остался перед мысленным взором Алисы: современная яркая красно-зеленая эмблема была противопоставлена средневековому минарету. Чем больше она думала об этом изображении, тем больше она понимала его значение для себя. «Возможно, поездка была бы хорошим лечением, — решила она. — Несколько недель вдали от улицы Райских Дев и от Ибрагима, возможность отстраниться от этого и внимательно посмотреть на свою жизнь».

Когда длинный черный лимузин занял место, освобожденное такси, люди на улице остановились, чтобы посмотреть. После смерти Абделя Насера три года тому назад и изгнания русских Садатом показная роскошь возвратилась в Египет. Это был лимузин Дахибы, тот, который она прятала в годы правления Насера. Она была сейчас звездой больше, чем когда-либо. Теперь ее выступления проходили только в больших помещениях, а ее фильмы собирали огромную аудиторию; Дахиба была богиней, а египтянам нравится видеть, что их богини живут хорошо.

Та, что вышла из шикарного автомобиля была, однако, не Дахиба, а маленькая богиня с двумя длинными косами и отсутствующим передним зубом, которая выпрыгнула на тротуар с криком:

— Тетя Алиса! Тетя Алиса!

Алиса опустила на колени, чтобы крепко обнять шестилетнюю малышку, вдыхая аромат ее недавно вымытых волос.

— Дорогая, ты готова сегодня идти за покупками? — спросила Алиса. Она поднялась с колен и помахала рукой Хакиму Рауфу, который выходил из автомобиля.

Зейнаб подпрыгивала, держась за руку Алиса.

— Мама сказала, что мне можно выбрать новое платье! Можно, тетя Алиса?

Мамой она называла Камелию, которая, как она думала, была ее матерью. Но на самом деле маленькая Зейнаб с парализованной ножкой была дочерью Ясины, а Алиса приходилась ей не тетей, а бабушкой.

— Бог да пребудет с вами, моя прекрасная леди, — поприветствовал ее муж Дахибы, когда приблизился к ним. Годы и процветание добавили режиссеру веса, но он носил его красиво, ходил в дорогих, скроенных итальянскими портными костюмах. Его появлению предшествовала волна одеклона, аромат кубинских сигар и, несмотря на то что был еще день, легкий запах шотландского виски. Его румяные щеки расплылись в искренней улыбке, когда он приветствовал Алису, но он воздержался от того, чтобы обнять ее, как поступил бы в домашней обстановке, так как это шокировало бы прохожих.

— И вам удачного дня, господин Рауф. Надеюсь, дела у вас идут хорошо?

Он раскинул руки.

— Успешно, как видите, моя прекрасная леди! Но я огорчаюсь все больше и больше. Правительство не позволяет мне снимать фильмы, которые я хочу снимать. Фильмы о реальных проблемах. Возможно, мне нужно последовать за моей женой в Ливан, где больше свободы.

Рауф пробовал сделать фильм о женщине, которая убила своего мужа и его любовницу. Но правительство остановило съемки. Этим фильмом он хотел сказать: мужчина может убить женщину и практически избежать наказания, но закон сурово карает женщину за то же самое преступление. Однако цензор сказал: «Когда мужчина убивает женщину, он делает это для того, чтобы защитить свою честь. А у женщины чести нет».

— Нам по телефону звонила тетя Дахиба! — воскликнула Зейнаб взволнованно, повисая на руке Алисы. — По пути из Бейрута!

Сердце Алисы ныло от боли, когда она смотрела на маленькую девочку, столь безупречно сложенную, такую красивую, за исключением ноги, что вынуждало ее ходить так неуклюже. Зейнаб была копией Ясины в шестилетнем возрасте, но, хотя у нее были голубые глаза Ясины, волосы ее были темными, как у Хасана аль-Сабира.

Алиса уже собралась спросить о телефонном звонке, когда двери аудитории открылись, оттуда вырвался гул женских голосов и вышла Камелия.

— Здравствуйте, тетя, — сказала она, целуя Алису. — Собрание началось с опозданием, так что я ушла пораньше. Вы слышали голоса тех женщин там? Они хотят зажарить президента Каддафи на вертеле!

Камелия подняла Зейнаб на руки и запечатлела на ее щеке крепкий поцелуй.

— И как поживает моя малышка?

Зейнаб хихикала, извиваясь у нее на руках.

— Ты видела меня только час назад. Мама! Тетя Алиса говорит, что она собирается купить мне шоколадное яйцо. Можно мне, мама, ну, пожалуйста?

Глаза Камелии ненадолго встретились с глазами Алисы в молчаливом разговоре. Обе подумали не о яйцах из шоколада, но о постоянно существующей между ними и необсуждаемой проблеме.

Когда Камелия возвратилась домой из Порт-Саида шесть лет назад и спросила, где Ясмина, Амира усадила ее и рас-

сказала, что случилось с ее сестрой: как Ибрагим изгнал ее из семьи; как ее ребенок родился с небольшим увечьем. Камелия пробовала защитить свою сестру:

— Хасан принудил ее. Она сделала это, чтобы спасти семью!

Но когда Камелия увидела бедного искалеченного ребенка, от которого Ясмينا отказалась, ее симпатия к сестре обратилась в гнев.

— Бери ребенка, — сказала Амира. — Ты никогда не будешь вынашивать детей, а Господь дал тебе дочь.

И Камелия удочерила свою племянницу и назвала ее в честь сайды Зейнаб, матери всех калек.

Зейнаб была теперь ее жизнью, и именно для маленькой сироты Камелия сохранила свою безупречную репутацию. У нее не было любовников; ее никогда не видели наедине с мужчиной. А для объяснения существования ребенка была выдумана вызывающая уважение трагическая история: отец Зейнаб якобы героически погиб в Шестидневной войне.

Ребенок был также причиной того, почему Камелия прекратила танцевать в «Кейдж д'Ор». Из-за того что популярность восточного танца выросла, установилась иерархия — высококлассные танцовщицы выступали только в пятизвездочных отелях, таких как «Хилтон». Те, у кого было меньше способностей и более сомнительная репутация, танцевали в клубах и кабаре. И наконец, также для пользы Зейнаб, впрочем, как и для своей собственной, из-за того, что исполнительницей женского пола без мужской защиты норовили воспользоваться управляющие гостиниц и она становилась целью для похотливых поклонников, Камелия попросила Хакима Рауфа, мужа Дахибы, выступить в качестве ее менеджера.

Пока они шли к лимузину, Хаким рассказывал, что ему только что звонила Дахиба из Бейрута и сказала, что ее книга будет издана в октябре. Алиса почувствовала противоречивые эмоции Камелии, как часто случалось, когда они с Камелией были вместе с Зейнаб, связующим звеном с прошлым. Но Алиса не собиралась рассказывать правду. Она научилась у Амиры искусству хранения тайн. Так же, как Алиса солгала всем о том, что Ясмينا оставила ребенка, а Ясмине солгала, что ребенок родился мертвым, и продолжала лгать каждый раз, когда писала ей и пересказывала семейные новости. Она никогда не упоминала про дочь Ясмины, о существовании которой та не знала. Алиса сделала это только по одной причине: чтобы дать Яс-

мине шанс освободиться от семейной зависимости, уехать из Египта — шанс, которого у нее никогда не было.

— Представляешь, — сказала она, — мама Амира попросила, чтобы я отправилась с ней в Аравию.

— Так она наконец идет, — сказала Камелия. — Сколько я себя помню, умма собиралась совершить паломничество. Как это волнующе для вас, Алиса!

Когда они подошли к автомобилю, Алиса внезапно начала оседать рядом с ним.

— Милосердные небеса, — пробормотала она.

Хаким поддержал ее за локоть.

— Что с вами, моя дорогая?

— Я чувствовала себя неважно все утро, а сейчас, — она сжала живот и нахмурилась, — меня вырвет!

— Мы отвезем вас в больницу. Садитесь, быстро!

— Нет! Не надо в больницу... Поезжайте вниз по улице, к офису Ибрагима. Быстрее!

* * *

Амира подождала, пока медсестра Ибрагима оставила комнату, а затем сказала:

— Я не могла дожждаться, чтобы сообщить тебе, сын мой. Приготовления к поездке должны начаться сразу же.

Ибрагим снял свой белый лабораторный халат и аккуратно повесил его.

— Я рад, что вы наконец решились идти, мама, но вы ведь не пойдете одна, не так ли?

— Конечно нет. Ибрагим, я попросила Алису пойти со мной.

— Алису! И что она сказала?

— Она сказала, что подумает об этом, но я чувствую, ей нравится эта идея. Это принесет ей пользу, Ибрагим. С тех пор как Ясмينا уехала, вы с Алисой не были счастливы. Возможно, паломничество в самое святое место на земле восстановит ее дух. Может быть, — добавила она, — ты хотел бы пойти с нами?

Наблюдая, как его медсестра, Худа, катит медицинскую тележку назад в диагностический кабинет, Ибрагим думал о своей жене. За шесть лет после отъезда Ясмины Алиса, казалось, изменилась немного, разве что стала более молчаливой. Она по-прежнему ухаживала за своим английским садом под палящим египетским солнцем, все так же ходила раз в неделю

в парикмахерскую «Фифи», чтобы подкрасить свои увядающие белокурые волосы. Она создала узкий круг друзей: жена профессора (и он сам) из американского университета, оба из Мичигана; англичанка по имени Мадлен, которая равнодушно вышла замуж за египтянина; и госпожа Флорной, вдова родом из Канады, которая обосновалась в Каире после того, как ее американский муж умер от малярии. Четыре женщины-эмигрантки собирались два раза в неделю по вечерам, чтобы сыграть в бридж и предаться ностальгии, отдохнуть от подавляющей египетской составляющей их жизни. Но Ибрагим знал, что в этих светских ритуалах что-то таилось для Алисы, что это были ежедневные, привычные в ее жизни занятия, которые удерживали ее от столкновения с болью и гневом, которые, как он подозревал, она должна была испытывать. Он тоже их испытывал и тоже жил согласно несложному плану: вставал вместе с солнцем, молился, съедал завтрак, шел в офис, осматривал пациентов, спал во время сиесты, просыпался, опять молился, обедал, опять принимал больных, а поздние вечерние часы занимал книгами, перепиской, радио. Он редко видел Алису; он ни разу не попросил ее прийти в его спальню с той ночи, когда уехала Ясмина.

Они никогда не разговаривали о том ужасном времени в июне, накануне унижительного поражения Египта; Ибрагим даже не позволял себе думать об этом. Были моменты, однако, когда он вспоминал своего старого друга Хасана, который умер при таинственных обстоятельствах. Газеты просто сообщили, что Хасан был убит; но не было никакого упоминания о том, что его гениталии были отрезаны. А полиция так и не обнаружила, кто это сделал.

— Я не могу пойти с вами в Саудовскую Аравию, мама, — сказал он, потянувшись за халатом, — но если Алиса хочет, я разрешаю ей это сделать.

— Тебе было бы полезно совершить паломничество, сын мой. Милость Господа исцелит тебя.

Ибрагим представил необъятность Аравийской пустыни и неба и подумал, что они предоставили человеку слишком много места для размышления. Кроме того, он знал, что совершение паломничества столь же бесплодно, как пустые молитвы, которые он возносил теперь пять раз в день. «Как Бог может одарить благодатью человека, который потерял веру? Человека, который когда-то проклял Его».

Он остановился, чтобы понаблюдать, как его медсестра собирается идти на обед. Худа была не особенно симпатичная, но способная медсестра двадцати двух лет, которая каждый день спешила домой, чтобы приготовить обед для своего отца и пяти младших братьев. Однажды она со смехом сказала Ибрагиму:

— Когда я родилась, мой отец так рассердился, что его первым ребенком оказалась девочка, что пригрозил моей матери разводом, если она не родит ему в следующий раз сына. Бисмилля, он, должно быть, внушил ей дьявольский страх, потому что она после этого не родила ни одной девочки!

Ибрагим спросил, чем занимается ее отец:

— Он продает бутерброды на площади Талаат Харб.

Ибрагим позавидовал продавцу бутербродов.

Пока он смотрел, как она убирает оставшиеся медицинские принадлежности, он услышал через открытое окно радио из кофейни, что находилась этажом ниже. Медицинский голос диктора сообщал свежие новости: последний из российских военных советников был выдворен из Египта, полиция подавила еще один студенческий бунт в Каирском университете, и двух советников Белого дома обвинили в том, что они заранее знали о взломе затвора шлюза. Ибрагим закрыл окно. «Никогда не передают какие-нибудь хорошие новости». Газеты были не лучше с их ежедневными напоминаниями о том, что хлопковый экспорт продолжает сокращаться, а вместе с ним — и его доход от полей в дельте. Наступили трудные времена для Египта; даже самый знаменитый из ныне живущих писателей, Нагиб Мафуз, писал рассказы о смерти и отчаянии. Ибрагим все больше думал об ушедших днях, когда у власти был Фарук. Неужели прошло уже двадцать восемь лет с тех пор, как он и Хасан, возмужавшие молодые люди, беззаботные в свои двадцать, бегали наперегонки из казино в казино со своим королем?

Он опять обратил внимание на мать, которая удивила его своим внезапным появлением в офисе. Это был первый раз, когда она вообще пришла сюда.

— Как вы собираетесь добираться в Аравию, мама? — спросил он. — На теплоходе? На самолете?

— Простите, доктор Ибрагим, но я сейчас ухожу, — радостно сказала Худа, когда вернулась за своим свитером.

Несмотря на необходимость беспокоиться о шести требовательных мужчинах, она считала себя современной и свободной. И было очевидно, что она влюбилась без памяти в своего работодателя.

— Вы возьмете ваше семейство завтра на реку праздновать Шам Эль... — Она повернулась к двери. — Что это за звук?

Ибрагим поднялся на ноги как раз в тот момент, когда дверь распахнулась и вошла Алиса, ее поддерживал Хаким Рауф.

— Что? — спросил он, направляясь ей навстречу. — Что случилось?!

— Я в порядке, Ибрагим... Мне только нужно в дамскую комнату. Срочно...

— Худа, — сказал он, и молодая женщина тут же оказалась рядом с Алисой, помогая ей пройти в соседнюю комнату, за ними последовала Амира.

Ибрагим обратился к Камелии.

— Что она сказала тебе? Ее лихорадит?

— Нет, никакой лихорадки, папа. Она сказала, что всю ночь просыпалась из-за диареи. И то же самое было еще с несколькими членами семейства.

Худа вышла.

— Доктор, идите скорее! Госпожу Рашид рвет!

Камелия и Хаким ходили взад-вперед по офису Ибрагима, слыша звуки, вызванные недомоганием, по другую сторону стены. Несколько минут спустя в дверном проеме появился Ибрагим.

— Я не знаю, что это, — сказал он. — Она потеряла огромное количество жидкости, сейчас она отдыхает. Я взял пробу на анализ. Предварительное микроскопическое исследование может нам кое-что прояснить. — И он снова исчез.

В маленькой комнате, едва ли больше туалета, которая служила Ибрагиму лабораторией, он готовил слайд и молился о предварительном диагнозе.

— Что это, Ибрагим? — спросила Амира, пораженная тем, что глядящий сквозь линзу микроскопа Ибрагим напоминал ей Кветту, исследующую чайные листья. — Что случилось с Алисой?

— Я молюсь, чтоб это оказалось лишь приступом пищевого отравления, — сказал он.

Но когда он навел резкость микроскопа и отчетливо увидел бактерии, имеющие форму запятой, перемещающиеся

так быстро, что они напоминали метеоры, он откинулся на спинку стула и прошептал:

— О, мой Бог!

28

— Что мне делать? Мне осталось всего три месяца до получения степени. Вряд ли они отправят меня обратно теперь!

Жасмин смотрела в испуганные глаза своей соседки, молодой студентки, приехавшей по обмену из Сирии, и видела там отражение своих собственных страхов. Соединенные Штаты разорвали дипломатические отношения с разными странами на Ближнем Востоке и теперь аннулировали визы и посылали студентов обратно в Сирию, Иорданию и Египет. Жасмин еще не получила уведомления об этом, но она жила в страхе, что это произойдет со дня на день. Она не могла вернуться в Египет. Для семьи она умерла; за шесть лет она не получила ни одной весточки от кого-либо из них, кроме регулярно приходящих писем от матери.

— Они отправят нас всех домой! — сказала девушка, растирая руки, поскольку она стояла снаружи, у входной двери Жасмин, а на улице шел мелкий дождь. — Ты уже получила уведомление?

Жасмин покачала головой, но она знала, что это было лишь вопросом времени. Как и ее соседке, ей оставалось немного времени до получения степени бакалавра; и ее только что приняли на медицинский факультет.

— Ты знаешь Хусейна Сукри, — спросила девушка, — который жил в комнате по соседству со мной? Он уехал на прошлой неделе. Он надеялся поддержать семью, как только получит диплом инженера. А теперь он вернулся в Амман без образования и без работы. Что нам делать? Дай знать, если узнаешь о каком-нибудь решении проблемы, — сказала девушка, добавив: — Ма салаама. Да хранит тебя Бог, — и она пошла обратно через внутренний двор жилого комплекса, где падающие капли дождя создавали рябь на поверхности плавательного бассейна.

Подавив панику, Жасмин посмотрела на часы и, понимая, что она опоздает на встречу, если не поторопится, схватила свою сумочку, свитер и ключи от машины и выбежала из квартиры, захлопнув дверь.

Небо металлического цвета нависало в течение нескольких дней над Южной Калифорнией. Университетская община громоздилась на утесе, возвышающемся над Тихим океаном. Когда Жасмин спешила к лифту, который спускался в подземный гараж, она бросила взгляд на унылое небо и подумала, как точно оно отражает ее настроение. С тех пор как стали приходить уведомления от Службы иммиграции и натурализации, холодная, мрачная депрессия овладела маленьким сообществом студентов-мусульман, которые учились в находящемся неподалеку университете. «Почему они наказывались за политику своих стран? Какое отношение конфликт между Израилем и Египтом имеет к чему-то или кому-то за пределами их собственных границ?»

Идя под мелким дождем к лифту, она думала о том, что в Египте сейчас начнется хамсин, песчаные бури, которые всегда являлись предвестниками дня рождения Камелии и ее собственного. Жасмин должно было исполниться двадцать семь, Камелии — двадцать восемь.

Когда двери лифта открылись, она поспешила выйти из него, не глядя, и столкнулась с молодым человеком.

— Прошу прощения! — сказала она, помогая ему поднять книги и бумаги, которые он обронил. — Я не увидела тебя!

— Не стоит извинений, — сказал он и вручил ей ее сумочку. — Эй, ты Жасмин, правильно? Из передней квартиры?

Убирая с лица свои белокурые волосы, она обнаружила, что смотрит на улыбку, которую узнала. Она принадлежала молодому человеку с ярко-рыжими волосами и бородой, в очках в роговой оправе, в потертых джинсах и сандалиях. Его звали Грэг Ван Керк, и он жил через четыре квартиры от нее.

— Да, Жасмин Рашид, — сказала она. Пять лет назад, в Англии, когда она подала заявление на визу в Соединенные Штаты, она изменила написание своего имени. — Мне жаль, что я чуть не сбила тебя с ног.

Он засмеялся.

— Я не мог бы придумать лучшего способа начать свой день! Разве что если бы завелась моя машина. Но никогда не удастся сделать это в дождь. — Он повел рукой в сторону разбитого «фольксвагена», стоящего позади него. — Она никогда не заводится в месяц, если в его названии содержится буква «р». И, что ты думаешь, именно сегодня я должен быть на занятиях!

Он смотрел на ключи от машины в ее руке.

— Предполагаю, ты собираешься в университет?

Жасмин колебалась. Хотя она и Грэг Ван Керк были соседями в течение года, обменивались парой слов у почтового ящика, говорили друг другу «Привет», когда встречались во внутреннем дворе, он все равно был чужой. Даже спустя шесть лет — время пребывания среди жителей Запада — Жасмин все еще не научилась чувствовать себя свободно в компании мужчины, который не был ее родственником. Напомнив себе, что это другая страна, с другими правилами и он нуждался в помощи, она сказала застенчиво:

— Я подвезу тебя, если хочешь.

Две минуты спустя они ехали по шоссе вдоль тихоокеанского побережья, направляясь к зеленому мысу, где университет на двадцать тысяч студентов выглядел из-за волн, живописно разбивающихся о скалы.

— По-моему, совсем не похоже на весну, — сказал Грэг после некоторого молчания. — В смысле, когда это в Южной Калифорнии было так много дождей?

«Весна, — подумала она, крепко держась за руль. — Шам Эль-Нессим. Семейство отправится на берег Нила или в сады у дамбы, они устроят пикник, будут хвастаться новой одеждой». А через три дня ее сын Мохаммед отпразднует свой десятый день рождения, день, который она праздновала сама и оплакивала каждый год. Она послала ему подарок: длинное письмо и свою фотографию.

— Хорошая машина, — сказал Грэг, касаясь приборной панели ее нового «шевроле».

Жасмин вспомнила, что Грэг Ван Керк жил в одной из самых дешевых квартир в комплексе и подрабатывал мастером в округе, чтобы оплатить свое обучение. Думая о его помятом «фольксвагене» и заметив его потертые джинсы, Жасмин снова вспомнила о своей удаче. Дом и имущество, вверенное попечителю в Англии, которые ее бабушка оставил ей, приносили маленький, но стабильный доход — деньги, которыми старый граф, как ей казалось, хотел искупить свою вину, после того как лишил наследства свою дочь за то, что она вышла замуж за араба.

Движение замедлилось, и они увидели красные аварийные огни впереди.

— Никогда не упустят случая, — сказал Грэг. — Южно-калифорнийские придурки обязательно врежутся.

— Бисмилля! — пробормотала Жасмин, думая о своем срочном деле.

— Что?

— Я сказала: «Во имя Господа». Это по-арабски.

— Точно, кто-то говорил мне, что ты из Египта. Но ты не похожа на женщину с Ближнего Востока.

Проведя год в Англии, Жасмин приехала в Америку по приглашению Мариям Мисрахи и обнаружила, насколько непопулярно быть египтянином в Америке. После Шестидневной войны ситуация вообще стала взрывоопасной, еврейские и арабские студенты фактически затевали драки в университете, а на стенах были нацарапаны антиегипетские лозунги. В течение самых первых дней в доме Мисрахи в долине Сан-Фернандо она подслушала спор между Рахель, внучкой Мариям, и братом Рахель, сионистом, который высказывался против того, чтобы египтянка жила с ними.

— Папа родился в Каире! — возражала ему Рахель. — Мы египтяне, Харун!

— Меня зовут Аарон, — отстреливался он, — и в первую очередь мы евреи.

После этого Жасмин решила сократить время своего визита и нашла собственную квартиру. И теперь ситуация опять накалялась, поскольку звон сабель усиливался по обе стороны Суэцкого канала. Жасмин была рада, что благодаря своей внешности она смешивалась, подобно хамелеону, с западной толпой.

— Я слышал, что Государственный департамент заставляет студентов с Ближнего Востока уезжать домой. Тебя это тоже коснется? — спросил Грэг, когда движение по прибрежному шоссе сошло почти на нет.

— Я не знаю, — сказала она тихо. — Надеюсь, что нет.

Когда он увидел, как крепко она обхватила руль, так, что ее суставы побелели, он не мог понять, было ли это из-за скользкого шоссе, несчастного случая впереди на дороге или Государственного департамента. Он сказал:

— Тебе здесь, должно быть, все кажется странным. Я хочу сказать, Египет не такой, как Америка, не так ли?

Когда Жасмин поняла, что ей нравится звучание голоса Грэга, она попыталась расслабиться. Она взглянула на него; он больше сутулился на сиденье, чем просто сидел на нем, и ей на ум пришло американское выражение «easygoing» (беспечный, беззаботный). Она не чувствовала какой-либо

опасности, исходящей от него, ничто не угрожало ее чести. Она вспомнила о любимом предупреждении Амиры: «Когда мужчина и женщина остаются вместе, Сатана становится их третьим компаньоном» и задумалась, где же Сатана скрывался в этом автомобиле. «Он вернулся с моим отцом и его проклятием».

Воспоминания начали всплывать на поверхность:

— Будет так, как будто ты умерла... — предупредил ее отец. Жасмин затолкала все эти мысли поглубже и похоронила, как она всегда делала. «Подави прошлое, не думай о нем».

— Нет, Америка не такая, как Египет, — ответила она, когда патрулирующий шоссе офицер направил их в объезд сигнальных огней движения.

Она больше ничего не сказала, и Грэг рассматривал ее некоторое время — и впервые заметил, насколько синие у нее глаза и что ее волосы были не просто светлыми, но имели оттенок темного меда.

— Мне нравится твой акцент, — сказал он. — Разновидность британского с вкраплением специй.

— Я жила некоторое время в Англии перед тем, как приехать в Америку. И моя мать — англичанка.

— Что за бранное слово ты сказала минуту назад?

— Бисмилля — не бранное слово. Коран наставляет нас всегда употреблять имя Бога. А американцы не любят произносить имя Господа. Это странно для мусульманина, потому что Пророк учил нас призывать Бога настолько часто, насколько это возможно, держать Его всегда в наших мыслях. И из-за того, что злые духи боятся имени Бога, мы говорим его часто, чтобы удерживать их подальше от себя.

Он с удивлением поднял на нее взгляд:

— Ты веришь в злых духов?

— Большинство египтян верят.

Когда она увидела, как Грэг улыбнулся, ее щеки запылали.

— Так каким доктором ты собираешься стать? — спросил он.

— Я хочу оказывать медицинскую помощь людям, у кого нет иной возможности получить ее. У моего отца есть практика в Каире... Много бедных людей идут к нему, потому что они боятся государственных докторов, и еще потому, что люди, которые работают в государственных больницах, обычно требуют взятки. Мой отец делает многое бесплатно, но иногда ему платят цыплятами или козами.

— И ты собираешься вернуться и работать с ним?

— Нет, я поеду куда-нибудь в другое место. Во всем мире люди нуждаются в помощи. — Она застенчиво улыбнулась ему и сказала: — Я слишком много говорю.

— Едва ли! Кроме того, мне очень интересно. Я антрополог, пишу работу на степень магистра.

— Я немного смущаюсь, — сообщила она, ее голос был едва слышен сквозь шум дождя. — Там, откуда я приехала, незамужняя женщина не говорит свободно с мужчиной, с которым она не состоит в родстве, потому что репутация не состоящей в браке женщины в Египте — очень хрупкая вещь.

Она посмотрела из окна на бурлящий серый океан. Она ощущала присутствие Грэга, который ждал, что она скажет дальше.

— В Америке, — продолжала она, — если женщина хочет жить одна, не выходить замуж, она имеет на это право. Но египетские мужчины полагают, что все женщины хотят быть замужем, они не могут представить себе женщину, которая не имеет желания выйти замуж. — Она подумала о Камелии, которая, судя по последнему письму Алисы, была все еще не замужем. — Здесь, в Калифорнии, я видела, что молодые женщины сами преследуют мужчин, которые им интересны. В Египте только мужчина может преследовать женщину. Египет — это мир мужчин, — спокойно добавила Жасмин.

Грэг посмотрел на нее долгим взглядом, прежде чем спросить:

— Тебе очень недостает твоего дома?

Жасмин подумала, что это было больше, чем просто нехватка Египта в ее жизни; она чувствовала себя так, как будто постоянно была голодна — физически и духовно. Она умирала от голода по собственной культуре, где день был разделен на пять частей молитвами; ей не хватало уличных продавцов на оживленных улицах Каира, дымных запахов и шумных празднований, людей, столь скорых на смех, слезы или крик. Проживание одной в квартире не имело ничего общего с умиротворяющим чувством большого дома, с его духом поколений, которые жили там до нее, и смехом множества детей и кузенов, людей, которые все носили фамилию Рашид и разделяли общие убеждения, страхи и радости. Здесь она чувствовала себя изолированной, некой сущностью, отделенной от большого организма, как будто она и в

самом деле была только духом. Как будто смертный приговор ее отца действительно был приведен в исполнение.

— Так ты одна здесь? — спросил Грэг. — Я имею в виду, твоя семья все еще в Египте?

Как она могла растолковать наказание своего отца Грэгу Ван Керку? Какими словами Жасмин могла рассказать ему, что, если бы она жила в деревне, отец и дяди были бы оправданы, убив ее за то, что она переспала с человеком, который не был ей мужем, даже если он изнасиловал ее? Как могла она передать ему свой страх быть отправленной обратно в Египет, потому что она была теперь призраком среди живых и будет изгоем в своей стране, страдая от еще большего одиночества и изоляции, чем от того ощущения, которое она испытала в Англии или Америке?

Когда в поле зрения показались здания и высокие сосны университетского комплекса, Жасмин подумала: «Скорбят ли мертвые?» Потому что, хоть шесть лет отделяли ее теперь от той ужасной ночи, не было дня, чтобы она не горевала о потере своего мертворожденного ребенка и возлюбленного сына Мохаммеда.

Через Алису Жасмин поддерживала слабую связь с мальчиком. Она посылала ему открытки и подарки, а Алиса присылала в ответ фотографии: Мохаммед в зоопарке, в своей школьной униформе, катается на лошади рядом с Пирамидами. Но письмо, которое она всегда надеялась найти в своем почтовом ящике, нацарапанное ребяческой рукой и начинающееся словами: «Дорогая мама», так и не пришло.

«Мохаммед на самом деле никогда не был моим, — подумала она, ведя машину к месту стоянки. — Он никогда не принадлежал мне. Он принадлежал Омару и семье Рашидов».

— Да, — сказала она, выключая зажигание. — Моя семья находится в Египте.

Грэг сделал паузу, чтобы вновь посмотреть на нее. Когда он только переехал в жилой комплекс год назад и увидел молодую белокурую женщину, которая занимала дорогую квартиру без соседки по комнате, жила там одна и не посещала ни одну из вечеринок-барбекю вокруг бассейна, он подумал, что она просто сноб. После того как она несколько раз она обменялась с ним парой слов в прачечной и гараже, произнесенных шепотом, он решил, что она застенчива. Теперь он подумал: не застенчивая. Скромная! И это поразило его, так как он никогда

еще не характеризовал кого-либо этим качеством. Она не была точным подобием монахини. Но ее поведение, ее консервативная манера одеваться, даже волосы, выглядевших так, будто могли бы оказаться дикими, если бы освободились от заколок, напомнили парню о его сестрах, преподававших в католических школах, которые он посещал, будучи мальчиком.

Но было в ней что-то еще более неотразимое, чем экзотическая внешность, британский акцент, намек на тайну; это выражение всепоглощающей печали на ее лице, как будто она погружена в глубокий траур. И это заставило его впервые в жизни забыть на мгновение о просроченной арендной плате и заглушем двигателе «фольксвагена» и задуматься — что сделало ее столь глубоко печальной?

— Ты хотела бы прогуляться как-нибудь вечером? — спросил он. — Кино, пицца?

Она удивленно посмотрела на него.

— Спасибо, но я не думаю, что это возможно. Я постоянно занимаюсь, и мне нужно готовиться к учебе на медицинском факультете.

— Ясно. Я понимаю. Спасибо за то, что подбросила, — сказал он ей, выйдя из машины. — Так что ты собираешься делать?

— Прошу прощения?

— Я имею в виду Государственный департамент. Что, если они прикажут, чтобы ты уехала из США? Что ты будешь делать?

— У меня встреча с деканом медицинского факультета, — сказала она с надеждой в голосе, но с сомнением в глазах. — Если они примут меня на осенний семестр, возможно, они помогут, инсалла!

— Инсалла, — пробормотал он, наблюдая, как она пересекала лужайку и шла по направлению к массивному краснокирпичному зданию медицинского факультета университета.

* * *

Из-за того, что в любое время мог начаться дождь, Жасмин решила пойти коротким путем через крытую галерею. И когда стеклянные двери закрылись за ней, она оказалась в начале длинного коридора, наполненного людьми в белых лабораторных халатах, спешащих туда и сюда с клипбордами и стетоскопами, по одиночке или вовлеченные в оживлен-

ную беседу. Двери в лаборатории, классные комнаты и кабинеты с надписями: «Паразитология», «Тропическая медицина», «Санитарное просвещение», «Инфекционные болезни» были открыты. Воздух, казалось, был наполнен напряжением и ощущением цели; она знала, что это был мир, к которому она принадлежала.

Идя по оживленному коридору, она решила, что, если декан факультета не сможет ей помочь, возможно, кому-нибудь другому удастся сделать это. Она, вероятно, не сумеет поговорить с каждым, но подойдет к тем, кто будет ее преподавателями; они, конечно, захотят помочь ей остаться на факультете.

Почти в конце коридора ее внимание привлекло написанное от руки объявление, прикрепленное рядом с открытой дверью, особенно слово «арабский». Она подошла поближе, чтобы прочитать его: «Требуется! Ассистент для работы над проектом книги: перевод медицинского справочника для стран Третьего мира с целью использования на местности. Обязанности включают набор текста, медицинское исследование, обработку корреспонденции. Знание арабского языка желательно, но не обязательно. Вечера и выходные дни». Объявление было подписано доктором Декланом Коннором, из отделения тропической медицины.

Она заглянула внутрь и увидела очень маленький кабинет, где едва хватало места для стола, стула и картотечных шкафов, которые, казалось, были просто завалены журналами, книгами и газетами. Она увидела пишущую машинку среди коробок с карточками для составления каталога. Единственным обитателем кабинета был человек, которого она приняла за доктора Коннора, он говорил по телефону, пытаясь объяснить кому-то, что ему необходимо время для работы на компьютере.

Когда он увидел ее стоящей у входа, он помахал ей рукой, чтобы она вошла, и сказал:

— Они снова задерживают мое требование. Я объясню вам все через минуту. Боюсь, что нам придется немного поторопиться — издатель сократил время до публикации. И Всемирная организация здравоохранения сообщает мне, что почти в каждом агентстве на Ближнем Востоке спрашивают об этой книге.

Жасмин была поражена двумя вещами сразу: тем, что он говорил с британским акцентом, и тем, что он был очень привлекателен.

— Пока вы ждете, — сказал он, зажимая телефонную трубку между подбородком и плечом, — вы, наверняка, захотите ознакомиться со всем этим. — Он сунул книгу в руки Жасмин и прежде, чем она могла что-либо сказать, снова заговорил по телефону.

Он дал ей большую книгу, напоминающую телефонный справочник, под названием «Когда вы должны быть врачом». На титульном листе была изображена африканская женщина с ребенком, стоящая напротив хижин из травы, и, когда Жасмин начала перелистывать страницы, она увидела фотографии больных людей, ран, микробов, указаний по наложению повязок, дозировке лекарств и диаграммы идеального расположения деревень. Несмотря на использование медицинских и фармацевтических терминов, текст был написан простым и понятным языком. Кто-то сделал несколько пометок на полях — на странице, где описывалась корь, было написано слово «mazla», а за ним следовал знак вопроса.

Жасмин оглядела офис: сертификаты и письма в рамках беспорядочно висели на стенах. Там же висел сбивающий с толку плакат с изображением молодого африканского мужчины в брюках и рубашке, который был определенно беременным! Ниже жирным шрифтом был напечатан вопрос: «Как вам это нравится?» Вопрос повторялся ниже на языке суахили, по предположению Жасмин, так как мелким шрифтом в самом низу плаката было указание на то, что он произведен Комитетом по планированию семьи Кении.

Среди беспорядка на столе стояла табличка, надпись на которой гласила: «Определение вакцины: вещество, которое, будучи введенным в белую крысу, превращается в научный труд». На других клочках бумаги, прикрепленных к краю стола, кто-то накарябал: «Старые профессора никогда не умирают, они только теряют свои факультеты». Затем она увидела фотографию мужчины и женщины с ребенком, стоящих перед воротами с надписью «Миссия Грейс Тревертон»; на заднем плане Жасмин увидела бетонные здания с оловянными крышами и африканских женщин, несущих на головах корзины.

Она посмотрела на доктора Коннора, который все еще говорил по телефону. Она решила, что ему немного за трид-

цать, но его твидовый пиджак и коричневый галстук, консервативно остриженные темно-каштановые волосы заставляли его казаться старше; он выглядел так, словно пришел из прошлого. Большинство людей в пределах университетского городка в настоящее время походили на Грэга Ван Керка — в джинсах, сандалиях и с более длинными волосами, но Жасмин подумала, что доктор Коннор, несмотря на свой молодой возраст, казалось, был полностью обойден движением хиппи.

Она попыталась привлечь его внимание, но он поднял руку, показывая, что скоро примет ее. Она посмотрела на часы; ей нужно было в деканат. Она ненадолго представила себе, что уходит, но почувствовала, что из любопытства вынуждена остаться.

— Нет, подождите, — сказал Коннор в телефон. — Не перебивайте меня, я только хочу... — Он посмотрел на Жасмин извиняющимся взглядом и сказал: — Я чувствую себя, как крыса в лабиринте. Да? Здравствуйте. Послушайте, не перебивайте меня опять! Это доктор Коннор, отделение тропической медицины...

Жасмин наблюдала, зачарованная. Деклан Коннор, казалось, полностью заполнял комнату своей деятельной энергией — это проявлялось в том, как прямо он стоял, в его рубленой речи и резких жестах. Она увидела, что воротник его рубашки перекосялся по верху пиджака, как будто он одевался на бегу, а когда говорил по телефону, он рылся в своих бумагах на столе, заставляя Жасмин думать, что он был человеком, всегда делающим два дела одновременно. Коннор производил впечатление спешащего на месте.

Ей понравилась его внешность: казалось, что крупный прямой нос, гладко выбритые щеки и агрессивно выдвинутая челюсть усиливают впечатление его энергичности.

Когда он внезапно повернулся, свалив на пол некоторые бумаги, то смущенно улыбнулся Жасмин, и она почувствовала, что ее сердце вдруг подпрыгнуло.

— Да, хорошо, — сказал наконец Коннор по телефону и повесил трубку с сердитым вздохом. — Здесь такая же бюрократия, как и в правительстве! — Он улыбнулся ей. — Но пусть вас это не беспокоит. Если мы не сможем получить время работы на компьютере, мы сделаем это старым добрым способом, как наши предки: при помощи ручки и бумаги. Ну, что

вы думаете об этом? — спросил он, указывая на книгу в ее руках. — Эта книга была написана еще в сороковых годах великой женщиной, доктором Грейс Тревертон, в Кении. Она, конечно, с тех пор много раз обновлялась, но в таком виде существует пока только на английском и суахили. Фонд Тревертон обратился ко мне с просьбой, чтобы я выпустил арабскую версию для медицинских работников на Ближнем Востоке. Вы увидите, я уже начал делать пометки на полях.

— Да, — сказала она, перелистывая несколько страниц назад к разделу под названием «Культура питания», часть которого включала обучение сельских жителей важным правилам надлежащей обработки и приготовления пищи. — Но вам вряд ли понадобится эта часть здесь, — сказала Жасмин, показывая ему вступление к статье, посвященной трихинеллезу, с предписанием, сделанным жирным шрифтом, никогда не есть свинину, не прошедшую достаточной тепловой обработки. — Вы будете работать главным образом с мусульманами, которые вообще не едят свинину.

— Я знаю, но мы работаем и в христианских деревнях тоже.

— А затем еще вот это, — она перевернула несколько страниц туда, где описывалась корь. — Вы написали здесь слово «mazla». Если вы хотите сказать «корь» по-арабски, то это слово — «nazla».

— О Господи! Вы не сообщили мне, что говорите по-арабски. Подождите!

Он достал очки и надел их.

— Вы не та студентка, которую я нанял.

— Прошу прощения, доктор Коннор, — сказала она, возвращая ему книгу. — У меня не было возможности объяснить.

— Я слышу акцент соотечественника? Из какой части Англии вы родом?

— Я не из Англии. Но я наполовину англичанка. Я родилась в Каире.

— Каир! Очаровательный город! Я преподавал там в течение года в Амерлинском университете — свои рубашки я обычно отдавал гладить парню по имени Хабиб, он работал на улице Юсеф Эль Генди. Он наполнял рот водой и брызгал ею на рубашки, а затем он практически прессовал ее, держа утюг ногами. Хабиб всегда пытался заставить меня жениться на его дочери. Я говорил ему, что я уже женат, но он упорно утверждал, что две жены лучше, чем одна! Интересно, там ли он все

еще? Наш сын почти родился в Каире. Но он выбрал афинский аэропорт из всех мест, чтобы появиться на свет. Это было пять лет назад. Мы еще не были с тех пор на Ближнем Востоке. Вот это да! Как тесен мир! Чем я могу вам помочь?

Она рассказала о своей проблеме со службой иммиграции.

— Да, — сказал Коннор, — прискорбно. И вот ведь проклятие — в этом нет ни капли смысла! Я уже потерял трех студентов. Вы получили уведомление? Может быть, вам повезет. Некоторым удается проскользнуть сквозь сеть.

Он сделал паузу, казалось, изучал ее. Затем он посмотрел на часы и сказал:

— Студентка, которую я нанял, уже опоздала на сорок пять минут. Есть вероятность, что она не появится. Это случилось и прежде, попадается работа и лучше. Если она не объявится, вы возьметесь за это дело? Вы были бы идеальны на этом месте, говоря по-арабски так, как это делаете вы.

Жасмин поняла, что она очень хотела бы работать у доктора Коннора.

— Если меня не отправят обратно, — сказала она.

— Знаете, что я вам скажу: если вы получите уведомление от Службы иммиграции и натурализации, я напишу им письмо о вас. Я не могу гарантировать, что это поможет, но уж точно не повредит. И насчет работы. Плата, к сожалению, мизерная. Фонд не продает книгу, а раздает ее бесплатно везде, где это необходимо. Но мы могли бы хорошо провести время, занимаясь ею. — Затем он застенчиво улыбнулся и добавил: — Давайте помолимся, чтобы вы не получили это уведомление! Инсалла, ма салаама, — Жасмин пришлось подавить смех. Его произношение было чудовищным.

* * *

Когда Рахель Мисрахи пробиралась сквозь толпу демонстрантов у стен Студенческого Союза, она ругала себя за то, что нанесла сама себе моральный удар ниже пояса. Если бы только она не убедила Жасмин использовать дом Мисрахи в качестве официального адреса — «Необходимо регистрироваться у федеральных властей каждый раз, когда вы переезжаете на другую квартиру» — то теперь Рахель не пришлось бы столкнуться с ужасной проблемой доставки Жасмин официального письма, которое прибыло от Службы иммиграции и натурализации из Вашингтона, округ Колумбия.

Рахель Мисрахи было двадцать пять лет, и, проталкивая свое коренастое тело сквозь толпу женщин, держащих плакаты с надписью «Пусть крыса умрет от голода, не готовьте обед сегодня вечером», она была готова к тому, что сойдет с ума, если Жасмин придется вернуться в Египет. Рахель помогла Жасмин поступить в этот университет, в котором сама была студенткой.

У нее не было времени слушать, чем были недовольны протестантки-феминистки, но она принимала их рекламные листки и говорила:

— Верьте, сестры, — и наконец вошла внутрь. Она осмотрела оживленный кафетерий, где, как она знала, Жасмин обедала каждый понедельник и среду, между биохимией и экономикой. Купив чай и кусочек творожного пирога, напомним себе, что завтра она сядет на диету, Рахель потребовала для себя замусоренный стол, из-за которого она могла видеть вход в кафетерий.

Наблюдая, как толпа снаружи раздает листовки и выкрикивает лозунги, несмотря на усиливающийся дождь, Рахель думала о нескольких попытках, которые она предприняла, чтобы втянуть Жасмин в обсуждение феминисток. «В конце концов, — говорила она, — ты приехала из одного из наиболее угнетенных обществ в мире, в том, что касается женщин. Я думала, ты будешь в центре борьбы». Но Жасмин была необычайно молчаливой во всем, что касалось этого вопроса; Жасмин вообще замалчивала тему Египта и семьи в целом. Рахель думала, что она будет тосковать по дому, как многие иностранные студенты, которые охотно болтали о своей родине. Но Жасмин никогда не говорила о Каире или о семье Рашидов.

Ну, наконец-то: Жасмин шла к ней, прокладывая путь сквозь толпу, собравшуюся к обеду.

— Они не могут помочь мне, — сказала она, садясь. — Декан сказал, что если Служба иммиграции и натурализации аннулирует мою визу, то я не смогу посещать университет. Один из профессоров предложил помочь — доктор Коннор...

— По тропической медицине?

— Он сказал, что напишет письмо, но это не выглядело слишком убедительно.

— Мне жаль, что я не могу помочь, Жэс, в самом деле. Мой папа даже разговаривал со своим другом — адвокатом.

Тот не смог его очень обнадежить. Если война между Египтом и Израилем разразится снова, можешь быть уверена, ты не будешь здесь желанной. Давай молиться, чтобы вместо этого воцарился мир.

Когда Рахель увидела неприкрытый страх в глазах Жасмин, она задалась вопросом, почему та так боялась ехать домой. Хотя Рахель чувствовала с нею подлинное родство, после того как столько раз слышала, что бабушку Мариям подруга называла «тетя», а сама Рахель считала Жасмин кузиной, Жасмин оставалась для нее загадкой. Ее невинность, например, озадачивала Рахель: она знала, что Жасмин была замужем и оставила сына в Египте. Как разведенная женщина могла казаться настолько девственной, настолько целомудренной? Рахель вспомнила время, когда она представила Жасмин своим друзьям, паре, живущей в Малибу. Жасмин была искренне потрясена, узнав, что они не были женаты. Если это действительно было из-за ее воспитания, как объясняла бабушка Мариям, то, возможно, Жасмин никогда не сможет ассимилироваться с американской жизнью. Почему же тогда она так боится ехать домой?

Рахель собиралась сказать об этом, когда внезапно за их столом появился молодой человек с рюкзаком за плечами и улыбкой на лице. Он спросил Жасмин:

— Так как же все прошло?

Рахель посмотрела на него удивленно. И когда Жасмин ответила, а затем представила Грэга Ван Керка Рахель, та продолжала изумляться: с каких это пор Жасмин водит дружбу с мужчиной?

— Не возражаете, если я присяду? — спросил он. — Так что ты теперь собираешься делать? — обратился он к Жасмин с осведомленностью, которая сбила с толку Рахель.

— Мне нужно кое о чем подумать, — сказала Жасмин. — И молиться, чтобы я не получила это уведомление.

— М-м-м, — сказала Рахель. — Пожалуйста, не убивайте посыльного. — Она вытащила из сумочки официальное письмо.

Жасмин посмотрела на него.

— Итак, — сказала она спокойно, — оно пришло.

— Эй, — сказал Грэг, — там не обязательно плохие новости. Возможно, это письмо, сообщающее тебе, что ты — одна из счастливчиков.

Рахель открыла конверт, развернула письмо и вручила его Жасмин. Она не брала его, но могла прочитать достаточно, чтобы понять, что это были отнюдь не хорошие новости.

Она взглянула в окно — на демонстрантов под дождем. В Египте никогда не бывать такому сборищу — отцы и братья этих молодых женщин разогнали бы митинг и отвели их домой. Сквозь толщу стеклянного окна кафетерия она ощущала их боль и гнев. Это были женщины, которые чувствовали, что их предали; клей, державший их вместе, был гневом, даже ненавистью, против мужчин, которые угнетали их. Жасмин знала, что значит быть бессильной — это был Хасан аль-Сабир, силой заставивший ее подчиниться ему, чтобы спасти семью; это был ее отец, наказавший ее за то, что она оказалась жертвой. А теперь политика, проводимая мужчинами, которых она даже не знала, разрушала ее планы и ее жизнь.

Именно поэтому она решила стать врачом. Они обладали властью — реальной властью над жизнью и смертью. И когда-нибудь она собиралась стать женщиной, обладающей властью, чтобы никогда больше не быть жертвой мужчин, или проклятий, или смертных приговоров.

— Послушай, Жэс, — сказала Рахель. — Ты могла бы смириться с этим. Как говорит бабушка Мариям, инсалла, это желание Бога. Поезжай в Египет, а когда политический климат улучшится, ты сможешь вернуться.

— Я не могу поехать обратно в Египет, — сказала Жасмин.

— Ну, — сказал Грэг, вытягивая перед собой свои длинные ноги и скрещивая лодыжки, — есть еще один способ, при помощи которого ты могла бы остаться. Я имею в виду лазейку, которую ты могла бы использовать.

Рахель и Жасмин в один голос спросили:

— Что это?

— Выйди замуж за американца.

Жасмин уставилась на него.

— Это можно сделать?

— Подождите минутку, — сказала Рахель. — Служба иммиграции и натурализации поняла это давным-давно. Она не избежит неприятностей с этим.

— Я не сказал, что ей нужно бежать в Лас-Вегас и выходить замуж за первого же человека, которого она там встретит. Это можно устроить, если все сделать правильно. Несомненно, Служба иммиграции и натурализации в течение некоторого

времени будет проводить расследование. В смысле, опрашивать друзей и соседей, чтобы выяснить, поженились ли люди на серьезных основаниях или же для того, чтобы избежать визового регламента, и, вероятно, ей придется пробыть замужем в течение, по крайней мере, двух лет. Если Жасмин получит развод раньше, Служба иммиграции и натурализации, скорее всего, вернет ей прежний статус и отправит ее обратно в Египет.

Жасмин повернулась к Рахель.

— Ты думаешь, что мне стоит выйти замуж за незнакомца, чтобы остаться в Соединенных Штатах?

— Почему нет? Ты же рассказывала, что девушки в Египте постоянно выходят замуж за незнакомцев.

— Это другое, Рахель. И, так или иначе, кто сделает это для меня?

Грэг потянулся, и его рубашка выскользнула из джинсов. Когда он засунул ее обратно, он сказал:

— Я ничем не занят в эти выходные.

Жасмин уставилась на него и, когда поняла, что он вполне серьезен, спросила:

— Но как это можно сделать? Я получаю уведомление от правительства, а на следующий день выхожу замуж за американца? Они заподозрят неладное.

Но Рахель сказала:

— Нет, если вы сыграете хороший спектакль и одурочите их. И, в любом случае, они не смогут доказать, что ты получила это письмо прежде, чем вы поженились.

— Но ведь я его получила. Я не буду лгать.

— Боже упаси, это не ложь! Я ведь не дала тебе письмо, не так ли? Я открыла его, я показала его тебе, но я не давала его тебе в руки. Послушай, Жэс, из всех вариантов, по моему мнению, женитьба, похоже, один из лучших.

Грэг сказал:

— Я могу понять, что тебя это беспокоит, ты ведь считаешь брак священным институтом или вроде того.

— Нет, — ответила она. — В Египте брак — не таинство. Мы не женимся в храмах, как это делаете вы. Это просто договор между двумя людьми.

— Тогда то, что я предлагаю, — это контракт.

Она нахмурилась, ее недоумение усилилось.

— А как же ты? Ты потеряешь свою свободу.

Он засмеялся.

— Ты, что у меня есть! Женщины что-то не обивают пороги моего дома, и, кроме того, мне нужно сконцентрироваться на получении степени магистра и начать работу над докторской. Я не собираюсь быть бедным студентом всю свою жизнь. Ладно, ты хочешь узнать, какая для меня в этом выгода? Мне нравится твоя машина. Позволь мне иногда кататься на ней по выходным, и дело сделано.

— Ты серьезно?

— Я очень серьезен. Ты, похоже, материально обеспечена, а я нет. Мне кажется, эта сделка пойдет на пользу нам обоим. Моя арендная плата будет оплачена, а федералы не отправят тебя обратно в Египет.

Жасмин задумалась. «Неужели это может сработать?» — спрашивала она себя. Неужели она сумеет избежать кошмара отправки обратно в Египет?

Грэг сказал:

— Ты можешь сохранить свою девичью фамилию, если хочешь, но я бы тебе не советовал. Мы ведь хотим, чтобы этот брак выглядел как можно более правдоподобным.

Но Жасмин понравилась идея избавиться от фамилии Рашид, как будто она избавлялась от чадры или некоего клейма. Однако она все еще колебалась, и, видя это, Грэг сказал:

— Хорошо, ты же ничего не знаешь обо мне. Вот, слушай: я родился в Сент-Луисе. В раннем возрасте сестра Мария Тереза сказала мне, что я ничего не достигну. Избежал призыва в армию и вместе с этим Вьетнама из-за диабета, свое состояние я поддерживаю в норме при помощи инъекций. Я люблю кошек и детей, и моя мечта — отправиться в Новую Гвинею и найти там никому неизвестную расу людей. Я могу сам о себе позаботиться. Мне не нужна прислуга, я сам готовлю и убиваю. Мои родители — геологи, которые путешествуют по всему миру, так что я не рос в традиционном доме, где жена постоянно торчит на кухне. Поверь мне, мои симпатии на их стороне, — и он сделал жест в сторону феминисток, которые теперь начали расходиться из-за проливного дождя.

Жасмин задумалась над вопросом: может, таким и должен быть брак, рациональное соглашение, достигнутое между двумя равными партнерами, без превосходства или раболепия, никакого калыма за невесту, никакого страха развода, если не родится сын. Она изучающее посмотрела на Грэга: ей нравилось, как его ярко-рыжие волосы завивались у по-

тертого воротника, и Жасмин поняла: она впервые почувствовала, что мужчина смотрит на нее как на человека, а не как на сексуальный объект или производителя детей.

— Прежде, чем мы вступим в брак, — сказала она наконец, — я должна сказать тебе, что уже была замужем. У меня родился мертвый ребенок, и еще у меня есть сын в Египте.

Теперь наступила очередь Грэга Ван Керка удивиться.

— Но я никогда не вернусь обратно, — сказала она. — Мой сын больше не принадлежит мне юридически, я не имею на него никаких законных прав.

— Я не беспокоюсь об этом.

— Я уехала из Египта, не будучи в хороших отношениях с семьей, поэтому я никогда не смогу вернуться.

«Ты — харам, запрещенная». Она тряхнула головой, как бы очищая свои мысли. Не позволять воспоминаниям возвращаться! Она продолжала:

— Я поехала в Англию, чтобы предъявить права на наследство родственникам со стороны моей матери. Мои родные там, семья Вестфол, были добры ко мне и попытались помочь. Но я некоторое время болела. Меня лечили от депрессии. — Когда она сделала паузу, чтобы дать ему время переварить информацию, Жасмин подумала о клинической депрессии своей матери и о том, что мать Алисы, леди Вестфол, покончила жизнь самоубийством. — А потом тетя Мариям, бабушка Рахель, — продолжала она, — пригласила меня приехать и остаться жить вместе с их семьей здесь, в Калифорнии. Я намерена стать врачом, но считаю справедливым сообщить тебе, если мы будем жить вместе, что у меня по-прежнему депрессия.

— Я знаю, — сказал Грэг, внезапно почувствовав себя рыцарем на белом коне и решив, что ему это нравится. — Я ощущал в тебе какую-то печаль. Возможно, все, что тебе нужно, — это кто-то, кто помог бы тебе справиться с этим.

— И еще одна вещь, — добавила она осторожно. — Юридически мы будем мужем и женой, но я не могу...

— Не беспокойся об этом. Мы будем просто соседями по комнате, два очень занятых студента. Я счастлив и на диване-кровати. И я не думаю, что даже Служба иммиграции и натурализации может заслать шпионов в спальню!

— У меня есть идея, — сказала Рахель, неожиданно разволновавшись. — Вы оба приходите к нам домой сегодня вечером. У меня огромная семья, и я приглашу кучу друзей.

Мы объявим там о свадьбе. Таким образом, когда агенты Службы иммиграции и натурализации начнут обнюхивать все вокруг, им придется иметь дело с моей матерью и с бабушкой Мариям! А пожениться вы сможете в субботу, в небольшой часовне какого-нибудь святого.

Когда два ее компаньона начали строить планы в радостном возбуждении по поводу этого маленького заговора против властей, Жасмин почувствовала, что ее страх рассеивается, а настроение улучшается. Через минуту она уже думала о докторе Деклане Конноре и его предложении относительно работы. И внезапно поняла, что очень надеялась, что студентка, которую он нанял, больше не появится.

29

Несмотря на то что дул ветер хамсин, похоронный шатер был установлен в конце улицы Фами Паша, и весь день огромная толпа известных людей прибывала и убывала, чтобы послушать чтение Корана и отдать дань уважения покойному. Позже процессия направилась к кладбищу, конкурируя с похоронами государственных деятелей и кинозвезд; даже президент Садат послал представителя, чтобы следовать за гробом вниз по улице Эль-Бустан. Когда Захария взял себе на плечо один угол тяжелого гроба, он спросил себя — кто бы мог подумать, что Джамал Рашида так любили?

Захария был одним из всего лишь двух представителей со стороны семьи его вдовы; сама Тахия даже не смогла прийти. Когда известие о сердечном приступе Джамал Рашида достигло улицы Райских Дев, его молодая беременная жена была больна холерой. И она по-прежнему была плоха, так же как и почти все остальные в доме.

По какой-то таинственной причине Захария не заразился и был фактически единственным членом семьи, кроме Ибрагима, кто не был заключен за закрытыми дверями, в соответствии с карантинным предписанием министерства здравоохранения. Захарию обследовали и обнаружили, что он не является носителем вируса болезни, и поэтому ему дали разрешение посетить похороны.

Он не хотел оставлять Тахию, но мужчина не может уклоняться от обязанности нести гроб члена семьи к могиле. И в то время, пока он устало шел под тяжестью своего бремени, изну-

ренный долгими часами у постели Тахии и помощью женщинам в огромном деле ухода за таким большим количеством больных членов семьи, Захария удивлялся, что он мог так почтительно нести мужчину, который украл у него Тахию. Но за свои почти десять лет совместной жизни с Джамалем Тахия была искренне счастлива с ним, даже любила его в некотором смысле, как она призналась Захарии. Поэтому он отдавал ему дань уважения. Но Тахия осталась одна с четырьмя маленькими детьми и с пятым, который должен был скоро родиться.

«Я буду заботиться о ней, — поклялся Захария, — теперь, когда мы можем пожениться». Обещание, которое дал ему Всевышний, когда Захария был мертв в течение нескольких минут в Синайской пустыне и увидел изумительную загробную жизнь, которую так ждут верующие — минут, когда Захария не хотел возвращаться на землю, — обещание Господа, что он и Тахия были судьбой предназначены друг другу, наконец сбывалось. Он решил, что они поженятся до наступления следующего рамадана.

Идя позади Захарии, так же с гробом на плече, что предполагало его дальнейшее родство, Ибрагим бился над разгадкой тайны неожиданно вспыхнувшей холеры.

Семья Рашидов была единственной во всем городе, которая заразилась болезнью. Сорок два члена семьи были больны, за ними ухаживала горстка женщин, и спустя три дня после приступа у Алисы в офисе Ибрагима исследователи из министерства здравоохранения все еще не смогли определить причину вспышки заболевания.

Хамсин мел жгучий песок на гроб и на тех, кто его нес, а люди в толпе, шествовавшей за Джамалем Рашидом к его могиле, закрывали лица носовыми платками и кашляли из-за песка, попадавшего им в горло. Когда толпа, состоявшая только из мужчин, так как женщины не участвовали в похоронных процессиях, прокладывала себе путь под завесой серовато-коричневого цвета, сквозь которую едва проглядывало солнце, Ибрагим думал: «Почему холерой заразилось только наше семейство и никто больше? Почему моя сестра, и жена, и мать, и тети, и племянницы, и кузины лежат пластом от болезни, в то время как я и Захария здоровы?»

Когда горячий ветер пустыни напал на них и, казалось, намеревался опрокинуть гроб, Ибрагим сосредоточил свой взгляд на спине Захарии; юноша был для него постоянным

напоминанием о тех вещах, которые Ибрагим хотел бы забыть. Молодой дурак даже не сходил как следует на войну, отважно сражаясь и вернувшись домой раненым, как Омар. Нет, Захария вернулся с дерзкой историей о том, что он умер и был в раю, чем привел в замешательство все семейство.

Наконец они достигли кладбища, и мужчины, которые несли гроб, опустили Джамалю в могилу рядом с его родителями и братьями.

Когда прикатали большой камень и запечатали им могилу, посыпали пылью и опрыскали водой, когда имам мечети Джамалю начал читать выдержки из Корана, Ибрагим напомнил себе, что мысли человека на похоронах должны быть благочестивыми.

Поэтому он изменил ход своих мыслей в сторону человека, прах которого он только что предал земле, а от Джамалю его мысли перешли к его вдове, Тахии, которая была больна и лежала сейчас в постели на улице Райских Дев, не зная, что ее муж умер. Ибрагим взял на себя ответственность сообщить ей печальную новость, что он планировал сделать, как только она поправится. И потому, что она была дочерью его сестры, в его обязанности теперь входило заботиться о ней и ее детях. Но это означало кормить еще пять ртов, да и шестой был уже на подходе. Растущие дети нуждаются в новой одежде, они много едят, а плата за учебу стремительно растет. Как он справится со всем этим? Его доходы от хлопковых плантаций, так же, как и другие его инвестиции, начали падать в годы правления Насера.

Когда он мельком взглянул на небо и увидел необычное явление — «синее» солнце, которое иногда появлялось во время хамсина, — Ибрагим принял решение: он подождет положенное время, но не слишком долго, до следующего рамадана, и найдет мужа для Тахии.

* * *

Группа репортеров в Каирском аэропорту ожидала прибытия Дахибы, любимой танцовщицы Египта. Никто не знал, почему она поехала в Ливан, но слухи расползались по городу — секретная операция, любовная интрига. Однако только одна история была истинной: то, что она нашла издателя в Бейруте, который оказался достаточно смелым, чтобы издать ее противоречивую поэзию, которая, как каждый скажет, наверняка была бы запрещена в Египте.

Она прошествовала мимо корреспондентов, отклоняя их вопросы с улыбкой и кокетливыми жестами, и пошла прямо туда, где стояли Камелия вместе с Хакимом и Зейнаб. Сначала она поцеловала и обняла мужа, затем маленькую Зейнаб. Наконец Дахиба повернулась к Камелии.

— Ну, расскажи теперь, что все это значит? Ты сказала по телефону, что семья в критическом положении.

Камелия вкратце рассказала о холере, добавив:

— Медсестра отца — в доме, как и медсестра из министерства здравоохранения. Но умма никого больше не пускает. Тетушка Назира и ее дочери приехали аж из Ассиута, чтобы помочь ухаживать за семьей, но умма отправила их домой. Кузина Хоснея тоже пробовала. Умма даже меня непустила. Она говорит, что не хочет, чтобы заболел кто-нибудь еще.

— Это похоже на мою мать, она все пытается делать сама, — сказала Дахиба, когда они поспешили к ожидающему их лимузину.

— И она сама тоже больна, — добавила Камелия. — Я видела ее недолго у входной двери. Но она заставляет себя вставать с постели. Ты же знаешь умму!

— Я даже слишком хорошо знаю свою мать. А где сейчас Ибрагим?

— Папа пошел утром на похороны Джамали Рашида. Я говорила тебе по телефону о внезапном сердечном приступе.

— Да-да.

— Папа сказал, что после похорон он собирается навестить тетю Алису. Когда у нее случился приступ в его офисе три дня назад, он поместил ее в частную клинику. Но когда начали заболевать остальные члены семьи, он просто изолировал дом. Но там почти все, Дахиба! Семья собралась для празднования Шамм эль-Нессина. Все кровати заняты!

Дахиба спросила:

— Какая больница? — И когда Камелия ответила ей, она сказала водителю: — К улице Суэцкого канала, пожалуйста. И побыстрее.

* * *

Алиса открыла глаза и подумала, что ей все еще снится сон, потому что рядом был Ибрагим: он улыбался ей, гладил ее волосы. Она была очень слаба. Однако чувствовала себя так, будто только что предприняла длинное утомительное путешествие.

вие, о котором она сохранила лишь обрывки воспоминаний — медсестра, помогавшая ей с судном, кто-то, обтирающий влажной губкой ее тело, мягкий, ритмичный голос, декламирующий стихи из Корана. Она посмотрела на своего мужа. На нем был белый хирургический халат поверх костюма и резиновые хирургические перчатки. Ибрагим, казалось, внезапно постарел... Или она спала в течение нескольких лет?

— Что... — начала она.

— Опасность уже миновала, моя дорогая, — сказал он мягко.

— Как долго я нахожусь здесь?

— Три дня. Но ты уже поправляешься. Продолжительность болезни обычно составляет шесть дней или меньше.

Она посмотрела на четыре бутылки, подвешенные над ее кроватью, и на полую иглу, вставленную ей в руку.

— Что это у меня? Что со мной случилось?

— У тебя холера. Но ты скоро поправишься. Я прописал тебе лечение антибиотиками.

— Холера! — воскликнула она, пробуя сесть, но не находя сил. — А что с другими? Как семья? Мохаммед! С моим внуком все в порядке?

— С нашим внуком все в порядке, Алиса. Все в доме болеет с разной степенью тяжести, у кого-то болезнь протекает легче, у кого-то тяжелее. Все заразились в разное время. Кроме Захари. Он вообще не заразился.

— Что послужило причиной этому?

— Мы пока не знаем, министерство здравоохранения проводит исследование. Они проверили воду, которую мы пьем, и взяли образцы продуктов с кухни. Так передается инфекция, когда едят или пьют что-то, содержащее бактерии холеры. Но пока все анализы отрицательные. Еще более странным является то, что наш дом — единственный, где многие заразились. — Он взял ее руку в свою и сжал ее. — Аль хамду Лиллах! Слава богу, мы обнаружили это вовремя. Если холеру диагностировать на ранней стадии и немедленно начать лечение, это не смертельно.

— Когда я могу пойти домой?

— Как только ты достаточно окрепнешь. — Он снова погладил ее волосы, жалея, что не может снять хирургическую перчатку и ощутить их белокурую мягкость. Когда у Алисы случился приступ у него в офисе, Ибрагим был поражен вне-

запным страхом, который он почувствовал, пониманием, которое поразило его подобно ударной взрывной волне, что он может потерять ее. Поэтому он поместил ее в эту дорогую частную клинику, где ей был обеспечен великолепный уход, вместо одной из главных государственных больниц, где пациентам приходилось давать взятки медсестрам, чтобы те позаботились о них. Когда же он забыл, что она по-прежнему так много значит для него?

Алиса держала его руку в течение долгой молчаливой минуты, успокоенная его присутствием. Когда она обратила внимание на то, что Ибрагим был единственным, кто навестил ее, она поняла, что находится в изоляторе, где стояли еще три пустые кровати. Посетителей сюда не пускали. Но они передали для нее цветы и открытки.

— От твоих подруг, — сказал Ибрагим. — Мадлен и госпожа Флорной просто поселились в коридоре. В конце концов я сказал, чтобы они шли домой. Розы от этой леди из Мичигана. Мама хотела послать тебе цветы из твоего собственного сада, но она побоялась, что вместе с ними может передаться холера. Мой Бог, Алиса, я так беспокоился о тебе!

Она слабо улыбнулась, когда всплыли другие воспоминания трех прошедших дней: Ибрагим у ее постели, он отдает распоряжения медсестре, руководит процедурой инъекций, поправляет подушки... взволнованное выражение на его лице. Она могла представить себя влюбляющейся снова в Ибрагима, такого заботливого, выглядящего так обеспокоенно. Он был таким, как много лет назад в Монте-Карло. Она уже забыла. И теперь она воображала себе, что ее любовь возродилась из ее болезни, подобно возрождению Феникса из пепла. Но в отличие от мифической птицы ее любви некуда было лететь. Любит ли ее Ибрагим, или он так относится ко всем своим пациентам?

— Я собираюсь оставить тебя, чтобы ты отдохнула. — Он поцеловал ее в лоб и пробормотал: — Да сохранит и убережет тебя Бог, — и ушел.

Выйдя в коридор, он был ошеломлен, увидев стоящих там Дахибу и Камелию.

Он уставился на свою сестру с открытым ртом. Вся семья знала, что Камелия общается с давно попавшей в немилость Фатимой, но Ибрагим не видел свою сестру с того дня, как ее изгнали из дома тридцать три года тому назад. Он знал,

что так или иначе встретится с нею, это был лишь вопросом времени, но это было так неожиданно!

Дахиба закатила рукав и сказала:

— Ибрагим, что ты стоишь, как осел? Сделай мне прививку против холеры!

* * *

Хамсин обернул Каир песчаным туманом, из которого возвышались минареты, подобно мистическим шпилям. И с этих шпилей муэдзины оглашали древний призыв к молитве, неизменный со времен Магоммеда, впервые прозвучавший тринадцать столетий назад;

Господь велик.

Господь велик.

Я заявляю, что нет никакого бога, кроме Аллаха.

Я заявляю, что нет никакого бога, кроме Аллаха.

Я свидетельствую, что Магоммед — Его посыльный.

Я свидетельствую, что Магоммед — Его посыльный.

Приходите на молитву.

Приходите на молитву.

Приходите к успеху.

Приходите к успеху.

Господь велик.

Господь велик.

Нет никакого бога, кроме Него.

Когда медсестра Ибрагима, Худа, торопливо шла по коридору с судном, она взглянула на Амиру через открытую дверь спальни: та выполняла молитвенные поклоны, не смотря на то что выглядела так, будто сейчас упадет от изнеможения. Молодая медсестра не удивилась. Любой мог разыграть такую шараду, но это еще не подразумевает набожности. Не этим ли занимались ее отец и братья? Если Худе и было за что вознести благодарственную молитву, так это за то, что она получила передышку от их бесконечных требований — шестеро мужчин, которые впустую тратили послеобеденное время в кофейне, в то время как она была весь день на ногах в офисе доктора Ибрагима, а затем настаивали, чтобы она готовила им обед, как только придет домой. Она невольно улыбнулась, подумав о старике и его пяти ленивых сыновьях, пытающихся понять, как управляться с горшками и кастрюлями. К счастью, ее услуги бу-

дуг нужны семье доктора Ибрагима по крайней мере еще неделю, возможно, и дольше, и в течение этого времени ее отец и братья должны по достоинству оценить все, что она сделала для них.

Она обнаружила, что Мохаммед сидит на кровати со скрещенными руками и сердитым взглядом на лице. Болезнь поразила десятилетнего мальчика не так сильно, как других, и его выздоровление оказалось быстрым; и теперь он капризничал, потому что не праздновали день его рождения. Когда она увидела, что он все еще не съел свой завтрак, Худа попробовала уговорить его хоть немного поесть. Но он хотел, чтобы его кормила бабушка Нефисса.

— Твоя бабушка больна, — сказал Худа раздраженно. — Она устала и очень хотела отдохнуть.

Приходилось много работать, руководя «больницей» на улице Райских Дев. Несколько женщин семьи Рашидов чувствовали себя достаточно хорошо, чтобы ухаживать за другими, поэтому они нуждались в руководстве: карантинная техника должна была соблюдаться, чтобы не произошло повторного заражения, судна необходимо было опорожнять с большой осторожностью, а загрязненные простыни нужно было кипятить или сжигать, чтобы не допустить распространения инфекции вне дома. И она рассказывала им об опасных симптомах, на которые они должны были обращать внимание: сильная жажда, запавшие глаза, учащенный пульс и дыхание, высокая температура. О каждом из этих симптомов необходимо было сообщать ей немедленно. Ключевым моментом в лечении была процедура регидратации, которую могла провести только опытная медсестра: она включала попеременные внутривенные вливания соляного раствора и бикарбоната натрия с периодическими добавлениями калия. Эта процедура также предполагала учет потребляемой пациентом жидкости по сравнению с количеством выводимой им мочи, потому что холера в первую очередь опасна обезвоживанием организма, что ведет к ацидозу, уремии, почечной недостаточности и, в конечном итоге, к смерти. Худа чувствовала, что очень важно контролировать все это, как делают медсестры в больнице, где она обучалась. Но работа имела свои неприятные стороны.

У всех была диарея и рвота; необходимо было постоянно менять постельное белье, в комнатах пахло ужасно. Но из-за

хамсина госпожа Амира не позволила открыть окна, на случай, если злые духи пустыни опять принесут неудачу. Если бы только доктор Ибрагим позволил Худе использовать лomotил или что-нибудь из средств госпожи Амиры против диареи! Но он сказал, что болезни нужно позволить полностью выйти из организма. Задержка ее внутри привела бы к ухудшению состояния больных. Худа также попросила доктора Ибрагима прислать более опытную помощницу — медсестра, присланная министерством, была ужасно ленива. Но его мать не разрешала входить в дом кому-либо еще; упрямая женщина фактически прогоняла помощников от своей двери. Это было глупо, потому что всем, кому была сделана прививка, болезнь была не опасна.

Однако Худа была довольна, что пришла сюда. Когда Ибрагим попросил ее ухаживать за членами его семьи, она не смогла отказать. Она была влюблена в него, и это было для нее возможностью увидеть, как он живет. Молодая медсестра подозревала, что ее работодатель жил хорошо, но она не ожидала увидеть особняк, заполненный такими красивыми вещами. Дом доктора Ибрагима походил на дворец. Теперь она была уверена, что он хорошо оплатит ей эту жертву, возможно, даже сделает дорогой подарок.

Когда она попыталась заставить мальчика съесть немного бобов и яйцо, она увидела над его кроватью фотографию очень красивой белокурой женщины. Худа знала, что это дочь доктора Ибрагима, та, что уехала в Америку. Даже при том, что Мохаммед был темноволосым, Худа заметила черты его матери в форме лица, и еще у него были ямочки высоко на щеках, даже когда он не улыбался. А его глаза были того же синего оттенка — привлекательная особенность в сочетании с черными волосами и смуглой кожей. В десять лет у Мохаммеда уже присутствовали черты красивого мужчины, которым он когда-то станет.

— Очень хорошо! — сказала она, вставая. — Если ты не хочешь есть, я не буду заставлять тебя.

Поставив поднос на ночной столик, она почувствовала внезапную судорогу в животе. Ее колени внезапно подкосились, и, когда она упала на пол, ее вырвало.

Мохаммед позвал на помощь, и пришла Амира. Когда она помогла медсестре встать на ноги, то спросила:

— Тебя тошнило?

Худа хмуро покачала головой. Рвота без предшествующей тошноты — один из первых признаков болезни. Она заразилась холерой...

* * *

Черный лимузин, уже не блестящий из-за пыли, принесенной хамсином, притормозил напротив дома, но Дахиба и Камелия вышли прежде, чем он полностью остановился. Хаким был недоволен тем, что они шли вопреки карантину, объявленному правительством, но ничего не сказал, кроме того, что он позаботится о Зейнаб. Дахиба даже не постучала. Она прошла по дорожке и открыла переднюю дверь, как будто ушла из этого дома только вчера.

— Бисмилля, — сказала она. — Ну и вонь же здесь!

Когда они быстро поднимались по лестнице в женскую половину дома, они видели груды чистых простыней, тазы с мылом и водой, больничные халаты и хирургические маски у входа в спальни. Сильный аромат дезинфицирующего средства не мог скрыть запах болезни.

Амира была в коридоре, сражаясь с большим узлом грязных простыней, в белом хирургическом халате поверх черного платья, волосы ее были покрыты белым платком. Дахиба вздохнула и покачала головой:

— Моя мать, саида Зейнаб с улицы Райских Дев.

Амира посмотрела на нее, пораженная. Она смотрела мгновение на свою дочь, затем сказала:

— Фатима, хвала Господу!

— Брат сказал мне, что вы не позволяете открывать окна, мама.

— Болезнь приносит ветер. Злые духи пустыни принесли холеру в наш дом.

— Холера вызывается бактериями, мама, крошечными микробами, которых вы даже не можете видеть.

— Кто-то может видеть злых духов? Пожалуйста, дочка, уходите, пока вы не заболели.

— Ибрагим сделал нам прививку, умма.

— Он сделал прививку и своей медсестре, а она заболела.

— Это не на каждого действует. Я отдаю себя в руки Господа. Теперь я хочу, чтобы вы отправлялись в постель.

— Вы должны уйти, — сказала Амира, но уже с меньшей убежденностью.

— С каких это пор членам семьи не позволяют заботиться друг о друге? Такие случаи придают значение семье, иначе чем мы являемся, что у нас есть? — Сняв шарф и закатав рукава, Дахиба помогла матери дойти до кровати. — Теперь я обо всем позабочусь, умма, — сказала она, — начиная с вас. И я не хочу больше спорить об этом.

Амира больше не спорила. Ее голова откинулась на подушку, она закрыла глаза и подумала: «Хвала Всевышнему, мой ребенок пришел домой».

* * *

Когда приехал Ибрагим, первое, что он сделал, это обошел спальни, осматривая каждого пациента и давая ему, если это требовалось, тетрациклин. Он огорчился, увидев Худу, прикованную к постели; он предупреждал ее, что эффективность прививки составляет лишь восемьдесят процентов. Но она держалась хорошо и переносила ситуацию стоически.

Наконец он пошел вниз на кухню, где стерилизовали воду для питья и прислуга гладила груды свежестиранных простыней. Сахра, выглядевшая бледной и утомленной, сидела за столом и готовила подносы с обедом для больных. Ибрагим редко посещал кухню, потому что это была женская территория, но теперь он вошел туда как врач, пытаясь с корнем удалить причину этой мини-эпидемии.

Он был расстроен: он только что разговаривал с санитарным врачом — они все еще не обнаружили источник болезни. Доктор Хеир сказал, что шесть других семей неподалеку тоже заболели. Ибрагим никак не мог понять, почему все взрослые обитатели дома, кроме Захарии и его самого, заразились холерой. Самые маленькие тоже не пострадали. Почему? Что такое съели все, чего не ели младенцы, юноша и он сам?

Он исследовал кухню, как будто мог обнаружить виновного — сидящего на корточках под столом злого духа, как полагала его мать. Тогда он посмотрел на Сахру, у которой течение болезни было средней сложности, и ей сразу стали давать тетрациклин.

— Сахра, — сказал он, — ты мыла руки с мылом перед приготовлением пищи, как я сказал тебе?

— Да, господин. Я мою их по сто раз в день. — И она протянула ему свою правую руку, чтобы показать, какая на ней рыхлая кожа.

Он посмотрел на чашку, которую она держала и содержимое которой она собиралась переложить ложкой на тарелки, предназначавшиеся для больных.

— Что это? — спросил он.

— Это киббех, господин. Очень хорошо для больных людей. Вам самому он тоже нравится.

Он нахмурился.

— Да, но киббех всегда готовят, не так ли?

— Это новый рецепт, господин, по которому мясо не надо готовить. Сам мясник сказал мне об этом. Он сказал, что киббех очень популярен в Сирии. Но мясо свежее, посмотрите сами. И я смотрела, как мясник его резал.

Ибрагим поднес чашку к своему носу и почувствовал запах мяса ягненка, лука, перца и дробленой пшеницы.

— С едой все в порядке, господин, — сказала она с тревогой. — Всем понравилось. Ни одного кусочка не осталось.

— О чем ты говоришь? Ты готовила это блюдо прежде?

— Четыре дня назад, господин. Семья собралась на праздник, и я подумала — надо подать что-нибудь особенное...

— Вечером — перед тем как заболела моя жена?

Когда она молча кивнула, Ибрагим вернулся мыслями назад к тому вечеру и внезапно вспомнил, что он не ужинал с семьей из-за срочного вызова в больницу. А Захария не ел киббех из-за своего отвращения к мясу.

Он поспешно вышел из кухни и позвонил в министерство здравоохранения.

— Доктор Рашид, я только что собирался звонить вам, — сказал доктор Хеир на другом конце провода. — Следы болезни ведут к новому мяснику, живущему в вашем районе, сирийцу. Он приехал неделю назад из Дамаска, и мы обнаружили, что он — переносчик. Бактерии находятся в мясе. Кто-нибудь из ваших домашних покупал у него мясо недавно?

Ибрагим бегом вернулся на кухню, выдернул чашку из рук Сахры и разбил ее о пол.

— Разве я не говорил тебе тысячу раз, что мясо всегда должно готовиться? Ты могла убить нас всех!

— М-мне очень жаль, господин, — сказала она. — Это было специально для праздника. Новый мясник...

— Является переносчиком, Сахра. Он заразил нас болезнью!

Она уставилась на него широко открытыми глазами.

— Но господин Гамал не был болен!

— Переносчик болезни не болеет ею, он только передает ее другим. Разве ты не знаешь, что могла убить нас всех?

Она начала плакать.

— Мне жаль, господин. Богом клянусь, я не хотела ничего плохого!

Он провел обеими руками по волосам, внезапно чувствуя сильную усталость.

— Мой Бог, посмотри, чего стоила нам твоя ошибка. А теперь больна моя медсестра и моя мать тоже!

— Саида больна?

— Молись, что мы вовремя заметили. В ее возрасте эта болезнь может быть смертельной.

— Да, господин, — прошептала Сахра с лицом, влажным от слез.

* * *

Захария проснулся до рассвета, потому что не мог спать. Сегодня Тахии должны были сказать о ее муже. Он знал, что его отец планировал рассказать ей, но Захария хотел сам сообщить ей новость. Решив, что понесет ей завтрак, он спустился на кухню, где обнаружил прислугу в суматохе. Духовки не были зажжены, сказали они, и тесто на хлеб не было поставлено с вечера для подхода.

Зная, что Сахра, будучи главой кухни, предпочитала позаботиться об этих приготовлениях сама и поэтому обычно просыпалась утром первой из домашней прислуги, Захария пошел в ее комнату, расположенную за кухней, подозревая, что она слегла, заразившись холерой.

Но, к его удивлению, кровать Сахры была пуста, ее одежда исчезла вместе с фотографиями семейства, которые висели на стене. Саму Сахру тоже невозможно было нигде найти.

30

— На улице прямо завывает! — сказал Деклан Коннор, выглядывая из окна своего кабинета. — Я никогда не видел, чтобы университетский городок был столь пустынным.

Теплый вечерний ветер насквозь продувал сосны, ольху и палисандровые деревья, которые пунктиром окружали здание медицинского факультета, заставляя высохшие листья

кружиться на освещенных дорожках, а с ними кружились и крошечные вихри мусора и пыли. Хотя до Хеллоуина было еще далеко, человеческий череп, раскрашенный оранжевой краской, чтобы быть похожим на фонарь из тыквы с прорезанными отверстиями в виде глаз, носа и рта, мерцал в окне лаборатории анатомии через дорогу — так шутили студенты.

Жасмин подняла глаза от пишущей машинки и почувствовала, что ее сердце подпрыгнуло: она увидела реального Коннора и его отражение в стекле — человека, выглядевшего слишком серьезным и консервативным для этого либерального учебного заведения и, казалось, генерировавшего свою собственную энергию, которую Жасмин чувствовала даже на расстоянии. «Или, возможно, — подумала она, — только в своем воображении я нахожусь под влиянием его заразной энергии?» После работы с Коннором в течение шести месяцев она знала, каким он был целеустремленным и честолюбивым человеком.

— Ну! — сказал он, отходя от окна. — Где мы остановились? Последняя глава, не так ли?

Последняя глава. Жасмин не нравилось, как звучит это словосочетание. Это подразумевало, что их совместная работа скоро подойдет к концу.

— Это блестящая идея, — сказал Коннор, когда встал позади нее, чтобы посмотреть, что она напечатала. — Я собираюсь добавить аналогичную главу к африканской версии.

Новая глава была идеей Жасмин; она называлась «Касательно местных обычаев» и была написана для представителей неарабской части населения, вмещающая несколько простых, но важных правил, которые позволили бы иностранному медицинскому работнику найти общий язык с местными жителями. После нескольких довольно очевидных рекомендаций типа: «будьте дружелюбны и тактичны» и «не спорьте с местным народным целителем», она внесла в список правила, специфичные для арабской культуры: никогда не задавайте мужчине вопросы о его жене; никогда не ешьте левой рукой; никогда не говорите комплимент женщине о ее детях.

— Вы понятия не имеете, — сказал он, склонившись над ней и положив руку на спинку ее стула, так что она чувствовала запах его одеколона «Old Spice», — какие проблемы возникали, когда волонтеры из лучших побуждений совершали такие простые ошибки, как нарушение племенной тради-

ции. В племени кикуйю, например, считается комплиментом, если вы положите руку на макушку головы ребенка: Не сделав так, вы можете оскорбить кого-нибудь. И тут это последнее ваше правило, Жасмин, о том, что женщине нельзя делать комплимент о ее детях...

Пока она объясняла ему о сути суеверия, злом глазе и говорила о боязни зависти у феллахов, она почувствовала, что кожа ее стала горячей. Если его рука соскользнет, если он случайно коснется ее...

«Грэг», — подумала она. Она должна продолжать думать о своем муже, Грэге. Хотя Грэг Ван Керк, за которого она вышла замуж, чтобы избежать депортации, не был на самом деле ее мужем.

Как они и ожидали, Служба иммиграции и натурализации действительно расследовала их случай, расспрашивая домовладелицу, их преподавателей, друзей Грэга, семейство Рахель. Агенты прибывали очень часто — со значками, блокнотами и вопросами личного характера, и Жасмин с Грэгом, приятные в общении и поддерживающие друг друга, всегда умели отослать их восвояси, довольные тем, что их тайна по-прежнему в безопасности. Юридически они были мужем и женой в течение почти семи месяцев; Жасмин официально стала Жасмин Ван Керк. Но, несмотря на свидетельство о браке, они были только соседями по комнате. Как сказал Грэг, даже Служба иммиграции и натурализации не может приставить шпиона для слежки в спальне.

Она думала о том, как желала ему спокойной ночи и закрывала дверь своей спальни на протяжении шести с половиной месяцев, а потом слышала, как скрипит диван-кровать под тяжестью тела Грэга в гостиной. Шесть месяцев спокойных отношений с человеком, который был умным и внимательным, кто спас ее от высылки и кто заслуживал ее уважения. Если бы только она влюбилась в Грэга!

Но проблема была в том, что она вышла замуж за одного человека, а влюбилась в другого.

Деклан вернулся к своему столу, и, пока Жасмин наблюдала, как он просматривал рукопись в очередной раз, она не могла не сравнивать этих двух мужчин: Деклан с его энергией и мощью, которая казалась ей заразительной, и Грэг, такой расслабленный, что он, похоже, овладел арабской философией «бокра» — завтра — отношение к жизни, которое ей

очень нравилось, потому что напоминало о доме. Деклан был дотошным в одежде, Грэг не был; Деклан преуспел и был амбициозен, Грэг все еще равнодушно сражался с диссертацией на степень магистра. Но оба мужчины были добры, оба заставляли ее смеяться, и один ей нравился, а в другого она была влюблена — а нужно, чтобы все было наоборот.

Она понятия не имела, как Деклан к ней относится, но это не имело значения, говорила она себе каждый раз, когда начинала думать о нем и задавать себе вопрос о том, каково ей было бы с ним. Коннор был женат, его путь был определен. Так же, как был определен и путь самой Жасмин.

Хотя она была не уверена в своем будущем с Грэгом и не знала, чем они будут заниматься, Жасмин представляла, чем станет заниматься она: изучать медицину и применять свои навыки везде, где это будет необходимо. Этим она обязана Деклану Коннору. После работы с ним, испытывая силу его энергии, видя, как ясно он понимает свою цель, Жасмин более точно определила свою собственную — заниматься той разновидностью медицины, которой занимался в своей практике ее отец в Каире. Ибрагим Рашид был одно время даже личным врачом короля; он по-прежнему получал большие гонорары. Но он лечил и растущую популяцию крестьян в черте города. И там, когда она работала в его офисе, готовила и отпускала медикаменты, училась у него, и родилась мечта Жасмин. Работая с Коннором, Жасмин увидела свою цель более ясно.

И она знала, что ее цель была тем, на чем она должна была сконцентрироваться, особенно в те минуты, когда она начинала грустить, зная, что Коннор уедет по окончании семестра.

— Похоже, мы с Сибил не можем долго оставаться на одном месте, — объяснил он в начале их проекта, еще в марте. — Мы даже познакомились в плавучем госпитале. Я знаю, хорошо преподавать молодым докторам, и мне понравилось в этом университете, но мне не хватает поля деятельности. Как только этот перевод будет закончен, мы уедем в Марокко.

Жасмин встретила с его женой, преподавателем иммунологии, когда Сибил привела к нему в кабинет их сына, пятилетнего Дэвида, маленького мальчика с круглыми коленями, в коротких штанишках и с английским акцентом, который заставил ее подумать о собственном сыне, Мохаммеде. В этот момент Жасмин позавидовала жене Коннора.

Он перевернул последнюю страницу рукописи, словарь основных арабских терминов, и сказал:

— Похоже, мы сделали это! Аль хамду лилла! — И Жасмин засмеялась, как она всегда делала, когда он говорил на арабском языке, потому что он говорил с британским акцентом.

Однажды он рассказал ей свою любимую историю о себе и о своем личном подходе к языкам:

— Это было в Кении, в миссии, меня пригласили произнести молитву на званом обеде, куда были приглашены представители церкви. Мне тихонько напомнили, что молитва должна быть на латыни, но, поскольку я не знаю никаких молитв на латыни, мне нужно было что-нибудь быстро придумать. Поэтому я склонил голову и прочитал: «*Levator labii superioris alaeque nasi*» — название небольшого мускула на крыльях носа. Они все сказали: «Аминь», и мы приступили к поглощению пищи.

Теперь с книгой было покончено. Им оставалось только вставить новую главу Жасмин, и можно было отсылать рукопись лондонскому издателю.

— У меня есть идея, — сказал он неожиданно. — Позвольте пригласить вас на ужин. Я не платил вам даже малую часть того, чего вы стоите, я бы чувствовал себя лучше, если бы вы, по крайней мере, позволили мне оплатить для вас ужин.

Жасмин уставилась на свои пальцы, лежащие на клавиатуре. Ужин! Они провели шесть месяцев в тесной совместной работе над проектом, которая была ограничена, главным образом, пределами этого кабинета, и обычно виделись по вечерам, иногда засиживаясь до поздней ночи.

Но, хотя их отношения и казались близкими, между ними всегда была работа, деловой аспект их отношений, и Жасмин сумела удержать дистанцию. А ужин выведет их на другой, опасный уровень.

— Вы не можете отказать мне, — сказал Коннор, подходя к ее столу и выключая пишущую машинку. — Я знаю, что вы не ели с самого рассвета, потому что сейчас рамадан. Он улыбнулся и добавил: — Я не знаю, как вы это выдерживаете. Евреи более разумны в том, что касается поста, — только один день, на Йом Киппур. Но делать это в течение тридцати дней похоже на безумие.

Она положила руки на колени, чтобы скрыть неожиданную нервозность.

— Летом рамадан переносить труднее, чем зимой, потому что дни длиннее! — воскликнула она.

— Да, я помню. Даже веселый старина Хабиб становился раздражительным из-за вечного глажения белья. Тогда я сказал себе, что больше никогда не поеду в Египет во время рамадана. Ну, а теперь, выбирайте ресторан, — сказал он. — И пусть он будет таким дорогим, как вы того пожелаете.

— Ваша жена пойдет с нами?

— У Сибил занятия сегодня вечером.

Жасмин колебалась. В Египте правила были ясны: женщина не бывает в обществе наедине с мужчиной, который не приходится ей родственником. Особенно замужняя женщина. Но была ли она действительно замужем? Они с Грэггом подписали бумаги, и она взяла его фамилию. Вот и все. Но, несмотря на то что она сказала себе: это будет лишь дружеский ужин с Коннором, трапеза в общественном месте, — она боялась своих чувств, боялась открыться.

— Кроме того, у меня есть для вас сюрприз, — сказал он, и она заметила, что его глаза сияли озорством. Он выглядел точно так же, как в тот день, когда разыграл доктора Миллера, преподавателя паразитологии.

— Сюрприз? — спросила она.

Он зашел за шкаф с картотекой и вынес оттуда большой квадратный конверт.

— Я придержал его для особого момента. Сейчас самое подходящее время. Ну же, откройте его.

Жасмин увидела на конверте британские марки и домашний адрес Деклана в Марине. Когда она его открыла, он сказал:

— Я сделал так, чтобы они послали это сначала мне домой, потому что я не хотел, чтобы вы получили это раньше меня.

Она вынула содержимое конверта и увидела, что это была фотокопия суперобложки с названием, набранным жирным шрифтом черного цвета: доктор Грейс Тревертон, Когда вы должны быть врачом: Справочник медицинского работника в сельской местности для Ближнего Востока.

— Я предоставил им несколько эскизов, — объяснил Коннор, — потому что мы не могли использовать ту же иллюстрацию, что и в первоначальной версии. Как видите, они сделали ребенка и мать похожими на жителей Ближнего Востока, а хижину из травы на заднем плане заменили жилищем, построенным из песчаных кирпичей. Это последний вариант обложки.

... Затем Жасмин увидела обещанный сюрприз внизу обложки под иллюстрацией: Исправлено и переведено доктором медицины Декланом Коннором и Жасмин Ван Керк.

— Боюсь, что денег на этом вы не заработаете, — сказал он, — никаких гонораров, но ваше имя увидит большое количество людей. Корпус Мира только что подал заказ на копии, а также французская организация «Врачи без границ».

Она смотрела на обложку, не отрывая глаз; она не могла взглянуть на него.

— Я не знаю, что сказать, — произнесла она тихо.

— Не надо ничего говорить. Все, что я могу сказать, — слава богу, что студентка, которую я нанял, так и не появилась.

Он замолчал, и она почувствовала на себе его изучающий взгляд. А потом он добавил более спокойно:

— И, конечно, вы поступили разумно, выйдя замуж.

Жасмин не рассказывала ему все детали — что она и Грэг были чужими друг для друга в то время. Она знала, что он думал: они с Грэгом уже были любовниками, и хотела поддерживать эту иллюзию; это помогало ей дистанцироваться от Коннора и от своих растущих чувств к нему.

— Хорошо? Что скажете? Поужинаем в городе?

Она наконец подняла на него глаза и, когда увидела его привлекательную улыбку и то, как от верхнего освещения заострились чеканные черты его лица, сказала:

— Да, это было бы очень мило, — и почувствовала, как сильно забилося ее сердце.

Но, когда они уже собирались уходить, зазвонил телефон. Жасмин взяла трубку; это была Рахель, в ее голосе слышалась крайняя озабоченность.

— Прости, что беспокою тебя, Жэс, я знаю, что ты работаешь. Ты можешь приехать прямо сейчас? Бабушка Мариам спрашивает о тебе.

Она взглянула на Коннора.

— Но ведь сейчас Йом Киппур, Рахель. Разве вы принимаете гостей?

— Ей нехорошо, Жэс. Она не встает с постели уже неделю, и она сказала, что для нее очень важно поговорить с тобой прямо сейчас. Ты можешь приехать?

Жасмин колебалась.

— Минуточку. — Она прикрыла трубку рукой. — Доктор Коннор, моя подруга очень больна и просит, чтобы я приехала к ней прямо сейчас.

— Ну конечно, вы должны идти. Мы можем поужинать и в другой раз.

— Хорошо, Рахель, скажи тете Мариям, что я буду так скоро, как только смогу.

Когда Жасмин повесила трубку, чувствуя одновременно облегчение и разочарование, поскольку она знала, что теперь они уже никогда не поужинают вместе, Коннор сказал:

— Подождите минутку, Жасмин. Прежде, чем вы уйдете, я хочу сказать вам кое-что. Я планировал сделать вам это сегодня за ужином, но скажу теперь, потому что другого случая у меня может и не быть. — Он сделал паузу и сунул руки в карманы. У Жасмин было такое чувство, что он мысленно репетирует то, что собирался сообщить. — Для меня очень много значила работа вместе с вами над этим проектом, — произнес он, — больше, чем я могу сказать. Вы станете прекрасным врачом, Жасмин, и я знаю, что вы будете применять ваши знания и навыки там, где они необходимы. Я надеюсь... я только надеюсь, что когда-нибудь у нас появится шанс снова работать вместе.

— Спасибо, доктор Коннор, я тоже надеюсь.

Но когда она повернулась, чтобы идти, он остановил ее.

— Жасмин, — произнес он, подходя близко к ней и кладя свою ладонь на ее руку.

Мгновение они смотрели друг на друга, слушая, как снаружи сухие деревья скрипят под дуновением октябрьского ветра. Коннор наклонил голову, и Жасмин с сильно бьющимся сердцем подняла свое лицо к его лицу.

И затем он внезапно отстранился, прежде чем они успели поцеловаться.

— Простите, Жасмин. Если бы вы только знали...

— Пожалуйста, не надо, — сказала она. — Возможно, когда-нибудь наши пути пересекутся снова, доктор Коннор. Если будет на то воля Бога. Ма салаама.

— Ма салаама, — повторил он.

* * *

Рахель ждала ее на подъездной дорожке.

— Что случилось? — спросила Жасмин, искоса глядя на предзакатный солнечный свет.

— Я не уверена... Все это довольно таинственно. Моя бабушка говорит, что у нее есть кое-что для тебя. Очевидно, это пришло с почтой несколько дней тому назад.

Сердце Жасмин подпрыгнуло. Что-то от семьи! Письмо? Ее отец просит ее вернуться домой?

Когда они вошли в дом, в животе у Жасмин неожиданно заурчало. Она засмеялась и сказала:

— Извини, я соблюдаю пост.

— Сегодня еврейский праздник. Почему ты постишься?

— Сегодня десятый день рамадана.

Рахель не ответила; она всегда почему-то чувствовала себя неловко, когда вспоминала, что Жасмин — мусульманка. А теперь добавилось и кое-что еще: ревность к особым отношениям Жасмин с ее бабушкой. Несмотря на свое египетско-еврейское происхождение, Рахель не чувствовала большой тяги к стране Жасмин и Мариям; она никогда не была в Египте, стране, где родился ее отец, и знала совсем немного о ней. Но Рахель понимала, что сердце бабушки Мариям по-прежнему находится там, и поэтому Жасмин притязала на «особую часть» внимания бабушки, чего никогда не могла сделать сама Рахель.

В доме было тихо.

— Все остальные ушли в храм, — сказала Рахель. — Я осталась дома с бабушкой Мариям. Она очень ослабела за последние несколько месяцев, Жэс. Ей всего семьдесят два, и я не могу найти у нее какой-нибудь болезни. Мы все очень беспокоимся.

Это был первый раз, когда Жасмин оказалась в спальне Мариям Мисрах; она была заполнена имуществом, привезенным из Каира, там были даже вещи, которые Жасмин помнила по посещениям дома Мисрах — давным-давно. Но большой портрет на стене задержал ее внимание. Там были изображены Мариям и Амира — снятые много лет назад две молодые женщины с завитыми волосами, Мариям — немного взбалмошная, Амира — молодая, с гладким лицом, с темными страстными глазами, подобно молчаливой кинозвезде. И на ней был не траурный черный наряд, в котором ее всегда видела Жасмин, а белое платье, которое напоминало паутинку.

— Ты знаешь, что ты похожа на нее? — послышался голос с кровати. — Если покрыть платком твои белокурые волосы, ты вылитая Амира.

Жасмин никогда не знала, сколько всего она унаследовала от своей египетской родни; белокурые волосы и синие глаза — казалось, вот и все, что ей досталось от семейства Алисы. И она удивилась теперь, поняв, что молодая женщина на портрете — Амира — вполне могла бы быть ее близнецом.

Она подошла к кровати и поразилась, когда увидела, как постарела Мариям всего за несколько месяцев. Жасмин рассматривала седые волосы и вспоминала рыжеволосую женщину, облик которой был таким привычным во времена ее детства.

— Что с вами, тетя? — спросила она, садясь. — Что у вас болит?

Мариям говорила на арабском языке.

— Я была там, той ночью, когда ты родилась, — сказала она. — Твоя бабушка и я всегда помогали друг другу в рождении детей. Я помогла родиться твоей тете Нефиссе, а Амира помогла появиться на свет моему Ицхаку. Это все было так давно! В другом мире, там, на улице Райских Дев.

— Да, так было, — тихо сказала Жасмин, думая о горах имбирных пряников и о великолепном турецком фонтане в саду, где Амира проводила послеобеденные чаепития, как королева — заседания.

— Тебе нравится учиться на медицинском факультете? — спросила Мариям.

— Нужно много заниматься, тетя. Это отнимает все мое время. — Жасмин было жаль, что она не может рассказать ей о Конноре. Но Жасмин даже не открыла свою тайну Рахель.

— Ты станешь прекрасным доктором. Ты — дочь Ибрагима Рашида и внучка Амиры, как может быть иначе? Какие новости у семейства? Я уже давно не получала известий от твоей бабушки.

Жасмин рассказала ей о последнем письме от Алисы, новости о вспышке холеры.

— Мы волнуемся по поводу того, что у ребенка Тахии будут обесцвечены зубы из-за того, что ей давали тетрациклин. И Сахра, наша кухарка, исчезла, и никто не знает, куда и почему. — Жасмин не добавила, как ее ужаснуло письмо, пока Алиса не уверила ее, что у Мохаммеда была легкая форма болезни. Жасмин испугалась, когда подумала, что ее сын мог бы заболеть и умереть, а ее не было рядом, чтобы помочь ему.

— Почему вы послали за мной, тетя?

— Не запирай двери своего сердца от прошлого, Ясмينا. Я вижу по твоим глазам, ты не хочешь говорить о своей семье. Я попросила тебя прийти, потому что сегодня День Примирения. Я хочу, чтобы ты помирилась со своим отцом. Семья — это все, Ясмينا. Амира пишет мне, вернее, она просит внука Захарию, чтобы он писал то, что она диктует, — и она рассказывает о каждом члене семьи, и еще она спрашивает о тебе. Я не знаю, что произошло между тобой и твоим отцом, Ясмينا, но вы должны помириться.

— Тетя Мариям, мы с отцом никогда не сможем быть друзьями. Он не любит меня...

— Любовь! О, дитя, ты не знаешь, что такое любовь. — Мариям потянулась за ее рукой. — Моя дорогая, я знаю, почему ты вышла замуж за американца. Я знаю, что ты хотела остаться в Соединенных Штатах. Но, пожалуйста, послушай меня: ты не принадлежишь к этому миру даже в большей степени, чем я. Наш мир тот, где живут наши сердца, — мир на улице Райских Дев. У тебя там есть сын, маленький мальчик, который нуждается в своей матери.

— Они никогда не позволят мне увидеть его, — сказала Жасмин, глядя вниз на старческую руку, держащую ее запястье. — Омар забрал у меня Мохаммеда, и закон гласит, что я не могу видеть своего сына. И как считает мое семейство, я мертва.

— Что знает закон о сердце матери? Возвращайся, Ясмينا, и Бог поможет тебе найти правильный путь. — Мариям посмотрела на Жасмин долгим изучающим взглядом и потянулась за чем-то на тумбочке. — Это пришло на днях. От моей сестры в Бейруте.

Жасмин увидела, что это была книга, «Приговор Женщине» — написанная на арабском языке. Имя автора было Дахиба Рауф.

— Она — твоя тетя Фатима, ты знаешь об этом?

— Да, — пробормотала Жасмин в изумлении, когда перевернула несколько страниц и увидела стихотворения. В конце книги она прочитала: «Статья написана Камелией Рашид» — и испытала шок.

Мариям вздохнула.

— Вы — женщины Рашид — всегда были очень самоуверенны. Интересно, знает ли Амира об этой книге?

Жасмин была шокирована, читая слова своей сестры: «В вопросах пола, — писала Камелия, — мужчина приходит на поле боя в полном обмундировании. Его броня — одобрение обществом всего, что он делает, его оружие — законы. У женщины нет ничего; она незащищена. Она приходит на поле боя даже без щита. Она обречена на поражение.

Мужчины — единоличные владельцы планеты. Им принадлежат трава, моря и звезды; им принадлежит история — прошлое; им принадлежат женщины и воздух, которым мы дышим. Им принадлежит даже капля спермы, которую они оставляют внутри нас; им принадлежат плоды женской матки. У нас нет ничего. Нам даже не принадлежит солнечный свет, сквозь который мы идем».

Жасмин была ошеломлена: «Когда у Камелии возникли эти идеи? Как, находясь в египетском обществе, она научилась так думать, взять свои чувства и взгляды и оформить их в слова и предложения?»

Она продолжила читать:

«У мужчины даже есть право признать ребенка как своего собственного, или не признать. Он может сказать: этот ребенок — не мой. Какое высокомерие — дать себе самим такую власть, потому что женщина растит новую жизнь в своем теле своей кровью, кислородом и клетками; она носит ее, чувствует ее у себя внутри, поет ей песни, питает новый дух своим собственным. И все же мужчина, для которого половой акт был всего лишь минутным удовольствием, может предъявлять права на новую жизнь в теле другого человека. Он обладает властью признать ее и дать право на жизнь, а может не признать и позволить ей умереть».

Жасмин уставилась на страницу. Камелия говорила о Жасмин и ее сыне? Или она думала о Хасан аль-Сабире, когда писала это, и о позоре, который покрыл Жасмин, потому что ребенок оказался его, а не ее мужа? Она закрыла глаза и представила свою черноволосую с янтарными глазами сестру. «Как храбро со стороны Камелии написать это! Но как она могла быть такой предельно искренней в этих словах и при этом столь коварной по отношению ко мне — к своей сестре? Была ли она так сильно влюблена в Хасана, что ревность заставила ее поведать тайну Жасмин Нефиссе?»

Свернутая газетная вырезка, вложенная между страницами книги, выпала. Статья была вырезана из бейрутской газе-

ты, а на полях кто-то написал: «Перепечатано из Paris Match». Это было интервью с Камелией: «Самая новая восходящая звезда Египта».

— Прочти мне это, пожалуйста, — попросила Мариям. — Мое зрение так ослабело, — печально добавила она, — а в этой семье больше никто не читает по-арабски.

Статья была о том, как знаменитости вроде Камелии, которая является женщиной и не состоит в браке, приходится прилагать много усилий, чтобы защитить свою репутацию. «Нелегко быть незамужней в Египте», — говорила она репортеру Paris Match. — В Египте, если посторонний человек заговаривает с женщиной на улице, а она отвечает, даже говоря: «Нет. Уйдите. Оставьте меня одну», он воспринимает это как сигнал, что она является доступной, и преследует ее. Правильным будет игнорировать его, притворяясь, что его вообще нет; таким способом он получит соответствующую информацию и уйдет, уважая ее и зная, что она порядочная женщина. Трудно обращаться с человеком, как будто он невидим или словно его просто не существует. Во Франции вы называли бы это грубым, но это арабский образ жизни».

— Ясмина, — спросила Мариям. — Почему ты не дружишь со своей сестрой? Сестра — это большая ценность, Ясмина.

Она чувствовала, как глаза пожилой женщины изучали ее лицо. Но Жасмин не будет говорить о вещах, о которых она даже отказывалась думать. Если она так решительно отвергла прошлое, она могла прогнать его прочь. Этого никогда не было!

— Камелия выдала мою тайну, — сказала она наконец, — и из-за этого меня изгнали из семьи и забрали у меня моего сына.

— Ах, тайны, — сказала пожилая женщина, думая о своем сыне, отце Рахель, который в этот момент был вместе с семьей в храме на службе по случаю Йом Киппура — ее сын, который всегда думал, что Сулейман Мисрахи — его отец, и называл Муссу Мисрахи дядей. Она положила руку на тонкую книгу и сказала:

— Я разбираюсь в тайнах, Ясмина. Но послушай меня, сегодня — День Примирения. А рамадан — месяц примирения. Возвращайся в Египет. Ибрагим примет тебя. Он простит тебя.

— Уже поздно, я, пожалуй, лучше пойду, тетя. Я скоро вернусь, чтобы повидать вас.

Но Мариям покачала головой:

— Я заставила Сулеймана ждать слишком долго. Пришло время воссоединиться с ним. И этот новый мир, в котором арабы ненавидят евреев, — я не могу этого понять. Я не хочу быть частью всего этого. До свидания, Ясмина. Рамадан мубарак алейкум. Да благословит Бог твой рамадан.

* * *

Когда она вошла, Грэг сидел за столом в гостиной, печатая свою диссертацию, пол вокруг его ног был завален книгами, скомканными листами бумаги и пустыми банками из-под кофе.

— Привет! — сказал он. — Книга закончена?

Она прислонилась к стене, чувствуя минутное головокружение оттого, что не ела весь день.

— Меня прервала Рахель. Тетя Мариям хотела меня видеть.

— Она действительно больна?

— Она только хотела дать мне кое-что.

— Кстати, некоторое время тому назад приходил агент Службы иммиграции и натурализации. Тебе не кажется, что они могли бы придумать что-нибудь поинтереснее, чем беспокоить нас? Он задавал обычные вопросы, пробовал вмешаться не в свои дела... Эй, — он поднялся и подошел к ней, — ты в порядке?

— Прости. Встреча с тетей Мариям... я расстроилась из-за этого.

— Ты уже ела? Я с радостью что-нибудь приготовлю. Мне хочется чили. Как насчет того, если я открою две банки сегодня вечером вместо обычной одной? Я знаю, как ты любишь мою изысканную кухню.

Она хотела вернуться в университет и посмотреть, там ли еще Деклан. Она хотела пойти поужинать с ним, и остаться с ним, и плакать в его руках. Но она сказала:

— Спасибо, Грэг, с удовольствием.

— Ну, давай, садись. Обед будет готов через несколько минут. — И он пошел на кухню.

Когда он начал открывать консервные банки, он чувствовал, что она наблюдает за ним из дверного проема. Она дела-

ла это все чаще в последнее время, останавливаясь, чтобы посмотреть на него, когда думала, что он не замечал этого. Он ощущал ее растерянность, беспокойство и задавался вопросом, испытывала ли она то же самое растущее желание, которое он испытывал по отношению к ней. Она была женщиной одновременно девственной и сексуально опытной — сочетание, оказавшееся мощным афродизиаком. И она была такая грустная, казалась такой уязвимой и потерянной что способствовала возникновению у него глубоких чувств и желания заботиться о ней. «Я не знаю, частью чего я являюсь, — однажды призналась она. — Мы с матерью были единственными светловолосыми членами семьи. Мы никогда полностью не ассимилировались; люди всегда разглядывали нас. Я задавалась вопросом — может, я смогла бы найти себе место на родине своей матери, но в Англии я не чувствовала никаких родственных связей. Внешне я выгляжу так, будто я родилась здесь, на Западе, но в душе я арабка. И все же я никогда не смогу вернуться. Есть ли место для меня в этом мире?» Грэг понял теперь, что он хотел помочь ей найти это место, возможно, даже стать этим местом.

Впервые за свою жизнь он почувствовал нечто подобное по отношению к другому человеку. Будучи единственным ребенком родителей-ученых, не имеющих корней, воспитанный безразличными монахинями, Грэг Ван Керк никогда не знал, что это значит, когда ты нужен, когда о тебе заботятся. Холодная наука и суровая религия воспитали его; слово «семья» означало открытку к Рождеству и дню рождения, пришедшую из экзотических мест, где местная геология, естественно, была более привлекательной, чем сын. Теперь его западный «тропизм», как он думал об этом, проявляемый им по отношению к Жасмин, полностью выбил его из колеи.

Телевизор был включен, и вдруг информационное сообщение прервало программу, голос за кадром сказал: «Египетские войска разбивают израильских солдат вдоль Бар Лев Лайн на восточном берегу Суэцкого канала». Жасмин вдруг спрятала лицо в ладонях и заплакала.

— Эй, — спросил Грэг. — Эй, что с тобой? — Он выключил телевизор и сел рядом с нею, положив руку ей на плечо. — Мне очень жаль. Ты волнуешься о своей семье, не так ли?

Он не мог смотреть, как содрогались ее плечи, когда она плакала, — она выглядела такой хрупкой и беспомощной. Он

был снова полон желания успокоить и защитить ее. Он обнял ее за плечи и удивился, когда она повернулась к нему и спрятала лицо у него на груди. Тогда он обнял ее обеими руками и притянул поближе к себе. Когда их губы встретились, поцелуй был соленым от слез, но страстным. Книги по медицине и антропологии свалились с дивана. Грэг говорил полупредложениями, выдыхая между страстными поцелуями:

— Я просто не могу выносить... Я так сильно желал... — Жасмин ничего не говорила, представляя, что Грэг завершил поцелуй, который почти начал Деклан.

Они очутились на полу, где разлилась кока-кола, но Жасмин даже не обратила внимание на лужу под своей спиной.

Они так неистово набросились друг на друга, что кофейный столик оказался резко сдвинутым в сторону, и одна из его ножек сломалась.

Жасмин видела, как кружится потолок; и она поняла, что думает о Конноре.

31

Люди танцевали на улицах, стреляли орудия и взрывались сигнальные ракеты, и каждый кричал:

— Йа Садат! Йахийа батал эль-убур! Да здравствует Садат, да здравствует герой Перехода!

После только закончившейся войны и победы Египта огромный стенд возвышался над площадью Освобождения — с изображением египетских танков,двигающихся через канал, египетских солдат, устанавливающих флаг на противоположной стороне, и огромного профиля Садата, который наблюдает за всем этим. Он освободил Египет! Он вернул людям их чувство собственного достоинства.

От самого бедного переулка до самого великолепного особняка все семьи радовались возвращению Господней благодати в Египет. В саду и вдоль высоких стен, окружающих дом на улице Райских Дев, были развешаны фонари, а музыка и смех лились из открытых окон в благоухающий ноябрьский вечер, когда семья праздновала подписание перемирия между Египтом и Израилем.

Мужчины были в гостиной, курили, спорили о политике и шутили, в то время как женщины суетились, занимаясь

едой и чаем. Вся семья была в сборе, кроме Ибрагима: его вызвали осмотреть соседского мальчика, в руке у которого взорвалась шутиха.

Захария слушал, как его кузен Тьюфик злился по поводу плачевного состояния хлопковой промышленности:

— План Насера не сработал. Правительство платит хлопковым плантаторам так мало за их хлопок, что они переходят на выращивание зерновых культур, цены на которые не регулируются правительством, например зимний клевер. Оно поднимает цены на международном рынке так, что наш хлопок стоит в два раза дороже, чем американцы просят за свой лучший сорт хлопка «пима». Не удивительно, если мы обанкротимся!

Когда Захария положил себе немного жареной тыквы и решил, что блюдо будет вкуснее, если туда добавить лука, он задумался о том, что случилось с Сахрой. Никто, похоже, не знал, почему она уехала так внезапно или куда она отправилась. Ему не хватало ее особых блюд и простодушных рассказов о деревенской жизни. Или это холера испугала ее?

Хаким Рауф, говоря громким рокочущим голосом режиссера, рассказывал смешную историю:

— Мой друг Фарид хвастал на днях, что его фелюга настолько высока, что он не смог проплыть на ней под мостом Тахрир. А затем мой друг Салах хвастал тем, что его рыбацкая лодка такая большая, что тоже не смогла проплыть под мостом Тахрир. Я решил их обоих пристыдить: сказал им, что пробовал проплыть под мостом Тахрир и не смог. «Как так, Рауф?» — спросили они. И я ответил им: «Потому что я плыл на спине!»

Когда мужчины покатались со смеху, женщины на кухне округлили глаза.

— Вы слышали моего мужа? — спросила Дахиба. — Он хвастался размером своего носа!

Женщины смеялись и продолжали сплетничать над горами лавашей и шипящими пухлыми цыплятами, их щеки пылали от жара духовок. Дети сидели на полу с игрушками, или на руках у своих матерей, или, подобно маленькой Зейнаб, развлекались, сидя за одним из столов.

Она принесла альбом с вырезками о Камелии, который ей никогда не надоедало рассматривать, очарованная фотографиями, газетными и журнальными вырезками о ее матери, которые она в свои шесть лет едва могла прочитать. Самая пер-

вая вырезка, теперь уже пожелтевшая, относилась к 1966 году, и Зейнаб могла различить только несколько слов — «изящество... газель... бабочка». И она могла прочитать часть имени автора — Якоб такой-то.

Она открыла страницу и сказала своим кузенам, которые тоже были за столом:

— Я тоже стану когда-нибудь танцовщицей, как мама.

— Нет, не станешь, — сказал десятилетний Мохаммед. — У тебя хромая нога.

В ее глазах появились слезы, и это дало ему чувство удовлетворения. Мохаммеду нравилось доводить до слез своих кузин, особенно Зейнаб. Он решил, что женщины — глупые создания, хотя некоторые их стороны очаровывали его, например большая грудь тети Басимы и мелькание ее гладкого бедра, которое ему иногда удавалось увидеть, когда женщины танцевали. К сожалению, он уже слишком большой, чтобы оставаться с тетями и кузинами на кухне; скоро ему придет пора присоединиться к мужчинам. Нельзя будет прикасаться к женщинам всякий раз, когда ему этого захочется, или сидеть на их широких чувственных коленях. Его должны были лишиться женской близости до тех пор, пока он не вырастет, а это, похоже, произойдет не скоро.

Камелия вошла на кухню с большим плоским диском, заваленным костями цыпленка, и, когда увидела слезы, катящиеся вниз по щекам Зейнаб, и торжествующее выражение на лице Мохаммеда, она опустила на колени около маленькой девочки и вытерла ей лицо носовым платком.

— В самом деле, Мохаммед, — сказала она племяннику. — Ты плохой мальчик, раз ведешь себя так низко по отношению к своей кузине.

Она бросила взгляд на Нефиссу, которая обычно сразу же бросалась на его защиту. Но Нефисса была занята тем, что раскладывала сладости на блюде.

Камелия думала о том, что опущенные вниз уголки рта ее тети углубились; в сорок восемь она выглядела как женщина средних лет, которая недовольна своей жизнью. Камелия не могла не сравнить Нефиссу с ее сестрой Дахибой, которая была на год старше, но выглядела намного моложе и была ослепительно очаровательна.

Камелия задавалась вопросом, не усилилась ли горечь, которая, казалось, была частью косметики Нефиссы в течение

столь долгих лет, когда Дахибу опять приняли в семью. Или этот вечно неодобрительный взгляд появился намного раньше? Камелия знала, что именно Нефисса рассказала семье о Ясмине и Хасане аль-Сабире. Она также знала, что Амира заставила Нефиссу поклясться никогда больше не говорить об этом, особенно в отношении Зейнаб. Семья знала правду о происхождении девочки, но посторонние и прежде всего сам ребенок никогда не должны были узнать об этом. Тайна была раскрыта, а теперь снова сокрыта; Зейнаб и другие дети не знали, что Ясмину ее настоящая мать. Зейнаб думала, что Мохаммед ее кузен, а не единоутробный брат.

Камелия дала Зейнаб немного сладостей и слушала, как счастливая болтовня и смех заполняют кухню. Кто бы подумал, что эти женщины скрывают так много тайн? Даже сама Дахиба: только несколько членов семьи знали о ее взрывоопасной книге, запрещенной в Египте. Старшим, консервативным женщинам и более юным, таким как Нарджис, которая приняла новое исламское платье, ничего не сказали. Но образованным и более современным кузинам была показана копия «Приговор Женщине», и они молчаливо аплодировали Дахибе и Камелии, которые набрались храбрости высказаться. Прежде всего они хотели убедиться, что Амира ничего не узнает.

Алиса, которая помогала Нефиссе со сладостями, ушла в свою комнату, чтобы перевести дыхание. Самое последнее письмо Ясмины все еще лежало у ее кровати. «Мама, какая ирония судьбы, — писала она, — узнать, что именно сперма мужчины определяет пол ребенка! И думать, что египтянин может развестись с женой, если она не родит мальчика, когда в этом виноват сам мужчина!»

И Алиса подумала: «Как бы все сложилось, если бы ты была сыном...»

Ибрагим неожиданно вошел в ее комнату, удивив ее.

— Вот ты где, Алиса. Ты видела фейерверк? — Он взял ее за руку. — Давай поднимемся на крышу? Каир выглядит так, как будто он вертится в окружении звезд!

— Ибрагим! — сказала она, затаив дыхание. Когда в последний раз он приглашал ее в свою комнату?

Он повел ее вверх по лестнице, рассказывая об Абделе Рахмане, мальчике, который «теперь будет осторожно обращаться с шутихами, ей-богу». И, когда они достигли крыши, их глазам представился захватывающий вид: ракеты, взо-

рванные над Каиром, поливали золотыми и серебряными дождями купола и минареты.

Почти крича, Ибрагим сказал:

— Какое еще у нас может быть доказательство того, что Бог вернулся к нам, чем эта победа над нашим врагом? Какое еще свидетельство, что Он простил Своих детей? — Он сделал паузу и затем более спокойно сказал: — Я должен был простить Ясмину. Алиса, ты ненавидишь меня за то, что я прогнал ее?

Она посмотрела в его глаза и была удивлена, обнаружив в них нежность.

— Нет, Ибрагим, я не ненавижу тебя. У нее все хорошо там, где она находится. И я думаю, она счастлива.

— Я сожалею, что выгнал ее. Я по-прежнему люблю ее и хочу, чтобы она вернулась. — Он смотрел, как огромный шар из синих и серебряных звезд взрывается в небе. — Наверное, я напишу ей и попрошу, чтобы она приехала домой.

Алиса заметила, как он неотрывно следит за фейерверком, и гордую посадку головы, когда яркие всполохи освещали его черты. Она думала, как красив он был и как он все еще напоминает молодого человека, в которого она влюбилась в Монте-Карло.

Но когда он наконец повернулся к ней, она увидела внезапную серьезность на его лице, которая встревожила ее.

— Алиса, я привел тебя сюда, чтобы мы могли поговорить наедине. Я должен кое-что сказать тебе.

— Что это, Ибрагим?

— Нет никакого другого способа открыть тебе это, как просто сказать. Алиса, я собираюсь взять вторую жену.

Внизу по улице проехал военный грузовик, и люди, переполнявшие его, пели: «Йа, Садат! Йа, Садат! Мы жертвуем тебе нашу кровь и наши души!»

Алиса заметила, что дым от фейерверка начинал заполнять вечерний воздух, как будто весь Египет был объят пламенем.

— Вторая жена? Ты разводишься со мной?

— Я никогда не разведусь с тобой, Алиса. Я люблю и уважаю тебя. И я хочу, чтобы ты всегда жила здесь и была моей женой. Но я хочу сына, а ты уже в таком возрасте, что не можешь дать мне его.

— Сын! Но у тебя же есть Захария!

Он взял ее за руку и начал, запинаясь, рассказывать о ночи, когда родилась Ясмина. Закончив, он сказал:

— Я любил Ясмину, Алиса, но мне был нужен сын. На смертном одре мой отец заставил меня пообещать, что я дам ему внуков. Я был напуган. И поэтому я усыновил незаконнорожденного ребенка нищей девушки. Это была Сахра, которая работала у нас кухаркой.

У Алисы началась нервная дрожь.

— Захария не твой сын?! Но он похож на тебя, Ибрагим!

— Сахра рассказала мне, что я чем-то похож на отца ее ребенка. Возможно, это было безумие с моей стороны. Я знал — то, что я делал, было против закона Бога, но я проклял Бога, и я думал, что Он намеревался наказать меня. И теперь я глубоко сожалею об этом. Мы не должны вмешиваться в дела Господа, Алиса. Что бы Он ни предназначил для Сахры и ее сына, я не должен был вмешиваться. Но я думаю, что сегодня я прощен, поскольку прощен Египет, и завтрашний день наполнится новой надеждой.

— Кто... — начала она, но едва владела своим голосом. — На ком ты собираешься жениться?

— На своей медсестре, Худе. Она происходит из семьи, где рождаются сыновья, а это именно то, чего я хочу. Она знает, что я не люблю ее, я объяснил, почему хочу жениться на ней. И она согласилась на это. — Он положил ей на плечи руки и нежно поцеловал. — Пожалуйста, не расстраивайся, дорогая.

Вдруг... Алиса как будто уже не стояла на крыше в окружении фейерверка, она снова была в саду, в изумлении глядя на бутоны цикламена, которые появились таким чудесным образом. Ибрагим и Эдди были на футбольном матче с Хасаном; Алису не пригласили, потому что она была женщиной. С ней в саду были две маленькие девочки — Камелия и Ясмина, они играли в переодевания с выброшенной паранджей Нефиссы. Они пробовали покрыть себя, стараясь спрятать свои тела и лица, как это делали египтянки. Они думали, что это игра, но Алиса видела серьезность этого занятия. Британцы уходили из Египта, и шли разговоры о возвращении к старому укладу жизни.

«Старый уклад покрывал, — думала она теперь, — обрезания женщин и многоженство». И она поняла, что будущее, которого она так боялась, наступило.

— Все в порядке, дорогой, — сказала она Ибрагиму. — Я не возражаю. Конечно, тебе нужен сын. А я больше не могу дать его тебе. Спускайся вниз к остальным, я тоже скоро приду.

Ибрагим исчез в темноте, и Алиса вскоре последовала за ним. Когда они оба ушли, Захария вышел из тени, откуда наблюдал за фейерверком.

* * *

Тахия смотрела на Захарию с беспокойством. Они сидели на той же мраморной скамейке, на которой поцеловались, когда впервые признались в любви друг другу в тот вечер, когда Ясмину выдали замуж за Омара.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что уезжаешь? — спросила она. — Почему? Куда ты поедешь?

— Тахия, сегодня вечером я узнал, что мой отец в действительности не мой отец и что вся моя жизнь была основана на лжи. — Он рассказал ей, что подслушал на крыше, и она ответила:

— Аллах! Неужели это правда? Ты наверняка что-то неправильно расслышал!

Захария не был расстроен; он ощущал странное спокойствие, как будто вдруг подошла к концу длинная и трудная борьба.

— Я теперь так много понимаю, — сказал он спокойно. — Почему отец никогда не любил меня. Почему время от времени я даже ощущал его негодование по отношению ко мне. И почему я замечал, что Сахра наблюдает за мной. Я всегда думал, что она рассказывала истории о своем детстве в деревне, только чтобы развлечь нас, а теперь я понимаю, что таким способом она пыталась рассказать мне о моей настоящей семье. Тахия, я люблю тебя всем сердцем, но я не могу жениться на тебе, пока не узнаю правду о себе самом. Я собираюсь отправиться на поиски своей матери. Я хочу найти деревню, где я был зачат. Возможно, у меня есть там братья и сестры, другая семья, которая ждет меня.

— Но как ты найдешь ее? Закки, на берегах Нила расположены сотни деревень! Сахра никогда не говорила, откуда она родом!

Тахия был напугана. Только в прошлом месяце, во время рамадана, Захария постился настолько рьяно, что с ним про-

изошел приступ, во время которого он упал и затем стал буйным. А что, если приступ случится с ним, когда он будет на пути из деревни в деревню?

— Пожалуйста! Попроси Тьюфика или Ахмеда пойти с тобой.

— Этот путь я должен проделать сам. — Он взял ее руку в свои и сказал с улыбкой: — Не бойся за меня — я иду с Богом. Возможно, для этого я и пережил откровение в пустыне. Возможно, мне был дан знак свыше, что я отправлюсь на поиски. И никто не может пройти со мной этот путь, Тахия. Даже ты, кого я люблю больше, чем биение своего собственного сердца. Пожалуйста, — попросил он, — будь счастлива ради меня. Я обниму Сахру как мать. Я найду своего отца и воздам ему должное.

Она заплакала и прижала тонкую руку к своей щеке.

— А потом ты вернешься ко мне, мой любимый Закки?

— Я вернусь, драгоценная Тахия. Перед лицом Бога, и Пророка, и всех святых, и ангелов я клянусь тебе, что я вернусь.

* * *

В личных покоях Амиры Кветта еще раз изучала расположение чайных листьев и масла на воде. Наконец предсказательница улыбнулась и сообщила:

— Вы полностью оправились от болезни, саида. Судьба благословляет вас, как она благословляет Египет! Сейчас благоприятное время для путешествия. Для вас пришло время совершить паломничество в Мекку и найти мальчика, которой зовет вас в ваших снах.

Амира проводила пожилую женщину к входной двери, заплатила ей за визит, а затем, слишком возбужденная, чтобы ждать до утра, решила сразу сообщить Алисе о том, что они могут начинать приготовления к поездке в Саудовскую Аравию.

* * *

Алиса сидела за своим туалетным столиком, окутанная облаком ароматов миндаля и роз, доносившимся из ванной. Она надела одно из своих старых платьев, оставшееся от дней посещения «Кейдж д'Ор», элегантное платье, по-прежнему белое и соблазнительное. Как много времени прошло с

тех пор, как она его носила? Она улыбнулась. Депрессия, которая так долго омрачала ее жизнь, как-то таинственно исчезла, словно кто-то включил яркий свет, чтобы прогнать ее. Она никогда не чувствовала себя так умиротворенно.

Алиса встала и вышла из комнаты, и, когда шла по коридору, проходя мимо двери спальни, когда-то принадлежавшей ее брату, она вспомнила с потрясающей ясностью последние два раза, когда видела его там: первый — с Хасаном аль-Сабиром, совершающим неприличное действие, и второй — с пулей в голове. Она не удивилась, увидев Эдварда теперь там, в прихожей, в белых фланелевых брюках и с битой для крикета в руке. Он не постарел ни на день, хотя в последний раз она видела его более двадцати лет назад. Конечно! Она видела призрак.

— Довольно теплый вечер для ноября, — сказал он. — Превосходная погода для прогулки.

— Да, Эдди, — согласилась Алиса.

Она пошла вниз по лестнице и, когда остановилась у ее основания, снова услышала шум — поток своей меланхолии, ревущий в ушах.

На улице она встречала много веселых и довольных людей, мужчины толпились вокруг телевизоров и радиоприемников, слушая президента Садата. Дорога вдоль берега реки была загромождена транспортом; пешеходы смеялись и танцевали на тротуарах, не обращая особого внимания на женщину в белом вечернем платье, которая шла к реке, где рыбаки пели свои песни.

Алиса увидела огни через дорогу, отраженные в воде, и поняла, что свет шел от «Кейдж д'Ор». Она попробовала представить себе очаровательную девушку, какой она когда-то была, стоящую на террасе, охваченную волнением и романтикой своей «Фантазии аравийских ночей».

Она оказалась в пустынном месте, далеко от фелюг и плавающих домов, далеко от шумного «Хилтона» и его дока, где стояли на якоре нильские круизные теплоходы. Ее удивило то, что вода была холодной, а под ногами оказалась какая-то неприятная слякоть. Она почему-то всегда думала, что Нил должен быть теплым; не зря же Амира называла его матерью рек. Платье Алисы вздымалось у колен, затем поплыло вокруг бедер, покачиваясь в течение нескольких минут на поверхности воды, подобно белой медузе. Когда вода достигла

ее груди, ткань погрузилась в воду и обвилась вокруг ее ног, подхваченная силой течения реки. Волна зашекотала ей под мышками, а потом и подбородок. Погрузившись в воду, она подумала: какой любопытный оптический обман, «Кейдж д'Ор» выглядел так, будто тонуло здание, а не Алиса.

Когда вода покрыла ее голову и она увидела свои белокурые волосы, струящиеся завитками, она услышала, как Ибрагим говорит ей: «Ты ненавидишь меня за то, что я объявил нашу дочь мертвой и прогнал ее?» И Алиса абсолютно честно ответила: «Нет, потому что ты отпустил ее на свободу из этой тюрьмы, которая держала меня в плену. Спасибо тебе, Ибрагим, за освобождение моей дочери».

Алиса открыла рот, и в него устремилась солоноватая на вкус вода. Она широко раскинула руки, оторвала ноги от земли и почувствовала, как спокойное течение убаюкивает ее. Она чувствовала, что летит; ее тело мягко покачивалось, в то время как вода лилась в ее горло. А затем ее голова ударилась обо что-то твердое. Она почувствовала острую боль и увидела вспышки звезд, и Алиса подумала, что это были сигнальные ракеты в честь празднования победы Египта.

Часть VI

1980

32

Страну сотрясало от насилия, совершенного женщиной. На улицах и в кофейнях все говорили об этом: сначала, говорили, она убила своего брата, а теперь приклеила искусственную бороду и пользуется правами и привилегиями мужчины. Стоит ли позволить жить дальше такому порочному существу? Не является ли оно ходячей непристойностью?

— Женщина безумна, — проворчал сборщик налогов, попивая пиво, — чтобы таким образом отрицать свой пол, отвергать свою роль в жизни, для которой ее создала природа, надо сойти с ума!

— Кто она такая, по ее собственному мнению? — спросил владелец кофейни. — Пытаться стать мужчиной, требовать права, которые никогда не были предназначены для обычной женщины. Где бы оказался мир, если бы все женщины думали подобным образом?

Экспортер ткани поднял кулак и прокричал:

— Следующее, знаете, что они сделают? Будут настаивать, чтобы мы рожали детей!

Дахиба не могла сдержаться. Она рассмеялась.

Хаким повернулся, бросив на нее сердитый взгляд, и она сказала:

— Прости, дорогой. Но это просто настолько... настолько забавно. Мужчины рожают детей!

Актеры в кофейне на открытом воздухе, которая была временно установлена рядом с Египетским историческим музеем, отдыхали и доставали сигареты из-под набедренных повязок и из недр длинных складчатых одежд. Зрители, столпившиеся за канатами, натянутыми вокруг съемочной площадки, улюлюкали, видя, как люди, одетые подобно египтянам из далекого прошлого, прикуривают сигареты.

— Прости меня, дорогой, — сказала Дахиба, подходя к мужу и проводя рукой по его лысой голове. — Сними сцену еще раз. Я обещаю, что теперь буду молчать.

Она знала, насколько важен для него этот фильм и насколько опасен. Пока правительственные цензоры не вмешивались, но наблюдали очень пристально. Окажутся ли они достаточно сообразительными, чтобы заметить уловку Хакима? «Это фильм о нашем блистательном прошлом! — спорил он с цензорами. — Что может быть скандального в фильме о наших фараонах? В этом нет никакой политики, и я обещаю сделать танцевальные сцены скромными и благопристойными».

Но то, чего не знали цензоры, было скрытым посланием фильма, который, на первый взгляд, повествовал о молодой женщине, живущей в современном Каире. Она засыпает в историческом музее, и ей снится, что она Хатшепсут, единственная женщина — фараон Египта. Но сон — это аллегория. Молодая женщина замужем за садистом, который ее мучает, но согласно закону она не может обратиться за помощью, чтобы защититься от него; в ее сне роли меняются, она становится могущественной и, наконец, вершит правосудие, наказывая его кастрацией. Но цензоры не знали того, что актер, который играл мужа, должен был также сыграть кастрированного раба.

Они снимали эпизод со сном ранним ноябрьским утром, прежде чем Каир становился слишком шумным. И пока натягивали канаты, чтобы преградить доступ зевакам, толпа выросла так неожиданно, что пришлось вызвать охрану, одетую в униформу, с полицейскими дубинками для обеспечения дальнейшей безопасности.

Хахим и его команда были очень осторожны. Кинорежиссеры в Каире в последнее время становились мишенями для групп исламских фундаменталистов, которые выражали про-

тест против производства «безнравственных фильмов, несущих информацию, противоречащую учению ислама». Самому Хакиму угрожали за то, что он снимал фильмы, изображавшие сильных, уверенных в себе женщин, которые предпочитали одинокую жизнь замужеству. С тех пор как Египет одержал победу в войне во время рамадана 1973 года, растущая волна фундаментализма призывала женщин вернуться к традиционной и «естественной» роли, а фильмы Хакима Рауфа, как заявляли исламские консерваторы, морочили голову молодым девочкам.

Но не только среди мусульман были враги у Хакима и других режиссеров; коптские христиане также высказывались против фильмов, потому что в них постоянно показывали типичных членов их общины в неприглядном свете. Рауф подвергся особо резкой критике как коптских христиан, так и мусульман, за то, что снял фильм о любовной связи между женщиной-мусульманкой и мужчиной, который был коптским христианином. Обе стороны объявили фильм оскорбительным и неправдоподобным, буквально граничащим с пародией.

— Всем угодить невозможно, — отвечал Хаким. — Я отвечаю перед Богом и своей совестью. Я не смогу жить в мире с самим собой, если буду снимать музыкальные комедии или мелодрамы. Как режиссер я обязательно должен разговаривать со своим сердцем.

Дахиба любила его за храбрость, но сегодня у нее было плохое настроение — из-за зрителей. Предыдущей ночью в коптском квартале Каира вспыхнули беспорядки из-за того, что христианин изнасиловал пятилетнюю девочку-мусульманку. Несколько человек были убиты, здания сожжены, и для восстановления порядка потребовались более сотни полицейских.

— Хаким, — сказала она тихо, дрожа под ноябрьским солнцем, несмотря на то что утро было теплым, — я думаю, мы должны прекратить съемки сегодня. В толпе есть сердитые лица. А тебе на днях угрожали смертью, и послание было подписано коптским крестом.

Им также угрожали из-за книги Дахибы «Приговор Женщине», которая все еще была запрещенной в Египте и которая за прошедшие семь лет наделала много шума в арабском мире. Когда Дахибе исполнилось пятьдесят лет, она оставила свою танцевальную карьеру и сосредоточилась на своих феминистских произведениях, ни одно из которых издать было невозможно даже в Ливане.

— Мы что, должны жить, как кроты? — спросил Хаким. — Бог дал нам разум, и интеллект, и возможность высказывать свои мысли. Если мы сдадимся, другие будут поступать так же, пока Египет не станет безмолвным.

Дахиба вынуждена была согласиться. Но все же она боялась.

* * *

Внутри трейлера, который был припаркован рядом с городским автобусом, расположившимся напротив отеля «Хилтон», Камелия заканчивала нанесение грима для роли Хатшепсут. Она должна была играть вероломную женщину-фараона — главную героиню фильма. Достав королевскую бороду, которую следовало надевать последней, она выглянула из маленького окна, расположенного рядом с зеркалом, и увидела грузовики с большим количеством выглядящих взволнованными молодых людей, растянувшихся по краю толпы. Некоторые из них несли плакаты с изображенным на них коптским крестом. Она нахмурилась, затем повернулась к своей четырнадцатилетней дочери, которая делала домашнюю работу за маленьким столом.

Когда она увидела скобу-протез, выглядывающий из-под края школьной формы Зейнаб, Камелия почувствовала прилив любви и, вспоминая нежеланного ребенка, которого положили ей на руки четырнадцать лет назад, снова удивилась тому, насколько бесконечна Божья милость, раз ей была подарена дочь. Это также заставило Камелию подумать о Ясмине. Годы не смягчили гнев Камелии по отношению к сестре; ее ярость даже возросла вместе с возросшей любовью к Зейнаб. Как могла Ясмина оставить ребенка?

— Она говорит, что не хочет его, — сказала Алиса, когда Ясмина уехала из Египта. — Я пробовала уговорить ее оставить ребенка, но она сказала, что он слишком сильно напоминает ей Хасана.

Бисмилля! Нельзя наказывать ребенка за грехи отца! Но гнев Камелии был еще смешан с опасением, что когда-нибудь появится Ясмина и потребует обратно свою дочь. Сестре стоит получше подготовиться к борьбе, потому что Зейнаб — ее дитя.

— Зейнаб, дорогая, — сказала она, когда увидела, что молодые люди спрыгивают с грузовиков, — пожалуйста, позо-

ви Рэдвана. Скажи ему, что я хочу его видеть. Только быстро, дорогая.

Рэдван был одним из личных телохранителей Камелии, крупный сириец, который работал на нее уже семь лет. Когда он вошел в трейлер, она сказала:

— Рэдван, вы могли бы отвезти Зейнаб домой к моей матери, на улицу Райских Дев?

— Ну, мама, — возразила девочка, — почему я не могу остаться и посмотреть, как вы снимаете кино?

Камелия обняла дочь. Симпатичная Зейнаб, маленькая для своего возраста, с волосами, которые становились светлее с каждым годом — теперь они были цвета старинной меди.

— День, похоже, будет длинным, дорогая, и слишком многое отвлекает тебя здесь от выполнения домашнего задания. Отправляйся к бабушке, а я приду за тобой позже. — Она повернулась к Рэдвану: — Отвезите ее той дорогой, — сказала она, указывая в направлении Нила. — И поспешите.

Он кивнул, его темные глаза понимающе блеснули.

Надев накидку на складчатое льняное платье и расправив ее поверх украшенного драгоценными камнями воротника, Камелия вышла в дымное каирское утро и увидела необычайно большую толпу, собирающуюся за канатами безопасности. Тревога витала в воздухе.

— Во имя Господа, — пробормотала она. Как такое может случиться, когда Египет наконец начал развиваться? Благодаря усилиям госпожи Садат законы о правовом статусе наконец-то были приняты парламентом, предоставив женщинам больше прав и увеличив их представительство в правительстве. Но теперь происходило тревожащее возрождение консерватизма, и молодые женщины добровольно надевали паранджу.

Камелия посмотрела налево и увидела, как Рэдван садился на заднее сиденье ее белого лимузина. Когда автомобиль начал медленно прокладывать себе путь прочь от растущей толпы, она задалась вопросом, был ли ее красивый телохранитель все еще влюблен в нее, о чем он однажды опрометчиво ей заявил. Камелии часто признавались в любви, особенно теперь, когда она была звездой, выступая в сопровождении двадцати балерин и полного оркестра. Она всегда мягко отказывала таким поклонникам, поскольку у нее был Рэдван. Ей не нужны были любовники, и она не хотела влюбляться.

Пробираясь к месту, где снималась сцена, Камелия чувствовала, что за ней наблюдают сотни глаз. Она знала, что приходило на ум этим зрителям, знала, что они будут думать о ней в превосходной степени, которая так нравится египтянам: «Это Камелия Рашид, наша возлюбленная богиня, самая красивая женщина в мире, самая желанная женщина со времен Клеопатры, та, что ослепляет даже ангелов». Когда она выступала в «Хилтоне», мужчины в зале выкрикивали: «Вы мед! Вы алмаз!» Однажды, когда у нее со щеки стекла капля пота вниз по шее, а затем между грудями, страстный саудовский мужчина запрыгнул на стол и прокричал: «О, сладкий дождь, ниспосланный Богом!»

Камелия привыкла к такому низкопоклонству. К чему она не привыкла — так это к любви; она никогда не была влюблена, несмотря на то что каирские газеты часто называли ее «богиней любви Египта». Это был всего лишь символический титул; газетчики знали, что Камелия вела целомудренную и добродетельную личную жизнь. Были, однако, вещи, о которых пресса не знала: что Зейнаб не была на самом деле ее дочерью; что Камелия никогда не была замужем за героем, который умер в Шестидневной войне; и о ее самой большой тайне из всех — что в тридцать пять лет Камелия была все еще девственницей.

— Дядя Хаким, — тихо сказала она, когда присоединилась к нему и Дахибе. — Мне не нравится впечатление от этой толпы. Некоторые молодые люди с сердитыми лицами приехали на грузовиках.

— Мы должны уехать, — сказала Дахиба.

Когда Хаким увидел страх в их глазах, он сказал:

— Очень хорошо, мои дорогие. Не будем вести себя опрометчиво. В конце концов, чем смелее птица, тем жирнее кот. Я отправлю всех по домам. Возможно, нам удастся снять эту сцену в студии.

Но как только он дал сигнал своему оператору, кто-то в толпе прокричал:

— Смерть отродью Сатаны!

И внезапно толпа повалила вперед, перешагивая через канаты. Главным образом, молодые люди, потрясая кулаками и работая дубинками, они повалили охранников на землю и полезли к камерам и оборудованию, круша и уничтожая все на своем пути, прежде чем команда Хакима смогла

отреагировать. Охранники пробовали сопротивляться, но количество молодых людей значительно превосходило их. Когда группа нападавших навалилась на оператора, избивая его палками, Хаким помчался к нему на помощь. Один из них схватил длинную веревку и набросил ее на шею Хакима. Другие присоединялись и поволокли его по земле. Затем они накинули свободный конец веревки на подъемный кран, и когда начали поднимать его, лицо Хакима стало фиолетовым, а глаза выкатились.

— Остановитесь! Остановитесь! — кричала Камелия, пробиваясь через толпу. — Дядя Хаким! О, мой Бог, Хаким!

* * *

Мохаммед чувствовал, что его кожа горит от волнения при виде такого количества молодых людей в белых галабeyaх, вместе совершающих молитвенные поклоны. Сколько их было там? Сотни? Небольшая горстка по сравнению с тысячами, которым они не давали проходить через университетский городок.

— Это происходит теперь каждый день, — сказал один из наблюдателей. — Они заполняют центральный внутренний двор и молятся, и кто посмеет разогнать их? А нам нужно попасть в аудиторию.

Мохаммеду тоже нужно было попасть в аудиторию, он только что начал курс обучения в Каирском университете. Но семнадцатилетнему юноше нравились блокады молящихся студентов. Ему было жаль, что у него не хватает храбрости, чтобы присоединиться к ним. Ему также было жаль, что он не может надеть их униформу: белые галабеи, тубетейку, и отпустить бороду. Как он завидовал этим религиозным молодым людям, когда они обходили университетский городок, стуча в двери аудиторий и объявляя время молитвы, гнева профессоров и приводя в замешательство студентов. У них было благое основание, цель. Разве они не горели, как горел теперь и он сам?

Когда молитва была закончена и молодые фундаменталисты уже рассеивались, Мохаммед продолжал свой путь через университетский городок, проходя мимо киосков, где по низким ценам продавали религиозные книги. Пылкая молодежь раздавала лишние галабеи или покрывала любому из молодых людей, кто останавливался послушать их. И не все среди них

были юношами; некоторые были страстными девочками, одетыми в паранджу и длинные платья, и они раздавали флаеры и брошюры, где объяснялась необходимость отречения от порочного пути Европы и Америки и возвращения к Богу и исламу. Студенты хватали кассеты с проповедями фундаменталистов-имамов; если фундаменталисты видели, что мужчина и женщина идут вместе, они требовали, чтобы те показали свидетельство о браке; бородатые молодые люди били девушек палками, если их юбки не достигали лодыжек; они требовали, чтобы все предприятия и магазины закрывались на время молитв; они призывали освободить Иерусалим от израильтян; они объявляли, что любая музыка, особенно музыка Запада, кощунственна. Наконец, экстремисты призывали к возвращению сегрегации по половому признаку, особенно в школе, среди девственных и не состоящих в браке девиц; они настаивали на том, что мужчины и женщины не должны сидеть вместе в аудитории, а фундаменталисты, обучающиеся на медицинском факультете, отказывались изучать анатомию противоположного пола. «В конце концов, — рассуждали они, — не помогла ли набожность египтян победить в войне во время рамадана 1973 года? Не означает ли это, что Богу угодно, чтобы Египет шел этим путем?»

«Да», — думал Мохаммед Рашид, полагая, что он горит для Бога.

И в тот же день, позднее, когда он вернулся домой и присоединился к своим родственницам в большом зале на улице Райских Дев, он продолжал ошибочно считать объявивший его жар религиозным пылом. Но его мысли были не о Боге, а о девушке в университете, глаза которой были похожи на озера черных чернил. Как у юноши могут быть набожные мысли, когда у девушек такие глаза, такие густые волнистые волосы и манящие бедра? Фундаменталисты правы, женщин необходимо изолировать! Их следует крепко держать в узде, чтобы их необузданная сексуальность не была угрозой для мужчин.

Мохаммед опустил на один из диванов и подумал: «Женщинам нельзя доверять. Особенно красивым». Разве его собственная мать не была красивой? И разве она не предала его, отказавшись от него? Он никогда не писал Ясминe, он не хотел иметь с ней ничего общего. Если семейство объявило ее мертвой, значит, она, должно быть, совершила

ужасный грех и поэтому заслуживала осуждения. Но всякий раз, когда прибывало письмо из Калифорнии, он тайно перечитывал его много раз, а потом поздно ночью в постели плакал над ее фотографией, страстно желая коснуться ее белой кожи, светлых волос и... проклиная ее.

Ожидая, пока одна из девочек принесет ему чай, он смотрел на свою мачеху, Налу, которая спокойно вязала на одном из диванов. Она снова была беременна. Она родила отцу Мохаммеда, Омару, семь детей, у нее был один выкидыш, и один ребенок умер от порока сердца. Нала переносила свои многочисленные беременности без жалоб. Мохаммед думал, что это правильно и естественно.

Когда Зейнаб принесла ему чай, он не смог встретиться с ней взглядом. Бедная девочка, чья мать исполняла непристойные танцы перед чужими мужчинами! И как получилось, что Зейнаб так сильно напоминала его собственную мать, Ясмину? Из-за этого Мохаммед чувствовал себя неловко с девочкой, которая, как он думал, была его кузиной.

В то время как он пил горячий чай, приправленный сахаром и мятой, заполнявший его голову жаром и ароматом и возвращавший воспоминание о накрашенных черных глазах и широких бедрах, Мохаммед внезапно понял, что ему нужно сделать. Завтра в университете он поменяет свои джинсы на длинную белую галабею Братства. Это будет его щитом против опасностей, исходящих от женщин.

* * *

Находясь в саду, Амира обратила внимание на положение солнца и решила, что большинство молодежи, должно быть, к этому времени уже вернулись домой из школы и начали собираться в салоне для вечерней молитвы. Поэтому она подобрала последние из собранных трав и последовала по дорожке обратно к дому, проходя мимо места, где когда-то был сад Алисы.

От английского рая не осталось и следа; египетский папирус, маки и дикие лилии заняли место, где когда-то чудесным образом росли бегонии и гвоздики. И через семь лет Амира не перестала горевать об утрате Алисы и Захарии. Но она утешала себя мыслью о том, что случившееся с ними было предопределено, что их судьбы соединились в тот момент, когда родилась Ясмина и Амира послала Ибрагима в город раздать милостыню.

Амира вошла на кухню, заполненную золотым послеполенным солнечным светом, а также восхитительным ароматом мусаки, запекающейся в духовке, и рыбы, шипящей в масле на плите. Пока она убирала травы, слушала женскую болтовню и смех девочек и женщин, занятых разными делами, Амира подумала, как счастлива она была: дожила до семидесяти шести лет в трезвом уме и добром здравии, ее окружают восемнадцать правнуков и еще двое должны скоро появиться на свет. Хвала Господу! Дом был снова полон, теперь, когда Тахия и шестеро ее детей жили здесь, и восемь детей Омара, плюс его жена, которые всегда оставались в доме, когда Омар уезжал за границу по государственным делам, как, например, сейчас. И все дети, большие и маленькие, независимо от того, в каком они состояли родстве по отношению к Амуре, обращаясь к ней, называли ее умма, потому что она была матерью семейства. И, как таковая, Амира несла за них ответственность, и хотя матери были обязаны искать девочкам мужей, в конечном счете, именно Амира выбирала их.

На выданье была четырнадцатилетняя дочь Тахии, Асмахан, она носила кеяб, исламскую одежду, ее волосы, шея и плечи были закрыты покрывалом — благочестивая девочка очень напоминала свою бабушку Нефиссу, а однажды Амира подслушала, как она говорила Зейнаб, что ее мать, Камелия, будет гореть в аду, потому что она танцовщица. Другие девочки в доме тоже носили кеяб, усердные студентки университета, которые называли себя мохаймбаат, «женщины покрывала», и которые отказывались сидеть рядом с мужчинами в учебной аудитории. Их благочестие облегчало матримонимальные заботы Амиры. Но с некоторыми из их сестер и кузин не все было так просто. Саккина, которую отверг сын Абделя Рахмана, в свои двадцать три года все еще не состояла в браке. Басима, разведенная и с двумя детьми, должна была бы жить в собственном доме. И Самия, самая младшая дочь Джамала Рашида от его жены, с которой он жил до Тахии, была слишком худой и поэтому не очень хорошей кандидаткой в невесты.

И сама Тахия, которая была вдовой уже более семи лет. Она была по-прежнему хороша в свои тридцать пять лет и могла бы кого-нибудь осчастливить. Но всякий раз, когда Амира поднимала этот вопрос, Тахия спокойно, но твердо отвечала, что она ждет Закки.

В течение семи лет после его исчезновения никто не слышал даже слова о Захарии, но Тахия была непоколебима в своей уверенности, что он когда-нибудь вернется.

Сама Амира не была настолько уверена. Куда бы юноша ни отправился, она не сомневалась, что он выполняет божественное предназначение.

Она вошла в салон, где некоторые члены семьи собрались вокруг телевизора, чтобы послушать последние известия. Сегодня рассказывали о нарастании конфликта между коптскими христианами и мусульманами. В ответ на убийство мусульманского шейха, произошедшее в деревне в Верхнем Египте, на коптскую церковь была сброшена бомба, в результате чего погибли десять человек.

Амира смотрела на Мохаммеда, своего хмурящегося внука, наблюдая, как надменно он взял стакан чая у Зейнаб. Брат и сестра, которые думали, что они были кузенами, походили друг на друга внешне, но по характеру были столь же различны, как укроп и мед. Амира беспокоилась о Мохаммеде, о том, что она однажды заметила, как он наблюдал за своими кузинами ястребиным взглядом. У мальчика на уме секс! Не то чтобы он как-то отличался от своего отца в этом возрасте — Амира вспомнила, как Омар потребовал, чтобы ему нашли жену, но для Мохаммеда, похоже, это было опасной ситуацией, как будто в его жилах струился неистовый поток огня. Амира задавалась вопросом, было ли это результатом того, что его забрали у матери в юном возрасте. Она вспомнила, насколько истеричным он был после того, как уехала Ясмина, настолько, что Ибрагиму пришлось давать мальчику лекарство, чтобы он успокоился. Было бы мудро, подумала Амира, женить Мохаммеда молодым, прежде чем сильное сексуальное желание приведет его к какому-нибудь импульсивному и пагубному поступку.

И, наконец, прискорбно, что не стоял вопрос о замужестве Зейнаб.

Так много всего, о чем необходимо позаботиться! А еще в последнее время Амира сильнее, чем когда-либо, ощущала зов — идти в Аравию! Ей чаще стали сниться сны, восстановились многие воспоминания. Странно, но сны с красивым юношей, который подзывал ее к себе, прекратились. Амира не знала почему. Может, он был еще жив, когда снился ей, а теперь мертв? Но хотя очаровательный юноша ушел из ее снов, она вспомнила много эпизодов. Голос из прошлого часто посещал

Амиру: «Мы будем следовать по маршруту, которым шел Пророк Мусса, когда вел израильтян из Египта. Мы остановимся у колодца, где он повстречал свою жену». Должно быть, это дорога, которой шел караван ее матери, когда на них напали работорговцы. А оазис в ее сне — может, это колодец Муссы?

Все эти обрывки воспоминаний и сны складывались в мозаику ее прошлого, которая постепенно обретала ясность. Но Амира никак не могла вспомнить приезд в дом на улице Жемчужного Дерева; она не могла вспомнить первые дни в гареме. Как если бы некая дверь плотно закрыла этот период ее жизни, от начала до конца, скрыв те дни и более ранние годы тоже. Амира видела свое прошлое, как заключенный в запертой на замок комнате. Но где был ключ?

Она не отправилась в Мекку, как планировала семь лет назад, из-за смерти Алисы. А затем семейство искало Захарию, и Амира ждала новостей. Затем каирские дети подверглись эпидемии летней лихорадки; а следующий год был объявлен предсказательницей Кветтой неблагоприятным для путешествия. Но теперь знаки были хорошие; Кветта решила, что это благоприятный год для Амиры.

Как только она позаботится о семействе, она совершит паломничество в Святую Мекку. А на обратном пути проследует дорогой, по которой шли израильтяне. Возможно, она найдет квадратный минарет и могилу своей матери...

На подъездной дорожке Ибрагим устало выходил из автомобиля, говоря себе, что мужчина шестидесяти трех лет не должен чувствовать себя таким древним. Может, это было ощущение своей несостоятельности, которое вело к преждевременному старению? Потому что мужчина, у которого нет сына, конечно же, неудачник. Чувство вины тоже подточило его силы, решил он. Со дня самоубийства Алисы его совесть не знала ни минуты покоя. Он должен был присматривать за ней, особенно принимая во внимание историю ее семейства — ее мать и брат покончили жизнь самоубийством. Он мог спасти ее! И он сделал ошибку, женившись на Худе, как он теперь понял. Она родила ему четырех девочек, сделав его чувство несостоятельности еще более острым.

Он опустил голову на руль.

Через четыре дня годовщина смерти Алисы, и ее образ часто посещал его: ее бледное лицо, закрытые фиолетовые веки, светлые волосы, спутанные с речной тиной.

Какие-то туристы, путешествовавшие на фелюге, вытащили ее из реки. Поскольку Ибрагим один ходил в морг опознавать ее, он сумел сохранить в тайне истинную причину ее смерти; только Амира знала правду, остальная часть семейства полагала, что Алиса погибла в автомобильной катастрофе.

«О, Алиса, моя дорогая, дорогая Алиса! Это все моя вина; я прогнал тебя».

И Ясмина, плод его союза с Алисой. Ее он тоже потерял. Он оставил ее в беде, когда она думала, что скорее должна стать жертвой злодейства Хасана, чем обратиться к своему отцу за помощью. Он дал себе слово, что напишет ей письмо в Калифорнию и попросит вернуться домой. Но нужные слова не приходили на ум. «Прости меня, Ясмина, где бы ты ни находилась».

Но человек, которого, как Ибрагим чувствовал, он подвел больше всего, был его отец. Глядя вниз с небес, Али Рашид видел только одного внука, Омара, сына его дочери Нефиссы. И правнуков, детей Омара и Тахии. Но внуков от его сына не было; Ибрагим потерпел неудачу.

Другие проблемы тоже давили на него. Благосостояние семьи Рашидов было уже не тем, что прежде. Доля египетского хлопка, когда-то называемого «белое золото», на мировом рынке настолько сократилась из-за плохого государственного регулирования и планирования, что эксперты предсказывали возможный упадок хлопковой промышленности Египта в целом. Благосостояние, которое Али Рашид сосредоточил в хлопке, уменьшилось, поэтому Ибрагим остался с понижающимися доходами и растущими обязательствами перед семьей.

Когда он вошел в широкие двустворчатые двери с резьбой ручной работы, привезенные из Индии более ста лет назад, Ибрагим посмотрел на фойе с мраморным полом и массивной медной люстрой, как будто увидел их впервые. Он никогда прежде не осознавал, насколько большим был в действительности этот дом. И, когда он разглядывал огромную лестницу, которая разделялась на две: одна вела в мужскую часть дома, а другая — в женскую, ему в голову пришла идея.

— А вот и ты, сын моего сердца, — сказала Амира, входя в фойе, чтобы поприветствовать его.

Он поразился облику своей матери. Женщина такого возраста, все еще красивая, все еще управляет этим огромным

семейством, как она всегда это делала! Она улыбнулась аккуратно накрашенными губами, а ее волосы, теперь уже седые, были уложены на французский манер и закреплены бриллиантовыми зажимами. Он чувствовал энергию молодости в ее руках, которые обнимали его.

— Мама, я пришел, чтобы просить тебя об одолжении. Она засмеялась.

— Одолжений между матерями и сыновьями не бывает! Я сделаю все, о чем ты меня попросишь, от всего сердца.

— Я хочу, чтобы ты нашла мне жену. У меня должен быть сын.

Улыбка Амиры исчезла.

— Ты забыл, какие неприятности свалились на наши головы, когда ты решил попытаться сделать Захарию твоим сыном?

— Жена родит мне законного сына, — тихо сказал он, отказываясь говорить о юноше, который исчез из их дома семь лет назад. Некоторые члены семьи искали Захарию, но так и не нашли его. — Мама, у вас есть знакомства, у вас есть возможности. Найдите мне женщину, которая родит мне сыновей.

— Бог вознаграждает за терпение. Худа беременна. Давай подождем и посмотрим, прежде чем предпринимать какие-либо опрометчивые действия...

Он взял ее руки в свои и сказал:

— Мама, при всем уважении и почтении к вам, на этот раз я не хочу следовать вашему совету. Простите меня, но ваше решение — не всегда самое правильное.

— Что ты имеешь в виду?

— Я подумал о Камелии. Вам когда-нибудь приходило в голову, что ее жизнь могла бы сложиться иначе, если бы вы не повели ее к той шарлатанке на улице 26 июля?

— Да, я и сама теперь понимаю, что если бы не тот неблагоприятный поступок, сегодня Камелия вполне могла быть счастлива в браке и иметь много детей. Мне искренне жаль, что так получилось.

— Женщине нужен муж, мама. И девочка не должна воспитываться в ночных клубах и киностудиях. Зейнаб нужна пристойная жизнь. Ей нужен отец. Я несу ответственность за Камелию и Зейнаб. Я хочу, чтобы вы помогли мне найти мужа для Камелии.

— Уже почти пришло время молитвы, — сказала Амира спокойно. — Ты возглавишь семейство, сын мой? Я хочу помолиться одна.

Она поднялась на крышу, которая купалась в последних лучах предзакатного солнца. Когда она пристально глядела на омытые оранжевым цветом купола и минареты, она вообразила, что яркий свет, простирающийся поперек Нила, был не лучами заходящего солнца, а слегка оттененной хной женской рукой, которая закрывала день.

Когда начался призыв к молитве, она развернула свой молитвенный коврик и начала читать молитву.

Алла акбар. Аллах велик.

Но ее сердце было не с Богом.

Когда она встала на колени и коснулась лбом коврика, она подумала относительно того, что Ибрагим сказал о Камелии. Он был прав. Амира не выполнила своего обязательства — поспособствовать счастью и будущему своей внучки.

Аш хаду, ла илла илиа Алла. Я заявляю, что нет никакого бога, кроме Аллаха.

Она думала о постоянной необходимости для Ибрагима произвести на свет сына и чувствовала в себе смутное недовольство этим. Весь этот разговор о линии Али Рашида... Но кроме нее была еще и другая, линия Амиры Рашид. Амира произвела на свет дочь, внучек и правнучек — но всех этих красивых девочек и женщин было недостаточно. Мальчик значил больше.

Аш хаду, Анна Магоммед Расулу Алла. Я свидетельствую, что Магоммед — посланник Аллаха.

Амира задавалась этим вопросом впервые в своей жизни — почему родословная семьи проходила по линии мужчин, когда бесспорным было только материнство? Она обдумывала ложь прошедших лет — дочь третьей жены Али Рашида переспала с мужчиной, а затем быстро вышла за кого-то замуж, кто потом думал, что ребенок был его; Сафия Раджиб представила своему мужу ребенка, который, как она заявила, родился от него, но который фактически был ребенком ее дочери; Ясмина носила ребенка, который, как все думали, был ребенком Омара, пока Нефисса не раскрыла тайну. «Сколько еще такой лжи и обмана, — задавалась вопросом Амира, — за столетия, тысячелетия, вплоть до праматери Евы, просто потому, что родословные корни семьи не проходили по линии

женщин? Какой в этом смысл, если материнство бесспорно, а отцовство, в лучшем случае, только предположение?»

Хее Аллах ас Алла.

Если бы родословная семьи происходила от женщин, то ребенок Ясины был бы принят с радостью независимо от того, кто его отец, и Зейнаб жила бы со своей настоящей матерью, и семья бы не раскололась.

Пораженная своими размышлениями, Амира заставила свои мысли снова обратиться к Богу и продолжила молитву, даже при том, что муэдзины уже закончили призыв.

Ла иллаа илиа Алла.

Но опять молитва ускользнула от нее, когда она подумала о жене для Ибрагима и муже для Камелии.

* * *

Они были в квартире Камелии, потому что Дахиба отказалась поместить своего мужа в больницу, даже частную. После того как полиция подавила бунт, а доктор обследовал Хакима в трейлере Камелии, две женщины доставили Хакима в пентхаус в тихом и недоступном районе Замалек, где, как они надеялись, он будет в безопасности от фанатиков. Поскольку Камелия была богата, ее квартира возвышалась на восемнадцать этажей над Каиром, она была с панорамными видами города, Нила и Пирамид в отдалении — пристанище из двенадцати комнат; слуги и дорогая обстановка для Зейнаб и самой Камелии. И теперь она помогала Хакиму сесть в кресло, лицом к венецианскому окну, из которого были видны яркие огни города и мерцающие звезды.

— Вы так напугали меня, дорогой дядя. Я думала, что они собираются вас повесить! — сказала она, смахивая слезы с глаз.

Он похлопал ее по руке, не будучи способным что-либо сказать. Воспаленный след от веревки остался на шее.

— О, дядя, почему они хотели причинить боль такому доброму человеку, как вы? Христиане — кровожадные люди! Они поклоняются человеку, которого распяли на кресте! Им, должно быть, нравится смотреть, как люди страдают! Я ненавижу их за то, что они сделали с вами!

Слуга принес поднос с чаем и бисквитами. Зная, что Хаким, подобно большинству жителей Каира, имеет страсть к «Далласу», Камелия включила телевизор. Экран ожил, пошли обычные объявления о коммунальных услугах. «Даллас»,

самое популярное телешоу в Египте, опустошало Каир в четверг вечером, и власти пользовались этим, делая важные сообщения за несколько минут до начала показа. Сегодняшние вести были частью энергичной кампании по планированию семьи, которые убеждали женщин идти в государственную клинику, где они могут бесплатно получить средства для ограничения рождаемости. Власти заверяли их цитатами из Корана, что маленькие семьи — более счастливые.

Дахиба села и начала просматривать вечерние издания всех газет, которые она только смогла найти, чтобы посмотреть, освещен ли в печати каким-либо образом инцидент, произошедший перед музеем.

— Вот, пожалуйста, — сказала она. — Бунт коптских студентов-христиан. Никто не знает, что побудило их...

— Дядя никогда не обижал коптов! — сказала Камелия.

— Мой Бог, — внезапно сказала Дахиба.

— В чем дело?

— Это одна из интеллектуальных газет, издающихся маленьким тиражом, — сказала она, отдавая газету Камелии и указывая на статью на первой странице. — Взгляни, что они напечатали!

Камелия прочитала:

— Мужчины доминируют над нами, потому что боятся нас. Они ненавидят нас, потому что желают нас. — Она посмотрела на Дахибу. — Это из моего эссе! — сказала она. — Они скопировали мое эссе из вашей книги!

Камелия продолжила читать слова, которые она написала десять лет назад: «Наша сексуальность угрожает их мужественности, и поэтому они оставляют открытыми для нас только три пути, где мы можем пользоваться уважением: как девочка-девственница, как жена и как пожилая женщина, уже не способная рожать детей. Все остальное для нас закрыто. Если не состоящая в браке женщина имеет любовников, она заклемена, она шлюха. Если она отклоняет любовников-мужчин, они называют ее лесбиянкой, потому что она угрожает мужской мужественности. В самой природе мужчины заложено стремление подавлять то, что ему угрожает или пугает его».

Хаким застонал и сказал хриплым голосом:

— За что Бог наградил меня такими умными женщинами?

— Это твое эссе, слово в слово, — сказала Дахиба. — Они упоминают твое имя?

— Нет, — ответила Камелия, и когда она читала имя в подписи, оно показалось ей знакомым.

— Якоб Мансур, — сказала она.

— А, Мансур, — прошептал Хаким, держа руку у горла. — Я слышал о нем. Он был арестован некоторое время тому назад за то, что напечатал одну историю, выразив сочувствие Израилю.

— Еврей, — произнесла Дахиба. — Непопулярная штука в Египте в наши дни.

— Еврей, — вздохнул Хаким. — Они, по-моему, единственные, кто не жаждет моей крови!

Камелия хмурилась, пытаясь вспомнить, где она видела имя Мансура. И ее осенило. Она вышла из комнаты и вернулась с одним из своих альбомов для вырезок, открывая его на первой странице, где была приклеена пожелтевшая статья. Это было ревью, датированное ноябрем 1966 года, а слова «газель» и «бабочка» так и бросались в глаза со страницы. Ревью было подписано Якобом Мансуром.

— Это тот самый мужчина! — воскликнула Камелия. — Почему он напечатал мое эссе?

— Нужна храбрость, чтобы сделать это, — сказала Дахиба. Камелия посмотрела на часы.

— Где находится редакция этой газеты?

Хаким отхлебнул немного чая и попытался прохрипеть:

— Она расположена в маленьком переулке, вниз от улицы Эль-Бустан, около Торговой палаты.

— Надеюсь, ты не пойдешь туда прямо сейчас, не так ли? — спросила Дахиба.

— Я возьму с собой Рэдвана. Со мной все будет в порядке, инсалла.

* * *

Редакция малотиражной газеты была скромной, она состояла из двух крошечных, загроможденных комнат, где едва ли было достаточно места, чтобы протиснуться между столами. Ее окна выходили в переулок напротив магазина производителя ковров, а разбитое окно на фасаде было закрыто картоном.

Попросив Рэдвана подождать в фойе, Камелия ступила через порог и увидела двух человек, ссутулившихся над пишущими машинками, и молодую женщину, стоящую у шкафа с картотекой. Все трое повернулись и уставились на нее.

— Аль хамду лилла! — воскликнула девушка. Она устремилась вперед, очистила стул и предложила его Камелии со словами:

— Мир Бога и счастье вам, саида! Это честь для нас! — Затем она крикнула через плечо в сторону занавешенного дверного проема: — Эй, Азиз! Сбегай к господину Шафику и принеси чай, прямо сейчас!

Камелия ответила:

— И вам мир и благословение Господа. Я пришла, чтобы повидаться с господином Мансуром. Он здесь?

Из-за одного из столов встал мужчина и поклонился. Ему было лет сорок, слегка полноватый, лысеющий, в очках в металлической оправе и в рубашке, которая нуждалась в том, чтобы ее погладили. Камелия вспомнила о Сулеймане Мисрахи и поняла, как мало евреев осталось в Каире.

— Вы оказываете нашей редакции большую честь, госпожа Рашид, — сказал он с улыбкой.

Привыкшая к тому, что ее узнают незнакомцы, Камелия сказала:

— Для меня это тоже честь, господин Мансур.

— Вы знали, что я написал ревью одного из ваших выступлений четырнадцать лет назад? Мне было тридцать в то время, и я считал, что вы самая лучшая танцовщица, которая когда-либо украшала землю. — Он поглядел на Рэдвана, стоявшего в дверном проеме, и добавил немного тише: — Я по-прежнему так думаю.

Камелия тоже поглядела на Рэдвана, надеясь, что он не услышал эту бесстыдную фамильярность Мансура. Даже при меньших нарушениях этикета сирийский телохранитель незамедлительно бросался на защиту чести своей хозяйки.

Мальчик, который выбежал из редакции минуту назад, появился с подносом и двумя стаканами мятного чая. Несмотря на озабоченность по поводу причин, заставивших Мансура напечатать ее эссе, Камелия выполнила обычный формальный ритуал: обсуждение погоды, результаты футбольных матчей, чудеса, которые новая высокая дамба в Асуане принесла Египту. Наконец она достала из сумочки газету, на странице которой статья Мансура была обведена в кружок, и спросила:

— Откуда взялось это эссе?

— Я скопировал его из книги вашей тети, — сказал он и, когда увидел ее удивленный взгляд, добавил: — Я знаю, что это вы написали эти слова. Я подумал, что ваше сообщение очень важно, поэтому и напечатал его. Возможно, таким способом мы откроем несколько умов.

— Но книга, из которой это взято, запрещена в Египте! Вы знали об этом?

Мансур полез в стол и достал оттуда экземпляр «Приговора Женщине».

Камелия затаила дыхание:

— Вас могут арестовать за то, что у вас есть эта книга!

Он улыбнулся, и она заметила, что, когда он это делал, его очки поехали вверх.

— Президент Садат утверждает, что верит в демократию, позволяя свободу слова. Время от времени стоит подвергать испытанию его заявление и позицию.

Камелия подумала, что, учитывая, насколько неуловимой была его статья, как развязно он общался с женщиной, которую не знал, Мансур был иронично-любезен. Она ожидала увидеть человека, который бы... скажем, громко кричал.

— Но разве не подвергает вас опасности, — спросила она, — публикация моего эссе?

— Я когда-то слышал, как говорит Индира Ганди. Она сказала: это правда, что женщина иногда заходит далеко, но только тогда, когда она заходит уж слишком далеко, тогда ее слушают.

— Вы не упомянули здесь мое имя.

— Я не хотел, чтобы у вас были неприятности. Экстремисты, — он указал на выбитое окно, — особенно более молодые члены Братства мусульман, эти фанатики в белых одеждах, не примут во внимание это эссе, если узнают, что оно написано женщиной. А так как я не мусульманин, они обойдутся со мной менее жестоко, чем с человеком их собственной веры. Таким образом, ваши слова прочтут, а вы останетесь в безопасности.

Он смотрел на Камелию улыбающимися карими глазами, и она заметила, что задумалась о нем, как не задумывалась о мужчине с тех пор, как ей было семнадцать и она без памяти влюбилась в правительственного цензора.

Ей стало интересно — женат ли он?

Жасмин вышла из автобуса и остановилась на тротуаре, прежде чем направиться к дому. Ее сердце сильно билось. Как же она сообщит Грэгу новость? Если это поразило ее подобно удару молнии, то его сразит наповал. А это было совсем не то, чего бы ей очень хотелось.

Когда она вошла в квартиру, которую они с Грэгом делили в течение последних семи с половиной лет, чувствуя, как начинают падать первые капли ноябрьского дождя, она увидела, что у Грэга вечеринка в гостиной, как обычно. Жасмин обрадовалась, что сегодня вечером были только мужчины. Иногда приходили их жены или подруги, и тогда Жасмин замечала, что она принуждает женщин переместиться на кухню и оставить мужчин в гостиной — давняя привычка. Иногда женщины присоединялись к ней, чтобы попить кофе на кухне, но в основном они хотели остаться с мужчинами, и тогда Жасмин подчинялась, чувствуя себя неловко в смешанной компании.

Она однажды призналась в этой неловкости Рахель Мисрахи, у которой была теперь медицинская практика в Долине, и Рахель ответила:

— Ты образованная женщина, Жэс. Слава богу, ты врач. Ты должна соотносить себя со временем и принять тот факт, что мужчины и женщины равны. Перестань играть старую роль.

Сегодня вечером она осталась довольна, увидев, что пришли только мужчины, близкие друзья Грэга из отдела антропологии, тесный круг почти докторов науки. Они улыбнулись Жасмин и сказали «Привет», когда она прошла мимо, поставила свой медицинский чемоданчик у телефона и направилась в кухню, где повесила свой белый лабораторный халат и включила в сеть кофеварку.

Когда она увидела дюжину красных и белых гвоздик в простой вазе цветочницы, она печально улыбнулась. Милый Грэг: каждый год в это время, бесперебойно, он дарил ей гвоздики в память о смерти ее матери. И каждый раз Жасмин хотела бы, чтобы он этого не делал, и вместе с тем ей было приятно, что он сделал это.

Дорогой Грэг, для которого искра любви в ней так и не зажглась.

Она просмотрела почту на конторке: счета, приглашения билеты на медицинские семинары, предложения о работе от двух больниц, еще одна просьба о деньгах от университетского фонда выпускников и открытки от Рахель из Флориды. Ничего из Египта.

Семь лет тому назад, письмо, которое она написала матери, вернулось вместе с письмом от Амиры: «Дорогая, Алиса мертва, пусть Бог сделает рай ее домом. Она погибла в автомобильной катастрофе. А Захария, — добавляла Амира, — ушел, чтобы найти Сахру, кухарку, которая тоже оставила семейство».

Итак, она сразу лишилась и матери, и единственной слабой связи с семейством, так же как и надежды на то, что ее сыну Мохаммеду когда-нибудь напомнят о ней, поскольку Жасмин знала, как и Фатима до нее, что в доме не будет ее фотографий, никаких упоминаний о ней. Что касается Мохаммеда, теперь, когда его бабушка Алиса мертва, его мать тоже была мертва.

Еще всего лишь одна весточка прибыла после этого, шесть с половиной лет спустя, когда прошлой весной Амира прислала фотографию Мохаммеда в день его окончания университета. Это было изображение удивительно красивого молодого человека с большими светлыми глазами, подобными тем, какие были обнаружены на надгробных портретах ранних христиан. Но Мохаммед не улыбался, как будто решил не раскрывать перед камерой свои слабые места.

Последним в грудe корреспонденции Жасмин с удовольствием обнаружила пакет от Деклана Коннора. Он послал ей самое последнее издание книги «Когда вы должны быть врачом», приложил черно-белый снимок себя, Сибил и их сына, а также письмо, описывающее их работу в Малайзии, где они пытались побороть свирепствующую там малярию. Письмо было дружеским и кратким, без намека на роман, который почти завязался между ними семь лет тому назад. Жасмин не видела Коннора с тех пор, но они поддерживали связь.

Дверь кухни распахнулась, Жасмин бросила взгляд на телевизор в гостиной: на экране показывали кинохронику о недавно освобожденных американских заложниках, выходящих из самолета, прибывшего из Ирана.

— Привет, — сказал Грэг, целуя ее. — Как дела на работе?

Она устала. Как у младшего сотрудника педиатрической клиники в бедном районе по соседству, рабочий день у Жас-

мин был дольше всех, но она не возражала. Забота о чужих детях помогала ей удовлетворить потребность в собственном ребенке. Мохаммед, ее сын, был так далеко, и он не признавал ее существования, а искалеченный ребенок родился мертвым... Нет. Прогони воспоминания. Она обвила руками талию Грэга и сказала:

— Спасибо за цветы. Они очень красивые.

Он задержал ее в объятиях на мгновение, затем сказал:

— Надеюсь, ты не возражаешь, если парни еще посидят? Мы планируем кое-что.

Она кивнула, коснувшись его плеча. Грэг всегда планировал, но лишь немногие из его планов осуществлялись. Хотя он сумел получить степень магистра, Жасмин давно перестала давать ему советы по поводу того, как завершить диссертацию на степень доктора.

— Все в порядке, — сказала она. — Мне нужно сейчас еще раз сбежать в больницу, на вечерний обход. Я пришла домой, только чтобы принять душ, переодеться и взять машину.

Грэг подошел к холодильнику, достал пиво и сказал:

— Я рад, что ты здесь. У меня есть новости.

Она посмотрела на него.

— Какое совпадение! У меня тоже.

Когда он запрокинул голову назад и отхлебнул немного пива, Жасмин снова подумала об иронии того, что она вышла замуж за одного человека, а влюбилась в другого. Прошло семь лет, а она все еще была замужем за одним и все еще влюблена в другого. Но Грэг ей нравился, между ними возникла удобная привязанность, иногда у них даже был активный секс. Жасмин подозревала, что они занимались любовью из-за физической потребности человека в прикосновении; они не чувствовали страсти друг к другу, и, конечно, это невозможно было сравнить с возбуждением, которое она однажды испытала только от одного взгляда Коннора. Когда она призналась Рахель, что ее брак с Грэгом был основан скорее на взаимном уважении, чем на любви, Рахель провозгласила их брак действительно свободным, без устаревших ожиданий, и не обремененным излишне близкими отношениями. Но Жасмин тосковала по старомодному браку и опять завидовала Сибил Коннор.

— Я беременна, — сказала она.

Грэг чуть не выплюнул пиво.

— Боже! — воскликнул он. — Ты могла бы меня предупредить.

— Извини. Как еще я могу сказать тебе? — Она посмотрела ему в лицо. — Ты рад?

— Рад! Подожди минутку, у меня голова идет кругом. Как это случилось?

— Мне пришлось прекратить принимать таблетки, потому что у меня от них болела голова.

— Я знаю, но есть же другие способы. Я хочу сказать, когда это...

— На барбекю в День труда.

Последний раз, когда у них был секс, Грэг пил пиво на улице у бассейна, где их компания жарила бифштексы и гамбургеры. Он уговорил Жасмин отлучиться на несколько минут.

— Ну, наверное, это очень здорово. — Он опять обнял ее. — Конечно, это здорово! Я знаю, как ты любишь детей. Мы просто никогда не говорили об этом. — Он отступил назад. — Но разве тебе не придется оставить работу? Как мы будем платить за аренду квартиры?

Расходы на обучение на медицинском факультете, в конечном счете, потребовали, чтобы она продала дом в Англии, а семь лет жизни с человеком, который не имел постоянной работы, истощили трастовый фонд. Они теперь жили на то, что она зарабатывала в клинике, а беременность угрожала этой безопасности. Жасмин внезапно почувствовала себя менее свободной в этих «равных» отношениях, чем в любой другой момент своей жизни. Она попыталась сохранить непринужденный тон и сказала:

— Думаю, теперь твоя очередь найти работу. У тебя будет семья, которую нужно содержать.

Он отвернулся и сделал большой глоток пива.

— Господи, Жасмин, это не для меня. В смысле, сначала мне нужно разобраться с собой, прежде чем я смогу думать о детях. Я даже не знаю, кто я такой и что мне нужно.

— Тебе тридцать семь лет.

Он засмеялся.

— Да, именно в этом возрасте был папа, когда моя мать забеременела. Ну и совпадение, да? — Он посмотрел ей прямо в лицо и сказал: — Жасмин, я буду честен. Я не хочу иметь ребенка, который бы страдал от воспитания, подобно-

го моему: я обучался в частных школах и практически не видел своих родителей.

Жасмин закрыла глаза, внезапно почувствовав себя изможденной.

— Тогда... что ты предлагаешь? — спросила она.

Он оторвал магнит от двери холодильника и покрутил его в руке. Это был маленький пластмассовый помидор с улыбающимся лицом.

Когда Грэг ничего не сказал, Жасмин устало поинтересовалась:

— Ну, а какие у тебя новости?

Он вернул магнит на место, но тот упал на пол.

— Мы с парнями организуем экспедицию в Кению. Роджер проводит исследование Маасай...

— Понятно, — сказала Жасмин. В прошлом году это была Новая Гвинея, в позапрошлом — Огненная Земля. Он тогда не пошел, но, может, на сей раз действительно пойдет. Жасмин поняла, что ее это не особенно заботит.

— Мне нужно вернуться в клинику, — сказала она. — Где связка ключей от машины?

— Я отогнал машину на ремонт утром, помнишь, я говорил тебе, что собираюсь это сделать? — Он протянул к ней руку. — Послушай, Жэс...

— Да, я знаю. Но ты сказал, что она будет готова к пяти. Ты не забрал ее?

— Я думал, что ты забереешь. Мы так всегда делали, я отгонял машину, а ты ее забирала.

«Да, — подумала она. — Полное равенство. Справедливость есть справедливость».

— Хорошо, я поеду на автобусе.

— Жасмин, — сказал он, — беря ее за руку. — Пожалуйста! Я не знаю, что сказать тебе.

Она отстранилась.

— Мы поговорим об этом позже. Мне нужно успеть на автобус и приехать в гараж до закрытия.

* * *

Ведя машину по шоссе вдоль тихоокеанского побережья, она смотрела, как дождь оmyвает ветровое стекло, и думала о Грэге и их отношениях. И она видела, что с их первой встречи мало что изменилось. Они жили вместе, но личное время Жасмин было

полностью поглощено медицинским факультетом, затем интернатом и, наконец, клиникой, так что оставалось совсем немного времени, чтобы посвятить его браку. Даже в этом случае она сделала усилие, чтобы попытаться понять человека, за которого она вышла замуж, но без особого успеха. Она искала глубокий внутренний мир Грэга, но, к своему удивлению, не нашла. Оказалось, что приятная, непринужденная поверхность, которая вначале ей так понравилась, является бесконечно глубокой. Она пыталась приблизиться к нему, но, даже когда они занимались сексом, она чувствовала, что он от нее отдаляется. Единственный раз, когда она видела мать Грэга, — во время ее остановки в пути, доктор Мэри Ван Керк летела от пещер Индии к пещерам Западной Австралии. Жасмин показалось, что эта женщина тверда, как горная порода, которую она изучает, а отношения матери и сына были такими напыщенными, что, казалось, оба их участника забыли, кем они друг другу приходятся.

После этого Жасмин начала сравнивать Грэга с арабскими мужчинами. Она думала об их жажде жизни, об их спонтанности и беспощадном юморе, об их всемирной репутации умелых и внимательных любовников. Прежде всего, ей не хватало их сумасбродной страсти. Арабы открыто кричат, они целуют друг друга, и у них нет такого понятия, как «неуместный смех». И если мужчина оплодотворял женщину, он чувствовал ответственность, и честь заставляла его заявлять о своих правах на ребенка и обеспечивать его.

Жасмин положила руку себе на живот, и внезапно ее охватило ощущение чуда. Шок постепенно прошел, теперь она с удивлением обнаружила, что на самом деле счастлива. Она не чувствовала себя так хорошо уже давно, даже тогда, когда была беременна Мохаммедом, и позднее — бедной маленькой калеккой, которая не выжила. «Возможно, этот ребенок будет девочкой, — подумала Жасмин, позволив себе наконец порадоваться. — Я назову ее Айша, — решила она, — как звали любимую жену Пророка. И если Грэг отправится в Кению, я найду способ самостоятельно вырастить свою дочь».

Когда она потянулась, чтобы включить радио, она услышала какой-то приглушенный звук, и внезапно рулевое колесо начало вибрировать. Снизив скорость, Жасмин сумела остановить автомобиль у обочины гладкого от дождя шоссе. Когда она вышла, держа над головой журнал, потому что забыла взять зонтик, то увидела, что правая передняя шина спустилась.

Она попинала ногой колесо, затем посмотрела вверх и вниз по шоссе. Автомобилей проезжало мало, и она поняла, что, если хочет добраться до больницы вовремя, ей придется самой заменить шину.

Пока она пристраивала домкрат под скользким бампером, она злилась на Грэга, который должен был сам позаботиться об автомобиле. Домкрат не слушался. Она тянула и толкала его, а гнев ее рос, касаясь теперь и Хасана, который изнасиловал ее, и отца, который прогнал ее. Пока она старалась изо всех сил, ее гнев превратился в бешенство, и она закричала, а капли дождя стекали по ее щекам вместе со слезами разочарования.

Внезапно домкрат соскользнул, и она упала спиной на жесткое дорожное покрытие.

— Аллах! — вскрикнула она, и острая боль пронзила ее живот.

* * *

Жасмин в течение долгого времени смотрела в окно своей больничной палаты. Из-за того, что была ночь, стакан отражал свет единственной лампы над ее кроватью и тусклое освещение в коридоре за ее открытой дверью. Она успела в больницу вовремя, но как пациент в машине «скорой помощи». Проезжавший мимо автомобилист остановился, чтобы помочь ей, и вызвал полицию по телефону-автомату на шоссе. Ее немедленно отправили в хирургическое отделение с диагнозом: частичный выкидыш. Хирурги завершили его, и, придя в себя после анестезии, Жасмин долгое время размышляла.

К тому времени, когда пришла Рахель, тихо войдя в палату и сказав: «О, Жэс, мне так жаль», Жасмин уже приняла несколько решений. Важных решений.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросила Рахель, присаживаясь. — Они хорошо заботятся о тебе? Я могу быть врачом, но я ненавижу посещать друзей в больнице.

— Где Грэг?

— Он внизу, в магазине подарков, покупает тебе цветы. Он чувствует себя ужасно, Жэс.

— Я тоже. Знаешь, моя мать потеряла двоих детей — один умер в младенчестве, а другой... был выкидыш. Не странно ли, что дочери повторяют жизни своих матерей?

Жасмин смахнула слезы. Ей было трудно говорить, она была очень утомлена.

— Я лежала здесь, думая о своем отце, вновь переживая те особенные времена, когда он и я были вместе. Жаль, что его сейчас нет здесь, потому что я так много хочу сказать ему, так много объяснить! А еще я хочу задать ему несколько вопросов.

Она вздрогнула и положила руку на живот.

— Я оглядываюсь назад, — сказала она, — и вижу, что, когда я работала вместе с отцом, помогая бездомным женщинам-феллахам и их детям, я начала свой путь — дорогу моей жизни. Но отклонилась в сторону. Я забыла первопричины, по которым я вышла замуж за Грэга, и продолжала эти отношения. Но мне нужно двигаться вперед, Рахель, мне нужно столько всего сделать!

— Сначала ты должна отдохнуть и дать своему организму возможность выздороветь. У тебя еще достаточно времени, чтобы стать суперженщиной.

Жасмин слабо улыбнулась:

— Ты суперженщина, Рахель. С твоим мужем, ребенком и медицинской практикой.

— Ты переживаешь, что я потеряю пару фунтов, бегая туда-сюда. Я оставлю тебя, чтобы ты отдохнула. Если я тебе понадобится, я буду в комнате для отдыха, она дальше по коридору.

К тому времени, когда вошел Грэг с цветами и с горестным выражением лица, Жасмин больше не сердилась на него и даже не чувствовала разочарования. Он был просто незнакомец, который некоторое время жил с ней и который уйдет, так и оставшись незнакомцем.

Он долго сидел на краю кровати, не способный говорить. Наконец он сказал:

— Мне жаль, что ты потеряла ребенка.

— Я не хотела, чтобы так случилось. Это воля Бога. — И, успокоившись от сознания того, что все предопределено, Жасмин увидела другую правду: слово «ислам» в арабском языке означает «сдаться», и сдаться именно провидению Бога, значит, обрести мир.

— Я хочу сказать, — проговорил он, сплетая пальцы, — ну, это же не то, как могло бы быть, если бы ты знала о ребенке давно. Мы не покупали детские вещи или еще что-нибудь. Мы не строили планов.

Он смотрел на нее со слезами на глазах. Она видела смущение в его взгляде, потребность, чтобы его простили, хотя, похоже, он не знал — за что. И тогда она поняла, что несла груз, который он молчаливо просил ее оставить. Поняв, что это было на самом деле, Жасмин сказала:

— Мы с тобой поженились по определенной причине, ты помнишь? Мы поженились не по любви или с намерением рожать детей, а чтобы избежать правовой ситуации. Эта ситуация прошла, и Господь посылает нам знак, что пора расставаться.

Когда он начал возражать и она увидела, как слабо он это делает, она произнесла:

— Я понимаю теперь, что не предназначена для замужества и воспитания детей, потому что Бог забрал их у меня. Он припас для меня что-то другое.

— Мне жаль, Жасмин, — сказал Грэг. — Как только ты поправишься, я съеду. Квартира твоя.

Она всегда была ее; Грэг был в ней всего лишь гостем.

— Мы поговорим об этом завтра, когда меня выпишут. Я сейчас очень устала.

Он колебался, как будто был привязан к кровати своим недоумением, неспособностью понять точно, что случилось. Ребенок — его ребенок — потерян. Разве он не должен чувствовать что-нибудь? Разве не должен он произносить определенные слова? Он попытался выявить внутри себя какую-нибудь скрытую программу, источник сострадания, дотянуться до того, что его мать, возможно, внушила ему много лет назад, когда он не осознавал этого. Но ничего не было.

И теперь он размышлял о своих отношениях с Жасмин и понял, что в них тоже ничего не было. У них было несколько памятных событий: празднование первой годовщины свадьбы на побережье Санта-Моники, когда оба все еще ждали, что в их жизни расцветет любовь; торжественное открытие бутылки шампанского, когда она закончила медицинский факультет; Жасмин утешала его, когда диссертацию на степень доктора опять отклонили. Но дополнением к чему служили эти события?

И в этот момент он понял, что она навсегда останется для него незнакомкой, которой Жасмин всегда и была.

Он наклонился и поцеловал ее в прохладный лоб.

— Вот вещи, которые ты просила меня принести, — сказал он, и после того, как он закрыл дверь, Жасмин открыла сумку с ночными принадлежностями, которую он принес.

Она достала книгу, которую он положил поверх ее туалетных принадлежностей, — самое последнее издание книги «Когда вы должны быть врачом», которое Коннор прислал ей из Малайзии. Она открыла ее и прочитала надпись, сделанную им на титульном листе, рядом с их именами: «Жасмин, если когда-нибудь вам срочно понадобится молитва, просто вспомните, как называется небольшой мускул у вас на носу. — И подпись: — С любовью, Деклан». Она улыбнулась.

Затем вновь полезла в сумку и достала оттуда Коран в кожаном переплете, который совершил вместе с ней путешествие из Египта. Он был на арабском языке, и прошло уже много времени с тех пор, как она открывала его в последний раз.

Теперь она открыла его.

34

Она боялась Якоба.

Скорее пугающей была мысль о том, что она влюбилась в него, и о его взаимности. Камелия упорно трудилась, чтобы побороть в себе эти мысли, часами готовилась к выступлению, с головой уходила в хореографию и костюмирование, заполняя свою жизнь так, чтобы каждую ночь ложиться в постель утомленной и засыпать глубоким сном без сновидений, чтобы даже Якоб Мансур не смог проникнуть в него. Но каждое утро, когда она просыпалась, он был первым, кто овладевал ее мыслями: образ скромного человека, слегка полноватого, в очках в металлической оправе и с редкими волосами. А затем позже, в «Хилтоне», когда она танцевала, улыбалась и принимала аплодисменты, она обнаружила, что ищет его в зале, где-нибудь в задней его части, подальше от огней и обезумевшей толпы, она часто видела, как он стоял там и спокойно наблюдал за ней.

Ей было интересно, чувствовал ли он то же самое по отношению к ней. Конечно, что-то он чувствовал, иначе почему он так часто приходил на ее выступления? Но, тем не менее, он никогда не приходил за кулисы, не дарил ей цветы и не осыпал ее банкнотами, как делали другие мужчины. Фактически, спустя четыре месяца с тех пор, как она познакоми-

лась с ним в редакции газеты, Камелия не обменялась ни единым словом с Мансуром.

Она ничего не знала о нем, но, судя по костюму, в котором он приходил на представления, предполагала, что он небогат, а его газета существовала исключительно на пожертвования. Она все еще даже не знала, был ли он женат, преднамеренно избегая попыток выяснить что-нибудь о нем в надежде, что ее безумное увлечение пройдет. Но оно не проходило. Оно росло.

За долгие годы Камелия выстроила защиту от влюбленности, поэтому те несколько раз, когда она чувствовала себя очарованной кем-нибудь, любовь умирала прежде, чем могла расцвести. Но по каким-то причинам Якоб Мансур сумел обойти эту защиту. И теперь она не знала, что делать.

Она подозревала, что влюбиться в еврея в настоящее время было не самым мудрым поступком. Много лет назад, перед войнами с Израилем, египетские евреи мирно сосуществовали с мусульманами. Разве семьи Мисрахи и Рашидов не были близкими друзьями? Но три унижительных поражения в войне с Израилем озлобили египтян по отношению к их семитским братьям; близкие отношения между представителями двух лагерей осуждались, и особенно недопустимой была ситуация, в которой мужчина был евреем, а женщина — мусульманкой.

Но Камелия не могла выбросить Якоба из головы.

Она каждый день покупала его газету и читала его колонку. По ее мнению, он писал блестяще о спорных вопросах, смело призывал правительство проводить необходимые реформы; он был храбр, даже опрометчив, называя вещи своими именами и детально описывая частные случаи несправедливости. Мансур также часто писал яркие ревью ее выступлений, при этом никогда не упоминал о ее теле, что было бы крайне оскорбительно, но его хвалебные эпитеты в адрес ее мастерства и таланта были бесконечны. Видела ли она проявление любви между этими хвалебными строками? Или она просто воображала все это? И была ли она действительно влюблена в мужчину, с которым обменялась лишь несколькими словами и иногда видела его на галерке зала? Как она должна была узнать такое чувство, если она никогда не испытывала любви? Она хотела попросить совета у уммы, но правило Амиры было таким: сначала брак, потом любовь.

Когда ее лимузин прокладывал себе путь по многолюдным улицам Каира, причем ее телохранитель сидел впереди

вместе с шофером, Камелия выглянула в сильно тонированное окно и поразилась, какой школьницей заставила ее почувствовать себя это послеобеденная прогулка. Когда в последний раз она чувствовала себя такой взволнованной, такой легкомысленной? Она была фактически на пути к редакции газеты Якоба на улице Аль Бустан; она направлялась туда по серьезному делу, и ей потребовалось три часа, чтобы подготовиться.

Она покачала головой и подумала: «Мне тридцать пять лет, а у меня ни разу не было интимных отношений с женщиной. Я волнуюсь так, как волновалась, еще будучи девочкой, когда Хасан приходил к нам в гости и я думала, что умру от любви». Хасан аль-Сабир, чье убийство все еще не было раскрыто и кто, по мнению Камелии, заслуживал того, что получил, за то, что он сделал с Ясминой.

Она отбросила грустные воспоминания, когда лимузин остановился перед большим серым зданием, из которого появились гурьбой девочки в синих формах. С тех пор как Камелия прочитала статью о девочке-мусульманке, похищенной коптскими христианами, она лично приезжала каждый день, чтобы забрать дочь после школы.

Зейнаб была уже за воротами школы, прощаясь с рыжеволосой девочкой. За исключением протеза на ноге, она ничем не отличалась от любого другого энергичного подростка — немного застенчивая, с двумя длинными косами, спускающимися вниз по спине. Только походка, когда она хромала по направлению к лимузину, отличала ее от остальных.

— Привет, мама! — сказала она, целуя Камелию и садясь в машину.

— С кем это ты разговаривала, дорогая?

— Это моя лучшая подруга, Ангелина. Она хочет, чтобы я пошла к ней завтра в гости. Можно?

— Ангелина? Она иностранка?

Зейнаб засмеялась.

— Она египтянка, мама! И она единственная девочка в школе, кто хорошо ко мне относится и не смеется надо мной.

Камелия всем сердцем переживала за свою дочь, и она вдруг вспомнила, что через два месяца Зейнаб будет пятнадцать лет, а через два года она окончит среднюю школу. И что потом? Каково будущее Зейнаб? Как сложится жизнь у девочки-калеки? Зейнаб, конечно, никогда не выйдет замуж и

будет нуждаться в защитнике. Хаким Рауф хоть и замечательный дядя для Зейнаб, но он стареет.

«Ей нужен отец», — подумала Камелия.

— Мама? — обратилась к ней Зейнаб, когда лимузин присоединился к интенсивному движению на улице Аль Бустан. Шофер вместо тормозов жал на клаксон по египетской моде. — Мне можно пойти домой к Ангелине?

— Где она живет?

— В Шубре.

Камелия нахмурилась.

— Там же по соседству живут христиане. Это может быть небезопасно.

— Я буду в безопасности! Ангелина — христианка!

Камелия выглянула в окно. Что она должна сказать теперь? Она пыталась защищать свою дочь от ненависти, которая разделяла Каир, которую сама Камелия начинала испытывать по отношению к людям, причинившим боль дяде Хакиму. В пределах безопасных стен своего восемнадцатизэтажного пентхауса Камелия смотрела ужасающие кинохроники — виды горящих мечетей мусульман и убитых коптов, находящихся во взаимной вражде, которая поддерживалась и обострялась в соответствии с законами мести. Когда президент Садат попросил коптского священника Шенуду принять участие в конференции, посвященной проблемам мира, Шенуда отказался, а копты повели себя как злодеи, и Камелия подумала: они хотят продолжать убивать. И ее недоверие к ним и страх росли.

— Я не хочу, чтобы ты шла к Ангелине, моя милая, — сказала она, убирая несколько прядок волос с лица Зейнаб. — Это сейчас небезопасно.

Зейнаб боялась, что ее мать скажет так. С тех пор как избили бедного дядю Хакима, все говорили плохо о христианах. Но Ангелина не была плохой, она была доброй и веселой, и у нее был удивительно красивый брат, который иногда приходил за ней в школу.

— Ты не любишь христиан, да, мама? — спросила она.

Камелия тщательно выбирала слова, пытаясь не заразить дочь своим собственным предубеждением:

— Это не вопрос симпатии или неприязни, дорогая, это факт жизни. Пока власти не уладят разногласия между коптами и мусульманами, никто не находится в безопасности.

Тебе не стоит иметь дело с Ангелиной или с другими христианами, пока это небезопасно. Ты понимаешь?

Когда Камелия увидела удрученный взгляд Зейнаб, она обвила рукой тонкие плечи дочери и прижала ее к себе. Бедная Зейнаб, такая застенчивая, что ей трудно было подружиться с кем-нибудь в школе. Камелия понимала эту жажду в глазах девочки, ее тихую тоску о признании и дружбе. «Мы похожи, — подумала Камелия, — моя дочь и я. Зейнаб хочет дружить с христианкой, а я влюблена в еврея».

— Знаешь, что я тебе скажу? Мне нужно ненадолго зайти в одно место, а потом мы пойдем в «Гроппис» есть десерт. Ты хотела бы? Мы доставим себе удовольствие, только себе двоим!

— Это было бы замечательно, — сказала Зейнаб и затихла. Несправедливо, что несколько плохих людей вредят всем остальным. Она так отчаянно хотела посетить дом Ангелины, что, хотя и пообещала, что не пойдет, уже пыталась придумать способ, как это сделать. «Конечно, — рассуждала Зейнаб, — это не огорчит ее мать, если она не узнает».

Достигнув переулка, шофер умело втиснул большой автомобиль в пространство между торговцем безделушками и ослиной упряжкой, нагруженной апельсинами. Камелия заколебалась перед тем, как выйти из машины.

Она сказала себе, что делает это для Дахибы, чье самое последнее эссе было у нее в сумочке. Она делала это ради социальной справедливости и ради реформы, которая помогла бы ее угнетенным сестрам. Но когда она в очередной раз проверила макияж и почувствовала, как бьется ее сердце, Камелия уже знала реальную причину, почему она предложила лично отнести статью Дахибы Мансуру.

Рэдван открыл дверь, и пешеходы усталились на нее, когда она выходила. Когда она попросила, чтобы телохранитель остался в автомобиле — из-за Зейнаб, он нахмурился; Камелия знала, что ему не очень понравилась идея насчет того, чтобы отпустить ее без сопровождения идти вниз по узкому переулку. Скрестив на груди свои массивные руки, он облокотился на машину и наблюдал за ней, когда она шла вниз по переулку — высокая, дорого одетая современная женщина на высоких каблуках, с красными губами и копной черных волос, которая привлекала взгляды как мужчин, так и женщин.

Окно на фасаде газетной редакции все еще было закрыто картоном, но Камелия с тревогой заметила, что дверь сорва-

на с петель. И когда она вошла внутрь, то увидела, что столы были повреждены ударами топора; повсюду были разбросаны газеты, на которые пролилась краска.

Она обнаружила Якоба в задней комнате, где он просматривал некоторые промокшие страницы.

— С вами все в порядке? — спросила она.

Он поднял глаза:

— Госпожа Рашид!

— Кто сделал это? Это были копты?

Он пожал плечами.

— Это мог быть кто угодно. Обе стороны хотели бы вытеснить меня из бизнеса. И, похоже, они преуспели, по крайней мере, на некоторое время. Они украли наши файлы и наши пишущие машинки.

Камелия почувствовала вспышку гнева. Сначала Хаким, теперь Якоб! Теперь она уж точно не разрешит Зейнаб пойти в гости к Ангелине и ее христианской семье.

— Может, вам стоит прекратить издавать газету на некоторое время, — сказала она. — Ваша жизнь находится в опасности. Вы должны подумать о своей семье — о жене и детях.

— У меня нет детей, — сказал он. На секунду он задержал на ней взгляд и поправил очки, как будто пытался поверить в то, что она действительно стояла там, а он действительно видел ее. — Я не женат.

Неожиданно для себя Камелия обнаружила, что рассматривает фотографию президента Садата на стене. Она подумала о том, насколько непредсказуемы таинственные пути Господни. Разве только минуту назад она не думала, что Зейнаб нужен отец? И разве прямо сейчас не происходило нечто важное между ней и этим человеком? Она снова посмотрела на Мансура и заметила, что верхняя пуговица у него на рубашке отсутствовала. Он едва ли был одним из богатых бизнесменов или саудовских принцев, к которым она привыкла.

«И я могу выйти замуж за такого человека? Да. Да».

— Я не сдамся, госпожа Рашид, — сказал он. — Я люблю свою страну. Египет был велик когда-то, и он снова может стать великим. Если бы у вас был непослушный ребенок, вы исправили бы это, не так ли? Вы не отказались бы от него, даже если бы этот ребенок пошел против вас. — Он поднял стул и попробовал его поставить, но увидел, что у него сломана ножка.

... Камелия вздохнула

— У меня есть ученая степень по журналистике, госпожа Рашид, — говорил он, пока осматривался, чтобы найти место, куда бы она могла сесть. — И я довольно долго работал в крупных газетах в Каире. Но мне указывали, что именно я должен писать, а я не хотел этого делать. Есть вещи, которые необходимо высказать. — Он смотрел на нее, на ее силуэт в тусклом свете, проникавшем из передней комнаты. — Вы понимаете это. Вы были вынуждены издать свое эссе в Ливане. Но, как египтянин, я издаю свою газету в Египте.

Она чувствовала интимность, стеснившуюся в этой маленькой загроможденной комнате, и сознавала, как близко стоял к ней Якоб.

— Даже рискуя своей жизнью? — спросила она.

— Чего стоит моя жизнь, если я не буду следовать своим убеждениям? Пока я могу писать и у меня есть принтер, который будет печатать мои слова, я буду продолжать, буду пытаться.

Она кивнула.

— Тогда я помогу вам, — сказала она. — Вы говорили, что живете на пожертвования. Я сделаю пожертвование. Завтра у вас будут новые пишущие машинки и новые столы, и вы будете снова в деле.

Их глаза встретились, и в течение одного мгновения шумный древний город, окружавший их, исчез.

— Но я забываю о манерах, — сказал он спокойно. — Пойдемте, я сейчас пошлю за чаем, — и он предложил Камелии свою руку, чтобы провести ее в переднюю комнату.

Рукав его рубашки закатился, и Камелия сказала:

— У вас ушиб на запястье... — Но когда она посмотрела снова, почувствовала шок. Это был не ушиб, а татуировка.

Коптский крест!

* * *

Амира не хотела делать то, что собиралась сделать, но у нее не было выбора. Она достала из-под свернутой белой одежды, все еще ожидающей паломничества в Мекку, которое она вскоре собиралась предпринять, деревянную коробку, инкрустированную слоновой костью, на крышке которой была надпись: «Аллах Всемилоостивейший».

Гнев Бога на Ибрагима проявился в рождении дочери: Худа только что родила пятую; в выкидыше Фадиллы; в неудаче Амиры найти подходящую новую жену для Ибрагима и мужа для Камелии; и, наконец, в безумном плане Ибрагима разделить дом, чтобы одну половину сдавать квартирантам, а другую оставить для семьи.

Амира не собиралась допустить этого.

Именно поэтому в любой момент к ней должен был прийти незнакомец, к визиту которого ей нужно было подготовиться. Со вздохом она закрыла ящик, где лежала одежда паломника, и понесла коробку в маленький тайный кабинет, находящийся за большим салоном. Это была со вкусом украшенная комната, расположенная в стороне, для развлечения особых гостей без вмешательства семьи. Амира навела порядок в комнате и подготовила закуски — семья не должна знать об этой встрече. Когда она осмотрела медный кофейник, поднос с печеньем и свежими фруктами, она услышала звук дверного звонка. Минутой позже слуга привел посетителя Амиры в маленький кабинет и ушел, закрыв за собой дверь.

Амира в мгновение оценила Набиля эль-Файеда: «Мужчина лет пятидесяти, элегантный, — подумала она, — в его темных волосах немного седины, он хорошо сложен, в прекрасно скроенном костюме... красивый мужчина, чем-то напоминает покойного президента Насера, с большим носом и твердым подбородком. Богат, — решила она, — очень богат. И потому не обременен финансовыми проблемами».

— Мир вам и милость Бога, господин Файед, — сказала она, предлагая ему сесть, пока сама наливала кофе. — Вы оказываете честь моему дому.

— И вам мир и милость Бога и Его благословение, — ответил он, садясь. — Это вы оказываете мне честь, саида.

Впервые Амира услышала о Набиле эль-Файеде от госпожи Абдель Рахман, которая хвалила его, после того как купила у него старинный диван и кресло. Все говорили, что он один из лучших экспертов по антиквариату в Каире, а также оценщик редких и изысканных драгоценностей. И вдобавок ко всему, честный. И поэтому, будучи в отчаянии, стремясь спасти дом от раздела и сдачи в аренду незнакомцам, Амира решила, что пришло время расстаться с драгоценностями, которые, как она поклялась, никогда не уйдут из семьи.

Среди прочего было старинное кольцо, которое Андреас Скурас подарил ей в знак своей любви.

— Скоро начнутся хамсины, — произнесла Амира, передавая Файеду кофе и поднос.

— В самом деле, саида, — согласился он, угощаясь кусочком пахлавы и долькой апельсина.

Она вздохнула.

— И тогда во всем доме будет полно пыли и песка.

Он с сожалением покачал головой.

— Хамсины — настоящее бедствие для домохозяек.

Будучи профессиональным оценщиком, Набиль эль-Файед быстро сделал собственные выводы. В Амире Рашид, сидящей на позолоченном парчовом стуле, подобно королеве, он видел женщину сильную и волевою, ее красота происходила от внутренней силы. Ее одежда была дорогой и хорошо скроенной; драгоценностей немного, достаточно лишь для того, чтобы свидетельствовать о ее вкусе и общественном положении; представительница того старшего поколения благородных, аристократических женщин, которые знали гарем и покрывало, — уходящая порода людей, исчезновение которой заставляло скорбеть Набиля эль-Файеда, любителя антиквариата и старых добрых времен.

Когда Файед только вошел, он сразу увидел на противоположной стене фотографию короля Фарука в компании красивого молодого человека. «Сын этой женщины, — решил Файед, — судя по семейному сходству». Антиквар мысленно потирал руки в восхитительном предвкушении осмотра изделий, которые госпожа Амира, несомненно, пригласила его оценить, наиболее вероятно — с намерением продажи. Судя по размерам, возрасту и великолепию дома, возрасту самой женщины, фотографии короля, Файед знал, что он может ждать встречи с чем-то редким и бесценным. Может быть, реликвии королевской семьи? Такие трофеи становились недоступными, их цена резко подсказывала, поскольку каждый коллекционер проявлял энергичность, чтобы заполучить остаток скандального, но славного прошлого Египта. Откусив кусочек тягучей и сладкой пахлавы, запив ее сладким кофе, Набиль эль-Файед задумался, какими же сокровищами госпита Амира собиралась его ослепить.

В то время как они продолжали следовать надлежащему этикету и обсуждать все, что угодно, кроме истинной цели

встречи, Файед осторожно рассматривал остальные фотографии на стене. И когда он увидел портрет Камелии, то выпалил:

— Аль хамду лилла! — После чего быстро сказал: — Тысяча извинений, саида, эта женщина — ваша родственница?

— Она моя внучка, — с гордостью произнесла Амира.

Он покачал головой в восхищении.

— Она свет, который озаряет вашу семью, саида!

Брови Амиры поднялись.

— Вы видели, как танцует моя внучка, господин Файед?

— Бог благословил меня такой удачей. И простите мою дерзость, поскольку мы с вами только что познакомились, но вы когда-нибудь видели, как танцует солнечный луч на Ниле или как танцуют птицы в облаках? Они ничто по сравнению с танцем этой Камелии!

Амира устала на него. Он назвал ее «Эта Камелия»?

— Я знаю, что ее муж героически погиб в Шестидневной войне, пусть Господь сделает Небеса местом его обитания. И оставил прекрасную Камелию одну с дочерью.

— Хвала Богу, Зейнаб — хороший ребенок, — медленно сказала Амира, захваченная врасплох его довольно неподходящим введением темы Камелии в беседу. Существовали определенные правила и этикет для каждого диалога, а господин Файед отклонился от выполнения норм поведения и морали.

— Я давно мечтал познакомиться с леди, но я не хочу оскорбить ее, приблизившись к ней без надлежащего представления.

Амира моргнула. Говорил ли мужчина то, о чем она сама думала? Амира постепенно пришла в себя после его неожиданной инициативы и сказала:

— У вас, должно быть, понимающая жена, господин Файед, раз она не ревнует.

— Моя жена — замечательная женщина, саида, но я больше не женат на ней. Мы дали взаимное согласие на развод пять лет назад, когда старший из моих сыновей женился и поселился вместе со своей женой отдельно. Бог наградил меня восемью прекрасными детьми, но они уже все самостоятельные. И теперь, когда эта часть моей жизни завершена и я все еще в добром здравии, я посвящаю свое время коллекционированию красивых вещей. — Он поставил пустую кофейную чашку и покачал головой. — Меня удивляет, что ваша прекрасная внучка не вышла замуж во второй раз, саида.

«Так, — подумала Амира, — я права. Господин Файед как раз начал переговоры о браке». Когда она поставила чашку на блюдце, она пересчитала основные преимущества, которые господин Файед только что предложил: он не был женат, не искал женщину, которая бы родила ему ребенка, он был здоров, финансово обеспечен и хотел Камелию. Однако же она сказала:

— Мужчинам может нравиться смотреть на танцовщицу, господин Файед, но немногие хотят на ней жениться.

— Слабость ревнивых, моя дорогая леди! Во имя Пророка, да благословит его Господь, я не такой человек! Если я владею предметом редкой красоты, я показываю его людям!

С милостивой улыбкой Амира потянулась за кофейником, мысленно добавив еще два положительных качества к списку достоинств господина Файеда: не ревнивый человек, он разрешит Камелии продолжать карьеру.

Его глаза снова метнулись к портрету Камелии, и он добавил:

— Конечно, такая красивая женщина, как Камелия, с безупречной репутацией, вдова героя войны, будет стоить большого калыма. Что-нибудь меньшее было бы оскорблением.

Амира разлила кофе в тонкие фарфоровые чашки и подумала: «Заключительный аккорд — он щедро заплатит».

И затем, поинтересовавшись, под какой звездой родился господин Файед, она осторожно задвинула коробку с драгоценностями за атласную подушку и сказала:

— Мой дорогой господин Файед, если вы хотите, я с удовольствием представлю вас своей внучке...

* * *

Якоб заметил потрясение Камелии.

— Вы не знали, что я христианин? — спросил он.

Они все еще стояли в маленькой задней комнате, Камелия как будто приросла к месту.

— Я... думала, вы еврей.

— Это имеет какое-то значение?

Она колебалась слишком долго, прежде чем сказала:

— Нет. Конечно нет. Такие вещи никогда не должны мешать бизнесу.

— Бизнес?

Камелия потянулась в сумочку дрожащей рукой. Как могла она так ошибаться?

— Это не социальный запрос, господин Мансур. Моя тетя попросила, чтобы я показала вам эссе, которое она написала, и узнать, сможете ли вы напечатать его в своей газете.

Из-за того, что она не смотрела на него, она не заметила выражения разочарования в его глазах.

— Я буду рад прочитать его, — сказал он мягко, беря у нее эссе.

Камелия отвела глаза, пытаясь привыкнуть к этому новому, ужасному факту: Якоб Мансур — один из этих отвратительных злодеев, которые пытались убить дядю Хакима!

Он читал вслух напечатанный Дахибой текст: «Женщины не стремятся низложить Святой Закон, потому что он написан в Коране, но хотят устранить несправедливость, которая проявляется вне закона. Мы чтим свято то, что написано в Коране, но то, что там не написано, мы требуем исправить. Женщины Египта призывают обязать мужчину на законных основаниях сразу сообщать жене, если он разводится с нею; сообщать жене, если он берет вторую или третью жену; право первой жены развестись с мужем в случае, если он возьмет вторую жену; право женщины требовать развода, если ее муж наносит ей телесные повреждения; и, наконец, мы призываем положить конец зверской практике женского обрезания».

Он рассматривал Камелию с загадочным выражением лица.

— То, чего требует ваша тетя, разумно, — сказал он, — но мужчины смотрят на это иначе. Есть даже такие, которые утверждают, что феминизм — оружие империалистического Запада, чтобы дестабилизировать арабское общество и уничтожить нашу культурную уникальность.

— Вы верите в это?

— Если бы верил, я не опубликовал бы ваше эссе. Вы знали, что тираж газеты с вашим эссе был так хорошо принят в ноябре, что мы выпустили ее снова, и еще больше людей обратились с просьбами о копиях? Главным образом, женщины, но и некоторые мужчины тоже.

Он сделал паузу и, когда она ничего не ответила, спросил:

— Почему мы боремся? Мусульманин или копт, мы все арабы.

— Простите, — сказала Камелия, неспособная выдержать его пристальный взгляд. — Моего дядю избили христиане. Они пытались повесить его — это было ужасно!

— Плохие люди есть в каждой религии. Вы думали, что мы все убийцы? Госпожа Рашид, христианство — кроткая религия, религия мира...

— Мне нужно идти, — сказала она, проходя мимо него в переднюю комнату. — Пожалуйста, простите меня, но...

Вдруг два молодых человека в белых галабеях побежали вниз по переулку, крича: «Нет христианам!» Камелия повернулась, поразившись, что они швырнули камни, разбивая вдребезги то, что осталось от окна, и отправляя в полет осколки. Она вскрикнула, и Якоб быстро увлек ее в безопасное место. Когда они услышали, что бегущие шаги удаляются вниз по переулку, они все еще держались друг за друга; и когда снова воцарилась тишина, они продолжали держаться друг за друга.

— С вами все в порядке? — пробормотал Якоб, крепко обхватив руками Камелию.

Она прошептала:

— Да, — и почувствовала, как его сердце сильно бьется совсем рядом с ее сердцем.

А затем его губы встретились в поцелуе с ее губами, и Камелия поцеловала его в ответ.

Внезапно она отстранилась:

— Зейнаб! Моя дочь там!

Она встретила Рэдвана в переулке, бегущего по направлению к ней, его рука была внутри куртки, готовая достать оружие, которое, как она знала, было у него всегда наготове.

— Подожди! — сказала она, переводя дыхание. — Я в порядке! Это была просто шутка.

Когда она увидела, с какой подозрительностью большой сириец сердито посмотрел на Якоба, ее сердце заколотилось. Она была наедине с мужчиной, который не был ее родственником, и она позволила ему поцеловать себя. Если бы Рэдван об этом узнал, он убил бы Мансура.

— Все хорошо, Рэдван, — сказала она. — Господин Мансур — старый друг. Со мной действительно все в порядке. Пожалуйста, возвращайся к машине и скажи Зейнаб, что я буду через минуту.

Когда телохранитель ушел, Камелия обратилась к Якобу и сказала:

— Я больше не приду сюда. И вы, пожалуйста, не приходите на мои концерты. Мы с вами никогда не сможем быть

вместе. Это слишком опасно, и... — ее голое дрогнуло. — Я должна подумать о своей дочери. Да хранит вас Господь, Якоб Мансур! И пусть ваш Бог защит вас. Аллах маки!

35

Когда наступил рассвет над пустыней Невада, Рахель обратилась к Жасмин, которая вела машину, и сказала:

— Я не могу больше выносить эту неопределенность. Скажи мне, пожалуйста, куда мы едем?

Жасмин улыбнулась и сильнее нажала на педаль газа.

— Ты увидишь. Мы почти приехали.

«Приехали куда?» — задавалась вопросом Рахель, глядя из окна на унылый пейзаж. Когда два часа назад они приблизились к огням Лас-Вегаса, она подумала: «Жасмин привезла меня играть в азартные игры!» Но это оказалось только остановкой для завтрака. Часом позже они снова ехали по шоссе, направляясь на север, в сторону бесплодной пустыни. И теперь солнечный свет начал проглядывать из-за холмов справа от них, освещая красную пустыню, зловещие кактусы и суровые горы с темными тенями словно вырезанных в них западных лиц. Было красиво, но жутко, потому что Рахель понятия не имела, где они были и почему.

— Ты ведешь себя, как сумасшедшая, особенно в последнее время, Жэс, — сказала она подруге. — А я сумасшедшая, раз согласилась поехать с тобой. Куда мы едем?

Жасмин засмеялась.

— Ну же, ты ведь в течение нескольких недель говоришь мне, как сильно тебе необходимо уехать, хотя бы на один день. Прими это и наслаждайся.

Рахель все-таки согласилась, что длительная поездка имела, как ни странно, терапевтический эффект, пока они следовали за фарами «форда-тандерберда» по шоссе высшего класса, которое было построено исключительно для того, чтобы соединить Лас-Вегас с Лос-Анджелесом. Они пропускали другие автомобили, машины калифорнийского дорожного патруля, несколько прицепов, везущих лодки к реке Колорадо, и большое количество автобусов-«челноков», загруженных завсегдатаями вечеринок и игроками. Они ехали через маленькие выбеленные городки, которые закрываются на ночь, и мимо случайной ярко освещенной кофейни. Но в ос-

новном они мчались через молчаливую темноту к горизонту, освещенному звездами. Прокладывая себе путь по лабиринту лос-анджелесских автострад, Рахель и Жасмин говорили о пациентах и о медицине вообще; и когда здания и другие признаки жизни стали попадаться все реже, Рахель решила: она довольна тем, что приняла приглашение Жасмин совершить ночную прогулку по пустыне. В конце концов, сегодня она не работала, а Морт предложил посидеть с ребенком.

— Обещаю, мы вернемся к вечерним новостям, — сказала Жасмин.

И теперь, наконец, после поездки через Моджэйв, словно зависнув между дорожным покрытием и ночью, они увидели, как солнце поднялось из-за красных холмов — подобно большому желтому воздушному шару. В мгновение ока мир был омыт дневным светом, и Рахель различила забор из цепей в нескольких ярдах от дороги, с табличкой, на которой было написано: «Правительственная собственность: проход запрещен». Минутой позже она увидела впереди другие транспортные средства, и Жасмин замедлила движение своего «тандерберда».

— Где мы? — спросила Рахель, открывая окно и чувствуя холодный воздух пустыни у самого лица.

Жасмин остановила машину среди других, припаркованных на песке и указала на вывеску слева от нее. Когда Рахель прочитала ее, она сказала:

— Испытательный стенд штата Невада. Жэс, что все-таки мы делаем здесь? И кто все эти люди?

— Мы на митинге, Рахель! — объяснила Жасмин. — Митинг против ядерных испытаний. Я увидела объявление об этом в газете. Правительство производит сегодня подземное ядерное испытание, и мы все здесь, чтобы предотвратить это. Пойдем!

Рахель увидела пролом в заборе, где грузовик вспахивал поле; другие автомобили следовали за ним, и большая толпа собиралась в холодном рассвете. Когда они с Жасмин шли по хрусткой земле, застегнув молнии ветровок и подняв воротники, чтобы защититься от холода, Рахель приблизительно подсчитала, что прибыло несколько сотен человек, и люди все еще продолжали подъезжать. Большинство из них просачивались сквозь пролом в заборе и колючую проволоку. Несколько человек несли пикеты с надписями «Бомба» и

«Нет ядерному оружию!», но это было необычайно тихое и организованное сборище, состоящее из интеллектуалов и профессионалов, как заметила Рахель, и нескольких подозрительно выглядящих представителей ЦРУ, перемещающихся в толпе с камерами. Были также машины средств массовой информации от различных телевизионных станций, и передвижная станция видеожурналистики, и были репортеры, делающие моментальные снимки. Люди в униформе присутствовали в большом количестве — патрульная полиция штата Невада и полиция военно-воздушных сил. Военные вертолеты жужжали над головой.

Когда они собирались шагнуть сквозь пролом в заборе, Жасмин сказала:

— Давай лучше не пойдем туда. Это охраняемая территория, федеральная собственность. Заходить на нее никому не позволено. Если мы сделаем это, нас могут арестовать.

— Но все те люди вошли туда.

— Некоторые из тех людей хотят, чтобы их арестовали, чтобы приобрести известность. Федералы не смогут испытать ядерную бомбу, если на участке находятся люди. Мы не рядом с действительным испытательным стендом, но тех нескольких ярдов с другой стороны забора достаточно, чтобы не допустить проведение испытания.

— Тогда почему мы с тобой здесь?

Жасмин улыбнулась таинственно:

— Ты увидишь.

Когда они подошли ближе к ограждению, она начала внимательно рассматривать толпу.

— Вот это да, здесь есть даже некоторые знаменитости, — сказала Рахель, с удивлением узнав знакомые лица, — вот астроном Карл Саган, и доктор Спок, и нобелевский лауреат Линус Паулинг. — Кого ты ищешь? — спросила она. И прежде чем Жасмин успела ответить, она увидела его, стоящего около передвижной станции видеожурналистики с бумажным стаканчиком в руке.

— Эй, — воскликнула Рахель, — это случайно не доктор Коннор с медицинского факультета?

— Да, — ответила Жасмин, глядя на него. — Я не видела его в течение семи лет.

Рахель уставилась на нее.

— Это из-за него мы приехали?

— Здесь его жена, Сибил.

Жасмин смотрела на Коннора, пока не увидела, что он поглядел в ее сторону и отвернулся. А затем он посмотрел снова, как будто в замедленной съемке. И когда она увидела выражение радости на его лице, ее сердце заколотилось.

— Привет, — крикнул Конор, направляясь к ним. — Жасмин! Я все думал, могли ли вы оказаться здесь сегодня.

— Здравствуйте, доктор Коннор. Мне кажется, вы не встречались с моей подругой Рахель? — Когда она произнесла это, Жасмин вспомнила, что именно Рахель прервала их последний совместный вечер, когда они почти поцеловались. И когда она спрашивала себя, что могло бы случиться, если бы они с Декланом отправились вместе ужинать, она задавалась вопросом, помнил ли и он этот вечер и думал ли о том, что могло бы быть.

«Внешне он изменился очень мало, — подумала она, — за исключением того, что стал еще более привлекательным, чем когда-либо — сильный и загорелый, с морщинками вокруг глаз». Но в его волосах еще не появилась седина, и его широкий шаг демонстрировал силу и энергию, которую она помнила, энергию, которая руководила им. За семь лет она получила от него девять писем из девяти разных стран.

— А где ваш сын, доктор Коннор? — спросила она, отступая в сторону, потому что большое количество вновь прибывших людей проталкивались через сломанный забор.

— Нет, мы не взяли Дэвида. Мы с Сибил приехали сюда в надежде, что нас арестуют. — Он расплылся в улыбке. — Это единственный способ получить какую-нибудь приличную известность ради благого дела. — Он посмотрел мимо нее и Рахель, а затем спросил: — Ваш муж приехал с вами?

— Я больше не замужем. Мы с Грэгом развелись в начале этого года.

Деклан, казалось, смотрел на нее очень долгое время, глядя в ее глаза — как будто прямо в душу, и она задавалась вопросом, осталось ли еще между ними то, что, возможно, было когда-то.

— Я знала, что вы собираетесь приехать сюда, доктор Коннор, — быстро сказала Жасмин. — Ваше имя было среди других, упомянутых в газете. Я приехала, потому что хотела сообщить вам свои новости. — Она повернулась к Рахель. — И тебе я тоже хочу кое-что сообщить.

— Большой сюрприз, который ты обещала мне? — спросила Рахель.

— Я вступила в Фонд Тревертон.

— Что? — воскликнул Коннор. — Это же просто изумительно! — И на мгновение Жасмин испугалась, что он обнимет ее. Но вместо этого он сказал: — Мы с Сибил только проездом в Соединенных Штатах по пути в Ирак, и я не связывался с Фондом уже в течение нескольких недель, поэтому мне не сказали. Значит, теперь в Египет, не так ли? У нас довольно насыщенная программа вакцинации по побережью Верхнего Нила.

— О нет, — сказала она быстро. — Я не еду в Египет. Я завербовалась для поездки в Ливан, в лагеря. У них, похоже, потребность во врачах очень большая.

— Да, потребность везде большая, — сказал он, снова делая паузу, чтобы посмотреть на нее. Она увидела, как что-то мелькнуло в его глазах — недолгий взгляд озабоченности или беспокойства, — а потом пропало.

— Я рад, что вы решили присоединиться к нам, — спокойно сказал он. — Я боялся, что один из наших конкурентов мог перехватить вас. Один из этих плавучих госпиталей, которые предлагают так много приключений. Вы нужны нам. — Его глаза еще на минуту встретились с ее взглядом, а потом Рахель сказала:

— Программа начинается.

Когда они повернулись, чтобы посмотреть на грузовик, Коннор засмеялся и сказал:

— Мы тянули соломинку, чтобы определить очередность выступающих, потому что слушать будут только первых!

Неожиданно по толпе прокатился ропот, и все затихли. Жасмин видела, как женщина поднялась на грузовик и заговорила в микрофон.

— Это доктор Хелен Калдикотт, — сказал Коннор, — основатель организации «Врачи за социальную ответственность». Ее называли матерью движения против ядерного оружия. Согласно ее теории ракеты являются фаллическими символами, а военные лидеры участвуют в соревновании, которое она называет «зависть ракете». Умная игра, основанная на учении Фрейда, вы так не думаете?

Жасмин сделала шаг к забору и услышала, как резко выступает австралийский педиатр против ядерного оружия.

— Вы должны смотреть на планету, как будто это ребенок! — сказала Калдикотт, и ее голос прозвучал над головами зрителей. — И у этого ребенка была обнаружена лейкемия! Теперь вообразите, что это ваш ребенок. Разве вы не перевернули бы каждый камень, чтобы только ребенок жил?

Пока она слушала, Жасмин чувствовала присутствие Коннора, стоящего так близко к ней, что они почти касались друг друга. Одну руку он положил на забор, его пальцы обхватили звено цепи, а суставы побелели. Жасмин сдерживалась, чтобы не положить свою руку поверх его ладони.

— Ну, теперь моя очередь, — сказал он, когда Калдикотт закончила свое выступление под аплодисменты. — Ругайте меня, чтобы я вымолвил хотя бы два слова, — и он подмигнул Жасмин.

Коннор присоединился к доктору Калдикотт и взял у нее микрофон. Он начал говорить — со своим четким британским акцентом и голосом, настолько командным, что даже патрульные и сотрудники ЦРУ обратили на него внимание.

— Распространение в настоящее время ядерного оружия не только безответственно, это поразительно безумное действие. Это национальный позор, — сказал он, — что расходы на здравоохранение не составляют даже семнадцати процентов от затрат на военные цели!

Жасмин не отрывала от него глаз, когда он говорил, наблюдая, как пустынный бриз шевелил его темно-каштановые волосы и терзал воротник его твидового пиджака.

— А что сулит это будущему планеты? — спросил он. — Что получают в наследство наши дети? Бомбы, радиацию и страх?

Когда он посмотрел направо, в сторону Жасмин, бросив взгляд над головами толпы, она почувствовала, что ее пульс участился. Одинокий ястреб кружил в небе, наблюдая за тихим собранием, затем устремился прочь от траектории вертолета.

— Мы все несем ответственность за детей мира! — почти прокричал Коннор. — Позаботиться о том, чтобы наши сыновья и дочери унаследовали здоровую, мирную планету — это не только обязанность родителей, но и задача каждого отдельно взятого живущего индивидуума.

Жасмин затаила дыхание. Она не думала, что можно быть более влюбленной в него, чем она уже была.

Патрульный полицейский внезапно прервал его, говоря в мегафон:

— Вы пересекли границу правительственной собственности, — сказал он толпе. — Это незаконный митинг. Если вы немедленно не покинете владение, то будете арестованы.

Коннор проигнорировал мужчину и продолжил выступление.

Полицейский повторил свое предупреждение, и, когда Коннор отказался уйти, начались аресты. Жасмин была поражена тем, как аккуратно и мирно была прекращена демонстрация — без нарушения общественного порядка, без борьбы, лишь с небольшим сопротивлением. Коннор вышел из грузовика, и представитель полиции военно-воздушных сил взял его за руку и увел под конвоем; Жасмин видела, что он шел спокойно и с достоинством к ожидающему его военному автомобилю. Сибил Коннор следовала за ним.

— Ну, — сказала Рахель, — он получил свой арест!

Телевизионный репортер преградил им путь и сунул микрофон в лицо Коннора:

— Какие-нибудь комментарии для наших телезрителей?

Коннор сердито взглянул на него.

— Это вопиющий факт, что в наши дни дети во всем мире все еще умирают от полиомиелита! Вы сталкиваетесь с бедным искалеченным ребенком в Кении, и вам приходится рассказывать ему, что таким он останется на всю жизнь. Этому нет никакого оправдания! И в то время, как эти проклятые ядерные боеголовки производятся за большие деньги и подвергают риску планету, сорок тысяч невинных детей в странах Третьего мира умирают каждый день от обычных болезней, которые легко можно предотвратить иммунизацией.

Когда его увели, репортер кричал ему вслед:

— Конечно, это невозможная цель, доктор Коннор, иммунизировать каждого ребенка в мире!

— Имея средства и трудовые ресурсы, — начал было он, но его затолкали в полицейский автомобиль, захлопнули и заперли за ним дверь.

* * *

— Ты была права, я рада, что приехала сюда, — сказала Рахель, когда толпа рассеялась и они с Жасмин пошли назад к их автомобилю. — И Морт будет доволен, что у меня хватило ума не попасть под арест! — Она ждала с пассажирской сторо-

ны машины, пока Жасмин отпирала дверь. — Но доктор Коннор прав, Жэс, почему ты не возвращаешься в Египет?

— Я пообещала себе самой, Рахель, — объяснила Жасмин, когда села в машину и отпирала другую дверь, — что я никогда туда не вернусь.

— Но почему?

Жасмин повернулась на своем сиденье лицом к подруге.

— Рахель, я собираюсь сказать тебе кое-что, чего я никогда не говорила ни единой живой душе, даже Грэгу. Я уехала из Египта с позором. Фактически мой отец выгнал меня, потому что я переспала с человеком, который не был моим мужем, и забеременела от него. Мы не были возлюбленными, мы были врагами. Он вынудил меня. Он угрожал разрушить мою семью, если я не займусь с ним сексом. Я сопротивлялась, но он был сильнее. И именно так я уехала из Египта.

— Разве твоя семья не знает, что это была не твоя вина?

— В их глазах это моя вина. В Египте честь — это все. Женщина должна предпочесть смерть позору себе и своей семье. Они забрали у меня моего сына и сказали, что теперь я все равно что мертвая. Я не вернусь к ним.

— Но откуда ты знаешь, что они не сожалеют о том, что сделали? — спросила Рахель. — Откуда ты знаешь, что они не хотят, чтобы ты вернулась назад? Жасмин, ты должна, по крайней мере, это выяснить. Ты не можешь прожить жизнь, злясь на них.

Жасмин наблюдала, как мимо проехали военные полицейские машины; она задумалась, куда они повезли Коннора. Она думала о радостном выражении его лица, когда она сказала ему, что вступила в Фонд. И, возможно, он хотел обнять ее, но сдержался.

— Ты не скучаешь по своей семье, Жэс? — спросила Рахель. Она смотрела на подругу с озабоченностью во взгляде.

— Я очень скучаю по своему сыну. И по своей сестре, — ответила она. — Мы с Камелией были очень близки, когда были маленькими... — Она завела машину и медленно поехала обратно в сторону дороги, присоединяясь к остальному выезжающему транспорту.

— Как насчет завтрака в Лас-Вегасе? — спросила она.

— Да, — сказала Рахель со смехом. — И ты можешь рассказать мне все о волнующих воображение лагерях беженцев, куда ты вызвалась отправиться.

Пока Жасмин вела свой «тандерберд» к полосе движения, она глядела сквозь ветровое стекло на военные автомобили далеко впереди и чувствовала, что разволновалась. Совсем не обязательно, что она будет работать с Коннором; возможно, даже никогда не будет. Но они будут работать по одним и тем же соображениям, в одном и том же Фонде. Она хотела захватить на близлежащий холм и прокричать о своем счастье всему миру. Вместо этого она крепче сжала руль и решила, что ей обязательно нужно написать письмо Камелии.

36

Все в доме было перевернуто вверх тормашками от волнения по поводу ожидаемого возвращения Камелии из Европы. Слуги провели все утро, чистя, полируя и убирая, в то время как Амира руководила расстановкой цветов, планировала меню завтрака и обеда и определяла, в каких комнатах останутся родственники, которые приедут из-за города.

Лишь Нефисса, которая находилась у входа в фойе и просматривала только что доставленную почту, не была возбуждена в связи с возвращением племянницы. Игнорируя звуки кипучей работы повсюду в доме, девочек, зовущих друг друга, и два радиоприемника, настроенных на разные станции, она методично просмотрела конверты и открытки, отмечая в уме, кто что получил и от кого, — ежедневный ритуал, который она считала своей привилегией из-за своего статуса в доме, являясь, помимо всего прочего, дочерью Амиры и матерью ее единственного внука. И она обрадовалась, найдя среди конвертов в этот горячий августовский полдень открытку от того самого внука, Омара, из Багдада, в которой говорилось, что он будет дома в течение недели. «Аль хамду лилла! — подумала она. — Слава богу. И пусть мой сын благополучно вернется домой».

Возвращение Омара означало, что она и Нала, его жена, и дети возвратятся в садовый дом в Булаке, так как во время пребывания на улице Райских Дев, когда Омар уезжал в командировку, она не была хозяйкой дома. В Булаке, однако, Нефисса управляла домашним хозяйством подобно королеве, взяв на себя заботу о восьмерых детях, контролируя слуг, планируя приемы пищи и отдавая распоряжения уступчивой Нале. Особенно ей нравилось то, что она опять могла быть матерью Омару,

а также бабушкой внуку Мохаммеду, который, конечно, тоже отправится в Булак вместе с ними. Нефисса беспокоилась по поводу того, как ее мать последнее время наблюдала за Мохаммедом; Амира уже обдумывала «подходящую партию для брака». Но мальчику было только восемнадцать, и он был студентом университета; кроме того, Нефисса чувствовала, что привилегия поиска жены для внука принадлежит ей, а не Амире.

Она продолжила сортировать почту: там было два письма для Басимы и Сакинны — судя по почтовой марке, из Ассиута; для Тьюфика — счет от дорогого портного с улицы Каср-Эль-Нил, а для Ибрагима — небрежная записка от отца Худы, продавца бутербродов: несомненно, он опять просит денег. Нефисса считала, что ее брат унизил семью, женившись на девушке значительно ниже себя по положению — на своей медсестре! И что эта ленивая девчонка произвела в ответ на такую милость? Аллах! Пять дочерей!

Когда Нефисса услышала звонок у входной двери, она выглянула и увидела богатого друга Амиры, господина Набиля эль-Файеда. Когда слуга проводил его через фойе в большой салон, Нефисса снова задалась вопросом, что за дела были у ее матери с этим человеком. Он, казалось, был прекрасной кандидатурой для брака. «Очень привлекательный, — подумала Нефисса, — солидный, успешный, как я слышала, удачлив в антикварном бизнесе. Но кандидатура в мужья — для кого? — задавалась она вопросом. — Кого из многочисленных девочек семьи Рашидов Амира имела в виду для этого пятидесятилетнего мужчины?»

Когда Нефисса уже заканчивала сортировку почты, она вдруг так и застыла. Последнее письмо в стопке было адресовано Камелии — с маркой Соединенных Штатов и калифорнийским почтовым штемпелем. Еще одно письмо от Ясины! Нефисса схватила его так крепко, что почти измяла конверт.

Она знала, о чем было письмо Ясины к Камелии: в нем то же самое, что и в том, которое пришло вместе с открыткой ко дню рождения еще в мае и которое Нефисса открыла и прочитала, прежде чем уничтожила его. Ясмина не выдавала себя и ничего не заявляла, но было ясно, что она планировала возвращение в Египет. Нефисса не хотела, чтобы ее племянница вернулась. Она упорно трудилась, чтобы вычеркнуть мать Мохаммеда из его сердца, заставить его забыть Ясмину, сделать его полностью своим. Он был ее любимым внуком, потому что

был сыном Омара. Если жизнь обошла ее, а любовь уклонилась от нее, оставив ее в пятьдесят шесть лет разочарованной и незамужней женщиной, по крайней мере, у нее был внук.

И она не собиралась делить его с матерью, которая раз в год посылала открытку ко дню рождения, а через четырнадцать лет вдруг решила появиться — как гром среди ясного неба. Ибрагим объявил Ясмину мертвой; пусть мертвой она и остается.

Она вернула почту обратно в корзину для остальных посланный и покинула вестибюль с письмом Ясины в кармане. Когда она вошла в салон, где Амира подавала чай господину Файеду, рассуждая о высокой температуре в августе и сообщая ему о том, как семейство привыкло проводить лето в Александрии «в дни Фарука», Нефисса увидела свою пятнадцатилетнюю племянницу Зейнаб, сидевшую у окна и не сводившую глаз с дороги. И Нефиссу пронзила острая боль зависти и сожаления, в озарении она увидела себя, сидящую на том же самом месте и с тревогой глядящую сквозь то же самое окно, много лет назад, больше даже, чем она хотела бы считать. Когда она поспешила на кухню, где два повара громко спорили о том, сколько лука-порей нужно класть в суп из шпината, Нефисса опять задалась вопросом — какой поворот приняла бы ее жизнь, если бы она смогла выйти замуж за своего английского лейтенанта?

Зейнаб ждала не мужчину в этот душный полдень, а Камелию. Ее мать в течение почти пяти месяцев курсировала по Европе со своим оркестром, а сегодня она должна была возвратиться. В то время, пока девочка осматривала каждый автомобиль, который поворачивал на улицу Райских Дев, она играла с ожерельем, которое господин Файед подарил ей на день рождения: слезинка жемчуга на старинной серебряной цепочке. Зейнаб стеснялась своих човых чувств, которые активизировались в ее теле. Она начала замечать, какими мускулистыми были некоторые ее кузены, ее восхищали их квадратные подбородки, когда они говорили, и каждый раз, когда кузен Мустафа уходил из комнаты, она ловила себя на том, что рассматривала его заднюю часть столь совершенной чашевидной формы, в узких брюках, которые он всегда носил.

Она была потрясена и стыдилась своих мыслей. Почему она думала о таких вещах? Потому ли, что она не подверглась секретной операции, о которой иногда шептались девочки в школе, — очистительное иссечение, которое им де-

ляли, когда они были маленькими? Зейнаб вспомнила, как проснулась однажды ночью, разбуженная криком, когда ей было пять лет; она заглянула в ванную и увидела на полу свою кузину Асмахан, тетя Тахия держала ее, а умма держала в руке лезвие. Что они сделали с пятилетней Асмахан? Почему они не сделали этого с ней самой?

Она всегда чувствовала, что отличается от других членов семьи не только протезом на ноге, но и другими особенностями. Все Рашиды были смуглыми, включая ее мать, Камелию, а кожа Зейнаб была светлой, и ее волосы становились с каждым годом все светлее, пока не стали одного цвета с волосами тети Ясмینی, которую она никогда не встречала, но чью фотографию она видела каждый раз, когда стелила постель своему кузену Мохаммеду. А иногда Зейнаб замечала, что умма или дедушка Ибрагим смотрят на нее так задумчиво, как будто она была какой-то загадкой, которую они пытались разгадать. Зейнаб переполняли вопросы. Почему в семейных альбомах нет ни одной фотографии ее отца, который был убит на войне? Или фотографий его семьи? Где были ее другие бабушка, дедушка и кузены? Спрашивать о таких вещах, как однажды ей мягко сказала умма, было непочтительно по отношению к мертвым, и поэтому Зейнаб оставила свои вопросы при себе.

Но теперь были новые, «барахолка вопросов», как сказал бы дядя Хаким. И эти последние были вопросами о мальчиках, о любви и сексе.

Ее внимание неожиданно привлекла фигура внизу на улице — ее кузина Асмахан! Зейнаб почувствовала острую боль зависти. В те же пятнадцать лет Асмахан была поразительно красива; все говорили, что она была копия своей бабушки Нефиссы, когда та была девочкой. Но, как ни странно, Асмахан хотела скрыть свою красоту. Даже в полном сумраке, когда пешеходы прогуливались по улице Райских Дев в летних платьях, слаксах и рубашках с воротниками, открытыми у шеи, Асмахан была задрапирована в длинное платье, которое опускалось ей до лодыжек, вокруг ее головы был намотан кеяб, на руки надеты перчатки, а на ноги — носки.

Зейнаб не могла поверить тому, что увидела.

Лицо Асмахан теперь было полностью закрыто покрывалом! Даже глаза не выглядывали! Как она видела, куда нужно идти?

В то время, пока Зейнаб наблюдала, как Асмахан исчезает в доме, она задалась вопросом, посещают ли ее кузину

иногда беспокойные мысли о мальчиках. «И не только о мальчиках», — в тревоге поняла Зейнаб, услышав, как салон наполняется мужским смехом.

Набиль эль-Файед, богатый антиквар, рассказывал умме шутку. Зейнаб испытывала к нему невероятную страсть с тех пор, как он подарил ей ожерелье с жемчужиной и сказал, какая она симпатичная. И каждый раз, когда она мечтала о том, что когда-нибудь выйдет замуж, жених был обязательно похож на господина Файеда.

Наконец в конце улицы появилось такси. Когда оно подъехало к остановке, ограниченной бордюром перед домом и Зейнаб увидела, как выходит Камелия, она отвернулась от окна и закричала:

— Аллах! Они здесь! Они вернулись из Европы!

Амира поднялась и прошептала:

— Слава богу, — она улыбнулась господину Файеду. Она пригласила его на возвращение домой Камелии со скрытой целью: чтобы он мог увидеть, какая она хорошая мать.

Они вошли с чемоданами и утомленными улыбками: Камелия, Дахиба и Хаким, в то время как члены семьи, главным образом пожилые женщины и юные девочки, собрались вокруг них, восхваляя Господа за их благополучное возвращение. Сегодня вечером, когда мужчины вернутся с работы, а мальчики — из школы, будет грандиозная вечеринка, после которой Камелия собиралась устроить специальный показ в отеле «Хилтон».

Когда Зейнаб оказалась в объятиях матери, крепко обнимая ее и наслаждаясь знакомым сладким ароматом Камелии, она прикусила язык, чтобы у нее не вырвались все те вопросы, которые она хотела задать. Почему ее мать внезапно решила совершить турне по Европе? Она сообщила об этом после того, как они вернулись после поездки в редакцию малотиражной газеты на улице Аль Бустан. Зейнаб не знала, что там случилось, но слышала звук разбитого стекла, а затем туда побежал Рэдван, и, наконец, ее мать вернулась в машину, бледная и дрожащая. Через три часа она объявила о намерении совершить тур со своим шоу по Европе.

«Но причина поездки больше не имеет значения, — думала Зейнаб, обнимая мать. — Мама вернулась, и теперь можно ехать домой».

Когда Камелия обняла свою дочь, она подумала: «Как выросла Зейнаб всего за четыре месяца! Она почти женщина! Такая красивая, и так полна любовью, которую можно подарить достойному мужчине. — А затем ее мысли омрачились. — Кому нужна жена-инвалид? Какой мужчина, видя ее ногу, не будет думать о том, что то же самое уродство обнаружится у его детей?» С момента рождения Зейнаб все знали ее судьбу, почему ее и не подвергли обрезанию, когда она была ребенком. Цель женского обрезания состояла в том, чтобы уменьшить сексуальное желание, таким образом сохраняя преданность жены мужу, а в случае с Зейнаб это была излишняя предосторожность.

Но если Камелии не нужно было думать о поисках мужа для своей приемной дочери, Зейнаб, тем не менее, нуждалась в защитнике мужского пола, особенно теперь, когда она становилась женщиной, а значит, вдвойне уязвимой. Камелия слишком хорошо знала, какие опасности скрываются в мире, опасности, от которых могут пострадать даже самые защищенные женщины. Разве ее собственная сестра не была замужем, уважаемая жена и мать, когда стала жертвой Хасана аль-Сабира?

Внезапное воспоминание о Ясмине напомнило Камелии о другом ее опасении, которое росло в последнее время, поскольку Зейнаб приближалась к взрослой жизни: опасение, что неожиданно явится Ясмина и потребует свою дочь обратно.

«Она моя, — думала Камелия, заняв почетное место в салоне. — Ясмина отказалась от нее. Зейнаб моя дочь, я никогда не отдам ее, и она никогда не должна узнать правду о своем настоящем отце, об этом убитом монстре Хасане аль-Сабире!»

Все домочадцы по очереди приветствовали Камелию поцелуем, даже Нефисса, с письмом Ясмины, надежно спрятанным в кармане; позднее она уничтожит его, как и предыдущее. И когда все расселись, были принесены чай и печенье, Амира представила Камелии, Дахибе и Хакиму господина Файеда как старого друга, хотя они никогда прежде не слышали этого имени.

Камелия сказала:

— Добро пожаловать в наш дом, господин Файед. Да снизойдет на вас мир Господа. — Но она бросила на бабушку любопытный взгляд: «Что имела в виду Амира, пригласив этого незнакомца в дом в это время? Конечно, за этим скрывается какая-то причина». Камелия знала, что ее бабушка никогда не действовала без цели.

С очевидной гордостью Амира произнесла:

— Господин Файед — оценщик изысканных вещей.

— В самом деле? — переспросила Камелия, задаваясь вопросом, не планировалось ли продать что-нибудь из семейного антиквариата. — Это, должно быть, интересное занятие, господин Файед?

Он улыбнулся и ответил:

— Это занятие, хвала Господу, открывает мне доступ в компанию таких изысканных и обходительных людей, как саида Амира. Мне нравится оценивать красивые вещи, столь радующие глаз. Помимо этого, — добавил он со значением, — я еще и коллекционер. Я посвящаю свою жизнь окружению себя красотой, госпожа Камелия. Поэтому я имел удовольствие много раз посмотреть ваше представление.

Возникло кратковременное молчание, во время которого взрослые в салоне, включая Нефиссу, чье лицо теперь выражало шок, начали понимать истинную цель визита господина Файеда. Амира добавила:

— Господин Файед только что говорил мне, сколь удивительным он находит факт, что ты не замужем, моя дорогая.

Хаким Рауф, также застигнутый врасплох, умело вмешался. Обязанность охранять честь женщины на переговорах касательно брака обычно выпадает отцу, но, поскольку Ибрагим отсутствовал, эту роль взял на себя дядя Камелии.

— Увы, господин Файед, — сказал Рауф, слабо скрывая свое восхищение Камелией, — мужчинам нравится наблюдать, как танцует красивая женщина, но они не хотят жениться на танцовщице.

Глаза Файеда рассматривали Дахибу, которая уже ушла со сцены, но была все еще прекрасна в свои пятьдесят семь лет.

— Похоже, вы исключение, господин Рауф, — сказал он, стараясь не упомянуть прямо жену Хакима и не смотреть на нее слишком долго, поскольку оба эти действия были бы чрезвычайно оскорбительны. — Если бы я был женат на танцовщице, которую обожает весь Египет, я не был бы столь эгоистичен, чтобы скрывать ее от тех, кто поклоняется ей.

Камелия хранила молчание, и теперь, когда Хаким говорил за нее, она с удивлением осознала, что после многих лет, которые она пропустила, не выходя замуж, и только слушала переговоры о браке своих кузин, этот разговор — чудо из чудес! — должно быть, касался ее! Она в страхе внимала, как Хаким и

Файед искусно обсуждали сей предмет даже без малейшего упоминания о нем — любая прямая ссылка со стороны кого-нибудь из них была бы ужасной бестактностью, — и она обдумывала это замечательное совпадение. Разве сама она не думала о браке в последнее время ради пользы Зейнаб? Но мысли Камелии так далеко не заходили, потому что за кого бы она могла выйти замуж? Кто женится на танцовщице? А теперь господин Файед фактически сватался к ней при содействии ее семьи, и она начала задаваться вопросом, на что будет похожа совместная жизнь с таким человеком. Он был весьма привлекателен, явно зажиточен и, судя по тому, как Зейнаб улыбалась ему, уже завоевал одобрение ее дочери.

Пока Хаким дипломатично выуживал существенные детали жизни господина Файеда — адрес в дорогом районе Гелиополис, родословную, которая включала двух пашей и одного бея, и стабильное финансовое положение, которое впечатлило даже богатого Рауфа, — Камелия наблюдала за привлекательным антикваром уголком глаза.

Господин Файед не искал жену, которая бы рожала ему детей. «Я коллекционер, — сказал он. — Красивых вещей».

Но хотела ли она такого мужа?

Она уехала в Европу, чтобы выбросить Якоба Мансура из своей жизни. В течение четырех месяцев, когда она танцевала перед восторженными зрителями в гостиницах и клубах в Париже, Мюнхене и Риме, она не смогла забыть ощущение тела Якоба рядом с собой, и то, как он держал ее крепко и покровительственно, когда вандалы разбили окно в редакции его газеты. От Якоба пахло мылом, табаком и какими-то соблазнительными специями, которых она не смогла распознать. И даже теперь, когда она представила себе его, слегка полноватого, с редеющими волосами и старомодными очками в металлической оправе, она все еще чувствовала его поцелуй, сжигающий ее губы, его тело надолго оставило след в ее памяти. В итоге она так и не сумела освободиться от него. Но она приняла решение: она никогда не увидит его снова.

Особенно теперь, когда религиозные распри раздирают Каир на части. В то время, пока они с Дахибой отсутствовали, ситуация с напряженностью между мусульманами и коптскими христианами ухудшилась. Полицейские патрулировали теперь каждую коптскую церковь в Каире, мусульмане клали Коран на приборные панели своих автомобилей, христиане вешали

портреты священника Шенуды на бамперы, а мусульмане расклеивали стикеры, на которых было написано: «Нет Бога, кроме Аллаха». Во время поездки на такси из аэропорта водитель рассказал ей об арестах, которые происходят в Каире:

— Любого, кого хотя бы подозревают в том, что он имеет отношение к этим актам религиозного насилия, арестовывают.

Ради всей семьи Якоба Мансура лучше забыть.

Когда она поняла, что беседа подходит к заключению, а Хаким и Файед оба выглядят удовлетворенными, Камелия обратилась к гостю своей бабушки и сказала:

— Вы придете на мое специальное выступление сегодня вечером в отеле «Хилтон», господин Файед?

— Во имя бороды пророка, да благословит его Господь! Я не пропущу его! А вы и ваши друзья окажете мне честь поужинать со мной после концерта?

Она колебалась долю секунды, в которую увидела лицо Якоба Мансура, его очки, поднимающиеся к бровям, когда он улыбался. Затем она сказала:

— Для нас будет честь поужинать с вами, господин Файед.

* * *

Как только она вышла на сцену, то сразу овладела собой; и когда зрители, ждавшие в течение двух часов начала представления, увидели свою возлюбленную Камелию, одетую в золото, серебро и жемчуг, они взорвались в яростном вопле восхищения. Она была их богиней, они были ее почитателями. Когда она, казалось, скользила по сцене в приветственном танце, а ее покрывало легко парило в воздухе, как будто пытаясь вобрать в себя яркий свет, мужчины поднялись и кричали: «Аллах! О, сладкий мед!» Камелия смеялась и протягивала руки, как будто хотела обнять их всех, обращая особое внимание на тех, кто сидел ближе всего к сцене, потому что она пообещала себе, что не будет искать Якоба среди зрителей; она найдет Набиля эль-Файеда и улыбнется ему своей особенной улыбкой. Но она не будет искать Якоба.

Она опустила покрывало и начала чувственный танец, держа под жестким контролем каждый мускул: живот ее слегка колебался, бедра вибрировали, когда она быстро описывала ими небольшие окружности, в то время как руки двигались плавно и легко. Она кокетничала со своими зрителями; она играла с ними, а затем отступила, становясь

арабским идеалом женственности: желанной, но все же недоступной. Увидев господина Файеда за одним из самых популярных передних столиков, в темно-синем сшитом на заказ костюме, с золотыми часами фирмы «Rolex» и с золотыми кольцами, богатого, лошеного и элегантного, она улыбнулась ему своей особенной улыбкой. Она двигалась по сцене, ее глаза смотрели на обожающие ее лица, и, наконец, не в силах больше сдерживаться, она посмотрела в дальнюю часть зала.

Якоба там не было.

Когда музыка внезапно оборвалась, продолжала играть одна лишь флейта, древний деревянный най из Верхнего Египта, который издавал навязчивый, жалобный звук, подобно дудочке заклинателя змей, и огни постепенно погасли, оставив Камелию в единственном луче света. И когда она начала медленные, гипнотические движения, которые заставляли людей думать о кобрах и наркотическом дыме, ее печальные и грустные пируэты, казалось, шли прямо из сердца.

Номер закончился, и она отступила под оглушительные аплодисменты. Когда ее место заняли двадцать танцовщиц ансамбля, оживив сцену быстрым народным танцем, исполняемым в национальных костюмах и сопровождаемым криками, Камелия поспешила в свою гримерную, где ее помощницы и парикмахер помогали ей переодеть костюм.

Хаким напугал их, врываясь в помещение и крича:

— Редакцию газеты Мансура бомбили час назад!

— Что! Кто-нибудь был там? Он ранен?

— Я не знаю. Помилуй нас Бог, это ужасно! Он напечатал статью Дахибы, и теперь...

— Я должна идти, — сказала Камелия, доставая черную паранджу, которую она использовала в номере с народным танцем. — Позаботьтесь о Зейнаб вместо меня, возьмите ее к себе и скажите Рэдваму, чтобы постоянно был с ней, она не должна оставаться одна.

— Камелия, подожди! Я пойду с тобой!

Но она уже ушла.

* * *

В переулке царил хаос, люди загромождали дорогу, делая невозможным продвижение полицейских автомобилей. Камелия припарковалась в конце переулка и протискивалась

сквозь толпу, а когда увидела разрушенное здание с разбросанными везде стеклами и газетами, она побежала.

Якоб был внутри, слегка ошеломленный, выбираясь из тлеющих развалин.

— Слава богу! — закричала она, устремляясь в его объятия.

Зеваки от удивления открыли рты, узнав ее. Имя Камелии проносилось сквозь толпу вместе с криками «Аллах!», поскольку каждый задавался вопросом, какое отношение может иметь возлюбленная Камелия к полузапрещенному журналисту.

Она осмотрела его лицо. Очки Якоба были разбиты, и кровь струилась из раны на голове.

— Кто сделал это?

— Я не знаю, — сказал он, все еще дрожа.

— Ну почему мы все не можем жить в мире!

— Вы не можете обменяться рукопожатием со сжатым кулаком, — он уставился на нее, как будто вдруг понял, где она побывала. — Вы вернулись из Европы! — А затем он заметил блеск жемчуга и розового шифона под черным плащом. — Ваше выступление! Оно же назначено на сегодняшний вечер! Что вы делаете здесь?

— Когда я слышала... — она коснулась его лба. — Вы ранены. Позвольте мне отвезти вас к доктору.

Но он взял ее руки в свои и сказал настойчиво:

— Камелия, послушайте меня. Вы должны уйти отсюда. Сейчас же, быстро! Аресты начались с тех пор, как вы уехали. Садат прочесывает Каир в поисках интеллектуалов и либералов, которые, как они говорят, разжигают сектантскую борьбу. Людей арестовывают согласно Закону о защите ценностей от позора. И, согласно этому новому закону, любой может быть задержан на неопределенное время. На прошлой неделе арестовали моего брата. А вчера они пришли за Йозефом Хаддадом, писателем. Я на самом деле не знаю, кто бомбил мой офис, Камелия. Может, Братство мусульман. А может, правительство. Все, что я знаю: вы будете в опасности, если вас заметят со мной.

— Ей-богу, я не оставлю вас! И вы не можете идти домой, это небезопасно. Пойдемте со мной, — сказала она, поворачиваясь в сторону переулка. — Мой автомобиль припаркован на улице Аль Бустан. Поторопитесь! Тайная полиция может быть здесь с минуты на минуту.

Якоб стоял на балконе пентхауса Камелии и чувствовал, как освежающий бриз с Нила дует ему в лицо. Она промыла и перевязала его рану, и теперь была в комнате, настраивая радио, чтобы послушать новости. Он крепко держался за железные перила и смотрел вниз, на черный Нил, где заполненные туристами фелюги крест-накрест пересекали течение. Он жалел о том, что приехал. Толпа в переулке видела, что они уехали вместе. Теперь она тоже была в опасности.

— В новостях ничего не говорят об этом, — сообщила Камелия, когда вышла на балкон и встала рядом с ним. Она сменила свой танцевальный наряд на белую льняную галабею с золотым шитьем на рукавах и воротнике. Ее волосы были распущены, и она удалила сценический грим. Она надеялась, что умывание холодной водой успокоит ее, но вся горела, как будто августовская жара проникла ей под кожу и обосновалась в ее костях. После того как она обработала и перевязала рану Якоба, они сидели на диване, и их колени слегка соприкасались. И когда она кончиками пальцев трогала его кожу на голове, она почувствовала, как сквозь ее тело словно прошла ударная волна.

Она подумала об утонченном и богатом Набиле эль-Файеде и решила, что он возбуждал в ней такую же страсть, как один из его старинных стульев. А Якоб Мансур, который все еще не смог пришить пуговицу на рубашке... «И что теперь?» — подумала она, глядя на его профиль и понимая, что, приехав сюда, они оба сделали опасный и необратимый шаг.

Он смотрел на звезды, изучая их тайные послания, и наконец тихо сказал:

— Завтра Сириус совершит свое ежегодное восхождение. Вы можете увидеть, где он появится на горизонте, следя за тремя звездами в поясе Ориона. Они указывают направление, вот там, вы видите?

Он стоял очень близко к ней, его рука поднялась вверх. Камелия кивнула, не способная произнести ни слова.

— В древние времена, — начал он, его мягкий голос, словно плыл в волнах бриза, дующего с Нила, — до рождения Иисуса, Сириус был звездой Гермеса, юного бога спасителя, и каждый год египтяне считали первое появление звез-

ды на горизонте признаком того, что близится возрождение Гермеса. И три звезды в поясе Ориона, которые указывают непосредственно то место на горизонте, где появится звезда, назывались Тремя Мудрецами. И если вы последуете за ними, — он проследил взглядом траекторию в небе, от Ориона до горизонта, — вы найдете звезду Гермес. — Он посмотрел на нее. — Я люблю вас, Камелия. Я хочу прикоснуться к вам.

— Пожалуйста, не делайте этого, — попросила она. — Есть факты, касающиеся меня, которых вы не знаете...

— Я знаю все, что мне нужно знать. Я хочу жениться на вас, Камелия.

— Послушайте, Якоб, — сказала она, говоря быстро, пока храбрость не покинула ее. — Зейнаб не моя дочь, она моя племянница. Но никто не знает этого. Я не вдова, я никогда не была замужем. — Она посмотрела вдаль. — Я даже никогда не... была с мужчиной.

— И чего же вы стыдитесь?

— Женщина моего возраста, которую египтяне называют богиней любви? И...

— Как вы можете стыдиться, когда все святые женщины в истории были девственницами?

— Я не святая женщина.

— Когда вы были в Европе, каждый день был пыткой для меня. Я люблю вас, Камелия, и я хочу жениться на вас. Это все, что меня заботит.

Она покинула балкон и вошла в гостиную: по радио зазвучала песня, и соблазнительный голос Фариды Аль-Аттраха сплетал слова любви и романтики с теплом вечернего воздуха.

— Есть еще кое-что, — сказала она, поворачиваясь, чтобы увидеть его. — Причина, по которой я так и не вышла замуж, — это то, что я не могу иметь детей. Я болела, когда была маленькой, была лихорадка...

— Я не хочу детей, — произнес он, беря ее за плечи. — Я хочу вас.

— Но у нас разные веры! — крикнула она, отстраняясь.

— Даже у Пророка была жена-христианка.

— Якоб, мы не можем пожениться! Ваша семья никогда не примет то, что вы выбрали в жены танцовщицу, а моя семья не одобрит мой выбор немусульманина в качестве отца для Зейнаб. И что подумают мои поклонники и ваши преданные читатели? Обе стороны обвинят нас в предательстве!

— Разве это предательство — следовать зову своего сердца? — прошептал он мягко, снова привлекая ее к себе. — Я клянусь, что полюбил вас, Камелия, с того самого дня, когда написал первое ревю вашего выступления, много лет назад. Я хотел вас с того дня, и теперь, когда вы у меня есть, моя ненаглядная, я не собираюсь позволить вам уйти!

Когда он целовал ее, она уже больше не сопротивлялась. Она ответила на его поцелуй и крепко обняла его. Они занимались любовью сначала на полу, прямо там, где они стояли, опустившись на ковер, который когда-то украшал великолепный салон во дворце короля Фарука. Они занимались любовью быстро, с жадной и необходимостью тех, кто видит, как их дни пролетают мимо. А затем Камелия повела его в спальню, где атласные простыни цвета восхода солнца свисали с огромной кровати, и на этот раз они занимались любовью медленно, смакуя каждое прикосновение и каждое ощущение с осознанием того, что с этого момента они будут вместе.

И позже, после того как они приняли ванну, оделись и перевели дух, они обсудили ситуацию и договорились, что, так или иначе, они встретят будущее, со всеми его сложностями и трудностями, вместе. Но когда Якоб потянулся к ней в третий раз, страстная ночь была нарушена неожиданными ударами в дверь.

Прежде, чем кто-либо из них смог отреагировать, дверь с треском отворилась, и ворвались люди с оружием, нагрудными значками и наручниками. Их арестовали согласно Закону о защите ценностей от позора.

37

Когда Жасмин услышала призыв к молитве, ее наполнило ощущение такой теплоты, безопасности и чувства дома, что она громко засмеялась во сне. И этот смех разбудил ее.

Она полежала некоторое время в постели, пробуя вспомнить свой сон: дымное утро Каира, птицы на крышах шумно поздравляют друг друга с рассветом, улицы, быстро переполняющиеся «фиатами» и ослиными упряжками. И над всем этим проникающий всюду земляной аромат Нила.

Несмотря на то что над Тихим океаном никакой муэдзин не призывал помолиться, Жасмин выполнила ритуальное омовение в ванной, а затем стала на колени в бледном рассвете и со-

вершила молитвенные поклоны. Закончив молиться, она осталась стоять на коленях, слушая симфонию чаек и бурлящих вместе с сентябрьским бризом, грохочущих волн. Она знала, что пройдет еще много времени, прежде чем она снова услышит, как по всему Каиру разносится призыв к молитве.

Она ни разу не получила весточки от Камелии.

Для семьи она была все еще мертва; даже сестра не простила ее. Значит, так и должно быть. Но, хотя она не могла вернуться в Египет, Жасмин все равно уезжала из Соединенных Штатов. И теперь ей нужно закончить сборы, которые она начала прошлым вечером, потому что Рахель должна была приехать с минуты на минуту, чтобы отвезти ее в аэропорт.

Жасмин упаковывала вещи, строго следуя основным принципам, разработанным Фондом Тревертон. Так как ее путь лежал на Ближний Восток, она упаковала легкую хлопковую одежду, средства защиты от солнца и насекомых, удобную обувь. Поверх этого она поместила фотографию Мохаммеда, своего 17-летнего сына, а также фотографию Грэга и себя самой на побережье Санта-Моники: два надеющихся на что-то человека, задающихся вопросом, когда же случится волшебство. Она также упаковала книгу «Приговор Женщине», которую дала ей Мариям Мисрахи, и «Когда вы должны быть врачом», в которую она вложила статью из «Лос-Анджелес Таймс», появившуюся на следующий день после демонстрации на испытательном стенде в Неваде. Статья сопровождалась фотографией, запечатлевшей момент ареста доктора Деклана Коннора.

Она закрыла и заперла на ключ свой чемодан, как раз когда Рахель появилась у двери, постучав при входе:

— Готова? — спросила она, держа в руке ключи от машины.

— Только возьму шляпу и сумочку.

Рахель последовала за ней в спальню, которая была абсолютно пуста и выглядела так, как будто в ней никто никогда не жил.

— Что ты собираешься делать со своими вещами? — спросила Рахель, увидев наволочку, набитую постельным бельем и полотенцами. В гостиной она заметила коробки с горшками, кастрюлями, посудой, проигрывателем.

Жасмин надела на голову широкополую соломенную шляпу с длинной старомодной булавкой и сказала:

— Домовладелица собирается пожертвовать это Армии спасения. Там, куда я еду, ничего из этого мне не пригодится.

Рахель рассматривала единственный холщовый чемодан на колесах и сумочку Жасмин и удивлялась, что тридцатипятилетняя женщина, врач, может сжать свою жизнь до такого маленького объема. Дом, в котором Рахель жила со своим мужем Мормом, был так заполнен мебелью и имуществом, что они уже поговаривали о переезде в большее помещение.

— Ливан! — пробормотала она, качая головой. — Почему все-таки ты выбрала Ливан? И эти лагеря беженцев?

— Потому что палестинские беженцы — жертвы, а я знаю, что значит быть жертвой. — Жасмин посмотрела на свою подругу в зеркало. — В Египте, когда кто-то выброшен из семьи, как было со мной, это все равно, что смертный приговор. А женщине без семьи приходится труднее всех. Палестинцы — изгои, а женщинам и детям достается самое трудное. Когда в Фонде мне сказали, что они осуществляют этот совместный проект наравне с Всемирной организацией здравоохранения и с организацией, оказывающей помощь, я не могла не завербоваться. Но ты не волнуйся, со мной все будет в порядке. — Она потянулась за большим холщовым мешком, служившим ей дамской сумочкой, и несколько вещей вывалилось на кровать; среди них была фотография.

Рахель подняла фотографию и посмотрела на нее. Она видела и прежде эту фотографию пятерых детей в саду, с энтузиазмом улыбающихся во весь рот.

— Кто они, скажи еще раз? Я знаю, что одна из них — ты.

Жасмин взяла фотографию, посмотрела на нее с минуту, а затем указала на самого старшего из детей.

— Это Омар, мой кузен, он был моим первым мужем. Это Тахия, его сестра. Она и мой брат Закки, как предполагалось, должны были пожениться, но моя бабушка по каким-то соображениям выдала Тахию замуж за пожилого родственника по имени Джамаль. А это Камелия... — Жасмин рассматривала темноволосую красавицу на фотографии, которая стояла, обняв рукой Жасмин.

— А это твой брат?

— Это Захария. Закки. Мы были очень близки. Он обычно называл меня Мишмиш, потому что я была без ума от абрикосов.

— Разве ты не говорила мне как-то, что он исчез?

— Он пошел искать кухарку, которая работала в нашей семье. Никто не знает, что с ним случилось.

Жасмин убрала вещи обратно в сумку, и, когда Рахель увидела, что последним она положила Коран, она спросила:

— Ты уверена в этом?

Жасмин посмотрела на подругу и сказала:

— Я не помню, чтобы была в чем-нибудь более уверена.

— Тогда почему у меня такое чувство, что ты пытаешься что-то доказать? Жасмин, тебе нужно примириться со своим прошлым. Я думаю, что ты идешь по жизни с сильной злобой внутри себя, от которой тебе нужно избавиться. Помиришься со своей семьей, Жэс, прежде чем отправишься на поле боя.

— Ты гинеколог, Рахель, а не психиатр. Поверь мне, я примирилась с прошлым. Камелия ни разу не ответила на мои письма.

— Может, она просто очень огорчена тем, что выдала твою тайну и способствовала твоему позору? Может, тебе стоит попробовать снова?

— Какова бы ни была причина ее молчания и молчания всей моей семьи за прошедшие четырнадцать лет, я должна идти своим собственным путем в этом мире. Я знаю, что делаю, и знаю, куда иду.

— Но в Ливан? Тебя же могут убить!

Жасмин улыбнулась и сказала:

— Знаешь, Рахель, странно так думать, но, если бы ребенок родился приблизительно в день моего рождения и был бы жив, сейчас бы ему было четыре месяца и мы с тобой говорили бы о детских пеленках вместо оружия.

— Ты действительно думаешь, что Грэг оставил бы тебя одну воспитывать ребенка? Я хочу сказать, он ведь славный парень.

— Славный, да. Но ты не видела ужаса в его глазах, когда я сообщила ему, что беременна.

— Ну, — произнесла Рахель, когда подняла чемодан, показавшийся ей удивительно легким, — со временем ты кого-нибудь найдешь.

«Я уже нашла кое-кого», — подумала Жасмин, представляя себе Деклана, который в настоящее время был в Ираке, пытаясь доставить лекарство курдам. Деклан, которого она никогда не сможет получить.

Наконец она сделала паузу, чтобы посмотреть на женщину, которая была ее другом в течение самых одиноких часов,

утешала ее в мрачные дни после выкидыша, а еще раньше помогла ей войти в странный новый мир в университете, смягчая травму от культурного шока.

— Спасибо за беспокойство обо мне, Рахель, — сказала она.

— Знаешь что? — сказала Рахель. — Я буду ужасно скучать по тебе. — В ее глазах появились слезы. — Не забывай меня, Жэс! И всегда помни, что у тебя есть друг, если ты когда-нибудь попадешь в беду и будешь нуждаться в помощи. Ливан! Благослови тебя Бог!

Они обнялись, и тогда Жасмин сказала:

— Нам лучше отправиться в путь. Мне нужно успеть на самолет!

38

Ибрагим торопливо вошел в салон.

— Я нашел их! — крикнул он. — Я нашел свою сестру и дочь!

— Хвала Богу за Его милосердие! — сказала Амира, и все члены семьи Рашидов, сидящие на диванах и на полу в салоне, повторили ее молитву.

Ибрагиму пришлось быстро сесть и вытереть со лба пот — он бежал по сентябрьской жаре. Три последние недели, когда он занимался поиском местонахождения Дахибы и Камелии, были кошмарными, наполненными воспоминаниями о его собственных месяцах, проведенных в тюрьме, почти тридцать лет назад. Остальная часть семейства тоже вела бурную деятельность. Услышав об арестах, родственники из столь далеких мест, как Асуан и Порт-Саид, стекались к дому на улице Райских Дев, где еще раз, как в давние времена, они заполнили все спальни и заставили кухню функционировать днем и ночью. Дяди и кузены, у которых были связи в Каире, немедленно начали пробовать выяснить, куда полиция забрала Камелию и Дахибу; некоторые из женщин тоже помогали: Саккина, чья лучшая подруга была замужем за высоким правительственным чиновником; Фадилла, чей свекор был судьей; Амира, которая насчитывала много влиятельных женщин среди своих подруг.

Но после трех недель запросов, дачи взяток и пустой траты времени в комнатах ожидания только для того, чтобы им сказали: «Бокра. Завтра», никакой информации о Камелии и Дахибе не было. До настоящего времени.

Когда Басима принесла Ибрагиму стакан холодного лимонада, он сказал:

— Один из моих пациентов, господин Ахмед Камаль, который занимает высокий пост в министерстве юстиции, представил меня своему родственнику, брат жены которого работает в Управлении тюрем. — Ибрагим быстро выпил лимонад и снова вытер лоб. Он всегда был восприимчив к жаре, каждый день из своих шестидесяти четырех лет. — Дахибу и Камелию отвезли в женскую тюрьму Эль-Канатир.

Все открыли роты от удивления. Они знали огромное желтое здание на окраине Каира, мрачное строение, расположенное почти с издевкой среди цветников и зеленых полей. Им также были известны ужасные истории, которые рассказывали об этом месте.

Амира слышала истории и слухи о том, что некоторые женщины находились в Эль-Канатире в течение многих лет без суда, без какого-либо формального приговора — так называемые политзаключенные. Именно таковыми и являлись Камелия и Дахиба. Она начала немедленно организовывать семейство. Женщины уже продали свои драгоценности — на взятки; теперь были подготовлены корзины с едой, упакованы чемоданы с одеждой и постельным бельем, собраны деньги для взяток в пределах тюрьмы. Амира действовала с бешеной энергией — ее дочь и внучка страдали в этом чудовищном месте!

Когда она отдавала распоряжения племянникам и кузенам начинать составлять план писем протеста президенту Садату, Ибрагим отвел ее в сторону и сказал:

— Мама, есть кое-что еще, чего другие не должны знать. Камелия... — Он остановился и огляделся, чтобы удостовериться, что его никто не слышит. — Мама, моя дочь была арестована вместе с мужчиной!

Тонко очерченные брови Амиры поднялись.

— Мужчина? Какой мужчина?

— Редактор газеты. Да, он владеец газеты, пишет для нее статьи, издает ее. Малотиражная радикальная пресса. Он издал несколько сочинений Дахибы и Камелии.

— Сочинений? О чем ты говоришь?

— Они писали эссе, поэзию. И это причина арестов. Камелия и Дахиба писали некоторые... противоречивые статьи.

— Она была в редакции газеты, когда их арестовали?

— Нет, — он кусал губы. — Они были в квартире Камелии. Они были одни, и было уже полночь.

Прежде, чем Амира смогла ответить, они услышали Омара в салоне, его рокочущий голос спрашивал:

— Где дядя? Я слышал новости от моего начальника, друга Ахмеда Камала! Тогда мы едем в Эль-Канатир, с Богом?

Амира тихо сказала сыну:

— Мы обсудим это позже. Не говори остальным.

Когда Омар увидел свою бабушку, он сказал:

— Милость Бога и Его благословение вам! Не беспокойтесь, умма, мы вытащим нашу кузину и тетю из этой грязной тюрьмы!

В возрасте почти сорока лет Омар отяжелел от слишком хорошего знания ночной жизни Дамаска, Кувейта и Багдада. И из-за того, что он провел восемнадцать лет, отдавая распоряжения людям на нефтяных месторождениях, он говорил громко, даже уединяясь в собственном доме.

— Где мой сын? Пришло время и ему принести кое-какую пользу! Я хочу, чтобы он пошел в контору господина Самира Шукри, самого лучшего адвоката в Каире...

Пришел восемнадцатилетний юноша, одетый в длинную белую галабею и в тюбетейке Братства мусульман, организации, которую президент Садат недавно запретил.

— Что это за костюм? — спросил Омар, слегка ударя сына по руке. — Ты пытаешься сделать так, чтобы нас всех арестовали? Ей-богу, твоя мать, должно быть, спала, когда ты зародился! Надень какую-нибудь приличную одежду!

Никто не был встревожен этим оскорблением, и меньше всех сам Мохаммед, который ушел, чтобы переодеться, потому что как еще может мужчина добиться уважения от своего сына, если не показывает ему, кто здесь главный? Ибрагим мог припомнить много случаев, когда его собственный отец, Али, боксировал с ним и обзывал его.

Когда они начали садиться в машины, чтобы нанести визиты правительственным чиновникам и убедить начать работу над освобождением их родственников — Ибрагим и Омар, чтобы посоветоваться с господином Шукри, адвокатом, а остальные, чтобы ехать прямо в тюрьму, — Амира отвела сына из фойе в вестибюль и сказала:

— Принеси мне эти сочинения, за которые моя дочь и внучка были арестованы. И выясни все, что сможешь, о че-

ловеке, который был арестован вместе с Камелией, — как его зовут, что у него за семья. Мы должны позаботиться о том, чтобы эта информация никуда не просочилась, особенно тот факт, что они были одни в ее квартире, когда их арестовали. Под угрозой честь Камелии!

* * *

Камелию и Дахибу поместили вместе с шестью другими женщинами в камере, предназначенной для содержания четверых. Только одна из остальных заключенных была арестована, подобно им, по политическим мотивам; другие же, хоть и обвиняемые в разных преступлениях, имели сходную историю: брошенные мужьями, оставленные без поддержки, вынужденные выживать, прося милостыню, воруя или торгуя своими телами. Одну задержали за убийство: проститутка, которая убила своего сутенера и которую бы казнили, если бы не тюремный психиатр. Он, обратившись к президенту, добился изменения приговора на пожизненное заключение. Ее имя было Рухия, и ей было восемнадцать лет.

В ту ночь стремительных политических арестов Дахиба и Хаким были взяты первыми в своей квартире. Хотя полиция ворвалась и обыскала все помещение, конфискуя бумаги и книги, они разрешили им отправить Зейнаб с Рэдваном на улицу Райских Дев. Дахиба в последний раз видела мужа в полицейском участке, куда их привезли и взяли отпечатки пальцев без формального предъявления обвинения. Ее увезли в автомобиле, оставив Хакима выкрикивать протесты в безразличную ко всему ночь. На рассвете она приехала в тюрьму, где ей опять ничего не объяснили, забрали у нее одежду и драгоценности, вручили грубую серую тунику и одно покрывало, а затем грубо втолкнули в камеру, которую она теперь занимала вместе с семью другими женщинами. За прошедшие с тех пор двадцать дней она не получила ни одной весточки из внешнего мира, да же не говорила с адвокатом или с тюремным чиновником.

Камелию привезли позже, в то же самое утро. Их с Якобом разлучили друг с другом в ее квартире, а затем каждого увезли в отдельном автомобиле. С нее сняли красивую, вышитую золотом галабею, дали грубую тунику и покрывало. Единственным утешением в течение этих недель, прошедших в настоящей агонии, было то, что ее дочь в безопасности, находясь вместе с семьей. «Но что случилось с Якобом? — задавалась

она вопросом каждую минуту своего бодрствования в тюремной камере, в которой стояли только четыре кровати и ничего больше. — Бывал ли он в подобной ситуации, в тюремной камере вместе с другими мужчинами? Или его уже пытали и вынесли приговор? Может, в качестве наказания он получил пожизненное заключение за государственную измену? Был ли он все еще жив? А что случилось с дядей Хакимом?»

В первые часы растерянности и страха Камелия и Дахиба подбадривали друг друга, уверяя себя, что их освободят в любой момент. «Семья не оставит нас здесь, — говорили они, — у Ибрагима и Амиры много влиятельных друзей».

Но потом часы превратились в дни, и, хотя они продолжали уверять себя, что их освобождение было только вопросом времени — несмотря на тот факт, что одна из их сокамерниц, тоже политзаключенная, была в тюрьме уже больше года без связи с внешним миром, — они поняли, что должны положиться на Бога и на свою семью, чтобы наилучшим образом разрешить эту ужасную ситуацию.

Другие заключенные, узнав двух вновь прибывших, считали, что к ним должно быть другое отношение, потому что они знаменитости.

— Они настоящие леди, — говорила Рухия другим, а ее голос был наполнен благоговением. — Лучше, чем мы. — И все соглашались. Но охранница-феллаха у их камеры, которая считала, что злой глаз проклял ее в час рождения, не видела никакой причины, чтобы обращаться с вновь прибывшими по-другому. «Пусть дают деньги, — решила она, — как и все остальные». Однако Дахиба и Камелия лишились всего ценного и поэтому должны были жить подобно другим заключенным.

Ночью, когда гасили свет, а страх или гнев не давали им спать, женщины заполняли горячую сентябрьскую темноту тихими разговорами, полными отчаяния, и Камелия с Дахибой постепенно узнавали своих сокамерниц. Изгой отвергали законное правосудие просто потому, что они были женщины. Из их историй женщины из семьи Рашидов узнали, что закон казнит женщину, которая убила мужчину даже при самозащите, но редко просто арестовывает мужчину, который убил женщину, потому что считается, что он защищал свою честь.

Закон преследует проститутку, но не мужчину, который пользуется ее услугами.

Закон слеп по отношению к мужчине, который бросает свою жену и семью, но наказывает брошенную женщину за еду, которую она ворует, чтобы накормить своих детей.

Закон строг с женой, которая оставляет своего мужа, но дает мужу право оставить жену по своему усмотрению, без предупреждения и предоставления ей средств на жизнь.

Закон диктует, что, когда девочка достигает возраста девяти, а мальчик семи лет, они становятся законной собственностью своего отца, даже если он уже не женат на их матери, и он может забрать их у нее и не позволять ей видеться с ними.

Закон разрешает мужчине бить жену или использовать любой другой метод, чтобы сделать ее покорной.

Из шести заключенных, делящих камеру с женщинами из семьи Рашидов, пятеро были неграмотными; они никогда не слышали о феминизме и не могли понять, за что арестовали этих двух кинозвезд.

* * *

— Как высокомерны мужчины, — прочитал вслух Ибрагим, — что берут власть над нами. Высокомерие, которое, в сочетании с их невежеством, делает из них задира. Ребенок, ощущая свою беспомощность, набрасывается на ближайшую невинную жертву. Мужчины поступают так же. Например, муж, который избивает жену за то, что она рождает ему только дочерей. Но пол ребенка зависит от спермы мужа, а не от яйцеклетки жены; поэтому, если не рождаются сыновья, это вина мужа. Но разве он ругает себя за это? Нет, он срывает свой гнев и бессилие на невинной женщине.

Ибрагим отложил газету. Амира поднялась и пошла к ступеням, ведущим вниз от застекленного балкона, остановилась там и выглянула в сад, где все еще росли деревья, которые были старыми уже тогда, когда она приехала сюда шестьдесят пять лет назад.

Она закрыла глаза, вдыхала экзотические ароматы, которые заполняли воздух, и думала: «Моя внучка — храбрая женщина».

— Почему мне ничего не сказали об этом? — спросила она, поворачиваясь к Ибрагиму. Они были одни на балконе; остальные члены семьи или поехали в тюрьму, пытаясь передать продукты и деньги Камелии и Дахибе, или пробирались сквозь бюрократические лабиринты Каира, стараясь поспо-

собствовать освобождению своих родственников. — Как это могло произойти без моего ведома?

— Мама, — сказал Ибрагим, присоединяясь к ней под розовым деревом, растущим возле балкона:— Моя дочь принадлежит к новому поколению женщин. Я не понимаю их, но они выражают свое мнение.

— И ты боялся рассказать мне об этих сочинениях? Ибрагим, когда я была молода, я совершенно не имела права голоса, со мной обращались как с предметом без разума и без души. Но мои дочь и внучка обладают храбростью, которая наполняет меня гордостью! А теперь скажи мне, этот человек, который был арестован вместе с Камелией, где он?

— Я не знаю, мама.

— Найди его. Мы должны узнать, что с ним случилось.

* * *

Дахиба и Камелия пробудились от полуденной сиесты из-за звона ключей, звенящих в коридоре, а затем приоткрылась глухая железная дверь, и в маленьком просвете появилось лицо охранницы. Поскольку было неурочное время для приема пищи и упражнений, женщины внезапно встревожились — иногда заключенную забирали без предупреждения, чтобы она больше никогда не вернулась, и судьба ее оставалась неизвестной. Открываясь, заскрипела дверь, и охранница с внешностью феллахи, в запятнанной униформе, сказала Дахибе и Камелии:

— Вы, двое! Идите со мной.

Дахиба взяла руку Камелии, когда они вышли из камеры, а женщины кричали им вслед:

— Удачи! Пусть Бог пребудет с вами!

К их большому удивлению, их повели к камере в конце коридора, достаточно большой для четырех заключенных, но пустой, с двумя аккуратно заправленными кроватями, столом и стульями, с окном, которое выходило на пальмовые деревья и зеленые поля. Когда охранница сказала: «Это ваш новый дом», Дахиба воскликнула:

— Слава богу, семья нашла нас!

Несколькими минутами позже охранницы принесли корзины с продуктами, а также одежду, постельное белье, туалетные и письменные принадлежности, Коран. Внутри Ко-

рана был вложен конверт с десяти- и пятидесятипятистровыми банкнотами и письмо от Ибрагима.

Поскольку для них двоих еды было слишком много, Дахиба взяла булку, сыр, холодного цыпленка и немного фруктов, затем повернулась к охраннице и, вручив ей пятидесятипятистовую банкноту, сказала:

— Пожалуйста, разделите это между женщинами в той камере. И передайте нашей семье, что с нами все в порядке.

Когда они остались одни, они прочитали письмо от Ибрагима. «Хаким Рауф, — писал он, — тоже был арестован, но с ним все в порядке, и господин Шукри, адвокат, уже работает над тем, чтобы его выпустили».

А что случилось с Якобом Мансуром, который был арестован вместе с Камелией, никто не знал.

Семья несла бессменную вахту в тюрьме, приезжая каждый день сразу после захода солнца, оставляя машины за воротами, в надежде увидеть Камелию и Дахибу. Когда один из тюремных чиновников впускал Амиру или Ибрагима, следовал вежливый диалог с извинениями:

— Политическим заключенным свидания не разрешаются, — с заверениями, что завтра новости будут лучше, иншалла. Поэтому семья обменивалась записками с Камелией и Дахибой за большие деньги, и в тюрьму каждый день доставлялась свежеприготовленная еда.

Ибрагим и Омар неустанно работали над тем, чтобы женщин выпустили, обходя правительственные учреждения, прося об одолжении, встречаясь с нужными людьми в кофейнях и у них дома. Поскольку Камелию и Дахибу арестовали не за уголовное преступление, для которого существуют определенные процедуры и протокол, а на неопределенных политических основаниях, их защита опиралась на более шаткий фундамент. Подача прошения для их оправдания поставила бы самого просителя в опасное положение; все знали об адвокатах, которые выступали в защиту политических заключенных, а потом сами оказывались в тюрьме. Те люди, которые больше всего боялись говорить с Ибрагимом, отвечали ему:

— Бокра. Приходите завтра.

Другие, кто сочувствовал его тяжелому положению, но тоже боялся, говорили:

— Маалеш. Простите. Не расстраивайтесь.

А те, кто не видел никакой пользы в помощи Рашидам, пожимали плечами и говорили:

— Инсалла. Смириться с этим. На то желание Бога.

Даже господин Набиль эль-Файед, богатый антиквар и друг высокопоставленных лиц, стал подозрительно недоступным после ареста Камелии.

* * *

Амира вела женщин к молитве. Они расстелили маленькие коврики на разрушенном тротуаре тюремной площадки для парковки и встали на колени, повернувшись лицом к Мекке. Несмотря на октябрьскую жару, они совершали молитвенные поклоны абсолютно синхронно, двадцать шесть женщин семьи Рашидов, в возрасте от двенадцати до восьмидесяти лет; двое были в исламском платье, Амира — в традиционной черной мелайе, остальные — в юбках, блузках или платьях. Самая старшая дочь Омара и Налы встала на колени в своих голубых джинсах и футболке Nike.

После молитвы они вернулись к своим машинам, стульям и зонтикам, принимаясь опять за вязание или за домашние задания и сплетни, в то время как Амира возвратилась к стулу, установленному под тополем, и устремила взгляд на уродливые желтые стены тюрьмы. Сегодня пошел сорок шестой день с тех пор, как ее дочь и внучка лишены свободы.

Она узнала автомобиль своего сына, заехавший на стоянку.

— Я нашел Мансура, — тихо сказал Ибрагим, чтобы другие не могли слышать. — Он находится в тюрьме, по дороге, ведущей из города. Это то самое место, где я сидел в 1952 году.

Она поднялась и протянула к нему руку.

— Отвези меня туда, — сказала она. — Я хочу поговорить с ним.

* * *

Камелия была больна. Когда она лежала в постели, подавляя тошноту, то со всей пугающей ясностью вспомнила вспышку холеры. Хотя она старалась не притрагиваться к тюремной еде, руки охранницы-феллахи, которая доставляла им пищу, привезенную родственниками, никогда не были чисты.

Дахиба сидела у кровати и шупала лоб племянницы.

— Ты вся горишь, — сказала она, и ее глаза наполнились беспокойством; она тоже вспомнила о холере.

— Независимо от того, что это, — слабо сказала Камелия, — почему у вас этого нет?

— Наверняка ты ела что-то, чего не ела я. Что-нибудь пряное, от чего и произошло временное расстройство. Это ничего, я уверена...

Камелия неожиданно перевернулась на живот, и ее вырвало.

Дахиба подбежала к двери и позвала охранницу.

— Нам нужен доктор! Срочно!

Ожидая вознаграждения, женщина пришла быстро. Она посмотрела на Камелию и сказала кисло:

— Он не приходит в камеры. Он важный человек. Я должна буду отвести ее в изолятор.

Помогая Камелии выйти из двери, охранница оттолкнула Дахибу.

— Ты остаешься здесь, — сказала она.

* * *

Начальник мужской тюрьмы на Исмаилской дороге был более восприимчив к просьбам о посещении заключенных — при определенных обстоятельствах. В случае с Якобом Мансуром таким обстоятельством была щедрая компенсация от Ибрагима Рашида.

Амира попросила, чтобы сын остался в кабинете начальника; ее же охрана проводила в мрачную комнату со столами и стульями, с надписями на стенах на арабском языке, которые она не могла прочитать.

Когда привели бледного, оборванного человека, прихрамывающего на обе ноги, руки и лодыжки которого были в наручниках, она оглядывалась, пытаясь понять, кого она пришла навестить. И когда его толкнули на стул напротив нее, Амира была ошеломлена.

Его лицо было покрыто синяками, царапинами и начинающими гноиться ранами; когда он открыл рот, чтобы говорить, она увидела, что два зуба у него выбиты. И сразу же в ее глазах появились слезы.

— Саида Амира, — произнес он хриплым голосом, как будто у него пересохло в горле или он слишком много кричал. — Я удостоен чести. Да благословит вас Господь.

— Вы меня знаете? — спросила она.

— Да, я знаю вас, саида, — ответил он спокойно. — Камелия рассказывала мне о вас. И я могу видеть сходство: та же сила в ваших глазах, что и у Камелии.

Когда он понял, что смотрит на нее искоса, он добавил:

— Простите меня, они забрали мои очки.

— Они жестоко обращались с вами, — сказала она.

— Пожалуйста, скажите, что с Камелией? У нее все хорошо? Они освободили ее?

Мягкость его речи поразила ее, его благородные манеры, доброта в глазах, несмотря на страдания... Она посмотрела на его руки и увидела ожог от сигареты на одном из запястий.

— Моя внучка находится в тюрьме Эль-Канатир, — сообщила она. — Мы принимаем меры, чтобы добиться ее освобождения.

— Но с ней хорошо обращаются?

— Да. Она пишет нам записки, говорит, что у нее все хорошо. Она... спрашивала о вас.

Его плечи резко ссутулились.

— Ваша внучка — храбрая и умная женщина, саида! Она хочет исправить несправедливость, царящую в этом мире. Она знала, что занимается опасным делом, но, тем не менее, у нее была твердая решимость высказаться. Я люблю Камелию, саида, и она любит меня. Мы планируем пожениться. Сразу же, как только...

— Как вы можете говорить о браке, когда то, что вы предлагаете моей внучке, — это жизнь, полная опасностей, страха ареста, страха перед полицией? И, кроме того, вы христианин, господин Мансур, а моя внучка — мусульманка.

— Мне говорили, что ваш собственный сын женился на христианке.

— Это правда.

Он наклонил голову.

— Разве мы все не люди, саида? Разве мы сначала не арабы, а потом египтяне? Ваш Пророк, мир праху его, говорил о моем Боге в Коране. Он рассказывает, как ангел посетил Марию и сказал ей, что она, к коей никогда не прикоснется мужчина, скоро родит ребенка, которого будут звать Иисус, Мессия. Если вы верите тому, что написано в Коране, саида, значит, мы верим в одно и то же?

Она помолчала, во время паузы слыша отдаленные тюремные звуки: лязг закрывающихся ворот, смех людей, сердитый крик.

— Да, господин Мансур, — сказала Амира. — Мы действительно верим в одно и то же.

* * *

Дахиба мерила шагами пол маленькой камеры, останавливаясь, чтобы послушать, не возвращается ли Камелия.

Когда наконец прибыла охранница, она удивилась, заметив, что это была не обычная феллаха, а женщина, которую она никогда не видела прежде.

— С моей племянницей все хорошо? — спросила она в тревоге.

— Получите все ваши вещи, — решительно сказала охранница, глядя на часы.

— Куда вы поведете меня? Будет суд?

— Никакого суда. Вы свободны.

Дахиба уставилась на нее.

— Свободна?!

— Согласно президентскому указу. Вы помилованы.

— Но ведь именно Садат арестовал нас! Почему он теперь нас помиловал?

Женщина посмотрела на нее удивленно:

— Вам никто не сообщил? Садат был убит пять дней тому назад! Теперь у нас новый президент, Мубарак, и он объявил амнистию всем политзаключенным.

Быстро собирая свои вещи, чтобы уйти из тюрьмы прежде, чем охранница или же Мубарак передумают, Дахиба столкнулась с Камелией, которая вернулась из изолятора.

— С тобой все в порядке? — спросила Дахиба, суя связку вещей в руки племянницы. — Что сказал доктор? Почему тебе было плохо?

— Тетя, что происходит?

— Они освобождают нас! Поторопись, прежде чем они решат, что это ошибка!

За воротами их ожидала вся семья. Изумленные тетя и племянница были встречены приветствиями и объятиями.

— Хаким! — закричала Дахиба, подбегая к нему. — Мой Бог, с тобой все в порядке?

Амира обняла Камелию, шепча сквозь слезы:

— Хвала Богу за Его милосердие!

Но, когда Зейнаб подошла к матери, Дахиба сказала:

— Камелия больна. Мы должны сразу же отвезти ее к врачу.

— Нет, у меня все хорошо, — в изумлении сказала Камелия. — Я беременна! Умма, те доктора, много лет назад, оказались неправы! Я могу иметь детей!

Женщины уставились на нее, ошеломленные, а затем над толпой повисла тишина, когда все глаза устремились к Амире. Она взяла руки Камелии в свои и сказала:

— Каждому Бог дает свою судьбу, внучка моего сердца. Это Его желание, инсалла.

— Умма, есть мужчина, Якоб Мансур...

И именно в тот момент к стоянке подъехал автомобиль Ибрагима, и, когда Камелия увидела в нем Якоба с пышной бородой — он выглядел более худым, лицо его было в рубцах, — она побежала к нему, смеясь и плача одновременно.

— Но как ты здесь оказался? — спросила она.

— Благодаря твоему отцу. Если бы не он, я мог бы умереть в тюрьме.

— Мы хотим пожениться, умма, — сказала Камелия.

И когда все собрались вокруг, чтобы поздравить их, Амира поблагодарила про себя Бога, думая и о другой своей внучке, Ясмине, моля Господа, чтобы и она, где бы ни была, нашла счастье и любовь.

Часть VII

1988

39

«Тойота лендкрузер» скользила вдоль грязной дороги, примыкающей к каналу, заставляя бросаться врассыпную коз и кур и оставляя позади облако рыжей пыли. Женщины-феллахи у реки, устанавливая на головах кувшины, обернулись, чтобы взглянуть на проезжающий мимо знакомый автомобиль с едва просматривающимся логотипом Фонда Тревертон на дверях. Увидев дикую манеру езды Насра, нубийца, женщины подумали: «Срочный вызов доктора».

Наложив шов и заканчивая бинтовать разрезанную мотыгой ногу пациента, доктор Коннор услышал звук приближающегося автомобиля. Он был на веранде своего небольшого дома с видом на зеленые поля и голубой Нил. Оба мужчины обернулись, как только «тойота» с шумом подкатила прямо к ним. Увидев облако пыли, выброшенное из-под всех четырех колес, феллах сказал:

— Три Божества, ваша милость! Этому человеку не терпится попасть в рай!

Тойота с визгом затормозила, и сквозь опадающую пыль показалось вспотевшее темное лицо Насра.

— Самолет прибывает, саид! — прокричал он, широко улыбаясь. — Аль хамду лилла, медикаменты наконец-то здесь!

— Слава богу! Немедленно отправляйся на аэродром. Никому не позволяй наложить на груз руки!

Наср выжал газ, и машина умчалась по грязной дороге.

— Все в порядке, Мохаммед, — сказал Коннор. — Мы сделали все, что нужно. Теперь просто старайся держать ногу в чистоте.

Направляясь в дом за шляпой, висевшей на крючке рядом с календарем, Коннор отметил, что крестик на сегодняшней дате отмечал ровно одиннадцать недель, остающихся до того момента, когда он наконец-то навсегда скажет Египту и медицинской практике «прощай».

Когда он направлялся в обход дома к тому месту, где был припаркован другой «лендкрузер», за ним, прихрамывая, следовал феллах и говорил с улыбкой:

— Новый ассистент прибывает сегодня? Может, на этот раз он окажется симпатичной медсестрой, ваша милость. С большим задом!

Коннор засмеялся и покачал головой.

— С сестрами покончено, Мохаммед, — сказал он, садясь в «тойоту». — Я получил свой урок. На этот раз мне обещали доктора. Моего заместителя. Человека, к которому перейдут мои обязанности, когда я уеду.

* * *

Жасмин не могла понять, что вызывало у нее тошноту — турбулентность во время полета или малярия, которая опять брала свое.

Врач в Лондоне предупреждал ее, что, возможно, еще слишком рано отправляться в путешествие, но ведь она наконец-то будет опять работать с доктором Коннором, поэтому и не хотела откладывать приезд. Однажды она поклялась, что больше никогда не вернется в Египет, но, когда выздоравливала в лондонской клинике после болезни, которой заразилась в секторе Газа, ее навестил представитель Фонда и объяснил необходимость в терапевте со знанием арабского — в помощь доктору Коннору в Верхнем Египте. Жасмин согласилась ехать.

Странно было находиться в этом самолете с двухмоторным двигателем, летящим низко над плодоносными полями и каналами, где буйволы с перевязанными во избежание головокружения глазами вращали свои извечные колеса.

Странно было лететь в этой современной машине над землей, которая была одновременно древней и вечной, словно мчаться на ковре-самолете над крошечными деревнями с маленькими куполами и минаретами — над этой землей, уже не будучи частью ее. Когда ее перелет из Лондона завершился в международном аэропорту Каира, она ожидала чего-то вроде психологической встряски, возможно, рецидива злости и депрессии. Но, когда она ступила на бетонную площадку аэродрома и вдохнула первый глоток египетского воздуха за последний двадцать один год, ее охватила волна необъяснимого восторга.

Впрочем, ничего не произошло. Вместе со всеми остальными пассажирами она поспешила к таможенному контролю и выдаче багажа, словно находилась в любом другом аэропорту мира, торопясь на следующий рейс. И все же она ощущала некоторую нереальность происходящего, словно спала и видела странный сон. У нее было необъяснимое чувство, что если бы она могла увидеть себя в зеркале, то обнаружила бы, что она прозрачная. «Это сказываются лекарства, — говорила она себе, — и еще болезнь, почти прошедшая, но все еще действующая на сознание». Какая могла быть другая причина тому, что два часа спустя, вылетая из того же самого аэропорта на этом маленьком самолете, она чувствовала себя призраком, парящим над Каиром? Она смотрела вниз и видела пустыню, потом зелень, потом, на расстоянии, город, в котором родилась, была проклята и умерла. И неожиданно она осознала, что прибыла сюда длинным окружным путем, чтобы наконец оказаться в облаках вместе с птицами, ангелами и призраками умерших.

«Неужели я вернулась? — спрашивала она себя, ощущая подрагивание двухмоторного самолета «Де Хэвилленд». — Неужели я действительно вернулась? Или это очередная болезненная галлюцинация?» В Лондоне, где она горела в лихорадке, ей чудилось, что она снова в медицинской школе, в анатомической лаборатории, где для чего-то препарирует Грэга.

Несмотря на прохладу февральского дня, Жасмин было жарко. Она обмахивалась купленной в аэропорту газетой с заголовком «В Египет прибывает посол новой администрация Буша». Несколько ранее она перелистала страницы, прочитав передовицы, обзоры фильмов и нечто новое — объявления «желающих познакомиться», размещенные

женщинами в поиске брачных партнеров. Объявления состояли из обычных пунктов: возраст, образование, семья, но, кроме того, в каждом была «дискриминация» привлекательности по цвету кожи, поскольку женщины описывали себя, включая порядок желаемого цвета от белого и «цвета пшеницы» до оливкового и, наконец, черного. На первой полосе была рассказана история молодого человека, который находился за границей по учебной программе и который, вернувшись домой, нашел в спальне своей незамужней сестры флакон с лекарством. Узнав у фармацевта, что это средство для аборта, он убил девушку. Однако вскрытие показало, что она не только не была беременна, но и все еще оставалась девственницей. Позже стало ясно, что у нее были проблемы с менструацией, в связи с чем местный фармацевт и продал ей это «лекарство». Дочитав до того места, где представитель защиты объявил во время слушания дела об убийстве, что мотивом преступления была попытка клиента защитить честь семьи, и узнав, что человек был оправдан, Жасмин отложила газету в сторону и стала разглядывать вид из окна: огромный желтый океан, пустыня Сахара, украшенная яркой зеленой полосой — долиной Нила.

Граница между пустыней и растительностью была настолько резкой, что с воздуха это выглядело так, как будто человек мог стоять одной ногой на густой траве, а другой — на песке. Жасмин чувствовала себя подобным образом: разделенной на две части, одна из которых хотела вернуться в Египет, а другая боялась этого. Она упорно трудилась над тем, чтобы дистанцироваться от жестокого прошлого и от своих невыносимых воспоминаний. Или она приехала сюда, чтобы беречь открытые старые раны?

Но она не позволит себе думать о семье в Каире или о Хасане аль-Сабире, который стал причиной ее изгнания. Она думала только о Деклане Конноре. Почти пятнадцать лет прошло с тех пор, как они закончили перевод медицинского справочника; теперь они снова будут работать вместе!

Пилот сказал что-то сквозь гул двигателей, и, когда самолет начал терять высоту, Жасмин посмотрела вниз и увидела сливочного цвета дюны, обнаженные скалы, беспорядочные руины, которые могли быть кладбищем, примитивную дорогу, словно процарапанную пустыню, и, наконец, ангар. Удар ветра — и вот посадочная полоса.

Она увидела две машины, приближавшиеся в облаке песка, ударявшиеся о грубую дорогу и тормозившие на стоянке в конце посадочной полосы, где было строение, по размеру немного больше радиорубки, с облезлой табличкой с надписью «Аль Тафла» на арабском и английском языках. А затем она увидела, что водители «тойот» выскакивают из машин и бегут к самолету, держась за шляпы, потому что самолет все еще летел на маленькой скорости по направлению к ним: два человека в хаки и в шляпах деревенских жителей, черный нубиец и загорелый белый человек. Коннор! Ее сердце учащенно забилося.

* * *

Когда самолет остановился, двое мужчин побежали по направлению к нему, а из радиорубки бежал феллах в галабее, привлекая внимание группы одетых в черное бедуинов, сидящих на корточках рядом со своими верблюдами в тени огромной скалы.

— Аль хамду лилла! — крикнул Коннор пилоту, который махал ему рукой из открытого окна кабины. — Салаамат!

— Салаамат! — отозвался мужчина. Как и Наср, пилот работал на Фонд Тревертон, летая на своем самолете в отдаленные области пустыни или в трудно достигаемые поселки Верхнего Нила — всюду, где требовались медикаменты и персонал. В то время как нубиец пошел открывать хвостовой грузовой люк, Коннор помог феллаху поставить тормозные колодки под колеса самолета. Затем он подошел к пассажирской двери, моля, чтобы его замена оказалась на борту. Но, когда он увидел женщину в голубых джинсах и футболке и ее длинный белокурый «конский хвост», сияющий в солнечном свете, он нахмурился. А затем его глаза расширились в изумлении.

— Жасмин?!

— Здравствуйте, доктор Коннор, — сказала она, прыгая с трапа. — Я не могу передать, как приятно снова видеть вас!

— Мой Бог, — сказал он, беря ее руку. — Жасмин Ван Керк! Что, спрашивается, вы здесь делаете?

— Разве Лондонский офис не сообщал вам, что я приезжаю?

— Боюсь, связь так далеко вверх по Нилу не очень надежна. Я думал, что получу уведомление о вашем прибытии че-

рез неделю или две! Это изумительно! Как давно была наша последняя встреча?

— Шесть с половиной лет тому назад. Мы встречались в штате Невада, на испытательном стенде, помните?

— Как бы мог я забыть? — произнес он. Задержав еще на мгновение ее руку, он сказал: — Хорошо! Сейчас лучше заняться перевозкой груза. Я надеюсь, что они передали пистолет для вакцинации, о котором я просил.

Когда Коннор пошел помогать Насру загрузить алюминиевые коробки с надписью «Всемирная организация здравоохранения» в одну из «тойот», Жасмин повернулась к востоку лицом, по направлению к Нилу, закрыла глаза и подставила лицо прохладному ветру. «Они на расстоянии пятисот миль, — сказала она себе. — Они далеко, в Каире; они не могут причинить мне зло».

Коннор наконец вернулся и спросил:

— Это и весь ваш багаж?

— Да, только один чемодан.

Он бросил его на заднее сиденье второй «тойоты» и сказал:

— О'кей, теперь нам пора в путь. Мы должны поместить эти вакцины в холодильник.

Жасмин пришлось схватиться за приборную панель, когда Коннор нажал на педаль газа, и четырехприводный автомобиль круто развернулся и помчался прочь от взлетной полосы. Когда они выехали на дорогу сомнительного качества, проложенную сквозь песчаные дюны, он сказал:

— Итак, вы наконец вернулись в Египет. Насколько я помню, вы противились этой идее. Ваша семья, должно быть, была рада видеть вас?

— Они не знают, что я здесь, я не останавливалась в Каире.

— Да? Последний раз я видел вас, когда вы собирались в Ливан. Как там все прошло?

— Я там очень расстроилась. А затем меня направили в лагерь беженцев в секторе Газа, что было еще хуже. Мир, похоже, забыл палестинцев.

— Миру на многое наплевать.

Жасмин взглянула на Коннора удивленно. Хотя он все еще говорил с британским акцентом и тем же неотразимым голосом, который она помнила, она обнаружила в нем рез-

кость, который прежде не было. Рассматривая его профиль на фоне желтой, лишенной деревьев пустыни, она поняла, что физически он тоже изменился. Ей пришло в голову, что он выглядел так, будто с их последней встречи прошло гораздо больше семи лет, словно за это время жизнь обошлась с ним сурово. Коннор всегда был высоким и худым, но теперь изможденность его стала более явной, скулы и челюсть вырисовывались более резко. Сила по-прежнему ощущалась в нем, а также жизнестойкость и та энергия, которая когда-то показалась ей столь заразной. Но теперь она подумала, что в нем чувствуется скрытый гнев.

— Не могу передать, как я рад видеть вас снова, Жасмин! И как я рад тому, что вы решили приехать сюда. Некоторое время у меня были ужасные проблемы со штатом. Лондон продолжает посылать мне не состоящих в браке женщин, и всегда дело заканчивается тем, что мне приходится отправлять их домой. Они не причиняют неприятностей, вы понимаете, но, ну... в общем, вы же знаете, что такое феллахи. Одинокие женщины — это всегда неприятности.

— А как насчет мужчин? — спросила она, задумавшись, был ли он на самом деле сердит или ей это только показалось; но она также заметила, как крепко он держал руль, как будто пытался приручить его.

— У меня было два ассистента мужского пола, — сказал он, искоса глядя на нее сквозь яркий свет ветрового стекла, его лицо было почти сердитым. — Первый был студентом медицинского факультета из Египта, который должен был работать по указанию правительства. Он провел здесь месяц, высокомерно ведя себя по отношению к феллахам, а потом неожиданно уехал с выдуманной жалобой на здоровье. Второй был восторженным американским волонтером, который приехал, надеясь обратить феллахов в христианство, и его пришлось отправить домой через неделю.

— О, — произнесла Жасмин

Он покачал головой.

— Однако я не могу сказать, что обвиняю их. С феллахами нелегко иметь дело. Они как дети, за ними постоянно нужно присматривать. Иногда они думают, что принять сразу все лекарство гораздо лучше, чем растягивать это во времени. И если одна прививка хороша, то пять должны быть в пять раз эффективнее.

Ведя «тойоту» по направлению к проселочной дороге, которая окаймляла край растительности, он сказал:

— В прошлом году один феллах возвратился из Мекки со святой водой, которую выпил в деревенский колодец, надеясь, что это благословит каждого. Оказалось, что вода инфицирована холерой, и нам угрожала эпидемия регионального масштаба, поэтому пришлось действовать быстро и делать прививку каждому в этой местности. Но эти люди боятся инъекций и делают все возможное, чтобы избежать их. Один горемычный байстрюк, который не боялся иглы, увидел в этом способ заработать деньги. За определенную плату он занимал место человека в очереди на прививку перед машиной передвижного госпиталя. Он получил двадцать инъекций от холеры, прежде чем мы заметили это, но к тому времени его уже нельзя было спасти.

Жасмин открыла окно и ощутила прохладный и сухой воздух пустыни на своем лице. Она потянулась с глубоким вздохом, чтобы очистить свои мысли. Неожиданно ей показалось, что она получила слишком много — она вернулась назад в Египет, и она снова с Коннором.

— Тогда я рада буду помочь вам, — сообщила она.

— Вы здесь не для того, чтобы быть моим помощником, Жасмин. Вы моя замена.

— Замена!

— Разве вам не сказали этого? Вы займете мое место после того, как я уеду.

— Нет, они не сказали мне. Когда вы уезжаете?

— Мне очень жаль, я думал, что вы знали. Я уезжаю через одиннадцать недель. «Найт Фармасьютикалс» в Шотландии предложили мне работу в качестве директора их подразделения тропической медицины.

— Шотландия! Это для научных исследований?

— Управление. Административная работа, строго с девяти до пяти, никаких пациентов, никаких полевых госпиталей, где у нас лежит по два человека на кровати. Говоря откровенно, Жасмин, я сыт по горло попытками помочь людям, которые сами отказываются себе помочь. Я также устал от солнечного света и пальмовых деревьев. Большинство людей мечтают жить в тропиках по выходе на пенсию, но я отправляюсь туда, где много дождя и тумана.

Она устала на него.

— А что насчет вашей жены? Что она будет делать?

Он крепче сжал руль, когда четырехприводный автомобиль поехал по пустынной дороге.

— Сибил мертва. Она умерла три года тому назад, в Танзании.

— О, простите! Мне очень жаль.

Жасмин опять повернулась к окну и закрыла глаза, вдыхая бодрящий воздух, с которым начинали доноситься влажные ароматы суглинка, травы и реки. Деклан был сердит; она видела это по сжавшимся на руле его пальцам и слышала это в его голосе. Но он сердит — за что, на кого?

Они оставили пустыню позади и вскоре ехали мимо полей озимой пшеницы и люцерны, охраняемых потрепанными чучелами и феллахами, склонившимися над мотыгами в своих задранных повыше галабеях, радостно приветствовавшими проезжающий мимо автомобиль. Жасмин спросила:

— Как поживает ваш сын, Дэвид?

— Ему сейчас девятнадцать, он учится в колледже в Англии. Смышленный мальчик. Я поражен, что он вырос таким хорошим, учитывая полученное им воспитание. Но я намереваюсь добавить ему все это. Как только я устроюсь на новую работу, он будет жить со мной. Мы станем ходить на рыбалку, ловить форель.

— Это звучит так, будто вы полностью оставляете Фонд.

— Да. Я собираюсь убирать гальку с дорожек и стричь газон, Жасмин. И никаких внеурочных звонков мне домой.

Когда они проезжали по дороге с гравевым покрытием, между полями высокого сахарного тростника, им встретился старик, который ехал на осле в дамском седле, подгоняя животное палкой. Он приветственно поднял руку и сказал по-арабски:

— Это ваша новая невеста, ваша честь? Когда у вас свадьба?

На что Коннор ответил:

— Бокра фил мишмиш, Абу Азиз!

И старик засмеялся.

— Бокра фил мишмиш, — прошептала Жасмин, думая о Захари, который первым стал называть ее Мишмиш, и задалась вопросом, что же случилось с ним. В своем единственном письме к Жасмин Амира писала, что Захария ушел на поиски кухарки Сахры.

Деклан сказал как будто самому себе:

— «Завтра, когда зацветут абрикосы». Хороший способ попросить человека не лезть с вопросами.

Жасмин видела, что его шея и челюсти напряжены. Она хотела спросить, как умерла Сибил.

— Ваш арабский, кажется, улучшился, доктор Коннор.

— Я работал над этим. Я помню, как вы смеялись над моим акцентом, когда мы переводили справочник.

— Надеюсь, я тогда не обидела вас?

— Нисколько! Мне нравилось, как вы смеялись. — Он посмотрел на нее, потом вдаль. — А мой акцент был ужасен. Даже при том, что я всегда мог лучше говорить по-арабски, чем читать или писать. То, что я родился в Кении и вырос, говоря на суахили, на который сильное влияние оказал арабский язык, всегда давало мне преимущество. Это красивый язык. Разве вы не сказали однажды, что арабский язык звучит подобно воде, текущей по камням?

— Да, сказала. Но я всего лишь процитировала кого-то еще. Вы все еще используете названия мускулов, когда возносите молитву?

Он засмеялся, и Жасмин подумала, что он немного расслабился, и увидела в нем проблеск его прежнего.

— Вы помните это, не так ли? — спросил он. Она хотела ответить: «Я помню многое о тех месяцах, которые мы провели за переводом. Я особенно помню наш последний вечер вместе, когда мы почти поцеловались».

Они достигли края деревни, где приземистые строения из песчаника стояли перед железнодорожным полотном. У многих хижин двери были выкрашены в синий цвет или украшены синими отпечатками ладоней — символом удачи Фатимы, дочери Пророка. На некоторых фасадах были изображения лодок, самолетов и автомобилей, они указывали на то, что удачливый жилец совершил паломничество в Мекку, и почти все здания были украшены именем Аллах, написанным изящным шрифтом, чтобы защититься от злых духов и злого глаза. Когда они проезжали мимо женщин, стоящих в дверных проемах, и стариков, коротающих время на скамьях, когда Жасмин начала обонять знакомые ароматы жарящихся в масле бобов, пекущегося в духовках хлеба, сохнувшего на крышах навоза, она почувствовала, что двадцать один год — сроки ее изгнания — начинают мягко пропадать где-то вдали, подобно лепесткам, которые роняет цветок. Дюйм за дюймом Египет прокладывал себе путь назад в ее кости, кровь и мышцы. Что произойдет, когда этот процесс достигнет ее сердца?

Помахав рукой Насру, который отправился в другом направлении, Коннор повернул «лендкрузер» к южной границе деревни, где более широкая гаревая дорога была приспособлена для ослиных и верблюжьих упряжек, нагруженных сахарным тростником.

— Сначала я покажу вам резиденцию миссии, — сказал он.

Они миновали рекламный щит, на котором было написано: «Каждые двадцать секунд где-то в мире рождается ребенок». Щит установила каирская Ассоциация планирования семьи.

— Вот, — сказал он. — Это самая большая наша проблема. Перенаселение. Пока люди продолжают рожать такое количество детей, мы не сможем побороть бедность и болезни. И это мировая проблема, доктор, это не феномен Третьего мира: люди безответственно занимаются самовоспроизводством. Сбалансированный рост семьи означает небольшую семью, в которой мужчина и женщина воспроизводят только самих себя, и два ребенка прекрасно с этим справляются. Какой смысл в рождении большего количества детей? Где мысли о будущем, о планете, если семьи состоят более чем из двух человек?

Он вновь указал на рекламный щит.

— От него нет никакого толка, конечно, радио и телевидение крутят рекламу контроля рождаемости каждые полтора часа, но государственная пропаганда ни на что не влияет, особенно здесь, в Верхнем Египте, где детей производят быстрее, чем мы делаем укол. В прошлом году клиники планирования семьи во всем Египте выделили четыре миллиона презервативов с целью контроля рождаемости, но все кончилось тем, что их стали продавать в качестве воздушных шаров, поскольку презерватив стоит только пять пиастров, а шар — тридцать.

Коннор маневрировал в узеньком переулке, ширины которого было достаточно только для осла и нагруженных на него тюков, и наконец выехал на широкое пространство, где Жасмин открылась полоса Нила в лучах оранжевого заката. Остановив «лендкрузер» у небольшого дома каменной кладки, окруженного платанами, Коннор сказал:

— В противоположной стороне находится клиника, где вы остановитесь. После того как я уеду, вы поселитесь в этом доме, он принадлежит фонду. Здесь три комнаты, электричество и слуга. — Он сделал паузу и взглянул на нее. — При-

ятно видеть вас снова, Жасмин, — добавил он тише. — Жаль только, что мы не сможем провести много времени вместе, прежде чем я уеду. В любом случае, — он потянулся за ее чемоданом, — я провожу вас к клинике. Машину нам придется оставить здесь.

Они шли через деревню, и солнце на западе, казалось, затопило мир яркими красками, и Жасмин восхищалась ярко окрашенными фасадами — бирюзовыми, лимонно-желтыми, персиковыми. Какое облегчение для глаз после бесконечного бежевого цвета простых домов, сложенных из земляного кирпича!

К тому моменту, когда они добрались до клиники, втиснутой между крошечной белой мечетью и парикмахерской, солнце скрылось за красными холмами на другой стороне Нила и в переулке начала собираться толпа, состоявшая, как определила Жасмин, из мужчин, детей и женщин недетородного возраста. Девушки и молодые жены, как ей было известно, находились взаперти, дома. Были выставлены скамейки, развешаны разноцветные огни над головами, на ветру развевались флаги с приветствиями на арабском и английском: «Добро пожаловать новому доктору, алан васлан (скамейки предоставлены кофейней Валида)».

Кроме того, были выставлены огромные кастрюли с дымящимися бобами, тарелки со свежими овощами и фруктами, пирамиды лепешек и огромные медные вазы, в которых — Жасмин знала это — были лакрица и тамариндовый сок.

— Они подготовили прием в вашу честь, — сказал Коннор, продвигаясь через толпу, влюбленно рассматривающую новую гостью. Увидев женщин в черных мелаях с детьми, струдившимися вокруг них, мужчин в галабеях и тубетейках, Жасмин наконец-то ощутила встряску, которую ожидала в каирском аэропорту. Неожиданно она опять оказалась в Каире, шагая по старым улицам вместе с Тахией, Закки и Камелией, смеясь и уплетая сэндвичи с шаурмой и считая, что будущее — это то, что случается со всеми остальными людьми. На мгновение у нее закружилась голова, и ей пришлось помассировать себе шею.

Деревенские жители скромно отступали, когда Жасмин проходила мимо, и, хотя они улыбались, она читала озадаченность на их лицах. Феллах с мощным телом, как у быка, в чи-

стой синей галабее выступил вперед и велел всем замолчать! Затем он повернулся к доктору и сказал по-английски:

— Добро пожаловать в Египет, саида. Добро пожаловать в нашу скромную деревню, которую вы освятили своим посещением. Да пребудут с вами мир и благословение Господа.

Жасмин видела смущение в его глазах и слышала, как деревенские жители перешептываются между собой:

— Что это? Заместительница саида — женщина? Посмотрите, какая она молодая! Где ее муж?

Жасмин ответила:

— Благодарю вас, находится здесь — честь для меня.

Они ждали и смотрели, и тишина опустилась на толпу, нарушаемая только шелестом флагов, развевающихся на ветру. Жасмин смотрела на окружавшие ее лица, догадываясь о том, какие вопросы ей хотят задать, но из вежливости молчат. Решая, с чего начать общение, она повернулась к женщине, стоявшей рядом с дверью клиники с ребенком на руках. Очевидным было то, что она не является матерью, судя по ее лицу и седым волосам, выбивающимся из-под платка. Увидев, что Жасмин внимательно разглядывает девочку, она притянула ребенка ближе к себе и прикрыла девочку мелейей, поэтому Жасмин улыбнулась и сказала:

— Это ваша внучка, умма? Вы так хорошо ее прячете, бедняжку.

Женщина резко вздохнула, а свидетели сцены открыли рты от изумления. Но в глазах женщины была искра уважения, когда она отвечала:

— Я наказана уродливыми внуками, Саида. На все воля Господа.

— Сочувствую вам, умма.

Жасмин повернулась к Халиду, тому самому оратору с телом быка:

— При всем уважением к вам, господин Халид, я слышала, как вы сказали, что я молода. Как вы думаете, сколько мне лет?

— Боги мои, саида! Вы молоды, очень молоды. Моложе моей младшей дочери!

— Господин Халид, мне исполнится сорок два года, когда подуют следующие хамсины.

По толпе пронесся шепот, и Деклан сказал:

— Я проведу доктора Ван Керк внутрь. У нее был долгий путь.

Жасмин последовала за ним в небольшую приемную со свежевыкрашенными белыми стенами и скромно обставленную. В ней находился холодильник, оставшийся со времен Насера, когда всеобщим лозунгом было «Покупай египетское!», карта Среднего Востока, датированная 1986 годом, когда Израиль установил «оккупированную палестинскую территорию», и несколько медицинских изданий, в том числе «Если вы должны быть врачом». Высокий нубиец заканчивал расставлять вакцины в холодильнике, и когда он выпрямился, то казалось, что он заполнил собой всю маленькую комнату.

— Добро пожаловать, доктор, — быстро проговорил он. — Алан ва сатан.

— Это Наср, — представил его Коннор. — Он наш водитель и механик. Халид, феллах с громким голосом в синей галабее, тоже член команды. Халид закончил шесть классов и говорит по-английски, так что он является нашим посредником, когда мы выезжаем в деревни. Он наш посол и смазывает дорогу, так сказать.

Наср застенчиво поклонился и вышел.

* * *

— Жить вы будете здесь, — сказал Деклан. — Боюсь, ничего особенного.

— Это дворец по сравнению с... — Жасмин неожиданно осеклась.

— Что такое? — спросил он, взяв ее за руку. — Вы больны?

— Со мной все будет в порядке. В секторе Газа я заразилась малярией и проходила курс лечения в Лондоне.

— Вы слишком рано уехали.

— Я торопилась сюда, доктор Коннор.

Он улыбнулся:

— Вам не кажется, что меня уже можно называть Деклан?

Она почувствовала его руку на своем плече; он стоял так близко, что она увидела небольшой шрам над его бровью, и подумала, где он мог его получить.

— Со мной все будет в порядке, — повторила она и добавила: — Деклан, — получив удовольствие от того, что произносит его имя.

Его взгляд задержался на мгновение на ее глазах, затем он направился к двери:

— Жители деревни хотят приветствовать вас.

— Пожалуйста, передайте им, что я выйду через минуту.

Когда он закрыл за собой дверь, Жасмин осталась в потемках и подумала: «Он изменился. Но как? Почему?» Последнее письмо, которое она получила от него четыре года назад, было написано прежним Коннором — веселым, амбициозным, активным. Но с тех пор что-то произошло, она чувствовала горечь в его манере говорить, в его слова был вплетен пессимизм, в котором она никогда не могла бы заподозрить Деклана Коннора. Имело ли это какое-то отношение к смерти его жены?

Она осмотрелась в крошечной клинике, составляя мысленный план: сколько потребуется дополнительных стульев, еще нужна ширма, возможно, несколько растений. Неожиданно мысли ее переключились на отца, и она удивилась этому обстоятельству. Она работала в Фонде Тревертон столько лет, получая распределения в отдаленных районах во множество клиник, больниц и медицинских станций, большинство из которых страдало от недостатка оборудования и персонала, но это место было первым, заставившим ее задуматься о собственном отце. Интересно, практикует ли он до сих пор медицину и находится ли его офис по-прежнему напротив кинотеатра «Рокси»? Еще больше она удивилась, осознав, что хочет, чтобы он оказался рядом, в этой маленькой комнате с ней вместе, чтобы она могла попросить его совета по поводу того, как поступить наилучшим образом с тем, что имела.

«Почему я думаю о нем теперь? — задавалась она вопросом. И уже знала ответ: — Потому что я вернулась в Египет. Я дома!»

Жасмин вошла в спальню и открыла свой чемодан. Поверх ее одежды лежали два письма, на которые она намеревалась ответить, как только устроится на новом месте. Первое было от Грэга, который уехал жить к своей матери в Западную Австралию, когда та овдовела; он написал Жасмин, чтобы сказать, что все еще думает о ней. Второе было от Рахель, и в него была вложена фотография ее двух маленьких девочек.

Через открытое окно Жасмин слышал голоса сельских жителей, которые обращались к Деклану Коннору:

— Мы уважаем нового доктора, ваша милость, но женщина в сорок лет, без мужа, без детей, насколько она хороша? Должно быть, что-то с ней не так.

Потом она узнала голос Халида, представителя общины.

— Эта женщина в голубых джинсах, о мои боги, саид! Она будет препятствовать тому, чтобы наши молодые люди хотели идти работать в поле, из-за нее все женщины станут ревнивыми. Это очень плохо, саид.

Жасмин закрыла дверь в спальню.

Деклан попытался заверить их, что доктор Ван Керк — квалифицированный врач и будет хорошо заботиться о них. Но они волновались о ее нравственных устоях, как и о том, каким образом она повлияет на установившуюся в деревне жизнь. Те немногие, у кого, подобно Халиду, были телевизоры и видеомагнитофоны, знали все об американских женщинах — кроме тех, что показаны в фильме «Маленький дом в прерии»: они распутны, и доверять им ни в коем случае нельзя.

Но когда Жасмин вышла минутой позже, все затихли и посмотрели на нее.

Она сменила свои голубые джинсы на тунику с поясом, ее белокурые волосы были скрыты под шарфом, в руках она держала Коран и фотографию. Она обратилась к присутствующим на арабском языке:

— Я удостоена чести быть избранной, чтобы приехать сюда и жить среди вас. Я молюсь Единому Богу, — сказала она, кладя руку на Коран, поскольку глаза сельских жителей расширились от удивления, — это Он дает нам здоровье и процветание. Мое имя — Ясмينا Рашид, мой отец был пашой. Но меня называют ум Мохаммед. — Она показала фотографию: — Это мой сын!

Восклипания «Бисмилла!» и «Боги мои!» наполнили вечерний воздух, когда восхищение неожиданно засияло в их глазах.

— Такой прекрасный взрослый сын, — сказали жители деревни друг другу, — а сама дочь паши!

Пожилая женщина в белых одеждах, одна из тех, кто посетил Мекку, сказала:

— Уважаемая ум Мохаммед, значит, ваш муж в Каире?

— У меня было два мужа, последний развелся со мной, когда я потеряла ребенка. Я мать этого сына и двух младенцев, которые не выжили.

— Аллах! — сказали женщины, бормоча соболезнования и прищелкивая языками; новая доктор перенесла трагедию и испытала печаль, знакомую каждой женщине. Они взяли ее за руку и повели к почетному креслу, на котором лежала подушка с кисточками; принесли кушанья, и заиграли музыкальные инструменты. Мужчины на своей стороне переулка расслабля-

лись тем, что рассказывали анекдоты, в то время как женщины теснились вокруг нового доктора, убеждая ее попробовать это, выпить то, сокрушаясь по поводу ее неудачи и соглашаясь в том, что все мужчины — собаки, особенно те мужья, которые отказываются от жен, потому что их младенцы не выживают.

Деклан смотрел на фотографию, которую пустили по кругу, и хотя он видел лицо симпатичного арабского юноши, мальчик был явно обеспокоен. В линии рта читался вызов, глаза выдавали несчастье, и лоб был наморщен, как будто мальчик смутился во время вспышки фотокамеры. Он также заметил его сильное сходство с Жасмин.

Халид сел рядом с Коннором, бормоча:

— Мои боги, саид! Новая доктор для нас — большая неожиданность.

— Да, в самом деле, — сказал Деклан, наблюдая за Жасмин в обществе феллахов: во время улыбки у нее появлялись ямочки на щеках, которые он помнил с момента их знакомства, произошедшего пятнадцать лет тому назад. Она никогда прежде не упоминала о сыне; молодой араб на фотографии оказался для него неожиданностью. Он задумался, какие еще сюрпризы ожидают его.

40

Но в крови Мохаммеда Рашида был яд: у него, у этого яда, были белокурые волосы, синие глаза и фигура, подобная струе льющихся в чашу сливок. Ее имя было Мими, она танцевала в клубе «Кейдж д'Ор», и она даже не знала, что Мохаммед вообще существовал на свете. Но он знал, что она существовала, и, поскольку молодой человек боролся с этим новым наваждением, он мрачно рассматривал маленький пустой офис, который разделял с картотечными шкафами и стопками бумаг, наваленными от пола до потолка. Он задавался вопросом: каким же образом ослепительная Мими когда-нибудь заметит такого незначительного человека, как он.

Едва ли он думал об этом, когда учился в университете. Но ничто из этого не было его ошибкой; каждый говорил, что схема Насера предоставлять правительственные рабочие места всем выпускникам университета, хоть первоначально и хорошая, имела неприятные последствия. Это была жизнеспособная политика в дни отца Мохаммеда, и Омар получил престиж-

ную, хорошо оплачиваемую работу. Но это было больше двадцати лет назад. Теперь университеты выпускали дипломированных специалистов гораздо больше, чем правительство могло их трудоустроить, и дело заканчивалось тем, что их втискивали в аппарат, имеющий слишком большое количество специалистов на высших административных должностях, где люди получали звания, но где было мало работы. В обязанности Мохаммеда входило приносить чай своему начальнику, штамповать горы бесполезных форм и направлять граждан с их жалобами через бюрократический лабиринт со словами: «Бок-ра. Приходите завтра». Маленькое достижение для человека, которому через два месяца будет двадцать пять лет! Он внезапно увидел себя в тридцать лет, и даже в сорок — все еще сидящим в этом темном офисе, все еще не состоящим в браке, все еще девственным и все еще снедаемым страстью по Мими.

Им завладели мысли о ней, об обладании ею. Если бы только он мог жениться, то он сумел бы выплеснуть яд из своей кровеносной системы. Но брак был почти так же недостижим, как и сама Мими, потому что, подобно каждому другому молодому человеку в Каире, Мохаммед сначала должен был накопить денег, чтобы продемонстрировать, что он может содержать семью, после чего следовало бесконечное ожидание квартиры, чтобы жить в этом городе, который становился все более перенаселенным с каждым днем. Как мог он совершить столь потрясающий подвиг на свой несерьезный заработок? Он не мог попросить отца о помощи; у Омара было все еще много детей, которых надо было содержать. И у дяди Ибрагима было достаточно обязанностей с этой толпой народа, живущего на улице Райских Дев.

Мохаммед думал, что он пожертвовал бы чем угодно, только бы поддержать Мими в своих руках...

Когда зазвонил телефон, пробудив его от мечтаний, он отодвинул бумаги, которые предположительно должен был бы обработать несколько недель назад — но к чему все это беспокойство? — и ответил:

— Офис Сеида Юсефа, — подготовленный к тому, чтобы обмануть звонящего обычным: «Сеид Юсеф — очень занятый человек», а затем намекнуть о специальной плате, которая могла бы ускорить дело. Взятки были единственным способом, которым недооплаченный правительственный клерк, подобный ему, мог продвинуться.

Но, к его удивлению, это был его дядя Ибрагим, и голос его звучал напряженно и взволнованно.

— Мохаммед, я пытался дозвониться тете Дахибе, но телефоны в ее доме снова не в порядке. Зайди к ней по пути домой и скажи, чтобы она приехала в мой офис сразу же. Это очень важно!

— Да, дядя, — сказал Мохаммед и повесил трубку, задаваясь вопросом, в чем было дело. Так как ему не хотелось идти в студию тети, он поднял телефонную трубку и набрал ее номер по каирской моде, нажимая цифру, слушая, произошло ли соединение, нажимая следующую и вновь слушая, и так далее. Но после последней цифры номера он был «вознагражден» знакомой тишиной неработающей телефонной линии.

Он посмотрел на часы. Только час дня. Время работы Мохаммеда было с девяти до двух, с часовым перерывом на обед. Но он знал, что его не хватятся, поэтому решил закрыть офис и пойти в единственное место в городе, где он мог предаваться мечтам о Мими.

* * *

Ибрагим повесил телефонную трубку и посмотрел в окно своего офиса, откуда открывался вид перенаселенного Каира. Дороги были забиты «фиатами», такси, лимузинами, ручными тележками, ослиными упряжками и автобусами, снующими под опасным наклоном, тротуары изобиловали мужчинами в деловых костюмах и галабеях, женщинами в парижских платьях или черных мелайях. Ибрагим слышал, что население города достигло пятнадцати миллионов человек и что через десять лет эта цифра удвоится — тридцать миллионов душ будут занимать город, который был построен, чтобы вместить десятую часть этого количества! И он вспомнил печально-добрые дни правления Фарука, когда движение было не такое интенсивное, тротуары просторнее, а город производил впечатление простора и элегантности. Откуда пришли все эти люди? Он отвернулся от этой гнетущей картины, зная, что настроение у него мрачное не потому, что он смотрел на город, который по-прежнему так любил, а потому, что он только что получил результаты анализов из лаборатории.

Они были положительными.

Теперь стоял вопрос о том, как сообщить новости семейству.

Он смотрел на две фотографии, стоящие на его столе: Алиса — молодая, яркая, влюбленная, и Ясмина, которая, казалось, родилась только вчера.

Он почувствовал, что его сердце забилося быстрее. Из всех своих детей, включая Камелию и пять девочек Худы, Ибрагим по-прежнему больше всех любил Ясмину. Ее изгнание из семейства действительно походило на смерть; Ибрагим скорбел, как будто на самом деле похоронил ее. На некоторое время наступило успокоение, когда Алиса поддерживала связь с их дочерью в Калифорнии. Но самоубийство Алисы разорвало последнюю хрупкую связь, и Ибрагим иногда смотрел на небо и задавался вопросом — под каким небом укрыта Ясмина в этот самый момент, в каком месте она находится?

Тем не менее, жизнь была хороша. И он напомнил себе, что иногда нужно остановиться и подсчитать ее благословения. И Ибрагим Рашид решил, что ему повезло больше, чем прочим людям. В конце концов он был авторитетным и состоятельным человеком, он жизненно важный компонент общества. В стране, где система медицинского обслуживания не выдерживала бедности и роста населения, хороших докторов, внимательных и квалифицированных, найти было трудно, поэтому Ибрагим был очень востребован. Он каждый день благодарил Бога за свое хорошее здоровье и энергию: несмотря на то что ему перевалило за семьдесят, он мог похвастаться тем, что обладает конституцией гораздо более молодого человека. Лучшим доказательством этого был факт, что его новая жена наконец забеременела.

Но недолгие минуты радости закончились. Вспомнив результаты лабораторных анализов, Ибрагим набрал номер Дахибы еще раз, но снова услышал только тишину на другом конце провода.

* * *

— Бедро колеблется на восемь счетов, — сказала Дахиба, переходя на заключительном этапе в резкое круговое движение. Одетая в трико и юбку, она показывала, как это должно выглядеть, вытянув руки и качая бедрами, в то время как плечи и грудная клетка оставались неподвижными, а ее студентка смотрела. — Теперь послушай таксим. Позволь музыке влиться в тебя, подобно солнечному свету, почувствуй, как она скользит по твоим венам и костям, пока ты сама не станешь

солнечным светом. Это очень трудная часть, ты должна все прочувствовать, чтобы суметь танцевать под эту музыку.

Дахиба и ее студентка смотрели на магнитофон, пока слушали, как будто ожидали, что из него выплывут музыкальные ноты. Они были одни в студии; Дахиба больше не вела групповые занятия, а преподавала хореографию только индивидуально тщательно отобранным танцовщицам. Все хотели учиться у Дахибы, но не каждого она выбирала. Мими чувствовала, что ей особенно повезло.

— Ну как? — спросила Дахиба, остановив ленту и перемотав ее назад. — Ты почувствовала это? Ты можешь танцевать под эту музыку?

— О да, госпожа!

К двадцати восьми годам у Мими уже был восьмилетний опыт в восточном танце, а до этого — десять лет в балете. Она была хороша, и еще она была честолюбива. Хотя она все еще выступала в клубах, а не в пятизвездочных гостиницах, она быстро прокладывала себе путь в конкурентном мире танца, и ее амбиции так и сияли в ее синих глазах, когда она туго обвязала шарф вокруг бедер и приготовилась подражать наставнице. Настоящее имя Мими было Афаф Фавваз, но она взяла себе французское имя по самой последней моде для балерин.

Когда Дахиба нажала кнопку «play» и повернулась, чтобы посмотреть на Мими, она увидела своего племянника Мохаммеда в дверном проеме, который глазел на Мими, как будто его глаза собирались выпасть из орбит.

— Уходи отсюда, мальчик! — закричала она, начиная закрывать дверь перед его лицом. — Тебе не стыдно?

Он отступил назад, ошеломленный.

«Мими! В красном трико и черных колготках!»

— Итак, в чем дело? — требовательно спросила Дахиба.

— Э-э, вам звонил дядя Ибрагим. Вы должны немедленно идти к нему в офис. Он сказал, это очень важно... — Он повернулся и убежал, а удивленное выражение лица Мими преследовало его, подобно джинну.

* * *

Кофейня Фейруза была обращена к маленькой площади в конце улицы Фами Паша, неподалеку от группы правительственных зданий, где работал Мохаммед. Это было ма-

ленькое старинное заведение с плиточным фасадом, украшенным изящными арабскими письменами. Внутри был полумрак, вдоль стен стояли скамейки, где люди проводили время за чашкой сладкого кофе, играя в кости или в карты, смеясь над своими государственными лидерами, непосредственными начальниками и даже над собой. У Фейруза собирались молодые клерки; другие кофейни вокруг центра города часто посещали артисты, интеллектуалы, оставившие дела богатые бизнесмены, даже гомосексуалисты. Кофейни были для каждого, и они почти все были исключительно территорией мужчин.

Когда Мохаммед свернул с главной аллеи и пошел по узкому переулку, он видел не покрытые граффити стены или красный мотороллер с четырьмя мужчинами, пронесшийся мимо, но улыбку Мими с ямочками на щеках, когда он запинаясь перед ней, подобно школьнику. Он видел ее живьем только два раза до этого: когда она выходила из такси перед «Кейдж д'Ор» на своих потрясаяще длинных ногах, которые предшествовали появлению ее чувственного тела, и в Хан Халили, когда она пробиралась через толпу с костюмом в руке. Кроме этого, он видел ее только по телевизору, где она играла эпизодическую роль в популярной мыльной опере. Но этого было достаточно; он влюбился в нее.

И теперь он увидел ее крупным планом. В трико и колготках! Практически голой!

Когда он ступил на площадь, египетская женщина в западной одежде вышла из галантерейного магазина и пошла впереди него, а ее высокие каблуки стучали по разрушенному тротуару. Внимание Мохаммеда внезапно отвлеклось от Мими и обратилось к пышному заду, обернутому аккуратной юбкой, впереди него, и, когда он приближался к кофейне, где за столом уже сидели его друзья, Мохаммед внезапно потянулся вперед и ухватился рукой за упругую женскую ягодицу.

— Айи! — громко, как сирена, завопила женщина, ругаясь и нанося ему звонкие удары своей сумочкой. Когда Мохаммед закрыл голову руками, чтобы защититься, пешеходы сердито грозили ему кулаками и бранились в его адрес, а друзья, сидящие около двери кофейни, смеялись и стонали, наблюдая за этим представлением.

— Да, Мохаммед! — обратился к нему симпатичный молодой человек, после того как женщина скрылась из виду и толпа рассеялась. Он пропел:

Говорят, что в раю девы живут,

Там фонтаны бьют вином.

Если их можно любить в грядущей жизни,

Конечно, можно это делать и сейчас!

С красным лицом Мохаммед вошел внутрь и стоически отнесся к насмешкам клиентов и владельца, как к хорошему спорту.

Фейруз, однорукий ветеран Шестидневной войны, большую часть времени проводивший, играя в нарды со старыми друзьями-солдатами, принес чай смущенному молодому человеку, в то время как его жена, массивная женщина в черном платье и черной мелайе, которая сидела весь день за кассовым аппаратом и непристойно шутила с проходящими молодыми людьми, выкрикнула:

— Ей-богу, Мохаммед-паша! Вашей руке нужен замок!

Все засмеялись, включая Мохаммеда, когда он сел со своими друзьями и взял у Фейруза стакан чая. В то время как он пытался прислушиваться к последним сплетням и шуткам своих друзей, его мысли снова устремлялись к Мими. «Бисмилла! Она берет уроки у тети Дахибы! Значит, можно было бы встретиться с ней?» У него от этих мыслей закружилась голова.

Сала, молодой человек приятной наружности, который работал младшим клерком в министерстве древностей и рассказывал великолепные анекдоты каждый новый день, что увеличивало его популярность, сказал:

— Александриец, каирец и феллах заблудились в пустыне, умирая от жажды. Перед ними появился джинн и предложил выполнить каждому по одному желанию. Александриец сказал: «Отправь меня на Французскую Ривьеру в компании красивой женщины». И его мигом не стало. Каирец сказал: «Посади меня на красивую яхту, которая будет плыть по Нилу с множеством еды и женщин». Раз — и каирец испарился. Наконец, пришла очередь феллаха. «О, джинн, мне так одиноко, верни моих друзей обратно!»

Молодые люди смеялись и пили чай, который был таким сладким, что казался густым.

— Да, Мохаммед-паша! — сказал усатый Хабиб, используя устаревшее фамильярное обращение, как это делала жена Фейруза. — У меня есть для тебя сюрприз. — Он вытащил из кармана популярный киножурнал и сунул его в руки Мохаммеду.

Четыре молодых человека наклонились поближе к Мохаммеду, который просматривал страницы, задаваясь вопросом, что же было сюрпризом, и, когда он дошел до цветной фотографии, они все вскрикнули.

Мохаммед выпучил глаза. Это была фотография Мими в соблазнительном платье!

— Она супер! — объявил Сала.

— Ты хотел бы жениться на ней? — спросил один, толкая Мохаммеда локтем.

— А вообще на ком-нибудь? — закричал Сала, кто, подобно Мохаммеду и остальным, надеялся сэкономить достаточно денег, чтобы жениться. — Но ты удачлив, Мохаммед-паша! Твой дядя — богатый доктор, который живет в большом доме в Гаден-Сити. Ты можешь привести свою невесту туда!

Мохаммед смеялся вместе с ними, но чувствовал, что старый мрак снова окутывает его. Сала мог бы с таким же успехом говорить о сказках и фантазиях. Дом на улице Райских Дев управлялся прабабушкой Амирой, и у Мохаммеда не было большого желания находиться под ее присмотром. Дом его отца был не лучше, Омар очень часто отсутствовал, бабушка Нефисса постоянно отдавала распоряжения Нале и его единокровным братьям и сестрам. Ей-богу, мужчине нужно уединение с его невестой!

— Завтра. Завтра, — сказал он несчастно. — Инсалла.

Сала хлопнул своего друга по спине и сказал:

— Говорят, что Египет сегодня управляется компанией IBM! — И он расшифровал три знака: — «Инсалла. Бокра. Маалеш!»

Они все засмеялись, но смех Мохаммеда был натянутым. Он не мог перестать думать о Мими. На фотографии в журнале была изображена сцена из кинофильма, в нем она играла порочную женщину, которая совращает набожного человека. Мохаммед не мог отвести глаз от ее белокурых волос, столь длинных, шелковистых и светлых, что они сводили мужчин с ума. Ей-богу, он думал, что законы давних дней

имели смысл — тогда женщине необходимо было покрывать волосы. Как еще мужчина может вести целомудренную и небожную жизнь?

Платиновые завитки волос Мими заставили его подумать о матери, которую, по каким-то причинам, семья считала мертвой. Он никогда не получал от нее писем, кроме как на день рождения, когда приходила открытка. Он собирал их каждый год, так что теперь у него их было двадцать. Мохаммед не позволял себе задумываться над глубокими, тревожащими его ум вопросами: «Почему она уехала, почему она не вернулась и почему никто в семействе не говорит о ней?»

— Ей-богу! — кричал Салах. — Давайте пойдем в кино и посмотрим этот фильм с Мими!

— Он идет в «Рокси», — сказал Хабиб, который допил оставшийся чай и оставил на столе пятипиастровую банкноту.

Когда молодые люди вскочили на ноги, давая повод старшим комментировать нетерпение юности — и к чему спешить, если жизнь так коротка? — Мохаммед заметил мужчину, стоявшего у кофейни, который наблюдал за ним. Мохаммед нахмурился. Лицо этого человека было знакомым. Но откуда?.. А затем он вспомнил: с дней Братства мусульман, к которому недолго принадлежал Мохаммед, пока отец не заставил его уйти. Как звали этого человека?

— Иалла! — сказал Сала, таща его за рукав. — Пойдем!

Когда оживленные молодые люди уходили с площади, смеясь и держась за руки, Мохаммед вновь почувствовал на себе взгляд мужчины. И, присоединившись к толпам на аллее, Мохаммед внезапно вспомнил его имя. Это был Хуссейн, и Мохаммед осознал теперь, что он боялся его.

* * *

Дав на чай маленькому мальчику, который присматривал за ее машиной, в то время как она была в офисе Ибрагима, Дахиба увидела толпу, входящую в кинотеатр «Рокси», расположенный с другой стороны улицы. Когда она разглядела своего племянника Мохаммеда среди них, она чуть не позвала его. Но потом остановила себя. Она села за руль «мерседеса», нажала на клаксон и выехала на одностороннюю полосу движения; когда через несколько минут движение замедлилось и ей пришлось остановиться под рекламным шитом «Rolex», она положила голову на руль и заплакала.

Женщины собрались на застекленном балконе, тети, кузины и племянницы семьи Рашидов, наслаждаясь прохладной погодой и щедростью кухни уммы, в то время как сама Амира наблюдала за сбором урожая недавно зацветшего розмарина — маленьких синих цветов и серо-зеленых листьев. Укладывать их нужно было в отдельные корзины, которые держали две ее правнучки — средняя дочь Налы, тринадцатилет, у нее не было таланта к травам и врачеванию, и десятилетняя дочь Басимы, у которой этот талант был.

Как когда-то мать Али Рашида передала Амире древнее знание врачевания, которое она узнала от собственной матери, так и Амира сквозь все эти годы тщательно следила за тем, чтобы эти тайны были переданы женщинам ее семьи. Некоторые из рецептов ее лекарств были настолько стары, что говорили: они изобретены прапрапрадевой от начала времен.

— Вы знали о том, — спросила Амира девочек, — что растение розмарин за тридцать три года вырастет не выше, чем на шесть футов, чтобы не быть выше Пророка Иисуса?

— Для чего мы будем его использовать, умма? — спросила десятилетняя девочка.

И Амира подумала с тоской: «Ясмина обладала такой жадной познания, она всегда спрашивала, какая трава для какой болезни использовалась. Ясмина, по которой я скорблю каждый раз, когда оплакиваю наших дорогих покойников»!

— Из цветов мы сделаем жидкую мазь, а из листьев — настой, чтобы лечить расстройство желудка.

Она посмотрела вверх, на серое февральское небо, и подумала, не собирается ли пойти дождь. В давние времена дождь не шел так часто. Кто-то сказал по телевизору, что это неожиданный эффект от Асуанской плотины, строительство которой закончили в 1971 году, но только теперь его почувствовали, и одним из следствий было увеличение осадков в Нильской долине из-за испарений с огромного озера Насер позади плотины. Теперь дождь шел даже там, где его никогда не было прежде; древние рисунки гробниц разрушались от влаги и плесени; застойные в прошлом водоемы вдоль Нила во время сезона наводнений промывались мощным потоком воды, теперь они служили причиной болезней. «Изменялись не только времена, — думала она, — но и физический мир вокруг изменялся тоже».

Дни, казалось, теперь бежали. Не вчера ли родилась Зейнаб, а на прошлой неделе — Тахия и Омар? Артрит обосновался в руках Амиры, и неожиданные приступы удушья вторгались в ее грудь. Но она разменяла восьмой десяток, сохраняя изящество. Из-за того, что в течение многих лет она тщательно ухаживала за кожей лица, используя древние тайны красоты, у нее было лицо и осанка более молодой женщины. Но ее душа, как она чувствовала, старела. Сколько страниц было еще ей оставлено в книге Господа?

В последнее время к ней возвращались воспоминания, чаще снились сны. Она чувствовала, как будто плывет по какому-то большому космическому кругу, и чем ближе она приближалась к концу своей жизни, тем ближе она подходила к ее началу. Теперь она видела детали того давнего каравана: разноцветные кисточки на пополах, лежащих на спинах верблюда; прочные палатки, которые разбивали под звездами; людей, поющих вокруг походного костра: «Да, луч луны, пролейся на мою подушку, согрей мою спину...»

Видения квадратного минарета теперь соединялись с воспоминанием о некоем аромате — это было что-то сладкое и неземное. Может, она стояла на дереве, когда смотрела на этот простой маленький город? Или она вдохнула чьи-то духи? Когда она нашла это? В течение многих лет она говорила себе: «В этом году я обязательно пойду в Аравию». Но годы ускользали от нее сквозь пальцы, подобно сыпучему песку. Она всегда говорила: «Завтра я пойду», пока завтрашних дней не осталось меньше, чем вчерашних.

— Розмарин хорош для облегчения судорог, — сообщила Камелия, взяв тонкое синее соцветие из одной корзины. Она сидела на застекленном балконе со своим сыном, шестилетним Наджибом, красивым мальчиком, который унаследовал янтарные глаза своей матери и склонность отца к полноте. Хотя у мальчика на запястье была татуировка коптского креста, Камелия и Якоб воспитывали его и в христианских, и в мусульманских традициях. Из-за своей карьеры танцовщицы у Камелии не было больше детей после Наджиба; но Якоб был доволен сыном и своей приемной дочерью Зейнаб. Их опасениям относительно будущего не суждено было реализоваться. Хотя вспышки насилия продолжались между мусульманами и коптами, Камелия и ее муж наслаждались своим процветанием, так как тираж его газеты вырос и его

репутация как автора тоже, а Камелия стала танцовщицей номер один в Египте. Ее поклонники не отвернулись от нее из-за того, что она вышла замуж за христианина, читатели Якоба не оставили его за то, что он женился на танцовщице. Все говорили: «Маалеш. Не берите в голову. Это желание Бога, что вы вместе».

Камелия взглянула на деликатесы, которые внесли слуги, но ничего не взяла. Только что начался Великий пост — с сегодняшнего дня и до Пасхи коптским христианам запрещалось есть продукты животного происхождения. Они были фактически ограничены в питании бобовыми, овощами и салатом, потому что сыр поступал от коровы, а яйца — от кур. Но Камелия не огорчалась. Ее жизнь стала более насыщенной после того, как она вышла замуж за Якоба, который вовлек ее в мистический и красивый мир людей, живших в Египте до прихода Мохаммеда. Коптам, последователям Святого Марка, нравилась история, богатая рассказами, легендами и чудесами; Якоб фактически был назван в честь первого человека, кого младенец Иисус исцелил во время путешествия Святого Семейства в Египет.

Камелия посмотрела на Зейнаб, сидевшую под спускающейся каскадами глицинией с ребенком кузины на руках. В свои двадцать лет Зейнаб была красивой молодой женщиной. Только протез на ноге приуменьшал ее красоту. «И как она относится к своему маленькому брату Наджибу?» — думала Камелия. С момента рождения Наджиба Зейнаб была ему как мать. Конечно же, в Египте найдется человек, который женится на Зейнаб, хороший человек, который, несмотря на ее физический недостаток, увидит сердце, полное любви.

Время от времени, когда Зейнаб смеялась или отбрасывала за спину свои легкие каштановые завитки, Камелия улавливала ее сходство с Хасаном аль-Сабиром, которое напоминало ей о происхождении девочки. А затем она почувствовала приступ старого страха, что Ясмина может однажды неожиданно появиться и рассказать Зейнаб правду: что она — плод внебрачной связи, что ее отца убили, а мать изгнали. За последние годы ее опасения, что тайна может быть раскрыта семейством, уменьшились: более молодые Рашиды думали, что Камелия была действительно матерью девочки, а старшие хранили правду. Но появление Ясины нарушит

тщательно выстроенную иллюзию, и она боялась, что правда может навредить Зейнаб.

Нефисса всегда была готова противостоять мнениям других, поэтому сказала:

— Розмарин! Всем известно, что лучшее средство от судорог — ромашковый чай, — и она улыбнулась ребенку, сидевшему на ее коленях, — своей новой правнучке, ребенку Асмахан. В шестьдесят два года искривленная линия рта Нефиссы стала настолько постоянной, что, даже когда она улыбалась, ее губы изгибались вниз, вместо того чтобы изогнуться вверх. К этому присоединилось и высокомерие: оно сквозило в линиях ее аккуратно подведенных бровей, потому что теперь она была прабабушкой — а это наиболее уважаемый статус.

Однако Нефиссе не нравилось думать о Тахии, как о бабушке, потому что тогда она казалась самой себе ужасно древней. Куда подевалась ее юность? Разве не вчера она бесстыдно соблазнила английского лейтенанта и заставила его прийти к ней на свидание в королевский дворец? Нефисса пыталась не останавливаться мыслями на старых днях, предпочитая размышления о своем теперешнем благополучии. Единственное, о чем она сожалела, было то, что ее дочь не вступила во второй брак после смерти Джамала Рашида. Тахия по-прежнему продолжала упорно верить, что Захария когда-нибудь вернется. Как она могла цепляться за такую безумную мечту, после того как прошло почти пятнадцать лет, в течение которых о нем не было слышно ни слова? «Может, он утонул в Ниле, — думала Нефисса, качая на руках маленькую Фахиму. — Может, он присоединился к Алисе в вечных муках».

Когда Нефисса слышала смех Зейнаб, она посмотрела на девочку, в чьих волосах играл солнечный свет и чьи глаза так сильно напоминали Ясмину. Было в ней что-то и от Алисы в длинных гладких руках и в ее манере изгибать запястье. А когда Нефисса видела ямочки на щеках Зейнаб, она видела Хасана аль-Сабира.

Как давно, казалось, это было ее собственное безумное увлечение Хасаном, ее унижение, когда он засмеялся и сказал: «Почему я должен на тебе жениться?» Его убийцу так и не нашли. У такого человека, как он, сказали детективы, должно быть очень много врагов. Список людей, которые хотели бы видеть его мертвым, был слишком велик, чтобы

все подробно расследовать; подозреваемых было так же много, сообщила полиция, как и жителей в Каире. И, в конце концов, преступника не нашли. Но Нефисса иногда задавалась вопросом, появится ли однажды ключ к этой загадке и будет ли наконец установлена личность его убийцы.

Когда ребенок начал плакать, она встала, чтобы передать его Асмахан, которая сплетничала с Фадиллой, и, спускаясь по ступенькам с балкона, бросила взгляд через открытые ворота на автомобиль, припаркованный на обочине, — «мерседес» ее сестры. Любопытство Нефиссы распалилось. Почему Дахиба и ее муж сидели там, а не выходили из машины?

* * *

— Мы поедем в Америку, — мягко говорил Хаким Рауф, и слезы струились по его лицу. — Мы поедем во Францию, в Швейцарию. Мы найдем специалистов и средство. Пророком клянусь, любовь моя, если ты умрешь, я тоже умру! Ты моя жизнь, Дахиба!

Когда он разрыдался, она обняла его и сказала:

— Ты самый замечательный мужчина, который когда-либо жил на свете! Я не могла иметь детей, и ты ничего не имел против. Я хотела танцевать, и ты разрешил мне. Я писала опасные статьи, и ты поддерживал меня. Создавал ли Бог когда-нибудь более совершенного мужчину?

— Я не совершенен, Дахиба! Я был тебе не лучшим мужем!

Она прижала ладони к его щекам и сказала:

— Муж Алифы Рифаат запретил ей писать, так что она писала свои рассказы в тайне, запершись в ванной, и только после его смерти она смогла издать их. Ты хороший человек, Хаким Рауф. Ты спас меня от улицы Мохаммеда Али!

— Мне пойти с тобой?

— Я хочу поговорить со своей матерью наедине. Я буду дома позже.

Дахиба вошла в сад и помахала матери еще в начале дорожки. Амира посмотрела на нее с удивлением. Грубость не была свойственна ее дочери.

В доме Дахиба сообщила новости спокойно и серьезно:

— Я пошла к Ибрагиму с одной проблемой, умма. Он взял несколько проб на анализ. Анализы свидетельствуют о том, что у меня рак.

— Боже милосердный!

— Ибрагим думает, что, возможно, уже слишком поздно удалять опухоль. Я буду требовать операционного вмешательства, но это не может меня сильно обнадежить.

Амира обняла ее, бормоча:

— Фатима, дочь моего сердца, — и в то время, пока Дахиба говорила об операции, химиотерапии и облучении, Амира мысленно рассмотрела другой способ лечения.

Лечение Бога.

* * *

Мохаммед поспешил в дом, надеясь подняться наверх незамеченным. Когда он услышал волнение в большом салоне, где все женщины говорили громко и одновременно — наверное, что-то случилось, но его это не заботило, — он помчался к своей комнате в мужской части дома. После двух часов сидения в темном кинотеатре вместе с группой веселых молодых людей он весь горел. Мими — там, на экране, такая красивая, такая желанная! В своей комнате он сел на кровать, прикрепил фотографию рядом с портретом матери — и обомлел. Поскольку фотография его матери была старой, эти две женщины, казалось, были в одном и том же возрасте, и между ними было смутное сходство, которого он не заметил прежде. Пристально глядя на два красивых лица, он думал: «Как красота могла быть настолько разрушительной? Как такое очарование могло причинить столько страданий?» Разве его мать не сделала его несчастным почти на всю жизнь? И теперь — разве эта вторая белокурая красotka не делала его столь же несчастным?

Слезы ослепили его настолько, что, положив две фотографии рядом, Мохаммед не мог отличить одну от другой.

41

— Клянусь бородой Пророка, мужчине нужна женщина, — заявил Хадж Тайеб, в то время как Деклан Коннор обследовал его. Пожилой феллах в белой, украшенной бисером тюбетейке на голове и в белом халате, который прикрывал его костлявое тело, Тайеб приобрел прозвище Хадж — паломник — после того, как сходил в Мекку. — Нехорошо держать внутри свою сущность, — продолжил он старческим каркающим голосом. — Мужчина должен выпускать ее каждую ночь.

— Каждую ночь! — прокричал Халид, который как член бригады передвижного госпиталя сидел на привилегированном месте рядом с доктором. Остальные мужчины заняли стулья и скамьи перед кофейней, которая выходила на деревенскую площадь.

— О, боги мои, — сказал феллах с телом быка. — Как может мужчина делать это каждую ночь!

Хадж Тайеб сказал набожно:

— Я делал.

— Именно поэтому вы и измотали четырех жен! — прокричал Абу Хосни из внутренней части кофейни, и мужчины засмеялись.

— Точно, саид, — сказал Хадж Тайеб. — Вы должны жениться на докторше.

Поскольку другие мужчины согласились, сопровождая это согласие сочными комментариями о том, какой будет первая брачная ночь, Деклан Коннор просмотрел на Жасмин, находящуюся на другой стороне деревенской площади, где молодые матери вручали ей своих младенцев, подобно подношениям. И он думал, как он часто размышлял в последнее время о том, чтобы заняться любовью с Жасмин.

На улице был сине-золотой полдень, полный мух, пыли и жары; феллахи готовили площадь для сегодняшнего празднования дня рождения Пророка с пересказами всевозможных историй, различными танцами, кукольными представлениями и огромным количеством еды — больше, чем сельские жители съедали за месяц. Празднество начнется после вечерней молитвы, молодые женщины отправятся на крыши близлежащих домов, чтобы наблюдать, оставаясь невидимыми, за тем, как мужчины, дети и пожилые женщины будут толпиться на площади, чтобы разделить роскошный банкет с почетными гостями, с бригадой передвижного госпиталя Фонда Тревертон.

Сама площадь была сердцем этой маленькой деревни без названия в верховьях Нила, с узкими кривыми переулками, которые расходились от нее, как спицы квадратного колеса. Здесь, в центре жизни крестьян, находился оплот каждой египетской деревни: колодец, который был царством женщин; кофейня, принадлежавшая мужчинам; маленькая побеленная известью мечеть; лавка мясника, где даже теперь горло овец разрезалось в соответствии с предписанием Ко-

рана; пекарня, к которой сельские жители каждое утро приносили тесто с отличительными знаками, чтобы забрать в конце дня свой хлеб, испеченный в духовках. Фермеры сидели на корточках вдоль стен, чтобы продать свою продукцию, возле своих апельсинов, помидоров, огурцов и салата, в то время как странствующие коробейники предлагали пластмассовые сандалии, книжки комиксов, расшитые бисером тюбетейки и опрятные груды специй — шафрана, кориандра, базилика и перца, которые можно было купить на пиастр и положить в свернутый конусом бумажный пакетик.

На площади царило оживление и шум, создаваемый козлами, ослами и собаками, насыщающими воздух своими запахами, детьми, взволнованно бегающими вокруг, и сельскими жителями, группирующимися в любопытстве вокруг двух иностранных докторов, когда Жасмин и Деклан Коннор открыли каждый свою клинику на свежем воздухе.

— У вас трахома, Хадж Тайеб, — сказал Деклан пожилому паломнику, который сидел на шатающемся стуле напротив рекламного щита «Пепси» и изысканных каллиграфических упоминаний имени Аллаха, выписанных на стене из земляного кирпича. — Это можно вылечить, но вы должны принимать лекарство именно так, как я говорю.

Абу Хосни, владелец кофейни — закутка между деревенской пекарней и сапожником, — весело сказал:

— Клянусь Пророком, ваша честь, Хадж Тайеб прав. Почему вы не женитесь на докторше?

— У меня совершенно нету времени для жены, — сказал Деклан, когда полез в свою медицинскую сумку. — Я должен здесь работать, и доктор Ван Керк тоже.

Хадж Тайеб сказал:

— При всем уважении к вам, саид, скажите, сколько у вас сыновей?

Деклан закапал тетрациклин в глаза старика, а затем, вручив ему пузырек с инструкциями применять капли ежедневно в течение трех недель, ответил:

— У меня один сын, он учится в колледже.

— Только один? Мои боги, саид! У мужчины должно быть много сыновей!

Деклан сделал знак следующему пациенту, молодому феллаху, который поднял свою галабею, чтобы показать инфицированную рану, и, пока Деклан продолжил осматри-

вать ее, Абу Хосни снова закричал из внутреннего помещения кофейни:

— Скажи мне, саид, к чему все эти разговоры об ограничении рождаемости? Я не понимаю этого.

— Планета становится перенаселенной, Абу Хосни, — ответил Деклан владельцу кофейни, который появился в дверном проеме в грязном переднике поверх галабеи. — Люди должны начать ограничивать размер своих семей. — Когда Деклан получил в ответ озадаченный взгляд мужчины, он спросил: — У вас и вашей жены пятеро, так?

— Да, это так, хвала Господу.

— И пятеро внуков?

— Господь благословил нас.

— Итого, двенадцать человек вместо вас двоих. Предположим, что каждые два человека будут производить на свет десять новых людей. Вы можете себе представить, каким перенаселенным будет мир?

Владелец кофейни махнул рукой по направлению к пустыне.

— Там много места, саид!

— Но ваша страна даже не может прокормить тех людей, которые уже живут здесь сейчас. А что случится с вашими внуками? Как они будут жить в переполненном мире?

— Маалеш, саид. Не о чем волноваться. Бог обо всем позаботится.

Но Хадж Тайеб, пыхтящий своей водяной трубкой, сказал сердито:

— Медсестра из района приходит, чтобы проводить занятия для наших девочек. Это опасно — давать девочкам образование.

Деклан сказал:

— Дайте образование мужчине, и вы обучите только одного человека, Хадж Тайеб. Дайте образование женщине, и вы обучите всю семью. — Он вернулся к осмотру раны феллаха, пытаясь подавить нетерпение и напоминая себе, что он уезжает уже через пять недель, и в то же самое время пытался игнорировать женский смех, который внезапно зазвучал у колодца, где собрались женщины.

Он не мог выбросить Жасмин из головы.

Они потратили прошедшие шесть недель, перемещаясь от деревни к деревне, пытаясь сделать детям прививки. Это бы-

ла задача не из легких: бригада, состоявшая из Коннора, Жасмин, Насра и Халида, приезжала в деревню, останавливалась на площади, и с помощью районной медсестры или врача руководила вакцинацией младенцев между тремя и восьмью месяцами — против туберкулеза и полиомиелита, а детей между девятью и четырнадцатью месяцами комбинированно прививала от полиомиелита, желтой лихорадки и кори. Роженицы получали противостолбнячную сыворотку из-за высокого риска инфекции после отрезания пуповины.

Это была долгая и тяжелая работа, потому что нужно было уговаривать мужей, чтобы они позволили своим женам выйти из дому; а матерей нужно было убеждать в том, что младенцам-девочкам нужна та же прививка, что и мальчикам. Когда они заканчивали, нубиец Наср и районная медсестра демонтировали прививочные пистолеты, упаковывали шприцы и загружали «тойоты», пока Жасмин и Деклан давали индивидуальные консультации: она — для женщин у колодца, он — для мужчин в кофейне.

— Это серьезная рана, — сказал Деклан мужчине, которого осматривал, пытаясь сконцентрироваться на работе, а не на Жасмин. — Вы должны пойти в районную больницу, чтобы вам почистили рану. Если вы не сделаете этого, вы можете умереть.

— Смерть приходит ко всем нам, — заявил Хадж Тайеб. — Так написано: «Везде, где бы вы ни были, смерть настигнет вас, даже если вы скроетесь в укрепленном замке. Ничто из того, что вы сделаете, не продлит вашу жизнь ни на одну минуту».

Деклан сказал:

— Это правда, Хадж Тайеб. Но даже в этом случае человек, который однажды спрашивал Пророка о судьбе, задал ему вопрос, стоит ли ему привязать верблюда, когда он пойдет в мечеть молиться, или просто доверить животное Богу, чтобы Он охранял его. И Пророк ответил: «Привяжи своего верблюда и верь в Бога».

Многие засмеялись, а Хадж Тайеб проворчал что-то и вернулся к своей водяной трубке.

— Я не шучу, Моссейн, — серьезно сказал Деклан молодому феллаху. — Вам нужно идти в больницу.

Но феллах уверял Деклана, что заплатил десять пиастров деревенскому шейху, чтобы тот написал магическое заклинание на кусочке бумаги, которая была приклеена ему на грудь.

— Вас обманули, Моссейн, — сказал Деклан. — Этот кусок бумаги не собирается лечить вашу рану. Это отсталое мышление, вы понимаете? Мы сейчас живем в двадцатом столетии, и вы обязаны пойти в больницу и почистить эту рану должным образом, или яд распространится по всему вашему телу.

Пока Деклан давал крестьянину антибиотик, а затем перевязывал рану, Халид начал рассказывать историю о трех феллах, которые пошли к проститутке. Но Деклан слышал эту шутку бесчисленное количество раз за прошедшие шесть недель, поэтому он сосредоточился на осмотре следующего человека, одновременно украдкой наблюдая за Жасмин, беседующей с женщинами у колодца. Они показывали ей, как повязать ее шарф на один из модных новых тюрбанов.

Но Деклан знал, что, хотя молодые жены и пожилые свекрови и тещи смеялись над Жасмин, дразнили ее и льстили ей, между ними происходило нечто большее, чем простое упражнение по овладению модными новинками.

Опыт Коннора в Верхнем Ниле научил его, что женщины больше беспокоились о семье. В то время как мужчины проводили время в кофейнях, наслаждаясь двумя наиболее ценными дарами Бога Египту — чрезмерным досугом и бесконечным солнечным светом, заявляя, что все, что нужно человеку, чтобы иметь рай прямо на земле, — это жена с большой грудью и много сыновей, чтобы они работали в поле, женщины должны были позаботиться о будущем.

«Чем они сейчас и занимались», — подумал Деклан, наблюдая, как они окружили Жасмин: женщины в гофрированных старомодных платьях — мода, предписанная ритуалом столь же древним, как и сам мир. Одета в халат пастельного цвета, возвышающаяся над женщинами, Жасмин была почти подобна жрице в их кругу, к которой они приближались застенчиво или из любопытства, чрезвычайно вежливо и почтительно, шепча и переговариваясь, подобно служанкам и хранительницам тайн. «Какие секретные просьбы они нашептывали ей?» — задавался вопросом Деклан. Вопросы о воспроизведении потомства, возможно, или о зачатии, контрацепции, об аборте, о снадобье для смерти или жизни. Независимо от того, что это было, там, у скромного деревенского колодца, определялось будущее нации, в то время как мужчины грели стулья в кофейне, пересказывая старые шутки и говоря: «Зачем волноваться? Гибнут ва-

ши зерновые посевы, маалеш, не берите в голову. Всегда есть бокра, есть завтра, Бог всемогущий, инсалла».

Деклан наблюдал, как Жасмин снова пыталась с помощью своих хихикающих компаньенок завязать тюрбан вокруг своих белокурых волос, расправляя треугольник шелка абрикосового цвета на голове, затем скатывая концы, обвивая ими голову и подворачивая их на затылке. Когда она поднимала руки, он мог видеть очертания ее тела под халатом, тонкие бедра и упругую грудь. Его пронзило сексуальное желание — как стрела. Он вспомнил о многих вечерах, проведенных вместе в его офисе, когда они работали над переводом. Они были тогда на пятнадцать лет моложе, Жасмин, подобно девочке, все еще была невинной, несмотря на свое образование и на то, что она объехала полмира, и он сам, все еще идеалистически настроенный, все еще думающий, что мир можно спасти.

Он вспомнил теперь первый раз, когда увидел ее: она вошла в его кабинет в тот дождливый мартовский день. Он был поражен ее внешностью, найдя ее экзотической, даже до того, как она сказала, что она египтянка. В ней была какая-то робость и одновременно настойчивость. Под застенчивой внешностью, которую, как заметил Коннор, большинство арабских женщин культивировали в начале жизни, он ощутил необычайную решительность. И в последующие дни, когда они вместе составляли медицинский справочник на арабском языке, когда они работали в маленьком помещении его кабинета, заставляя друг друга смеяться, или в серьезные моменты — даже тогда он ощущал в Жасмин некое внутреннее противоречие, как будто две души боролись, чтобы занять одно тело. Она говорила свободно о Египте и иногда даже о своем собственном прошлом, но, когда он пробовал втянуть ее в разговор о ее семье, она замолкала. Он видел, что в ее глазах сияет любовь к Египту, и наблюдал сияние его культуры в ее глазах, особенно когда она написала свою специальную главу о необходимости учета местных традиций, и вместе с этим она, казалось, хотела разорвать свои личные связи с этой страной и с ее жителями. Было похоже, что она сама не знала, к какой культуре принадлежит, и Деклан подумал о книге, которую в то время читали некоторые студенты в университетском городке, — «Чужестранец в чужой стране»: ему тогда казалось, что это написано о ней.

Когда проект подошел к концу и рукопись была отправлена в Лондон, он понял, что многого не узнал о молодой женщине, которая, к его удивлению, стала сводить его с ума. В их редкой переписке в течение последующих лет он узнал о ней лишь немногим больше: Жасмин заполняла свои письма новостями о медицинском факультете, потом об интернатуре и, наконец, о работе в клинике, так что к тому времени, когда она приехала в Аль Тафию, она по-прежнему оставалась для него загадкой.

Но потом, за эти шесть недель, с того момента как она приехала, произошла любопытная вещь.

Бригада передвижного госпиталя курсировала по деревням между Луксором и Асуаном, и, так как феллахи были везде одинаковы, они немедленно начали расспрашивать Жасмин, как они делали, увидев любую новую женщину в деревне:

— Вы замужем, у вас есть сыновья? — потому что эти факты устанавливали иерархию и протокол; как только точно знаешь свое место, можешь расслабиться. В начале Жасмин неохотно делилась информацией, почти против воли показывая фотографию своего сына и говоря о двух своих мужьях: о том, который бил ее, и о том, который оставил ее после выкидыша. Она мало рассказывала о большом доме в Каире, где она выросла, о школах, которые она посещала, об известных людях, которых знал ее отец.

Но это было вначале. После первых двух недель Коннор заметил любопытное и едва уловимое раскрытие Жасмин, подобно дому, в котором кто-то изнутри открывает окна, одно за другим, пока в него не вольется воздух и солнечный свет. Теперь она упоминала имена; она свободно говорила о прабабушке Амире, тетушке Дахибе, кузине Дорее. Ее смех звучал более свободно, более спонтанно с каждым новым днем. Деклан заметил, что она даже начала флиртовать со старым Халидом, у которого была строгая жена и дети.

«Она снова становится египтянкой», — думал он, набирая в шприц лекарство и пытаясь ослабить тревогу пациента. Она была похожа на женщину, которая вернулась домой.

«И все же, — размышлял он, наблюдая за ней через площадь, — она не поехала домой». Насколько он знал, Жасмин не звонила и не писала своей семье в Каире; она не строила планов поездки в гости. Вспоминая теперь о решительности,

которую он увидел в ней пятнадцать лет назад, ее отчаяние из-за того, что ее могут выслать обратно в Египет, и наблюдая, как она ожила здесь, в деревнях, он задавался вопросом: что руководило ею, что заставляло ее так самоотверженно помогать этим крестьянам, в то время как она поворачивалась спиной к тем людям, которые были ее родственниками?

* * *

Когда Жасмин подворачивала концы шелкового шарфа под тюрбан, который она из него сделала, она посмотрела на доктора Коннора, сидевшего у кофейни с мужчинами, и увидела, что он быстро отвел взгляд.

Он озадачивал ее. Хотя он все еще напоминал человека, который на митинге против бомбы справедливо провозглашал потребность в новом общественном сознании, и улыбался он той же улыбкой, которая пленила ее сердце пятнадцать лет назад, она поняла, что он стал другим. Она почти не знала его. Жасмин хотел спросить: «Что случилось, отчего вы так изменились? Почему вы утверждаете, что вам теперь все равно? Почему вы говорите, что все наши усилия здесь, в Египте, бесполезны?» Иногда она наблюдала, как он один сидит вечером, куря одну сигарету за другой, искоса глядя на дым, как будто ища ответ на некий важный вопрос. В такие минуты она хотела сказать: «Пожалуйста, не уезжайте. Оставайтесь здесь!» Через пять недель она его потеряет...

Возникшее желание помочь ему основывалось не только на любви — любви, которая, как она знала, родилась однажды дождливым полднем, когда она приняла судьбоносное решение сократить путь и пройти через крытую галерею к кабинету декана. Была еще и другая причина, почему она хотела помочь ему: Деклан Коннор стал поводом для ее возвращения в Египет. И за это она будет ему всегда благодарна.

Потому что, похоже, свершилось чудо.

— Скажите мне, саида доктор, — спросила ум Тьюфик, прижимая к груди ребенка. — Ваша современная медицина действительно работает?

Держа стетоскоп у груди пожилой женщины, которая жаловалась на лихорадку и слабость, Жасмин ответила:

— Современная медицина работает, ум Тьюфик, но все зависит от пациента. Например, пришел ко мне однажды феллах по имени Ахмед с сильным кашлем. Я дала ему пузы-

рек с лекарством и велела принимать его по большой ложке каждый день. Он ответил: «Да, саида», и ушел. Но когда он пришел через неделю, его кашель усилился. «Вы принимали лекарство, Ахмед?» — спросила я. — «Нет, саида», — ответил он. — «Почему нет?» — спросила я. — «Потому что я не смог засунуть ложку в пузырек».

Женщины засмеялись и согласились, что все мужчины беспомощны, и Жасмин смеялась вместе с ними своей собственной шутке. Она не могла вспомнить, когда чувствовала себя настолько счастливой или настолько живой. И это было чудо!

Осматривая странную сыпь на руке своей пожилой пациентки, Жасмин вспоминала свои первые дни в Англии — более двадцати лет назад, когда она поехала требовать свое наследство и познакомилась с единственной родственницей по линии Вестфолов — сестрой старого графа, леди Пенелопой. Жасмин тепло приняла в доме этой женщины, и за чаем пожилая Пенелопа Вестфол сказала: «Твоя мать унаследовала свою любовь к Ближнему Востоку от своей матери, твоей бабушки, леди Фрэнсис. Мы с Фрэнсис были лучшими подругами, я вспоминаю, как она тянула меня посмотреть «Шейха» сотни раз. Бедняжка вышла замуж за моего скучного, лишенного воображения и совершенно неромантического брата! Фрэнсис совершила самоубийство, ну, ты знаешь».

Но Жасмин не знала, и эта новость оказалась для нее ошеломляющей. Ее мать никогда не упоминала, как умерла бабушка Вестфол, что она, как сказала тетя Пенелопа: «Однажды засунула голову в духовку и включила газ». Но это новое знание заставило Жасмин задуматься о вещах, которые она не обдумывала прежде: дядя Эдвард случайно застрелился, когда чистил свое ружье, а сама Алиса погибла в автомобильной катастрофе. Но были ли эти истории правдивы, или же истина была скрыта? А может, в семье передавались по наследству эта депрессия и склонность к самоубийству?

Пока еще Жасмин никогда не думала о том, чтобы лишиться себя жизни, но в первые месяцы после того, как она оставила Египет, она познала глубокую и мрачную депрессию, которая испугала ее. И затем, когда приняла решение вернуться в Египет, чтобы работать с доктором Коннором, и взяла себя в руки, потому что гнев, горе и все эмоции, которые она испытала после того, как Ибрагим объявил ее мерт-

вой, долго сдерживала в себе, к ее удивлению, ничего подобного не произошло. Вместо этого она пережила удивительное возрождение, и с ним пришли былое счастье и радость, которые она знала прежде, как будто они тоже лежали глубоко скрытыми под плохими воспоминаниями, чтобы она не могла столкнуться с ними. Лишь только возможность разговаривать на египетском варианте арабского, испытывать вкус еды, знакомой с детства, слышать, как египтяне смеются над самими собой, не относясь слишком серьезно ни к себе, ни к своей жизни, сидеть у Нила и смотреть, как он изменяется от восхода солнца до появления луны, чувствовать плодородную почву под ногами и горячее солнце на плечах, снова оказаться связанной с древним ритмом Нильской долины — эта возможность пробудила и восстановила ее и физически, и духовно.

Но, по странной иронии судьбы, с ее возрождением пришло понимание того, что что-то, казалось, умирало в Деклане Конноре.

— У вас есть кровь в моче, умма? — с уважением спросила она пожилую женщину, полностью укутанную в черную одежду. — У вас болит живот?

Когда феллаха кивнула в ответ на оба вопроса, Жасмин сказала:

— У вас болезнь крови, которая бывает от застойной воды. — Она хотела сразу же сделать укол, но у них за последние дни было так много случаев шистосомоза, что весь плазквантель закончился.

— Вам нужно пойти к районному доктору, умма, — сказала она, записывая инструкции на кусочке бумаги. — Это лекарство выведет болезнь из вашей крови, но с этого времени вы должны стараться не ходить по застойной воде, иначе вы снова заразитесь.

Пожилая женщина взяла бумагу, посмотрела на нее мгновение и молча удалилась. Жасмин подозревала, что к доктору она не пойдет и что бумага будет кипятиться в чае для изготовления волшебной микстуры.

— Благословенная саида! — сказала ум Тьюфик, отняв ребенка от груди и накрываясь покрывалом. — Вы можете дать мне микстуру, чтобы делать младенцев? Моя сестра замужем уже три месяца, и у нее все еще нет никаких младенцев. Она боится, ее муж устанет от нее и найдет себе другую жену.

Остальные сочувственно покачали головами. Удачливые женщины беременели в первый же месяц замужества.

— Вашей сестре нужно идти к врачу на обследование, чтобы выяснить причину проблемы, — произнесла Жасмин.

Но ум Тьюфик покачала головой и сказала:

— Моя сестра знает причину. Она рассказала мне, что через три дня после свадьбы она шла по полю и два ворона летели перед нею. Они сели на дерево акации и посмотрели прямо на нее, и она сказала, что в тот момент почувствовала, что в нее вселился джинн. Это, саида, и есть причина ее бесплодия.

Видя упрямый подбородок женщины, Жасмин сообщила ум Тьюфику:

— Ваша сестра, возможно, права. Скажите ей, пусть возьмет два черных пера и носит их под платьем, вот здесь, — и она указала на свой живот. — Она должна носить эти перья в течение семи дней и пересказывать наугад открытую суру Корана семь раз каждый день. Потом она должна убрать перья на семь дней, а после этого носить их снова. Если она будет делать это в течение нескольких недель, джинн уйдет из ее тела.

Это был не первый случай, когда Жасмин выписывала «волшебные снадобья». С каждым золотым восходом солнца и с каждым алым закатом она чувствовала, что Египет возвращал ее к себе — старый мистический Египет, о котором много лет назад ей рассказывала Амира. Поэтому теперь, когда Жасмин слушала ветер, она слышала в этом звуке зазывания джинов; и когда она принимала ребенка, она читала древние заклинания, чтобы отпугнуть злой глаз. Жасмин поняла мощь вековых тайн: она видела волшебное исцеление там, где не помогали антибиотики, и видела, что силы суеверий имеют успех там, где бессильна медицина.

— Посмотрите, как за вами наблюдает доктор, саида, — сказала ум Джамал, и женщины начали бросать быстрые, застенчивые взгляды на Деклана через площадь. — Я разведусь, ей-богу, если этот человек не влюблен в вас!

Женский смех разлетелся по площади, подобно шелесту птичьих крыльев: молодые жены наслаждались этим редким случаем, чтобы собраться и пообщаться, потому что все они очень скоро должны были вернуться в свои дома из земляного камня, к строгой изоляции.

— Сегодня вечером на банкете в честь дня рождения Пророка, — сказала ум Джамал, — я прочитаю на саида любовный заговор для вас, доктор.

— Это не принесет никакой пользы, — ответила Жасмин. — Доктор Коннор скоро уезжает.

— Значит, вы должны заставить его остаться, саида. Это ваша обязанность — сделать так. Мужчины думают, что они приходят и уходят, когда им вздумается, но именно мы решаем, что они захотят сделать, хоть сами они и не знают об этом.

И более молодые женщины, только что начавшие понимать свою реальную скрытую власть, захихикали.

— Докторша должна выйти замуж за саида и иметь детей, — решила ум Тьюфик, и старшие женщины согласились, кивая головами, задрапированными в черные покрывала.

— Я слишком стара, умма, чтобы иметь детей, — произнесла Жасмин, убирая стетоскоп и кладя его в медицинскую сумку. — Мне скоро будет сорок два.

Но ум Джамал, женщина внушительного роста, фертильный возраст которой уже прошел, имела двадцать два внука. Она игриво посмотрела на Жасмин и изрекла:

— У вас все еще могут быть дети, саида! Когда я родила своего младшего ребенка, мне было почти пятьдесят. Клянись разводом! — И добавила с удовлетворенным вздохом: — Я родила этому мужчине девятнадцать детей! Он никогда не смотрел на других женщин!

Хотя Жасмин засмеялась, она подумала о том, как иногда, когда ей на руки клали младенца или когда она видела матерей вместе с дочерьми, она чувствовала боль потери двух своих собственных младенцев. Даже при том, что она принимала свои потери как желание Бога, она все еще иногда задавалась вопросом, каково это — иметь собственную маленькую девочку? Она думала о бедном ангелочке, родившемся накануне Шестидневной войны. Ребенку был бы теперь двадцать один год, если бы она осталась жить. И для Жасмин совершенно не имело бы значения то, что этот ребенок — часть Хасана аль-Сабира; она любила бы ее с той же преданностью, какую феллахи испытывают к своим дочерям.

И она каждый день вспоминала о своем сыне. Думал ли о ней Мохаммед, упоминал ли ее или спрашивал о ней? Думал ли он о ней как о живой, или она была, как тетя Фатима, чьи фотографии были удалены из семейного альбома, — все рав-

но, что мертвая? Жасмин думала, что хотела бы только раз увидеть Мохаммеда из какого-нибудь безопасного места. Не приближаться к нему, не вмешиваться в его жизнь и не навлекать на него боль и позор, но только понаблюдать за ним любящими глазами матери, увидеть, как он смеется, как ходит, услышать его голос и запечатлеть его в памяти. Мохаммед был теперь мужчиной; все эти годы Жасмин носила в своем сердце мальчика, и она не могла представить себе мужчину, которым он, должно быть, стал теперь. Походил ли он на Омара? Был ли так же избалован и эгоистичен? «Нет, — решила она. — Мохаммед — часть меня, он — часть Алисы; и доброта всегда была в нем тоже».

Ум Джамал произнесла, внезапно став серьезной:

— При всем уважении и почтении к вам, саида, вы должны выйти замуж за саида. Вы все время проводите вместе. Это нехорошо — незамужняя женщина вместе с мужчиной.

— Вам не о чем беспокоиться, — сказала Жасмин, потому что правда состояла в том, что они с Декланом редко были вместе наедине или вообще вместе, потому что каждый раз они прибывали в деревню и пользовались гостеприимством феллахов. Жасмин и Деклан всегда разделялись: она, чтобы сидеть с женщинами, он — с мужчинами. А ночевка обычно подразумевала то, что Жасмин принимали в одном доме, а Деклана — в другом. Единственное время, когда они действительно были вместе, настолько близко, что даже касались друг друга, это когда они ехали на «лендкрузере» по ухабам проселочных дорог, по гравевым дорожкам между полями с хлопком и сахарным тростником.

Наконец она пожелала женщинам «Мулид мубарак Алейкум» — счастливого дня рождения Пророка, и молодые жены исчезли так же неожиданно, как и появились ранее, затерявшись в узких переулках, с младенцами на руках или на спине и с детьми, которые держались за края ярких старомодных платьев своих матерей. Пожилые женщины, закутанные в черные покрывала и платки, разошлись, укрылись в нескольких тенистых местах на площади, чтобы поесть орехов, посплетничать и понаблюдать, как проходит послеполуденное время до начала вечерних празднеств. Жасмин осталась одна со своим медицинским оборудованием, которое нужно было упаковать в сумку, и с воспоминаниями.

Она посмотрела через площадь, и глаза Деклана встретились с ее глазами.

Осознав, что наблюдал за ней, он быстро отвернулся. Защелкнув замок своей медицинской сумки, он сказал мужчинам, собравшимся перед кофейней Абу Хосни:

— Увидимся на празднике сегодня вечером, инсалла.

Когда он повернулся, чтобы уйти, феллах в потрепанной галабее неожиданно отделился от толпы зрителей и предложил ему большого египетского скарабея, вырезанного из известняка:

— Я продаю его вам, саид, — радостно сообщил он Деклану. — Очень древний. Четыре тысячи лет. Я лично знаю могилу, из которой его привезли. Для вас — пятьдесят фунтов.

— Извини, друг мой. Я не интересуюсь старыми вещами.

— Новая модель! — сказал феллах, указывая на скарабея. — Я лично знаю человека, который его сделал! Лучший мастер во всем Египте. Тридцать фунтов, саид.

Деклан засмеялся и пошел через площадь, встретив на полпути Жасмин.

— Я обещал Хадж Тайебу, что подвезу его к кладбищу, — сказал он. — Он хочет совершить подношение на могиле своего отца. Подбросить вас к женскому монастырю?

Женский монастырь, где Жасмин получила удовольствие от гостеприимства католических монахинь, в то время как Деклана принимали в доме имама, располагался на другой стороне деревни. Празднества скоро начнутся, и они с Декланом присоединятся к мужской и женской компаниям, чтобы опять разделиться.

— Я хотела бы пойти с вами, — сказала она. — Если можно. Мне говорили, что около кладбища есть интересные развалины.

* * *

«Лендкрузер» ехал по проселочным дорогам, пока возделанные поля и дома из земляного кирпича не остались позади, и перед ними простерлась абсолютно дикая местность. Хадж Тайеб сидел между Жасмин и Декланом, держась за приборную панель и указывая путь. В его глазах отражалось заходящее солнце, огненный шар в бледном, безупречном небе, расцвечивая пустыню богатыми оттенками желтого и оранжевого, сиявшими между длинными черными тенью

камней и валунов. Наконец они увидели впереди нечто, напоминающее маленькую деревню, но, когда подъехали ближе, не услышали никаких признаков жизни, только тишину пустыни и одинокий свист ветра.

Все трое вышли из машины, и пожилой феллах повел Жасмин и Коннора вниз по узким переулкам, которые могли принадлежать любой деревне, мимо дверных проемов и окон, под рушащимися каменными арками. «Дома» были все куполообразные, они молча смотрели на Жасмин, как поставленные один на другой большие улья, сооруженные из земляного кирпича, скрепленного песком и пылью.

Когда они достигли могилы семьи Тайеба, старый Хадж указал дрожащим пальцем и произнес:

— Здесь покоятся дожди, саид, на древнем пути каравана.

Они оставили его помолиться, а сами пошли по равнине с последними лучами заходящего солнца в глазах, и Жасмин сказала:

— Деревенские женщины рассказали мне, что руины имеют лечебные свойства. Сельские жители ходят туда иногда, чтобы вытащить камень из колонны, и потом делают из него лекарство.

Там были остатки храма богини, которая помогала путникам, идущим по пустыне тысячи лет назад, — уцелели только две колонны, все остальное было разрушено и лежало среди валунов и развалин. Несколько древних булыжников можно было разглядеть там, где не было песка, что указывало на тротуар, ведущий к строению, напоминавшему маленькую святыню. За ней открывался обрыв с рваным краем, образовавшийся тысячелетия назад, большой неплодородный шрам, отделяющий Нильскую долину от пустыни Сахары.

— Когда-то это был очень оживленный путь каравана, — сказал Деклан, когда они пробирались по щебню. Тишина была невероятно глубокой, а заходящее солнце придавало колонне ошеломляющий рыжевато-красный цвет на фоне неба. — Я представляю себе путешественников, которые останавливались здесь, чтобы помолиться о безопасной дороге. Они наверняка разбивали лагерь вон в тех пещерах.

— Похоже, кто-то разбивал лагерь здесь, — сказала Жасмин, указывая носком туфли на уложенные в круг почерневшие камни.

— Святых людей пустыни привлекают эти безлюдные места. В основном это мистерии. Суфии. Отшельники-христиане.

Жасмин натолкнулась на статую барана. Голова отсутствовала, а плоское место, где у него была шея, оказалось совершенным сиденьем. Сев на него, она спросила:

— Почему здесь не ведутся какие-нибудь раскопки? Почему археологи не огородили это место?

Коннор смотрел на бесплодную равнину, протянувшуюся далеко к горизонту. Вдалеке он видел приземистые черные палатки бедуинов.

— Вероятно, из-за недостатка средств, — сказал он. — Это похоже на маленькую незначительную святыню. Предполагаю, что из-за нее не стали бы беспокоиться. Возможно, египтологи были здесь однажды, в прошлом столетии, когда европейские археологи разграбили Египет. Хадж Тайеб сказал, что он и Абу Хосни однажды убедили нескольких капитанов нильских круизных теплоходов, чтобы они останавливались здесь и водили сюда туристов. Но из-за долгого пути от реки туристы были недовольны. И поэтому теплоходы здесь больше не останавливаются.

Жасмин смотрела на него, когда он стоял на фоне неба цвета лаванды, а ветер ерошил его волосы; теперь они были длиннее, слегка посеребренные сединой на висках.

— Деклан, — спросила она, — почему вы должны уехать?

Он миновал ее, его ботинки издавали хруст, когда он шел по тротуару, проложенному давным-давно.

— Я должен уехать. Ради собственного выживания.

— Но вы очень нужны здесь! Пожалуйста, послушайте меня. Когда я приехала в лагеря беженцев в секторе Газа, я была так потрясена тем, как обращались с палестинцами, что почти не могла выносить этого. А затем я пошла в клинику Фонда Тревертон и увидела, сколько добра они делали...

— Жасмин, — сказал он, поворачиваясь к ней лицом, стоя в тени колонны, — я знаю все о лагерях. Я знаю все об условиях, в которых люди живут во всем мире. Но мы с вами не изменим этого ни на грамм. Взгляните, — сказал он, поворачиваясь к колонне. Она была украшена резьбой, которая так стерлась под воздействием ветра и песка, что ее едва можно было различить, но, когда солнце бросило свои последние лучи на обрыв и сделало на мгновение тени темнее,

рисунок можно было легко различить. — Вы видите это? — спросил он, указывая на сцены, изображавшие людей, работающих в поле, а буйволы тем временем крутили колеса водяной мельницы, и женщины размалывали зерно. — Эти картины были, вероятно, вырезаны три тысячи лет назад, и все они могли быть сделаны сегодня, потому что феллахи живут сейчас точно так же, как жили их предки. Ничего не изменилось. Это урок, который я извлек после двадцати пяти лет медицинской практики в странах Третьего мира. Независимо от того, что мы с вами будем делать, люди останутся теми же самыми. Ничто не изменяется.

— Кроме вас, — сказала она. — Вы изменились.

— Давайте скажем так: я проснулся.

— И что вы увидели?

— Увидел, что все, что мы делаем здесь — в Египте, в лагерях беженцев, — ничто, лишь бесплодная попытка.

— Раньше вы так не считали. Когда-то вы думали, что можете спасти детей мира.

— Это было в период расцвета моего высокомерия, когда я думал, что могу изменить хоть что-то.

— Вы все еще можете это сделать, — сказала она, и он увидел вызов в ее глазах.

Звук шагов по гравию внезапно нарушил тишину пустыни, и Хадж Тайеб, пытаясь, подошел к ним.

— Боги мои, — сказал он. — Лучше пусть Господь призовет меня к Себе поскорее, иначе я буду бесполезен в раю! Ах, эти руины! Моя деревня могла бы заработать много денег, если бы сюда приезжали туристы. Но, после того как они увидят Карнак и Ком Омбо, они смотрят на все это и говорят: «Только две колонны? Почему мы должны платить деньги, чтобы увидеть только две колонны?» Мы с Абу Хосни подумываем о том, чтобы построить здесь новые колонны и сделать так, чтобы они выглядели, как старые. Ей-богу, но я устал.

Коннор сказал:

— Я схожу за машиной. А вы вдвоем можете подождать здесь.

Пока они ждали, Жасмин предложила пожилому паломнику свое место на статуе барана, которое Тайеб любезно принял, расправляя вокруг себя свою белую галабею. Он посмотрел искоса на небо, которое быстро становилось темным.

— Я не люблю находиться в этом месте после захода солнца, — сказал он. Затем положил руку на грудь.

— Вам нехорошо? — спросила Жасмин.

— Я старик, Бог хранит меня.

Когда Деклан вернулся и обнаружил, что Тайеб жалуется на слабость, он принес аптечку из автомобиля и собирался открыть ее, когда старик поднял голову и сказал:

— Что это за звук?

— Это ветер, Хадж Тайеб, — ответил Коннор.

— Звук подобен вою джинна, на мой взгляд. Ей-богу, давайте лучше уедем отсюда, саид. Призраки выходят ночью, а взгляните — солнце уже зашло.

— Подождите минутку, — подняла руку Жасмин. — Я тоже кое-что слышу.

Все трое стояли неподвижно и слушали, как мрачно свистит ветер в руинах. А затем к ветру присоединился другой звук — тихий протяжный стон.

— Здесь кто-то есть! — произнесла Жасмин.

Они повернулись в сторону, откуда доносился звук, и прислушались снова. На сей раз звук был более отчетливым.

— Вы правы, — согласился Деклан. — Кто-то здесь есть. Звук доносится из-за того маленького сооружения.

Святылище, где когда-то помещалась богиня, было высотой с человеческий рост и шириной примерно в десять футов. Они должны были подняться по камням и развалинам, чтобы достигнуть его, иногда оскальзываясь на гравии и сланце; Деклан взял Жасмин за руку. Дверной проем был ориентирован на восток, где небо было темнее, поэтому было невозможно увидеть, что находилось внутри. Они наклонились, чтобы послушать.

Прозвучал еще один стон.

— Аллах! — сказал Хадж Тайеб, сделав знак, чтобы отпугнуть злой глаз.

Коннор ступил внутрь и нашел человека, приклонившего голову к древнему алтарю; его глаза были закрыты, дышал он с трудом. На нем была одежда и тюрбан суфия, а длинная седая борода доходила ему до груди. На его одежде были пятна крови.

Деклан встал на колени перед ним и тихо произнес:

— Все хорошо, отец, мы пришли помочь. — Он открыл аптечку, чтобы достать стетоскоп и тонометр.

Пока Коннор проверял наличие признаков жизни у человека, Жасмин подняла низ грубой шерстяной одежды и обнаружила, что кость голени торчит из омертвевшей плоти.

— Он, должно быть, упал и приполз сюда в поисках убежища, — предположила она и полезла в медицинскую сумку. В тусклом свете святилища она быстро наполнила шприц морфием. — Это ослабит вашу боль, — сообщила она человеку, хотя и не была уверена, что он догадывается об их присутствии.

Деклан послушал дыхание незнакомца через стетоскоп, затем сел и сказал:

— Пульс слабый и нитевидный. Он сильно обезвожен и, вероятно, находится в болевом шоке. Мы отвезем его в районную больницу.

Но они были поражены, когда мужчина внезапно хрипло прошептал:

— Нет, не увозите меня отсюда.

— Мы позаботимся о вас, абу, — пообещала Жасмин, используя почтительное обращение, означающее «отец». — Мы врачи.

Он посмотрел на нее, и она удивилась, увидев его ясные зеленые глаза. Когда он скривился от боли, она увидела его сильные зубы и сказала Деклану:

— Этот человек не стар!

— Нет, но он находится в плохом состоянии, — ответил он, сделав знак Хадж Тайебу, который стоял у входа. — Вы можете принести металлическую коробку, которая лежит на заднем сиденье автомобиля, Хадж? — И старик поспешно ушел. Деклан аккуратно обернул манжету тонометра вокруг ужасно худого плеча. — У него низкое давление, — произнес он, — мы должны сейчас же провести ему процедуру регидратации.

Пока они ждали Тайеба, Жасмин положила руку на лоб отшельника. Его кожа была сухая и потрескавшаяся, как будто ему было сто лет, и все же она предположила, что он ненамного старше ее. Затем они с Декланом исследовали рану и пришли к единому молчаливому заключению: требуется ампутация ноги выше колена.

Когда Хадж Тайеб вернулся с алюминиевой аптечкой, Деклан быстро нашел вену и начал процедуру вливания, втиснув бутылку с раствором декстроза на маленький алтарь над головой мужчины. Затем он сказал:

— Послушайте меня, абу. Мы наложим шину на вашу ногу и отнесем вас...

Но отшельник снова прошептал, на сей раз с большей силой:

— Нет. Вы не должны забирать меня отсюда.

— Что случилось с вами?

— Я был у обрыва, молился. Я потерял равновесие из-за ветра, а потом сумел поползти сюда.

— Как долго вы уже в таком состоянии? — спросила его Жасмин.

— Несколько часов... или дней...

Из-за грязи, по которой он полз, кровь сгустилась, поэтому он не умер от потери крови. Но у мух было время попить на разорванной плоти. Она задавалась вопросом, когда закончились его вода и пища, в то время как он лежал в агонии, ожидая помощи.

Они принесли с собой фляжку; Жасмин отвинтила колпачок и, подсунув руку под его костлявые плечи, поднесла воду к его губам. Он смог выпить несколько глотков.

Наконец морфий начал действовать, и, когда он смог выпить больше воды, он постепенно стал более последовательным в словах.

— Здесь были добрые люди... Бедуины на пути в Каир. Они покормили меня и дали мне воды. Хвала Богу в Его милосердии!

— С вами все будет в порядке, — сказал Деклан. — Сразу же, как только мы доставим вас в больницу.

Но отшельник, казалось, не слышал его, потому что внезапно уставился на Жасмин.

Он смотрел на нее в течение долгого времени, его брови хмурились. А затем он протянул худую руку и сдвинул ее турбан назад, обнажив белокурые волосы. Удивление отразилось на его худом лице.

— Мишмиш? — прошептал он.

— Что?! — спросила она. — Что вы сказали?!

— Это ты, Мишмиш?

Она задыхалась:

— Что? Что вы говорите?

— Я думал, что это сон. Это ты, Мишмиш!

— Захария? О, мой Бог, Закки! — Она посмотрела на Деклана. — Он мой брат! Этот человек — мой брат!

— Что?!

— Мой брат! О, Боже!

— Я искал ее, ты знаешь, — сказал Захария. — Я искал Сахру, но так и не нашел ее.

— О чем он говорит? — спросил Деклан.

— Я ходил из деревни в деревню, Мишмиш, — объяснял он срывающимся голосом. — Я спрашивал о ней... но она исчезла. Мне не суждено было найти ее.

— Ничего не говори, Закки, — прошептала Жасмин, и у нее на глазах появились слезы. — Мы поможем тебе выздороветь.

Но он улыбнулся и покачал головой.

— Мишмиш... — произнес он со вздохом. — После всех этих лет — вот и ты! Хвала Всемогущему, который выполнил мою последнюю просьбу, прежде чем призвать меня к Себе.

— Да, — сказала она, — Хвала Господу. Но, Закки, я не могу в это поверить! Что ты здесь делаешь? Как ты зашел так далеко от дома?

Он пристально смотрел на нее невидящими глазами:

— Ты помнишь, Мишмиш... фонтан в саду?

— Я помню. Пожалуйста, береги свои силы.

— Мне не понадобится сила там, куда я иду. Мишмиш, ты видела семью с тех пор, как... отец выгнал тебя? Я был в таком отчаянии, Мишмиш, после того как ты уехала!

Ее слезы упали на его руки.

— Не говори ничего, Закки. Мы позаботимся о тебе.

— Бог с тобой, Ясмина. Я вижу Его руку на твоем плече. Она тебя едва касается, но она там.

— О, Закки, — зарыдала она. — Я не могу поверить, что нашла тебя! Насколько ужасно было тебе находиться одному в таком состоянии!

— Бог был со мной... — Он сделал еще один глубокий вдох.

Деклан сказал:

— Мы должны перевезти его сейчас же, или будет слишком поздно.

— Мишмиш... боль уходит.

— Я дала тебе кое-что для этого.

— Благослови тебя за это Господь, сестра моего сердца, — поблагодарил он. Затем он посмотрел на Деклана: — А вы болеете, мой друг. Я могу видеть это в ауре, окружающей вас.

— Не говорите теперь, абу, берегите силы.

Но Захария потянулся за рукой Деклана и, взяв ее в свою руку, сказал:

— Да, вы пребываете в боли. — Он смотрел на лицо Деклана и, казалось, что-то читал на нем. Он медленно покачал головой. — Вы не виноваты. Это была не ваша ошибка.

— Что?

— Она говорит, что пребывает в мире и хочет, чтобы вы жили в мире тоже.

Деклан уставился на него в изумлении.

Захария повернулся к Жасмин:

— Позволь мне теперь отправиться к Богу. Настал мой час. — Он поднял руку и коснулся золотых волос, которые, освобожденные от тюбана, рассыпались по ее плечам. — Бог привел тебя домой, Мишмиш. Дни твоих странствий в чужих странах закончены. — Он улыбнулся: — Скажи Тахии, что я люблю ее и буду ждать ее в раю.

Он закрыл глаза и... умер.

Жасмин держала его в своих руках и, качая его безжизненное тело, как ребенка, бормотала:

— Во имя Бога, Сострадательного и Милосердного. Нет Бога, кроме Аллаха, и Магоммед — Пророк Его.

Она держала его в течение долгого времени, сидя в тишине пустыни, когда вечерние тени вползали в святилище и одинокий шакал выл в холмах неподалеку. Хадж Тайеб плакал, не скрывая слез. Наконец Деклан произнес:

— Мы должны похоронить его, Жасмин.

Но она сказала:

— Моя мать писала мне давным-давно и говорила, что Захария пережил мистический опыт в Синае, во время Шестидневной войны. Он фактически умер на поле боя, говорила она, а затем возвратился к жизни. Она сказала, что он очень изменился после этого. Он утверждал, что видел рай, стал очень религиозным, и умма решила, что он был выбран Богом. И затем он пошел искать Сахру, нашу кухарку, хотя я не знаю, почему.

— Жасмин, — сказал Деклан, — на улице темнеет. Мы должны похоронить его. Пойдите, посидите в машине с Тайебом. Я буду рыть могилу.

— Нет. Это моя обязанность — хоронить моего брата. Я хочу быть тем человеком, кто предаст его земле.

К тому времени, когда они положили камни на могилу Захарии, чтобы его тело не утащили шакалы, наступила ночь. Жасмин нацарапала имя Аллаха на камне, который закрывал голову Захарии. Хадж Тайеб утер нос рукавом и сказал:

— Благодарите Бога, саида, ваш брат будет покоиться на двух небесах, поскольку это место тоже освящено древними богами.

Жасмин горько заплакала, Деклан обнял ее и не отпускал очень долгое время.

42

Когда Амира вышла из автомобиля, все замолчали, потрясенные.

Шумный клан Рашидов только что прибыл с эскортом машин и счастливо суетился на пристани с оставшейся частью праздничной толпы, упиваясь бодрящим морским воздухом и позволяя горячему солнцу впитаться в их тела. В Каире хамсины держали город в плену горячего песка, а здесь, в Суэцком порту, куда прибыло семейство, чтобы благословить Амиру на совершение паломничества в Мекку, солнце роняло золотые благословения с ясного голубого неба, а вода Суэцкого залива сверкала такой удивительной бирюзой, что на нее больно было смотреть.

Но основное внимание теперь было обращено на Амиру, которая вышла из «кадиллака» на слепящий солнечный свет в одежде паломника. Она являла собой зрелище такой чистой белизны, что все обомлели.

Никто не мог припомнить ее в чем-нибудь ином, кроме черного. Белоснежные ниспадающие одежды и тончайшее покрывало, которые пролежали в ее ящике бесчисленное количество заполненных надеждой лет, произвели поистине любопытную метаморфозу. Амира выглядела такой потрясающе молодой и непорочной, будто белый цвет убавил ее годы и отбелил возраст и немощь. Она шла такой легкой походкой, а ее суставы были настолько подвижными, словно волшебные одежды имели свойство возвращать молодость.

Но не традиционные предметы одежды преобразили Амиру, а осознание того, что она наконец идет в святую Мекку, место рождения Пророка, куда сегодня, впрочем, как и в течение прошедших четырнадцати веков, пускали

только верующих. Она провела последние недели в молитве и посте, чтобы войти в Ирам, состояние чистоты, предварительно удалив косметику и сняв драгоценности — символы ее земной светской жизни; она очистила свои мысли, чтобы сосредоточиться лишь на Боге.

Когда Ибрагим помогал матери пройти к терминалу Хадж, где стояли паромы, готовые отвезти паломников по Красному морю к западному побережью Саудовской Аравии, Рашиды присоединились к толпе пассажиров и весело сопровождали умму на теплоход. Присутствовали все, кроме Нефиссы, которая подвернула лодыжку и осталась в Каире, и ее внука Мохаммеда, вынужденного заботиться о ней, составляя ей компанию. Дочь Нефиссы Тахия держала за руки двух маленьких племянниц.

Тахия, которой скоро должно было исполниться только сорок три, смотрела на свою дочь с гордостью; завтра Асмахан будет двадцать один год, а она уже беременна вторым ребенком. Тахия взглянула на Зейнаб, которой тоже на днях минет двадцать один, но у той пока не просматривались никакие перспективы брака или детей. Однако все в воле Божьей. Разве не предрекли однажды Камелии, что она никогда не сможет родить ребенка из-за инфекции, перенесенной в подростковом возрасте? И вот, взгляните на ее сына Наджиба — прекрасный темноволосый янтарноглазый мальчуган шести лет. Кто знает, какая судьба предначертана для Зейнаб в божественной книге? Вера в сострадание Бога и Его милосердие делала жизнь терпимой, а иначе разве возможно было выжить? Сколько раз Тахия намеревалась бросить семью и ринуться на поиски Захари? Только вера в Бога сдерживала ее. Закки выполнит свое божественное поручение и возвратится. И они смогут наконец пожениться и любить друг друга.

Жена Ибрагима, Худа, шла за Тахией со своими пятью симпатичными девочками в возрасте от семи до четырнадцати лет, которые были для нее центром вселенной. С тех пор как Ибрагим избавил ее от тяжелой работы, взяв к себе в офис в качестве медсестры, она посвятила всю себя воспитанию этих ангелов. Она не возражала, когда Ибрагим привел домой вторую жену, тихую маленькую Атию, потому что это освобождало Худу от утомительных супружеских обязанностей. Она наслаждалась любовными ласками Ибрагима,

но в душе терпеть не могла половой акт и шла на это только для того, чтобы произвести детей. Иногда она намекала Ибрагиму, что отдых от секса может быть полезен, тем не менее он продолжал упорствовать с решительностью, достойной удивления. Его возраст приближался к седьмому десятку, а у него все еще не было сына в качестве доказательства мужественности. Теперь это было уделом Атии.

Провожая мать к шумному терминалу, он взглянул на Атию: ее летнее пальто облегалo щедрую выпуклость живота. Она должна подарить ему сына. Семь дочерей — не считая двух, одна из которых умерла летом 1952-го, а другая не выжила из-за преждевременных родов Эллис в 1963-м. Но он успокаивал себя осознанием того, что Бог милосерден. То, что у него не родился сын, было более суровым наказанием, чем он заслуживал. Узрел ли с небес его отец Али, ждал ли все еще внука от своего сына? Что годы значили для души на небесах? Возможно, жизнь казалась мгновением, и поэтому нетерпение Али и неодобрение Ибрагима не уменьшилось. Но теперь была новая надежда — многообещающая выпуклость под пальто Атии.

Они проследовали за семейством в терминал, Дахиба оперлась на руку Хакима. Ибрагим уверял, что раковые клетки во время операции удалены полностью, тем не менее ей проводили химиотерапию и облучение, которые ослабили ее. Но если физическая сила Дахибы слабела, ее дух оставался сильным. Минувшие четыре недели внесли новое значение, вдохнули свежее дыхание в ее жизнь и в жизнь ее мужа. Для Хакима и Дахибы жизнь продолжалась, даже несмотря на то, что будущее было скрыто завесой неведения. Они подчинятся Его воле и посвятят оставшиеся дни тому, чтобы оставить после себя наследство. Для Хакима этим наследством должен стать фильм, который, будучи еще не законченным, уже вызвал ажиотаж в Каире. В нем рассказывается истинная история женщины, которая, разочаровавшись сначала в своем муже, а затем в юридической системе, потворствующей его чудовищному поведению, совершила убийство. Хаким не сомневался, что фильм запретят демонстрировать в Египте, и рассчитывал на женскую аудиторию остального мира, которая будет приветствовать его героиню: она сначала выстрелит в пах мужа, а затем в его сердце. Дахиба со-

биралась снова представить в издательство свой роман, который написала десять лет назад. «Бахитат Аль-Бадийя» («Ищущий в пустыне») тогда был отклонен. Издатели посчитали его автобиографическим. Этот довод обычно используют для умаления литературного таланта женщины: подразумевается, что она может рассказать только одну историю — свою собственную. Тем не менее рукопись была куплена и, учитывая либеральные взгляды президента Мубарака, должна быть издана в Египте, а вслед за этим и во всем арабском мире.

Несмотря на боль и слабость, Дахиба прибыла на проводы уммы в хорошем настроении. Семья неусыпно следила за ней. Камелия делала вид, что наслаждается свежим морским воздухом, в глубине души переживая за тетю. Она представляла себе состояние, в котором сейчас находилась Дахиба после перенесенной химиотерапии. Желтый шарф на ее голове скрывал заметно поредевшие волосы. Камелия задумала сделать тете приятный сюрприз, о котором знала вся семья, разумеется, за исключением Дахибы и Хакима, а уж в их семье умели хранить тайны.

Пришло время прощания. Паломники взошли на паром со своими семьями и друзьями. Зейнаб и две ее кузины заняли свои места рядом с Амирой. Они также были одеты во все белое.

Амира обняла Дахибу и Хакима и сказала:

— В Мекке я буду молиться о выздоровлении моей дочери. Бог милостив. — Она обняла Камелию, шепнула: — Не волнуйся, мы вернемся вовремя, инсалла, — и заговорщицки ей подмигнула.

Ибрагим обнял мать. Он предложил направить с ней кого-нибудь из мальчиков, например Мохаммеда. Омар поддерживал его. Однако Амира выбрала для сопровождения трех девочек, отказавшись от компании Мохаммеда.

Ибрагима волновало не столько паломничество в Мекку — в конце концов его мать будет среди большого количества людей, — сколько то, что она планировала по возвращении из поездки. «Я собираюсь проехать маршрутом, которым мы следовали с матерью, когда я была ребенком», — сказала она. Он не мог понять, что такого важного было в той давней поездке, и беспокоился оттого, что нескоро увидит ее.

— Будь счастлив, сын мой. — И она направилась к парому, любуясь искрящимся синим морем, которое часто видела в своих снах.

* * *

На Мими было модное вечернее платье в обтяжку в стиле 1950-х, сшитое из алого атласа и украшенное россыпью темно-красных блесток; изящные ремешки туфель на высоких каблуках перехватывали лодыжки; на одной руке была надета длинная вечерняя перчатка. Белокурые волосы, рассыпавшиеся по плечам, придавали ей вид дикарки.

Мохаммед стоял у «Золотой клетки», засунув руки в карманы, рассматривая людей, входящих в ночной клуб, — толпы туристов и преуспевающих бизнесменов, ищущих приятного времяпрепровождения. Он жаждал увидеть Мими, но не смел войти.

Если бы тетя Дахиба не заболела... Ночью Мохаммед столкнулся с Мими в студии тети. Засыпая, он думал о ней, мечтая вновь увидеть ее. Но тетя легла в больницу. Студия закрылась, и мечта Мохаммеда о встрече с Мими так и осталась мечтой. Вот уже четыре недели почти каждый вечер он приходил к этому клубу и садился на парапет, тянувшийся вдоль Нила. Он пристально вглядывался в один из любимых игорных домов Фарука и жалел лишь о том, что не может набраться храбрости, чтобы войти внутрь.

Почему он не может этого сделать? Он достаточно взрослый: всего два дня назад отпраздновал свой двадцать пятый день рождения. Семейство устроило ему грандиозную вечеринку, вручив множество подарков. Единственное, чего ему не хватало, так это денег. Вряд ли Мими заинтересуется бедным клерком без гроша в кармане. Его мечты о белокурой красавице прервал низкий голос, раздавшийся совсем близко от него:

— Этот империализм в совершенном упадке.

Мохаммед огляделся, чтобы увидеть, к кому обращены слова, и был поражен, увидев Хуссейна. Тот наблюдал за ним из кофейни Фейруза. Откровенно говоря, Мохаммед его побаивался. Теперь, столкнувшись с ним второй раз за четыре недели — первый раз это произошло на тротуаре перед домом правительства неделю назад, когда Мохаммед возвра-

шался с работы, — он задался вопросом: были ли эти случаи простым совпадением?

— Прошу прощения, — сказал он, ощущая горячее дыхание хамсина и чувствуя на себе взгляд темных глаз Хуссейна.

— Мы давно не встречались, брат, — произнес мужчина. — Я помню наши встречи. Но потом ты исчез.

— Мой отец... — начал Мохаммед, но внезапно испугался и замолчал.

Хуссейн недобро улыбнулся.

— Ты все еще надеешься, мой друг?

— Надеюсь?

Хуссейн указал на картину с изображением Мими.

— Это подрывает египетские ценности и уничтожает нашу веру.

Мохаммед взглянул на Хуссейна. Из открытой двери клуба были слышны звуки настраиваемых инструментов. Мими скоро выйдет на сцену, чтобы исполнить танец перед этими чужими людьми. Он одновременно желал и ненавидел ее. Его лицо покрылось испариной.

Хуссейн подошел еще ближе и сказал приглушенно:

— Может ли человек верить в Бога, оставаясь преданным своей жене и семье, когда Сатана бросает такое искушение на его пути? Эти ночные клубы финансируются Западом, делается все, чтобы уничтожить гордость, честь и благопристойность нашего народа.

Мохаммед уставился на картину Мими, разглядывая ее грудь и бедра, и вдруг осознал, что ее улыбка на самом деле всего лишь насмешка. Ему показалось, что хамсин вонзился в кожу тысячами игл. Он чувствовал себя так, будто горел в огне.

— Мы должны избавить Египет от этого кошмара, — прошептал Хуссейн, — и вернуться на путь Бога и справедливости. А для этого подойдут любые средства.

Мохаммед испуганно взглянул на него и пошел прочь.

Нефисса отчасти была даже довольна, что подвернула лоджку и ей не надо сопровождать семейство к Суэцкому озеру. Ситуация требовала, чтобы Мохаммед остался с нею, а не последовал в Мекку с Амирой. Нефисса была в ярости от такого предложения. Но Амире это только на руку: она ищет любую возможность, чтобы ужесточить контроль над Мохаммедом.

Нефисса имела на него свои взгляды, и никто — ни Омар, ни Ибрагим, ни даже Амира — не вмешается в них. Счастье обходило Нефиссу стороной все эти годы, но теперь, когда ее внук женится на девочке, которую она выбрала для него, она его не упустит. Втроем они обоснуются в новой квартире, которую она купила втайне от всех.

Она взглянула на часы. Где сейчас Мохаммед? Куда он направляется каждый вечер? Вдруг дверь квартиры отворилась. Вошел Мохаммед. Нефисса лежала на диване в гостиной, положив больную ногу на подушку. Он быстро поцеловал ее, но она успела заметить, что он выглядит чересчур бледным.

— Как твои дела? — спросила она, взволновавшись.

Он стоял к ней спиной, просматривая почту, которую принес из фойе внизу.

— У меня все в порядке, бабушка... — и вдруг осекся. Она увидела, как напряглись его плечи.

— Что там? — спросила она.

— Открытка ко дню рождения, — ответил он взволнованным голосом. — Она пришла.

Мохаммед сел на диван и стал рассматривать конверт, перед тем как его открыть. Нефисса могла скрыть письмо Ясмину от Камелии, но у нее даже в мыслях не было прятать эти открытки от своего внука. Мохаммед ждал их и хранил. Она хорошо понимала, что, запретив ему это, она восстала бы внука против себя, воздвигнув на пьедестал его мать. Доступный плод, утешала себя Нефисса, не так соблазнителен, как запретный.

Заметив, что он внезапно нахмурился, она спросила:

— Что там, мой дорогой?

Он передал ей конверт.

— Ничего не понимаю, бабушка. На конверте египетская марка.

— Значит, письмо не от нее.

— Но это ее почерк! — Мохаммед распечатал конверт и прочитал знакомые слова: «от всего сердца, твоя мама». Он рассмотрел конверт и, увидев почтовый штемпель, вскрикнул:

— Бисмилла! Она сейчас в Египте!

— Что?! — Нефисса выхватила у него конверт и поднесла к свету, рассматривая штемпель — Аль Тафия, Арабская Рес-

публика Египет, — она почувствовала дикий холод. — Во имя Бога, — пробормотала она. — Ясмина? В Египте? Где эта Аль Тафия?

Мохаммед быстро достал атлас из книжного шкафа и стал листать страницы. Руки его дрожали. Он начал водить пальцем по карте.

— Йи Алла! Вот это да! Это к югу от Луксора... — Он швырнул книгу в угол комнаты.

Нефисса попыталась сесть, преодолевая боль.

— Внук моего сердца, — сказала она, — пожалуйста...

— Она здесь, — крикнул он, — и не желает прийти, чтобы повидать меня? Какая она после этого мать? О, Боже!

Судорожные рыдания сотрясали его тело. Ясмина в Египте! А если она вернулась, чтобы забрать его? Мохаммед стал совсем взрослым, и одно мягкое слово матери могло увести его от Нефиссы навсегда.

— Послушай меня, мой любимый, — сказала она, коснувшись его руки. — Помоги мне сесть. Настало время тебе кое-что узнать. Я расскажу тебе правду о твоей матери.

Он помог ей сесть на дорогой парчовый стул. Нефисса успокоила дыхание и сказала:

— Мне нелегко тебе говорить это, внук моего сердца. Семья хранила молчание о твоей матери много лет, но не потому, что она уехала. Пожалуйста, присядь.

Но Мохаммед не мог сидеть. Хамсин стучал в окна, подобно злему джинну. Юноша стоял в центре гостиной, на ковре, который некогда принадлежал ее подруге, принцессе Фаизе.

— Что случилось с моей матерью? — спросил он убитым голосом.

Спина ее напряглась, и она сказала:

— Мой бедный мальчик, твою мать застали, когда она совершала прелюбодеяние с лучшим другом твоего дедушки Ибрагима. — Произнося эти слова, Нефисса не скрывала своего удовольствия. — В это время она была замужем за твоим отцом.

— Я... я не верю вам, — бросил он, и его глаза наполнились слезами.

— Спроси своего дедушку, когда он вернется из Суэца. Ибрагим скажет тебе правду.

— Нет! — вскрикнул он. — Вы не можете так говорить о моей матери!

— И тем не менее это так. Она опозорила наше семейство. Вот почему никто не говорит о ней. Ибрагим выгнал твою мать накануне Шестидневной войны, в черный день для Египта, для всех нас. — Нефисса сильно сжала губы. Она не рассказала ему, как Ясмина просила прощения, как умоляла, чтобы ей позволили оставить себе сына и как Омар забрал Мохаммеда той ночью, чтобы он никогда больше не видел свою мать.

Мохаммед выбежал из комнаты, и Нефисса услышала, что он забежал в ванную. Его тошнило.

Когда он вышел, бледный и спотыкающийся, она протянула ему руку, но он вышел из квартиры прочь. Он брел по улицам, задевая людей на своем пути. Направившись к кофейне Фейруза, он молился, чтобы там оказались его друзья — Сала и Хабиб, чтобы те привели его в чувство. Но их там не было. Был лишь Хуссейн. И вот теперь тот говорил об избавлении Египта от безбожников. Мохаммеда сверлила мысль: «Я пойду в Аль Тафию, разыщу ее и накажу так, как она должна была быть наказана двадцать один год назад».

43

Жасмин искала на вечернем небе звезду своего дня рождения, Мирах в Андромеде, чтобы получить силу для того, что она собиралась сделать. Но звезды искрились, подобно фейерверку, делая невозможной задачу — выбрать одну из многих. Поэтому она просто смотрела на луну, сияющую над Нилом, большую, круглую и серебряную, подобно благотворному свету, и невольно потянулась, чтобы объять всю эту мощь и красоту.

После тихой молитвы она отвернулась от реки и пошла обратно в спящую деревню Аль Тафию, проходя по темным переулкам, пока не прибыла в дом жены шейха, мудрой женщины, которая была также гадалкой и ясновидящей. Жасмин нужно было действовать быстро. Через три дня Деклан Коннор уезжал.

Деклан мерил шагами скрипящие полы веранды, потому что спать не мог. Он часто останавливался, чтобы посмотреть, есть ли на небе облака. Весь день сельские жители слышали отдаленный грохот грома; воздух казался наэлектризованным, и птицы летали необычно большими стаями. Будет

гроза? Но как она может быть без облаков? Деклан вытащил пачку сигарет из кармана и, прикурив, обдумывал свою собственную грозу.

Он оставлял Египет через три дня, но не мог выбросить Жасмин из головы — она почувствовала это, находясь в его объятиях, когда он успокаивал ее четыре недели назад, после того как они захоронили ее брата. Он вспоминал ощущение ее тела рядом с собой, ее теплоту, ее грудь, упирающуюся в его плечо, ее слезы, увлажняющие его рубашку, и то, как сильно она прижималась к нему. Он никогда так не хотел женщину, как хотел Жасмин в тот момент, и проклинал себя за это. Он не имел никакого права ощущать это желание, потому что Сибил лежала в могиле.

Он подошел к краю веранды и посмотрел на темную реку: луна оставила серебряную ленту на ее чернильной поверхности.

Когда он снова слышал грохот, Деклан понял, что на сей раз то, что они слышали весь день, был не гром, а отдаленный звук барабанов. Он бросил на пол сигарету и погасил ее. Определенно, барабаны. Но где — и в этот час?

Он медленно пошел от своего маленького дома на Ниле и повернул к деревне, и, пока он подходил ближе, барабаны звучали все отчетливее. Он понял, что они передают определенный ритм. Кто мог устроить вечеринку в середине ночи?

Аль Тафия была плотно закрыта, лампа не горела даже над входом в кофейню Валида. Ни один феллах не выйдет ночью за ворота — из-за джиннов и злых духов, которые населяют темноту. И, несмотря на жару, двери были заперты, а окна закрыты, чтобы не впустить демонов — или проклятия, посылаемые завистливыми соседями.

Деклан нашел клинику темной и запертой; в окне Жасмин не было света. Но, к его удивлению, он увидел свет факела, мерцающий на стенах внутреннего двора позади клиники, где находились духовка, бадьи для стирки и клетки с цыплятами. Идя вниз по переулку, который был настолько узок, что его плечи задевали стены из земляных кирпичей, он увидел во внутреннем дворе мужчин с музыкальными инструментами — деревянными флейтами, двухструнными скрипками и широкими плоскими барабанами, которыми они ритмично били по горячим углям. Были там и женщины: Деклан узнал жену Халида, сестру Валида, пожилую и

уважаемую Бинт Омар; все они двигались назад и вперед, бормоча колдовские заклинания. Он не мог разобрать слов; они говорили не на арабском языке.

И затем он внезапно понял, к чему они готовились, — заар, ритуальный танец, при котором входят в транс, чтобы изгонять демонов, во время которого участники приходили в ярость и теряли контроль над собой. Хотя иностранцам обычно не разрешали принимать участие в заарах или даже наблюдать за ними, Деклан тайно стал свидетелем такого танца в Тунисе — стамбали; тогда танцор, мужчина, по окончании танца умер от сердечного приступа.

Деклан встревожился. Где Жасмин?

Он попытался войти в круг людей, но женщина преградила ему путь.

— Харам! — произнесла она. — Табу!

Но другая женщина, жена деревенского шейха, вмешалась, приблизившись к Деклану и глядя на него темными любознательными глазами. Жена шейха была влиятельной женщиной в Аль Тафии, с татуировками на подбородке, которые указывали на ее бедуинское происхождение; он столкнулся с ней по вопросу о зверской и варварской традиции обрезания маленьких девочек. Он собирался спросить, что здесь происходит и где Жасмин, когда, к его удивлению, она отступила в сторону и сказала:

— Вы можете войти, саид.

Несколько человек из числа сидевших на скамьях по периметру внутреннего двора приветствовали его улыбкой или поклоном, остальные перемещались вокруг маленького пространства, как будто готовились к спортивной разминке. Женщины шли по кругу медленно, поднимая и опуская руки, топая ногами, качая головами, в то время как барабаники грели барабаны на углях, а игроки на скрипках настраивали струны. Жена шейха шла по кругу в черных воздушных одеждах, зажигая свечи и воскуряя фимиам, пока душный ночной воздух не наполнился экзотическим дымом и ароматами.

Деклан оглянулся в поисках Жасмин. Он знал, что лучше попытаться остановить танец транса, чем вмешаться в него, но хотел знать, почему это мероприятие проводилось здесь, в клинике, и какую роль в нем играла Жасмин. Человек, который умер во время танца в Тунисе, был молод, и он довел

себя до такого безумия, что сам поранил себя. Каждый знал, что танцы заар могли быть опасными, потому что они включали процедуру изгнания злого духа, который отказывался уходить. Для Деклана это был явный недостаток сознательного контроля на собой, который был весьма серьезен.

— Кто-нибудь болен? — поинтересовался он, садясь рядом с госпожой Раджат; она сидела рядом со стеной, куря трубку с закрытыми глазами. Это, должно было, лечебный заар? Или кто-то решил, что он неудачник, и желал освободить себя от отрицательных энергий? Или гром, гремевший весь день, просто сделал сельских жителей возбужденными, потому что они беспокоились из-за джиннов, которые могли принести бурю? Деклан настороженно сидел рядом со стеной из земляного кирпича, которая все еще сохраняла жар дня, и чувствовал, как в нем нарастает беспокойство.

Когда все свечи были зажжены, жена шейха дала сигнал, и барабанщики, за исключением одного, заставили замолчать свои инструменты. Одиноким барабанщик в длинной белой галабее и белом тюрбане выбивал повторяющуюся дробь. Женщины закрыли глаза и стояли, медленно качаясь из стороны в сторону. После того как он сделал несколько кругов по двору, барабанщик изменил ритм ударов; он продолжил свой проход по внутреннему дворику, пальцами выбивая гипнотический ритм. Через минуту он изменил ритм снова, и другой барабанщик присоединился к нему, добавляя дробь, которая опять слегка изменила общий ритм.

Деклан знал, что они делали. Феллахи полагали, что у каждого духа своя собственная интонация, на которую они отвечают, когда слышат ее, и поэтому барабанщики расставляли силки, если можно так выразиться, чтобы поймать духов в круг. Наконец одна из женщин начала танцевать. Она вскочила так, как будто действительно была внезапно поймана в ловушку, и передвигалась в ритме, заданном барабанщиком. Деклан был поражен, увидев жену Халида, очень дородную, которая двигалась с необыкновенным изяществом и грацией. Но она не была в трансе. Пока еще нет.

Другие барабанщики присоединились к первым двум, создавая сначала какофонию, а в конечном счете приходя к гармоничному сочетанию ударов, которые чудесным образом переплетались между собой. Большая часть женщин на-

чала танцевать, каждая сама выбирала ритм и движения, поскольку настроение каждой отвечало на ее личные внутренние ритмы. Когда Деклан увидел, что жена шейха исчезла в направлении комнаты Жасмин, он внезапно встревожился.

И когда из двери вышла Жасмин, у него ослабели ноги.

Но Жасмин вышла не одна: ее поддерживали с обеих сторон две женщины; ее глаза были закрыты, голова наклонилась в сторону. «Ей дали наркотик, или она просто вошла в это расслабленное состояние?» — спросил он себя. Ее халат был ярко-голубым, который, как он знал, являлся символическим цветом, предназначенным для того, чтобы успокоить и убажить духа.

Деклан наблюдал, как замороженный, как барабанщики пошли по кругу вокруг нее, полы их белых галабей касались земли, в то время как женщины продолжали поддерживать ее. И когда жена шейха начала что-то говорить громким и пронзительным голосом, Деклан устыдился на нее в изумлении. Он понятия не имел, что она говорила и на каком языке, — она, казалось, выкликала имена, как будто вызывала кого-то, возможно, самих духов. Она подняла руки, и ее тень стала большой, упав на противоположную стену дома; хотя сама она осталась неподвижной, ее тень, казалось, танцевала — это была иллюзия, созданная мерцающими факелами.

Когда Жасмин внезапно опустилась на землю, Деклан сделал шаг вперед, но сильная рука госпожи Раджат задержала его. Женщины отошли, оставив Жасмин стоящей на коленях с закрытыми глазами в центре круга. И когда она начала медленно раскачиваться из стороны в сторону, остальные музыканты наконец взяли за свои инструменты и присоединились к барабанщикам.

Теперь музыка была мелодичной и завораживющей. Деклан остался, пригвожденный к месту, наблюдая, как Жасмин раскачивается из стороны в сторону, стоя на коленях, с опущенными руками, голова ее была откинута на спину. Когда ее тюрбан соскользнул, жена шейха бросилась к ней и схватила его, освобождая золотые волосы Жасмин. Женщины продолжали танцевать вокруг нее, но Деклан заметил, что острые глаза наблюдали за Жасмин; он услышал, как госпожа Раджат и другие иногда бормочут слова особого заверения, давая Жасмин знать, что она в безопасности и среди друзей.

Ее покачивания становились все более явными, и она так далеко наклонялась назад, что ее длинные волосы касались земли позади нее. Деклан увидел, что луна поднимается над крышами близлежащих домов, оттеняя сверхъестественным светом ее мерцающий голубой халат.

Музыка усилилась. Кто-то начал петь. Жасмин бросилась вперед, качаясь из стороны в сторону, водя волосами по земле.

Деклан чувствовал, что биение его пульса учащается вместе с ускорением ритма барабанов. Свет факела мерцал беспорядочно, как если бы сильный ветер дул через внутренний двор, даже при том, что ночь была тихая. Жена шейха продолжала выкрикивать странные слова, казалось, она приказывала, чтобы кто-то появился.

И затем Жасмин начала делать странные вещи. Держа руки вытянутыми вперед, на уровне плеч, она принялась совершать головой круговые движения. Ее длинные золотистые волосы изящно порхали в воздухе, как крылья птицы, заставляя Деклана думать о Римской свече. Сначала движения были медленными, а затем все быстрее и быстрее, вместе с музыкой, темп которой ускорился, а жена шейха произносила слова так быстро, что они сливались вместе.

Музыка пульсировала в голове Деклана, он чувствовал струйку пота, стекавшую между лопатками; но он не мог оторвать глаз от этого завораживающего зрелища, когда Жасмин изгибала шею совершенно неестественным способом. Когда он бросил взгляд на ее лицо, он заметил, что она бледна, кожа ее покрылась потом, рот слегка приоткрылся, глаза тоже были открыты, но виднелись только белки. Ее взор обратился внутрь; она была без сознания.

— Этого достаточно! — сказал Деклан, вступая в круг. — Остановитесь! — Когда он подошел к Жасмин, жена шейха преградила ему путь.

— Харам, Саид, — сказала она. Но он прошел мимо нее, быстро взял Жасмин на руки и вынес ее из внутреннего двора, подальше от удушливого дыма и фимиама.

Он поспешил вниз по темному переулку, и к тому времени, когда он достиг Нила и мягко опустил ее на травянистый берег, она начала приходить в себя.

— Деклан... — сказала она.

— Что, черт возьми, вы пробовали сделать там? — спросил он, становясь перед ней на колени и отводя в сторону ее влажные волосы. — Разве вы не знаете, что танец транс опасен? Черт побери, вы напугали меня!

— Я делала это для вас, Деклан.

— Для меня! Вы в своем уме?! Вы знаете, как я волновался?

— Но я хотела...

Он внезапно обхватил ее своими руками и приник к ней губами.

— Жасмин, — бормотал он, целуя ее лицо, волосы, шею. — Я был так напуган. Я думал, что вы могли пораниться!

Она ответила на его поцелуй — жадно, обхватив руками его шею и крепко прижавшись к нему.

— Я не должен был сидеть и смотреть на это, — сказал он. — Я должен был остановить это прежде, чем все началось.

— Деклан, любовь моя...

— Дорогой Бог, я не могу потерять тебя, Жасмин! — Он зарылся лицом в ее волосы; его сильные руки держали ее так крепко, что она едва могла дышать. А затем он накрыл ее своим твердым телом; она видела высокий зеленый тростник вокруг, доходящий до звезд. Она вдыхала мускусный аромат Нила, когда Деклан сказал:

— Я люблю тебя, Жасмин.

...Они шли по берегу реки, взявшись за руки, когда луна начала спускаться к горизонту. Жасмин думала, что Нил никогда не выглядел так красиво. Она ощущала руку Деклана в своей руке, и восторг как будто полностью обволакивал ее. Именно на это походили его любовные ласки — не столько соединение, сколько окружение. Даже при том, что он физически вошел в нее, она чувствовала, как будто он вбирал ее в себя. Деклан был четвертым человеком, с которым она имела близкий контакт за всю свою жизнь, но он был первым, союз с кем она ощущала как совершенный и абсолютно правильный.

— Деклан, — сказала она, — тебе разрешили наблюдать заар сегодня, потому что я выполняла это для тебя. Я не была в опасности. Они знают, что делать, если дело пойдет слишком далеко.

Он посмотрел на небо и задумался — всегда ли звезды были настолько блестящими и настолько многочисленными.

— Я так волновался, — сказал он тихо, боясь нарушить спокойствие реки. — С какой стати ты делала нечто подобное для меня?

— Я хотела сделать тебе подарок взамен того, что ты сделал для меня.

— И что же я сделал для тебя?

— Если бы не ты, я никогда не смогла бы вернуться в Египет и не оказалась бы рядом с Закки в его последний час. Я должна поблагодарить тебя за это.

— Но я не привозил тебя в Египет, Жасмин. Я не имел никакого отношения к этому.

Она остановилась, посмотрела на него и увидела, как его красивое лицо четко вырисовывается в свете луны. Она никогда не чувствовала себя настолько влюбленной.

— После того как мы похоронили Захарию, я думала, что бы я могла сделать для тебя. Мои мысли постоянно возвращались к тому, что он сказал — что ты пребываешь в боли. И я подумала, что, если бы я могла забрать эту боль, это был бы мой подарок тебе.

— И ты пробовала избавить меня от злого духа?

Она улыбнулась:

— В каком-то смысле. Люди, которые принимали сегодня вечером участие в зааре, ценят и уважают тебя, поэтому они собрались вместе, чтобы собрать положительную энергию и послать ее тебе.

Он вздохнул.

— Боюсь, что это не сработало. Я не чувствую себя очень положительным прямо сейчас. — Он повернулся и пошел к кромке воды, где звезды, казалось, танцевали на воде, и, когда он услышал снова грохот отдаленного грома, он понял, что шторм пустыни подтягивался ближе.

— Ты как-то спросила, что изменило меня. Это имеет отношение к смерти моей жены. Сибил не просто умерла, Жасмин. Она была убита.

Она подошла и встала рядом с ним.

— И ты обвиняешь себя? Это имел в виду мой брат, когда сказал, что это не твоя вина?

— Нет, — Деклан достал пачку сигарет из кармана. — Не это.

— Что же тогда?

Он посмотрел на сигарету и спичку в своей руке, затем бросил их на землю.

— Я убил человека, — сказал он. — Фактически, я казнил его.

Жасмин слышала дыхание ночи вокруг них и вдыхала аромат оранжевых цветов. Она ждала, когда Деклан заговорит.

— Мы с Сибил работали около Аруши, в Танзании, — сказал он после минутного молчания. — Я знал, кто убил ее. Это был сын вождя. У Сибил была маленькая камера, которую ему очень хотелось иметь. Он фактически украл ее у нас. Я сказал, что у меня есть знакомый знахарь, который может наложить проклятие на того, кто взял камеру, и что, если он вернет ее, никакого наказания не последует и спрашивать его тоже никто ни о чем не будет. На следующий день мы обнаружили ее в нашем «лендровере». Но месяцем позже Сибил была найдена убитой на пути к нашей миссии. Ее горло было разрезано ножом туземца. Единственная вещь, отсутствующая в автомобиле, была маленькая камера... Из-за того, что вор был сыном вождя племени, — продолжал он, — я не думал, что его справедливо накажут, поэтому я немедленно собрал всех местных старейшин, и они посоветовались. Местное правосудие выдумало уловку, когда я сообщил им, что у меня на уме. Они решили, что то, что я хочу сделать, — справедливо.

Четверо сильных мужчин держали вора, в то время как я делал ему укол. Я сказал ему, что это специальная сыворотка, которая может определить невиновность или вину. Если он был невиновен в смерти моей жены, никакого вреда она ему не причинит, а если виновен, она убьет его прежде, чем зайдет солнце. — Он сделал паузу, затем сказал: — На закате он умер.

— Что ты ввел ему?

— Воду. Совершенно безопасно. Я не думал, что он умрет. Я думал, что это испугает его и заставит признаться. — Деклан глянул на темную реку. — Ему было шестнадцать лет.

Жасмин положила руку ему на плечо и сказала:

— Время, когда умерла Сибил, было известно и записано давно, так же как записан и мой час, и твой. Пророк говорил: «Пока мой час не наступит, ничто не может ранить меня; когда наступит мой час, ничто меня не спасет». Закки был прав, это не твоя ошибка. Я хочу помочь тебе, Деклан. Ты несешь тяжелое бремя. Как и я. Ты спрашивал меня, по-

чему я не возвращаюсь к своей семье в Каире. Я скажу тебе, почему. Мой отец прогнал меня из дома. Он забрал у меня моего сына и выгнал меня. Он сделал это, потому что у меня были сексуальные отношения с человеком, который не был моим мужем, и я забеременела от него.

Она повернулась к Деклану, чтобы прочитать реакцию в его глазах. Но все, что она увидела там, был отраженный лунный свет. Она продолжила:

— Я не любила его, я была его жертвой. Хасан аль-Сабир угрожал разрушить мою семью, а я пошла, чтобы поговорить с ним, но закончилось все позором моей семьи. Я знаю, что должна была пойти к своему отцу, возможно, именно это и возмущало его больше всего, потому что я заставила его думать, что не поверила в то, что он мог бы справиться с Хасаном, что он был бессилен. Я не знаю. Ночью, когда мой отец прогнал меня, он сказал, что я навлекла проклятие на нашу семью, когда была рождена. Вот почему я не могу вернуться.

— Жасмин, — сказал Коннор, подходя ближе к ней, — я помню, когда ты вошла в мой кабинет в тот день, спрашивая, могу ли я тебе чем-нибудь помочь, если ты получишь уведомление от Службы иммиграции. Я никогда не забуду страх в твоих глазах. Три моих студента были выслааны; они тоже приходили просить меня о помощи, но они не были так напуганы. Для них отправка домой была просто неудобством, из-за чего можно было сердиться и раздражаться. Но ты боялась, Жасмин. И я всегда задавался вопросом об этом, потому что я думаю, что ты все еще боишься. Что пугает тебя в возвращении? Это из-за того человека, Хасана?

— Нет. Хасан аль-Сабир больше не может обидеть меня. Я даже не знаю, где он — все еще в Каире и жив ли он вообще. Я просто не хочу иметь какие-либо отношения с ними. Моя семья не признает меня, я больше не Рашид.

Она отвернулась от него, но он взял ее за плечи и заставил посмотреть себе в глаза:

— Жасмин, ты сказала, что хотела помочь мне. Забудь обо мне. Помоги себе. Изгони своих собственных демонов.

На мгновение она растерялась под его пристальным взглядом. Затем вздохнула:

— Ты не понимаешь.

— Я понимаю одно: ты говоришь, что благодарна мне за свое возвращение в Египет. Я не вернул тебя, ты сама сюда вернулась. Я был просто оправданием, в котором ты нуждалась.

— Это не так...

— Но ты еще не совсем вернулась, не так ли? Ты работаешь в Ливане, в секторе Газа и на Верхнем Ниле. Это похоже на то, что ты кружишься над спящим гигантом, которого боишься разбудить.

— Да, Деклан, я боюсь. Я хочу увидеть свою семью. Я так скучаю по ним — по моей сестре Камелии, по бабушке Амуре. Но я не знаю, как вернуться!

Он улыбнулся:

— Нужно просто сделать вовремя шаг и не сдаваться.

— Но ты же сдался, — сказала она мягко.

— Да, я сдался. Я понял, что наука бесполезна в местах, подобных этому. Я узнал, что независимо от того, как я стараюсь сделать прививку детям этих людей, они по-прежнему думают, что синяя бусинка на веревочке более эффективна. Я пробовал рассказывать им о паразитах в реке, которые являются возбудителями болезней и могут привести к смерти, а они простым мерам предосторожности предпочитают прогулки в инфицированной воде с волшебным амулетом на шее. Они приходят ко мне днем со своими болезнями, а ночью крадутся к дому волшебника за змеиным порошком и талисманом. И те руины, где мы нашли твоего брата, обладают гораздо большей исцеляющей силой, чем мой шприц для подкожных инъекций. Даже ты, Жасмин, полагала, что танец заар может помочь мне. Разве ты не видишь, насколько бесполезными были мои усилия? Да, я сдался. И именно поэтому я должен уехать, прежде чем чрезвычайная бесполезность всего этого уничтожит меня, как она уничтожила Сибил.

— Но суеверие и волшебство не убивали твою жену.

— Нет, но они убили мальчика, который сам убил ее из-за дешевой камеры. Жасмин, мы с Сибил были в той деревне, пытаясь убедить старейшин, чтобы они поторопили своих людей сделать прививку детям. Мы уже почти убедили их благодаря неустанным усилиям Сибил по уменьшению сопротивления местного волшебника. И затем я вывернул все наизнанку и использовал то самое колдовство, которое мы

осудили! Я оставил эту деревню буквально сто лет назад, после всего того, что Сибил там сделала. Я подвел ее, Жасмин. Я насмеялся над ее смертью.

— Нет, ты не насмеялся, — сказала она, касаясь его щеки. — О, Деклан, я так хочу забрать твою боль! Скажи, что мне делать? Уехать с тобой?

— Нет, — сказал он, притягивая ее к себе снова. — Ты должна остаться здесь, Жасмин. Это то место, которому ты принадлежишь.

— Я не знаю, какому месту я принадлежу, — сказала она, кладя голову ему на плечо и прислоняясь к его сильному телу. — Все, что я знаю, — это то, что я люблю тебя, Деклан. Это все, что я знаю.

— Пока что, — сказал он, наклоня голову, чтобы поцеловать ее снова, — это все, что мы должны знать.

44

— Не волнуйся, мой друг, — сказал Хуссейн, устанавливая часовой механизм на бомбе. — Мы не собираемся никого ранить. Сегодня понедельник, клуб будет закрыт вечером.

Он остановился и посмотрел на Мохаммеда, который сидел на заднем сиденье автомобиля с лицом землистого цвета и весь дрожал. Хуссейн добавил:

— Бомба чисто символическая, это продемонстрирует им, что мы решительно настроены изгнать Египет от безбожного декаданса. Я поставил таймер на девять часов вечера.

Мохаммед посмотрел на бесконечный поток транспорта, струящегося через мост, под которым Нил был зловеще темно-зеленым в лучах послеполуденного солнца. Автомобиль Хуссейна был припаркован на обочине дороги, ведущей вниз от клуба «Кейдж д'Ор», и Мохаммед мог разглядеть афишу Мими лишь сбоку. Затем он снова посмотрел на бомбу, которую собирал Хуссейн. В горле у него пересохло.

Что он делал здесь, с этими опасными людьми? Что его, Мохаммеда Рашида, незначительного правительственного клерка, связывало с ними? Он был в замешательстве. Прошедшие несколько недель приобрели неясные очертания с того дня, как он обнаружил, что его мать в Египте. Каждое

утро приносило ему надежду, что сегодня она может приехать, чтобы увидеть его, и каждый вечер эти надежды разбивались, усиливая душевные терзания и муки Мохаммеда. В отчаянии он каждый раз шел в квартиру Хуссейна, сидел там и слушал, как страстно молодые люди говорят о Боге и о революции. Мохаммеду не нравились Хуссейн и его друзья, они пугали его, но они давали выход его страданиям и скрытым страстям. Они говорили, что нескромные и безнравственные женщины должны быть изгнаны из Египта, и он согласился. А когда они предложили, чтобы в качестве демонстрации своих намерений они уничтожили бы место, где танцевала Мими, он подумал: «Это покажет ей», — хотя в своем замешательстве не знал, которую из этих двух женщин он наказывал.

Теперь он сидел в автомобиле, припаркованном довольно далеко от клуба, наблюдая, как Хуссейн прилаживает часы к зажиму аккумулятора бомбы. Он был напуган и хотел убежать.

Он терзался. Как его мать могла быть в Египте — и не захотела увидеть своего сына? Была ли она все еще в Аль Тафии или уже уехала из Египта, даже не придя к нему в гости?

Пришло время устанавливать бомбу.

— Мы предоставляем эту честь тебе, мой друг, — сказал Хуссейн, вручая коробку Мохаммеду. — Так ты продемонстрируешь свою лояльность к благому делу и к Богу. Вот ключ к черному входу в клуб. Если ты столкнешься с каким-нибудь швейцаром или сторожем, дай ему на чай и скажи, что у тебя подарок для Мими от высокопоставленного должностного лица и что тебе было сказано доставить это лично в ее гримерную. Ты прикрутишь ее за сценой, как я показал тебе на схеме. Да пребудет с тобой Бог, мой друг!

С другой стороны клуба, из главного входа, как раз выходила Камелия и обменивалась рукопожатием с владельцем. Все для сегодняшней вечеринки, тайно устраиваемой для Дахибы, шло по плану; все семейство будет там, а также друзья Дахибы, члены ее старого оркестра, люди мира кино и знаменитости и даже представитель от министерства искусств и культуры, который будет награждать Дахибу. Там должны быть репортеры с камерами, чтобы запечатлеть мероприятие, который пройдет после роскошного

обеда, и затем Дахибу собирались уговорить станцевать — это стало бы ее первым публичным выступлением за последние четырнадцать лет.

Камелия поблагодарила владельца и поспешно ушла к ожидавшему ее лимузину, не зная, что ее племянник только что прокрался в заднюю часть клуба с коробкой под мышкой.

Дахиба смотрела, как каирские крыши, купола и минареты позолотило послеполуденное солнце, и думала, как замечателен мир, потому что ей был дан второй шанс в жизни. Последние результаты лабораторных анализов оказались отрицательными. Рак был в стадии ремиссии.

Хаким вошел в квартиру, неся большой пакет и выглядя подозрительно довольным собой:

— Что это? — спросила Дахиба, когда он вручил его ей с улыбкой.

— Подарок для тебя, моя любимая. Открой и посмотри.

Дахиба осторожно сняла ленту и подняла крышку коробки, а когда убрала оберточную бумагу, то вскрикнула от восторга.

— Ты удивилась? — спросил Хаким, его полное лицо сияло.

— Я не знаю, что сказать! — Дахиба аккуратно достала платье из коробки и расправила его, чтобы посмотреть, как серебряные и золотые нити, вплетенные в черную ткань, замерцали в солнечном свете. — Оно великолепно, Хаким!

— Оно еще и настоящее. Мой Бог, чего мне это стоило!

Это было платье Ассиут — народный костюм, сделанный из красивой и редкой ткани, которую уже почти невозможно было найти.

— Ему больше сотни лет, — сказал Хаким, поднимая край подола и ощущая скольжение богатого материала между пальцами. — Оно похоже на то, в котором ты дебютировала в «Кейдж д'Ор» в 1944 году, ты помнишь?

— Но то была подделка, Хаким! А это настоящее!

— Давай сходим куда-нибудь и отпразднуем. Надень платье и ослепи весь Каир!

Она обняла и поцеловала его, и спросила:

— Что мы празднуем?

— То, что Бог излечил тебя от рака, хвала Его имени!

- Куда мы пойдем?
Его маленькие глаза мерцали.
— Позволь мне удивить тебя.

* * *

Когда Амира посмотрела на голубое море слева от дороги, по которой пролегал их путь, она подумала о своей семье в Каире. Они должны сейчас готовиться к вечеринке в честь Дахибы. Ей было жаль, что они с Зейнаб не успеют попасть туда. Она обещала Камелии, что они будут дома вовремя, но они задержались с возвращением из паломничества в Мекку, когда у нее возникли сильные боли в груди за городом Медина. Местный доктор рекомендовал, чтобы она летела прямо домой, в Каир, но Амира была решительно настроена найти маршрут каравана ее детства; другого случая у нее не будет.

Глядя на искрящуюся кобальтово-синюю воду залива Акаба, Амира ликовала. Она чувствовала себя очищенной, ближе к Богу, после того как побывала в Мекке, самом священном месте на земле. Они с Зейнаб и двумя кузинами молились у Каабы, большого черного камня в Мекке, где пророк Ибрагим готовился, чтобы принести в жертву своего сына Исмаила; они посетили колодец Хагара и выпили святой воды; они бросали гальку в каменные колонны, которые символизировали Сатану, чтобы изгнать из себя дьявола. А затем они сели на паром, идущий к побережью Акабы, а оттуда наняли машину и водителя, чтобы он перевез их через Синайский полуостров.

А теперь она шла по старой дороге, по которой, как говорят, евреи уходили из Египта. Но из-за того, что их точный маршрут так и не был определен, а другие пути тоже были вероятны, Амира начала беспокоиться. Ее мать говорила когда-то давно, что они следовали дорогой исхода евреев из Египта. Но был ли это тот путь или им лучше следовало пойти по северной дороге, как предлагали другие?

Как будто читая ее мысли, водитель — иорданец в красно-белом пестром тюрбане на голове — сказал:

— Это старая дорога караванов, саида.

Большой пыльный «бьюик» мчался по шоссе, с правой стороны которого нависали гранитные скалы, а пальмовые деревья, золотые берега и темно-синий залив протяну-

лись слева. Лазурное побережье Аравии можно было видеть вдаль.

— Следуем ли мы по пути, которым шел Пророк Мусса, когда вел евреев из Египта?

— Это популярный маршрут, саида, — сообщил он. — Монахи в монастыре Святой Екатерины могут рассказать вам о нем. Бог даст, мы останемся там на ночь.

Наконец автомобиль свернул с шоссе вдоль побережья и направился по проселочной дороге, которая пролегла по каменистым полям, поросшим маргаритками, населенным коричневыми пустынными жаворонками, дроздами и куропатками, пустынными зайцами и маленькими зелеными ящерицами. Это была плохая и опасная дорога, и водитель был осторожен, чтобы пассажиров не трясло слишком сильно. По пути они встретили бедуинов, стоящих снаружи своих черных палаток и поднимающих руки, приветствуя проезжающий автомобиль. В то время как они ехали по бесплодному ландшафту с редкой растительностью, а редкие группки пальмовых деревьев пробивались из грубой почвы, Амира была очень внимательна. Не кажется ли ей все это знакомым?

В конце концов они достигли монастыря.

— Гебел Мусса, — сказал водитель, указывая на высокий зубчатый пик. — Гора Моисея.

Когда Амира увидела гранитные скалы коричневого, серого и красного цветов, ее сердце забилося сильнее. «Помню ли я эти бесплодные холмы? — думала она. — На наш караван напали где-то здесь? Здесь ли меня забрали у моей матери? Может, она похоронена здесь, поблизости, и я наконец найду ее могилу?» Пока Амира смотрела на голубое море из своих снов, она слышала звон колокольчиков каравана верблюдов и испытывала ощущение, что эта местность была ей знакома. Какие еще воспоминания ей навеет это место?

По пути к монастырю Святой Екатерины, раскинувшись у подножия горы Синай, Амира и ее попутчики встречали автобусы с туристами, множество микроавтобусов и путешествующих студентов на велосипедах, которые двигались в противоположном направлении.

— Бисмилла, — сказал водитель. — Это нехороший знак. Я думаю, что мы опоздали и монахи уже заперли ворота на ночь.

Дорога превратилась в грязную колею, и, когда они проезжали мимо миниатюрной белой часовни, водитель сообщил:

— Здесь Пророк Мусса впервые говорил с Богом.

Наконец они прибыли к похожему на крепость строению, укрытому среди кипарисов.

— Я позабочусь об этом, — сказал водитель, припарковав автомобиль и поднимаясь бегом по каменной лестнице. Но через минуту он вернулся назад. — Мне жаль, саида. У монахов было сегодня достаточно туристов. Они говорят, чтобы мы приезжали завтра.

Но Амира не могла больше ждать. Если боли в груди в Медине действительно были предупреждающим знамением, возможно, для нее уже не существует никакого «завтра».

— Зейнаб, — сказала она, — помоги мне подняться по ступенькам. Я сама поговорю со святыми отцами. — Она остановила водителя взглядом, который поразил его. — Мы не туристы, господин Мустафа. Мы паломники в поисках.

Когда они достигли ворот в древней стене, Амира вынуждена была передохнуть и восстановить дыхание. «Пожалуйста, Господи, не дай мне умереть прежде, чем я найду ответы, за которыми сюда пришла».

Зейнаб нажала в звонок, и в дверях появился бородатый монах, одетый в темно-коричневую сутану греческого ортодоксального ордена.

— Пожалуйста, святой отец, — произнесла Зейнаб на арабском языке, — позвольте моей бабушке войти и отдохнуть. Мы проделали долгий путь. — Когда он, казалось, не понял, она повторила это по-английски, и его лицо выразило понимание. Он кивнул, сказав, что узнал одежды религиозного паломника и приглашает их войти внутрь.

Они вошли в беленный известью внутренний двор христианского монастыря, и, пока Амира следовала за монахом по древним булыжникам, она подумала: «Я бывала здесь прежде!»

* * *

Когда слепополуденные тени поползли по Аль Тафии в Верхнем Египте, Жасмин сходила по последнему вызову на дом, перед тем как вернуться в клинику для вечерних консультаций.

— Саид уезжает сегодня, доктор? — спросила ум Джамал, когда Жасмин измеряла ей кровяное давление в маленьком внутреннем дворике крестьянского дома.

— Да. Доктору Коннору нужно уезжать.

— Доктор, это ошибка. Вы должны удержать его здесь!

— Или поезжайте с ним, — вмешалась госпожа Раджат. — Такая молодая женщина, как вы! У вас еще будет достаточно времени побыть старой и одинокой, как я!

Жасмин отвернулась от женщин и аккуратно уложила прибор для измерения давления в свой медицинский чемоданчик. Она не могла сосредоточиться на работе. Когда они с Декланом занялись любовью две ночи тому назад, после танца заар, это было... совершенно! А затем они говорили всю ночь, пока рассвет не нашел их, снова занимающихся любовью, и Жасмин чувствовала, что ее преданность начала разделяться. Как говорит ум Джамал, «Как она может позволить ему уйти?» Но Деклан не останется.

— Я люблю тебя, Жасмин, — сказал он. — Но если я останусь, я погибну. Я давал и давал этим людям, до тех пор пока у меня ничего не осталось, чтобы дать им. Я чувствую себя так, как будто они поедали мою душу, и я могу спастись, только если уеду. Я должен уехать, Жасмин, а ты должна остаться.

Когда она покинула дом ум Джамал и шла сквозь после-полуденный солнечный свет, Жасмин пыталась убедить себя в том, что одиночество — ее судьба, что у Бога другие планы насчет Деклана и их прощание тем утром прозвучало так, словно они больше никогда не увидятся. Но она обнаружила, что, хотя она собиралась идти назад в клинику, ноги принесли ее к дому у реки, принадлежащему Фонду, где Деклан загружал свои вещи в «тойоту» и готовился к отъезду в Каир вечером.

А затем она увидела его.

— Подожди! — крикнула она.

Он повернулся, и она упала в его объятия.

— Я люблю тебя, Деклан! Я очень люблю тебя, и я не хочу тебя терять.

Он крепко поцеловал ее, проведя пальцами по ее волосам.

Она сильно прижалась к нему.

— Я потеряла всех, кого любила, — сказала она, — даже своего сына. Но я не потеряю тебя! Я хочу идти с тобой по жизни, Деклан. Я хочу быть твоей женой!

* * *

Мохаммед был напуган. Все шло устрашающе хорошо, как и обещал Хусейн: никто не заподозрил его, когда он шел в клуб с завернутой в виде подарка коробкой; никто не видел, как он укреплял ее у края сцены, около гримерной. И перед тем как уйти, он проверил таймер в последний раз: тот был установлен так, чтобы начать отсчет времени в девять часов: «Ровно через тридцать минут с настоящего момента», — понял он, весь в холодном поту, подходя к дому на улице Райских Дев.

Было ужасно трудно хранить молчание обо всем, когда он проводил полдень в кофейне Фейруза со своими друзьями из правительственных учреждений. Сала, как обычно, шутил, а Хабиб дразнил Мохаммеда за его безумное увлечение Мими. Он молился о том, чтобы они не увидели, как он вспотел, или как часто он смотрит на часы, или что он не может проглотить ни глотка сладкого чая Фейруза. И теперь, когда наступил решающий час, он готов был все изменить.

«Дорогой Господь, что я наделал? — подумал он, когда вошел в странно тихий и пустой дом. — Как я буду жить с самим собой после этого? Что если кто-то будет ранен или даже убит? Невинный свидетель! Ей-богу, мне очень жаль, что я не могу изменить то, что я сделал!»

Тишина дома вывела его из задумчивости; он постоял в холле, чтобы услышать обычные звуки музыки, голосов, смеха. Но впервые в его жизни дом его деда был тих и пустын. Что случилось? Где все?

— Мохаммед! — закричала его кузина Асмахан, которая спускалась вниз по лестнице в блестящем вечернем платье и в облаке духов. — Почему ты не одет?

— Одет для чего?

— Сегодня же устраивается вечеринка для тети Дахибы! Тебе сказали об этом неделю назад. Все уже ушли. Если ты поторопишься, можете поехать со мной.

«Вечеринка?» — подумал он. И вдруг вспомнил о тайной вечеринке для тети Дахибы. Это же сегодня вечером!

— Я забыл, Асмахан. Да, я потороплюсь, чтобы поехать с тобой. Где будет проходить вечеринка?

— В клубе «Кейдж д'Ор».

* * *

Амира проснулась с тяжестью в груди, и в течение долгого пугающего момента не могла понять, где находится. Затем, вспомнив, что она и ее попутчики остановились на ночлег в монастыре Святой Кэтрин, она посмотрела на Зейнаб и на других, спавших в своих кроватях. Решив не будить их, Амира поднялась с постели, закуталась в свои белые одежды и вышла в холодную пустынную ночь.

Она молилась, чтобы ее недоумение оказалось следствием плотного ужина вечером, когда они трапезничали вместе с монахами, а не проблемами с сердцем. Ей нужно было прожить еще немного. Воспоминания не возвращались к ней, девочкам устроили экскурсию по территории монастыря, который был похож на маленькую деревню, они посетили красивую церковь, сады, склеп, где хоронили монахов в течение многих веков. Но ее память безмолвствовала; она не помнила, бывала ли здесь ребенком.

Она вышла в пустынный внутренний двор, купающийся в великолепном лунном свете, и посмотрела на скромные здания, обнимающие его периметр. Она думала снова о том, насколько любопытно было бы найти древнюю мечеть внутри этого христианского монастыря; она была построена давно, чтобы отражать набеги арабских захватчиков, как рассказывали монахи, и теперь местные бедуины пользовались ею во время рамадана и других религиозных праздников. Дрожа от холода, она решила вернуться в спальню. Но что-то остановило ее.

Она посмотрела на черное небо и увидела всполохи звезд. Внезапно почувствовав, что ею овладела чья-то чужая, не ее воля, Амира начала медленно подниматься по каменным ступеням на монастырскую стену.

* * *

Лимузин застрял в интенсивном каирском движении. Дахиба смотрела на яркие огни, на пешеходов, спешащих на свои вечерние свидания, и трепетала от волнения.

— Я хочу, чтоб ты сказал мне, куда мы едем, Хаким! — сказала она, смеясь.

Но он только сжал ее руку и сказал:

— Увидишь, моя любимая. Это сюрприз.

Мохаммед посмотрел на часы. Бомба была установлена так, чтобы взорваться через пятнадцать минут. Его бросило в холодный пот, когда он нажал на клаксон и попробовал пробиться сквозь вечернюю пробку.

Когда Асмахан сказала ему, что вечеринка будет проводиться в «Кейдж д'Ор», Мохаммед попробовал позвонить в клуб, но линия была занята. Тогда он решил позвонить в полицию. Но времени не было. Решив, что он сам должен добраться до клуба и попробовать обезвредить бомбу или бросить ее в Нил, он выбежал из дома и сел в автомобиль Асмахан. И теперь он выглядывал в окно и без всякой надежды смотрел на застопорившееся впереди движение.

«Мой Бог, мой Бог. Помоги мне!»

Наконец в слепой панике он бросил автомобиль с включенным двигателем и побежал к реке.

* * *

Деклан оставил Насра и Халида, проведя весь вечер, инструктируя их о том, что делать, пока не придет новый руководитель медицинской группы Фонда, и решил посмотреть, что делает Жасмин. После того как они занимались любовью, она ушла в клинику, чтобы начать сборы. Она уезжала с ним завтра.

Когда он достиг клиники, вдыхая богатые ароматы кухни, тянущиеся от вечерних домашних огней, он услышал, как муэдзин закричал в мегафон с мечети по соседству. Он толкнул дверь клиники; она открылась, и он вошел. Дверь ее спальни была распахнута, но ее не было там, поэтому он пошел ко внутреннему дворику, где она танцевала заар две ночи назад. Он нашел Жасмин там, стоящую на коленях на молитвенном коврике в лунном свете.

Он никогда не видел, чтобы она молилась прежде, и был очарован видением, которое предстало его взору: в белом халате и белом тюрбане Жасмин с такой легкостью выполняла молитвенные поклоны, как будто танцевала. И он понял, что может слышать ее слова, что она шепчет их на арабском, а когда он увидел выражение чрезвычайной преданности на

ее лице и что-то еще — может быть, печаль, может быть, просьбу о прощении, — он внезапно бросил сигарету на землю, затушил ее ботинком и ушел.

* * *

Хаким проник в клуб через главный вход, ведя за руку сильно удивленную Дахибу. Все закричали: «Сюрприз!» И старый оркестр Дахибы на сцене начал играть песню, которая когда-то открывала ее выступление.

Мохаммед бежал через черный ход, сбивая на своем пути официантов и поваров, и, когда он вбежал в столовую, увидел там все семейство — дядю Ибрагима, бабушку Нефиссу, свою мачеху Налу, всех тетей, дядей и кузенов, от самого старшего до младенцев, тут присутствовала даже беременная жена Ибрагима, Атия. А затем Камелия вывела Дахибу на сцену под всеобщие возгласы, аплодисменты и вспышки фотокамер.

— О, мой Бог, — прошептал Мохаммед. А затем крикнул: — Уходите отсюда! Все уходите!

* * *

Амира шла по стене монастыря, чувствуя, как ее плечи омывает звездный свет, а холодный ветер пустыни проникает сквозь ее белые одежды. Она посмотрела на пустынный пейзаж и попробовала вообразить ночную стоянку из своих снов. Поворачиваясь медленно по кругу, она смотрела на темные зубчатые горы, освещенные светом звезд, на стены и крышу монастыря, пока не заметила какой-то любопытный силуэт на фоне неба. Через мгновение она поняла, что смотрит на минарет небольшой мечети, которая была построена внутри монастыря. Минарет был квадратным — минарет из ее сна!

«Здесь мы останавливались!»

И внезапно она почувствовала сладкий аромат из своих снов — запах гардений — и услышала голос своей матери, ясный и чистый, который сказал: «Посмотри туда, дочь моего сердца. Ты видишь красивую синюю звезду в Орионе? Это Ригель, звезда, под которой ты родилась!»

Вдруг все стало ясным в одно мгновение, как будто Си-най внезапно осветился новым солнцем: красочные палатки и флаги, пение и танцы вокруг походного костра, визит

шейхов-бедуинов, одетых в красивые черные одежды, с их грохочущим смехом. Амира вынуждена была схватиться за стену, поскольку воспоминания затопляли ее душу, подобно наводнению:

«У нас дом в Медине, и мы только что были в Каире, чтобы навестить тетушку Саану, которая собирается родить еще одного ребенка. Умма говорит, что папа будет очень рад видеть нас снова, потому что он терпеть не может, когда семья не вместе. Мой отец — аристократ, принц самого большого племени Аравии. А я была обручена при рождении с принцем Абдуллой, который когда-нибудь станет вождем нашего племени!»

— Аллах! — прокричала она звездам.

* * *

Когда Мохаммед побежал к сцене, его отец схватил его за руку.

Глаза Омара встретились с его глазами.

Вдруг они услышали оглушительный звук, и их охватило пламя.

* * *

Когда Амира удивленно смотрела на квадратный минарет в лунном свете и наслаждалась своими воскресшими воспоминаниями — двор и фонтан в Медине, имена ее братьев и сестер — она почувствовала резкую боль за грудиной и увидела меркнувший свет.

* * *

Жасмин неожиданно проснулась. Она прислушалась к тишине вокруг, а затем, чувствуя, что что-то не так, встала с постели, надела халат и вышла в ночь.

Когда она пришла в дом Деклана, то обнаружила дверь открытой. Его не было в комнате, его вещей тоже, а там, где прежде была припаркована «тойота», осталось пустое место, а за ним темный тихий Нил.

Эпилог

Жасмин раскрыла шторы своего гостиничного номера и увидела переливчатый рассвет, поднимающийся над Нилом. Город только что проснулся после криков муэдзина; рыбаки разворачивали треугольные паруса своих фелюг; а по дороге, идущей вдоль реки, спешили черно-белые такси, чтобы выстроиться в ряд перед гостиницей. Утомленная, голодная и переполненная эмоциями — они с Амирой вновь пережили целый период жизни за одну ночь, — Жасмин повернулась и посмотрела на женщину, сидевшую по другую сторону кровати. Белое покрывало Амиры соскользнуло вниз, обнажая тонкие седые волосы на ее маленьком, хрупком черепе.

— О, умма, — сказала Жасмин, направляясь к ней.

Она встала на колени, и Амира притянула ее к себе в крепком объятии.

— Мне так жаль, умма, — сказала Жасмин. — Я чувствовала себя такой одинокой. Я хотела вернуться, но не знала, как.

Продолжая обнимать ее, Амира сказала:

— Много лет тому назад мне часто снились сны о ребенке, которого забрали у матери. В течение долгого времени эти сны беспокоили меня, потому что я думала, что они были знамениями грядущих событий. Но, в конечном счете, я поняла, что мне снятся события, уже пережитые мною, ког-

да меня похитили у моей матери. Но, Ясмина, внучка моя, той ночью, когда твой отец выгнал тебя, я подумала: «Пришел час воплощения сна в жизнь». А потом тебя у меня забрали.

Амира подняла заплаканное лицо, взглянула на Жасмин и сказала:

— Но почему ты опять поехала в Америку после того, как уже вернулась в Египет?

Жасмин отошла к своему стулу, стоявшему рядом с тележкой, где были блюда с остатками еды, которую она заказывала в течение ночи.

— Сразу после того как Деклан уехал, я заболела. У меня была малярия в очень тяжелой форме. Меня опять отправили в Лондон, где упорно лечили, после чего Фонд отпустил меня на отдых для улучшения здоровья. Так что я поехала в Калифорнию, чтобы некоторое время побыть с Рахель.

— А затем, после этого, ты опять не вернулась?

— Я отправилась с группой докторов в Южную Америку. Там была эпидемия холеры, бороться с ней было практически невозможно. Я всего лишь несколько месяцев тому назад вернулась в Америку.

— Ты теперь в порядке, Ясмина?

— Да, умма. Я опять подхватила малярию, но сейчас есть новые лекарства, и мне теперь лучше.

Амира изучала ее лицо.

— А доктор Коннор? Где он?

— Я не знаю. После того как я поправилась в Лондоне, я написала ему в «Найт Фармасьютикалс» в Шотландию, но они сказали, что он никогда не работал у них. Фонд Тревертон тоже не знал о его местонахождении. И он никогда не пытался вступить со мной в контакт.

— Ты все еще любишь этого человека?

— Да, люблю.

— Тогда ты должна найти его.

Но Жасмин уже знала это. Когда она не смогла найти Деклана после того, как уехала из Египта, она решила, что он вовсе не хочет быть найденным, что он хочет, чтобы его оставили одного. Но когда она и бабушка проговорили всю ночь, рассказывая друг другу различные истории о самих себе и раскрывая тайны, произносили слова о любви, верности и о ценностях, которые имеют огромное значение, Жас-

мин чувствовала, что ее любовь к Деклану плотным коконом обволакивает ее, как будто она спала, ожидая подходящего часа, чтобы проснуться. На сей раз она сказала себе, что будет искать его, пока не найдет.

Она вновь взглянула на страницу газеты почти пятилетней давности, которую Амира извлекла из коробки с сувенирами. Статья была напечатана под заголовком: «Террористическая бомба уничтожает ночной клуб».

— Из-за того, что я была больна, я не читала газет, не слушала радио, поэтому не знала об этом.

— Это стало началом утасания твоего отца, — сказала Амира, поднимаясь со стула, на котором она провела всю ночь. Содержание ее старинной коробки теперь размещалось на столе: фотографии, газетные вырезки, памятные подарки, драгоценности — и последняя открытка ко дню рождения, которую Жасмин послала Мохаммеду, с почтовым штемпелем Аль Тафии, которая в конечном счете привела к трагедии.

— Твой отец потерял интерес к жизни, Ясмина. Доктора говорят, что у него ничего не болит, но он сохнет и умрет очень скоро, потому что не хочет жить.

Жасмин наблюдала, как бабушка подошла к окну и выглянула на улицу. Сияя в свете раннего утра, она показалась Жасмин почти подобной ангелу.

— Никто в семье не знает, что я здесь, Ясмина, кроме Зейнаб. Именно она послала тебе телеграмму, сообщающую, что я приду. Она хотела пойти со мной, но есть некоторые дороги, по которым женщина должна идти одна.

— Зейнаб, — сказала Жасмин. — Мой ребенок не был рожден мертвым. У меня была дочь, о существовании которой я не знала!

— Мы думали, что ты отказалась от нее, Ясмина. Алиса сказала, что ты не хотела ребенка.

— Я думаю, моя мать хотела, чтобы я оставила Египет, и, возможно, она догадывалась, что я бы этого не сделала, если бы знала, что ребенок жив.

Жасмин посмотрела на фотографию Зейнаб.

— Я потеряла своего сына, — сказала она тихо, — но Бог дал мне дочь.

— Мохаммед умер смертью мученика, Ясмина. Те, кто видели, как это случилось, сказали, что он пытался спасти

других. Он, должно быть, видел бомбу или то, как ее устанавливали, поскольку он побежал прямо к ней, крича всем, чтобы они уходили. Твой сын умер, пытаясь спасти других, Ясмину, когда мог спастись сам. Ему устроили похороны, как истинному герою.

— Пусть Бог возьмет его в рай навсегда. И, оказывается, вовсе не Камелия выдала мою тайну, — сказала Жасмин тоном, полным удивления. — Моя сестра не предала меня.

— Нет, она тебя не предала. Когда я позже спросила Нэфиссу, как она узнала о тебе и о Хасане, она призналась мне, что следила за тобой, когда ты шла к дому Хасана. Камелия сохранила твою тайну, Ясмину.

Думая об отце Зейнаб, Жасмин спросила:

— Кто убил Хасана?

— Я не знаю.

Когда она увидела, что пристальный взгляд Жасмин снова упал на ужасный заголовок о взрыве в ночном клубе, Амира сказала:

— Благодаря милосердию Бога, мы с Зейнаб были спасены от бомбы. Мы должны были прийти на вечеринку, которую тайно организовывали для Дахибы, но мы приехали позже, потому что я заболела неподалеку от Медины. Если бы не это обстоятельство, твоя дочь и я могли бы оказаться среди них. — И она положила руку на фотографии людей, убитых бомбой.

Амира задумчиво посмотрела на свою внучку, потом вернулась на свое место и, подобрав подол своих белых одежд, сказала:

— А теперь, Ясмину, остается раскрыть тебе последнюю тайну. Я призналась тебе, что не знала свою семью, что я была похищена из каравана своей матери. Но то, чего ты не знаешь, чего никто не знает, даже твой отец, чего даже я не знала, пока это не открылось мне в монастыре Святой Кэтрин, — это то, что случилось после. И это трудно рассказать.

Жасмин смотрела на свою бабушку и ждала.

— После набега на караван моей матери около монастыря Святой Кэтрин, — сказала наконец Амира, — меня привезли в дом богатого торговца в Каире, человека, которому нравились маленькие девочки. Женщины его гарема накормили меня и искупали, сбрызнули духами мои волосы, а затем принесли меня, обнаженную, в поразительную

спальню, где я увидела большого человека, сидевшего на стуле, который походил на трон. Я испугалась, когда он погладил меня, коснулся моего лица и сказал, что не причинит мне вреда. Тогда женщины подняли меня и положили к нему на колени. Было больно. Я кричала. Мне было шесть лет...

Амира посмотрела на свои руки.

— Богатому торговцу приносили меня каждую ночь после этого. Иногда он одалживал меня своим друзьям или особым гостям и наблюдал, как я «развлекала» их. Мне было тринадцать, когда Али Рашид, друг богатого торговца, получил однажды разрешение посетить его гарем. Я ему понравилась, и он попросил разрешения купить меня. Богатый торговец согласился, потому что у меня округлились бедра и начала расти грудь — я больше не нравилась ему. Но он предупредил Али Рашида, что я не девственница, а Али сказал, что это не имеет значения. Он купил меня и привел в дом на улице Райских Дев.

Амира прочистила горло.

— Рабство было вне закона к тому времени, поэтому Али и торговца могли арестовать, если бы это обнаружилось, потому что деньги перешли в другие руки, и я стала рабыней Али. И когда он привел меня домой, он освободил меня, а затем женился на мне, и годом позже я родила Ибрагима.

Звуки оживленного движения вдоль прибрежного шоссе достигли их открытого окна и наполнили комнату утренней свежестью.

— О, умма, — сказала Жасмин. — Мне так жаль! Это, должно быть, было ужасно для вас!

— Так ужасно, Ясмина, что это стерлось из моей памяти. И поскольку я захоронила те невыносимые воспоминания, я также захоронила и всю свою жизнь, которая была до этого. Но мне снились сны... и я испытывала странные чувства. Ясмина, ты помнишь день, мы взяли такси и поехали к улице Жемчужного Дерева? Твой отец обручил тебя с Хасаном, но, когда мы сидели перед той школой на улице Жемчужного Дерева, я решила, что не позволю этому случиться.

— Почему нет?

— Потому что того богатого торговца, который так жестоко обращался со мной, звали аль-Сабир. Хасан был его сыном!

В коридоре проехала тележка обслуживающего персонала, и женский голос мягко произнес: «Йи Алла!»

Амира продолжала:

— Хотя я не помнила того, что делали со мной в том гареме, у меня было чувство, что в семье Хасана нет чести. Поэтому я не могла позволить ему жениться на тебе, когда он попросил твоей руки. Именно я заставила Ибрагима разорвать брачный контракт, и поэтому на тебе женился Омар.

Две женщины смотрели друг на друга через всю комнату, вспоминая тот полдень, когда они ехали вместе в такси давным-давно.

Амира сказала:

— Теперь я понимаю: то, что случилось со мной, когда я была ребенком — похищение, гарем на улице Жемчужного Дерева, — сделало меня такой, какая я есть. Я боялась выходить из дома на улице Райских Дев, боялась снимать свое покрывало. Я даже боялась за своих детей и внуков, когда они выходили на улицу. Возможно, я не смогла выйти замуж за Андреаса Скураса, хотя и любила его, потому что ощущала, что в моем прошлом скрыт какой-то позор.

— И теперь все ваши воспоминания вернулись к вам?

— Бог сотворил чудо, и это произошло. Я могу рассказать тебе теперь, как выглядела моя мать, я могу описать того красивого мальчика, с которым была обручена — принца Абдуллу, который даже посещал меня в моих снах несколько лет тому назад. И я могу даже услышать голос моей матери, которая говорит мне: «Помни всегда, дочь моего сердца, что ты Шариф, потомок Пророка!»

— Вы будете теперь искать свою настоящую семью, ума? Ваших братьев и сестер?

Но Амира покачала головой.

— У меня уже есть моя настоящая семья.

Жасмин улыбнулась.

— Теперь я хочу сходить к своему отцу.

Когда они подошла к улице Райских Дев, Жасмин остановилась на минутку, чтобы собраться с духом. Ее отец был болен, это означало, что все семейство будет здесь; она увидит знакомые лица из далекого прошлого и много новых. Но они не будут для нее незнакомцами. Они все были Рашиды, и она принадлежит им, как и они принадлежат ей.

Когда она вошла в дом, переступив через порог, она почувствовала, что как будто проникла через дверь времени в прошлое, потому что ничто не изменилось: сад, застекленный балкон, массивные резные двери, которые были все те же самые. Она обнаружила в фойе Нефиссу, бросающую неодобрительные взгляды на блюдо, которое один из слуг собирался отнести наверх. Она поглядела на Ясмину, улыбнулась и вернулась к своему занятию. Но потом она вновь повернулась к Ясмине и сказала:

— Аль хамду лилла! Я вижу призрака?!

— Приветствую, тетя, — сказала Жасмин, чувствуя, как забилося ее сердце: эта женщина была причиной ее изгнания, она была виновата в том, что у нее забрали Мохаммеда, и опосредованно виновна в той трагедии, которая произошла в клубе «Кейдж д'Ор».

— Ясмина! — снова вскричала Нефисса, и слезы выступили у нее на глазах, она схватила племянницу в объятия и сжала так сильно, что у Жасмин перехватило дыхание. — Хвала Всевышнему! — воскликнула пожилая женщина. — Он вернул тебя нам!

Когда они посмотрели друг на друга, Жасмин увидела мольбу в глазах своей тети, что напомнило ей о просительном взгляде, который она видела в глазах Грэга в ту ночь, когда у нее произошел выкидыш. Нефисса словно говорила: «Прости меня».

Поэтому Жасмин сказала:

— Мир Бога и Его благословение вам, тетя.

И Нефисса снова закричала:

— Аль хамду лилла! — беря Жасмин под руку и ведя ее вверх по лестнице.

Все поднимались наверх, чтобы увидеть причину этого волнения, и после минутного замешательства со стороны Жасмин увидела, что улыбки прорывались здесь и там, и затем — еще больше улыбок, и, наконец, крики:

— Хвала Богу!

В следующую секунду она была окружена множеством знакомых и незнакомых лиц, руки родных тянулись к ней, чтобы коснуться ее, как будто они все хотели заверить себя, что это действительно она.

Когда она увидела Тахию, она протянула к ней руки, и они обнялись.

— Хвала Всевышнему, — сказала Тахия. — Он вернул нам тебя!

— На самом деле это умма вернула меня, — сказала Жасмин, и, поскольку все смеялись, она подумала о том, как сообщить Тахии о Захарии и о том, что его последние мысли перед смертью были о ней.

— Как мой отец?

Тахия покачала головой.

— Он ничего не ест и не пьет. Он даже ни с кем не разговаривает. Это случилось в годовщину взрыва бомбы — ты знаешь об этом?

Жасмин кивнула. Бомба, которая убила ее сына, официанта и двух музыкантов. Омар тоже умер. Еще один пострадавший оказался не родившимся ребенком жены Ибрагима, Атии.

— Сегодня ему хуже, чем было раньше, — сообщила Тахия, когда вела Жасмин к комнатам Ибрагима. — Он обычно впадает в депрессию на несколько дней, а затем выходит из нее. Но эта продолжается уже две недели. Я думаю, что он хочет умереть, а Бог ему запрещает.

Жасмин вошла в спальню и была поражена тем, что все там было ей знакомо: так же, как сад и холл, комнаты Ибрагима не изменились с тех пор, как она приходила сюда в гости, когда была маленькой девочкой. Но они казались теперь меньше, чем она помнила, и были уже не такими пугающими. Мужчины, которые постоянно дежурили в комнате, ошеломленные, поднялись со своих мест, когда увидели ее, и Жасмин опять обнимали — ее дяди и кузены, знакомые и незнакомые. Они вышли из комнаты и закрыли за собой дверь. Жасмин осталась наедине со стариком, лежащим на кровати.

Она была потрясена, увидев, как сильно постарел Ибрагим. Почти не осталось и следа от того красивого зрелого человека, которого она помнила как своего отца. Он выглядел даже старше, чем Амира, его мать.

Она села на край кровати и взяла его руку. И в тот момент, когда она прикоснулась к нему, она почувствовала, что весь трепет, все сомнения и весь ее гнев тают. То, что случилось в прошлом между ней и этим стариком, закончилось; это было предначертано, и это случилось. Но теперь наступило будущее, и его они должны встретить вместе.

— Папа, — позвала она тихо.

Тонкие веки затрепетали и открылись. Он уставился в потолок на мгновение, затем посмотрел на Жасмин. Его глаза округлились:

— Бисмилла! Мне снится сон?! Или я мертв?! Алиса, это ты?!

— Нет, папа. Я не Алиса, я Жасмин. Ясмина, — поправила она себя.

— Ясмина? О... — Он закашлялся. — Ясмина? Дочь моего сердца? Это действительно ты? Ты вернулась ко мне?!

— Да, папа. Я вернулась. И семья рассказала мне, что ты ничего не ешь, что ты заставляешь себя болеть.

— Я — проклятый человек, Ясмина. Бог отказался от меня!

— При всем уважении к тебе, папа, это неправда. Посмотри вокруг себя, на этот великолепный дом и на его обстановку, на людей, которые собрались за твоей дверью. Ты считаешь, что такие богатства могут быть у проклятого человека?

— Я довел Алису до самоубийства, и я не смог простить себя!

— У моей матери была болезнь, которая называется клинической депрессией. Я не знаю, смог бы кто-нибудь из нас помочь ей.

— Я ни на что не годен, Ясмина.

— Папа, если ты будешь лежать здесь и чувствовать жалость к самому себе — это не поможет. Знаешь, Бог изменяет тех, кто изменяется сам. С какой стати Бог будет беспокоиться о человеке, который лежит в постели и ничего не ест?

— Ты нечестива и непочтительна, — сказал он, а сам улыбался, произнося эти слова, и слезы мерцали в его глазах. — Ты вернулась, Ясмина, — сказал он, лаская ее лицо дрожащей рукой. — Ты действительно теперь врач?

— Да, папа, и очень хороший.

Он, казалось, расслабился, лежа на подушках.

— Это хорошо, Ясмина, — сказал он, и его рука нашла ее руку. — Ты знаешь, я оглянулся на свою жизнь. Ты знаешь, что Сахра нашла меня около моего автомобиля среди сахарного тростника, утром, после того как родилась Камелия? Меня рвало, я выпил слишком много шампанского. Ей-богу, — он покачал головой, — я выпил за нового члена семьи

Рашидов! Она дала мне воды, а я подарил ей белый шарф. Годом позже, ночью, когда ты родилась, она отдала мне своего сына. — Он посмотрел на Жасмин. — Это был Захария.

— Да, умма рассказала мне.

— Ясмина, ты помнишь короля Фарука?

— Я вспоминаю большого человека, который давал нам конфеты.

— Тогда были невинные времена, Ясмина. А может, и нет... Я в то время был не очень хорошим врачом, ты знаешь. Но позже я стал хорошим врачом. Вы знаете, когда это было, когда я изменился? Это случилось, когда ты начала помогать мне в моем офисе. Я хотел, чтобы ты гордилась мной. Я хотел научить тебя всему правильному.

— Ты хорошо меня учил.

— Ты знаешь, я прожил свою жизнь, стараясь угодить своему отцу, даже после того, как он умер. И теперь мне предстоит скоро встретиться с ним. Интересно, как он примет меня?

— Как отец принимает сына, — сказала она. — Папа, ты должен примириться с Богом.

— Я боюсь, Ясмина. Тебя огорчает, что твой отец допускает подобное? Я боюсь, что Бог не простит меня.

Она улыбнулась и погладила его седые волосы.

— Все, что мы делаем, давно предначертано. Все, что случается, было суждено еще до нашего рождения. Найди успокоение в этой мысли и в знании, что Бог милосерден и сострадателен. Проси Его в смирении, и Он предоставит тебе мир.

— Он простит меня, Ясмина? Ты прощаешь меня?

— Бог простит, — сказала она. И тихо добавила: — Да, папа, я прощаю тебя.

Она наклонилась и обняла его, спрятав лицо у него на шее. Они плакали вместе, потом она вытерла его щеки и сказала:

— Я собираюсь проследить, чтобы ты поел.

Он снова начал плакать, но при этом улыбался, а затем вдруг рассердился.

— Я потратил впустую свои годы! Я обращался со временем, как будто это дешевый товар. Посмотрите на меня — я глупый старик! Где Нефисса с моим супом? Где эта женщина?

Когда Жасмин встала с кровати, дверь спальни открылась и вошли три человека. Сначала Дахиба, улыбаясь и говоря:

— Мама сказала нам, что ты вернулась. Хвала Господу!

За ней вошла Камелия, на ее лице отражалась целая палитра противоречивых эмоций. Жасмин прочитала осторожную радость, но также настороженность. Но она была поражена, увидев, как мало изменилась ее сестра: Камелия была по-прежнему высокой и яркой — все та же очаровательная кинозвезда.

И затем вошла молодая женщина, хромая из-за протеза, который она носила. Жасмин пришлось схватиться за один из столбиков кровати. Зейнаб, ее дочь!

— Здравствуй, Зейнаб, — сказала она. Жасмин посмотрела на Камелию и встретила взглядом с глазами своей сестры. Затем она улыбнулась девочке и произнесла: — Я твоя тетя Ясмينا.

— Хвала Господу! — отозвалась Дахиба, и слезы покатились по ее щекам. — Мы снова — семья! Мы должны отпраздновать это, мы устроим вечеринку!

Но была одна вещь, которую Жасмин необходимо было сделать в первую очередь. Она дала водителю такси адрес, и несколькими минутами позже уже шла по коридору одного из старых зданий Каира, внимательно читая названия на дверях, пока не увидела скромную вывеску с надписью «Фонд Тревертон». Маленькая приемная вмещала стол, стулья и эмблемы «ВОЗ», «ЮНИСЕФ» и «Фонд помощи детям» на стенах. Молодая, хорошо одетая египтянка подняла на нее глаза и улыбнулась.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросила она по-английски.

— Я хотела бы узнать местонахождение одного из ваших прежних сотрудников, — ответила Жасмин. — Мы работали вместе в Верхнем Египте, и я подумала, может, вы могли бы помочь мне.

— Назовите его имя, пожалуйста.

— Доктор Деклан Коннор.

— О да, — воскликнула молодая женщина. — Он находится в Верхнем Египте.

— Верхний Египет! Вы хотите сказать, что доктор Коннор здесь?!

— Он находится в Аль Тафии, госпожа.

Жасмин едва могла сдерживать свое волнение.

— Вы случайно не отправляете туда завтра самолет с медикаментами?

— К сожалению, нет, госпожа.

Жасмин попробовала все просчитать. Она могла полететь на самолете в Луксор, но тогда ей придется ехать на машине в Аль Тафию. Иногда самолеты оказывались ненадежными, впрочем, как и дороги. Она должна была добраться к Деклану настолько быстро, насколько это возможно. Оставался ночной поезд.

* * *

Жасмин шла по знакомым узким переулкам, мимо деревенского колодца, где сплетничали женщины, и, когда она проходила мимо кофейни Валида, она внезапно перенеслась на пять лет назад и почувствовала себя так, как будто оказалась здесь впервые.

Она остановилась, когда подошла к клинике, где феллахи терпеливо ждали на скамьях у стен здания, женщины с одной стороны, мужчины с другой. Дверь была открыта; Жасмин заглянула внутрь.

Коннор был там, он прикладывал стетоскоп к груди ребенка, который сидел на столе под настороженным взглядом своей матери. Жасмин наблюдала, как аккуратно Деклан обращался с ребенком, подбадривая его, рассказывая, что с настоящего времени он должен быть осторожен с тем, что он ест. Затем он объяснил матери, что мальчик в порядке, это пищевое отравление средней тяжести, и что она должна следить за тем, что именно он берет в рот. Глядя на Деклана, Жасмин поразились, как мало он изменился. И ей также захотелось рассмеяться: его арабское произношение было по-прежнему ужасным.

— Вот и все. Теперь можете идти, — сказал он и, когда посмотрел в сторону двери, замер. — Жасмин!

— Здравствуй, Деклан. Я...

Он сгреб ее в охапку и крепко поцеловал в губы.

— Мой Бог, Жасмин! Я все думал, когда же ты вернешься. Я пытался искать тебя!

— Я писала тебе в «Найт Фармасьютикалс».

— Я не поехал в Шотландию, — сказал он, держа ее за руки, и все никак не мог наглядеться на нее. — Я завербовался

на плавучий госпиталь на год в Малайзии. Когда я вернулся в Египет, мне сообщили, что ты уехала в Англию из-за малярии. Я поехал в Лондон, и мне сказали там, что Фонд предоставил тебе отпуск и ты уехала в Калифорнию. Я не мог вспомнить фамилию твоей подруги Рахель, поэтому попытался найти тебя через Калифорнийскую медицинскую ассоциацию, а затем через Американскую медицинскую ассоциацию. Я даже попробовал искать через медицинский факультет. Наконец я пошел в дом на улице Райских Дев, где, как ты сказала, когда-то проживало ваше семейство. Они дали мне адрес Ихцака Мисрахи в Калифорнии, я написал ему, и он ответил мне, что ты вступила в организацию «Латроп».

— О нет! — сказала она. — Я поехала в Перу с независимой группой врачей помогать жертвам холеры. Эта экспедиция финансировалась организацией «Латроп», но я не была ее членом. Деклан, я тоже пыталась найти тебя, я даже написала...

— Не бери в голову, — сказал он, целуя ее снова, в то время как феллахи наблюдали за ними из дверного проема: ум Тьюфик, и Халид, и старый Валид, смеясь и соглашаясь друг с другом, что время пришло.

* * *

Свадьбу праздновали в доме на улице Райских Дев. Все Рашиды должны были принять участие в традиционном праздновании, которое включало сложную процессию зеффа, сопровождаемую банкетом с сыром, салатом, жареным ягненком, шашлыком, паровым рисом с бобами; сладкими десертами и кофе. А в это время комики, акробаты и танцовщицы развлекали Жасмин и Деклана, которые сидели на тронах: он в смокинге, а она в свадебном платье с кружевами цвета абрикоса. Сын Деклана тоже был там, двадцатипятилетняя копия своего отца и недавний выпускник Оксфордского университета; он был вовлечен в живую дискуссию с Ибрагимом, который учился в этом учебном заведении пятьдесят лет тому назад.

Рахель Мисрахи приехала аж из Калифорнии, чтобы попасть на эту свадьбу, а ее отец, Ихцак, сопровождал ее. После того как он показал ей дом по соседству, где он когда-то родился и который был теперь посольством африканской

республики, он часами сидел и вспоминал с Ибрагимом те времена, когда они были мальчиками, и Рахель была очарована, впервые услышав, как ее отец говорит на арабском языке.

Камелия и Дахиба танцевали дуэтом, который был частью их выступления много лет назад, а Якоб гордо наблюдал за ними, сидя рядом с сыном, Наджибом, теперь уже полненьким, но красивым одиннадцатилетним мальчиком. Но его падчерице, Зейнаб, было трудно сосредоточиться на выступлении своей матери из-за кузена по имени Самир, привлекательного молодого человека, который заставил ее потерять сон в последнее время и который теперь улыбался ей с другой стороны салона.

Кветта тоже была приглашена, чтобы предсказать будущее брачующейся пары. Это была уже не та Кветта, которая жила с семьей во времена короля Фарука, и не та, кого Амира посещала в квартале Зейнаб. Это была внучка, а возможно, даже правнучка старого астролога, и с ней была молодая женщина, тоже по имени Кветта.

Двое мужчин наблюдали за празднованием с портретов в позолоченных рамах: Али Рашид Паша, в феске и праздничных одеждах, окруженный женщинами и детьми, серьезно смотрел поверх своих великолепных усов; и король Фарук — молодой, красивый и одинокий.

Сидя под этими портретами, Ибрагим хлопал в ладоши и кричал «Йи Алла!», когда его дочь и сестра исполняли оживленный танец биледи. Его жена, Атия, была снова беременна, восстанавливая его надежду на то, что Бог даст ему сына. Когда он думал, что не может быть более удачливого или более благословенного человека, чем он, Ибрагим увидел, как смеется Зейнаб, и, когда у нее на щеках появились ямочки, это заставило его подумать о Хасане аль-Сабире, о человеке, который породил ее, о человеке, который когда-то был его другом и братом.

Ибрагим разрешил себе наконец подумать о той ночи, когда он выгнал Ясмину, когда мир перевернулся вверх тормашками и он, убитый горем, пошел к дому Хасана. Убийство было не случайным. Ибрагим шел с намерением уничтожить этого человека — человека, который предал дружбу и угрожал чести семьи Рашидов. Ибрагим вспомнил теперь, как даже в самом конце, когда Хасан умирал, он смеялся над

ним. Он смеялся и тогда, когда взял нож и, применив свои навыки врача, удалил «орудие насилия», которое Хасан использовал против Ясины.

Амира тоже хлопала в ладоши во время оживленного танца биледи, чувствуя себя более молодой и более счастливый, чем в течение очень долгого времени. Семейство восстановлено, и снова все они вместе, и, когда она смотрела на Ицхака Мисрахи, которому помогала появиться на этот свет, ей казалось, что Мариям тоже вернулась.

Вспоминая сон, который ей недавно снился и в котором ангел сказал, что она скоро умрет, она задумалась: «Что значит «скоро» для ангела?» Потому что ей еще так много нужно было сделать! Дочь Налы, например, была готова к браку, а внук Абделя Рахмана важный человек, под чьим руководством работает двенадцать человек, будет ей подходящим мужем. Дочь Хоснеи, овдовевшая, с двумя детьми, тоже нуждалась в человеке, который позаботился бы о ней, и Амира думала, что господин Гамал, вдовец, который имеет прекрасную работу в посольстве по соседству, будет превосходным кандидатом. И разве молодой Самир не улыбался Зейнаб очень многозначительно? Амира вспомнила теперь, что он стал бывать в доме довольно часто в последнее время — по какому-нибудь «невнятному» поводу и краснел каждый раз, когда появлялась Зейнаб. Амира подумала: «Я поговорю с его матерью завтра. И затем помогу им с квартирой, если мальчик пока не может себе этого позволить».

Наконец Амира подумала о своих детских воспоминаниях, которые вернулись к ней, о звезде своего рождения, о своей истинной линии семьи. И она пообещала себе, что, когда выполнит свой земной долг, она присоединится к своей матери в раю. Но пока она не могла туда отправиться — не сейчас, когда семья все еще нуждается в ней. В следующем году или, возможно, через год она сделает это!

Барбара Вуд Девы рая

Редактор *М.М. Кольяпина*
Корректор *М.Я. Митичкина*
Технический редактор *С.В. Камышова*
Художник *А.С. Скороход*
Дизайнер *Э.Э. Кунтыш*
Компьютерная верстка *Е.В. Кухтина*

ООО «Торговый дом «Издательство Мир книги»,
Адрес: 111024, г. Москва, ул. 2-я Кабельная, д. 2, стр. 6

Отдел реализации:
Телефон: (495) 974-29-76, 974-29-75. Факс: (495) 742-85-79
E-mail: commerce@mirknigi.ru

Каталог «Мир Книги» можно заказать по адресу:
111116, г. Москва а/я 30 «МИР КНИГИ»,
тел.: (495) 974-29-74, e-mail: order@mirknigi.ru

Подписано в печать 20.06.2006.
Формат 84х108/32. Печать офсетная. Гарнитура ньютон.
Усл. печ. л. 30,24. Печ. л. 18,0. Тираж 25 000. Заказ № 4617051
Отпечатано на ФГУИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

